

ВЕЛИКИЕ

А. М. Зайончковский

Восточная война

1853 -
1856

ТОМ II

Часть первая

ПОЛКОН

ПРОТЯЖИВОСТЬ

ВЕЛИКИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

А. М. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853—1856

ТОМ II

Часть первая

ПОЛИГОН
Санкт-Петербург
2002

Серия основана в 2002 году

- 312 **Зайончковский А. М.**
Восточная Война. 1853—1856. Т. 2, ч. 1.— СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002. — 566 с.: ил. (Серия «Великие противостояния»).

ISBN 5-89173-157-6, т. 2, ч. 1
ISBN 5-89173-159-2

Этот обширный труд известного русского военного историка генерала от инфантерии Андрея Медардовича Зайончковского (1862—1926) является фундаментальным исследованием истории Восточной (Крымской) войны 1853—1856 годов. В нем автор основывался на достоверных документах, стремился показать реальный ход событий по возможности, как он заметил сам, без всяких собственных выводов. Современному читателю эта работа поможет по-новому, не традиционно, как это принято в значительной части нашей исторической литературы, взглянуть на императора Николая I и ряд его современников, а также значительно расширить свои познания об эпохе его правления.

Труд А. М. Зайончковского был издан в России по случаю 50-летия Восточной войны и с тех пор не переиздавался. Настоящее издание выходит в двух томах (второй том в двух книгах). Второй том охватывает период с октября 1853 года (переговоры и начало военных действий России против Турции) до сентября 1854 года (перенос военных действий в Крым). Издание представляет интерес не только для историков, но и для широкого круга читателей, которых интересует прошлое. Все три тома содержат много иллюстраций.

ББК 63.2 (2) 47

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 5-89173-157-6, т. 2, ч. 1 © ООО «Издательство «Полигон», 2002
ISBN 5-89173-159-2 © Сергеев А. В., переплет, 2002

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
Государю императору

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

*С глубочайшим благоговением
всеподданнейше посвящает
автор*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том настоящего труда охватывает собой описание событий от начала войны с Турцией (осень 1853 года) до переноса союзниками военных действий на Крымский полуостров (сентябрь 1854 года). Он разделен на две части: первая — кампания 1853 года и политическая обстановка до разрыва сношений с Англией и Францией и вторая — до решения союзников перенести военные действия к Севастополю и подготовки к этой операции.

Ныне издаваемый второй том настоящего труда имеет тот же характер, как и первый том, т. е. основан исключительно на первоисточниках. При изложении же политической обстановки автор по-прежнему имел главной целью представить фактический ход событий по достоверным документам, по возможности избегая собственных выводов. Наиболее интересные и неизвестные в печати документы приведены в приложении (см. том 2, ч. 2).

Автор приносит искреннюю благодарность своим старым сотрудникам: *Б. Ф. Кутыловскому, Н. А. Болотову, В. В. фон Нотбеку, С. И. Соважу и новому — В. И. Селивачеву.*

А. Зайончковский

26 ноября 1912 года.
С.-Петербург

Император Николай I

Глава I

Дипломатические переговоры до объявления войны (октябрь 1853 года)

Известие о прерванных князем Меншиковым переговорах и об его отъезде из Константинополя со всем составом посольства вызвало в крупных политических центрах Запада встревоженное настроение.

Безрезультатность миссии нашего чрезвычайного посла показала, что роковая минута приближалась, хотя упорство Порты у нас чуть ли не исключительно приписывалось интригам лорда Редклифа, который будто бы действовал на свой личный страх и риск¹.

Впрочем, император Николай отдавал себе ясный отчет в том, что всякое внешнее потрясение может вызвать острый кризис на Востоке. Государь еще 5 апреля написал на докладе графа Нессельроде по поводу разговора канцлера с английским послом: «Я допускаю, что будущность Оттоманской империи не определена. Это выражение правильно, и оно обозначает именно, что невозможно ни предсказывать ее близкого конца, ни утверждать, что он далек. Все неопределенно, и надо готовиться ко всему»².

Тревожное настроение общественного мнения Европы начало проявляться по мере распространения в европейской прессе легенд о невероятно грубом поведении нашего чрезвычайного посла не только по отношению к турецким министрам, но и перед лицом султана все в более яркой и резкой форме. Оно, возбужденное этими легендами, обратилось против России и ее правительства, которым ставило в вину, с одной стороны, завоевательные замыслы, имеющие целью создать угрожающую безопасности всей Европы силу, а с другой — скрытность и лицемерие, будто бы проявленные в том, что истинная цель миссии князя Меншикова не была сообщена европейским кабинетам. Враждебная нам печать постепенно создала какой-то кошмар русского засилья, который угнетал умы и вызывал в них естественное желание дать отпор надвигавшейся грозе.

Однако такое угрожающее для поддержания мира состояние умов в Западной Европе образовалось далеко не сразу, и смело можно сказать, что в начале кризиса европейский мир или война находились в руках императора Наполеона III и лондонского кабинета. «В настоящем положении Франции, — сообщал наш посол в Париже Киселев³, — мир зависит от пристрастного к приключениям ума человека, которого судьба так странно поставила

в ее главе. Людовик-Наполеон, сообразуясь обыкновенно лишь со своими личными вдохновениями, которым он верит и которые считает более верными, чем мнения других, удивит еще мир неожиданным решением, где наибольшая доля будет отведена его звезде и случаю, а не расчету и рассудку. При современном всемогуществе Наполеона в этом странном государстве от него одного зависит мир или война из-за осложнений на Востоке»⁴. С другой стороны, Киселев сообщал, что общественное мнение во Франции и правительство высказываются за поддержание мира; желание правительства идти рука об руку с Англией удерживалось большим к ней недоверием и сомнением в возможности существования с ней искреннего и продолжительного союза⁵. В том же духе высказывался и английский посол в Париже лорд Ковлей, который сообщал в Лондон, что французское правительство не может принять на себя ответственности в побуждении Османской Порты к отказу от русских требований⁶.

Но беспокойный, жаждающий славы ум Наполеона делал свое дело. Несмотря на торжественное сообщение графа Нессельроде, что даже в случае занятия нами княжеств император Николай останется верным своему принципу ничего не предпринимать для уничтожения Османской империи и не искать увеличения русской территории, а также не возбуждать христианских народностей против Порты⁷. Наполеон прилагал большие усилия к тому, чтобы заставить Англию более решительно вмешаться в нашу распрю с турками, и беседы Валуевского в этом направлении в Лондоне давали некоторую надежду на успех задуманного предприятия⁸.

В то же время работа велась и в другом направлении. Наш посол при дворе императора Наполеона отмечал в ряде депеш из Парижа все увеличивающуюся волну общественного возбуждения. Вначале возбуждение это не имело воинственного характера, так как общественное мнение не было правительственными органами достаточно подготовлено к предстоявшей ему роли. «L'opinion est contre la guerre, — писал Киселев 26 мая (7 июня)⁹, — cependant on commence à s'inquiéter de l'issue que peut avoir la complication d'Orient». Через два дня его депеша уже коснулась того неприятельного к России отношения, которое проявляла вслед за английской французская пресса¹⁰. Прошло еще десять дней, и Киселев отмечает уже прямые указания прессы на возможность войны в случае занятия нашими войсками Молдавии и Валахии¹¹. Страна еще спокойна, говорит Киселев в депеше от 22 июля¹², но «мир биржевой и промышленный волнуется и проявляет беспокойство, поддерживая возбуждение в Париже».

В начале сентября Наполеон в разговоре с австрийским послом Гюбнером нашел уже нужным сослаться на общественное

мнение, чтобы объяснить возможный вход французской эскадры в Дарданелльский пролив¹³. Начиная с октября, в депешах Киселева неизменно повторяются указания на крайне задорный и воинственный дух французской прессы, на ее к нам нерасположение и на проявляемую радость по поводу извращенных известий о неудачах наших войск на Дунае¹⁴. Таким образом, работы по подготовке общественного мнения, на которое можно было бы впоследствии, при желании принять близкое участие в возгоравшемся на Востоке пожаре, сослаться и опереться, шли методично и с большим успехом.

Император Николай I
(из собрания А. М. Зайонковского)

Со стороны нашего посла в Париже были заметны некоторые колебания в оценке настроений французского общественного мнения, которые являлись вполне понятными. Это настроение создавалось, с одной стороны, под значительным давлением Англии, союз с которой становился по мере развивавшихся событий все теснее, а с другой — под влиянием настроений Тюильрийского дворца, где император Наполеон не оставлял еще окончательной мечты о сближении с Россией, надеясь расстроить Тройственный союз ее с Австрией и Пруссией. Ему хотелось тем или иным способом уничтожить этот плод и незыблемый памятник Венского конгресса, положившего конец преобладанию Франции в Европе и могуществу первого Наполеона.

В донесениях Киселева эти мечты императора французов отмечаются без должного к ним внимания, как следствие, по всей вероятности, нерасположения государя Николая Павловича к личности Людовика-Наполеона. Признавая за ним заслугу восстановления во Франции порядка, потрясенного революционной смутой 1848 года, император Николай не мог при своем прямом характере примириться с теми приемами, благодаря которым Наполеон III проник в среду государей, и не мог признать в нем равного себе монарха. Все это чувствовалось во взаимных отношениях императора французов и нашего посла, который проявлял неизменную сдержанность даже в тех случаях, когда беседы его с Наполеоном принимали или, точнее, могли принять характер откровенности. Киселев даже отмечал в своих донесениях дружественные попытки императора французов затронуть вопрос

о соглашении, но делал это как-то мимоходом, среди туманных рассуждений на многих страницах о том, что и как он, Киселев, сказал своему собеседнику. Так, в депеше от 7 (19) июня¹⁵ наш посол подробно, хотя несколько и неясно, изложил ход своей беседы с Наполеоном во время данной ему в С.-Клу аудиенции. Здесь заслуживают внимания слова императора французов, относящиеся к возможному случаю отказа Порты подписать требуемую от нее русским правительством ноту. «Вы войдете тогда в Княжества, — сказал Наполеон, — мы же будем поставлены в необходимость остаться у Дарданелл. Но каков будет конец такого положения? Ведь придется сделать что-нибудь, чтобы выйти из него. Придется вступить в соглашение и сообща устроить дело. Что вы думаете об этом?»¹⁶

Киселев оставил без определенного ответа этот вопрос, ограничившись лишь передачей вскользь бывшей беседы графу Нессельроде. Сам же он, по-видимому, продолжал оставаться при точке зрения, высказанной в более ранней депеше¹⁷, в которой Наполеон изображался как человек, странно (*dizarrement*) и случайно поставленный во главе Франции, и как авантюрист, веровавший только в свою звезду и следовавший неожиданным личным вдохновениям, а не рассудку и не мудрой предусмотрительности.

Не подлежит сомнению, что император французов был весьма чувствителен к несколько пренебрежительному к нему отношению петербургского кабинета. Он даже воспользовался случаем, чтобы на балу в С.-Клу высказать это австрийскому послу Гюбнеру¹⁸. «Мой принцип, — заметил Наполеон, — целовать и даже в обе щеки того, кто меня целует. Но если мне дадут пощечину, то я ее возвращаю. Я сказал это Киселеву и теперь говорю вам». Австрийский дипломат добавил, что приведенные слова были высказаны в несколько грустном тоне, который, впрочем, был далек от всякого раздражения. Надо заметить, что этому разговору предшествовали жалобы Наполеона на явно враждебное ему покровительство, которое Россия и Австрия оказывали маленькой Бельгии, несмотря на то что эта страна в своем управлении руководствовалась парламентаризмом, столь противным принципам двух империй, и что в Бельгии нашли приют заговорщики против французского правительства и против порядка, введенного во Франции восстановлением империи.

По мере развития событий Наполеон долго еще колебался стать окончательно на сторону наших врагов. Из беседы Киселева с побочным братом императора французов, герцогом Морни¹⁹, видно, что Наполеон, несмотря на свое соглашение с Англией, стремился к тому, чтобы «жить в самых лучших отношениях с Россией», и что даже известие о занятии нами княжеств не повело к изменению миролюбивого настроения императора французов.

Целый ряд осложнений с каждым днем свидетельствовал все яснее, что вопрос о преобладании нашего влияния в Константинополе, который возник вследствие миссии князя Меншикова, принимает более и более резкую форму и вызывает непримиримое противоречие во взглядах европейских кабинетов; но он долго не влиял на Наполеона, остававшегося верным идее мира и сближения с Россией. Киселев сообщал, что непринятие Портой проекта примирительной ноты, выработанного в Вене, вызвало намерение Французского кабинета высказать ей свое неудовольствие²⁰, а наш отказ в согласии на предложенные Портой поправки был принят в Париже как совершенно естественное явление²¹. Донесение же Аргиропуло князю Меншикову²² подтверждало из константинопольских источников, что Наполеон в разговоре с турецким послом в Диеппе резко отозвался о поведении Порты и столь же резко оборвал Велли-пашу, который коснулся вопроса о желательности входа французского флота в Дарданеллы.

Некоторое освещение поведения императора французов дала беседа князя Горчакова с принцем Наполеоном, происходившая в Штутгарте, куда наш дипломат прибыл накануне отъезда принца. Давнишние близкие отношения князя Горчакова с семейством Бонапартов еще в те времена, когда оно было поставлено под особое покровительство наших дипломатических представителей, дало ему возможность вести с французским принцем беседу, принявшую задушевный характер. Князь Горчаков передал канцлеру весьма подробно все высказанное принцем Наполеоном, оговариваясь, однако, что двухчасовой разговор не претендует на политическое значение, так как собеседники не были никем и ни на что уполномочены²³.

Император Наполеон, сказал принц, вполне разделяет мое сожаление о том, что отношения между Россией и Францией не таковы, какими они должны были бы быть, в видах интересов обеих стран. Наполеон с того момента, как он стал мечтать о власти, и ныне, когда он ее достиг, не переставал думать о том, чтобы сделать соглашение с Россией осью своей политики... Эта мысль является его навязчивой идеей (*idée fixe*), и я уверен, что он готов к ней возвратиться, если бы это было возможно сделать без пожертвования своим достоинством... Изолированное положение погубило Людовика-Филиппа. Нам необходимы союзы. Мы прежде всего стремились к союзу с вами, но, когда это не удалось, Англия предложила нам свой... Пальмерстон пользуется влиянием на императора, льстит его честолюбию и его ненависти (*il le flatte dans ses vanités et dans ses haines*)... У Друэн де Люиса английские очки. Дела в настоящее время зашли слишком далеко, чтобы Франция могла отступить. Предполагая, однако, что император Наполеон, который может многое еще сделать, совершит переворот

в этом отношении, то возможно ли будет рассчитывать на вознаграждение в виде союза с Россией?

Высказав эту мысль, принц внимательно взглянул в глаза князю Горчакову, как бы желая прочесть в них прямой ответ. Длинную речь своего собеседника о необходимости предоставления России преобладающего влияния в Константинополе, которое оправдывается историей и географическим положением, принц слушал, нисколько не протестуя против указаний нашего дипломата и, видимо, не интересуясь судьбами Турции. На вопрос же Горчакова, каковы могли бы быть французские условия будущего союза, он заметил, что династия Бонапартов должна для своего укрепления дать Франции что-нибудь реальное.

— Что стоило бы вам, — сказал принц, — предоставить нам занятие Ниццы и Савойи! Никому не было бы обидно, если бы перестали существовать два или три мелких княжества в Италии, а Австрию можно было бы легко вознаградить в другом месте... Я крепко держусь этой мысли союза двух могущественнейших государств, который стал бы общеконтинентальным, так как к нему не преминули бы примкнуть Австрия и Пруссия...

Беседа эта не имела и не могла иметь последствий. С одной стороны, в Петербурге господствовало большое недоверие к императору Наполеону, а с другой — свершились факты, которые привели к полному охлаждению русско-французских отношений. Киселев писал из Парижа²⁴: «Несомненно, что известное всем лицемерие Людовика-Наполеона и его натура заговорщика (*la nature de conspirateur*) проявляются одинаково как по отношению к его врагам и противникам, так и по отношению к тем, кто ему служит и от кого он все-таки хранит свои тайны; несомненно, что этого лицемерия достаточно, чтобы усомниться в искренности не только его намерений, но и самых его уверений...»²⁵. В том же духе сообщал о настроении Наполеона Фонтон из австрийских источников на основании полученных там сведений из Парижа²⁶. Через несколько дней Киселев указывал²⁷, что руководящей идеей императора Наполеона является мысль использования кризиса для созыва европейского конгресса, который даже в том случае, если бы Франция не получила от него никаких особых выгод, имел бы то значение, что заменил бы трактаты 1815 года, которые в глазах Франции являлись заключенными против нее и для ее унижения. Наш посол прибавлял, что для достижения поставленной себе цели император французов не остановится перед опасностью войны и что Англия, желая быть ему приятной, поддерживает эту идею.

Но и независимо от личных взглядов и догадок наших дипломатических представителей течение дел само собой принимало все более и более опасный для общеевропейского мира характер. Порта, поддерживаемая двумя западными державами, чувствовала, что

Император Николай I
(акварель из собрания А. М. Зайончковского)

Франция и Англия, начав оказывать ей помощь, не могут уже отступить от нее. Она, пользуясь советами английского посла в Константинополе, который, по-видимому, решил обострить конфликт до последней степени, хотя бы для его окончательного решения потребовалось довести дело и до войны, продолжала упорствовать в отказе дать нам приличное удовлетворение. Целый ряд уступок петербургского кабинета не только не привел к желанному результату, но, наоборот, как бы придавал Порте смелости. Она, конечно, была осведомлена о ходе переговоров между парижским и лондонским кабинетами, а эти переговоры не оставляли сомнения в том,

что обе западные державы твердо решили защищать неприкосновенность Османской империи в случае могущей возникнуть опасности. Из депеши Друэн де Люиса французскому послу в Лондоне графу Валуевскому от 5 июня 1853 года²⁸ видно, что обе державы непосредственно вслед за миссией князя Меншикова решили действовать сообща, не останавливаясь перед последствиями. Французскому послу в Константинополе Лакуру была дана инструкция сообразоваться во всем с деятельностью лорда Стратфорда и французской эскадре адмирала де Сюсса действовать во всем согласно с английской эскадрой адмирала Дундаса. Это единение в действиях объяснялось желанием дать дипломатам время и возможность предупредить полный разрыв между нами и Портой и желанием подержать принцип неприкосновенности Турции, положенный будто бы в основу трактата 1841 года; в действительности же все это вело турецкое правительство на путь непримиримости по отношению к нашим требованиям.

Охлаждению отношений между нами и Францией способствовала в особенности полемика Друэн де Люиса, направленная против циркуляра графа Нессельроде от 20 июня (2 июля) 1853 года. Циркуляр этот разъяснял точку зрения Петербургского кабинета на сущность и основание требований, которые были предъявлены Порте князем Меншиковым и нашим правительством, а также объяснял поводы и цель вступления наших войск в пределы Молдавии и Валахии. Циркуляр ссылался на демонстрацию франко-английской эскадры, предупредившей «*мерой действительной*»²⁹ те меры наши, к которым мы предполагали еще только прибегнуть как к условно возможному; эта демонстрация несомненно имела вызывающий относительно нас характер. Циркуляр подтверждал далее, что требование от Порты обязательного дипломатического акта, который признавал бы право России «наблюдать за охранением единоверной церкви на Востоке», являлось лишь последствием нарушения фирманов 1852 года и необходимости новым обязательством обеспечить действительное право России, которое было установлено издревле и подтверждено Кучук-Кайнарджийским трактатом. Допустить, писал граф Нессельроде, признание начала, в силу которого Порта считает несовместимым со своей независимостью всякое дипломатическое обязательство, даже в виде простой ноты, в котором заключалось бы условие, относящееся до религии и церквей, значило бы «собственными руками разорвать договор кайнарджийский, а равно и все те, которые его подтверждают, и добровольно отказаться от права, ими нам предоставленного»³⁰.

Ответ не заставил себя ждать. 3 (15) июля французский министр иностранных дел Друэн де Люис отправил французским послам при европейских дворах циркулярную депешу, появившуюся спустя два

дня в *Moniteur*³¹. Упомянув в кратких словах о том, что граф Нессельроде выразил представителю Франции в Петербурге удовольствие по поводу фирманов, изданных султаном в полное удовлетворение петербургского кабинета, и что то же выражение удовольствия было повторено Киселевым в Париже, французский министр замечал, что последовавшие позднее требования князя Меншикова не имели, следовательно, никакой связи с разрешенным, согласно желаниям России, вопросом о Святых местах и что единственными судьями о приемлемости русских требований являются турецкие министры. Как только последние признали несовместимость требований с независимостью и достоинством Турции, то державам, заинтересованным в сохранении Оттоманской империи, не оставалось ничего более... как послать свои эскадры в Безикскую бухту.

Далее Друэн де Люис переходит к полемике с русским канцлером о сроках принятия обеими сторонами враждебных демонстраций. В то время когда граф Нессельроде письмом от 19 (31) мая сообщал Решиду-паше о намерении, в случае непринятия турками нашего ультиматума, занять княжества, когда это намерение, «как бы для того, чтобы сделать его бесповоротным, было циркуляром 30 мая (11 июня) объявлено Европе», французская эскадра находилась у Саламина, а английская не выходила из Мальтийского порта. «Одно это сравнение чисел, — писал Друэн де Люис, — достаточно для указания, кому принадлежит инициатива, которую ныне пытаются отрицать, сваливая ответственность на Францию и Англию».

Министр Наполеона закончил свою депешу утверждением, что вступление русских войск в пределы Дунайских княжеств не оправдывается, несмотря на наши уверения, ни Адрианопольским трактатом, согласно которому оно было допустимо лишь в случае нарушения Турцией прав Молдавии и Валахии, ни конвенцией, заключенной в Балте-Лимане и допускавшей активное вмешательство России в дела княжеств в случае революционных беспорядков, которые угрожали бы как их спокойствию, так и безопасности России и Турции. Поэтому вступление наших войск в Молдавию и Валахию могло произойти лишь по праву войны, хотя в Петербурге и не желают произносить этого слова. Если бы было иначе, то пришлось бы признать право угнетения сильными государствами своих слабых соседей. Друэн де Люис удивлялся, каким образом столь консервативная держава, как Россия, может придерживаться такого разрушительного принципа. Если же Порты не может, как в данном случае, не видеть в занятии княжеств враждебного действия, то сам собою падает трактат 1841 года, воспрепятствовавший военным судам всех стран входить в мирное для Турции время в Дарданелльский и Константинопольский проливы.

*Англо-французские флаги в
Босфоре — христианская душа
(соврем. литография).*

Вышеприведенные соображения руководителя французской дипломатии подверглись критике нашего канцлера графа Нессельроде в двух его депешах к Киселеву³². Одна из этих депеш удостоилась пометки императора Николая «parfait», а другая — «fort bien». Документы эти интересны не только как изложение точки зрения Петербургского кабинета и как образец дипломатической полемики, но и, главным образом, потому, что в них впервые явственно проявляется недовольство французской политикой и последняя обвиняется вместе с английской в обострении возникших международных недоразумений.

Достоин внимания, что резкое охлаждение отношений с Францией произошло именно в то время, когда сообщения из Вены позволяли надеяться на мирный исход конфликта на Востоке³³.

Граф Нессельроде самым решительным образом оспаривал утверждение Друзн де Люиса, будто нет связи между вопросом о Святых местах и требованиями князя Меншикова, миссия которого имела целью устранение текущих недоразумений и получение общей гарантии на будущее время. Наш чрезвычайный посол в первом своем сообщении Порте упомянул о том и о другом, говоря о необходимости «торжественного акта доверия, ясного и положительного акта гарантии». Требования князя Меншикова для французского правительства не были неожиданными, так как оно еще в марте отправило в Левантийские воды эскадру, и если она не достигла Дарданелл, то единственной причиной этому был отказ Англии присоединиться к задуманной демонстрации. Граф Нессельроде далее ссылаясь на статьи 7 и 14 Кайнарджийского трактата, которыми султан обещал покровительство христианской религии и ее церквям, что, ввиду принадлежности православной религии к христианству, давало России право наблюдать за действительностью упомянутого покровительства православной церкви. Точно так же и Франция со времени Франциска I пользовалась правом наблюдения за отношением Порты к католикам и протоколом 3 февраля 1830 года передала это право греческому королю в пределах возникшего тогда греческого королевства; при этом протокол

определенно говорил о католиках «*soumis au Sultan*», то есть о католических подданных Османского государства. Франция и Англия до последнего времени деятельно вмешиваются в отношения между Портой и ее католическими и протестантскими подданными и притом в форме, которая в другом месте считалась бы несогласной с принципом политической независимости страны. Граф Нессельроде напоминал, что по случаю беспорядков в Триполи Франция, вслед за угрозой бомбардировки турецких берегов, получила необходимое удовлетворение, а также, что военный корабль «*Charlemagne*» еще не так давно вошел, вопреки трактату 1841 года, в Дарданеллы. Канцлер подчеркнул также неправильное трактование Друэн де Люисом трактата 1841 года, который вовсе не выражал принципа неприкосновенности Османской империи, а единственно только взаимное обязательство держав не посылать своих военных судов в турецкие проливы в мирное для этого государства время. Правда, что во вступлении к трактату 1841 года подписавшие его державы, а в том числе и Россия, выразили желание охранить неприкосновенность державных прав султана, и Россия одушевлена таким желанием и поныне, но из этого вовсе не следует, чтобы она была обязана обращаться к вмешательству держав в своих спорах с султаном.

В другой депеше от того же числа граф Нессельроде прямо обвинял западные державы в оказании влияния на окончательное решение Порты посылкой своих эскадр в турецкие воды. Он доказывал ссылками на действия французов в Море, французов и англичан в Бельгии, что мнение Друэн де Люиса о характере занятия Дунайских княжеств является лишним всякого основания, так как европейское международное право во все времена различало войну от понудительных мер, принимаемых одной или несколькими державами против отдельных государств.

Следует заметить, что, отправляя эти депешы, канцлер снабдил Киселева особым предписанием³⁴, в котором он выражал сожаление о необходимости дать столь резкий ответ и предлагал нашему посланнику не предъявлять их по назначению, если он найдет содержание их неподходящим.

Со времени обмена приведенными депешами положение Киселева в Париже и Кастильбажак в Петербурге стало чрезвычайно щекотливым, несмотря на то что оба правительства еще надеялись на сохранение мира. «Я уверен, — писал маркиз Кастильбажак 13 августа³⁵, — что император Николай искренне желает конца спора с Францией и Англией... и, как говорит он сам, сохранения Османской империи; однако он не только не верит в ее сохранение, но верит в неотвратимое и близкое ее падение. Вопрос об очищении княжеств и ухода эскадр является для императора Николая вопросом самолюбия, и он не прочь был бы видеть нас уходящими раньше его».

Надежда уладить дело мирным путем не оставляла еще руководящие сферы французской политики. «У нас во Франции, — писал директор департамента политических дел министерства Друэн де Люис Тувенель маркизу Кастельбажаку 1 августа, — все желают мира»³⁶, а в другом, более раннем, письме³⁷ объяснял, что французская политика стремится к соглашению с Россией, желая предупредить в этом отношении другие державы. В одном из июльских своих писем³⁸ Тувенель подчеркивал, что строгий (*farouche*) циркуляр Друэн де Люиса, приведенный нами выше, вовсе не является признаком воинственного настроения, «не изменяет наших чувств, и мы всегда желаем мира». Лучшим выходом, по мнению Тувенеля, было бы принятие французского проекта ноты, предложенного в то время рассмотрению представителей держав в Вене. «Вот прекрасный для России случай, — замечает Тувенель, — сблизиться с Францией, предать некоторые вещи забвению и, может быть, положить основание действительному союзу. Поймут ли нас там, где вы находитесь?..»

Император Николай относился к французскому послу особо милостиво и устаивал его откровенными беседами. Государь, возвращаясь к, видимо, мучившей его мысли о близком падении османского владычества в Европе и о последствиях столь серьезного исторического события, указывал генералу Кастельбажаку на необходимость предупредить возможную опасность предварительным соглашением с императором французов. Маркиз Кастельбажак изложил одну из таких бесед в письме к Тувенелю от 17 августа³⁹, в котором отметил, что возникший кризис поставил в глазах императора Николая восточный вопрос на очередь исторических задач во всей его широте. «Император Николай объявил мне, — пишет генерал Кастельбажак, — и подтвердил это честным своим словом, что он не желает завоеваний и что падение Турецкой империи создало бы для России более затруднений, чем для других держав». Государь желал лишь избежать осложнений, стремился к возможно мирному разрешению надвигавшейся грозы и сообщил Кастельбажаку, что Киселеву будет предложено затронуть этот вопрос при встрече с императором Наполеоном.

Является не подлежащим, таким образом, сомнению, что одновременно в Петербурге и в Париже существовало сознание пользы не только соглашения, но и союза. Однако в самом представлении об основаниях и целях соглашения заключалось, несмотря на такое настроение, столь глубокое различие, что осуществление обоюдных мыслей было невозможно. Ближайшие события показали, что пути России и Франции расходятся в противоположные стороны и что если и возможно ожидать их встречи, то лишь в отдаленном будущем.

Оттоманская Порта во время пребывания в турецкой столице князя Меншикова чуть ли не ежечасно прибегала к советам великобританского посла в Константинополе лорда Стратфорда де Редклиф, который по своему влиянию на султана и его министров играл там совершенно исключительную роль. Ряд депеш, отправленных им своему правительству, свидетельствует об этом без всякого сомнения. Достаточно прочесть донесения Редклифа от 10 и 15 мая⁴⁰ по поводу аудиенции у султана и благодарности Порты за оказанную ей поддержку, чтобы убедиться в том, кто был настоящим руководителем оттоманской политики в споре с Россией.

Отъезд князя Меншикова из Константинополя не был неожиданностью для лорда Редклифа, который не только не проявил при этом событии никакого смущения, но быстро успел побороть также растерянность турецких сановников с Решидом-пашой во главе. Великобританский посол секретно сообщил султану⁴¹, что средиземные морские силы Англии явятся, в случае опасности, на помощь Турции, и тотчас же вслед за отъездом князя Меншикова созвал послов четырех держав на совещание для обсуждения происшедшего события⁴². На этом совещании под влиянием лорда Редклифа была подписана представителями великих держав следующая декларация:

«Представители Австрии, Великобритании, Франции и Пруссии в ответ на желание его высочества Решида-паши узнать их мнение о проекте ноты, присланной ему частным образом князем Меншиковым, выражают свой взгляд, что в вопросе, столь близко затрагивающем свободу действий и верховные права султана, Решид-паша является лучшим судьей того, что нужно предпринять; представители же держав не считают себя при настоящих обстоятельствах уполномоченными высказывать свое мнение».

Послы, подчеркивая в этой декларации связь предлагаемой ноты с верховными правами и свободой действий султана, в сущности, высказали все, что было нужно и что имело все признаки полной солидарности великих держав во взглядах на возбужденный вопрос. Такая солидарность существовала в действительности, и не в этом заслуга лорда Стратфорда; но он сумел воспользоваться обстоятельствами, чтобы ее объединить, вывести наружу и этим придать бодрость духа растерявшемуся визирю. Он достиг своей цели, и Порта, уверенная в поддержке Европы, не пошла ни на какие дальнейшие уступки.

Следует отметить, что деятельность лорда Редклифа всегда и во всем встречала поддержку великобританского правительства. В ряде депеш, которыми он обменялся со статс-секретарем по иностранным делам лордом Кларендоном⁴³, не встречается ни одного слова, которое свидетельствовало бы о малейшем между ними

Император Николай I
(статуэтка из собрания
А. М. Зайончковского)

недоразумении. Поэтому в высшей степени странное впечатление производят донесения нашего посла в Лондоне барона Бруннова, который пытался неоднократно отделить политику великобританского кабинета от политики его константинопольского представителя.

Барон Бруннов, блестящий стилист, в своих донесениях руководствовался, по-видимому, принципом Талейрана, утверждавшего, что способность речи дана человеку для того, чтобы скрывать свои мысли. Нельзя, впрочем, сказать, чтобы барон Бруннов скрывал истину: он ее говорил, но сопровождал столь разнообразными соображениями и побочными сведениями, что среди них ее было мудро отыскать. В настоящее время сделать это, конечно, легко, но современникам, удаленным от места действия, задача в этом отношении представлялась иногда

прямо неразрешимой. Убаюкивающие фразы и рассуждения мешали сосредоточиться на существе дела.

Несомненно, что некоторое влияние на настроение барона Бруннова должна была оказывать нерешительность главы английского кабинета лорда Абердина; он, отличаясь английским складом консервативно-религиозных убеждений, смотрел на события с настолько отвлеченной точки зрения, что его речи невольно могли вводить нашего дипломата в заблуждение относительно течения дел. Однажды лорд Абердин успокаивал нашего посла, говоря⁴⁴: «There shall be no war! There can be no war!»⁴⁵. В другой раз он уверял его, что английскому представителю в Константинополе им дан высший руководящий завет⁴⁶ — «do not quarrel with Russia»⁴⁷. Лорд Абердин спрашивал также у барона Бруннова мнения относительно значения конвенции о проливах 1841 года, читал в заседании Совета министров «меморию», принадлежавшую перу нашего дипломата, и вообще вел себя в сношениях с ним

так, что барону Бруннову иногда в самом деле могло показаться, что мы выйдем «*honorablement et pacifiquement de la crise orientale*». И, действительно, лорд Абердин неоднократно говорил, что никогда не кончит своей политической деятельности «ведением революционной войны, войны против общественного порядка» («*guerre subversive de l'ordre social*»).

Следует, впрочем, заметить, что барону Бруннову было очень легко убедиться в беспочвенности уверений лорда Абердина, но характер всей переписки нашего посла с канцлером давал слишком мало надежды на это. Барон Бруннов имел обыкновение отправлять вместе с официальными депешами частные письма графу Нессельроде, и весь интерес его донесений сосредоточивался именно в этих письмах.

Его письмо от 13 (25) мая⁴⁸ излагает разговор с лордом Кларендоном, который не оставляет сомнения в действительных намерениях и взглядах великобританского кабинета. Но это письмо начинается вступлением, которое ослабляет смысл и значение самого разговора, весьма важного по своему существу.

Свое вступление барон Бруннов посвящает характеристике настроений английских министров, причем относительно лорда Кларендона наш посол говорит, что он «был бы совершенен» («*serait parfait*»), если бы не его боязнь газет, палат и вообще общественного мнения. Поэтому, поясняет письмо, «Кларендон, не имея ни малейшей неприязни к нам, делается нашим противником единственно вследствие боязни потерять кредит у публики». А между тем этот «совершенный» министр дал очень недвусмысленно понять нашему послу, что великобританский кабинет видит в требованиях князя Меншикова безусловный повод к войне, в которой Англии придется принять активное участие. Барон Бруннов, вместо того чтобы подчеркнуть именно это значение слов английского министра, посвящает дальнейшее содержание своего письма «простым, ясным и серьезным» своим собственным рассуждениям, которыми он полагал переубедить великобританских государственных деятелей.

Как раз в день отправления этого письма было получено в Лондоне известие об отъезде князя Меншикова из Константинополя.

20 мая (1 июня) барон Бруннов начинает свое послание канцлеру⁴⁹ невероятным заявлением о собственных заслугах. «Еще раз, — пишет он, — я сумел удержать Англию в положении мудрой неподвижности в то время, когда Франция делала все усилия, чтобы заставить ее выйти из бедствия»⁵⁰. Правда, далее говорится о непрочности достигнутого, но вслед за этой фразой начинаются уверения, что Великобритания не только будет ждать с почтением и доверием решений императора Николая, но, «когда император примет свои решения, то Англия будет сообразовывать с ними

свои собственные» («у conformera les siennes»). Это сообщение обозначило, как будет видно из дальнейшего, что в случае вступления наших войск в Придунайские княжества английская эскадра приблизится к Дарданеллам. Далее в письме речь идет о бессмыслии турок, о великолепном меморандуме автора письма, долженствующем остаться в истории памятником «сладких слов, ясных мыслей и твердых истин», о том, что Англия без Австрии не сделает никакого решительного шага, так как «боится быть вдвоем с Францией», о том, наконец, что невозможно вести хорошую политику «в сумасшедшем доме», где лорды Мальмсбюри и Гардвик толкают на морскую демонстрацию, и т. д.

Меморандум⁵¹, о котором идет речь в письме, интересен как образец того, что у нас в первой половине девятнадцатого века считалось высшим дипломатическим искусством, и потому неудивительно, что представленный графом Нессельроде государю экземпляр труда барона Бруннова удостоился следующей пометки: «Il est impossible de mieux rendre le véritable état de la question... c'est parfait, oui, c'est bien cela, c'est toute la vérité».

Документ этот, заслуживший столь лестный отзыв императора Николая I, действительно представляет верное отражение благородного образа мыслей государя и этим невольно подкупает всякого в свою пользу. Но, как известно нам и как несомненно должно быть известно барону Бруннову, с которым английские министры объяснялись совершенно откровенно, они вовсе и не сомневались в образе мыслей государя, в его благородстве и верности данному слову. Они лишь думали, что в исторический момент, когда лицом к лицу становятся резко противоположные интересы государств, судьбы народов переходят за грани человеческой воли, будь то воля даже могущественнейших и величайших вождей государств. Они знали и были убеждены, что император Николай не стремился к завоеваниям, но они также знали, как, впрочем, знал и говорил и сам государь, что в случае войны на Востоке может возникнуть общеевропейский кризис, последствия которого предвидеть невозможно.

Барон Бруннов не обращает внимания именно на это важнейшее обстоятельство, и записка в своем стремлении убедить английских государственных людей в том, в чем они и так были убеждены, противопоставляет одни только громкие слова серьезному факту непримиримости русской и английской точек зрения на спорный вопрос. Блестящее изложение рыцарских чувств и мыслей государя удостоилось лестной для автора записки пометки, но петербургский кабинет остался в том же неведении относительно истинного взгляда великобританского правительства на программу наших действий против Турции, в каком пребывал и прежде.

Сущность этой интересной записки, изложенная словами самого автора, сводится к следующему: «Султан не сдержал слова,

данного императору Николаю. Его Величество счел необходимым потребовать удовлетворения за оскорбление, нанесенное его достоинству. Для такого удовлетворения государь избрал мирный путь, предпочитая его немедленно применению силы. Он, требуя удовлетворения посредством убеждений, а не путем неприязненных действий, исключительно стремился охранить православную церковь в Турции от ущерба и оскорблений, предметом которых она несправедливо и открыто стала в последнее время. Государь признал, что для достижения этой цели простой фирман был бы недостаточен ни в смысле удовлет-

Император Николай I
(из собрания В. В. Эллерса)

ворения за прошлое, ни в смысле предупреждения повторения обид в будущем. Вследствие этого решено было потребовать и получить от Порты формальный акт, акт разъяснения (*acte explicatif*). Этот акт должен был, по мысли государя, лишь служить подтверждением прав, которыми пользовалась на Востоке православная церковь. Император Николай не требовал ни большего, ни меньшего. Он желал, чтобы осталось нетронутым то, что уже существует, и чтобы исповедуемая Россией религия была свободна, уважаема и неприкосновенна под оттоманским владычеством. Его Величество домогается этой гарантии; он советует Порте дать ее в интересах упрочения внутреннего спокойствия в Оттоманской империи и в интересах прочного мира с Россией».

Барон Бруннов, ссылаясь в конце своего меморандума на лондонский протокол 1 (13) июля 1841 года, замечает, что во вступлении к этому документу державы высказали желание дать султану доказательство уважения к его верховным державным правам, и выводит отсюда заключение, что лучшим доказательством в данных обстоятельствах упомянутого уверения было бы не ставить препятствий тому, чтобы султан исполнил свои обещания по отношению к дружественной соседней державе.

Дело, однако, в том, что ни Порты, ни западные державы не признавали самого существования таких «обещаний», толкуя Кучук-Кайнарджийский договор по-своему и не находя в нем тех

обязательств по отношению к России, на которые указывал петербургский кабинет. Западные державы смотрели на дело проще. Они находили невозможным, как и во времена Ункиар-Искелесского договора, допустить на Ближнем Востоке исключительное преобладание русского влияния. Они решились, видя в требованиях князя Меншикова одно из проявлений стремления к такому влиянию, противодействовать ему всеми силами и всеми средствами. Спор шел вовсе не о значении Кучук-Кайнарджийского договора и даже не о значении требуемого князем Меншиковым сенеда, а о том, будет ли Россия единственной решительницей политических судеб Балканского полуострова и его народностей или же только участницей некоторого, так сказать, главенства держав над этим полуостровом. Западными дипломатами и даже европейским общественным мнением вопрос прямо так и ставился; наша же дипломатия этой стороной дела пренебрегала и даже ее вовсе отрицала, нечаянно проговариваясь лишь, как будет отмечено ниже, об ее существовании.

Барон Бруннов был несомненно человеком выдающегося ума, а потому является загадкой причина такого одностороннего доклада. Сам автор, препровождая меморандум графу Нессельроде, выразил желание, «чтобы он хранился в архивах, как доказательство верной интересам и чести России его службы»⁵², но навряд ли мы ошибемся в предположении, что автор мемуара, забывая интересы и службу царя и России, думал только о том, чтобы блестяще изложить мысли государя, а не представить действительную и серьезную картину положения.

Конечно, барон Бруннов понимал настоящую подкладку возникших недоразумений. Он шел даже, пожалуй, далее того, что думали в Петербурге. В письме графу Нессельроде от 26 мая (7 июня)⁵³ он писал: «Мы решительно приближаемся к эпохе, когда придется называть вещи их истинными именами. Я прошу вас, когда эта минута наступит, принять во внимание мысль, которая уже некоторое время представляется моему уму. Дайте восточным делам новое имя. Назовите их — восстановлением христианства в Турции. Здесь нам более всего в общественном мнении вредит то, что в Англии все думают о возможности политического раздела, при котором России достанется крупнейшая доля. Новое имя должно вызвать в Лондоне несогласие. Кризис будет серьезен, но будет большая выгода применить к делу религиозные симпатии, которые здесь пользуются известным уважением». Далее автор письма говорит, что Англия более всего боится, чтобы в случае нашего успеха ее торговля не пострадала от русского тарифа. «Вот почему для Константинополя опасаются не столько наших солдат, сколько наших таможенных чиновников. Если бы здесь надеялись, что политическая перемена в Турции была бы возможна

без нанесения ущерба свободе торговли, то траур по великим отоманам был бы скоро забыт...»

«Все это более мелко и меркантильно, чем политично», — с оттенком презрения кончал свое письма барон Бруннов, еще раз уверяя графа Нессельроде, что Англия не боится нашего сенеда, но боится тарифа, конечного результата наших «notes verbales».

Замечательно, что наш дипломат продолжал при столь определенном взгляде на вещи убаюкивать в своих официальных донесениях и даже в частных письмах графу Нессельроде Петербургский кабинет в полном, безусловном миролюбии Англии, а также и в том, что великобританский посол в Константинополе действует, в сущности, на свой страх и риск при неодобрении лондонского правительства, которое не высказывается только вследствие побочных обстоятельств.

Так, 26 мая (7 июня) в том же письме, где говорится о приближении времени, когда придется называть вещи их истинными именами, барон Бруннов уверял, что, хотя английское правительство и не решается публично отречься от своего константинопольского посла, но что «частные» письма лорда Кларендона «conjurent Stratford d'arriver a une conclusion a l'amiable». В позднейшем письме от 7 (19) июня, т. е. написанном спустя более недели после того, как барон Бруннов был официально уведомлен о подчинении английской средиземной эскадры Стратфорду Редклифу⁵⁴, он советует графу Нессельроде не принимать к сердцу депеш лорда Кларендона. «Читая их, думайте всегда, что они написаны не для вас, а для того, чтобы когда-нибудь фигурировать в Синей книге парламента»⁵⁵. Если граф Нессельроде действительно следовал указаниям своего лондонского ученика и друга, то все то, что заявлял нашему канцлеру английский посол в Петербурге, должно было ему казаться не имеющим серьезного значения.

Впрочем, в начале июня надежды на мирный исход конфликта не были еще никем потеряны. В Лондоне назрел план отправления в Петербург чрезвычайного посла, и лорд Абердин называл даже как предполагаемых кандидатов для выполнения этой миссии лордов Каннинга или Кланрикорда⁵⁶. На следующий день глава английского кабинета разговаривал с нашим послом об этом предмете подробнее⁵⁷. Он сказал, что целью такой чрезвычайной меры было бы непосредственное обращение к императору Николаю с проектом некоторого изменения *в словах*⁵⁸ предложенной князем Меншиковым Порте ноты, без изменения смысла и значения самого акта. Барон Бруннов на это возразил, что нельзя надеяться на изменение хотя бы одного слова, что он сам себя устраняет от всякого участия в деле, но полагает, что задуманная миссия могла бы иметь единственный шанс на успех лишь в том случае,

если бы до ее отъезда английский флот оставил турецкие воды и ушел обратно к острову Мальта.

Прочтя это письмо, государь пометил на нем: «Ici je trouve, que Brounnow n'a pas répondu juste; ce n'est pas seulement la flotte qu'il s'agit d'éloigner. Il aurait dû dire, que c'est a Constantinopole qu'il faut insster pour que l'on signe de suite. Ici il n'y à rien a faire que protester, conne nous le faisons et comme nous ferons».

Такое отношение государя является вполне понятным, если принять во внимание чувство правоты и оскорбленного Портой достоинства, а также основанное на депешах барона Бруннова убеждение в несогласиях, будто бы существовавших между великобританским правительством и лордом Стратфордом, и в несерьезности английских намерений поддержать Порту в ее спорте с Россией. Миролюбие и прямотушие императора Николая несомненно привели бы к другому исходу, лишь бы последний оградил надлежащим образом достоинство государя и государственную честь России.

Замечательно, что именно в то время, когда император Николай начертал на депеше Бруннова вышеприведенную пометку, им же на проекте частного письма бывшего нашего посланника в Константинополе Титова лорду Стратфорду Редклифу было написано: «C'est admirablement bien dit»⁵⁹. Несомненно, письмо это являлось и по тону, и по содержанию попыткой примирения и разъяснением истинного смысла наших требований, не угрожавших ни верховным правам султана, ни интересам других государств. Оно было написано в ответ на поздравление, присланное лордом Редклифом нашему дипломату по случаю праздника Пасхи. Редклиф воспользовался этим, чтобы затронуть вопрос о возобновлении русско-турецких дипломатических сношений, и письмо Титова является разъяснением, почему этого невозможно сделать до удовлетворения султаном требований, предъявленных князем Меншиковым. Правда, в письме заметно слишком яркое подчеркивание фактического преобладания России на Востоке, а также предсказывается, что в случае войны гибель Оттоманской империи неминуема, но, с другой стороны, приводятся убедительные доказательства умеренности России в пользовании своим влиянием, ее миролюбия и отсутствия мысли о каких бы то ни было завоеваниях. Опасностью для нас, пишет Титов, могла бы стать лишь коалиция держав. «Но для того чтобы отстранить эту опасность, достаточно будет государю императору провозгласить перед лицом всего мира, что его величество не желает увеличивать своих владений территориальными останками Турции. Будьте уверены, что мир поверит этому слову и что у нас не будет недостатка ни в национальных симпатиях, ни в союзниках».

Рабочий кабинет императора Николая I

Если, несмотря на такие убеждения в своем могуществе и в невозможности коалиции, несмотря на неточные донесения барона Бруннова, создающие превратное представление об английской политике, император Николай все-таки стремился к мирному разрешению кризиса, то нельзя не усмотреть в этом доказательстве не только миролюбия, но и глубокого государственного чувства, которое подсказывало государю истинное значение событий и международных отношений исторического момента.

Тем временем барон Бруннов продолжал вести свою линию. 2 (14) июня⁶⁰ он между прочим сообщал графу Нессельроде, что Великобританский кабинет примирится с занятием нами княжеств и убежден в необходимости для Порты дать нам удовлетворение, которое должно быть достигнуто мирными путями. Письмо кончалось уверением, что в Лондоне нет никаких признаков враждебности к нам («absence complète de toute disposition d'hostilité envers nous»).

Однако на следующий день омрачился и оптимизм барона Бруннова. Причиной этому был серьезный и откровенный разговор с лордом Абердином, который предвидел, что дело клонится к вооруженному столкновению, и потому решил оставить свой пост, чтобы не принимать на себя ответственности за ужасные бедствия и последствия грядущей войны. Глава Английского кабинета, пишет барон Бруннов⁶¹, борется со стремлением, направленным к нарушению мира. «Однако каково бы ни было мое доверие к правдивости и намерениям первого министра, я остаюсь в сомнении

относительно твердости его сил. В этом заключается опасность. Моя обязанность не скрывает ее. С настоящего времени следует смотреть прямо в лицо положению, признаки которого крайне серьезны. Изо дня в день мы приближаемся к развязке, которая каждую минуту может назваться войной, хотя Англия отказывается еще от произнесения этого слова».

Впрочем, некоторым утешением барону Бруннову послужил дальнейший разговор, в котором лорд Абердин пожелал узнать мнение нашего дипломата относительно значения трактата 1841 года о проливах. Барон Бруннов разъяснил, будучи участником переговоров, предшествовавших заключению этого акта, что его вступительные слова об уважении державами прав султана не заключают никакого обязательства оказывать поддержку Турции, если бы последняя подверглась какому-либо нападению; сам же договор ограничивается только признанием державами начала закрытия проливов. Хотя внимательное чтение трактата 1841 года и исключало возможность какой-либо иной точки зрения на этот акт, но барон Бруннов не скрывал своей радости по поводу того, что английский кабинет разделил его взгляд на акт 1841 года. Наш дипломат поспешил уведомить о своем «успехе» двух своих коллег — барона Мейендорфа в Вене и барона Будберга в Берлине и высказывал убеждение, что толкованием договора 1841 года ему удалось расстроить французские попытки извращения Дарданелльского трактата, обратив его в договор европейских держав против России. «*Cet essai a complètement échoué*», — уверял барон Бруннов канцлера, кончая по обыкновению свою депешу комплиментами графу Нессельроде⁶².

Между тем английский проект отправки чрезвычайной миссии в Петербург был оставлен, так как лондонский и французский кабинеты нашли более целесообразным инициативу в этом деле предоставить Австрии. Барон Бруннов, узнав о таком повороте дела от австрийского посла в Лондоне графа Коллоредо, поспешил предложить графу Нессельроде⁶³ свой проект замены потребованного князем Меншиковым сенеда или ноты особым протоколом, который он считал самой удобной дипломатической формой для согласования наших интересов и требований с трудными условиями данной минуты. Наш посол советовал при этом не слишком настаивать на каждом отдельном слове, а стремиться к существу дела. Однако предложенный им проект протокола⁶⁴ отличался большим, нежели первоначальная нота князя Меншикова, подчеркиванием тех именно слов и мыслей, которые вызвали отпор среди турецких министров. Наш представитель в Лондоне полагал, что протокол возможно редактировать таким образом, чтобы «*déconcerter l'effet de la finesse diplomatique de lord Stratford*». Это странное у столь осведомленного дипломата

мнение может быть объяснено лишь тем, что барон Бруннов с самого начала кризиса не верил в мирный исход и, по его собственному выражению, ждал того «момента, когда вещи придутся называть их собственными именами».

Бруннов продолжал, впрочем, убеждать английских государственных людей в правоте и основательности требований нашего правительства и делал все от него зависящее, чтобы успешно исполнить принятую на себя задачу. 24 июня (6 июля)⁶⁵ он писал графу Нессельроде, что известие о переходе нашими войсками Прута произвело сильное впечатление на англичан и рассеяло их иллюзию относительно того, что присутствие франко-английской эскадры у входа в Дарданеллы остановит движение наших войск. Барон Бруннов сообщал, что английское правительство приняло этот акт к сведению и отклонило мысль коллективного протеста держав. Оно решило протестовать в одиночестве, избрав для этой цели такую форму заявления, за которой не предполагается каких-либо мер активного воздействия.

Английский кабинет надеялся, по словам упоминаемой депеши барона Бруннова, на успех австрийского посредничества, но опасался, за исключением одного лорда Абердина, что наши войска вступили в пределы княжеств для того, чтобы остаться там навсегда, и что император Николай намерен нанести Турции смертельный удар, от которого последует ее падение («*de voir la Turquie succomber sous le coup de mort, que notre Auguste Maître aurait résolu de lui porter*»). Лорд Кларендон в категорической форме высказал нашему послу, что если занятие княжеств русскими войсками продолжится три или четыре месяца, то Османская империя падет без войны, от одного истощения: «*il tombera sans guerre, par épuisement*»⁶⁶.

При этом барон Бруннов сообщал, что великобританская эскадра не перейдет, согласно решению английского Совета министров, проливов, если с нашей стороны не будет произведена какая-либо морская демонстрация⁶⁷.

Петербургский кабинет мог руководствоваться в отношении ознакомления с программой предстоящих действий великобританского правительства не только донесениями барона Бруннова, но и непосредственными сообщениями лондонского посла в Петербурге сэра Гамильтона Сеймура, человека, который пользовался расположением императора Николая и в своих действиях отличался искренностью и прямоотой⁶⁸. К сожалению, вышеприведенный совет, данный бароном Бруновым графу Нессельроде: не придавать особого значения решительным заявлениям лорда Кларендона, возымел свое действие и в этом случае.

Сеймур сообщил графу Нессельроде копию депеши к нему от лорда Кларендона⁶⁹, отправленной тотчас по получении в Лондоне

Император Наполеон III

согласно требованиям чрезвычайного посла, в пользу православной церкви именно в Святых местах. Так как, кроме того, наши совершенно неожиданные для англичан требования подкреплялись военными приготовлениями и демонстрациями, то все это вынудило британский кабинет обратиться к нашему правительству «в дружественной форме» за разъяснениями. По словам лорда Кларендона, «турецкие министры не могли и не должны были, из уважения к достоинству своего государя и к будущей безопасности его владений, советовать султану согласиться на требования князя Меншикова; Англия же, со своей стороны, считала сохранение Турецкой империи европейской необходимостью, а ее падение катастрофой, размеры и последствия которой предвидеть невозможно»⁷⁰.

Сэр Сеймур до такой степени проникся важностью поднятого вопроса, что, узнав из разговора с графом Нессельроде о том, что «положение императора делает для Его Величества невозможным всякое отступление»⁷¹, решился на совершенно необычный шаг. Он написал канцлеру письмо, обращенное, в сущности, к императору Николаю⁷². «Я пишу этот призыв, — писал Сеймур, — не как дипломатический агент, а как простой частный человек; он обращен не к могущественному государю, а к человеку, несомненно стоящему выше всех по тому уважению, с которым он всегда относился к требованиям чести».

известия об отъезде князя Меншикова из Константинополя. Великобританский кабинет определенно формулировал в этом документе свою точку зрения на возникший кризис и подчеркивал его серьезность. Лорд Кларендон, ссылаясь на целый ряд депеш и свои беседы с бароном Брунновым, а также беседы сэра Сеймура с графом Нессельроде, утверждал, что великобританский кабинет был до последней минуты уверен, что миссия князя Меншикова исключительно касалась урегулирования вопроса о Святых местах; предполагаемое, таким образом, обязательство международного характера Порты перед Россией имело в виду лишь закрепление фирманов, изданных,

Письмо, повторяя в общих выражениях сущность изложенной выше депеши лорда Кларендона, взывало к чувствам справедливости и великодушия государя; оно выражало надежду, что, руководствуясь этими чувствами, а также принимая во внимание убеждения великобританского правительства, государь согласится на некоторые изменения в предполагаемом договоре с Портой. Эти изменения должны были быть такого рода, чтобы, обеспечивая императорскому правительству невозможность новых турецких злоупотреблений, они не переходили границ, которые государь положил сам себе в требованиях, предъявленных султану.

Сэр Сеймур ломился, собственно, в открытые двери, так как лично император Николай и не представлял себе, чтобы его требования нарушали указанные границы. На сообщенной британским послом канцлеру депеше графа Кларендона от 7 июня 1853 г.⁷³, в которой опять-таки указывалось на противоречие требований князя Меншикова заявлениям нашего правительства, что «единственной целью миссии князя Меншикова было разрешение вопроса о Святых местах согласно с достоинством императора и получение гарантий, предупреждающих недоразумения по поводу этого вопроса», государь начертал: *«C'est le gouvernement anglais qui le dit lui-même; et bien nous ne demandons rien que cela»*, причем последние слова были трижды подчеркнуты.

Казалось, что одной этой высочайшей пометки было бы достаточно, чтобы кризис пришел к благополучному концу. Однако на деле произошло нечто совершенно противоположное. Сэр Сеймур сообщил депешей 10 июня лорду Кларендону⁷⁴, что его новый разговор с канцлером был мало удовлетворителен. «Я не могу, — заявил граф Нессельроде английскому послу, — советовать императору уступать: это было бы умалением его достоинства». Весте с этим канцлер сообщил Сеймуру о бесповоротном решении занять нашими войсками княжества. Великобританский посол ответил на это заявление, что «несогласия между Россией и Портой могут быть устранены лишь мирными путями, а не насилием, и вопрос этот может быть обследован совместно всеми державами, друзьями России и покровительницами турецкой независимости»⁷⁵.

Несмотря на такие заявления сэра Гамильтона Сеймура, которые не оставляли сомнения в их истинном смысле и, кроме того, были подтверждены циркулярной депешей великобританского правительства от 13 июня⁷⁶, граф Нессельроде продолжал твердо отстаивать свою точку зрения. Упомянутая циркулярная депеша сообщала между прочим: «Но русский посол (князь Меншиков) потребовал, под предлогом подтверждения прежних трактатов, протектората над греческой церковью в Турции не только в отношении религиозном, но и в отношении гражданских прав и привилегий ее членов... Удовлетворить требованиям князя Меншикова

было невозможно, так как они противоречили суверенным правам султана и ограничивали независимость Порты. Поэтому правительство ее величества вполне разделяет мнение, высказанное Порте лордом Стратфордом Редклифом». В конце циркуляра упоминалось о приближении английского флота к Дарданеллам.

Сэр Гамильтон Сеймур писал между тем лорду Кларендону о своей новой «удручающей» беседе с графом Нессельроде⁷⁷. Канцлер заметил, что «ему кажется непонятным, как могут державы, заинтересованные в судьбе Турции, колебаться подать ей совет подчиниться требованиям, которые *ни в каком случае*⁷⁸ изменены быть не могут, и когда им известно, что протекторат России составляет давно ее неотъемлемое право». Все, и особенно Россия, заинтересованы в дальнейшем существовании Турции, говорил далее граф Нессельроде, «но вы же ясно видите, что силы Турции истощаются и что довольно одного щелчка России для ее падения». Турция может существовать только при условии подчинения России, поэтому необходимо, чтобы русское влияние было могущественно, и Петербургский кабинет не может допустить, чтобы оно было поколеблено неприятием Портой предложенных ей условий.

Сеймур на этот раз счел нужным определенно высказать, что Англия не остановится перед возможной войной. «Никому, — заметил он, — так не противна мысль о войне, как Англии, но в том-то и заключается ее нравственная сила, что никакие предубеждения не в состоянии остановить ее, раз ближайшим ее интересам угрожает опасность».

Граф Нессельроде обещал доложить государю происшедший разговор.

Следующая беседа канцлера с великобританским послом имела более дружественный характер, несмотря на то что уже состоялся манифест о вступлении наших войск в пределы Дунайских княжеств. Дело в том, что в это время уже появился и стал известен в Петербурге французский план примирения, а, с другой стороны, занятие княжеств давало нашему кабинету возможность принять этот план *à deux mains*, как выразился граф Нессельроде в беседе с Сеймуром⁷⁹. Сам план мог почитаться следствием решительной политики нашего правительства, и нельзя отрицать, что в действительности так и было.

Впрочем, великобританский посол в Петербурге уже не верил заявлениям канцлера и в отчете о происшедшей беседе утверждал, что его слова расходятся с действиями. Он вскоре спросил канцлера⁸⁰, можно ли вообще после всего происшедшего продолжать трудиться для сохранения мира, и на утвердительный ответ графа Нессельроде предложил свой собственный план примирения («*système Seymour*», по выражению нашего канцлера).

Сэр Гамильтон Сеймур предлагал: 1) обнародование султаном гатти-шерифа, подтверждающего привилегии греков, в осо-

бенности относительно Свя-
тых мест, которые были при-
обретены ими давностью или
трактатами; 2) объявление
этого гатти-шерифа России
письмом султана или велико-
го визиря, причем письмо
это должно быть прислано в
Петербург со специальным
дипломатическим агентом
султана и 3) официальное со-
общение Портой копии гат-
ти-шерифа посольствам ве-
ликих держав в Константино-
поле. По мнению автора
проекта, было бы полезно
примирительное предложе-
ние сделать при посредстве
Австрии. Со своей стороны,
канцлер не считал себя впра-
ве высказать свое мнение от-
носительно изложенного плана⁸¹, но полагал, что все, исходя-
щее от Австрии, будет принято с дружелюбным вниманием.

Император Наполеон III

Мирное настроение вновь взяло верх, несмотря на то что, как свидетельствуют депеши лорда Кларендона сэру Сеймуру, лондонский кабинет считал тревожным признаком решительные выражения манифеста о вступлении наших войск в Придунайские княжества и опасался, как бы занятие этих княжеств не стало продолжаться слишком долго⁸².

Центром дальнейших усилий, направленных к сохранению мира, стала Вена.

Император Николай, несомненно, надеялся на мирный исход кризиса и относился, по свойственному ему великодушию, несравненно с большим доверием к деятельности английских государственных людей, чем последние относились к политике нашего кабинета. В середине июля в Константинополе ожидалась беспорядки, ввиду чего английский флот предполагал высадить десант для защиты султана и европейцев. Лорд Абердин сообщил об этом барону Бруннову, высказывая опасение, чтобы высадка войск не была сочтена Россией за враждебную ей демонстрацию⁸³. Государю на донесении об этом нашего посла в Лондоне угодно было написать: «Non seulement que je ne m'y oppose pas, mais j'engage pour ce cas l'Angleterre et la France de prendre les mesures nécessaires en notre nom commun⁸⁴, car je ne me considère pas encore en guerre avec la Turquie».

Центр тяжести политики европейских государств, более или менее искренно стремившихся к мирному разрешению кризиса, перешел в Вену. В Париже и Лондоне сознавали, что обе морские державы, которые посылкой своих эскадр в турецкие воды демонстративно приняли сторону Порты, не могли уже воздействовать на наше правительство в смысле склонения его к известной уступчивости; не могла этого достигнуть и слишком незначительная в то время по своему международному положению Пруссия. Оставалась лишь одна Австрия, с которой Россию связывали узы братства по оружию в недавней венгерской кампании, старые традиции общих войн с Турцией и общей консервативной политики. Кроме того, все знали, что император Николай относился с необыкновенной симпатией к юному австрийскому государю и что узы дружбы, связующие обоих монархов, принимали, с одной стороны, характер почти отеческой любви, а с другой, глубокой благодарности за оказанную в тяжелые годы нравственную и материальную поддержку. Наш посол в Вене барон Мейендорф был шурином австрийского министра иностранных дел графа Буоля, и родственная близость этих дипломатов давала им возможность откровенно касаться самых щекотливых вопросов.

Все это заставляло заинтересованные державы признать необходимость предоставления венскому кабинету инициативы в ведении дальнейших переговоров к благополучному разрешению усложнившегося кризиса.

Еще в апреле 1853 года государь сообщал императору Францу-Иосифу, что в его намерения не входит нанесение удара Оттоманской империи.

«Я считаю, — писал государь⁸⁵, — ее сохранение гораздо более полезным для обеих наших империй, чем все то, что могло бы ее заменить после падения. Я думал так всегда⁸⁶, и нужно лишь, чтобы мне оставили возможность действовать в этом смысле, не подрывая чести и интересов России. Но если турецкое правительство в своем ослеплении не поймет приводимых доводов и не даст мне гарантий за будущее, то я должен буду прибегнуть к оружию, несмотря на противодействия и препятствия, которые мне могут быть поставлены, так как это будет моим долгом. Невозможно в таком случае определить исход войны для Оттоманской империи, и если она падет по собственной вине, то я с полным доверием предупрежу тебя о том, что усмотрю в ближайшем будущем, и сообщая с тобой мы предпримем средства к предупреждению катастрофы, которую, быть может, другие державы желали бы вызвать, но которую с Божьей помощью мы сумеем предотвратить благодаря нашему общему интересу и общности наших взглядов и стремлений»⁸⁷.

Тотчас после отъезда из Константинополя князя Меншикова временный заместитель барона Мейендорфа в Вене Фонтон имел

с графом Буолем очень интересную беседу, о которой он поспешил дать подробный отчет канцлеру⁸⁸. Австрийский министр заметил, что он опасается войны, которая может привести к падению Османской империи; Европа же, будучи прежде всего занята борьбой с революционными течениями, не подготовлена к такой катастрофе. «Я должен, — продолжал далее граф Буоль, — дать вам почувствовать суть нашей точки зрения в двух возможных случайностях. Если настоящий кризис приведет к войне и если можно будет основательно предвидеть, что эта война приведет к падению Османской империи, то наша политика ясна. Наш интерес и симпатии повелевают нам вступить в тесное соглашение с вами; дело должно быть решено между нами двумя, и мы должны принять все последствия такого решения. Но я уже вам сказал, что минута для этого не представляется благоприятной, по крайней мере для Австрии. Если ваш кабинет разделяет последнее мнение и желает сохранения Османской империи, т. е. желает избежать войны, то не находил ли он, что соглашение пяти держав, основанное на договоре 1840 года, было бы лучшим средством мирно разрешить текущий вопрос и одновременно парализовать влияние, которое две морские державы стремятся оказывать на Турцию».

Граф Буоль указывал при этом на обстоятельства, которые в то время связывали руки Австрии, а именно: затруднения в Италии, осложнения в Швейцарии и растущее в этих странах влияние Франции.

Фонто́н не ограничился простой передачей этой беседы, а снабдил ее добавлениями, которые должны были представить дела в более розовом свете. Он, основываясь на некоторых приметах (*certain indices*), утверждал, что император Франц-Иосиф не вполне разделяет мнение своего министра, что военная партия признает желательным и вполне естественным действие с нами в случае войны рука об руку и, наконец, что император Франц-Иосиф решил тотчас по получении известия о разрыве в Константинополе лично инспектировать войска в Венгрии и Трансильвании на случай могущих возникнуть осложнений.

В Петербурге это последнее известие не произвело благоприятного впечатления, так как с нашей точки зрения грядущие события не могли предоставить никаких активных задач австрийским войскам, расположенным в названных областях. Союз и отношения доброй дружбы, существовавшие между Россией и Австрией, могли скорее давать нам повод к предположению, что в случае деятельного содействия этой державы ее войска вступят, вслед за занятием нами Молдавии и Валахии, в северо-западные области Османской империи, т. е. в Сербию и Герцеговину.

Государь в письме от 18 (30) мая заявил императору Францу-Иосифу, что он будет вынужден, не стремясь к завоеваниям,

Император Наполеон III
(аллегорическое изображение)

занять Придунайские княжества в виде залога, который обеспечил бы исполнение Портой наших законных требований. «Я желал бы, — говорится далее в письме, — чтобы в то время, когда я займу княжества, ты сделал бы то же в отношении Герцеговины и Сербии, и это до тех пор, пока не будут удовлетворены наши справедливые требования»⁸⁹.

Ближайшие переговоры с австрийским правительством по вопросу о совместном давлении на Порту были поручены нашему послу барону Мейендорфу, который в мае возвратился к своему посту в Вене. В первый же день своего приезда, 25-го числа, барон представился императору Францу-Иосифу. Темой беседы в продолжительной аудиенции был меморандум, со-

ставленный бароном Мейендорфом⁹⁰. Содержание документа сводилось к нашему обращению к Австрии за содействием, так как Россия имела все права рассчитывать на дружбу этой державы.

Краткий труд барона Мейендорфа отличался прямоотой и ясностью, столь характерными для дипломатических актов, составленных под непосредственным влиянием императора Николая. Записка нашего посла, исходя из уверенности, что Австрия не замедлит поддержать наши требования, предлагала венскому кабинету, во-первых, оказать дружественное содействие в Константинополе, направив Оттоманскую Порту на путь подчинения последним требованиям князя Меншикова и дав ей при этом понять, что в случае отказа Австрия будет заодно с нами; во-вторых, занять, если бы это не подействовало, Герцеговину и Сербию одновременно со вступлением наших войск в Придунайские княжества.

Барон Мейендорф вручил записку своему августейшему собеседнику вместе с собственноручным письмом императора Николая. Австрийский монарх, видимо, был тронут дружеским к нему обращением государя, но особенно явственно появилось у него на лице выражение радости тогда, когда наш посол заявил, что занятие княжеств не означает еще войны и что император Николай не желает

расширения территории своей империи. Франц-Иосиф подчеркнул при этом, что хотя он и разделяет мнение о непрочности Турции и полагает, что в другое время политика, предупреждающая события, была бы даже хорошей политикой, но думает, что она несвоевременна ввиду революционных движений в самой Европе, с которыми прежде всего нужно бороться.

Предложение занять Герцеговину и Сербию было отклонено австрийским императором, заметившим, что он не мог бы оправдать такого действия перед Европой; кроме того, занятие это могло бы дать Людовику-Наполеону повод к нападениям в Бельгии или в Италии и вообще вызвать всеобщую войну.

Далее разговор перешел на возможность мирного улаживания конфликта, и общее впечатление от этого разговора барон Мейендорф выразил в следующих заключительных словах своего донесения: «Император Франц-Иосиф, хотя и обеспокоен опасностями, которым подвергается мир Европы, но остается твердым и питает столь полное доверие к мудрости и политике нашего Августейшего Повелителя, что считает ее лучшим оплотом против опасностей. Он искренно будет поддерживать виды и требования нашего кабинета, не принимая, однако, ныне никаких по отношению к нам обязательств, которые скорее могли бы вызвать общий кризис, чем его предотвратить»⁹¹.

Одновременно с этим граф Нессельроде получил донесение Фонтана, сообщавшего о стараниях Франции отделить от нас Австрию, которая противилась этому. Фонтон успокаивал канцлера, говоря, что хотя венский кабинет очень встревожен последствиями кризиса, но все-таки не перейдет границ выжидательной и нейтральной политики⁹².

Оба наши дипломата определяли приблизительно верно положение дел в Вене. Они не указывали лишь на то, что венское правительство не могло, независимо от забот, касавшихся охраны австрийских владений в Италии и внутреннего брожения умов в монархии, благоприятно смотреть на возможность расширения и укрепления нашего влияния на Ближнем Востоке. В Вене, несмотря на узы дружбы, связывавшие государей обеих держав, несмотря на рыцарскую помощь, оказанную императором Николаем юному австрийскому монарху в тяжелую годину венгерского восстания, не скрывали своего беспокойства по поводу успехов нашей политики в Константинополе. Граф Буоль на вопрос французского посла о том, какой политики намерена придерживаться Австрия ввиду наступающего кризиса, отвечал: «Взгляните на географическую карту — наша политика там изображена в точности».

Однако прежде всего Венский кабинет заботился о том, чтобы по возможности избежать необходимости крайних решений, затянуть кризис и привести его к мирному окончанию. Окруженная

опасностями Австрия руководствовалась афоризмом: «самый худший мир лучше войны», и ее дипломатия деятельно принялась способствовать мирному разрешению конфликта. Она знакомила наше правительство со всем тем, что ею предпринималось в Константинополе.

Уже 2 июня (20 мая) граф Буоль сообщал австрийскому представителю в Петербурге⁹³, что было бы крайне желательно найти способ удовлетворения требований России; эта задача, по мнению графа Буоля, могла быть достигнута, так как Порта возражала не против сущности требований князя Меншикова, а против формы удовлетворения, т. е. против сенеда или другого договора, имевшего характер международного трактата, который ограничивал, по мнению дивана, державные права султана.

Удовлетворение требований князя Меншикова можно было бы поэтому облечь в форму фирмана, который мог бы быть сообщен русскому правительству при ноте, заключающей торжественное обещание уважать содержание этого документа. Для передачи ноты в Петербург должно было отправиться особое посольство, а остальным кабинетам она сообщалась для сведения.

Австрийский проект не встретил сочувствия императора Николая. Государь пометил на нем: «Non: l'acceptation pure et simple de ce que nous avons demandé, ou bien j'entre dans les Principautés. Si le Sultan signe l'acte demandé, libre alors à lui d'envoyer un ambassadeur, *mais après avoir signé et remis l'acte*»⁹⁴.

Почти одновременно барон Мейендорф сообщал канцлеру⁹⁵, что, хотя военная партия в Вене с генералами Гессом и Грюном во главе явно сочувствует России и хотя сам император Франц-Иосиф исполнен лучших чувств к своему могущественному другу, тем не менее в Вене повсюду и даже в придворных кругах смотрят на кризис с точки зрения, отличной от петербургской («on considère la marche de nos négociations à Constantinople autrement qu'on ne les envisage chez nous»). Барон Мейендорф решился даже под впечатлением окружавшей обстановки высказать канцлеру свое мнение, что следовало бы не настаивать на принятии Портой требований князя Меншикова во всей точности с формальной стороны. «Мы хотим *обязательства*»⁹⁶, — писал барон Мейендорф, — и обязательство будет существовать, если Порта нам заявит, что она желает сохранить права православной церкви. Если она не хочет пользоваться точными словами князя Меншикова и предлагает нам равноценные, но менее оскорбляющие ее щепетильность, то я думаю, что мы могли бы согласиться и дать исход оттоманскому самолюбию и упорству турецких вдохновителей».

Барон Мейендорф продолжал, несмотря на расхолаживающее настроение Вены, верить, что если дело дойдет до крайности, т. е. вспыхнет европейская война, то Австрия окажется в одном

вооруженном стане с Россией. Таков, по крайней мере, заключительный вывод его записки о положении Австрии⁹⁷, записки несколько непоследовательной, если ее сопоставить в особенности с его частным письмом канцлеру о разговоре с графом Буолем.

Вот что сказал нашему послу руководитель австрийской иностранной политики: «Я, по совести, могу вас уверить, что для нас наиболее удобной и единственной политикой, которой я хотел бы следовать, было бы согласие с Россией по всякому вопросу — одна политика для двух. Но, откровенно говоря, разве вы также действуете относительно нас. Вы принимаете ваши решения в Петербурге, вы приводите их в исполнение, и когда они появляются в свете дня, то наша роль сводится к тому, чтобы поддерживать их и содействовать одобрению их другими раньше, чем мы сами могли их одобрить»⁹⁸.

Из переписки между великобританским послом в Вене графом Вестморландом и лордом Кларендоном⁹⁹ видно, что австрийский министр осуждал способ действия князя Меншикова в Константинополе и считал нашу политику ошибочной и крайне опасной. По мнению упомянутых английских дипломатов, роль венского кабинета состояла единственно в том, чтобы склонить наше правительство сойти с избранного им пути и привести возникшие недоразумения к мирному разрешению. Граф Вестморланд в своих депешах неоднократно подчеркивал единомыслие австрийского кабинета с лондонским и парижским во взглядах на сущность русско-турецкого конфликта, которому на Западе придавался характер русско-европейского.

Роль, возложенная на Австрию, облегчалась исключительно близкими и сердечными отношениями петербургского и венского дворов, которые подчеркивались как личной связью монархов, так и целым рядом случаев, подававших к этому повод¹⁰⁰.

Граф Буоль для достижения мирного соглашения продолжал работать и в Константинополе, и в Петербурге. Австрийскому послу при Блистательной Порте барону Бруку он рекомендовал

Императрица Евгения

предложить великому визирю вновь сравнить ноту, предъявленную князем Меншиковым, с первоначальным турецким проектом, внести в последний некоторые изменения и сообщить об этом в Вену¹⁰¹. В письме же к барону Лебцельтнеру в Петербург он подчеркивал, что Россия уже одержала некоторые дипломатические успехи¹⁰² и отправление султаном чрезвычайного торжественного посольства в Петербург с изъявлением дружбы было бы достаточно удовлетворением за отклонение наших требований в форме, предъявленной князем Меншиковым. Перед вступлением наших войск в княжества граф Буоль предостерегал петербургский кабинет, что последствием такого факта будет раздражение Франции и Англии и обострение отношений, которое может угрожать всеобщему миру¹⁰³.

В следующей депеше австрийскому послу в Петербурге граф Буоль замечал, что манифест 14 (26) июня о вступлении наших войск в княжества произвел тяжелое впечатление на австрийского императора. Он находил, что дальнейшие усилия венского кабинета к мирному улаживанию кризиса теряют всякий шанс на успех, если Петербургский кабинет не окажет им содействия¹⁰⁴. Манифест, обращаясь к религиозным чувствам русского народа, возбуждал, по словам графа Буоля, опасения: ответом Порты мог быть взрыв мусульманского фанатизма¹⁰⁵. «Нам невозможно, — писал граф Буоль, — отождествлять нашу точку зрения с русской. Вопрос о Святых местах был разрешен в полное удовлетворение России, и ей ничего не оставалось требовать, кроме гарантии на будущее время... Было бы в интересах мира, если бы Петербургский кабинет дал разъяснения, способные успокоить Европу относительно его действительных намерений».

В это время в Вене совещались уже совместно с графом Буолем представители Франции, Англии и Пруссии о проектах соглашения турецкой щепетильности с удовлетворением русских требований, поддержанных оккупацией Придунайских княжеств.

Первоначальный проект принадлежал французскому послу в Вене барону Буркеню. Он предлагал, чтобы Порта приняла ноту князя Меншикова или другую, тождественную ей, и отправила ее с чрезвычайным послом в Петербург; взамен же она должна была получить от нашего кабинета уверение, которое могло бы успокоить ее относительно значения и смысла потребованных у нее гарантий. Вслед за этим появились проекты лорда Редклифа о протекторате четырех великих держав над Придунайскими княжествами и об общем протекторате пяти держав (тех же и России) над христианскими подданными Турции. Эти проекты были решительно отклонены нашим правительством, потому что, «соединяя нас с другими державами, они отнимали законную часть нашего независимого влияния, которое неприкосновенно сохранялось до того времени»¹⁰⁶.

Существовал еще проект лорда Абердина, который представлял то важное для нас условие приемлемости, что имел форму «конвенции», т. е. международного договора, гарантирующего перед нашим кабинетом обязательства Турции по отношению к правам и привилегиям православной церкви. Со своей стороны, французское правительство выработало проект ноты, которую должно было привезти в Петербург чрезвычайное турецкое посольство. Когда же наш Кабинет отклонил французское предложение, ссылаясь на необходимость обождать результатов австрийского влияния на Порту, тюильрийская дипломатия занялась новой редакцией проекта лорда Абердина, выработав новое, весьма неопределенное и направленное к ослаблению значения Кучук-Кайнарджийского трактата предложение. Наконец, выше было упомянуто о «протоколе» или «конвенции», предложенных графом Нессельроде и отправленных барону Бруннову для сообщения английскому правительству.

Барон Мейендорф участия в совещании дипломатов в Вене не принимал. На вопрос императора Франца-Иосифа о причинах такого воздержания наш посол «с полной откровенностью» ответил¹⁰⁷, что Россия издавна «держалась начала сама разрешать свои недоразумения с Турцией, что государь мог бы, ввиду тесного союза двух империй, соединиться в этом деле с Австрией, но один призрак соглашения с Европой для разрешения настоящего недоразумения мог бы быть ему неудобен».

В наших глазах, говорил далее Мейендорф императору, положение, занятое Австрией, существенно отличается от положения Франции и Англии, так как мы знаем, что Австрия никогда не вступит с ними в союз против нас.

«Конечно, никогда!» — прервал император Франц-Иосиф и уполномочил барона Мейендорфа передать это формальное уверение императору Николаю.

Воздерживаясь от участия в совещаниях представителей четырех держав, барон Мейендорф, однако, часто беседовал с графом Буолем и внимательно следил за ходом дел, принимавших, казалось, благоприятное для мира направление.

Граф Нессельроде отправил еще до занятия нами княжеств письмо Решиду-паше, в котором предлагал подписать «без всяких изменений» последний проект ноты князя Меншикова и угрожал в случае отказа оккупацией Молдавии и Валахии. Эта угроза повлекла со стороны Франции и Англии военную демонстрацию в виде отправки соединенных эскадр в бухту Безика, у входа в Дарданеллы. Такой вызывающий поступок западных держав сделал невозможной отсрочку предполагаемого занятия нашими войсками княжеств и укрепил у Порты сознание поддержки ее Францией и Англией.

Граф Буоль сообщал барону Лебцельтнеру¹⁰⁸, что барон Брук надеялся уже получить от Решида-паши согласие на подписание ноты, почти тождественной с предложенной князем Меншиковым, но известие о вступлении наших войск в Придунайские княжества изменило положение дел в Константинополе и поколебало доверие к Решиду-паше¹⁰⁹.

Австрийский министр переслал графу Нессельроде ответное письмо Решида. Оно было полно уверений в уважении и дружбе султана к государю и ссылалось в доказательство как этих чувств, так и благорасположения Абдул-Меджида к своим православным подданным на фирман, который был издан после отъезда князя Меншикова на имя константинопольского патриарха. Фирман этот был составлен в выражениях, против которых заранее протестовал наш чрезвычайный посол, а именно он объяснял «действительную невозможность» для Порты согласиться на подписание «обязательства, которое нельзя согласовать с ее независимостью и с ее державными правами».

Впрочем, в конце письма предлагалось принять в Петербурге чрезвычайного турецкого посла, который мог бы возобновить переговоры и заключить соглашение, «удовлетворяющее государя и соответствующее достоинству Порты».

Решид-паша облек предполагаемое соглашение в форму ноты, которая, однако, не удовлетворяла, по мнению графа Буоля, условиям, поставленным Петербургским кабинетом.

Ввиду такого положения вещей австрийское правительство решилось предложить на одобрение России проект ноты, выработанный в Вене, и поручить своему представителю в Константинополе приложить все усилия принудить Порту подписать эту ноту. Император Франц-Иосиф для придания большего веса действиям Брука отправил султану собственноручное письмо, в котором указывал на громадное значение решения оттоманского правительства.

Граф Буоль запросил Петербургский кабинет, расположен ли он принять проект ноты как окончательное решение и может ли Порта рассчитывать на эвакуацию княжеств с момента возобновления дипломатических сношений. Австрийский министр добавлял при этом, что император Николай, начав эвакуацию одновременно с отъездом из Константинополя чрезвычайного турецкого посла с нотой, совершил бы поступок, благородство которого было бы надлежащим образом оценено Портой и Европой. Государь сделал следующие пометки на этих местах депеши графа Буоля: 1) «Je trouve la question sottie et fort déplacée, car c'est douter de mon honneur en osant me faire une question semblable, tandis que la chose devait s'entendre d'elle-même; 2) mes troupes ne quitteront les Principautés que lorsque l'ambassadeur sera arrivé et se sera acquitté de son message d'une façon satisfaisante».

Выработанная в Вене представителями четырех держав нота, которую предполагалось предложить Порте принять без всяких изменений и отправить с чрезвычайным посольством в Петербурге, была изложена в следующей редакции¹¹⁰:

«Его Величество султан в самом сердечном желании возобновить между собой и Его Величеством императором Всероссийским отношения добрососедства и полного согласия, которые были, к несчастью, испорчены недавними и тяжелыми осложнениями, принял серьезную задачу изыскать средства к уничтожению следов сего разногласия. Блистательная Порта, узнав о таком императорском решении из верховного ираде от... поздравляет себя с возможностью сообщить его графу Нессельроде.

Если во все времена императоры России проявляли свою деятельную заботливость о сохранении прав и привилегий православной греческой церкви в Османской империи, то султаны не отказывались никогда освящать их торжественными актами, свидетельствующими об их древнем и постоянном благожелательстве по отношению к их христианским подданным. Ныне царствующий Его Величество султан Абдул-Меджид, воодушевленный тем же расположением и желая дать Его Величеству императору России личное свидетельство своей искренней дружбы, руководствуется лишь своим безграничным доверием к выдающимся достоинствам своего Августейшего друга и союзника и изволил уделить серьезное внимание представлениям, сделанным князем Меншиковым Блистательной Порте.

Вследствие этого нижеподписавшийся получил приказание объявить нижеследующим, что правительство Его Величества султана останется верным букве и духу положений Кучук-Кайнарджийского и Адрианопольского трактатов, которые касаются покровительства христианского культа и которые Его Величество считает долгом своей чести соблюдать навсегда; охранять от всякого ущерба, будь то ныне, будь в будущем, пользование

Королева Виктория

религиозными привилегиями, предоставленными августейшими предками Его Величества восточной православной церкви и подтвержденными им самим, и, кроме того, дать, в духе высокой справедливости, греческому исповеданию участие в преимуществах, предоставленных другим христианским исповеданиям особыми конвенциями или распоряжениями. Наконец, так как императорский фирман, только что данный греческому патриарху и духовенству, заключает подтверждение их религиозных привилегий и должен быть рассматриваем как новое доказательство благородных чувств султана и так как объявление этого фирмана должно навсегда рассеять всякое опасение по отношению к обряду, являющемуся исповеданием Его Величества императора России, то я счастлив возложенной на меня обязанностью сделать настоящее заявление. Что касается гарантии относительно того, что в будущем ничто не будет изменено в Святых местах в Иерусалиме, то она вытекает из фирмана, обложенного гатти-гамазоном 15 луны Реби-уль-Ахир 1268 (февраль 1852 года), изъясненного и развитого фирманами от... и формального намерения Его Величества султана в приведении в исполнении его верховных решений.

Блистательная Порта официально обещает, кроме того, что никакое изменение в ныне установленном положении не будет сделано без предварительного соглашения с русским и французским правительствами и с ущербом для различных христианских общин.

В Иерусалиме или в его окрестностях будет предоставлено на случай требования Российским императорским двором соответствующее место для постройки церкви, предназначенной для отправления богослужения русским духовенством и для приюта бедных и больных паломников этой нации.

Блистательная Порта обязуется ныне же подписать торжественный акт, ставящий эти благотворительные учреждения под особый надзор русского генерального консульства в Сирии и Палестине».

Проект венской ноты встретил в Петербурге благоприятный прием. «Хотя, — писал граф Нессельроде барону Мейендорфу¹¹, — проект не вполне отвечает последним столь умеренным требованиям князя Меншикова, но он имеет достоинство соглашения, заключенного по инициативе дружественного двора, рассмотренного совместно с вошедшими в дело представителями трех других держав и единогласно признанного ими, как долженствующий быть принятым Портой и переданным в Петербург путем чрезвычайного посольства». Однако канцлер предупреждал, что петербургский кабинет, принимая проект, не сочтет себя связанным данным согласием в том случае, если бы оттоманское правительство отвергло венскую ноту.

Казалось, что кризис близился к мирному исходу. Западные державы заботились уже о том, как обставить оставление их эс-

кадрами турецких вод в связи с выступлением наших войск из оккупированных княжеств. Они обратились к содействию венского кабинета, и граф Буоль составил совместно с бароном Мейендорфом проект следующего сообщения¹¹²:

«Венский кабинет обязуется получить от морских держав (Франции и Англии) приказ об удалении их эскадр из Безикской бухты взамен данного этим державам уверения, что Его Величество государь император лишь ожидает прибытия в Петербург турецкого посла с составленной в Вене нотой, без ее изменения, чтобы своим войскам дать приказ очистить княжества».

Император Николай нашел, что подобного рода сообщение, вызванное сомнениями западных кабинетов, было бы совершенно излишне. На депеше барона Мейендорфа государь пометил: «*Le doute est une injure. Cette forme d'engagement que Buol veut nous extorquer est un tour à la Metternich. Ce qui s'entend de soi-même doit suffire. Si les anglais et les francais doutent, ils n'ont qu'à en pâtir*».

Надежды, связанные с венским проектом ноты, вскоре рассеялись, так как в Константинополе встретились неожиданные препятствия. Австрийский посол передал ее Решиду-паше, заявив, что она одобрена в Вене представителями четырех держав и принята Россией¹¹³. Но в Константинополе одобрение ноте не было единодушно. Барон Мейендорф сообщал из австрийских источников¹¹⁴, что содействие Бруку со стороны французского посла Лакура было искреннее и сердечное (*coopération franche et cordiale*), но что лорд Редклиф отказался следовать инструкциям своего кабинета. Тем не менее барон Мейендорф полагал, что если наш кабинет проявит уступчивость, то общественное мнение Европы переменится, и вся она будет нам кричать «ура» («Чтобы посмеяться над нами», — пометил на полях государь), эскадры и, что важнее, Редклиф будут удалены, и настанет столь глубокий мир, что нам не придется содержать армии на турецкой границе ввиду возможной через каждые десять лет войны («никогда, добрый Мейендорф», — пометил император Николай).

Вскоре после получения в Петербурге таких оптимистических рассуждений барона Мейендорфа австрийский посол барон Лебцельтнер сообщил графу Нессельроде¹¹⁵ турецкие предложения, изменявшие редакцию венской ноты¹¹⁶. Несмотря на свою внешнюю безобидность, эти изменения были существенны. Вместо первого абзаца вышеприведенного текста ноты оттоманское правительство предлагало следующую фразу: «Если во все времена императоры России свидетельствовали о своей деятельной заботливости о культе греческой православной церкви, то султаны никогда не переставали охранять права и привилегии, которые они даровали в разное время этому культу и этой церкви в Оттоманской империи, и не

Герцог Мориси

переставали освящать их новыми торжественными актами, свидетельствующими...» и т. д.

Второй абзац Порты предполагала изменить так, чтобы вместо указания на права России, вытекающие из договоров Кучук-Кайнарджийского и Адрианопольского, явилось нечто неопределенное. В турецкой редакции эта часть ноты выражала надежду, что «султан останется верным постановлениям договоров Кучук-Кайнарджийского, подтвержденного Адрианопольским, которые касаются попечений Блистательной Порты о христианской религии...»

Последнее изменение исключало фразу о «признанных» конвенциями или особыми распоряжениями преимуществах различных христианских церквей и заменяло ее фразой о преимуществах, «дарованных» этим церквям.

Конечно, наш кабинет не замедлил раскрыть истинное значение турецких поправок, и граф Нессельроде препроводил барону Мейендорфу¹¹⁷ подробные соображения относительно турецких изменений в тексте венской ноты. Канцлер отметил¹¹⁸, что перенесение в первой части ноты слов «в Оттоманской империи» и «охранение прав и преимуществ» так, чтобы они исключительно относились к султанам, изменяет весь смысл фразы, потому что никто и не спорит о том, что монархи России заботятся о своем и своих подданных вероисповедании. Нота же должна была признать наше право такой заботливости относительно турецких подданных в пределах Оттоманской империи. Если же мы согласимся допустить в ноте утверждение, что султаны всегда были на страже охраны прав и преимуществ православного вероисповедания, то этим мы признавали бы беспечность и наших требований, и даже посольства князя Меншикова.

Особое внимание граф Нессельроде уделил второму пункту турецких изменений венской ноты.

«Исключение и добавление слов, — пишет канцлер, — введенные сюда с подчеркнутой щепетильностью, имеют явную цель отменить Кайнарджийский трактат, делая вид, будто они его подтверждают. В первоначальной венской редакции было сказано, что «верный букве и духу постановлений трактатов Кучук-Кайнардж-

жийского и Адрианопольского, касающихся попечения о христианской религии, султан считает долгом своей чести... охранять от всякого покушения... права и привилегии, признанные за православной церковью». Эта редакция, исходящая из духа трактата, т. е. из общего начала, изложенного в его VII статье, охранения прав, была согласна с поддерживаемым нами взглядом. По нашему мнению, обещание печься об известной религии и ее церквах заключает охрану прав, которыми они пользуются. Это вещи неразделимые. Первоначальная редакция подверглась в Париже и Лондоне первому изменению, против которого мы в то время не возражали, на что имели право, и не возражали не потому, чтобы мы ошибались относительно значения этого изменения. Мы превосходно заметили различие, введенное между двумя пунктами, которые для нас неразрывно связаны между собой, но это различие было проведено столь осторожно, что мы, по примирительному нашему настроению и в желании достигнуть скорого окончательного решения, могли принять редакцию, считая ее впредь неизменной. Эти мотивы не могут быть приложены к новому изменению той же фразы, сделанной в Константинополе. Различие во взглядах проведено слишком резко, чтобы мы могли принять поправку, не опровергая всего, что мы говорили и писали. Упоминание о Кайнарджийском трактате становится излишним, а его подтверждение не имеющим смысла с той минуты, когда его общий принцип перестает прилагаться к охране прав вероисповедания. С этой именно целью вычеркнуты два слова «буква и дух». В изменении без необходимости подчеркнуто, что попечение о христианской религии является делом Блистательной Порты, как будто мы сами намеревались заниматься им в государстве султана, а одновременно с этим опущено упоминание о том, что, по смыслу трактата, попечение есть обещание и обязательство, данное султаном, и этим выражается сомнение в нашем праве бодрствовать над точным исполнением этого обещания».

Третье замечание нашего кабинета относилось к последнему изменению, введенному Портой в ноту. Оно устанавливало равноправие греческого православного вероисповедания с другими лишь в том случае, когда представителями этих исповеданий будут турецкие подданные. Граф Нессельроде правильно на это заметил, что если бы римско-католическому иерусалимскому патриарху, не принадлежащему к числу оттоманских подданных, были предоставлены какие-либо новые привилегии, то турецкий подданный православный патриарх не мог бы, по смыслу турецкого изменения, требовать уравниения себя в дарованных правах.

«Одно из двух, — писал канцлер барону Мейендорфу¹¹⁹, — или требуемые Портой изменения важны, и тогда понятно, почему мы отказываемся согласиться на них; или они не имеют значения,

и тогда не понятно, почему Порта ставит свое согласие в зависимость от принятия их. Наше правительство не может идти далее по пути уступок, и если державы заботятся о мире, то их дело повлиять на Порту, отказать ей во всяких изменениях выработанной в Вене ноты».

Замечания нашего Кабинета имели характер секретный. Они совпадали до известной степени с турецкими объяснениями, сопровождаемыми представителям четырех великих держав и конфиденциально сообщенными нам как графом Буолем¹²⁰, так и нашим агентом в Константинополе Аргиропуло¹²¹. Между прочим, Порта указывала¹²² на то, что упоминание в ноте о Кучук-Кайнарджийском трактате грешит, по ее мнению, неточностью, так как нота рассматривает религиозные преимущества как естественные последствия духа трактата, между тем как его постановления ограничиваются единственно обещанием Блистательной Порты самой пещься о христианской религии. По ее мнению, если уже и необходимо было упоминать о Кайнарджийском трактате, то следовало бы отделить заключенное в нем обещание о попечении от вопроса о религиозных преимуществах так, чтобы на первый взгляд было понятно, что это две различные вещи. Оттоманское правительство отмечало также, что оно не может укреплять, не будучи к тому принуждено силой, уже существующие узы религиозного единения между своими подданными и чужеземной державой, давая последней право надзора и вмешательства; это было бы равносильно разделению с ней своих державных прав и ставило бы в опасность независимость Оттоманской империи. Турецкое объяснение указывало, наконец, что Порта не может согласиться на неопределенные выражения вроде «конвенций» или «особых распоряжений», когда дело касается миллионов ее подданных греческого исповедания.

Весьма интересно объяснение, данное Риза-пашой маршалу Вальяну о причинах непринятия турками проекта венской ноты вопреки совету Парижского кабинета. «Мы не скрываем от себя, — писал турецкий военный министр¹²³, — всей важности такого поступка, но необходимо, чтобы вы знали, что Турция и в особенности Константинополь в настоящее время находятся в таком возбужденном состоянии, которое требует от министров султана особой осторожности. Турецкая публика, плохой вообще судья в вопросах европейского равновесия, оскорблена до глубины души мыслью сделать уступки России. Ей показалось, что нота содержит таковые, и совет высказался против принятия ее с такой силой, что министры, особенно желающие следовать политике Франции, должны были предложить поправки к ноте, чтобы этим помешать окончательному ее непринятию и войне». Таким образом, лорд Редклиф не без таланта нашел виновного в лице турецкого

общественного мнения, на которого можно было свалить неприятие турками вопреки желанию Европы проекта венской ноты.

Совпадению опасений Порты с некоторыми заключениями нашего канцлера по поводу изменений в венской ноте суждено было сыграть в дальнейшем ходе дипломатических переговоров роковую роль. Выше упомянуто, что лорд Редклиф не проявлял с самого начала особого рвения в деле принятия Портой одобренного его правительством венского проекта ноты и не оказывал должной поддержки австрийскому представителю барону Бруку. Вскоре случилось событие, которое вызвало поворот английского правительства в сторону взглядов его посла в Константинополе. В той части всеподданнейшего доклада графа Нессельроде за 1853 год, которая касается этого события, дело изложено следующим образом¹²⁴: «Преступное злоупотребление доверием, источник которого нам неизвестен, предало оглашению во всеобщее сведение наши замечания на турецкие изменения венской ноты. Дух недоброжелательства и вражды изыскивал в этом документе средства признания нас неправыми, извращая и преувеличивая наши намерения, которые остались теми же, какими мы объявляли их в течение нескольких месяцев перед лицом всего света. Английское правительство, ссылаясь без достаточной искренности на наши замечания и заявляя, что мы разъясняли венскую ноту так, чтобы ей придать значение противное тому, которым руководствовалась конференция (четырёх послов в Вене), объявило Порте, что, узнав наши задние мысли, оно не может советовать ей принять ноту без изменений»¹²⁵.

Известие о происшедшем повороте политики великобританского кабинета было получено во время пребывания императора Николая в Ольмюце. Визит австрийскому императору последовал после ряда писем, которыми обменялись монархи.

Государь в письме от 20 июня, т. е. после повеления о занятии княжеств нашими войсками, замечал, что если дело дойдет до войны, то придется учитывать возможность восстания балканских народностей и распада Османской империи. Государь подчеркивал, что он не стремится к завоеваниям и ему представлялось бы лучшим выходом на случай катастрофы образование мелких балканских государств под общим русско-австрийским покровительством и вольного города Константинополя под протекторатом всех держав. Эти мысли повторяются и в письме от 25 июля, но было бы ошибочно считать их выражением воинственных замыслов императора Николая, так как наряду с ними государь заявлял, что удача попыток мирного уложения кризиса является его горячим желанием. Письмо заканчивалось упоминанием о маневрах в Ольмюце и о возможном прибытии туда государя в качестве шефа 5-го австрийского кирасирского полка.

Канцлер граф Нессельроде

Император Франц-Иосиф ответил на это письмо выражением радости по поводу скорого свидания и приглашением в Ольмюц также фельд-маршала Паскевича.

Личное общение в Ольмюце монархов, связанных особо тесной дружбой, привело к новому проекту мирного улаживания конфликта. Император Николай, не отступая от того, что требовалось интересом ограждения достоинства России, тем не менее проявил искреннее миролюбие, соглашаясь на новый австрийский проект. Он состоял в следующем: Порта подпишет венскую ноту без всяких изменений, а четыре державы дадут ей составленную в одинаковых выражениях декларацию, которая га-

рантировала бы, что Россия не воспользуется нотой для покушения на суверенные права оттоманского государства.

Британское правительство, узнав о проектах примирения, которые разрабатывались в Вене, отказалось от своих предложений и примкнуло к работе дипломатов в австрийской столице. При этом лорд Абердин уверял нашего посла, что разработанный им проект ноты является русским проектом. «Хотя, — добавил он шутливо, — я не получил от вас бочки золота, о которой пишут газеты». Барон Бруннов, предвидя, со своей стороны, что война с Турцией в лучшем случае приведет к образованию мелких балканских государств, «столь же неблагоприятных, какой оказалась Греция, и столь же неудобных для нас, как Придунайские княжества», настоятельно советовал избегать войны¹²⁶.

Барон Бруннов сообщал, что английское правительство первоначально решило даже силой принудить Порту к принятию венской ноты, если бы диван упорствовал в отказе. «Итак, — писал барон Бруннов, — державы, постоянно говорящие о независимости Турции, были бы первыми в деле насилия над этой независимостью».

«Nous y voilà!» — отметил на депеше император Николай¹²⁷.

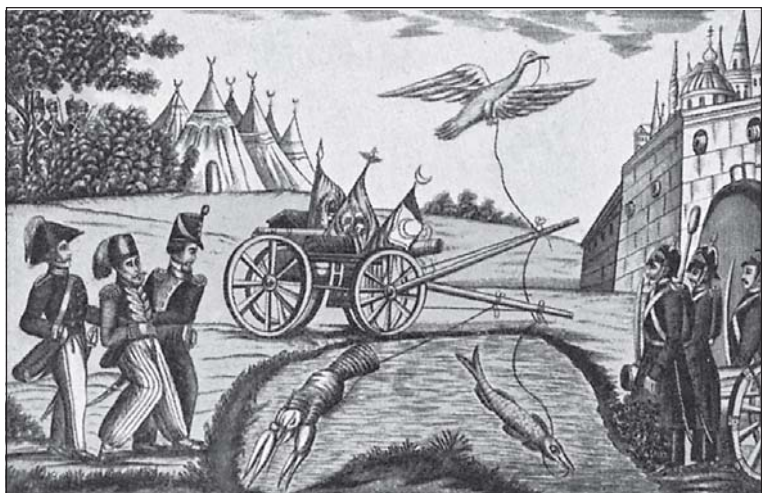
Произошло, однако, совершенно другое. В начале августа князю Меншикову сообщили из Константинополя частным образом¹²⁸,

что турецкое правительство чувствует себя на краю гибели. Барон Брук и Лакур настоятельно советовали султану от имени Австрии и Франции принять ноту, и в Константинополь прибыл даже особый австрийский уполномоченный, полковник Руф, тот самый, который в 1851 году сопровождал миссию графа Лейнингена с письмом австрийского императора к султану, в котором требовалось принятие ноты. «Гиена же из Терапии», т. е. лорд Редклиф, рвала и метала, видя нарушение своих планов. Агент Пеццер¹²⁹ сообщал из Константинополя, что лорд Стратфорд не принял даже участия в совещании послов, на которое был приглашен, но явился с ними к визитю, чтобы заявить ему по поводу венской ноты: «Как посол, я ничего сказать не могу, но, как частное лицо, советую сопротивляться».

Озеров сообщал канцлеру из Одессы¹³⁰, что лорд Редклиф собирался подавать в отставку, и английское правительство прислало в Константинополь полковника Рийвса с целью склонить бурного посла остаться на своем посту. Киселев предупреждал из Парижа¹³¹, что полковник Рийвс везет лорду Стратфорду инструкцию приложить все усилия, чтобы привести Порту к скорому и окончательному согласию, а также не призывать флота в проливы, кроме случая объявления войны или возмущения в Константинополе. Впрочем, в это время в Босфоре уже находилась призванная английским и французским послами эскадра из 10 судов под командой контр-адмирала Барбье дю Тинана¹³². Призыв был сделан из опасения беспорядков, которые могли вспыхнуть в турецкой столице, хотя наш агент сообщал, что эта причина была лишь предлогом для появления союзной эскадры с целью поддерживать упорство Порты¹³³.

Австрийская дипломатия также считала деятельность лорда Редклифа самым крупным препятствием для мирного улаживания кризиса. Граф Буоль официально сообщал¹³⁴, что английский посол не будет искренно поддерживать дела примирения и что следовало бы принять все меры для противодействия его влиянию на турецких министров. Действительно, когда диван собрался в Порте для обсуждения вопроса об объявлении нам войны и когда вопрос был решен в положительном смысле, великобританский посол поспешил поздравить турок с мужественным решением¹³⁵.

Несомненно, что лорд Редклиф стоял на стороне Турции и поддерживал ее в споре с нами, но ошибка нашего кабинета в оценке его деятельности состояла в том, что мы считали его поступающим на свой страх и риск, а не в полном согласии с видами великобританского правительства, которые не были достаточно выпукло освещены в сложных депешах барона Бруннова. Ошибка выяснилась лишь после опубликования переписки лорда Редклифа с лордом Кларендоном¹³⁶, из которой стало видно, что в течение

Карикатура того времени на политическую обстановку

всего кризиса царило полное согласие между сэн-джемским кабинетом и его представителем при Порте. Правда, английское правительство стремилось к мирному исходу возникшего конфликта, но оно думало достичь этой цели внушительными демонстрациями в пользу Турции. «Правительство ее величества, — писал лорд Кларендон лорду Редклифу еще 28 июня, — вполне оправдывает вашу твердость в борьбе с несправедливыми требованиями России и в поддержании принципа турецкой независимости. В случае дальнейших агрессивных мер с ее стороны и дальнейших притязаний правительство ее величества готово в союзе с Францией принять активные меры для защиты Турции от держав, неприязненные отношения которых к ней будут несомненны».

Отношения разъяснились слишком поздно, так как барон Брунов предпочитал беседовать вместо Кларендона с нерешительным лордом Абердином, а в Петербурге эти собеседования нашего посла с главой английского кабинета предпочитались сообщениям и заявлениям сэра Гамильтона Сеймура.

Депеши Брунова начали становиться более тревожными лишь с тех пор, когда для лорда Абердина стало ясным, что мирный исход является недостижимым. 9 (21) сентября наш посол сообщал канцлеру¹³⁷, что первый министр возлагает последнюю надежду на свидание монархов в Ольмюце. Барон Брунов обращал «серьезное внимание» Петербургского кабинета на отказ британского правительства поддержать венскую ноту. Отказ был мотивирован нашими замечаниями на турецкие изменения ноты, так как лорд

Абердин находил, что ему невозможно ни заставить Порту принять ноту в том ее смысле, который вытекает из наших «замечаний», ни давать ей гарантии, что смысл ноты будет тот, который подразумевался введенными в нее турками изменениями.

В депеше от 30 сентября (12 октября)¹³⁸ барон Бруннов указывал, что английское правительство отказывается принять участие в осуществлении ольмюцких проектов, и в Совете министров решено не оставлять Турции без активной поддержки. Эскадрам будет поручено охранять турецкие порты от наших атак, и даже предвидится отправление в Турцию сухопутного экспедиционного корпуса. Депеша барона Бруннова была прочтена императором Николаем, который поставил против изложения английских военных планов ряд восклицательных знаков.

В тот же день барон Бруннов беседовал с лордом Абердином¹³⁹, который сообщил нашему послу, что приказ войти флоту в Черное море отсрочен. Это сообщение явилось как бы ответом на официальную ноту барона Бруннова лорду Кларендону¹⁴⁰, в которой наш посол протестовал против входа эскадры в Дарданелльский пролив, чем нарушалось соглашение держав 1841 года. Нота нашего посла была одобрена государем, написавшим на представленной ему копии: «Parfaitement parlé et agi. Спасибо ему»¹⁴¹.

В происшедшем разговоре лорд Абердин, между прочим, высказал мнение, что приближение зимы делает нападение на турецкие порты невероятным и что опасение может касаться только Варны и Батума. Он считал долгом чести заявить, что русская эскадра в случае нападения на турецкие порты встретит перед собой английскую. Барон Бруннов отвечал, что в этом случае произойдет то, что угодно будет приказать государю, что английская эскадра, защищающая турецкие берега, будет союзницей нашего неприятеля и если Англия не желает войны, то не должна бы вызывать ее, действуя нечестно («under hand dealing»). Эти заявления барона Бруннова были одобрены императором Николаем, троекратно написавшим: «parfait».

Однако барон Бруннов счел нужным добавить и к этим столь определенным по смыслу заявлениям лорда Абердина, что ему кажется, что первый министр тяготится сотрудничеством лорда Кларендона; он подробно изложил свой разговор с лордом Дж. Рёсселем, которому наш посол счел нужным заявить, что Англия не способна вести продолжительной войны, какой явится возможная война с Россией, и это, по сообщению барона Бруннова, видимо, произвело на его собеседника сильное впечатление.

Но решения Британского кабинета были бесповоротны. Из сообщенной нашему правительству депешы графа Буоля барону Гюбнеру в Париж¹⁴² видно, что осуществление ольмюцкого проекта встретило решительное противодействие с английской стороны.

На совещании у графа Буоля 22 сентября, когда французский и прусский послы изъявили согласие своих правительств, английский посол лорд Вестморланд высказал, что его правительство решительно отказывается настаивать перед Портой на подписании ею венской ноты, какими бы декларациями держав это ни сопровождалось.

Впрочем, было уже слишком поздно. В Константинополе настроение стало в высшей степени возбужденным. Решид-паша заявил в присутствии султана в чрезвычайном собрании дивана 14 сентября, что он просит об отставке, если большинство голосов выскажется за мир, а не за войну¹⁴³. Такое заявление сделало Решиду-пашу народным идиолом; ему все стали поклоняться и возносить в мечетях за него молитвы. Возбуждение, одинаково проявившееся как в армии, так и в высших государственных установлениях, и присутствие англо-французской эскадры, которое вселяло в турок убеждение, что им будет оказана вооруженная помощь, не могли не привести к войне.

Ее объявление со стороны Порты последовало 26 сентября (8 октября) в виде письма главнокомандующего турецкой армии Омера-паши к командующему нашей Дунайской армией князю Горчакову.

«По приказанию моего правительства, — писал Омер-паша¹⁴⁴, — имею честь адресовать настоящее письмо вашему превосходительству.

В то время когда Блистательная Порта исчерпывала все средства соглашения, чтобы сохранить мир и свою независимость, русское правительство не переставало создавать затруднения, дойдя до нарушения трактатов занятием княжеств Молдавии и Валахии, которые составляют неразрывные части Оттоманской империи.

Блистательная Порта, верная своей миролюбивой системе, не пользовалась своим правом насилия и ограничилась протестами, не сходя с пути, который мог еще привести к соглашению.

Наоборот, Россия, избегая подобного направления, кончила отказом принять предложения, рекомендованные правительствами августейших посредников и необходимые для чести и безопасности Блистательной Порты.

Последней неизбежно остается поэтому прибегнуть к войне. Но в виду того, что занятие княжеств и соединенное с ним нарушение трактатов являются причинами войны, Блистательная Порта предлагает через меня вашему превосходительству в виде последнего выражения своих миролюбивых чувств очищение обоих княжеств и оставляет для вашего решения срок в 15 дней со дня получения этого письма.

Если в течение указанного срока я получил бы от вас отрицательный ответ, то естественным последствием его будет начало военных действий»¹⁴⁵.

Князь Горчаков в своем ответе от 28 сентября (10 октября) ограничился указанием на отсутствие у него полномочий для переговоров о мире и войне и для очищения княжеств¹⁴⁶. Письмо же Омера-паши он отправил в Петербург, и государь пометил на нем: «Peut-on lire quelque chose de plus insolent et de plus faux».

Единственным возможным ответом на открытие турками военных действий явился высочайший манифест 21 октября 1853 года о войне с Турцией¹⁴⁷.

Началось, по выражению Ф. Н. Тютчева¹⁴⁸, «нечто, столь серьезное и столь роковое, что ни одна мысль ныне живущего человека не сумела бы ни измерить, ни определить последствий». Русское общество, хотя и ожидало крупных событий, но не было к ним подготовлено. «Бессилие, индифферентизм, паралич умов прямо феноменальны», — писал тот же Тютчев и утешался лишь тем, что «дело вышло из рук человеческих и покатится силой собственного веса к цели, назначенной ему роком». Один из представителей высшего петербургского света, князь П. П. Гагарин, занес около этого времени в свой дневник следующие слова: «Voyez en ce moment la conduite de l'Angleterre et de la France. Est-ce l'intérêt de l'humanité qui les guide? N'est-il pas visible que l'envie et la haine de la Russie sont leurs seuls mobiles. Quelle sottise que la diplomatie! Mais celle de 1853 l'est encore plus que celle de beaucoup d'années précédentes qui cependant pourraient fournir bien des preuves de sa sottise»¹⁴⁹.

Берлинский кабинет после отъезда князя Меншикова из Константинополя не принимал особо деятельного участия в переговорах между державами о предотвращении грозных последствий кризиса. Пруссия заняла выжидательное положение, как бы готовясь активно выступить лишь тогда, когда окончательно определится исход возникших на востоке недоразумений.

В уме прусского короля Фридриха-Вильгельма IV примешивались в этом случае к государственным соображениям соображения совершенно особого порядка. Это был государь, проникнутый, с одной стороны, принципами, которые легли в основание Священного союза, а с другой — мистическими стремлениями, окрашенными либеральным оттенком. Эти элементы боролись в его уме, создавая двойственность слов и поступков, от которой он спасался, призывая Бога и веруя в непосредственное божественное происхождение своих мечтательных порывов. Однако крепкие прусские династические традиции брали в конце концов верх над другими влияниями, а результатом последних являлась лишь крайняя медленность и нерешительность действий.

Защитники Порты

Король прусского связывали с императором Николаем узы дружбы, соединявшие государей с юношеских лет; они были к тому же подкреплены узами родства вследствие брака государя с принцессой прусской — сестрой короля. В личных сношениях монархов была заметна известная непринужденность с оттенком некоторого добродушия со стороны императора Николая и глубокого почтения со стороны короля, который видел в царственном премнике Александра Благословенного олицетворение священных заветов, оставленных монархам великой эпохой общей борьбы и общих стремлений.

Сложные чувства короля Фридриха-Вильгельма оказывали известное влияние на политику берлинского кабинета, и это влияние было подчас весьма трудно учесть. У императора Николая слова не расходились с делом. У короля же прусского колебания на деле соответствовали нерешительности слов. Симпатии государя относились не столько к личности короля, сколько к прусским династическим преданиям и государственному порядку. Известно, что и наши прибалтийские немцы пользовались в качестве носителей духа порядка и дисциплины благоволением государя, который избрал среди них исполнителей своих предначертаний в государственных делах. Их присутствие в наших правительственных учреждениях до такой степени усиливало связь между Петербургом и Берлином, что последний казался для многих как бы отражением первого.

Отношения, однако, понемногу незаметно стали изменяться, что немецкие писатели приписывают¹⁵⁰ влиянию русского нацио-

нализма, который начал с 1839 года мало-помалу брать верх в петербургских правительственных сферах. В действительности же это изменение правдоподобнее объяснить широкими политическими замыслами прусских государственных людей, которые уже тогда лелеяли идею германского объединения под главенством Пруссии. Слова императора Николая, сказанные прусскому послу в декабре 1849 года, что в случае прусско-австрийского конфликта Россия станет на сторону Австрии, являлись сами по себе достаточным поводом, чтобы известные берлинские придворные и правительственные круги охладели к России. Они, конечно, были далеки от мысли разрыва той связи, которая существовала с могущественной восточной соседкой и в которой Пруссия в то время еще крайне нуждалась, но они вовсе не были склонны к политике безусловного единения с Россией, называя ее политикой подчинения.

Опасность чрезмерного роста Пруссии сознавалась в России издавна. Нападение этого государства в 1848 году на Данию было решительно остановлено императором Николаем, и в Петербурге в то время совершенно основательно говорили: «Что станет с нашим господством на Балтийском море, если Киль будет в руках пруссаков? Чем станет наше влияние в Германии и в Европе, если Германия объединится?»¹⁵¹.

Очевидно, что между Россией и Пруссией существовал глубокий политический антагонизм, который не мог быть уравновешен дружбой монархов и влиянием государя на короля. Поэтому в решительную минуту в марте 1854 года, когда Фридрих-Вильгельм выразил желание под влиянием своих личных чувств и писем сестры вступить в действительный военный союз с Россией, принц прусский Вильгельм заявил, что в этой войне он не примет на себя никакого командования и на время войны удалится в Англию, а председатель Совета министров барон Мантейфель заявил, что в случае союза с Россией он будет просить об отставке.

Дипломатические документы нашего Министерства иностранных дел не дают ясного освещения действительности. Это освещение является в них — если можно так выразиться — салонно-поверхностным, и в рассматриваемый период кризиса сношения между Петербургским и Берлинским кабинетами ограничивались лишь обменом малозначащими сообщениями. Так, нашим посланником в Берлине были даны барону Мантейфелю¹⁵² копии депеш графа Нессельроде к барону Бруннову, которые «содержали блестящее опровержение обвинений нашей политики иностранной прессой, особенно английской». Далее барон Будберг сообщал со слов прусского министра, что король признает умеренность наших требований, хотя и не желает высказываться о существе предложенной Порте князем Меншиковым ноты. Однако, добавляет барон Будберг, нота была еще раз прочитана им совместно с прусским

министром, который не нашел в ней «ничего несправедливого или посягающего на независимость и державные права султана».

Любопытно, что за несколько дней до этого английский посол в Берлине лорд Блюмфильд писал своему правительству¹⁵³, что, по мнению барона Мантейфеля, князь Меншиков превзошел, вероятно, данные ему инструкции, так как документ, предложенный им Порте, давал бы России право вмешательства во внутренние дела Турции, что противоречит независимости последней. «Могу уверить ваше сиятельство, — добавлял лорд Блюмфильд, — что поступки русского правительства порицаются повсюду и что все согласны, что Порта не может подписать подобного документа, не подвергая опасности свою независимость».

Прусский кабинет, не желая высказываться окончательно перед нами, не находил в то же время возможным примыкать и к западным державам. Так, он отклонил предложение французского поверенного в делах Габриака о совместных действиях на основании договора 1841 года о проливах, которым державы, по мнению французского кабинета, обязывались охранять независимость Османской империи. Барон Будберг первоначально выражал сомнение в том, чтобы предложение Габриака исходило от Тюильрийского кабинета¹⁵⁴, но через несколько дней предложение возобновил прибывший в Берлин французский посол маркиз Мутье. Он дал понять барону Мантейфелю, что в случае отказа прусского кабинета от признания обязанности охранять на основании трактата 1841 года независимость Порты Франция, в свою очередь, может отказаться от некоторых неудобных для нее обязательств по отношению к другим государствам¹⁵⁵. Но барон Мантейфель остался тверд, и наш посол счел долгом, чтобы укрепить его правильные взгляды, передать ему полученное от барона Брунова из Лондона сообщение, которое заключало неопровержимые доказательства неправильности французских домогательств. И опять странное совпадение: почти что одновременно с этим лорд Кларендон первый выразил барону Мантейфелю благодарность через великобританского посла в Берлине¹⁵⁶ за его дружественные сообщения и радость по поводу того, что прусский представитель в Константинополе барон Вильденбург разделяет взгляды лорда Редклифа.

О деятельности последнего прусский король разговаривал с бароном Будбергом во время обеда по случаю дня рождения императора Николая. «Думаете ли вы, действительно, — спросил король, — что ненависть к России лорда Редклифа является главной причиной происшедших затруднений? Признаюсь, что я не вижу этого из его донесений своему правительству, по крайней мере тех, которые мне известны»¹⁵⁷. Барон Будберг отвечал, что из объяснений самого британского кабинета вытекает, что он сомневается в

Карикатура Степанова на политическую обстановку

послушании своего посла в Константинополе, но не имеет сил заставить его следовать своим указаниям. «Не отрицая точности таких суждений британского кабинета, — доносил наш посол, — король согласился со мной в том, что мир Европы находится в зависимости от этого страстного и не считающегося с последствиями человека, которому английское правительство передало свои полномочия».

В заключение беседы король выразил надежду, что дело до войны не дойдет, так как «мы, трое, сумеем успокоить увлечение Франции и Англии». «Грустно, — прибавил Фридрих-Вильгельм, — что проявилась такая неблагодарность к императору, которому Европа столь многим обязана».

Впрочем, король не представлял себе достаточно ясно сущности возникшего конфликта. Он склонялся то в одну, то в другую сторону, и, как видно из сообщений барона Будберга, у него явилась даже мысль предложить нам замену русского протектората над христианами в Турции совместным протекторатом пяти держав. Идея была оставлена, так как даже барон Мантейфель, не особенно приверженный к России, находил ее безусловно неприемлемой с русской точки зрения.

Особого внимания заслуживает депеша барона Будберга от 10 (22) июля¹⁵⁸ о впечатлениях возвратившегося из Англии принца прусского. Он вынес из бесед с лордами Абердином и Кларендоном

заключение, что, во-первых, британский кабинет стремится к улаживанию затруднений самым почетным для России образом и, во-вторых, что он тяготится дружбой с Францией. Лишь только текущие затруднения на Востоке будут устранены, Британский кабинет воспользуется первым случаем, чтобы покинуть союзницу. Вторая часть депеши Будберга противоречила первой. В ней говорилось о том, что барон Мантейфель дал нашему послу для прочтения конфиденциальное письмо прусского представителя в Лондоне Бунзена, который сообщал, что: 1) соглашение Англии с Францией охватывает всевозможные случайности восточного кризиса; 2) обе морские державы окончательно решились воевать с Россией, если целостность Турции подвергнется опасности; 3) Британский кабинет крайне недоволен нейтральностью Пруссии в восточном вопросе; наоборот, он хвалит положение, занятое Австрией, и считает его вполне благоприятным для политики морских держав.

В середине сентября барон Будберг сообщал¹⁵⁹, что берлинский кабинет, несмотря на отказ Англии и Франции в поддержке венской ноты после опубликования наших на нее замечаний, продолжал придерживаться этой ноты и настаивал через своего посла в Вене на принятии ее без изменений.

Видимо, Пруссия избрала политику строгого нейтралитета, и король Фридрих-Вильгельм склонялся, несмотря на свои личные симпатии и желания, к точному исполнению этой политики. На приглашение императора Николая приехать в Варшаву он ответил письмом, в котором объяснял, что против приезда борются два воинства (*il y a deux de bataille qui militent contre le voyage de Varsovie*), одно из области внешней, а другое из области внутренней политики¹⁶⁰. «Положение Восточного вопроса таково, — писал король, — что манифестация единения с нашей стороны (*de nous autres*) вызвала бы возбуждение Англии и Франции, с риском навлечь нечто более положительное, чем *манифестация*¹⁶¹. К несчастью, Восточный вопрос привел к усилению союза этих двух держав».

«Перейдем к внутренней политике, — продолжал король. — Мои верные министры и я подготавливаем акты, которые спасут нас, с Божьей помощью, от конституционализма, угрожающего Пруссии... Для этого мне нужна поддержка общественного мнения, а общественное мнение против моей поездки...»

«Если вы находите, — закончил король, — мои соображения пустыми и трусливыми, то скажите мне это откровенно. Я докажу вам мое мужество. Я приеду...»

На следующий день Фридрих-Вильгельм отправил государю другое письмо¹⁶², в котором просил оказать доверие отъезжавшему в Ольмюц принцу Вильгельму; писал, что Англия имеет сме-

лость вступать на путь, куда честь запрещает идти другим, причем это замечание было сделано с оговоркой — «не знаю, не ошибаюсь ли я?». Далее король писал, что Англия боится войны, что французский «коллега» готов броситься как тигр в сторону Пьемонта, Германии или Бельгии, и заклинал (*je Vous conjure*) государя не отвечать ему письменно, а передать ответ через принца Вильгельма или графа Мюнстера.

В сущности, императору Николаю нечего было и отвечать королю Фридриху-Вильгельму.

Примечания

¹ Барон Бруннов уверял в письме к кн. Меншикову от 5 (17) мая 1853 г., что английское правительство «остается в совершенной неизвестности насчет того окончательного решения, к какому приведут действия ее посла» и что в сущности английские министры и даже лорд Редклиф более заботятся о том, чтобы наша конвенция с Турцией произвела выгодное впечатление на английскую публику, и всего менее о том, какой вред конвенция нанесет Турции (Письмо № 197. Гос. архив., разр. XI, д. № 1236).

² Архив Мин. иностр. дел, карт. Доклады, 1853 г.

³ Киселев — канцлеру 16 (28) мая 1853 г., № 60. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1853.

⁴ Перевод с французского.

⁵ Шифр. деп. Киселева канцлеру 21 мая (2 июня) 1853 г., № 67. Там же.

⁶ Лорд Ковлей — Кларендону 19 мая 1853 г. из Парижа. East. pap. t. 1. P. 175.

⁷ Канцлер — Киселеву из Петербурга 23 мая 1853 г., № 235. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1853.

⁸ Киселев — канцлеру 17 (29) мая 1853 г., № 62. Там же.

⁹ Шифр. деп. Киселева канцлеру 26 мая (7 июня) 1853 г., № 68. Там же.

¹⁰ Киселев — канцлеру 28 мая (9 июня) 1853 г., № 69. Там же.

¹¹ Депеша от 7 (19) июня 1853 г., № 74. Там же.

¹² Там же. № 92.

¹³ Киселев — канцлеру 9 (21) сентября, № 110. Там же.

¹⁴ Депеша от 31 октября (12 ноября) и 2 (14) ноября 1853 г., № 132 и 134. Там же.

¹⁵ Киселев — канцлеру 7 (19) июня 1853 г., № 74. Там же.

¹⁶ Перевод с французского.

¹⁷ От 16 (28) мая 1853 г., № 60.

¹⁸ Депеша Губнера гр. Буолю 2 июня 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Autriche, 1853.

¹⁹ Депеша Киселева от 24 июня (6 июля) 1853 г., № 82. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1853.

²⁰ Депеша от 18 (30) августа 1853 г., № 103. Там же.

²¹ Деша от 4 (16) сентября 1853 г., № 107.

²² Аргиропуло — кн. Меншикову 13 (25) сентября 1853 г. из Константинополя. Гос. архив, разр. XI, д. № 251.

²³ Деша кн. Горчакову канцлеру из Штутгарта от 20 октября (1 ноября) 1853 г., № 639. См. приложение № 1.

²⁴ Киселев — канцлеру 25 сентября (7 октября) 1853 г., № 112. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1853.

²⁵ Перевод с французского.

²⁶ Фонтон — Будбергу из Вены 26 сентября (8 октября) 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1853.

²⁷ Киселев — канцлеру 30 сентября (12 октября) 1853 г., № 113. Там же, карт. Paris, 1853.

²⁸ Easter pap., t. I, p. 227.

²⁹ Курсив подлинника.

³⁰ Циркуляр гр. Нессельроде, см. приложение № 2.

³¹ См. приложение № 3.

³² От 1 августа 1853 г., № 349 и 350. См. приложения № 4, 5.

³³ Насколько государь в это время был уверен в мирном окончании конфликта, можно судить по следующим словам письма его к командующему войсками на Дунае. «По последним сведениям через Вену, — писал государь кн. М. Д. Горчакову 13 (25) июля 1853 г., — можно надеяться, что занятием Бухареста и кончатся наши военные действия, ибо Англия и Франция пришли на разум и заодно с Австрией хотят уговорить турок удовлетворить нашим требованиям... Теперь займись отдыхом войск и готовь при этом к обратному почетному походу» (Собств. Его Величества Библиотека, шк. 115, портф. 14).

³⁴ Канцлер — Киселеву 1 (13) августа 1853 г., № 352. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1853.

³⁵ «Le neuf derniers mois de la mission du gén. Marquis Castelbajac à St.-Petersbourg». P. 192, 193.

³⁶ Id. P. 180.

³⁷ Id. P. 167, 168.

³⁸ Id. P. 172.

³⁹ Id. P. 192, 193.

⁴⁰ East. pap., t. I.

⁴¹ Id., t. I.

⁴² Редклиф — Кларендону 22 мая 1853 г. East. pap., t. I. P. 219.

⁴³ East. pap., t. I.

⁴⁴ Письмо бар. Бруннова канцлеру 21 апреля 1853 г. Гос. архив, разр. III, д. № 108.

⁴⁵ «Там не будет войны! Там не может быть войны!»

⁴⁶ Письмо бар. Бруннова канцлеру 13 апреля 1853 г. Там же.

⁴⁷ «Не ссорьтесь с Россией».

⁴⁸ См. приложение № 6.

⁴⁹ Письмо бар. Бруннова канцлеру 20 мая (1 июня) 1853 г. Гос. архив, разр. III, д. № 108.

⁵⁰ Перевод с французского.

⁵¹ См. приложение № 7.

⁵² Барон Бруннов — канцлеру 20 мая (1 июня) 1853 г., № 130. Архив Мин. иностр. дел, карт. Londres, 1853.

⁵³ Барон Бруннов — графу Нессельроде 26 мая (7 июня) 1853 г. Гос. архив, разр. III, д. № 108.

⁵⁴ Бруннов — канцлеру 26 мая (7 июня) 1853 г., № 131. Архив Мин. иностр. дел, карт. Londres, 1853.

⁵⁵ Барон Бруннов — графу Нессельроде 7 (19) июня 1853 г. Гос. архив, разр. III, д. № 108.

⁵⁶ Барон Бруннов — графу Нессельроде 26 мая (7 июня) 1853 г. Там же.

⁵⁷ Барон Бруннов — графу Нессельроде 27 мая (8 июня) 1853 г. Там же.

⁵⁸ Курсив подлинника.

⁵⁹ Архив Мин. иностр. дел, карт. Turquie, 1853.

⁶⁰ Барон Бруннов — графу Нессельроде 2 (14) июня 1853 г. Гос. архив, разр. III, д. № 108.

⁶¹ Барон Бруннов — канцлеру 3 (15) июня 1853 г., № 140. Архив Мин. иностр. дел, карт. Londres, 1853.

⁶² См. приложение № 8.

⁶³ Барон Бруннов — графу Нессельроде 8 (20) июня 1853 г. Гос. архив, разр. III, д. № 108.

⁶⁴ См. приложение № 9.

⁶⁵ Барон Бруннов — канцлеру 24 июня (6 июля) 1853 г., № 174. Архив Мин. иностр. дел, карт. Londres, 1853.

⁶⁶ Барон Бруннов — канцлеру 24 июня (6 июля) 1853 г., № 180. Там же.

⁶⁷ Шифрованная депеша барона Бруннова 25 июня (7 июля) 1853 г., № 190. Там же.

⁶⁸ Впрочем, Сеймур не пользовался симпатией в петербургском обществе. Вот что записал о нем кн. П. П. Гагарин в своем дневнике от 5 декабря 1853 г.: «*Quel odieux personnage que le ministre d'Angleterre. Je l'ai trouvé et dit à quelques amis dès son arrivée. Je pense bien qu'à présent personne n'en doute. Lui, malgré sa médiocrité se croit un génie supérieur comme homme et comme anglais à tout ce qui existe ailleurs*» (Собств. Его Величества библиотека).

⁶⁹ Лорд Кларендон — сэру Сеймуру 31 мая 1853 г., № 81. Архив Мин. иностр. дел, карт. Grande-Bretagne, 1853.

⁷⁰ См. приложение № 10.

⁷¹ Сеймур — Кларендону 31 мая 1853 г. East. pap., t. I. P. 239.

⁷² Сеймур — графу Нессельроде 6 (18) июня 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Gr.-Bretagne, 1853.

⁷³ Граф Кларендон — сэру Сеймуру 7 июня 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Gr.-Bretagne, 1853. Депеша эта помещена в East. pap., t. I. P. 230.

⁷⁴ Сеймур — Кларендону 10 июня 1853 г. East. pap., t. I. P. 277.

⁷⁵ Сеймур — графу Нессельроде 14 (26) июня 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Gr.-Bretagne, 1853.

⁷⁶ East. pap., t. I. P. 264.

⁷⁷ Сеймур — Кларендону 17 июня 1853 г. Там же.

⁷⁸ Курсив подлинника.

⁷⁹ Сеймур — Кларендону 28 июня 1853 г. East. pap., t. I. P. 329.

⁸⁰ Сеймур — Кларендону 8 июля 1853 г. Там же. С. 359.

⁸¹ План этот был одобрен лордом Кларендоном. Кларендон — Сеймuru 19 июля 1853 г. Там же. С. 369.

⁸² Бруннов — графу Нессельроде 22 июля (3 августа) 1853 г. Гос. архив, разр. III, д. № 108. Кларендон — Сеймuru 22 июля 1853 г. East. rap., t. I. P. 390.

⁸³ Бруннов — канцлеру 15 (27) июля 1853 г., № 210. Архив Мин. иностр. дел, карт. Londres, 1853.

⁸⁴ Курсив подлинника.

⁸⁵ Собственноручное письмо от 9 (21) апреля 1853 г. из С.-Петербур-га. Гос. архив.

⁸⁶ Это взгляд государя, принятый на особом совещании 1828 г. См. том I настоящего труда.

⁸⁷ Перевод с французского.

⁸⁸ Фонтон — канцлеру 16 (28) мая 1853 г., № 127. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1853.

⁸⁹ Император Николай — императору Францу-Иосифу 18 (30) мая 1853 г. Гос. архив.

⁹⁰ См. приложение № 11.

⁹¹ Барон Мейендорф — канцлеру 26 мая (7 июня) 1853 г., № 135. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1853.

⁹² Фонтон — канцлеру 23 мая (5 июня) 1853 г., № 132. Там же.

⁹³ Граф Буоль — барону Лебцельтнеру 2 июня 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Autriche, 1853.

⁹⁴ Курсив подлинника.

⁹⁵ Шифрованная депеша барона Мейендорфа — канцлеру 4 (16) июня 1853 г., № 149 и частные письма его к нему же от 4 (16) и 10 (22) июня 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1853.

⁹⁶ Курсив подлинника.

⁹⁷ См. приложение № 12.

⁹⁸ Частное письмо барона Мейендорфа — графу Нессельроде 18 (20) июня 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1853.

⁹⁹ East. rap., t. I. P. 321.

¹⁰⁰ Император Франц-Иосиф во время инспекции своих войск в Оль-мюце в сентябре 1853 г., т. е. уже после ряда неудач в попытках прими-рения, запретил в течение первых восьми дней присутствовать там ино-странным военным агентам. Исключение было сделано лишь для рус-ского представителя графа Штакельберга, так как император заявил, что на него не смотрит как на иностранца (графа Штакельберг, воен-ный министр. 2 (14) сентября 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 16).

¹⁰¹ Граф Буоль — барону Бруку 22 июня 1853 г. East. rap., t. I. P. 334—335.

¹⁰² Удаление Фуада-паши и фирмы о Святых местах.

¹⁰³ Граф Буоль — барону Лебцельтнеру 30 (18) июня 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Autriche, 1853.

¹⁰⁴ См. приложение № 13.

¹⁰⁵ Из дневника князя П. П. Гагарина: «18 июня 1853 г. Ce manifeste écrit par deux volontés différentes. L'une qui veut le maintien de la dignité,

l'autre qui rassure l'Europe et dit: je veux la paix qui annonce une invasion et assure que même après il ne dénonce pas la guerre, est-il de la nature à produire de l'enthousiasme?» Собст. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 15.

¹⁰⁶ Всеподданнейший отчет графа Нессельроде за 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт.

¹⁰⁷ Дешеша барона Мейендорфа — канцлеру 16 (28) июля 1853 г., № 194. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1853.

¹⁰⁸ Граф Буоль — барону Лебцельтнеру 5 августа 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Autriche, 1853.

¹⁰⁹ См. приложение № 14.

¹¹⁰ См. приложение № 15.

¹¹¹ См. приложение № 16.

¹¹² Барон Мейендорф — канцлеру 27 июля (8 августа) 1853 г., № 206. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1853.

¹¹³ См. приложение № 17.

¹¹⁴ Частное письмо барона Мейендорфа — графу Нессельроде 20 августа (1 сентября) 1853 г. Там же.

¹¹⁵ Это было 25 августа.

¹¹⁶ См. приложение № 15.

¹¹⁷ Канцлер — барону Мейендорфу 26 августа 1853 г., № 378. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1853.

¹¹⁸ См. приложение № 18.

¹¹⁹ См. приложение № 19.

¹²⁰ Граф Буоль — барону Лебцельтнеру 28 августа 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Autriche, 1853.

¹²¹ Аргиропуло — Озерову, № 218. Там же.

¹²² См. приложение № 20.

¹²³ Lettre de m. Riza au m-al Vaillant le 5 septembre 1853. Парижский воен. архив.

¹²⁴ Архив Мин. иностр. дел, карт. Доклады.

¹²⁵ Перевод с французского.

¹²⁶ Барон Бруннов — графу Нессельроде 22 июля (3 августа) 1853 г. Гос. архив, разр. III, д. № 108.

¹²⁷ Барон Бруннов — канцлеру 29 июля (10 августа) 1853 г., № 218. Архив Мин. иностр. дел, карт. Londres, 1853.

¹²⁸ Письмо одного из агентов 4 (16) августа 1853 г. Гос. архив, разр. XI. Это письмо было написано с видимой целью понравиться получателю.

¹²⁹ Письмо от 11 (23) сентября 1853 г. Гос. архив, разр. XI, д. № 1251.

¹³⁰ Письмо от 25 сентября 1853 г., № 284. Архив Мин. иностр. дел.

¹³¹ Киселев — канцлеру 6 (18) сентября 1853 г., № 109.

¹³² Донесение Пизани Озерову от 4 (16) сентября 1853 г. Гос. архив, разр. XI, д. № 1251.

¹³³ Аргиропуло — Озерову 3 (15) сентября 1853 г. Там же.

¹³⁴ Граф Буоль — барону Бруку 19 сентября 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Autriche, 1853.

¹³⁵ Аргиропуло — Озерову 21 сентября (3 октября) 1853 г. Гос. архив, разр. XI, д. № 1251.

¹³⁶ East. rap., t. I.

- ¹³⁷ См. приложение № 21.
- ¹³⁸ См. приложение № 22.
- ¹³⁹ См. приложение № 23.
- ¹⁴⁰ Приложение к депеше барона Бруннова канцлеру 14 (26) сентября 1853 г., № 251. Архив Мин. иностр. дел, карт. Londres, 1853.
- ¹⁴¹ Курсив подлинника.
- ¹⁴² От 23 сентября 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1853.
- ¹⁴³ Донесение капитана Протопопова князю Меншикову из Константинополя 24 сентября 1853 г. Гос. архив, разр. XI, д. № 1260.
- ¹⁴⁴ Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 47.
- ¹⁴⁵ Перевод с французского.
- ¹⁴⁶ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.
- ¹⁴⁷ См. приложение № 24.
- ¹⁴⁸ Письма//Русский архив. 1898. Кн. 3.
- ¹⁴⁹ От 17 ноября 1853 г. Собств. Его Велич. библ.
- ¹⁵⁰ T. v. Bernhardt: «Unter Nikolaus I und Friedrich-Wilhelm IV», S. 7.
- ¹⁵¹ T. v. Bernhardt, S. 181.
- ¹⁵² Будберг — канцлеру 29 мая (10 июля) 1853 г., № 43. Архив Мин. иностр. дел, карт. Berlin 1853.
- ¹⁵³ Блюмфильд — Кларендону 30 мая 1853 г. East pap., t. I. P. 223.
- ¹⁵⁴ Будберг — канцлеру 29 мая (10 июня) 1853 г., № 43.
- ¹⁵⁵ Будберг — канцлеру 12 (24) июня 1853 г., № 51. Архив Мин. иностр. дел, карт. Berlin, 1853.
- ¹⁵⁶ Лорд Кларендон — Блюмфильду 14 июня 1853 г. East. pap., t. I. P. 256.
- ¹⁵⁷ Барон Будберг — канцлеру 25 июня (7 июля) 1853 г., № 55. Архив Мин. иностр. дел, карт. Berlin.
- ¹⁵⁸ См. приложение № 25.
- ¹⁵⁹ Будберг — канцлеру 16 (28) сентября 1853 г., № 74.
- ¹⁶⁰ Король прусский — императору Николаю 28 сентября 1853 г. Гос. архив.
- ¹⁶¹ Курсив подлинника.
- ¹⁶² От 29 сентября 1853 г., из С.-Суси. Гос. архив.

Глава II

Сосредоточение русских войск на границе княжеств (лето 1853 года) и распоряжения по занятию княжеств

Придунайские княжества, Молдавия и Валахия, невольно сделались в 1853 году объектом спора чуть ли не всей Европы. Княжества эти со времени своего возникновения в XIII веке непрерывно пользовались внутренней самостоятельностью, признавая над собой власть первоначально Венгрии, потом Венгрии и Польши, а с конца XIV века преимущественно власть Турции. Господари валашский Бранковано и молдавский Кантемир вступили во время Прутского похода Петра Великого в сношения с Россией, причем Кантемир даже заключил с нами договор, на основании которого обязывался вместе со своим народом сделаться вассалом Петра. Неудача похода повлекла за собой изгнание туземных господарей из княжеств и передачу их Портой в управление константинопольских греков, щедро оплачивавших возведение себя в сан государей Молдавии и Валахии.

Несмотря на отчуждение греческих правителей, так называемых фанариотов¹, от народа, они принуждены были сообразовать в интересах укрепления собственной власти² свою политику с желаниями управляемой ими страны и стремиться к расширению государственной самостоятельности своих княжеств; с другой стороны, господари предполагали, что, действуя таким образом, они способствуют осуществлению греческих мечтаний о восстановлении Византийской империи. В действительности же деятельность господарей при возродившемся и усиливающемся румынском национальном сознании невольно клонилась к освобождению княжеств не только от турецкого владычества, но и от греческого влияния. В начале прошлого столетия в этом пришлось убедиться вождю греческого движения в Валахии Александру Ипсиланти, после неудач которого перестала существовать там и сама мысль о воссоединении с Грецией.

Кучук-Кайнарджийским договором права княжеств были расширены. Господари получили возможность держать при Порте своих поверенных в делах и при всяком недоразумении между нею и княжествами имели право прибегать к заступничеству России. Ясский договор 1791 года и бухарестский договор 1812 года подтвердили постановления Кучук-Кайнарджийского трактата. Аккерманская конвенция 1826 года установила семилетний срок правления господарей, причем обусловила их назначение и смену

*Панорамный вид России
(английская гравюра)*

согласием России. Адрианопольский трактат признал протекторат России над обоими княжествами. В силу этого признания наши войска оставались в княжествах и после войны для поддержания порядка до введения в действие выработанного графом Киселевым и рассмотренного, по повелению императора Николая, в Государственном совете «Органического статута», заключавшего кодекс государственного и финансового права Молдавии и Валахии, а также и некоторые другие постановления и уставы. Согласно статута сан господаря приобретался народным избранием и утверждением России и Турции.

Однако волнения в княжествах не прекращались. Они вызывались в Валахии злоупотреблениями господаря, а в Молдавии недовольством крестьян. Общеввропейское революционное движение 1848 года отозвалось в Валахии свержением господаря и сменой временных революционных правительств, отменивших Органический устав; в Молдавии же, которой управлял энергичный Стурдза, оно ограничилось отдельными вспышками. Эти обстоятельства первоначально повлекли за собой занятие княжеств русскими и турецкими войсками, а затем, в 1849 году, была заключена Балто-лиманская конвенция, которая восстанавливала действие Органического статута, но с отменой права избрания господарей, вновь назначавшихся с тех пор по соглашению нашего правительства и Порты.

Господарем Валахии был назначен Барбо Стирбей, Молдавии — Григорий Гика. Первые же годы их правления ознаменовались

злоупотреблениями и недовольством населения. И то и другое являлось для нашего правительства предметом забот, а для наших заграничных недоброжелателей — материалом для обвинений не столько против господарей, сколько против России, влиянию которой приписывалось своеволие молдавских и валахских властей. Нельзя не согласиться со словами князя А. М. Горчакова, что протекторат над княжествами, не принося России никакой выгоды, являлся для нас лишь обузой. К тому же он был источником, из которого черпали распространяемые в Европе против нас небывалицы, оправдываемые до известной степени нравственной ответственностью за господарей, которая налагалась на нас существованием протектората.

16 мая 1853 года вслед за получением известия об оставлении князем Меншиковым Константинополя высочайше повелено было войскам, предназначенным для занятия княжеств, начать сосредоточение к исходным пунктам — у местечек Скуляны и Леоово.

К указанному времени на военное положение были приведены войска 4-го и 5-го корпусов с прикомандированными к ним частями. Весь 4-й и часть 5-го корпуса предназначались для занятия Придунайских княжеств и для наблюдения за нашей границей на нижнем Дунае. Остальная же часть 5-го корпуса держалась в полной готовности в Одессе и Севастополе на случай возможного десанта в пределы Турции.

Войска 3-го корпуса мобилизовались и должны были передвигаться вслед за уходом 4-го корпуса на места расположения этого последнего в Киевской, Волынской и Подольской губерниях³.

Таким образом, к июню мы имели на нашей южной границе для действия на европейском театре 100½ бат., 64 эск., 60 сот., 264 пеш. и 40 кон. ор. численностью около 129 тысяч строевых нижних чинов⁴.

Часть этих мобилизованных сил была оставлена, как это сказано выше, в Одессе и Севастополе в полной готовности для посадки на суда Черноморского флота.

В Крыму, преимущественно в окрестностях Севастополя, находилась 13-я пехотная дивизия с ее артиллерией и тремя сотнями донского казачьего № 39 полка, всего 16 бат., 48 пеш. ор. и 3 сот., и в окрестностях Одессы 14-я пехотная дивизия с ее артиллерией, с четырьмя сотнями донского казачьего № 22 и с остальными сотнями № 39 полков, всего 16 бат., 48 пеш. ор. и 7 сот.⁵ Таким образом, за исключением этих войск, мы имели для действия на Дунае 68½ бат., 64 эск., 50 сот., 168 пеш., 40 кон. ор. и 2 понт. парка численностью около 90 000 строевых нижних чинов.

Кроме того, в распоряжение командующего действующими войсками была предана Дунайская флотилия под начальством контр-адмирала Мессера. В ряды армии князя Горчакова она вошла

в составе 27 канонерских лодок, пароходов «Прут» и «Ординарец», двух баржей и двух ботов, подразделенных на 2 батальона и вооруженных 89 орудиями преимущественно 24-фунтового калибра и 116 трехфунтовыми фальконетами⁶.

С конца мая войска начали свое сосредоточение к сборным пунктам на границе княжеств, по течению р. Прута, и группировались в окрестностях двух пунктов, местечек Скуляны и Леово⁷, куда они прибывали между 5 июня и 14 июля⁸.

В окрестностях Скулян расположилась большая часть 4-го корпуса со своей артиллерией⁹, всего 42 $\frac{1}{4}$ бат., 6 сот., 120 пеш. и 8 кон. ор. и понт. парк; в окрестностях Леова остальная часть 4-го корпуса¹⁰ и из войск 5-го пехотного корпуса шесть батальонов 15-й пехотной дивизии с двумя легкими батареями, 5-я легкая кавалерийская дивизия с артиллерией, пять сотен донского казачьего № 37 полка, рота 5-го саперного батальона с понтонной ротой и парком и подвижной № 5 госпиталь; всего 14 $\frac{1}{2}$ бат., 64 эск., 5 сот., 38 пеш. и 32 кон. ор. и понт. парк¹¹.

Остальные части 5-го пехотного корпуса, за исключением сосредоточенных у Одессы и Севастополя, расположились в составе 10 бат., 24 пеш. ор. и 2 сот. под личным начальством командира корпуса генерал-адъютанта Лидерса на нижнем Дунае, у Рени, Измаила и Килии¹². Временная задача войск генерала Лидерса заключалась в прикрытии нашей границы по нижнему Дунаю от возможных на нее поползновений со стороны турок. Для противодействия нападению неприятеля с этой стороны были, между прочим, сделаны распоряжения и о приведении в порядок крепостей Килии и Измаила.

Высочайшим указом 26 мая 1853 года генерал-адъютант князь Михаил Дмитриевич Горчаков 2-й был назначен командующим войсками 4-го и 5-го корпусов с приписанными к ним частями.

Выбор этот был сделан государем не сразу. В числе кандидатов на пост командующего войсками называли князя Меншикова, графа Редигера, генерал-адъютанта Берга и командира 5-го пехотного корпуса генерал-адъютанта Лидерса, молодого, недюжинного генерала, отмеченного своими выдающимися действиями в Трансильвании в 1849 году.

С именами графа Редигера и генерала Лидерса были связаны славные боевые воспоминания нашей армии; оба они имели случай выказать свои военные таланты и способность к самостоятельному руководству боевыми операциями; имена обоих были близки сердцу русского войска. Но князь Варшавский выставил своего кандидата, и вера императора Николая в «отца-командира» заставила государя остановить на нем выбор¹³.

Князь Михаил Дмитриевич Горчаков, произведенный в офицеры гвардейской артиллерии в 1807 году, начал свою разно-

стороннюю, но преимущественно штабную боевую карьеру с 1809 года и принимал самое деятельное участие в войнах 1812, 1813 и 1814 годов, чем, собственно, и кончилась его строевая служба. С 1820 года он всего себя посвятил штабной службе, первоначально в должности начальника штабов 3-го и 1-го корпусов, а с 1831 года в должности начальника Главного штаба действующей армии при князе Варшавском. Эту должность с присоединением к ней впоследствии должностей члена совета управления Царства Польского и военного генерал-губернатора Варшавы князь Горчаков исполнял в течение 22 лет, вплоть до своего назначения на Дунай.

*Князь Михаил Дмитриевич
Горчаков 2-й*

Будучи начальником штаба 3-го корпуса, он участвовал в турецкой кампании 1828 и 1829 годов, во время которой первым с батальоном Брянского егерского полка переплыл Дунай, за что был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени; в кампании 1831 года он принимал деятельное участие как начальник штаба 1-го корпуса и временно начальник артиллерии армии; венгерский поход он исполнил уже в роли начальника штаба князя Варшавского.

Как и большинство современной ему молодежи конца XVIII и начала XIX столетия, князь Михаил Дмитриевич получил всестороннее образование, но совершенно не русское воспитание. Отечественного языка он очень долгое время почти не знал и в достаточной мере освоился с ним лишь после многих годов службы. Не сумел князь Горчаков за свою продолжительную службу и ознакомиться надлежащим образом с характером и особенностями русского солдата: он его любил, но не понимал. С другой стороны, «личная храбрость, честность и какая-то угловатая прямота, которая исключительно нравится человеку русскому, отличали князя»¹⁴.

Пребывание свыше 22 лет на должности начальника штаба при князе Варшавском, человеке с железной волей и неограниченным самолюбием, смотревшим на начальника штаба как на своего секретаря, беспрекословного лишь исполнителя приказаний¹⁵, должно было наложить на характер князя Михаила Дмитриевича неизгладимый, самый вредный для самостоятельной деятельности отпечаток. Властолюбие Паскевича в течение четверти века успело

окончательно убить в князе Горчакове и без того непрочную уверенность в себе и поселить полную недоверчивость к правоте какого бы то ни было своего мнения.

«Князь Горчаков, — пишет в своих посмертных записках один из многолетних его сослуживцев¹⁶, — при ясном иногда взгляде на предметы, но при полной недоверчивости к себе, не мог остановиться на самой верной и обдуманной мысли!.. В минуту решимости он начинал рассматривать предмет со всех сторон, ворочал, переменял и переставлял до того, что затемнял и предмет, и мысль. Недоверчивость к собственному мнению, недоверчивость к другим, соединенные с нерешимостью и какою-то странной живостью, суть причины, что дела его, иногда глубоко обсужденные, принимали в исполнении вид нескладицы.

С титулом главнокомандующего он соединял в себе занятия командиров корпусов и всех частных начальников; подчас он полковой и ротный командир и почти всегда старший адъютант».

Отличавшийся блестящей личной храбростью, князь Горчаков, благодаря указанной выше недоверчивости к себе и отчасти собственного ему эгоизма, был одержим замечательной боязнью общественных толков и критики. Вопросы не только о том, как посмотрят на тот или другой его поступок в Петербурге, но что скажет князь Варшавский, что подумает князь Меншиков и много других влиятельных лиц, волновали и беспокоили князя Михаила Дмитриевича гораздо более, чем тот открытый враг, против которого он был призван бороться. Незначительный досуг командующего сотысячной армией князь Горчаков заполнял обширной перепиской с Петербургом, Варшавой и Севастополем, давая всюду объяснения, оправдывая свои действия и ища советов.

«Призванный обстоятельствами и волей монарха, — писал он князю Меншикову уже 31 мая¹⁷, — на пост, где я могу столкнуться со сферой деятельности вашей светлости, поставленный против той Турции, которую вы знаете так хорошо, я считаю долгом взывать к давнишнему благорасположению, которое вы мне всегда оказывали, и просить вас сопутствовать меня вашими советами, помогать мне вашими познаниями... Я буду истинно счастлив, если вам будет угодно сообщить мне несколько мыслей относительно образа действий, которого я должен придерживаться во время моего пребывания в княжествах...»¹⁸

Вообще князь Горчаков, образованный, богатый сведениями и опытностью, поэт в душе, терялся на каждом шагу. До смешного рассеянный, забывчивый, суетливый, он при всех своих высоких душевных качествах был обречен на бессилие, и эти свойства его характера особенно обострились к старости, когда 64 лет от роду он впервые был поставлен на самостоятельный пост командующего войсками на Дунае.

Добавим к этому, что князь Михаил Дмитриевич отличался чувством высокого патриотизма, бескорыстия и отменной честности. Заботливый о нуждах солдат, прозванный в рядах их почетным именем «честного князя», Горчаков был ими любим, но мало знаком с условиями их быта и не умел своим словом расшевелить душу солдатскую¹⁹.

Судьба поставила князя Горчакова, независимо от его воли и стараний, на страже самых существенных интересов России в одну из труднейших годин ее жизни. Наиболее строгий судья должен отдать князю Михаилу Дмитриевичу справедливость в том, что во все периоды этой длинной, тяжелой эпопеи нашей истории он, не щадя своих старческих лет, своего самолюбия и личных интересов, постоянно отставляя себя за задний план, мученически нес до конца свой тяжелый крест. И это в то время, когда остальные, более его отмеченные милостями судьбы, один за другим старались сбросить с себя тяжелую и ответственную роль, взваливая ее на плечи все того же выносливого князя Михаила Дмитриевича. Он дал России более, чем мог; остальное зависело не от него.

Зато князь Варшавский, ревниво оберегая свою боевую славу, мог считать себя на берегах Дуная столь же полновластным хозяином, как и на берегах Вислы.

Правдивый и честный князь Горчаков хорошо сознавал свою неподготовленность к тому делу, во главе которого он был поставлен. «Осмеливаюсь доложить Вашему Императорскому Величеству, — писал он государю 10 (22) июня²⁰, — что хотя я приступаю теперь к делу с некоторым опасением, так как доселе не командовал еще большим числом войска, но, однако же, имею надежду, что при Божьей помощи исполню все, согласно видам Вашим, Всемилостивейший Государь».

При таком характере командующего армией большим значением должен был пользоваться начальник его штаба. На эту должность был назначен генерал-адъютант (впоследствии граф) П. Е. Коцебу. Человек безупречной храбрости, составивший себе, по меткому выражению одного из современников, «громоздкую» репутацию своей службой в Варшаве и на Кавказе, генерал Коцебу отличался характером скрытным, подозрительным, и несмотря на свою всегдашнюю вежливость, он пользовался почти общим нерасположением. Его чуждый природным качествам русского человека характер, иностранное происхождение, мелочность, не всегда открытый образ действий и мстительность, а также старание «окружить князя одной только своей личностью» заставляли приписывать ему много нехорошего, случавшегося в армии. Во всяком случае он пользовался большим влиянием на князя Горчакова, но только в размерах, допускающих влияние одного лица на такую личность, какой был князь Михаил Дмитриевич.

*Генерал-адъютант Павел
Евстафьевич Коцебу*

Получив высочайшие повеления и снабженный целой массой инструкций и наставлений, преподанных военным министром князем Долгоруким и графом Нессельроде, князь Горчаков оставил Петербург и 7 июня прибыл к своей главной квартире, расположенной в Кишиневе.

Военным генерал-губернатором Бессарабии генералом от инфантерии Федоровым были ко времени сосредоточения армии к Пруту и еще до приезда князя Горчакова приняты меры по усилению наблюдения за дунайской границей, по приведению

в оборонительное состояние крепостей Килии и Измаила и по обеспечению войск подвозом продовольствия и прочими хозяйственными потребностями. В Леове и Скулянах были устроены для переправы через Прут надежные мосты на судах, которые в течение суток могли быть поставлены на воду. В Измаиле навели мост на плотях длиной в 180 сажен и заготовили на такое же протяжение плоты, которые могли быть двинуты по назначению в любое время²¹.

Князь Горчаков, одоблив все эти распоряжения, приказал, по представлению командующего Дунайской флотилией контр-адмирала Мессера, принять следующие меры для наблюдения за Дунаем и его рукавами²²:

1. Всю линию постов пограничной стражи от Рени до Сулина обратить в военную передовую цепь.

2. Ввиду бывшего полноводия употребить на посты лодки пограничной стражи.

3. Всю линию постов разделить на отделения, дать им наставление о месте сбора по тревоге и о том, куда отступать в случае нападения превосходящих сил.

4. Ввиду недостатка людей на Дунайской флотилии выделить из нее пять лодок с полным числом экипажа и подкрепить этими лодками с двумя пароходами линию пограничных постов, разместив их следующим образом:

а) 2 лодки — на обоих берегах Килийского рукава, при разделении его с Сулинским, чтобы перекрестным огнем оборонять вход в этот рукав;

б) 2 лодки — по сторонам Сулинской брандвахты и одну иметь в Сулине;

в) одному пароходу быть в Рени, крейсируя оттуда до крепости Тульчи и обратно, а другому — в Сулине, производя крейсерство также до крепости Тульчи и обратно. Целью крейсерства ставилось наблюдение за исправностью постов и оказание в случае надобности последним помощи.

Эти распоряжения вызвали серьезную критику со стороны лично осмотревшего течение нижнего Дуная князя Меншикова. Острова Четаль, Лети, Св. Георгия и другие вследствие разлива реки оказались под водой; посты пограничной стражи наполовину разрушенными, а уцелевшие наполненными водой; те 3—4 человека, которые на них находились, каждую минуту рисковали быть затопленными или захваченными турками, если бы они того пожелали. Лодки на постах встречались очень редко, отступление с постов возможно было только у входа и выхода из Килийского рукава, отделенных пространством в 60 верст, и эти-то два пункта собственно и следовало охранять²³. В то же время князь Меншиков свидетельствовал о безотчетном и не оправдываемом обстановкой страхе, который господствовал в Измаиле и отчасти разделялся князем Горчаковым в ожидании нападения с того берега Дуная на эту крепость турок или некрасовцев, а также оспаривал желание употребить для защиты ее Дунайскую флотилию.

Вообще способ употребления флотилии в дело вызвал обширную переписку между командующим войсками и начальником Главного морского штаба. Князь Горчаков хотел видеть в тяжелых и неповоротливых канонерских лодках, с трудом подвигавшихся на веслах против течения, легкие крейсера и желал при помощи их обеспечить себя от вражеских поползновений на нижнем Дунае; князь Меншиков предлагал ему смотреть на канонерские лодки как на плавучие батареи, которые могут принести большую пользу при форсировании переправы для обстрела противоположного берега, и советовал беречь для этого случая как лодки, так и пароходы.

Выходили недоразумения и по вопросу об укомплектовании флотилии экипажем до полного состава. Князь Александр Сергеевич находил невозможным сделать это при помощи людей Черноморского флота, тем более что он считал совершенно излишними для надобностей Дунайской армии все 27 лодок. Князь Меншиков предлагал снять с некоторых лодок экипаж для пополнения им полного комплекта экипажей на других лодках. Это заставило князя Горчакова назначить на флотилию недостающих людей от Модлинского полка²⁴.

В ожидании своего вступления в княжества командующий войсками нашел нужным объединить начальствование над войсками

в районе между реками Прут и Днестр, а также над Бессарабскими крепостями, Дунайской флотилией и пограничной и карантинной стражами в лице генерала Лидерса, на которого возлагалась охрана части нашей границы по нижнему Дунаю.

Особой инструкцией князь Горчаков подтверждал генералу Лидерсу мирный характер нашего занятия княжеств, указывал, что столкновение с турками возможно лишь при условии личного их перехода в наступление, объявлял волю государя не переходить через Дунай и предписывал дать полную свободу плавания по этой реке торговым судам всех наций, не исключая и плавающих под турецким флагом.

«В случае же, — заканчивал он свою инструкцию, — если бы Турция, пользуясь отдалением наших сил в княжества, осмелилась сделать вторжение в пределы империи со стороны Тульчи или Исаки, то вы должны заставить неприятеля дорого заплатить за подобную дерзкую попытку»²⁵.

13 июня в Петербурге был получен отказ Решида-паши подписать условия, предложенные в письме графа Нессельроде от 19 мая.

На другой день состоялся высочайший манифест о занятии нами княжеств²⁶.

«Истожив все убеждения и с ними все меры миролюбивого удовлетворения справедливых наших требований, — излагалось в манифесте, — мы признали необходимым двинуть войска наши в Придунайские княжества, дабы доказать Порте, к чему может вести ее упорство. Но и теперь не намерены мы начинать войны; занятием княжеств мы хотим иметь в руках наших такой залог, который бы во всяком случае ручался нам в восстановлении наших прав.

Не завоеваний ищем мы: в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослепление хотят противного, тогда, призвав Бога на помощь, Ему предоставим решить спор наш и с полной надеждой на всемогущую десницу пойдем вперед за веру православную».

Одновременно с этим князю Горчакову было повелено вступить в пределы княжеств и занять их «со всевозможной быстротой». Подтверждая ранее данные указания не переходить Дуная и избегать столкновения с турками, командующему войсками особенно рекомендовалось не раздроблять, с одной стороны, войск, но с другой — «наблюдать со всей бдительностью за турецкой

границей и за нижним течением Дуная для предупреждения всякого покушения турецких войск вторгнуться в собственные пределы наши»²⁷.

Со смешанным чувством надежд и опасений, воинственного пыла и какого-то тяжелого предчувствия встретила Россия весть о новых и мало для кого понятных военно-дипломатических мерах против Турции. Святые места, восточный вопрос, посольство князя Меншикова, враждебность Запада — все это успело облететь все уголки нашего обширного отечества и произвести свое впечатление. Чувствовалась какая-то неестественность положения, какая-то неопределенность целей, недосказанность официальных известий. Полумеры, к которым вынужден был прибегнуть решительный в целях поддержания затронутой чести России государь, наводили на него тяжкое раздумье и приводили к внутренней борьбе между тем, что он полагал необходимым сделать для поддержания достоинства страны, и тем, что он, окутанный паутиной двадцатилетней односторонней политической системы, принужден был делать. Настроение императора Николая было самое грустное и тревожное; он неоднократно приказывал избегать всего, что может привести к необходимости «драки, чего искренно желаю избежать по неисчислимым того последствиям»²⁸.

Государь, поставленный с самого начала кризиса на ложный путь и не имея сил от него отклониться, инстинктивно сознавал всю фальшь своего положения; с этого времени он постепенно начал терять веру в тот фундамент, на котором в течение двадцати пяти лет строил здание своего царствования, и это сделало последние годы жизни великого монарха беспримерными по трагизму. С тех пор императора Николая лишь в редкие минуты можно было видеть веселым; тяжкие думы и впечатление большой душевной борьбы не сходили с его лица вплоть до кончины.

В русском обществе наравне со всекритикующим кружком высшего чиновного мира Петербурга²⁹, не признававшего необходимости для России вмешиваться в дела Ближнего Востока,

**Генерал-лейтенант
Сержпутровский** (начальник
артиллерии Дунайской армии)

проглядывала надежда на выполнение там нашей исторической миссии, смешанная с сознанием искусственности принятой системы и с опасением войны с западными державами. «Много гадостей делается на Святой Руси, — писал князь Вяземский Северину³⁰, — но зато прорываются и такие дела, которых нескоро встретишь в других краях. Как все это кончится? По моему скудному разумению, в переговорах, хотя будь они ведены умным и хитрым человеком, как Меншиков, все успеха нам быть не может. Англичане заодно с французами всегда нас переселят, потому что турки им доверяют, а нам не верят. Англия и Франция могут действовать и действуют на Турцию торговлей, так называемым просвещением, а мы не имеем над ней этого торгового влияния. Мы можем налечь на нее только физической силой. Следовательно, когда обстоятельства того требуют, и нужно брать силой, а не словами. Не признается время удобным для действия, то лучше смотреть сквозь пальцы, а не затевать прений, которые кончатся победой в пользу противников». Со своей стороны Аксаков писал Тургеневу³¹: «Кажется, будет война. Обстоятельства увлекают нас против воли. История возьмет свое: я ожидаю великих событий». Это такое происшествие, говорил Хомяков³², которого последствия трудно предвидеть. «*Cette guerre*, — писал тот же Хомяков приятелю иностранцу, — *nous est imposée par les devoirs de notre fraternité avec les chrétiens d'Orient. Quelqu'en soit la marche, le triomphe du principe est indubitable*»³³.

Бодро и весело между тем тянулось русское воинство, направляясь к берегам Дуная, заветному рубежу, разделявшему две враждебные нации. Среди офицеров с восторгом принималось всякое новое известие, убеждавшее их, что армия двинется вперед. «Самые хладнокровные из нас, — занес в свои записки один из современников³⁴, — не могли равнодушно слышать о дерзости, с какой поступала с нами Порта, подвигнутая сперва тайным, а потом явным подстрекательством Англии и Франции...» В неопределенном положении находился и командующий войсками, постоянно мучивший себя вопросами о том, будет или не будет война, атакуют или не атакуют его турки, и старавшийся удовлетворить сразу многим несовместимым условиям — военной безопасности, сохранению войск и занятию всей обширной территории княжеств, а главное, боявшийся критики в Петербурге, в Варшаве и на берегах Черного моря, откуда обильной жатвой сыпались советы неответственных советников³⁵.

21 июня начался переход наших войск через Прут и форсированное движение их к Бухаресту³⁶. Наступление главных сил³⁷ должно было прикрываться с целью скорейшего занятия Бухареста особым специальным кавалерийским авангардом и незначительным отдельным отрядом (1 батальон и 25 казаков)³⁸, который был

направлен в Галац для обеспечения нашего движения от каких-либо поползновений со стороны Дуная³⁹.

1. Авангард под начальством генерал-адъютанта графа Анреп-Эльмита силой в 32 эск., 6 сот. и 16 кон. ор.⁴⁰ переправился 21 июня через Прут у Леово и двинулся, имея в передовом отряде казаков, одним эшелонном форсированными маршами на Фальчи, Текуч, Фокшаны, Рымник и Бузео к Бухаресту, куда и прибыл 3 июля, выделив от Бузео к Слободзее наблюдательный отряд для прикрытия марша со стороны Дуная. На всем пути в 350 верст авангард имел лишь две дневки⁴¹.

2. Главные силы армии были разделены на три колонны:

а) правая колонна под начальством генерал-лейтенанта Липранди силой в 16 бат., 48 пеш. ор.⁴², окончив переправу через Прут у Скулян 2 июля, направилась для обхода гористого участка Скуляны-Роман на Яссы, Роман, Баксу, Фокшаны, Рымник и Бузео к Бухаресту, куда и прибыла 12 июля;

б) средняя колонна под начальством генерала от инфантерии Данненберга силой в 25¹/₄ бат., 80 ор., 7 сот. и 1 понт. парк⁴³ произвела переправу через Прут у Скулян между 21 июня и 3 июля и двинулась восемью эшелонами на Яссы, Васлуй, Бырлат, Текуч, Фокшаны и Бузео к Бухаресту, куда и прибыла в середине июля.

И, наконец,

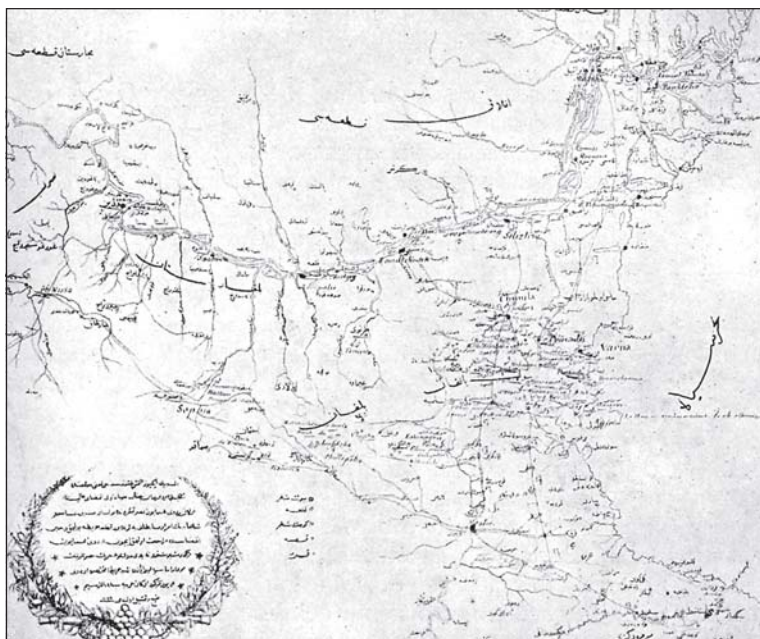
в) левая колонна под начальством генерал-лейтенанта графа Нирода силой в 13¹/₂ бат., 32 эск., 5 сот. и 56 ор.⁴⁴, окончив переправу через Прут у Леова 4 июля, двинулась семью эшелонами к Бухаресту через Фальчи, Бырлат, Текуч и Фокшаны⁴⁵.

Дойдя до Текуча в трех колоннах, главные силы князя Горчакова продолжали в половине июля дальнейшее следование к Бухаресту уже в двух колоннах:

1) левая — под начальством графа Нирода силой в 8¹/₂ бат., 32 эск., 5 сот., 24 пеш. и 16 кон. ор. и понт. парк⁴⁶ — на селения Нашалоса, Градишня де Сус, Филонешти и Лучиу⁴⁷ и

2) правая — под начальством генерала Даненберга — силой в 42¹/₂ бат., 120 пеш. и 8 кон. ор. и понт. парк⁴⁸ — на Фокшаны, Рымник и Бузео⁴⁹.

К нашим войскам, вступавшим в княжества, присоединились также молдавские и валахские войска, численность которых совместно с граничарами (пограничная стража) и доробанцами (конная полиция) доходила до 20 000 человек при 14 орудиях. Наибольшее боевое значение по своей численности (свыше 15 тысяч человек)⁵⁰ имели валахские войска. Впрочем, на эти войска, хотя и хорошо обученные, но руководившиеся собственными частными интересами и не имевшими «воинского духа»⁵¹, так же, как и на греческих и славянских волонтеров, в состав которых большей частью входили жадные на добычу искатели

Турецкая карта театра войны
(архив Министерства иностранных дел)

приключений, нельзя было рассчитывать. Было приказано ни в каком случае не вводить их в дело с турками и держать подальше в тылу⁵².

Выдвигая авангард, князь Горчаков дал начальнику его инструктору, являющуюся образцом того вождения начальников значительных масс войск на помочах, которое так процветало во всех распоряжениях князя Горчакова. Он, желая все предвидеть, все предугадать, вмешивался в мельчайшие распоряжения эскадронных и сотенных командиров и указывал им те подробности, которые можно разрешить только на месте. Стесняя этим малейшую самостоятельность частных начальников, князь Горчаков отбивал у них всякую возможность рассуждать самим, а между тем злой, но справедливый рок не позволял ему в числе многих комбинаций, им предугадываемых, включать и те, к которым турки в действительности обращались. Хотя в некоторое оправдание князя Горчакова надо сказать, что предвзятый взгляд на возможные операции турок был не чужд и Петербургу⁵³.

Командующий войсками, указав авангарду общую цель занятия княжеств, возложил на него обязанность предупредить быстрым

появлением наших войск на левом берегу Дуная против Слободзеи, Силистрии, Туртукая и Рушука вторжение туда турок.

Инструкция, данная графу Анрепу, разбирала возможные действия неприятеля и останавливалась на двух предположениях: 1) на высылке турками в княжества отдельных партий и 2) на переходе противника в значительных силах на левый берег Дуная. Авангард должен был прогонять отдельные неприятельские партии, но ему предписывалась полная осторожность при встрече со значительными силами турок. Первоначально граф Анреп должен был через парламентаря объявить турецкому начальнику, что он составляет авангард целой армии, следующей непосредственно за ним, и предложить ему вернуться за Дунай, так как Россия не находится в войне с Турцией и имеет целью лишь занятие княжеств.

Если бы турки отказались исполнить наше требование, то предлагалось принудить их к этому оружием, но только тогда, когда неприятель будет слабее наших войск; в противном случае авангарду полагалось отступать на соединение с нашими главными силами. «Ни в каком случае, — писал князь Горчаков, — и под строжайшей ответственностью вы не должны сталкиваться с такими турецкими силами, которые могли бы вступить с вами в бой не только с некоторой вероятностью успеха, но даже и с таким числом войск, коих вы, наверное, и без всякого риска не можете прогнать».

По достижении Бузео авангарду указывалось, как было сказано выше, выделить к Слободзее особый отряд из 2 эскадронов и 1 сотни⁵⁴, чтобы «показать часть наших войск на пространстве левого берега Дуная от Силистрии до Гирсова». Инструкция давала самое подробное распределение частей этого отряда по разным пунктам врученного ему для охранения участка и до мельчайших подробностей указывала способ несения службы⁵⁵.

Главные силы авангарда предлагалось по достижении Бухареста поставить лагерем на р. Аржисе⁵⁶, верстах в 15 от города по Журжинской дороге. Четыре дивизиона конницы с казаками должны были быть высланы в Обилешти, Будешти, Калагурени и Драгонешти с тем, чтобы отряды эти своими казаками наблюдали пространство от Калафата до Турно. Казачьим постам строго предписывалось не начинать перестрелки с турками и отходить, в случае их наступления, к своим резервам.

Таким образом, армия князя Горчакова должна была совместно с Дунайской флотилией наблюдать все течение нижнего и среднего Дуная и охранять княжества, избегая всеми мерами столкновения с турками. Этим мы сами давали возможность турецкой армии ознакомиться с нашим расположением и подготовиться к нанесению нам сильных ударов⁵⁷. Но князь Горчаков, видимо, был

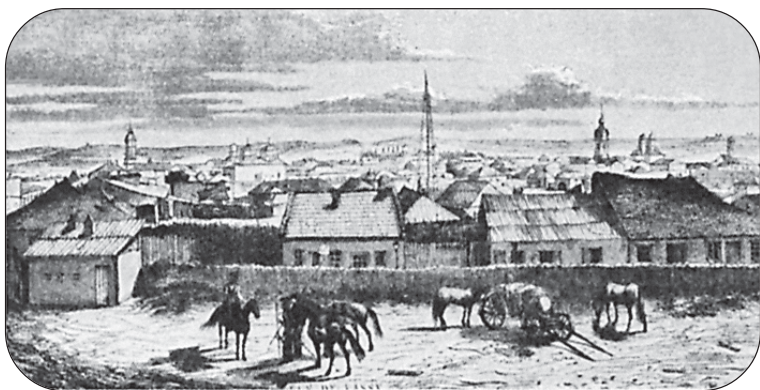
очень доволен таким решением вопроса о роли нашей армии. Восхваляя «премудрую» мысль о мирно-военном занятии княжеств, он выражал предположение, что даже в случае войны такое решение поведет к скорой развязке. «Турки, — писал он, — видя, что мы не переходим Дуная, потеряют, может быть, терпение и перейдут сами на нашу сторону. В подобном случае я могу надеяться, что с помощью Божьей мне удастся их побить, и тогда у них дурь спадет»⁵⁸.

Вступая в княжества, князь Горчаков обратился к жителям с особой прокламацией, вышедшей из-под пера нашего Министерства иностранных дел⁵⁹. Командующий войсками, объясняя истинную причину и возможную продолжительность занятия Молдавии и Валахии, успокаивал жителей, что мы не намерены ни искать завоеваний, ни изменять коренных законов, которыми управляются княжества, ни их политического положения. Он предупреждал жителей, что пребывание наших войск не повлечет за собой никаких новых налогов и повинностей и что всякие поставки для войск будут уплачиваться по ценам, наперед установленным по соглашениям с местным правительством. Князь Горчаков увещал жителей взирать без боязни на их будущность, спокойно заниматься своими делами, повиноваться законам, так как этим они приобретут лучшие права «на великодушное попечение и могущественное покровительство Его Императорского Величества».

Одновременно с этим князь Горчаков должен был, по указанию графа Нессельроде, сообщить непосредственно от себя о вступлении в княжества и Решиду-паше. Сообщение это в виде личного письма князя Горчакова должен был вручить по назначению директор нашей коммерческой канцелярии в Константинополе, которому было указано не спрашивать у Решида-паши ответа, но и не отказываться от его приема, если бы турецкий министр по собственному почину захотел ответить князю Горчакову⁶⁰.

В то время в высших петербургских сферах еще преобладало убеждение, что одно только вступление русских войск в княжества заставит турок подчиниться нашим требованиям. В этом убеждали и донесения князя Меншикова из Одессы о том, что у турок нет ни денег, ни военных припасов и что Турецкая империя должна развалиться сама собой, даже без враждебных с нашей стороны действий⁶¹.

Существованию таких предположений содействовали также сведения о полной неготовности Османской Порты к войне с Россией. Число войск во всей Европейской Турции едва доходило до 70 тыс., из которых только 18 тыс. было собрано в Болгарии, в Шумле и на берегу Дуная. Крепости на Дунае находились в самом жалком положении и не были снабжены ни продовольственными, ни военными припасами⁶².

Город Яссы

Движение нашей армии к Бухаресту походило на торжественное шествие. Несмотря на огромные переходы и тропическую жару, бодро и весело шли солдаты, и даже число больных уменьшилось сравнительно с пребыванием на квартирах⁶³; приветливо и радостно встречали жители наши войска, охотно отдавая лучшие дома в их распоряжение⁶⁴; с торжественным молебствием и почетным караулом встречала князя Горчакова столица Молдавии, Яссы, причем влиятельный ее князь Гика, в русском генеральском мундире и с сбритой по этому случаю бородой, приветствовал командующего войсками на правом фланге караула⁶⁵; не менее торжественна была встреча и в Бухаресте, при входе в который войска были приветствованы митрополитом с духовенством и почти всеми жителями⁶⁶. «Пока здесь все идет отлично, — сообщал князь Горчаков князю Меншикову⁶⁷. — Поставки для моих войск делаются с угодливостью. Молдаване делают очень низкие «саламалеки»; господарь отличный говорун, а европейская публика до настоящего времени наружно очень корректна. В Валахии не ожидали нашего прибытия, хотя господарь и был об этом предупрежден. Там предполагали, что это только одна пустая угроза»⁶⁸.

В то же время князь Горчаков доносил государю: «Войска Вашего Величества были приняты в Бухаресте как избавители, и появление их у Дуная, вероятно, отобьет у турок охоту укрепляться до моего прихода у Журжи, Туртукая или Силистрии»⁶⁹.

Однако более наблюдательные современники чувствовали в отношениях к нам молдово-валахского общества фальшь и предсказывали, что оно, в случае нашей неудачи, несомненно, постарается отплатить нам за 1848 год, когда мы не допустили княжества изменить образа правления и заставили Валахию шесть лет

оставаться под властью господаря, которого она ненавидела⁷⁰. Действительно, большинство в душе враждебной к нам интеллигенции княжеств принадлежало к новому поколению, либеральным идеям которого наше правительство далеко не потворствовало; маститые же бояре, свидетели наших благодеяний их отечеству, живо помнившие, как мы разбили своими руками ярмо, столько веков на них лежавшее, сошли со сцены, и некому было за нас поднять голоса. Русская кровь, пролитая за княжества, была забыта, а перед глазами у всех оставался лишь тот факт, что Россия не допустила молдово-валахов сложиться в те формы, в которых, по их понятиям, только и было возможно счастье государства.

Печальная действительность вскоре не замедлила показать себя. Уже 7 октября 1853 года генерал Коцебу записал в своем дневнике: «Ежедневно получается все более и более доказательств враждебных отношений к нам местных жителей-румын и их подлости»⁷¹.

Истинные же надежды Молдавии и Валахии, тайно поощряемые морскими державами, явствуют из следующих строк донесения французского посла в Константинополе генерала Оика (Aupich) своему правительству в 1849 году, цитировавшего мнение капитана Сабатьера (Sabatier)⁷²:

«Общее чувство сводится к ненависти и страшной боязни России. С другой стороны, крестьяне дрожат при одном имени Турции. Жители близки к отчаянию, и это отчаяние бросит молдово-валахов в объятия России, чтобы им быть уверенным хотя бы только в обеспечении своего рабского существования. Эти печальные и жестокие по отношению к народонаселению княжеств мысли, столь часто нами возбуждаемые, заставляют с грустью слышать стенания несчастных бояр благодаря тому полному пренебрежению, с которым Европа относится к целой нации.

Пример Греции нам часто служит указанием, как следует избегать всесокрушающего покровительства России. Это покровительство обратилось, в особенности в Яссах, в самое абсолютное владычество, доходящее до руководств мельчайшими подробностями внутреннего управления...

Мы восхищались тем величественным чувством национализма, той гордостью романского происхождения, которые заставляют патриотов мечтать о восстановлении древней Дакии, отобрав у русских Бессарабию, а у австрийцев Буковину, Трансильванию и Банат. Ведь в действительности это есть та восьмимиллионная масса потомков колонистов Траяна, которая покрывает пространство от Карпат на севере до Дуная на юге, Тейсы на западе, Днестра и Черного моря на востоке»⁷³.

Театром войны 1853 года в Европейской Турции служили княжества Молдавия и Валахия. Они представляют страну, гористую у Карпат, но постепенно изменяющуюся в холмистую и равнинную по мере приближения к Дунаю.

Второстепенные горные хребты, которые отделяются от Карпат, идут в юго-восточном направлении, причем один из них покрывает своими отрогами пространство между рр. Прутом и Серетом, а другой, разветвляясь между притоками р. Серета, упирается крутыми скатами в эту реку.

Оба упомянутые государства в географическом отношении имеют свои особенности.

Молдавия делится р. Серет на две части — восточную и западную.

1. Восточная часть покрыта отрогами Карпат; высокие на севере, они постепенно понижаются к югу, где оканчиваются равниной между Текучем и Галацом.

Северная половина этой части Молдавии изрезана множеством оврагов и речек, текущих в крутых берегах; южная же половина, наоборот, имеет реки с берегами низкими и местами болотистыми, с илистым, вязким дном и крайне медленным течением.

Вся восточная часть Молдавии обладает умеренным климатом, весьма плодородна и лишь в южной своей половине лишается иногда растительности при недостатке дождей и сильном зное.

2. Западная часть, занимающая пространство вправо от Серета, также покрыта отрогами главного Карпатского хребта. Они, достигая здесь 7000 футов высоты, скалисты и покрыты дремучими лесами, но постепенно понижаются к востоку и в конце концов образуют обширные плато, господствующие над долиной р. Серета.

Реки западной части Молдавии имеют быстрое течение; они, внезапно наполняясь от дождей, неожиданно прерывают сообщения между берегами, но зато столь же быстро и мелеют.

Валахия. За исключением 125-верстной границы с Молдавией, она со всех сторон окружена естественными преградами: на севере отделяется от австрийских владений Карпатами, доступными лишь по немногим узким проходам, с востока же и запада ее отделяет от Сербии и Болгарии р. Дунай.

Отроги Трансильванского хребта, постепенно понижаясь, наполняют своими ветвями северо-западную часть Валахии до линии Крайово—Плоэшти—Фокшаны.

К югу и востоку от этой линии до Дуная страна совершенно открыта, и лишь изредка встречается волнообразный характер местности.

Реки, прорезывающие Валахию в направлении от Карпат к Дунаю, подвержены, как и все горные потоки, внезапным наводнениям и нередко прерывают в стране сообщения.

Из рек княжеств более значительны: Жио, Ольта, Веде, Аржис с притоком Дембовицей, Яломница, Серет и Прут. Судходные лишь в среднем своем течении, реки эти по всему протяжению удобны для сплава леса, в изобилии растущего в их верховьях и годного для устройства мостов.

Вообще княжества орошены достаточно, и лишь пространство к востоку от Бухареста, между Дунаем и р. Яломницей, представляет безводную и ненаселенную степь, передвижение войск по которой крайне затруднительно.

Климат княжеств умерен, причем на него оказывают значительное влияние Черное море и Карпаты. Зима обыкновенно устанавливается в декабре и продолжается до половины февраля, но в январе и феврале морозы доходят иногда до 18° по Реомюру; в июле и августе жара бывает до 30°.

Вообще в климатическом отношении княжества находятся в условиях довольно благоприятных для здоровья; только в низменных местах, особенно близ заливаемых весной берегов Прута и Дуная, господствуют перемежающиеся лихорадки и завалы печени.

Население княжеств вообще незначительно, около 1500 человек на 1 кв. милю. Поселки редки; они главным образом группируются по долинам рек.

В отношении расквартирования наиболее выгодные условия представляли западная и центральная части княжеств, где благодаря скученности дворов являлась возможность располагать большое количество войск на тесном пространстве.

Почва вообще плодородна, особенно в Валахии; но так как земледелие находилось в первобытном состоянии (обрабатывалась едва третья часть всей удобной земли) и главными продуктами продовольствия были кукуруза и пшеница, то княжества не могли обеспечить русские войска привычными им продуктами потребления — рожью и овсом; гречихи же там вовсе не сеялось⁷⁴.

Рогатого скота в княжествах было много, но овса почти не было; вместо него сеялся ячмень.

Заграничный отпуск хлеба был весьма незначителен: до 2 миллионов четвертей пшеницы, кукурузы и ячменя вместе.

Главными складочными пунктами вывозной торговли были Галац и Браилов, на которые приходилось до трех четвертей всего вывоза. Других больших складов хлеба не имелось, а избытки у жителей были рассеяны небольшими запасами на значительном пространстве княжеств.

Вывоз хлеба за границу производился в зерне, а потому запасы муки были очень незначительны и только в городах.

Сверх того продовольствование затруднялось недостатком мельниц и топлива, а также запрещением помещиков своим

арендаторам продавать провиант на сторону, чтобы этим повысить его цену и извлечь наибольшую для себя выгоду.

Дороги в княжествах были очень плохи и сравнительно редки; в особенности этим недостатком отличалась Валахия. В зимнее время года дороги делались почти непроезжими. Лучшие пути преимущественно следовали по направлению речных долин с севера на юг или с северо-запада на юго-восток, вследствие чего продольных дорог было больше, и они были удобнее поперечных.

Грунтовые пути, пролегая особенно в равнинной полосе, по черноземно-глинистой почве, легко портились после каждого сильного дождя и часто обращались в совершенно непроходимые благодаря также тому, что на них не было устроено надежных мостов.

Главнейшими путями⁷⁵ для движения армии князя Горчакова через княжества к Дунаю могли служить:

1) дорога Скуляны—Яссы и далее по долине р. Серета к Фокшанам; оттуда через Бузео, Плоэшти или Урзичени и Бухарест на Журжево (440 верст);

2) Скуляны—Яссы и далее вдоль течения р. Бырлат на Текуч и отсюда на Фокшаны, Бузео, Плоэшти или Урзичени к Бухаресту на Журжево;

3) Леово—Фальчи и вниз по р. Пруту на Галац (115 верст), откуда на Браилов—Урзичени к Бухаресту (240 верст) с ветвями к Дунаю на Гирсово, Калараш и Ольтеницу.

В западной части Валахии важнейшим путем была дорога от Бухареста через Питешти, Слатино и Крайово на Калафат (280 верст) с ветвями к Дунаю: от Слатино — на Турно и от Крайово — по направлению к Рахову (65 верст).

Таким образом, узлами путей, ведущих к переправам через р. Дунай, были Бухарест и Крайово. От этих узлов шли ответвления к удобнейшим переправам через р. Дунай у Калафата, Челеи, Журжи, Ольтеницы, Калараша, Гура-Яломицы и Браилова.

Пути, ведущие из России в княжества, пересекаются р. Прутом. Река эта, несмотря на небольшую свою ширину, отличается быстрым течением и имеет броды только выше Унгени. Несколько севернее местечка Скуляны равнина правого берега перерезана многими лощинами и оврагами, наполняющимися в ненастное время водой, что может затруднить устройство переправы для войск; ниже Скулян, до самого устья р. Жижики, Прут течет в болотистой долине, наводняемой во время разливов. Мосты находились у Скулян и у Леово, а паромы — у Рведеуца и при устье реки, на дороге из Рени в Галац.

Пункты, удобные для переправы ниже устья р. Жижики, были у Вадулуй-Исаки и в двух верстах выше м. Рени.

Валахская повозка

По занятии нашими войсками княжеств оборонительной для них линией становилась р. Дунай, составлявшая в то же время и серьезную преграду для вторжения нашей армии в пределы Турции.

Дунай прикрывает пределы Валахии от Орсовы до Галаца на протяжении 700 верст. На этом протяжении Дунай три раза меняет направление своего течения: от Орсовы до Калафата река течет на юг, от Калафата до Силистрии — на восток, от Силистрии поворачивает на север, после чего у Галаца снова круто поворачивает к востоку, впадая затем многими рукавами в Черное море.

Дунай протекает по низменности, пересекаемой множеством рек, которые составляют его притоки и берут начало в горах, окаймляющих долину Дуная с севера и с юга.

Быстрота течения этих притоков обуславливает чрезвычайную быстроту течения и самого Дуная, проходящего по илистому грунту, вследствие чего вода Дуная мутна и мало пригодна для питья. Средняя скорость течения Дуная более 4 футов в секунду, глубина же его изменяется от 10 до 100 футов.

С другой стороны, илистый грунт и быстрота течения реки производят наносы, которые влияют на изменение русла Дуная и способствуют образованию на нем множества островов. При таянии снегов в горах или при сильных дождях не только острова, но и берега Дуная, особенно левый, низменный, покрываются водой, местами от 10 до 20 и более верст в ширину. Почти на всем протяжении течения правый берег реки командует левым. Крутые

скалы, которые образуют этот берег, делают трудно доступным подъем и спуск к реке; исключением в этом отношении являются только окрестности Никополя. Ниже Силистрии правый берег становится менее скалист и возвышен, хотя все-таки продолжает оставаться трудно доступным; зато в этой части реки болота левого берега все более и более расширяются и затрудняют постройку мостов, заставляя на незначительном протяжении делать дамбы. От Галаца и до устья оба берега одинаково низки, одинаково болотисты и покрыты кустарниками. Только против Исаки почва берега тверда на протяжении 3—4 верст.

Ширина Дуная неодинакова: верстах в 3 выше устья р. Ольты она не более 60 саженей, у Рушука доходит до 100, а у Силистрии более 350 саженей, причем между Рушуком и Журжей и ниже Силистрии течение реки разделяется многими островами.

Нижнее течение Дуная, от Силистрии, имеет ширину от 350 до 500 саженей, и только 3 верстами ниже Исаки оно не превосходит 280 саженей при глубине лишь 5—6 аршин.

Переправа через Дунай вброд бывает возможна только при чрезвычайной засухе; вообще же переправа возможна только по мостам или на лодках и паромах.

Срытие после войны 1828—1829 годов крепостей левого берега Дуная, служивших тет-де-понами крепостям правого берега, лишило турок обеспеченных переправ на случай наступательных с их стороны действий. В 1853 году они могли пользоваться только выгодными свойствами правого берега реки, почти везде командовавшего левым, и множеством островов, которые облегчали устройство переправ и могли прикрывать плавание судов по правым, ближайшим к турецкому берегу, рукавам Дуная.

Таким образом:

1) переправа от крепости Видина к Калафату облегчалась островом Маре;

2) от Калафата до устья р. Жио равнина левого берега реки, окаймленная рядом сплошных холмов, способствовала производству нападений с правой стороны Дуная, опираясь на лежащую против устья р. Жио крепость Рахово;

3) от устья р. Жио до устья р. Ольты наиболее удобным для переправы пунктом было село Челеи, против устья р. Искера;

4) переправа на участке от устья р. Ольты до Калараша, против Силистрии, затруднялась трудной проходимостью левого берега реки, изрезанного канавами и покрытого плавнями, которые замерзали лишь в сильные зимы и высыхали в знойные годы. Кроме того, турецкие крепости этого участка реки, Никополь и Рушук, потеряли, с уничтожением своих мостовых укреплений, наступательное значение против Валахии; что же касается крепости Туртукая, то, хотя присутствие около устья реки Аржиса острова

и облегчало переправу у этого пункта, но она была возможна лишь в летнее время; в весеннее же половодье левый берег был совершенно недоступен.

Сооружение моста у Силистрии, против самой крепости, было трудно вследствие весьма быстрого течения и массы отмелей, допуславших постройку мостов только на плоскодонных барках. Переправа против Калараша была еще затруднительнее, ввиду необходимости устроить три моста, из которых два через оба рукава Дуная, а третий через р. Борчу;

5) на участке реки от Калараша до устья постоянная переправа имелась у села Гура-Яломница, где ширина Дуная не превосходила 350 сажень; но и здесь переправа затруднялась свойствами реки — весьма мелкой и илистой у левого берега, вследствие чего даже мелкие суда не могли подходить к пристаням.

Переправа с правого берега на левый в топографическом отношении была наиболее удобна у Исакчи; при этом переправа у этого пункта имела и стратегическое значение: наступающий, прикрываясь с фронта и с левого фланга рекой, а с правого фланга морем, мог вполне безопасно совершить большую часть своего пути к нашим пределам. Что касается обороны правого берега Дуная в этом пункте, то изложенные выше выгоды переправы у Исакчи обращаются во вред обороняющемуся: наступающий с левого берега реки, совершив переправу у Гирсова или у Черноводы и двинувшись к Бабадагу, легко может отрезать войска, занимающие Добруджу. Поэтому оборона последней заключалась только в силе крепостей Тульча, Исакча и Мачин, которые не отвечали своему назначению. С потерей же их, а следовательно, и с потерей Добруджи удержание правого берега Дуная сводилось к защите сильных крепостей Силистрии и Рушука — в среднем его течении и Никополя и Видина — на верхнем Дунае⁷⁶.

Первоначальные заготовления провианта на 1853 год для всей русской армии вообще и для действующей мирного времени (1, 2, 3 и 4-го корпуса) в частности делались в то время, когда еще никто не предполагал близости войны. Провиантские магазины наполнялись сообразно с дислокацией мирного времени, причем не имелось в виду никаких больших передвижений войск.

Для занятий Придунайских княжеств сначала были предназначены 4-й и часть 5-го корпуса, а вскоре после того и 3-й корпус⁷⁷. Из этих корпусов 3-й и 4-й входили в состав действующей армии мирного времени, интендантство которой и распоряжалось заготовлением для них провианта на текущее довольствие.

В начале февраля 1853 года было получено высочайшее повеление о приведении 4-го корпуса на военное положение, а в

Город Видин

середине мая началось передвижение 4-го и 5-го корпусов к молдавской границе.

Так как при начавшемся усиленном передвижении войск места их сосредоточения в Волынской и Подольской губерниях не соответствовали местонахождению провиантских магазинов, то еще в феврале главнокомандующий действующей армией, генерал-фельдмаршал князь Варшавский принял меры по обеспечению продовольствием выступавших первыми войск 4-го корпуса в местах, назначенных для сосредоточения их на юго-западном участке района действующей армии.

Неприкосновенных запасов собственно на случай войны в распоряжении князя Варшавского к 1 января 1853 года не состояло, а имелись лишь крепостные запасы, которых в Варшаве, Замостье, Ивангороде, Новогеоргиевске, Брест-Литовске, Бобруйске, Динабурге и Киеве было всего: муки — 136 350 четв., крупы — 20 620 четв.⁷⁸

В местах же сосредоточения корпусов, в Каменец-Подольске и в Проскурове, в провиантских магазинах было всего 11 000 четв. муки с пропорцией круп⁷⁹, т. е. для двухмесячного запаса продовольствия одной пехотной дивизии с ее артиллерией не хватало 5000 четв. муки с соответствующим количеством крупы. Поэтому фельдмаршал, считая необходимым произвести новые дополнительные заготовки провианта в юго-западном районе армии, 10 февраля 1853 года послал князю Горчакову, предназначенному для командования войсками 4-го и 5-го корпусов, предписание увеличить запасы провианта в Каменец-Подольске и в соседних магазинах настолько, чтобы их там было достаточно для двухмесячного продовольствия одной пехотной дивизии с артиллерией, т. е. добавить 5000 четв. муки с пропорцией круп.

По распоряжению князя Горчакова это количество было куплено и сложено во вновь устроенном им временном провиантском магазине во Фрамполе.

Таким образом, к весне 1853 г. в Каменец-Подольске, Проскурове и Фрамполе имелось в магазинах 16 000 четв. муки и 1600 четв. круп, что обеспечивало на 2 месяца продовольствие 32 000 человек⁸⁰.

Военное министерство одновременно с распоряжениями князя Варшавского также принимало меры по обеспечению войск продовольствием на границе. Но все заготовки Военного министерства делались в том предположении, что войска не пойдут далее Дуная.

Для войск, предназначенных ко вступлению в княжества, внутренним провиантским ведомством была заготовлена к 17 февраля 1853 года на молдавской границе, в Леово и Кишиневе, месячная пропорция провианта⁸¹, а в мае там было уже собрано всего:

в Леово: 20-дневный запас сухарей, круп, порционного скота, вина, перца, уксуса и соли на 30 000 человек;

в Кишиневе: 20-дневный запас тех же продуктов на 70 000 человек⁸².

Кроме этих запасов, предназначавшихся собственно для подвижных магазинов, было сложено в Кишиневе 35 000 четв. муки и 3500 четв. круп, что составляло двухмесячный запас на 70 000 человек.

Все эти запасы вместе с Бессарабской дистанцией были переданы в полевое интендантство 3-го, 4-го и 5-го корпусов.

Для 40-тысячного отряда, предназначенного на случай десанта в пределы Турции при помощи судов Черноморского флота, был заготовлен шестинедельный запас следующих продуктов⁸³:

	□ □ □ □ □ □ □ □ □ □	□ □ □ □ □ □
С □ □ □ □ □	39 187 ¹ / ₂ □ □ □	43 312 ¹ / ₂ □ □ □
К □ □ □ □	668 □ □ □ □	745 □ □ □ □
□ □ □ □	759 □ □ □ □	1185 □ □ □ □
□ □ □ □	1187 □ □ □	1325 □ □ □
□ □ □ □ □	55 ¹ / ₂ □ □ □	62 □ □ □
□ □ □ □ □	5344 □ □ □	5962 □ □ □
□ □ □ □	463 ¹ / ₂ □ □ □	5144 □ □ □
□ □ □ □	4957 ¹ / ₂ □ □ □	5565 □ □ □

Но часть этих запасов была отправлена впоследствии в Сухум-Кале. Кроме того, для десантных отрядов был образован запас сухарей в 55 000 пудов в Ростове.

В Скулянах, где предполагалось сосредоточить большую часть войск, направляемых в княжества, внутреннее провиантское ведомство еще к 20 мая не собрало никаких запасов. Это послужило причиной более позднего, чем предполагалось, начала движения наших войск к Пруту⁸⁴.

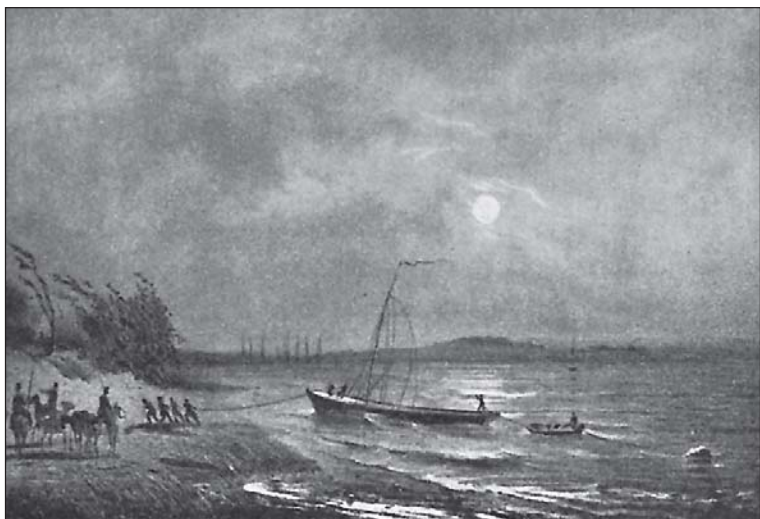
Во всяком случае, для своза запасов в Скуляны требовалось время; с доставкой их всегда могли опоздать, и это должно было еще более задержать выступление войск. Внутреннее же провиантское ведомство, вместо того чтобы самому усиленно заняться передвижением запасов к границе, передало заботы об этом интендантству действующей армии в ту минуту, когда войска уже готовились к выступлению. 20 мая князь Варшавский получил письмо от военного министра с просьбой принять на себя все распоряжения по продовольствию корпуса также и в районе не подчиненного ему внутреннего провиантского ведомства на все время до перехода границы, а затем и в самых княжествах⁸⁵.

Фельдмаршал немедленно потребовал от Кременчугской провиантской комиссии заготовления запасов в районе предполагаемого расположения корпусов и приказал тотчас же перевезти на вольнонаемных подводах в Скуляны весь запас провианта из Проскурова, Каменец-Подольска и Фрамполя; в каменец-подольском же магазине заготовить еще 5000 четв. муки с пропорцией круп для отправки, в случае надобности, в Скуляны⁸⁶.

Для исполнения этих распоряжений был командирован генерал-провиантмейстер действующей армии Затлер, которому было сказано, что войска начнут переходить Прут, вероятно, в первой половине июня.

Для своевременной перевозки всех припасов представлялись большие трудности.

Во-первых, оставалось очень мало времени; Затлер мог прибыть в Каменец-Подольск только 27 мая, причем до начала предполагаемого перехода войсками границы оставалось всего несколько дней. Во-вторых, большие расстояния до Скулян: от Проскурова — 310 верст, от Фрамполя — 270 верст и от Каменец-Подольска — 223 версты. В-третьих, трудность доставить требуемое число подвод, которых для поднятия всего запаса сразу нужно было около 4500. В окрестностях упомянутых трех городов такого количества подвод нельзя было доставить вовсе; крестьяне нанимались неохотно ввиду рабочей поры и дальности перевозки. К тому же и по тем же дорогам шел 4-й корпус, забирая по пути массу подвод для своза своих тяжестей.

Казачий пикет в низовьях Дуная

Тем не менее к 25 июня перевозка была окончена, хотя и обошлась дороже стоимости самого провианта. (Провиант стоил 44 013 руб., перевозка — 58 547 руб.)

К тому же времени Затлер заготовил в Каменец-Подольске 5000 чत्व. муки с пропорцией круп⁸⁷.

Всеми этими мерами Военного министерства и фельдмаршала войска 4-го и 5-го корпусов ко времени перехода границы были обеспечены на базе, в Бесарабии, запасами на 3 месяца, считая в том числе и десятидневный запас провианта при войсках⁸⁸.

Фуражом войска в мирное время обыкновенно довольствовались собственным попечением, а потому в начале 1853 года распоряжением внутреннего провиантского ведомства были сделаны лишь небольшие запасы фуража на молдавской границе для подвижных магазинов, а именно⁸⁹: двухдневные пропорции овса в Кишиневе на 16 897 лошадей и в Леоове на 11 142 лошади⁹⁰.

Когда было дано приказание двинуться к Пруту, фельдмаршал, предвидя затруднения в продовольствии сеном, приказал командиру 4-го корпуса генералу Даненбергу завести в войсках для кошений травы косы, по одной на каждую повозку, а потому и было куплено 1479 кос.

Больше никаких распоряжений о заготовлении фуража министерством сделано не было, так как при соображениях в Военном министерстве о продовольствии войск на молдавской границе было принято мнение командира 5-го корпуса генерал-адъютанта Лидерса, что особых запасов фуража в местах сборов войск составлять

нет надобности и что приобретение его можно предоставить самим войскам, утвердив справочные цены. Это предположение объяснялось неизвестностью, сколько времени войска пробудут в сборе на границе и в каких именно пунктах.

В мае, когда последовало распоряжение о сосредоточении войск к Пруту, государь выразил опасение, что войска встретят затруднения в продовольствии лошадей, так как их должно было сосредоточиться там на небольшом пространстве около 30 000 голов.

Поэтому военный министр запросил князя Варшавского, не нужно ли приготовить для войск 4-го и 5-го корпусов фураж, и в таком случае где и сколько, или же отпустить на него деньги?⁹¹

На это фельдмаршал отвечал, что не одобряет полного отсутствия заготовления фуража; по его мнению, следовало бы сделать заготовку в половинном размере ожидавшейся потребности, а для покупки остальной части войсками установить справочные цены. Фельдмаршал писал, что теперь, когда время уже прошло, он не видит другого способа ограничить затруднения в фуражном довольствии войск, идущих к Пруту, как эшелонированием их в глубину. Для этого следовало задержать кавалерию на пути и располагать побригадно в одном переходе одну от другой.

Такая мера оправдывалась и тем, что хотя бы войска и находились на границе в одном лагере, но все-таки они не могли бы в один и тот же день переправиться через реку и вступить в Молдавию. При таком разбросанном положении войск частные начальники скорее могли найти возможность приобретать фураж.

В заключение фельдмаршал добавлял, что ему вовсе не известно, в каких именно пунктах и в каких размерах следует заготовить фураж на случай занятия княжеств⁹².

Мнение фельдмаршала было одобрено государем, и войскам было предоставлено самим закупать фураж по ценам, утвержденным генерал-адъютантом Лидерсом. При этом деньги на фураж войскам были отпущены по расчету до границы княжеств.

Для безостановочного снабжения действующих войск предметами артиллерийского довольствия в военное время, по уставу об управлении армиями 1846 года, предназначались запасы:

- а) содержимые в крепостях на базисе в военных парках;
- б) свозимые по мере удаления армии от перволинейных парков в устраиваемые промежуточные склады;
- в) возимые в подвижных парках армии.

Запасы эти, по уставу 1846 года, должны были состоять из полевой артиллерии, оружия, частей его и боевых припасов, частью в готовом виде, частью в материалах.

На основании правил, изложенных в уставе, порядок снабжения войск артиллерийскими снарядами и патронами устанавливался следующий:

1) войска получали боевые припасы по мере израсходования их из подвижных парков по распоряжению начальника артиллерии в армии или в отдельном корпусе;

2) по их же распоряжениям подвижные парки пополнялись из перволинейных местных парков;

3) по мере удаления армии от границы учреждались, по назначению главнокомандующего, промежуточные парки, и тогда перволинейные обращались во второлинейные;

4) перволинейные парки получали укомплектование из второлинейных по сношениям начальника перволинейных парков с начальником второлинейных;

5) второлинейные парки пополнялись из внутренних складов по распоряжениям артиллерийского департамента⁹³.

Для войск, направленных в Придунайские княжества, перволинейными парками были назначены местные парки Дунайского артиллерийского округа — 3 в Хотине, 3 в Бендерах и 3 в Измаиле, всего 9 местных парков. Второлинейными были назначены 6 местных парков в Киеве, которые, в свою очередь, должны были пополняться из Калуги.

Для десантных отрядов предназначались парки: для Севастопольского — 3 местных парка, находившиеся в этом городе, и для Одесского — 3 местных парка в Херсоне⁹⁴.

В феврале 1853 года было предназначено к сбору на границе Дунайских княжеств всего 68 $\frac{1}{2}$ батальона, 64 эскадрона, 50 сотен и 208 орудий⁹⁵.

Хотя князь Варшавский и полагал, что для наступательной войны с Турцией надо иметь запас снарядов на каждое полевое орудие на 500 выстрелов, а на каждое осадное — на 800⁹⁶, но для определения потребности в артиллерийских огнестрельных припасах в данном случае было положено, по представлению артиллерийского департамента, иметь количество припасов, которое в то время было принято при выступлении в поход в других европейских армиях, а именно, по 350 выстрелов на орудие.

Вскоре число орудий, предназначавшихся в поход, было увеличено до 328, для которых по вышеприведенной норме следовало иметь 114 800 зарядов.

Из этого числа 50 244 заряда имелось при батареях и 53 685 — в парках и особых запасах, назначенных для десантных отрядов; всего 103 929 зарядов, т. е. около 317 на орудие.

Таким образом, против исчисленного количества не хватало 10 871 заряда — по 33 заряда на орудие. Это количество имелось в виду пополнить из местных парков.

В местных парках Дунайского и Южного округов, которые всегда могли быть отнесены к перволинейным и которые в то время укомплектовывались недостающими в них вещами, а также

в подвижном парке № 13, находившемся в Тирасполе, имелось 152 866 зарядов, т. е. по 466 на орудие. В парках, которые могли быть причислены к второлинейным — Киевских, Бобруйских и Брест-Литовских — было всего 145 590 зарядов, или 443 на орудие. Этими запасами по той норме, которая была признана достаточной, артиллерия обеспечивалась, как видно, с большим излишком.

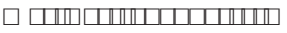

Что касается количества патронов, то, по сведениям, имевшимся в артиллерийском департаменте, для одной кампании в европейской войне считалось «весьма достаточным иметь на каждое ружье не более 140 патронов, в том числе по 100 патронов на людей и в патронных ящиках; для войны же с Турцией и того меньше».

В войсках, предназначенных к походу, состояло 9 763 880 патронов. В подвижных парках и особых запасах, которые предполагалось отправить с десантным отрядом — 5 343 600 патронов. В местных перволинейных парках — 8 619 150 и во второлинейных — 8 208 750; ко второлинейным паркам здесь причислены также парки в Брест-Литовске и в Бобруйске, в которых имелось 4 925 250. Таким образом, в перволинейных и во второлинейных парках, считая их отдельно, патронов было меньше комплекта таковых в войсках⁹⁷.

Полкам 13-й пехотной дивизии, назначенной в состав Севастопольского десантного отряда, было изготовлено для второго комплекта в Севастополе 1 512 000 патронов, упакованных в ящики, т. е. то самое число, которое составляло имевшийся в войсках первый комплект.

Для третьего комплекта в Севастополе имелось 266 500 готовых патронов; остальное же недостающее до полного комплекта количество могло быть, по соображениям артиллерийского департамента, изготовлено в 82 дня, а с добавкой рабочих от войск и в 45 дней.

При таком назначении запасов на каждое ружье приходилось:

	4-патр. 5-патр. ,	
	60	60
	40	40
	100	—
	—	33
	—	74
	200	207

Мост на Каруцах
(с рис. тушью Прянишникова)

Сверх того в Киевских вто-
ролинейных парках был пол-
ный комплект патронов —
3 283 500.

На основании всех этих
соображений было принято
мнение генерала Баранцева,
что нет надобности в загото-
влении третьего комплекта
патронов в Севастополе, как
того требовал генерал-адью-
тант Лидерс, имея в виду, что
все равно они останутся неиз-
расходованными.

Поэтому последовало по-
веление, чтобы третий ком-
плект иметь лишь в готовно-

сти в местных парках Дунайского и Южного округов и гото-
вить его только исподволь⁹⁸.

Таким образом, относительный запас патронов в местных пар-
ках был меньше запаса артиллерийских зарядов.

Кроме того, в местных парках, ближайших к южным артилле-
рийским округам, а также в Севастопольских и Тираспольских
парках был некоторый недостаток патронов. Это произошло, во-
первых, оттого, что было приказано изготовить вместо старых
новые патроны с увеличенной для ударного оружия пулей, а во-
вторых, Севастопольские и Тираспольские парки должны были
отдать из положенных в них 3 283 500 патронов в десантные отря-
ды 3 154 800 патронов. По всему этому предвиделась усиленная
фабрикация патронов как для пополнения существующего недо-
статка, так и для расхода их во время военных действий.

Для приготовления такого количества патронов материалы в
местных парках имелись в достаточном количестве, но лаборато-
ристов и замещающих их нижних чинов артиллерийских гарнизо-
нов было слишком мало. Поэтому было приказано, согласно пред-
ставлению артиллерийского департамента, наряжать в местные вто-
ролинейные парки, особенно в Киевские, от войск, расположенных
поблизости к паркам, людей для приготовления патронов⁹⁹.

Пороха в крепостях Южного и Дунайского округов, за исклю-
чением назначенного к отпуску морскому ведомству в количестве
17 000 пудов, оставалось 45 089 пудов. В Киеве, Бобруйске и Брест-
Литовске имелось 31 652 пуда.

Второлинейные парки должны были пополняться порохом с
Шостенского порохового завода по мере выделки его там. К нояб-
рю завод должен был сделать 22 500 пудов.

Таким образом, весь запас пороха составлял 99 241 пуд. Из этого количества некоторая часть должна была пойти на производившееся в это время укомплектование парков и на снабжение войск. За всем тем предполагался остаток до 90 000 пудов, который, по мнению артиллерийского департамента, вполне обеспечивал комплектование парков на южной границе.

Кроме того, из внутренних складов должны были свозиться во второлинейные парки армяк для зарядных мешков (из Тулы и Москвы), жесть для картечи, бумага и другие материалы для патронов.

Перволинейные парки должны были получать из второлинейных патроны в готовом виде, а артиллерийские — заряды в материалах¹⁰⁰.

По уставу 1846 года, при каждом пехотном корпусе полагалось иметь, по числу пехотных дивизий корпуса, три подвижных парка.

Для войск 4-го и 5-го корпусов (без 13-й пех. див.) было назначено 5 подвижных парков: № 10, 11, 12, 14 и 15.

Для отправки вместе с войсками были, вследствие неизвестности, будет ли война, первоначально назначены только три подвижных парка № 10 при левой колонне, № 11 — при средней и № 12 — при правой¹⁰¹. Парк № 14 оставался на месте своего обыкновенного расположения в Тирасполе¹⁰², а парк № 15 был временно оставлен в Леове¹⁰³. Парк № 13 находился в Тирасполе, но одна его полурота, когда делались приготовления к снаряжению десантного отряда, была переведена в Одессу. Таково было расположение этих пяти парков к 21 июня 1853 года.

Парк № 12 приводился на военное положение и шел из Брест-Литовска. Он был укомплектован лошадьми от помещиков, и многие лошади в нем были старые и слабые. В парке № 14 лошади были хороши. В № 11, пришедшем из Киева, и в № 14 все повозки были новой конструкции, но в обеих колеса слабые и разошедшиеся до такой степени, что уже 30 августа 1853 года князь Горчаков просил о присылке для этих парков новых запасных колес, которых не оказалось; для изготовления же новых потребовалось четыре месяца. Поэтому тотчас же по прибытии парков в Плоешти во всех повозках пришлось исправлять, а для парков № 11 и 14 заказать в России 200 новых колес.

Впоследствии для снабжения войск на Дунае боевыми припасами служили еще следующие учреждения: *постоянные арсеналы* Киевский и Новогеоргиевский; *подвижной арсенал № 3*, который находился в Тирасполе, а в апреле, когда делались приготовления к войне, был двинут в Одессу. 7 июня было приказано перевести его еще ближе к войскам, а именно в Измаил¹⁰⁴. Этот арсенал был сначала назначен в состав десантного отряда. К концу мая он был укомплектован вполне только людьми, лошадей

же, повозок и сбруи еще совсем не имел. Предполагалось в том случае, если встретится надобность, двинуть арсенал с сухопутным отрядом, снабдив его вольнонаемными лошадьми. Лошадей для арсенала надо было купить всего 126¹⁰⁵; *лабораторная рота № 2*, находившаяся в Бресте. 2 июня князь Горчаков просил полуроту этой роты двинуть в Скуляны, что и было приказано сделать по изготовлении ее к походу; для этого надо было купить 21 лошадь и доставить сбрую из Киевского арсенала. Только 19 июля полурота выступила из Бреста и ожидалась в Скуляны 6 сентября 1853 года¹⁰⁶.

Ближайшие к театру войны артиллерийские гарнизоны были в Измаиле, Килии, Бендерах, Хотине и Херсоне.

Ближайшие к месту сосредоточения 4-го и 5-го корпусов *постоянные госпитали* находились в Кишиневе, Тирасполе, Измаиле, Килии, Кинбурне, Бендерах, Кагуле, Хотине, Бельцах, Каменец-Подольске и Тульчине.

Опыт войны 1828—1829 годов, во время которой войска потеряли массу людей и лошадей единственно вследствие тяжелых климатических условий, указывал на необходимость принятия обширных мер для уменьшения заболеваемости в их рядах.

Ко времени вступления наших войск в княжества в Бессарабии было сосредоточено 12 кадров военно-временных госпиталей, всего на 4800 больных (4 по 600 мест и 8 по 300 мест)¹⁰⁷. К этому же времени были открыты военно-временные госпитали в Кишиневе, Леове и Скулянах, а также, по сношению с правительствами княжеств¹⁰⁸, в Яссах¹⁰⁹, Фокшанах¹¹⁰ и Бузео¹¹¹.

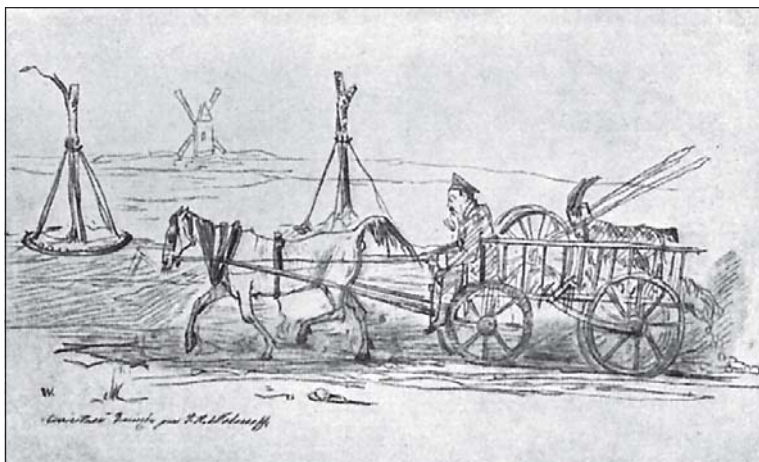
Запасные аптеки были в Херсоне, Одессе и Леове. В них и в передовой аптеке при штабе войск заготовлялись лекарства по числу 35 000 больных.

Кроме того, в войсках были полковые лазареты, и каждый третий человек имел при себе перевязочные предметы: 4 аршина бинтов, 1 компресс и 10 золотников корпии¹¹².

Перевозочными средствами войска наши ко времени перехода границы были обеспечены следующим образом.

В 1848 году для действующей армии был сформирован подвижной провиантский магазин в двухбатальонном составе. В 1851 году магазин этот был упразднен, но в виде кадра осталась одна запряженная рота в 125 повозок и 385 лошадей, батальонный штаб, вооруженная команда и мастеровые на два батальона. При батальонном штабе было 836 провиантских телег, 134 почтовые брички и разные повозки и 35 лошадей. К февралю 1853 года весь этот подвижной состав, т. е. 961 провиантская телега, 134 разные повозки и 420 лошадей, состоял налицо.

Для формирования подвижного магазина могли быть употреблены лошади, находившиеся «на попечении дворянства». После

Войсковая повозка в Валахии
(рисунок с натуры карандашом Волонова)

венгерской кампании при демобилизации армии лишние артиллерийские, парковые и подъемные лошади были переданы в 1851 году помещикам Царства Польского и губерний, входивших в район действующей армии. Помещики, принявшие этих лошадей на свое попечение, должны были содержать их, имея право взамен этого употреблять их для своих надобностей и работ, отвечая за убыль в том только случае, если она произошла по их вине. По требованию правительства помещики были обязаны представить этих лошадей, а взамен пришедших по их вине в негодность или палых представить других, годных, или же внести за них штатную стоимость.

Этой мерой имелось в виду сохранить на случай надобности запас лошадей, а вместе с тем не потерпеть убытка при распродаже их массами по дешевой цене при демобилизации и не нести издержек по содержанию лошадей в мирное время. Конечно, этот способ мог бы оправдаться только в том случае, если лошади потребовались бы через короткий промежуток времени после их отдачи и если было бы возможно гарантировать их хорошее содержание у помещиков. На указанных выше условиях в 1851 году помещикам было сдано 10 698 лошадей. В начале 1853 года, когда было решено взять на укомплектование 4-го корпуса всех лошадей от помещиков 13 губерний, предполагалось, что будет принято обратно около двух третей лошадей. Но ожидания эти далеко не оправдались. В числе принятых от помещиков лошадей многие оказались негодными для похода, и на укомплектование 4-го корпуса пришлось купить еще 1299 лошадей, тогда как вся потребность

4-го корпуса составляла 6844 лошади. Большинство представленных помещиками лошадей пошло на укомплектование частей войск и парков, и только 111 лошадей были взяты для подвижного магазина.

В начале 1853 года помещиками было представлено (в числе 8935, потребованных князем Горчаковым от 13 губерний) всего 7149 лошадей, из которых 1043 были забракованы. Остальные лошади, оставшиеся у помещиков, были потребованы во второй половине 1853 года для укомплектования 3-го корпуса, причем в числе потребованных 6169 лошадей было принято всего около $\frac{1}{10}$ части. Для сбора лошадей назначались сборные пункты, куда посылались военные приемщики.

Таким образом, в подвижном магазине оказалось (вместе с взятыми 111 лошадьми от помещиков) — 531 лошадь.

В 4-м корпусе в начале 1853 года состояло 340 провиантских телег 2-го и 3-го комплекта, которые могли поднять 16 405 пудов провианта, т. е. пропорцию для корпуса на $4\frac{1}{2}$ дня. Лошадей же для этого обоза не было вовсе.

Фельдмаршал, считая обоз недостаточным, приказал усилить его средствами подвижного магазина действующей армии. На основании этого распоряжения князь Горчаков приказал в феврале (после усиления подвижного магазина 111 лошадьми) отправить из подвижного магазина в распоряжение командира 4-го корпуса 156 провиантских телег и 468 лошадей. После этого в 4-м корпусе кроме находившихся при частях штатных провиантских телег, поднимавших провиант на 6 дней, образовалось добавочных повозок на двухдневный запас, что вместе с четырехдневным ранцевым запасом обеспечивало корпус провиантом на 12 дней¹¹³. Это было исполнено в марте 1853 года, и после того в подвижном магазине при главной квартире армии остался только штаб, обоз, около 60 лошадей и несколько десятков людей¹¹⁴.

Еще 27 декабря 1852 года военный министр приказал предупредить новороссийского и бессарабского генерал-губернатора о том, что может встретиться надобность в формировании подвижного провиантского магазина для перевозки 16 333 пудов провианта¹¹⁵, и просил его представить по этому поводу соображения.

Из собранных провиантским департаментом сведений, представленных в марте 1853 года, оказалось, что формирование подвижного магазина посредством обыкновенного найма подвод в трех Новороссийских губерниях обойдется слишком дорого, так как подводчики требовали чрезвычайно высокую плату (от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. 50 коп. в сутки за подводу), соглашались перевозить только до октября и предъявляли еще другие неудобные условия.

Поэтому единственным подходящим способом для сбора подвод являлся наряд их от сословий Бессарабской области, обязанных

земской повинностью. По собранным сведениям оказалось, что вольные хлебопашцы Бессарабской области, исключительно царяне, могут без подрыва их хозяйства выставить от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ воловых подвод, нужных для подвижных магазинов, а остальное количество могло быть взято у колонистов и государственных крестьян области.

К тем же соображениям провиантского департамента добавлялось, что, по произведенным опытам, на каждую пароволовую подводу может быть положено для ускоренного движения 32 пуда, а при медленном движении и до 40 пудов¹¹⁶. Поэтому для своза 20-дневного запаса провианта и двухдневного запаса овса, назначенных в Леово и Кишинев, потребовалось всего 4597 пароволовых подвод, а с запасными всего 4689 подвод и 5251 пара волов¹¹⁷.

Военным министром, на основании всех этих соображений, в марте было предложено новороссийскому генерал-губернатору собрать в Бессарабии 4880 обывательских пароволовых подвод с положенным числом запасных волов, необходимых для формирования подвижного магазина в 4 полубригады. Магазин этот должен был следовать за войсками в княжества¹¹⁸.

17 мая было повелено безотлагательно собрать в Леове подвижной магазин в числе подвод, которое было бы соразмерно с численностью отряда. Организация этого подвижного магазина была поручена генерал-адъютанту Лидерсу.

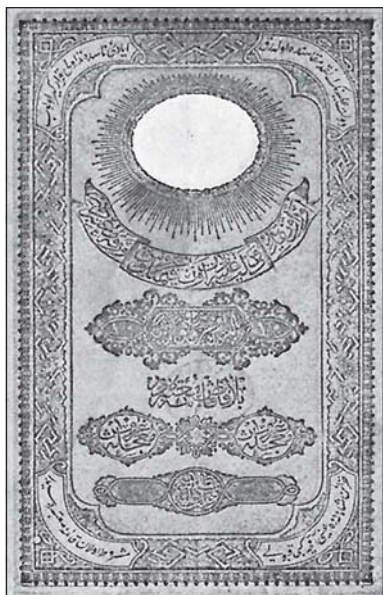
К концу мая в Леово была сформирована одна полубригада подвижного магазина из 4 рот в составе 1220 пароволовых подвод с 122 парами запасных волов и 25 запасными повозками. Все это было собрано у бессарабских крестьян с платой по 60 коп. за подводу в сутки. За эту плату подводчики должны были содержать себя, кормить волов и исправлять повозки. В состав сформированной полубригады были назначены еще 3 повозки комиссариатского обоза, 6 офицеров (командир полубригады, адъютант и 4 ротных командира) и 26 нижних чинов от 5-го пехотного корпуса¹¹⁹.

Этим формировавшимся в Бессарабии четырем полубригадам были даны № 1, 2, 3 и 4¹²⁰.

Формирование подвижного магазина вызвало большие затруднения, так как найти нужное большое число подвод в окрестностях Каменец-Подольска, Проскурора и Фрамполя было невозможно, и их приходилось собирать за десятки верст.

Крестьяне ввиду рабочего времени и отдачи значительного числа подвод 4-му корпусу шли неохотно, что и было причиной медленности формирования подвижного магазина, в свою очередь задержавшего переход через Прут¹²¹.

Части 4-го корпуса 24 мая двинулись к границе, в Скуляны и Леово, двумя колоннами и прибывали в Скуляны между 5 июня и 14 июля, а в Леово — между 22 июня и 3 июля. Части 5-го

*Турецкий кредитный билет
(архив Министерства
иностраннх дел)*

корпуса с 5-й кавалерийской дивизией сосредоточились у Леова в начале июня¹²².

На пути войска не встретили никаких затруднений в продовольствии ни провиантом, ни фуражом. Они имели при себе 10-дневный запас в сухарях, а на мясо и соль им были отпущены деньги по 1 сентября. Кроме того, на случай недостатка хлеба на границе корпусному комиссионерству было отпущено 50 000 рублей, но в расходовании этих денег нужды не представилось, так как вместе с прибытием в Скуляны головных частей 4-го корпуса туда стали подходить и транспорты с провиантом, о чем было упомянуто выше. Мясо, соль и фураж войска покупали сами и затруднений в этом также не

встречали¹²³. Израсходованный войсками во время пути сухарный запас был пополнен в Скулянах и Леове¹²⁴.

Князь Горчаков, прибыв в Кишинев, назначил на должность генерал-интенданта при 4-м и 5-м корпусах генерал-майора Затлера¹²⁵, состоявшего до тех пор генерал-провиантмейстером действующей армии. Генерал Затлер занимал эту должность уже во время венгерской кампании и тогда своими удачными распоряжениями по интендантской части обратил на себя внимание князя Варшавского.

Так как большая часть действующей армии (мирного времени) не предназначалась в поход, то интендантство ее оставалось в полном своем составе в Варшаве, а при генерале Затлере состояли только один провиантский чиновник и два писаря. Пришлось формировать вновь целое интендантское управление: канцелярию, главные полевые провиантскую и комиссариатскую комиссии, корпусные комиссионерства и дивизионных провиантмейстеров¹²⁶. Для магазинов, которые имелось в виду открыть в княжествах, надо было назначить смотрителей и т. п. Вновь сформированному комиссионерству 4-го корпуса было приказано постоянно состоять при штабе командующего войсками в помощь генерал-интенданту армии¹²⁷.

Таким образом, в самую горячую пору для интендантства, во время всякого рода обширных заготовлений, это интендантство только формировалось наскоро из десятков новых лиц, не знавших своего начальства, которое, в свою очередь, не знало способностей и качеств подчиненных. Между тем генерал Затлер должен был по самому роду деятельности интендантства при условиях военного времени посылать своих чиновников в дальние, самостоятельные командировки.

Условия продовольствия в Молдавии, Валахии и Болгарии и неприменимость в этих княжествах реквизиционной системы были известны нам из опыта всех предыдущих войн и даже по последней венгерской кампании, когда в Молдавии и Валахии был расположен 5-й корпус¹²⁸. Между тем фельдмаршал в письме своем к военному министру от 20 мая 1853 года писал, что о способах продовольствия в Придунайских княжествах он не может сообщить никаких положительных сведений, хотя ему и известно, что в прежнее время обязанность доставлять нашим войскам нужное количество припасов лежала на диванах, т. е. именно указывал на реквизиционный способ.

Князь Варшавский вместе с этим предписал генералу Даненбергу, знакомому с княжествами по 1848 году, изложить свое мнение о способах продовольствия войск в Молдавии и Валахии.

В начале июня генерал Даненберг представил об этом записку, в которой говорил, что продовольствие войск в княжествах поставками от местных властей он считает неудобным. В 1848 году припасы от земли доставлялись всегда весьма неисправно, часто недоброкачественные, а между сдатчиками и приемщиками постоянно возникали споры и жалобы по поводу веса и меры; для окончательного же расчета с княжествами пришлось потом составить особую комиссию, которая работала более года. Поэтому он признает самым удобным заготавливать припасы в княжествах с торгов, допуская поставку от местных властей только в крайних случаях и делая по этому поводу заблаговременно с ними сношения, в которых следует указывать складочные пункты и количество требуемых продуктов.

Эта записка генерала Даненберга была препровождена князю Горчакову для соображения о способе продовольствия в княжествах¹²⁹.

Общий порядок довольствия войск нашей Дунайской армии был установлен особым положением, высочайше утвержденным 18 мая 1853 года и разосланным в войска¹³⁰. Главные основания этого положения заключались в следующем.

Довольствие предполагалось организовать тремя способами:

1. *Непосредственным распоряжением интендантства*, т. е. заготовлением внутри России запасов и подвозом их прямо

в войска или в учрежденные временные магазины. Эти же магазины предполагалось пополнять также посредством торгов или покупок в княжествах. Все продукты предписывалось получать от края не иначе, как за соответствующее вознаграждение или чистыми деньгами, или по квитанциям. Без вознаграждения разрешалось отводить только квартиры для воинских чинов, под госпитали, магазины и прочие потребности войск, а также получать дрова для варки пищи.

2. *Средствами края за установленное вознаграждение.* Для этого предполагалось учреждать распоряжением местных властей земские магазины в местах, заранее указанных интендантством. При магазинах должны были находиться земские чиновники с прислугой и комиссионеры или офицеры от наших войск. Требования от войск в земские магазины и отпуски из них должны были производиться по тем же правилам, как и из русских магазинов. В тех случаях, когда по каким-либо причинам войскам не было бы возможности получать продовольствие из земских магазинов, допускалось получение продуктов прямо от жителей по указанию земских комиссаров. Для этого при всех отрядах должны были находиться особые земские комиссары. Уплату за все забранное полагалось производить или наличными деньгами, или установленными квитанциями.

3. *Покупка самими войсками по утвержденным ценам* с обязательной уплатой наличными деньгами.

Князю Горчакову была сообщена также инструкция министра иностранных дел войти в соглашение через наших консулов с правительствами княжеств по поводу продовольствия там наших войск и в этом соглашении определить, чтобы все поставки от правительств и от жителей производились по нормальным ценам, т. е. по ценам, существовавшим во время вступления наших войск в княжества¹³¹.

11 июня 1853 года последовал приказ по войскам о предстоящем занятии княжеств, в котором, между прочим, было сказано о высочайшей воле, «дабы Российские войска занимали Молдавию и Валахию не как враждебный край, но как области, издревле под покровительством его императорского величества состоящие...» и что «никто не должен ничего требовать от жителей без должного вознаграждения на основании правил, которые вслед за сим будут объявлены».

Князь Горчаков, будучи начальником штаба корпуса во время войны 1828 и 1829 годов, был очевидцем той нужды, которую терпели войска в княжествах, а потому, готовясь теперь снова вступить в этот край, проявил усиленную заботливость об устройстве продовольственной и госпитальной частей.

Для пополнения десятидневного сухарного запаса в войсках, подходивших к Скулянам, им было приказано еще до перехода

границы перевезти туда из Кишинева 3000 чत्व. сухарей, а новороссийскому генерал-губернатору заготовить там взамен их такое же количество.

Заготовленные в Кишинева 35 000 чत्व. муки с пропорцией круп было приказано перевезти в Леово на обывательских подводах, для найма которых были назначены торги в Бессарабской казенной палате¹³². Кроме того, в Скулянах заготавливались 1000 чत्व., а в Леова 3000 чत्व. ячменя.

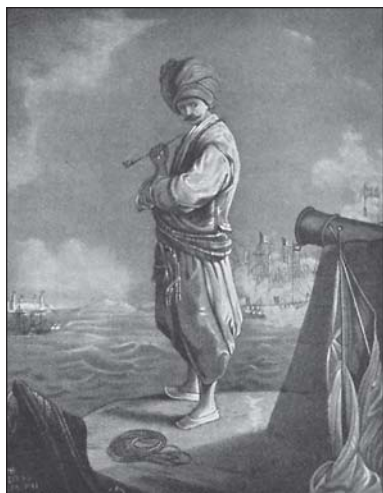
Войска должны были перед выступлением за границу пополнить сухарный запас в частях 5-го корпуса на 11 дней, а в 4-м, имевшем большее число повозок, на 13 дней¹³³. За-

пасы фуража было предписано пополнить немедленно: кавалерии на 3, артиллерии на 6, обозам на 8 дней. Частям 5-го корпуса приказано купить для возки спирта и уксуса пароконные повозки. В 4-м корпусе, имевшем лишние повозки, заведенные еще в феврале распоряжением князя Варшавского, было приказано назначить под спирт и уксус: в пехотных полках — по 6, в кавалерийских — по 2, в артиллерийских бригадах — по 1 телеге¹³⁴.

Командующий войсками разослал одновременно с опубликованными правилами о довольствии войск в княжествах¹³⁵ в войска «тариф для продовольствия войск за границей», представлявший собой раскладку для нижних чинов и офицеров; кроме того, были объявлены войскам сравнения заграничных мер, весов и монет с русскими и разосланы бланки квитанций для выдачи за взимаемые припасы¹³⁶.

18 июня была разослана начальникам колонн главных сил и авангарда инструкция относительно продовольствия войск в пути. В этой инструкции назначалось усиленное довольствие войск мясом, указывалось, что фураж, мясо, вино и соль войска должны покупать сами, а также указывались случаи, когда войска могут обращаться через находящихся при них комиссионеров к средствам страны¹³⁷.

Князь Горчаков на основании инструкции, полученной им из Министерства иностранных дел, снесся через наших консулов, которых он вызвал в Кишинева, с правительствами княжеств относительно заготовления на ночлегах на пути следования наших

*Англо-французские флаги
в Босфоре. Турецкая дума*

войск продовольственных запасов, особенно в Бырлате, Текуче и Фокшанах, а также относительно установления за них цен.

Необходимость установления цен вызывалась, очевидно, вероятностью подъема их ввиду громадного спроса¹³⁸. Как на продукты, так и на фураж, подводы и дрова были установлены нормальные цены, отдельно за продовольственные припасы, за продовольствие на квартирах у жителей, за пастбища и за обывательские подводы, которые будут взиматься по наряду. (За одну пароволовую подводу была установлена плата за один переход: в Молдавии — 66 коп., в Валахии — 42 коп.¹³⁹)

На пути следования наших войск были назначены, по сношению с правительствами княжеств, следующие пункты ночлегов¹⁴⁰:

большая дорога от Скулян до Бухареста. Скуляны, Яссы (20 верст), Баросешти (25 верст), Унчешти (16 верст), Васлуй (20 верст), Даколени (17 верст), Флорешти (17 верст), Бырлат (12 верст), Сушле (13 верст), Фокшаны (14 верст), Тыргокука (18 верст), Рымник (14 верст), Кильису (21 верста), Бузео (14 верст), Петров (12 верст), Морженяны (16 верст), Урзичени (23 версты), Синешти (26 верст), Мора-Домняска (12 верст), Бухарест (15 верст);

боковая дорога от Леово в Бырлат. Леово, Фальчи (23 версты), Епурени (23 версты), Бырлат (24 версты);

боковая дорога от Леово в Васлуй. Леово, Станилешти (16 верст), Хуш (14 верст), Ивинцешти (14 верст), Васлуй (18 верст);

боковая дорога от Баксу в Текуч. Баксу, Клежа-Дежос (18 верст), Вале-Сака (16 верст), Аджут-Ноу (19 верст), Маришешти (14 верст), Текуч (17 верст).

При следовании крупных частей войск к этим пунктам дневок и ночлегов потом приписывались дополнительно еще другие соседние селения, а войскам и правительствам княжеств сведения эти рассылались заблаговременно в маршрутах¹⁴¹.

На всех пунктах, где были учреждены магазины, должны были находиться чиновники от княжеств для выдачи войскам припасов.

Правительства княжеств тотчас же приступили к заготовлению в указанном им количестве муки, круп, ячменя, сена, соломы и дров на всех пунктах ночлегов, а главным образом в Бырлате, Фокшанах, Текуче, Бузео, Слободзее и Бухаресте; в Бухаресте, кроме того, заготавлились сухари¹⁴². В этих пунктах войска должны были пополнять свои запасы, израсходованные в пути¹⁴³. 18 июня командиру 2-й бригады 15-й пехотной дивизии было предписано устроить в Фокшанах и Текуче хлебопечение, для чего были назначены 5 батальонов этой бригады. Сухари, по мере выпечки, должны были сдаваться в тот же день в подвижные магазины¹⁴⁴.

Из всех этих распоряжений видно, что князь Горчаков все-таки был вынужден иметь в виду пользование местными средствами

края, что вытекало из следующих соображений. Расстояние от бессарабской базы до Бухареста было около 300 верст (от Леова до Бухареста — 313 верст). На кругооборот подвижного магазина между этими пунктами требовалось не менее 44 дней, т. е. принимая в расчет путь в оба конца, время на погрузку и разгрузку. Для некоторых же отрядов, которые могли оказаться еще дальше, времени для подвоза с базы понадобилось бы еще больше. Подвижной магазин поднимал продовольствие для 70 000 человек только на один месяц¹⁴⁵, а следовательно, в доставке продуктов могли быть задержки, и основывать все продовольствие на одном таком подвозе было невозможно.

Таким образом, к 21 июня, ко дню выступления наших войск за границу, для продовольствия их имелось всего:

1) *при самих войсках*: 11—13-дневный запас провианта в ранцах и войсковом обозе;

2) *в подвижном магазине*: 20-дневный запас провианта, вина, укса, соли и перца в 4 полубригадах из 4622 пароволовых подвод;

3) *на базе в Бессарабии*: несколько более 2-месячной порции провианта;

4) *запасы впереди*: заготавливаемые по соглашению с правительствами княжеств на пути движения наших войск.

Из этого видно, что продовольствие войск запасами, собранными на первоначальной базе в Бессарабии, обеспечивало войска очень ненадолго, а довольствие на пути к Бухаресту основывалось главным образом на средствах княжеств.

Наличное состояние запасов в войсках и в подвижном магазине также требовало дополнительных средств, а размер подвижного магазина не допускал возможности подвоза с базы всего нужного количества продуктов, т. е., в общем, вся организация была приноровлена не на случай войны, а лишь для оккупации, что и вытекало логически из слов высочайшего манифеста 14 июня 1853 года.

Формирование остальных трех полубригад подвижного магазина из 4880 подвод было приказано закончить к 17 июня; одна полубригада была сформирована еще в мае.

Эти три полубригады были отправлены: одна, из 1210 пароволовых подвод, в Скуляны, а две, также пароволовые, по 1096 подвод каждая, в Кишинев¹⁴⁶. В каждой из них имелось положенное число запасных волов и повозок. Командирами полубригад были назначены штаб-офицеры, а командирами рот — обер-офицеры от 5-го пехотного корпуса. В каждую было назначено по несколько нижних чинов¹⁴⁷.

Плата за подводы и прочие условия найма была установлена та же, как и в 1-й полубригаде, сформированной в мае. Полубригады по мере их формирования тотчас же нагружались 20-дневным

запасом провианта, вина, уксуса, соли и перца и затем ожидали движения войск за границу для следования за ними.

Во всех четырех полубригадах вместе было 4622 пароволовые подводы и запасных — 92 подводы и 1154 вола; все подводы вместе могли поднять сразу месячный запас провианта и вина на 70 тысяч человек.

Примечания

¹ Название это происходило от наименования греческой части Константинополя — Фанар.

² Господари назначались Портой лишь на трехлетний срок.

³ Для приведения на военное положение действующих частей 3-го, 4-го и 5-го пехотных корпусов пришлось их состав увеличить на 440 офицеров и 23 308 нижних чинов, резервные и запасные части тех же корпусов пришлось увеличить на 1134 офицера и 44 160 нижних чинов (Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1852 г., секр. д. № 24).

⁴ Подробная ведомость помещена в приложении № 26. Большая часть казачьих частей находилась еще на пути с Дона.

⁵ Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1856 г., секр. д. № 71.

⁶ Подробный состав и вооружение Дунайской флотилии помещены в т. I, в приложении № 197. Она не вся поступила в распоряжение командующего войсками на Дунае.

⁷ Подробная дислокация показана на схеме № 1 (папка).

⁸ Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., д. № 10.

⁹ 2-я бриг. 10-й пех. див., 11-я и 12-я пехот. див., две бат. 10-й артил. бриг., 11-я и 12-я артил. бриг., 4-й стрелк. и 4-й саперн. бат., Донская № 9 бат., понтон. № 4 парк с понтон. ротой, подв. артил. № 11 и 12 парки, Донской каз. № 25 п. и подвижной № 4 госпиталь.

¹⁰ 1-я бриг. 10-й пех. див. с двумя бат. 10-й артил. бриг., 4-я легк. кавалер. див. с ее артил. и подв. парк № 10.

¹¹ Военно-исторический журнал войск 4-го и 5-го пехотных корпусов за 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3588.

¹² Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1856 г., секр. д. № 71.

¹³ Рукописные записки П. К. Менькова (рукоп. отд. музея Севастопольской обороны).

¹⁴ Записки П. К. Менькова, т. I.

¹⁵ Записки Н. И. Ушакова (П. Бартеков. Деятельность, т. II).

¹⁶ Записки П. К. Менькова, т. I.

¹⁷ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

¹⁸ Перевод с французского.

¹⁹ Записки П. К. Менькова. Записки Н. И. Ушакова. Воспоминания Докудовского. Дневник графа П. Е. Коцебу (рукоп. отд. музея Севастопольской обороны). Боганович. Т. I. Восточная война. Воспоминания севастопольца//Русский архив, 1893. Кн. 1 и др.

²⁰ Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 47.

²¹ Военно-исторический журнал войск 4-го и 5-го пехотных корпусов за 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3588.

²² См. схему № 1.

²³ Князь Меншиков — князю Горчакову от 25 июня 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

²⁴ Переписка князя Меншикова с князем Горчаковым летом 1853 г. Архив воен. уч. ком. гл. шт., отд. 2, д. № 4253. Всеподданнейшее письмо князя Горчакова от 22 июля 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 47. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4255.

²⁵ Военно-исторический журнал войск 4-го и 5-го пехотных корпусов за 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3588.

²⁶ См. приложение № 27.

²⁷ Военное минист. — князю Горчакову от 13 июня 1853 г., № 863. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 52.

²⁸ Письмо государя князю Горчакову от 20 июня 1853 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

²⁹ Рукописный дневник князя П. П. Гагарина. Собств. Его Велич. библ..

³⁰ Письмо от 24 апреля 1853 г., из Дрездена//Барсуков. Жизнь и труды Погодина. Кн. XIII.

³¹ 12 июля 1853 г. Там же.

³² Письмо от 12 июля 1853 г.//Барсуков. Жизнь и труды Погодина. Кн. XIII.

³³ Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. М., 1861. С. 511.

³⁴ Алабин. Восточная война. Ч. II. С. 16.

³⁵ Переписка князя Горчакова с военным министром, с князем Варшавским, князем Меншиковым. Архив канц. Воен. мин. и воен. уч. ком. Гл. шт.

³⁶ См. приложение № 28.

³⁷ См. общую карту и схему № 1.

³⁸ От 2-й бригады 15-й пехотной дивизии и Донского казачьего № 37 полка под начальством подполковника Гардеева.

³⁹ Всего в июне и июле 1853 г. вступило в княжества 71 869 строевых нижних чинов. Из чернового журнала военных действий, составлявшегося полковником Меньковым (Музей Севастопольской обороны).

⁴⁰ 5-я легк. кавалер. дивиз., 5-я конная артил. бриг. и Донской каз. № 34 п.

⁴¹ Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 52.

⁴² 12-я пехотная дивизия, 12-я артиллерийская бригада и подвижной артиллерийский № 12 парк.

⁴³ Семь батальонов 2-й бригады 10-й пехотной дивизии (1 батальон Колыванского егерского полка оставался в Хотине до смены батальоном от 3-го пехотного корпуса), две батареи 10-й артиллерийской бригады, 11-я пехотная дивизия с ее артиллерией, 4-й стрелковый и 4-й саперный батальоны, понтонная № 4 рота с парком, донской казачий № 25 и сотня № 37 полка, донская казачья № 9 батарея, подвижной артиллерийский № 11 парк и подвижной № 4 госпиталь.

⁴⁴ 1-я бригада 10-й пехотной дивизии с двумя батареями 10-й артиллерийской бригады, пять батальонов 2-й бригады 15-й пехотной дивизии

(один батальон Замосцкого егерского полка с 25 казаками Донского № 37 полка был отправлен под начальством полковника Гордеева от Лео-ово в Галац, а два батальона остались в колониях южной Бессарабии с двумя батареями 15-й артиллерийской бригады (еще в 8-орудийном составе), 4-я легкая кавалерийская дивизия с ее артиллерией, пять сотен Донского казачьего № 37 полка, рота 5-го саперного батальона с понтонным № 5 парком и понтонной ротой, подвижной артиллерийский № 10 парк и подвижной № 5 госпиталь.

⁴⁵ Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 71, 1853 г., секр. д. № 10, 52; Воен. уч. арх. Гл. шт., отд. 2, д. № 3311.

⁴⁶ 1-я бригада 10-й пехотной дивизии с двумя батареями 10-й артиллерийской бригады, 11-я и 12-я пехотные дивизии с их артиллерией, 4-й стрелковый и 4-й саперный батальоны, 4-й понтонный парк с понтонной ротой, Донская казачья № 9 батарея и подвижной № 4 госпиталь.

⁴⁷ См. схему № 1.

⁴⁸ 2-я бригада 10-й пехотной дивизии с двумя батареями 10-й артиллерийской бригады, 11-я и 12-я пехотные дивизии с их артиллерией, 4-й стрелковый и 4-й саперный батальоны, 4-й понтонный парк с понтонной ротой, Донская казачья № 9 батарея и подвижной № 4 госпиталь.

Подвижные артиллерийские № 10, 11 и 12 парки были направлены из Течуца в Плоешти.

⁴⁹ Во время этого движения главных сил к Бухаресту был выдвинут к Браилову для прикрытия армии с этой стороны, а равно и для наблюдения Дуная со стороны Браилова, отряд генерал-майора Фридрихса из гусарского Принца Пруссского полка, 4 орудий конно-легкой № 8 батареи и сотни донского казачьего № 37 полка (8 эскадронов, 1 сотня и 4 конных орудия), который расположился близ Браилова у сел. Назиру. Через несколько дней при одном из бесконечных видоизменений расположения охраняющих и наблюдающих частей этот отряд был расформирован.

⁵⁰ Сведения о составе валахских войск помещены в приложении № 29.

⁵¹ Донесение князя Горчакова от 20 октября 1853 г., № 1731. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3311.

⁵² Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3419.

⁵³ Инструкция князя Горчакова генералу Анрепу от 18 июня 1853 г. как образец его инструкций помещается в приложении № 30.

⁵⁴ Были выдвинуты под начальством подполковника Бакаева два эскадрона Бугского уланского полка и сотня донского казачьего № 34 полка.

⁵⁵ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3419.

⁵⁶ См. схему № 2.

⁵⁷ Вступая в княжества, князь Горчаков возложил охрану мостов у Леова и Скулян на бессарабского военного генерал-губернатора.

⁵⁸ Всеподданнейшее письмо от 6 июля. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 47.

⁵⁹ См. приложение № 31.

⁶⁰ Письмо князя Горчакова тайному советнику Озерову 25 июня 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

⁶¹ Дешеш князя Меншикова канцлеру 16 июня 1853 г., № 51, из Одессы. Архив Мин. иностр. дел.

⁶² Сводка сведений от наших агентов, пленных, лазутчиков и проч. Архив воен. уч. ком., отд. № 2, д. № 5741. Архив канц. воен. мин., Мин. иностр. дел и др.

⁶³ Письма подполковника Батезатула (рукоп. отд. Севастопольского музея). Из 5 1/2-тысячного отряда графа Анрепа за время усиленного перехода от Леова до Бухареста в течение 12 дней выбыло из строя больных 63 и умерший 1 (Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 52).

⁶⁴ Записки А. А. Генерици//Русская старина. 1877. Кн. 10.

⁶⁵ Записки П. К. Менькова//Т. 2. С. 212.

⁶⁶ Граф Анреп — князю Горчакову 4 июля 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3419.

⁶⁷ Письмо от 25 июня из Ясс. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

⁶⁸ Перевод с французского.

⁶⁹ Всеподданнейшее письмо от 6 июля 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 47.

⁷⁰ Алабин. Восточная война, ч. II.

⁷¹ Дневник графа П. Е. Коцебу. Рукоп. отдел. Музея Севастопольской обороны.

⁷² Парижский воен. архив.

⁷³ Перевод с французского.

⁷⁴ Архив канц. Воен. мин. 1856 г., д. № 71, ч. III.

⁷⁵ Список лучших, так называемых почтовых, дорог в княжествах помещен в приложении № 32.

⁷⁶ Кроме русских источников для составления этого описания служила «Note sur les provinces Danubiennes», составленная генералом Опином в 1849 г. (Парижский воен. архив).

⁷⁷ В начале 1853 г. 3-й корпус был расположен в губерниях Минской, Могилевской, Черниговской, Полтавской и Киевской; 4-й корпус — в Волынской, Киевской и Подольской; 5-й корпус — в Бессарабии и по северному берегу Черного моря.

⁷⁸ Архив канц. Воен. мин., 1856 г., д. № 71.

⁷⁹ Пропорцией круп считалась 1/10 часть муки по весу. В данном случае значит — 1100 четвертей.

⁸⁰ Аратовский. С. 277.

⁸¹ Архив канц. Воен. мин., 1852 г., д. № 11. Ч. 2.

⁸² Затлер. Ч. I. С. 192. Историч. очерк воен. упр. Ч. II. С. 95.

⁸³ Архив канц. Воен. мин. 1856 г., д. № 71, ч. III; архив канц. Воен. мин., 1852 г., д. № 11, ч. II, № 18.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Аратовский. С. 278. Затлер. Ч. I. С. 192.

⁸⁶ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3310.

⁸⁷ Аратовский. С. 281.

⁸⁸ Архив канц. Воен. мин., 1856 г., д. № 71.

⁸⁹ Исторический очерк. Воен. упр. Ч. II. С. 95.

⁹⁰ По Затлеру — в Лео́ве четырехдневная пропорция на 18 000 лошадей.

⁹¹ Аратовский. С. 282.

⁹² Письмо князя Варшавского от 25 мая 1853 г., № 363.

⁹³ Устав управления армией, 1846 г., § 11—20, 382—336.

⁹⁴ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3614/28.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., д. № 60.

⁹⁷ Доклад артелерийского департамента 18 февраля 1853 г., № 56. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3313.

⁹⁸ Архив канц. Воен. мин., 1852 г., д. № 15.

⁹⁹ Доклад артиллерийского департамента 18 февраля 1853 г. № 56. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. 3313.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Журнал военной дивизии князя Горчакова, 21 мая — 18 июля 1853 г. Архив канц. Воен. мин., д. 1852/1853.

¹⁰² Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3605.

¹⁰³ Там же, д. № 3311.

¹⁰⁴ Там же, д. № 3605.

¹⁰⁵ Архив канц. Воен. мин., 1852, д. № 15.

¹⁰⁶ Там же. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3605.

¹⁰⁷ Архив канц. Воен. мин., 1856 г., д. № 71, ч. 3.

¹⁰⁸ Затлер. О госпиталях. См. приложение № 23.

¹⁰⁹ № 9, с 10 мая 1853 г.

¹¹⁰ № 10, с 1 июня 1853 г.

¹¹¹ № 35, с 14 июня 1853 г.

¹¹² Затлер. О госпиталях. С. 163.

¹¹³ Аратовский. С. 286—289. Повиланов. С. 49.

¹¹⁴ Аратовский. С. 287.

¹¹⁵ Провиантский департамент предполагал тогда заготовлять в Лео́ве и в Кишиневе 20-дневный запас для 30 тыс. человек.

¹¹⁶ Вместо 25 пудов, по закону полагавшихся на пароконную подводку.

¹¹⁷ Архив канц. Воен. мин., 1856 г., № 71, ч. III. Согласно ст. 1372 Св. В. П., кн. II, ч. 4 — полагалось по одной паре запасных волов на каждые 8 пар и по одной запасной подводке на каждые 50 подвод.

¹¹⁸ Поливанов. С. 50. Затлер. Т. I. С. 192.

¹¹⁹ Архив канц. Воен. мин., 1856 г., д. № 71, ч. 3.

¹²⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3594. Приказ по 4-му и 5-му корп. 15 июня 1853 г., д. № 5.

¹²¹ Поливанов. С. 47.

¹²² Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3310.

¹²³ Аратовский. С. 277, 281.

¹²⁴ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3310.

¹²⁵ Приказ по 4-му и 5-му корпусам, 9 июня 1853 г., № 1.

¹²⁶ Затлер. Ч. I. С. 192. Ч. II. С. 264.

¹²⁷ Приказ по 4 и 5 корп. 1853 г., № 26.

¹²⁸ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3310.

¹²⁹ Аратовский. С. 279 и 280.

¹³⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3419. Приложение к приказу по 4-му и 5-му корп. 15 июня 1853 г., № 5.

¹³¹ Аратовский. С. 317.

¹³² Там же. С. 316.

¹³³ Приказ по 4-му и 5-му корп. 18 июня 1853 г., № 8.

¹³⁴ Приказ по 4-му и 5-му корп. 1853 г., № 6.

¹³⁵ Приказ князя Горчакова от 15 июня 1853 г.

¹³⁶ Архив воен. уч. ком., д. № 3594.

¹³⁷ Там же, д. № 3419.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Приказы по 4-му и 5-му корп., № 14, 15, 41, 42, 43 и 92.

¹⁴⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3310. Отношение генерал-квартирмейстера дежурному генералу.

¹⁴¹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3422.

¹⁴² В Бухаресте заготовлялось: 400 четв. сухарей, 2065 четв. муки, 206 четв. круп, 5300 четв. ячменя, 680 пуд. соломы, 17 саж. дров. Вскоре генеральному консулу в Валахии было поручено заготовить в Бухаресте к 15 июля еще 5000 четв. муки, 500 четв. круп, 5000 четв. ячменя, 9081 пуд соломы и 145 саж. дров. В Слободзее в 20-х числах июня было заготовлено 200 четв. муки с пропорцией круп и 500 четв. ячменя. (Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3419.)

¹⁴³ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3419.

¹⁴⁴ Там же, д. 3311.

¹⁴⁵ Там же, д. 3419.

¹⁴⁶ Архив канц. Воен. мин., д. 1856 г., № 71, ч. III.

¹⁴⁷ Приказ по 4-му и 5-му корп. 1853 г., № 16.

Глава III

Занятие княжеств и действия в них до объявления войны включительно (июль — октябрь 1853 года)

Не успев еще дойти до Бухареста, граф Анреп получил от князя Горчакова новое изменение инструкции. Командующий войсками кроме опасения переправы турок ниже Силистрии, что могло бы угрожать безопасности наступления к Бухаресту, возымел опасение о возможной переправе турок у Журжи и поэтому рекомендовал начальнику авангарда выставить к этому пункту дивизион кавалерии, подкрепив его особым отрядом из пяти эскадронов и двух конных орудий. Этот отряд должен был на общих основаниях не вступать в бой с неприятелем, если последний будет в больших силах, но прогонять малые шайки турок; наблюдение же за Дунаем, между Турно и Туртукаем, производить при посредстве особых подвижных колонн силой от $1\frac{1}{2}$ до 1 эскадрона¹.

Граф Анреп на основании полученных им общих распоряжений расположил 6 июля, после занятия Бухареста, главные силы своего авангарда биваком по Журженской дороге на р. Саборе, между селениями Желява и Магурени (Магура), и принял обширные меры для наблюдения и охраны Дуная на протяжении около 250 верст, от деревни Бетрешти, что ниже Гирсова, до города Зимнич, что против Систова².

С этой целью было выдвинуто пять самостоятельных отрядов:

1. *К с. Слободзея* — отряд подполковника Баканова силой в 2 эскадрона и 1 сотню³, на который возлагалась охрана и наблюдение участка от д. Бетрешти до д. Манукуль протяжением около 90 верст⁴.

2. *В Обилешти-Ноу* — отряд майора Бантыша силой в 2 эскадрона и ? сотни для наблюдения участка от д. Манукуль до ст. Ольтеницы, против Туртукая, длиной около 40 верст⁵.

3. *В Будешти* — 1 эскадрон и $1\frac{1}{2}$ сотни, которым был дан участок от Ольтеницы до Пуэни длиной около 30 верст⁶.

4. *У Фратешти* — отряд генерал-майора Гасфрта силой в 6 эскадронов, 2 сотни и 2 конных орудия⁷, которому поручался участок от с. Пуэни до г. Зимница протяжением около 80 верст⁸.

5. Как бы в резерве за этим последним отрядом, в 19 верстах за ним, у д. Калагурени, были поставлены 2 эскадрона⁹, которые в то же время предназначались для прикрытия правого фланга расположения главных сил авангарда графа Анрепа. Начальник

Езда в Валахии

авангарда, осмотрев лично передовые части, выдвинул из этого отряда 2 взвода улан к с. Драганешти, с приказанием посылать разъезды к селениям Русе-де-Веде и Александрия.

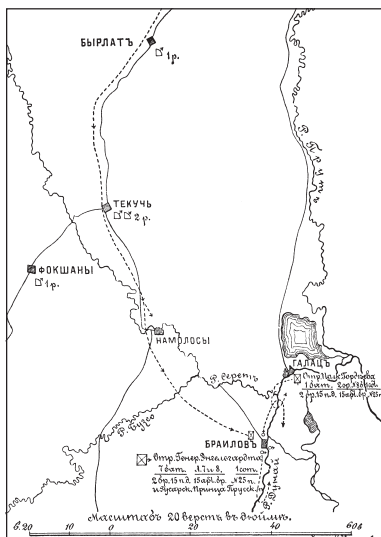
Таким образом, для наблюдения всего 250-верстного участка Дуная с целью не допустить переправы турецких партий на его левый берег было назначено 13 эскадронов, 4 сотни и 2 конных орудия. Все отряды несли свою наблюдательную службу при помощи отдельных застав, постов и сети разъездов¹⁰. Наблюдение за Дунаем, выше устья р. Веде, должно было производиться при помощи лазутчиков.

С 16 июля главные силы нашей армии стали прибывать к Бухаресту и располагаться по квартирам в 30—40-верстном районе около города, между р. Кфылништа, впадающей в Аржис против Гастинари, р. Аржисом, до устья р. Дымбовицы, и чертой от слияния р. Дымбовицы и Аржиса, вверх на Иляны и Урзичени. Санитарное состояние войск было прекрасное¹¹.

Охрана квартирного района была возложена на авангард графа Анрепа, который для этого был соответственно усилен пехотой и артиллерией. Он должен был расположиться квартиро-бивачным порядком на нижнем Аржисе, в 25 верстах от Бухареста, между селениями Колибаш и Гостиinari¹².

После многих дополнений и изменений охрана расположения главных сил князя Горчакова и наблюдение за Дунаем на всем пространстве ниже впадения в него р. Веде вылилась в следующую форму:

1. Авангард графа Анрепа силой в 11 бат., 32 эск., 9 сот., 36 пеш. и 16 кон. ор.¹³ расположился между Калибахом и Гостиinari¹⁴, непосредственно прикрывал квартирное расположение

Расположение Браиловского отряда в августе 1853 г.

лой от $\frac{1}{2}$ до 1 сотни каждая, селения Кривенику (Мари), Найпуль, Путинею и 1 эск. с $\frac{1}{2}$ сот. — Журжу¹⁷;

б) *левый отряд* силой в 8 эск., 3 сот. и 2 кон. ор.¹⁸, наблюдая течение Дуная от селения Ойнаку до озера Мостинешти, расположился квартиро-бивачным порядком у сел. Негоешти, выставив заставы в с. Прунду, Гряку и Хошару и 1 сотню в с. Ульмени¹⁹.

Сборным пунктом для всего авангарда графа Анрепа, в случае перехода турок через Дунай, было назначено с. Колибаш²⁰.

2. *Отряд генерал-майора Богушевского* силой в 16 эск., 3 сот. и 8 кон. ор.²¹; на него возлагалось прикрытие левого фланга расположения главных сил и наблюдение за Дунаем от границы района авангарда графа Анрепа, озера Мостинешти, до с. Тикилешти, верстах в 15 к югу от Браилова²². Отряд генерала Богушевского расположился квартиро-бивачным порядком в с. Облешти-Ноу, Гурбанешти и Приязни-Веки, выставив от себя передовые части к с. Гауноша (1 эск. и 15 каз.), Слободзея (2 эск. и 25 каз.), Чоара-Дейчешти (1 сот.) и на берегу левого рукава Дуная, у с. Дудешти, что на середине расстояния между Каларашем и Гирсово (1 сот.). Части эти непосредственно наблюдали уже все течение Дуная на данном районе при помощи ряда застав, постов и разъездов²³.

Частными сборными пунктами для отряда генерала Богушевского были селения Обилешти-Ноу и Тамадсу-де-Сус и общим — с. Друмасеру.

главных сил и наблюдал за Дунаем на протяжении от р. Веде до оз. Мостинешти¹⁵.

Он выдвинул от себя два отряда:

а) *правый*, силой в 8 эск., 6 сот. и 2 кон. ор.¹⁶, наблюдал со стороны Малой Валахии и Дуная, в районе между притоком р. Веде, рекой Кленвице, рекой Веде и Дунаем, от впадения в него Веде и до селения Ойнаку, что ниже Журжи, включительно. Этот отряд разделился на две, почти равные, части: 4 эск. и 1 сот. стали на тесных квартирах в сел. Калагурени, 3 эск., 2 сот и 2 кон. ор. — биваком у с. Фратешти (Одая); остальные части заняли отдельными заставами, си-

3. *Браиловский отряд генерал-майора Энгельгарда* силой в 8 бат., 8 эск., 2 сот. и 24 пеш. ор.²⁴ предназначался для удержания наступления турок со стороны Браилова и Галаца, для наблюдения за Дунаем между отрядами генералов Богушевского и Лидерса²⁵, для охраны тыла армии князя Горчакова и ее сообщений с нашей границей.

Отряд генерала Энгельгарда, первоначально расположившись в с. Немолосы²⁶, пододвинулся в августе к Браилову, занял этот пункт сильной казачьей заставой, выдвинул к Галацу отряд полковника Гордеева (1 бат., 1 сот. и 2 ор.) и связался разъездами с отрядом генерала Богушевского.

Для охраны тыла главных сил и для обеспечения их сообщения со Скулянами и Леоово генералом Энгельгардом были употреблены два батальона и несколько казаков, которые заняли как этапные пункты Скуляны, Яссы, Бырлат, Текуч и Фокшаны.

Что же касается охраны нижнего Дуная, на протяжении около 190 верст, от Галаца до устья, то там было сосредоточено всего 13 бат., 48 ор., 6 сот., *пограничная и карантинная стражи и большая часть Дунайской флотилии*²⁷.

Войска эти заняли Рени (1 бат., 1 сот. и дивизион артиллерии²⁸), Измаил (4 бат., 1 сот. и 48 оруд.²⁹, Болград и Татар Бунар (5 бат.)³⁰ и Килию (2 бат.), имея по сотне казаков в Слободзее-Маре и Карачаге³¹ и 17 канонерских лодок у Измаила. Собственно наблюдение за Дунаем на протяжении от Рени до Сулина производилось при помощи 137 кордонов пограничной стражи и казаков, силой каждый от 4 до 35 человек. Вход в рукав Дуная, ведущий к Измаилу, ограждался 2 канонерскими лодками у мыса Четала, Сулинский же пункт охранялся брандвахтой из двух канонерских лодок при 50 казаках. Рени и Галац были соединены прочным мостом на плотках, устроенным в этом месте через р. Прут.

Описав уже характер князя Горчакова, нечего и прибавлять, что все мельчайшие подробности изложенного выше расположения охранительных и разведывательных отрядов были приняты не по личному почину ближайших начальников, которые могли ближе ознакомиться с местными условиями, а по распоряжению командующего войсками, который считал возможным указать по карте место чуть ли не каждой заставе на линии наблюдения, растянутой на 250 верст.

В обширных инструкциях, данных князем Горчаковым начальникам передовых частей, обращалось неоднократное внимание на то, чтобы не дать туркам возможности нанести поражение даже нашим отдельным постам, что произвело бы неблагоприятное для нас впечатление в княжествах. Благодаря этому служба охраняющих частей была очень тяжела; половина из них почти всегда находилась в полной боевой готовности, и это в продолжение

многих месяцев. Между тем как большая разброска наблюдающих частей, малая их величина, соседство Дуная, дающего возможность туркам скрытно приблизиться к нашим постам, и безусловная осведомленность неприятеля о том, что происходит на нашем берегу, делали желание князя Горчакова, как впоследствии и подтвердилось на практике, почти невыполнимым. Войска наши менее утомились бы и не было бы случаев удачного нападения на наши отдельные посты, если бы мы отказались от желания пресечь незначительным турецким шайкам возможность переправиться на левый берег Дуная на всем протяжении 250-верстной линии.

С приходом в княжества начались постоянные беспокойства князя Горчакова, постоянное колебание между надеждами на мир и войну. Обширная переписка с Петербургом, Веной и Варшавой вливалась в душу командующего войсками те мирные иллюзии, которыми были полны наши дипломаты, верившие в несокрушимую силу союзов, меморандумов и нот³²; живой же голос с того берега Дуная давал, наоборот, чувствовать, что дело обстоит не так благополучно; струны были сильно натянуты, для того чтобы рассчитывать на мирное окончание всех недоразумений. «Его Величество полон мирными иллюзиями, — занес в свой дневник генерал Коцебу, — а между тем все более и более выясняется, что война неизбежна». Английский и французский консулы всеми силами старались, по словам нашего начальника штаба армии, ослабить влияние России на Турцию и поставить Дунайские княжества под протекторат всех держав. Подпольная работа второстепенных дипломатических агентов западных держав была более видна на самом месте их действий, и генерал Коцебу чуть ли не ежедневно заносил в свой дневник, что война неизбежна.

Что касается князя Горчакова, то у него не сложилось такого определенного мнения, как у его начальника штаба, и он поочередно находился или под влиянием внушений издали, или под влиянием тех сведений, которые собирались на месте. Князь Михаил Дмитриевич не принадлежал к тем натурам, которые способны спокойно и беспристрастно взвесить всю окружающую обстановку, поэтому по мере приближения к Дунаю он все нервнее и нервнее относился ко всем слухам, которые в необработанном и непроверенном виде доходили до него с того берега. Не только ожидание войны в будущем, но ежеминутное ожидание нападения не выходило из головы командующего войсками и в полумирной еще обстановке вызывало лихорадочную и суетливую деятельность самого князя Горчакова, его штаба и всей армии³³.

Первоначальное опасение за низовья Дуная вызвало, как было упомянуто выше, желание воспользоваться для его охраны нашей флотилией, в настоящем употреблении которой главные

деятели сухопутного и морского ведомств долгое время не могли прийти к соглашению³⁴.

Князь Горчаков хотел употребить ее в виде крейсирующего по Дунаю отряда, против чего сильно восставал князь Меншиков. Наконец в это дело вмешался Решид-паша, который протестовал против движения по Дунаю наших военных судов выше впадения в него Прута, угрожая в противном случае вооруженным сопротивлением. Князь Горчаков, вопреки мнению князя Меншикова, решил оставить этот протест без ответа³⁵, но в то же время отменил движение наших пароходов выше Галаца³⁶. Государь одобрил это решение командующего войсками³⁷.

Генерал-адъютант Лидерс

Не успел князь Горчаков успокоиться относительно своего левого фланга, низовьев Дуная, как началась тревога на правом фланге, со стороны Малой Валахии.

Господарь Стибрей получил от Порты приказ оставить Валахию; после долгих обсуждений этого вопроса с князем Горчаковым и после многих колебаний Стибрей решил остаться на своем месте, хотя это решение и вызвало со стороны английского и французского консулов в Бухаресте спуск с их домов национальных флагов³⁸. Господарь Гика последовал примеру своего собрата. Но вместе с тем Стибрей, «в душе, по словам командующего войсками³⁹, большой негодяй, главный руководитель которого есть французский консул», внес в сердце князя Горчакова новый источник мучений, предупредив его, по всей вероятности, с корыстной целью, о намерении турок занять Малую Валахию⁴⁰.

С тех пор начинается постепенное тяготение наше на запад, вплоть до Видина, исходившее из желания князя Горчакова предупредить на всем большом пространстве появление турок и приведшее в начале открывшихся осенью военных действий к полной разброске наших сил по обширному протяжению Дуная. Не помогло в этом отношении даже всеильное мнение князя Варшавского, который рекомендовал не занимать Малой Валахии, а держать войска сосредоточенно от Гирсова до Бухареста⁴¹.

«Беспокойство Горчакова, — записал генерал Коцебу, — в это время было необыкновенное, так же как и его мучительная педантичность⁴². Он питает особенный страх, что турки нас могут атаковать и что мы можем быть разбиты... Мы много суетимся...»

Следствием опасения за Малую Валахию было созревшее наконец, после многих колебаний и отмен, решение сформировать особый Мало-Валахский отряд. В своем донесении военному министру князь Горчаков объяснял выделение особого Мало-Валахского отряда полученными сведениями о сосредоточении значительных сил турок к Систову, Никополю, Рахову и Видину и необходимостью распространения вследствие этого нашего наблюдения на правом фланге к стороне Систово и Турно⁴³. Сюда же примешивалось и желание расширить общий квартирный район с целью облегчения продовольствия войск.

Первоначально был сформирован незначительный отряд силой в 3 бат., 8 эск., 2 сот. и 8 ор.⁴⁴ под начальством командира 1-й бригады 10-й пехотной дивизии генерал-майора Бельгарда, которому было приказано расположиться в Русе-де-Веде⁴⁵ и наблюдать посредством передовых постов и разъездов за течением Дуная⁴⁶, от устья р. Веде до впадения р. Ольты, и «вместе с тем показать войска наши в Малой Валахии»⁴⁷. Что касается образа действия генерала Бельгарда в случае перехода турок через Дунай, то они были тождественны с действиями остальных прикрывающих частей: прогоняя незначительные партии, не рисковать неудачей при встрече с турками в значительных силах и, стягивая свой отряд, отступать к Бухаресту.

Указанные выше распоряжения были сделаны 28 июля, и вслед за тем началась продолжительная, тяжелая многомесячная жизнь Мало-Валахского отряда, который причинял князю Горчакову наибольшие беспокойства и потому более чем какой-либо другой отряд испытал на себе все особенности характера командующего войсками. Мирные и воинственные слухи, боязнь разбрасывать войска и желание показать их на всем обширном пространстве княжеств, боязнь понести поражение хотя бы в лице незначительного своего отряда и надежды «напугать» турок, «показав» свои войска от Калафата до Черного моря — все это вносило в распоряжения князя Горчакова ту суету и переменчивость, которые бесполезно изнуряли его самого, его штаб, сбивали с толку исполнителей и вливали в войска еще далеко до встречи с неприятелем тот яд апатии, который так мастерски изобразил Э. Золя в своем военно-историческом романе «*La débâcle*».

В течение какой-нибудь недели генерал Бельгард днем и ночью получал целую массу противоречивых распоряжений. То князю Горчакову казалось, что турки уже заняли Калафат и всеми силами наступают в Малую Валахию; он спешно усиливал отряд

генерала Бельгарда и торопил его к Крайову, связывая, однако, ему руки постоянным повторением вступать с турками в дело лишь с верной надеждой на успех. То полученное из Петербурга письмо мирного характера заставляло его отводить Мало-Валахский отряд к Текучу⁴⁸. И во всех этих распоряжениях главная цель состояла не в том, чтобы иметь возможность нанести действительный удар неприятелю, если он в самом деле будет наступать, а в надежде устроить его появлением наших казачьих разъездов и этим отбить охоту к переходу на наш берег Дуная. К сожалению, турки были очень хорошо осведомлены о том, что у нас делалось, и разброска наших сил не была для них секретом.

К этому же времени у командующего войсками созрела, отчасти под влиянием Варшавы и Петербурга, та превратная мысль о способе будущих действий турецких войск, которая легла в основу его дальнейших распоряжений и во многом послужила причиной наших неудач. Князь Горчаков был уверен, что турки, переправившись через Дунай, могут увлечься нашим притворным отступлением и неосторожно удалиться в поле. Заставить турок отдалиться от Дуная на два или на три перехода и потом обрушиться на них превосходными силами — вот план действий, который князь Горчаков беспрестанно рекомендовал всем частным начальникам, а также и начальнику Мало-Валахского отряда. Турки ни разу не поступили согласно рецепту князя Горчакова, а мы, исполняя предписание командующего войсками, неоднократно давали им в продолжение последующих действий возможность безнаказанно переходить и укрепляться на нашем берегу Дуная.

К счастью для войск генерала Бельгарда, разноречивые приказания князя Горчакова следовали так быстро одно за другим, что отряду не пришлось совершить всех поочередно предписываемых передвижений от Русе-де-Веде к Крайову и обратно к Текучу. Согласно новому приказанию командующего войсками, который установился на среднем решении, Мало-Валахский отряд, усиленный до *7 бат., 24 пеш. ор., 8 эск. и 2 сот.*⁴⁹, 11 августа сосредоточился к с. Слатино, выдвинув авангард из *2 бат., 2 эск. и 4 ор.* к с. Гоняса, в 5 верстах по дороге на Крайово⁵⁰.

Новая цель отряда генерала Бельгарда⁵¹ заключалась в защите пространства между рр. Жио и Ольтой, причем ему разрешалось перейти в Малую Валахию только после удачного дела и подтверждалось, по обыкновению, ни в каком случае не ввязываться в неравный бой. Что же касается атаки укреплений Калафата, если бы они были заняты турками, то атака разрешалась лишь в том исключительном случае, когда калафатские укрепления будут ничтожны и успех обеспечен⁵².

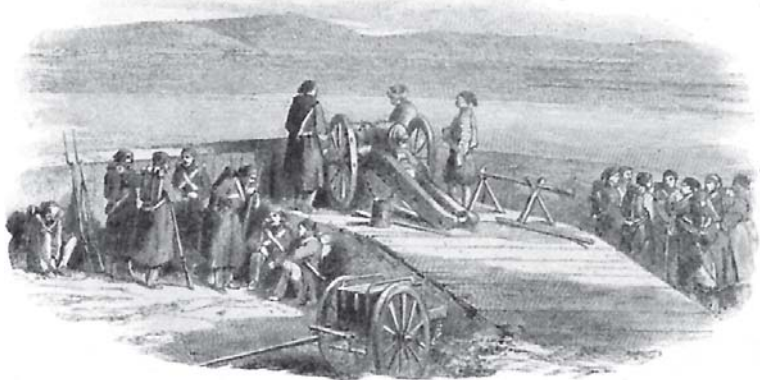
Выделение Мало-Валахского отряда дало повод князю Варшавскому сделать нашему командующему войсками в письме от

15 (27) августа⁵³ целое тактическое нравоучение с обильными ссылками на то, как вообще действовал сам светлейший князь. Впрочем, вся суть поучения сводилась к тому, что фельдмаршал, оправдывая необходимую разброску войск при оборонительном образе действий, чего, собственно, и должен был придерживаться князь Горчаков, ограничивался предостережением его от такой разброски при наступлении. Постоянное ожидание нападения и неопределенность, это естественное последствие пассивной обороны реки на протяжении нескольких сот верст, вызвали со стороны князя Горчакова следующие полные отчаяния строки⁵⁴: «Если возгорится война, то я буду просить разрешения перейти Дунай и не для того, чтобы предпринять решительные действия — теперь уже очень поздно и ничего не готово для начала осады, но чтобы не оставаться в оборонительном положении, так как нет положения более глупого и более вредного»⁵⁵.

Между тем политический горизонт все более и более омрачался. Известие о непринятии турками венской ноты, вызывающий голос константинопольской прессы⁵⁶ и видимое усиление турок на правом берегу Дуная, а также спешно производимые ими крепостные работы ясно давали чувствовать, что враждебные действия с их стороны не замедлят начаться. Это особенно проявлялось в армии, в княжествах, куда все сведения с того берега Дуная доходили в их первоначальном виде, где близость врага инстинктивно заставляла более правильно чувствовать пульс мира и войны. Войска наши страдали от безрезультатной тяжелой службы по наблюдению за обширным протяжением Дуная, страдали от напряженного ожидания нападения турок без права ответить им тем же; чувство народной гордости их было оскорбляемо рассуждениями иностранной и в особенности константинопольской печати. Воинственный пыл начал с особой силой проявляться среди армии князя Горчакова⁵⁷.

Вполне понятно, что параллельно с этим усиливалось и беспокойство командующего войсками, а равномерно усиливались и предпринимаемые им меры боевых предосторожностей.

14 августа прикрытие квартирного района с фронта было возложено уже на два авангарда, правый — графа Анрепа, с главными силами у с. Копачени, а левый — графа Нирода, с главными силами у с. Фрузанешти⁵⁸. На первый из этих авангардов возлагалась охрана участка от устья р. Веде до с. Гряка, что ниже Журжи, и наблюдение за дорогами от Зимнич и Рушука; на авангард же графа Нирода⁵⁹ возлагалась охрана участка от с. Гряка до г. Браилова и наблюдение за дорогами из Туртукая, Силистрии и Гирсова⁶⁰. Охранную и наблюдательную службу оба эти авангарда

Турецкий пикет на Дунае

несли при помощи трех передовых отрядов (у Ойнаки, Негоешти и Гауноша), постов и разъездов⁶¹.

Но не успели эти распоряжения войти в силу, как князь Горчаков вновь их изменил, назначив начальником правого авангарда, под названием главного, начальника 10-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Соймонова и расширив район его охранения до р. Аржиса; граф же Анреп был назначен инспектором обоих авангардов⁶².

Одновременно с этим князем Горчаковым была отдана подробная диспозиция по передовым войскам⁶³ с указанием, как им действовать при появлении неприятеля на правом берегу Дуная. В случае появления незначительных турецких сил передовые отряды должны были отбросить их; в противном случае — отступать на линию Калагурени, Фрузанешти и Обилешти⁶⁴. 12 сентября князь Горчаков отправил генералу Соймонову новую инструкцию⁶⁵, в которой рекомендовал еще строже соблюдать бдительность и, подробно описывая возможные действия каждого эскадрона и сотни, окончательно запутывал этого генерала, лишая его всякой самостоятельности. Каких-либо существенных изменений в будущий образ действий генерала Соймонова эта инструкция не вводила.

Новые сведения о прибытии к берегам Дуная значительных отрядов албанцев вызвали сосредоточение 13 сентября отряда генерала Соймонова к с. Копачени-Джулиешти⁶⁶, а опасение переправы турок через Дунай против Бухареста и атаки главных сил князя Горчакова заставили его дать новое расположение прикрывающим частям. Предполагалось, что при этом новом расположении попытки неприятеля перейти Дунай против Бухареста могли бы быть с успехом отражаемы и квартирное расположение главных сил было бы более обеспечено⁶⁷.

Расположение Браиловского отряда к 1 сентября 1853 года

5 сот. и 24 пеш. ор.⁶⁹ у с. Одая (Фратешти), имея казаков у с. Ойнаку с цепью постов по Дунаю, от устья р. Веде до Ойнаку.

Левый отряд, подчиненный за отсутствием графа Нирода начальнику 11-й пехотной дивизии генералу Павлову, силой в 4 бат., 6 эск., 3 сот. и 12 пеш. ор.⁷⁰, имея пехоту с артиллерией у Бундешти, улан у Фундени и казаков у Негоешти и Ульмени, с постами по Дунаю от Кортыли до монастыря Корницели.

Резерв под непосредственным начальством генерала Данненберга силой в 8 бат., 8 эск., 1 сот., 24 пеш. и 8 кон. ор.⁷¹ располагался на тесных квартирах в сс. Броништарах и Сингурени, имея казаков у Гостинари с постами в Пуэни и Гряка.

Влево от отряда генерала Данненберга Дунай по-прежнему наблюдал, от озера Мостище до Браилова, отряд генерала Богущевского, с главными силами в Обилешти, а от Браилова до устья р. Прута — отряд генерала Энгельгарда⁷². Вправо от отряда генерала Данненберга находился у с. Плоска на р. Веде донской казачий № 37 полк подполковника Шапошникова, который охранял Дунай от устья р. Веде до впадения р. Ольты, где он входил в связь с Мало-Валахским отрядом.

В особой инструкции, данной генералу Данненбергу, князь Горчаков выражал уверенность, что при таком расположении наших войск он не ожидает даже частных попыток со стороны турок против Журжи⁷³ и не полагает, чтобы они отважились перейти

С этой целью 15 сентября был образован особый *передовой отдел* войск, вверенный командиру 4-го пехотного корпуса генералу Данненбергу, на которого была возложена охрана Дуная от устья р. Веде до монастыря Корницели (близ озера Мостище) и обеспечение квартирного расположения главных сил.

Всего в распоряжении генерала Данненберга находилось 19 бат., 14 эск., 9 сот., 56 пеш. и 8 кон. ор., которые лично князем Горчаковым были распределены следующим образом⁶⁸.

Авангард передового отдела под начальством генерала Соймонова силой в 7 бат.,

Дунай в больших силах около Туртукая, Рушука и даже Зимнича. Далее генералу Данненбергу предписывалось отгонять за Дунай малые шайки; в случае же переправы всей турецкой армии действовать двояким образом: атаковать неприятеля с возможно большим числом войск при самом начале переправы и тем уничтожить его покушение, или же, если это будет признано неудобным, сосредоточить свои войска против пункта переправы на выгодной позиции и ожидать на ней прибытия главных сил.

Генералу Энгельгарду был предписан, в случае весьма маловероятной переправы турок на его участке, подобный же образ действий; если же ему пришлось бы начать отступление, то он должен был отходить на Немолосы к Фокшанам с целью прикрытия этого главного склада запасов. В случае наступления турок на Леово⁷⁴ генерал Энгельгард должен был движением в тыл принудить их к отступлению; при действии турок на Рымник или Бузео он от Немолосы угрожал их флангу и принуждал к отступлению за Дунай.

Что касается обороны нижнего Дуная, то генерал Лидерс, в предвидении разрыва с Портой, предпринял следующие меры.

На всем пространстве от устья Прута до впадения Дуная в Черное море более доступным участком для нападения турок был участок от Рени до Измаила включительно и Килия, узел нескольких рукавов Дуная, обеспечивавшийся Килийской крепостью. Пространство от Рени до Измаила было разделено озером Ялтух на две не сообщающиеся между собой части.

Оборона участка вправо от озера Ялтух была возложена на отряд генерала Марина силой в 9 бат., 7 сот. и 32 ор., из которых 2 бат. 12 ор. и 1 сот.⁷⁵ стояли в Рени, 4 бат.⁷⁶, 20 ор. и 2 сот. — в окрестностях Сатунова и остальные — при с. Этиули⁷⁷.

Оборона участка влево от озера Ялтуха сводилась к обороне крепости Измаил, занятого 7³/₄ бат. и 16 ор.⁷⁸. Резервом для этих войск должны были служить 3 бат. и 3 сот.⁷⁹, направленные из Одессы⁸⁰.

Однако в это время особенно беспокоили командующего войсками не центр и тем более не левый фланг; в его мыслях самая страшная гроза двигалась справа, со стороны Малой Валахии. Нравственное состояние князя Горчакова лучше всего видно из ежедневных записок его начальника штаба, генерал-адъютанта Коцебу. Приведем для иллюстрации некоторые из них⁸¹.

«12 сентября. Злой день. Стирбей сообщил, что Омер-паша намерен нас атаковать со стороны Видина, демонстрируя на других пунктах. Так как мне это показалось возможным, если бы турки думали переправляться через Дунай, то я посоветовал сосредоточить 12-ю дивизию у Бухареста. Вместе с тем, вопреки моему мнению, князь Горчаков собрал по тревоге и другие войска.

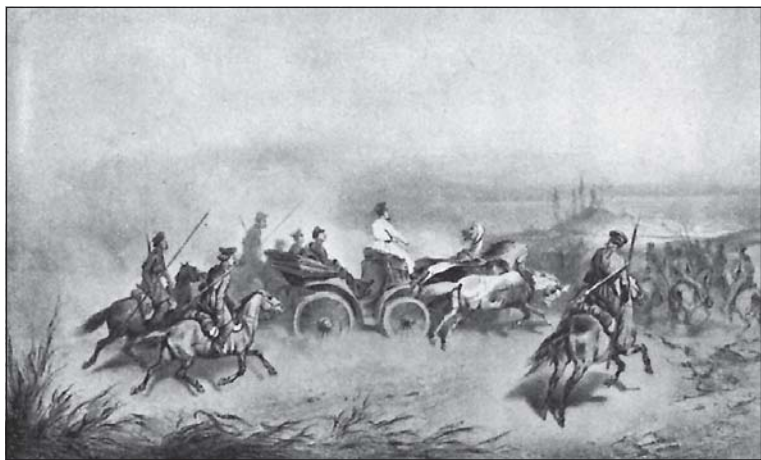
Ночью я опять отдавал приказания, вызванные его болезненно возбужденным волнением».

«19 сентября. Впечатление, которое на меня производит Горчаков, печальное; его приказания так запутанны, что его никто не понимает».

«6 октября. Система крайней предосторожности князя Горчакова, доходящая до боязливости, может довести человека до отчаяния, тем более если к этому еще прибавляется нерешительность»⁸².

Такое настроение командующего войсками особенно отражалось на беспокоившем его Мало-Валахском отряде, которому в короткое время пришлось выдержать гораздо больше перемен в своем составе и в своем назначении, чем другим частям армии князя Горчакова.

Командующий войсками еще 14 августа, по получении сведений о стягивании значительных турецких сил к Турно, Рахову и Видину, усилил Мало-Валахский отряд гусарским князем Варшавского полком, конно-легкой № 10 батареей и сотней Донского казачьего № 37 полка⁸³, подчинив его новому начальнику — генералу Фишбаху. Отряд этот должен был передвинуться из Слатина вниз по Ольте и расположиться у с. Стоенешти⁸⁴, имея целью охранять пространство между рр. Веде и Жио, причем за эту последнюю разрешалось переходить только для окончательного поражения разбитого неприятеля⁸⁵. В остальном инструкция, данная генералу Фишбаху, мало отличалась от наставлений, преподанных прочим начальникам охраняющих частей. Он должен был

Путешествия князя Горчакова в княжествах

посылать партии к Крайову для распускания слуха, что город скоро будет занят нашими войсками, которые, в случае разрыва с Турцией, переправятся через Дунай у Рахова; действовать с осторожностью, если турки переправятся и укрепятся на левом берегу Дуная, стараясь выманить их в открытое поле, и отступать на главные силы к Бухаресту в случае переправы турок в значительных силах, примерно тысяч 20—30. Без особого приказания генерал Фишбах никоим образом не должен был переходить Дунай⁸⁶.

3 сентября до князя Горчакова дошли сведения о стягивании значительных отрядов албанцев к Систову, Рахову и Видину, и тотчас же к генералу Фишбаху было отправлено спешное приказание сосредоточиться к с. Комани. Навряд ли вся сопряженная с этим суета и беспокойство отряда оправдывались необходимостью передвижения его в сторону на каких-нибудь 7—8 верст.

13 сентября командующий войсками получил новые сведения о турках. Согласно этим сведениям, Омер-паша направился из Шумлы к Видину, где предполагалось сосредоточение больших турецких сил. Сообщалось также, что всего вероятнее переправу турок следует ожидать около Видина и Рахова, где собираются более значительные силы и где берега Дуная более способствуют переправе⁸⁷.

Это известие вновь вызвало тревогу в нашей главной квартире, отразившуюся на Мало-Валахском отряде. Однако в чем-либо существенном положение этого отряда не изменилось; его приказали сосредоточить у с. Каракул, в 5 верстах от места прежнего расположения. Впрочем, генералу Фишбаху предлагалось «усугубить» надзор за Дунаем и р. Жио, посылать «как можно чаще партии к Крайову, а казачьи до Калафата и распускать слух, что он составляет авангард армии, следующей за ним».

Один из близких свидетелей деятельности штаба князя Горчакова, П. К. Меньков, разбирая в своих записках⁸⁸ работу Мало-Валахского отряда, дает следующую образную характеристику положения генерала Фишбаха, сходную с положением всех остальных частных начальников нашей Дунайской армии.

«На расстоянии 500 верст, без знания местных обстоятельств, по карте, выбирают позиции, приискиваются случайности, в которые может быть поставлен отряд, и предписывается отряду действовать так или иначе... и где в заключение всего говорится: «Я вам ни того не разрешаю, ни этого не запрещаю; действуйте по обстоятельствам, но помните, что, в случае неудачи, вы виноваты!..» Подобного рода приказания — начальника отряда решительного, дельного и смелого — делают трусом и заставляют сомневаться в себе. С начальником бездарным, боящимся ответственности, не умеющим обсудить собственного положения, выходит ряд нескончаемых глупостей. В этом последнем случае находился

генерал Фишбах». Он должен был бить турок всеми своими силами поочередно на всех пунктах, у Видина, Рахова и Турно.

1 октября генерал Фишбах получил от князя Горчакова новую инструкцию⁸⁹, являющуюся лучшей иллюстрацией только что приведенной характеристики Менькова.

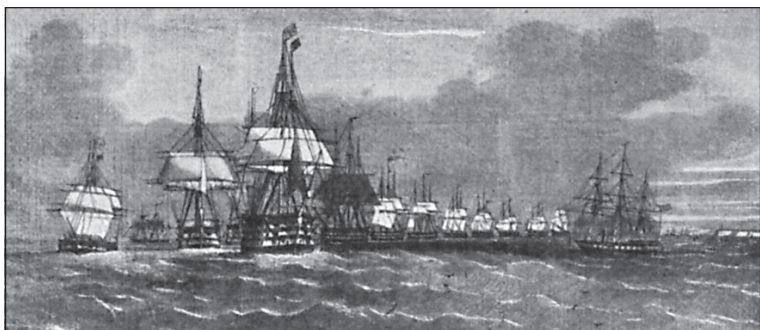
Главным побуждением к сформированию Мало-Валахского отряда, по словам инструкции, было убеждение князя Горчакова, что турки, не решаясь вторгнуться в Большую Валахию⁹⁰, занятую нашими войсками, предпримут вторжение в Малую Валахию с целью поживиться в этом крае, а затем будут «хвастаться» своими наступательными действиями на нашей стороне Дуная. Поэтому на отряд генерала Фишбаха возлагалась «защита Малой Валахии от частных покушений неприятеля».

Считая невыгодным движение всего отряда Фишбаха к Крайову, командующий войсками рекомендовал постоянные передвижения отряда между рр. Жио и Ольтой с таким расчетом, чтобы, оставаясь в 2—3 переходах от Дуная, не быть от него отрезанным. Главным же средством для противодействия поискам мелких партий противника князь Горчаков считал посылку в разные стороны особого сильного отряда, примерно в 4 эск. и 1 сот. с придачей, если понадобится, и 2 конных орудий.

Князь Горчаков считал, что в случае быстрого перехода турок у Видина или Рахова на левый берег Дуная в числе 25—30 тысяч силы отряда генерала Фишбаха были недостаточны для охраны Малой Валахии, и потому предлагал ему при таких обстоятельствах отступить на главные силы.

«Я решительно не хочу, — писал он, — чтобы войска при начале войны потерпели неудачу где бы то ни было. Лучше дозволить туркам кратковременно занять Малую Валахию, нежели подвергать войска вредному влиянию неудачи при открытии кампании». Наступление отряда за р. Жио, по направлению к Видину, командующий войсками признавал рискованным, так как в случае перехода другого турецкого отряда у Рахова он грозил отрезать генерала Фишбаха от главных сил; зато князь Горчаков благословлял начальника отряда двинуться против турок, если они переправятся у Рахова или Никополя. В довершение окончательного запутывания слабого и нерешительного генерала Фишбаха князь Горчаков в заключение своей инструкции рекомендовал ему «не вдавать себя в обман лживыми слухами или хвастливыми разглашениями турок и не оставлять Малой Валахии без надобности перед незначительными отрядами».

Инструкция, способная сбить с толку и самого решительного генерала. Растерявшийся генерал Фишбах, более всего опасавшийся по смыслу инструкции за Рахово, периодически доносил командующему войсками, что «со стороны Рахова все спокойно»⁹¹.

Английский флот в Бельте

Не в осуждение князя Михаила Дмитриевича, нравственно страдавшего более, чем кто-либо из чинов его армии, от того ненормального положения, в которое были поставлены наши войска, мы останавливаемся так подробно на обильных инструкциях, даваемых князем Горчаковым частным начальникам. Они во многом зависели от возложенной на наши войска дипломатической задачи, которая шла совершенно вразрез с самыми фундаментальными основами военного дела. Князь Горчаков был поставлен в самое фальшивое положение в этом отношении; его военные дарования были закованы в цепи предвзятой, узкой дипломатической идеи. Вместо того чтобы руководствоваться только боевыми соображениями, имеющими целью встретить или атаковать врага сильной массой, успех чего покрыл бы все мелкие неудачи, он думал только о том, чтобы «всюду показать» свои войска, чтобы всюду «напугать» турок. Самые существенные причины наших неудач на Дунае заключались именно в той невыносимой в военном отношении обстановке, в которую наша армия была поставлена всеми тонкостями петербургской политики.

Инструкцию князя Горчакова генерал Фишбах выполнил следующим образом⁹².

Он выделил два передовых отряда⁹³: *правый* — флигель-адъютанта полковника князя Васильчикова силой в 4 эск., 1 сот. и 2 кон. ор.⁹⁴ и *левый* — силой в 2 эск.⁹⁵

Князь Васильчиков должен был направиться через Крайово к с. Радовану (в 25 верстах от Крайова, по дороге к Калафату), куда он прибывал 7 октября к вечеру, а левый отряд — к с. Бикетулу, против Рахова, куда он также прибывал 7-го числа⁹⁶.

Главные силы отряда направились в Крайово, имея целью успокоить город и уменьшить фанатизм турок быстротой наших передвижений⁹⁷. В занятии Крайова генерал Фишбах видел и стратегическую цель. Оттуда он мог, в случае переправы турок в Рахове,

поспеть туда в два перехода и, разбив их, успеть перехватить тот турецкий отряд, который мог наступать от Калафата к Крайову⁹⁸.

Но не успел генерал Фишбах привести в исполнение все свои предположения, как им было получено известие о переправе турок у Калафата⁹⁹.

3 октября их иррегулярные войска пытались, по приказанию Гусейна-паши, занять на Дунае большой остров между Калафатом и Видином, но бежали, заметив на левом берегу наших казаков. В ночь на 4 октября турки в числе 300 человек снова заняли остров, причем к полудню там уже находилось до 2000 человек, которые приступили к укреплению острова. В самом Видине замечались усиленные приготовления к переправе и передвижения войск. 5 октября жители Калафата в беспорядке бежали в степь. Со стороны Рахова по-прежнему было все спокойно¹⁰⁰.

Генерал Фишбах, получив эти сведения, отказался от движения к Крайову, а свернул от Леула к с. Маротани, что лежит на середине пути между Раховом и Крайово¹⁰¹. Отсюда начальник отряда полагал более удобным действовать при одновременной переправе турок у Видина и Рахова, рассчитывая сначала разбить войска, перешедшие Дунай у последнего пункта, а потом встретить наступавшие от Калафата. В случае же движения турок только от Видина генерал Фишбах решил дать им отойти от берега на 1—2 перехода и потом уже их атаковать.

А между тем, по донесению самого же Фишбаха¹⁰², турки стягивали к Калафату все более и более войск, но не с целью наступления к Крайову, а с целью образования на нашем берегу Дуная хорошего опорного пункта, при помощи которого всегда можно было бы грозить нашему флангу и в нужные минуты отвлекать в этом направлении внимание русской армии.

Предвзятая идея о будущем способе действия турок заставила нас упустить возможность захвата Калифата, который на несколько месяцев сделался самым больным местом для князя Горчакова¹⁰³. Турки, не торопясь, делали на наших глазах свое дело, и надо сознаться, что они приближались к своей цели очень методично: укрепляли остров, соединяли его прочным мостом с Видином, но сам Калафат еще не занимали¹⁰⁴. Между тем генерал Фишбах утешал себя мыслью, что турки верят в нашу переправу в скором будущем через Дунай у Рахова, хотя тут же прибавлял, что число турецких войск в этом пункте значительно уменьшилось¹⁰⁵.

Многочисленными инструкциями и передвижениями частей войск не ограничивались заботы князя Горчакова о своей армии в этот продолжительный подготовительный к военным действиям период. Он решил прийти войскам на помощь

составлением также особого руководства для боя против турок¹⁰⁶. И здесь скромный князь Михаил Дмитриевич отодвигал себя на задний план, указывая, что все данные им правила были преподаны и постоянно соблюдаемы князем Варшавским в знаменитых его походах против персов и турок.

Отличительная черта руководства князя Горчакова заключалась в полном забвении наступательных действий, в присущей тому времени шаблонности, в полном пренебрежении рассыпным строем и в желании наметить целый ряд рецептов при отсутствии общих основных идей.

Руководство рекомендовало избегать боя в рассыпном строю даже в местах, пересеченных или покрытых высоким кустарником, заменяя этот строй сомкнутыми застрельщиками взводами или ротными колоннами; штуцерных запрещалось высылать в передовые цепи, а рекомендовалось держать соединенно в каждом батальоне или полку и выдвигать вперед в сомкнутом строю вместе с застрельщиками взводами; пехоте указывалось строиться для боя в колоннах к атаке, а удобными ротными колоннами руководство совершенно пренебрегало.

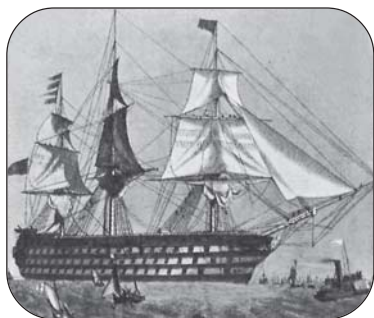
Боевой порядок пехоты должен был состоять из двух линий и резерва; для разного количества батальонов в отряде был подготовлен расчет, сколько иметь частей в каждой линии и в резерве, причем вообще резерва не предполагалось делать сильным. Интервалы и дистанции точно определялись шагами. Интервалы между колоннами батальонов были от 150 до 200 шагов. Дистанции второй линии от первой — 200 шагов; расстояние резерва от второй линии — 200, 400 или 600 шагов, в зависимости от его величины.

В артиллерии был установлен особый артиллерийский резерв, в который отчислялось по две батареи от каждой артиллерийской бригады. Батареи боевой части становились в интервалах батальонов полубатарейно; в случае надобности допускалось усиливать их частью артиллерии резерва.

Кавалерия располагалась между второй линией и резервом, а конная артиллерия — при артиллерийском резерве.

Таким образом, в этом боевом порядке замечалось полное отсутствие применения к местности, равномерное распределение сил по фронту, разброска артиллерии, отсутствие возможности для этой последней действовать при переходе пехоты в наступление и сильное пренебрежение к действию огнем даже в оборонительном бою. И во всем этом нет ничего удивительного, так как тактические взгляды двенадцатых годов, санкционированные успехами Паскевича в двадцатых годах, были в полном объеме перенесены на поля сражений пятидесятых годов.

Что касается самого характера боя, рекомендуемого князем Горчаковым, то он исключительно затрагивал оборонительные

Парусный линейный корабль

действия, применял наставление к некоторым частным случаям и основывал свои положения на пренебрежительном отношении к свойствам противника, почерпнутым из опытов давно прошедшего времени.

Прежде чем перейти к описанию военных действий, интересно хоть вкратце проследить отношение главных действующих лиц эпохи к распоряжениям князя Горчакова. Об этом

можно судить по обширной его переписке с Петербургом, Варшавой и Николаевом, где в то время находился князь Меншиков.

Большая часть писем из Петербурга затрагивала вопросы будущего хода политических дел и неразрывно связанных с ним военных операций. В них, по обыкновению, выказывался весь рыцарский характер императора Николая, все его миролюбие и верность разданному обещанию, хотя государь сознавал всю невыгоду принятого положения вещей чисто с военной точки зрения. Проглядывала в этих письмах и замечательная деликатность государя к выбранному военачальнику, боязнь стеснить его самостоятельность каким-либо категорическим приказанием даже по тем распоряжениям князя Горчакова, которых государь не мог не признать ошибочными.

Внимательность императора Николая к князю Горчакову отчасти превзошла даже пользу службы, о чем явствует крайне любопытная переписка между военным министром и начальником штаба армии генерал-адъютантом Коцебу¹⁰⁷.

2 ноября князь Долгоруков совершенно секретно сообщал, по высочайшему повелению, генералу Коцебу, что до государя дошли сведения о печальном состоянии здоровья князя Горчакова. «Говорят, что он слаб, подвержен очень частым припадкам лихорадки, и что неожиданные, большей частью маловажные обстоятельства приводят его в такое волнение, что даже сон его не может успокоить». Поэтому князь Долгоруков взывал к чувству долга генерала Коцебу и именем государя требовал правдивого ответа, действительно ли состояние Горчакова так плохо, что он не может перенести тяжелого бремени, сопряженного с многочисленными обязанностями главы действующей армии.

Генерал Коцебу письмом от 12 ноября уведомил военного министра, что слухи о печальном состоянии здоровья князя Горчакова справедливы, но что он приписывает это скорее нервам, а не

лихорадке. Удостоверяя физическую слабость командующего войсками и полную его неспособность к перенесению в зимнее время бивачной жизни, начальник штаба, однако, успокаивал военного министра тем, что бодрость духа и рвение к службе князя Горчакова берут верх над его физической немощью¹⁰⁸.

Уклончивый, но достаточно ясный ответ генерала Коцебу не повлек, однако, за собой смещения князя Горчакова, которого мы видим до конца кампании во главе армии первоначально на Дунае, а потом и в Крыму.

Государь в своих письмах успокаивал¹⁰⁹ расхолодившиеся от постоянного ожидания наступления турок нервы командующего войсками, предвидя, со своей стороны, наступательные действия противника скорее на Кавказе; он более спокойно смотрел на возможность мелких набегов из-за Дуная, находя, что «предупредить их трудно, отбивать же довольно легко, но из-за этого одного выходить из принятого плана было бы лишиться всех его больших выгод». Государь, все еще надеясь на мирный исход кризиса, полагал, что турецкая армия, простояв всю зиму в сборе, придет в расстройство, и поэтому до весны он решил Дунай не переходить. «А что будет с правительством их через зиму, — писал государь, — при постоянной стоянке союзного флота, еще мудренее определить. Не думаю, чтобы это послужило к укреплению власти султана, и, вероятно, власть его окончательно рушится под этими разными влияниями». К тому же государь считал князя Горчакова слабым к ведению кампании за Дунаем, а посылать туда новые войска, «при неистовом состоянии революционной партии в Англии и Франции и даже в Германии, требующей нашей готовности по всей западной границе»¹¹⁰, считал невозможным. Впрочем, император Николай допускал один лишь случай, который мог его заставить перейти Дунай до весны, а именно оказание помощи восставшим христианам, если бы таковое восстание случилось, «но тогда только, когда восстание примет такой размер, что туркам не устоять». Относительно принятого князем Горчаковым распределения войск Николай Павлович выражал свое желание, чтобы командующий войсками не разбрасывался чрезмерно, а держал под рукой весь 4-й корпус, имея на нижнем Дунае, по возможности, сосредоточенной 15-ю дивизию.

«Итак, — заканчивал государь свою переписку за этот период, — вся выгода наша *ожидать*¹¹¹, упираясь на время года, затрудняющее всякое враждебное против нас покушение, кроме набегов. Но осторожность необходима. У тебя ничего важного случиться не может при принятых мерах»¹¹².

Князь Варшавский вел за это время переписку с государем и с князем Горчаковым, письма к которому отличались несколько покровительственным и снисходительным тоном.

Светлейшего князя более всего заботили наши будущие военные операции, и в особенности подготовка театра военных действий в интендантском отношении. Надо отдать полную справедливость, что этот последний вопрос он разбирал с редкой любовью и знанием дела.

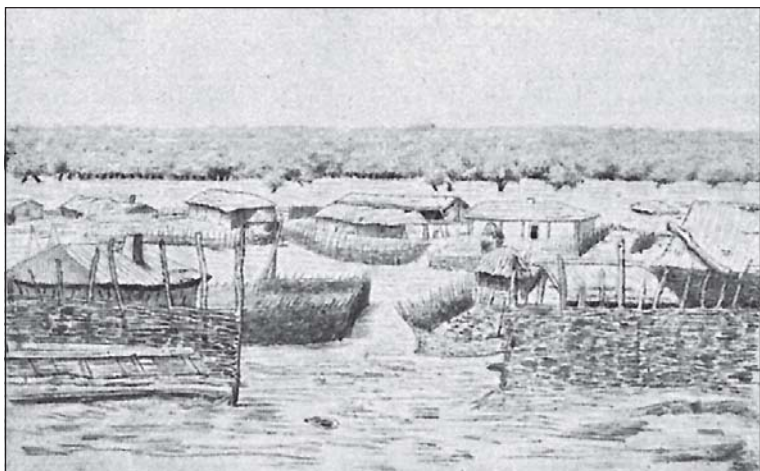
Паскевич, как было уже сказано выше, придавал большое значение занятию нами княжеств, которое позволяло выиграть время, необходимое «для верного достижения целей сей войны»¹¹³. Но он был против перехода нами Дуная и вообще против начала неприязненных действий с нашей стороны. «Если же турки, — писал фельдмаршал, — перешли бы на левый берег, то, без сомнения, их следует отбросить, но и тогда еще подумать, идти ли вперед или остановиться, ибо едва ли мы будем готовы для перехода за Балканы. Разумеется, если бы удалось разбить и разогнать их армию так, чтобы все пространство перед нами очистилось, — тогда, конечно, пользоваться обстоятельствами и идти вперед. Но это может быть почитаемо только счастливым случаем, который упускать не должно, но на который рассчитывать не следует, тем более что есть средство к успеху вернее».

Это средство князь Варшавский видел в заблаговременном заготовлении в Одессе запасного магазина со всеми родами припасов для довольствия армии в будущем после перехода ее через Балканы, так как фельдмаршал по опыту предшествовавших войн свидетельствовал, что «все наши потери и убыль в людях происходили не от неприятеля, но от недостатков всякого рода в голодном крае».

Заготовленные, таким образом, запасы должны были по мере движения наших войск перевозиться морем, а если оно будет занято флотами западных держав, то подыматься на судах вверх по Дунаю и потом следовать на Варну гужом.

Одновременно с этим Паскевич писал и князю Горчакову¹¹⁴, рекомендуя ему не расходовать в княжествах своих запасов, размещать войска так, чтобы они могли жизнь на средства страны и «не довольствоваться лишь хлебом насущным, а употребить все удобное время для составления сколь можно значительнейших запасных магазинов в нескольких пунктах над Дунаем».

Что касается распределения войск в княжествах, то князь Варшавский в письмах к государю придерживался несколько иного мнения, чем в переписке с князем Горчаковым. Во-первых, он несочувственно относился к занятию Малой Валахии, вполне законно находя, что мы не в состоянии защитить христиан на всем обширном протяжении княжеств, и указывал, что в эту ошибку мы всегда впадали, «начиная от Миниха и Румянцева до Каменского». В письме же к Горчакову¹¹⁵ Паскевич, наоборот, предупреждал его беречься со стороны Малой Валахии. «Неприятно будет,

***Бивак Белорусского гусарского полка на Дунае**
(с рисунка карандашом участка Сталя)*

если турки, прорвавшись с той стороны, обойдут ваш фланг, будут угрожать тылу и станут грабить около Бухареста».

Отказ Порты от принятия венской ноты возбудил понятное в России негодование. Негодовал и князь Варшавский. Война с Турцией сделалась неизбежной, и Паскевич уведомлял государя, что «мы можем ожидать спокойно последствий. На европейской границе мы, кажется, уже готовы; на азиатской же немудрено увеличить наши средства»¹¹⁶.

Во всеподданнейшей записке, поданной государю в Варшаве 11 сентября¹¹⁷, фельдмаршал разбирал возможные против турок действия. В случае борьбы с одной Турцией князь Варшавский вновь обращался к мысли о десанте в Босфоре; при занятии же флотами западных держав Черного моря он считал десант невозможным и единственное средство видел в действиях на сухом пути.

Успех этих действий, по мнению фельдмаршала, зависел от надлежащего обеспечения продовольствием и от увеличения собственных сил вооружением христианских племен Турции. Паскевич, развив известную уже мысль о заготовлении разного рода запасов, переходил в своей записке к сравнительно новой идее вооружения христианских племен Турции. Он подробно останавливался на организации этих вооруженных элементов и выражал уверенность, что наша армия, углубляясь внутрь Балканского полуострова, увеличится таким способом 30—40 тысячами «людей отчаянных, хороших стрелков, знающих местность и тамошний образ войны».

Жестоко ошибался князь Варшавский в этом своем предположении: нельзя было в несколько месяцев раздуть смелую искру борьбы за свободу в народе, который в продолжение многих веков был лишен всякой духовной жизни. Да, наконец, способ вооруженной борьбы против законной власти был так противен всем убеждениям императора Николая, что он решил прибегнуть к нему лишь в том случае, когда признает необходимость полного уничтожения Оттоманской империи.

Фельдмаршал, обращаясь к характеру ведения войны за Дунаем, который он предполагал возможным по климатическим условиям перейти только в конце февраля или в начале марта¹¹⁸, рекомендовал быстрое движение с осадной артиллерией к Варне, немедленное заложение траншей и открытие огня, так как «по опыту известно, что ничто так не страшит неприятеля, как скорое открытие работ и безостановочное движение их вперед, по правилам инженерного искусства». Князь Варшавский рекомендовал при встрече с турецкой армией разбить ее и воспользоваться нашим успехом; если бы турки уклонились от боя, то не преследовать их далеко, а постоянно иметь целью Варну. Разбирая разные могущие встретиться при осаде этой крепости случаи, фельдмаршал рекомендовал целый ряд решительных действий, примером которых выставлял поведение Наполеона под Мантуей и свое собственное в Аббас-Абаде. Паскевич, считая турецкую армию еще «не вышедшей из младенчества», весьма радужно смотрел на наше положение после взятия Варны, «очень полагаясь на ополчения турецких христиан». Эта последняя мысль так беспокоила престарелого фельдмаршала, что через некоторое время он вновь обратился к государю¹¹⁹, рекомендуя на этот раз воспользоваться подготовлявшимся восстанием греков.

Приведенный выше, полный жизни и здравого военного взгляда, план князя Варшавского особенно интересен при сравнении с собственными его действиями под Силистрией, имевшими место всего лишь несколько месяцев спустя после изложенных им мыслей.

Но не прошло и двух недель со времени этих наступательных порывов князя Варшавского, как взгляд его относительно наших будущих действий существенно изменился.

Фельдмаршал, узнав о проходе Дарданелл несколькими французскими и английскими кораблями, 24 сентября вошел с новой всеподданнейшей запиской¹²⁰, в которой рекомендовал на европейском театре войны строго оборонительный образ действий. «Наше положение, — писал он, — слишком хорошо для того, чтобы спешить выйти из него, начав военные действия первыми, и тем поставить против себя, кроме Турции, еще сильнее державы Западной Европы. Время за нас, и мы имеем в руках, оставаясь в княжествах, еще другие сильнее способы без военных

действий угрожать Турецкой империи». Оставалось только решить, как нам действовать, если турки сами начнут войну, и в этом отношении фельдмаршал разбирал способы противодействия им на Дунае, в Азиатской Турции и на Черном море.

Князь Варшавский рекомендовал разбить турок при переходе их через Дунай наголову, но и после этого еще *подумать*¹²¹, не полезнее ли нам продолжать оставаться в оборонительном состоянии, «прогоняя их каждый раз, но самим не заходить далее». Автор записки категорически высказывался за такой способ действий, по опыту уверенный в том, что, ежели бы мы дошли даже до Адрианополя, то «Европа не допустит нас воспользоваться нашими завоеваниями». В оборонительных же действиях фельдмаршал видел большие выгоды. «Мы не поссоримся с Европой, не остановим торговли, не помешаем дипломатическим сношениям, которые в результате могут быть нам выгодны. Такое положение дел будет, конечно, новое и странное: две державы в войне, а союзники, поддерживая разные стороны, остаются в мире с противной стороной. Но почему же не так? Никто ныне в Европе войны не хочет, а наше положение делается между тем день ото дня лучше... Что же касается турок, то ни для одной державы нет выгоды объяснять им сие небывалое положение дел, ибо ни одна держава войны не желает, даже Англия, вероятно, скоро должна стараться о мире».

Но князь Варшавский, восхваляя выгодные для нас стороны обороны, вновь обращался к тому, «более страшному для Турецкой империи оружию», которое имеется в наших руках и «успеху которого не может воспрепятствовать ни одно государство в Европе». Автор подразумевал влияние наше на христианские племена Турции.

Зная отвращение императора Николая ко всему, имеющему связь с революцией, автор записки старался придать этому делу иную окраску. «Меру сию нельзя, — писал Паскевич, — мне кажется, смешивать со средствами революционными. Мы не возмущаем подданных против своего государя, но если христиане, подданные султана, захотят свергнуть с себя иго мусульман, когда мы с ними в войне, то нельзя без несправедливости отказать им в помощи». Вслед за этим следовало подробное развитие автором своей мысли об организации вооружаемых христиан при помощи кадров молдово-валахских войск, истинное значение которых было выяснено выше.

Князь Горчаков также затрагивал в это время вопрос о поднятии христианских народностей¹²², хотя, однако, как человек, ближе стоявший к делу, он менее радужно смотрел на способность балканских племен энергично откликнуться на призыв России. Замечательно, что император Николай, читавший письмо князя

Горчакова некоторое время спустя после приведенных выше записок князя Варшавского, сделал на нем пометки, которые уже не отвергали предлагаемых средств.

Что касается действий на Черном море, то князь Варшавский, сознавая вероятность входа в это море флотов западных держав, вполне основательно полагал, что мы должны будем и там обратиться к обороне.

Совершенно иного мнения он был относительно ведения войны на кавказском театре. Здесь фельдмаршал рекомендовал наступательный образ действий, указывая на необходимость быстрого взятия Карса, Ардагана, а может быть, и Баязета.

Война на Кавказе, совершенно не завися от событий на европейском театре, могла составлять «отдельную кампанию, хотя бы на Дунае и не было военных действий».

Подлинную записку князя Варшавского государь приказал препроводить князю Горчакову «для его сведения, но не с тем, чтобы принять ее в руководство для предстоящих ему действий»¹²³.

Таким образом, мысли императора Николая и его «отца-командира» относительно ближайшего плана кампании против турок были почти одинаковы. Пребывание государя в это время в Варшаве, частые личные свидания его с князем Паскевичем и, наконец, сличение дат вышеприведенных писем и записок достаточно точно удостоверяют, кто был автором мыслей, легших в основу нашего плана войны с турками.

Переписка между князем Горчаковым и князем Меншиковым преимущественно касалась Дунайской флотилии и той помощи, которую князь Михаил Дмитриевич ожидал от морского ведомства на случай могущей быть переправы через Дунай. Не представляя ничего существенного, переписка эта, однако, интересна в смысле характеристики двух главных деятелей Восточной войны и их взаимных отношений.

Вопрос о подготовке к переправе через Дунай, очевидно, должен был беспокоить командующего войсками уже в то время. Желание обеспечить свою переправу возможно широко в материальном отношении вполне естественно заставило князя Горчакова одновременно озаботиться о заготовлении мостов и плавучих средств; при недостатке и того и другого на месте не менее естественно было обращение к средствам обширного Николаевского адмиралтейства, в котором в течение лета производились «практические испытания»¹²⁴ постройки плавучих на мелких судах мостов. Просьба оказать помощь в якорях, канатах и прочих принадлежностях для постройки мостов встретила резкую отповедь со стороны князя Меншикова. «Моряки не в состоянии вас снабдить якорями, — писал князь Александр Сергеевич¹²⁵, — и тем множеством канатов, которые требует Бухмейер¹²⁶.

Претензии невежды-инженера превосходят дозволенное: каким образом требовать в Николаеве колотушку для вбивания кольев, когда начальник инженеров в Измаиле должен их иметь более чем нужно»¹²⁷. Еще более резко князь Меншиков выражался в письме к военному министру¹²⁸, в котором называл Бухмейера «пожирателем канатов»¹²⁹ и просил отклонить ходатайство князя Горчакова, не ссоря их между собой.

«Характер пожирателя, — отвечал князь Долгоруков¹³⁰, — отличает нашего командующего Дунайской армией во многих вещах. Вы не можете себе представить то количество муки, пороха и госпитальных принадлежностей, которое он от меня требует. Что хотите вы? Я понимаю желание обеспечить себя против всяких случайностей и извиняю его от всего сердца. Но, что приятно в князе Горчакове, это то, что он, не сердясь, вникает в те мотивы, которые ему противопоставляют»¹³¹.

Не был князь Горчаков удовлетворен и в остальных обращениях к князю Меншикову просьбах¹³², но тем не менее он с полным добродушием всегда готов был уступить князю Александру Сергеевичу первое место.

Получив уведомление о непринятии государем поправок к венской ноте и увидав, таким образом, неизбежность войны, князь Михаил Дмитриевич приветствовал своего старого товарища юности следующими словами¹³³:

«Я думаю, что вы и я должны будем уничтожить это низкое вмешательство Европы. Не оставьте меня вашей помощью, и если мы на будущий год встретимся в Бургасе или около Босфора, то я кинусь в огонь и воду, как только вы того потребуете. Я серьезно верю, что вы предназначены сыграть роль Rico Dandolo. Берегите себя для этой роли!»¹³⁴.

Поистине тяжело было положение преданного всем своим существом долгу службы доброго и нерешительного князя Михаила Дмитриевича, окруженного требовательностью князя Варшавского по заготовлению запасов, эгоизмом князя Меншикова и легкостью князя Долгорукова.

*Капитан 2-го ранга
Варпаховский*

Рыцарски отплатил он год спустя князю Александру Сергеевичу, отнимая от себя все необходимое и снабжая бедствовавшего под Севастополем командовавшего войсками, в Крыму расположенными!

Между тем вопрос о войне и мире был разрушен турками. 27 сентября князь Горчаков получил от главнокомандующего турецкой армии Омера-паши письмом с предложением очистить в продолжение двух недель княжества, грозя, в противном случае открытием военных действий.

В то же время было получено сообщение нашего венского посольства, что, несмотря на это, Омеру-паше послано приказание не переправляться через Дунай, а лишь ограничиться его обороной¹³⁵. После продолжительных колебаний князь Горчаков ответил турецкому главнокомандующему, что он не имеет полномочий рассуждать о мире и войне, а также об очищении княжеств.

Нападение турок ожидалось ежеминутно, и кипучая деятельность главной квартиры еще более увеличилась. «Князь Горчаков начинает суетиться», — записал Коцебу 28 сентября¹³⁶. «Князь Горчаков очень суетится, — записал он на другой день, — из-за чего сделано много бесполезных распоряжений, изнуряющих войска».

И действительно, хотя командующий войсками очень спокойно сообщал в Петербурге¹³⁷, что он не ожидает переправы Омера-паши с большей частью его армии, а лишь частные попытки иррегулярными войсками на всех возможных для переправы пунктах, но, однако, вместе с этим дал своим прикрывающим частям такую инструкцию в форме предписания, которая лишала их всякой возможности действовать сообразно с обстоятельствами и была способна сбить с толку самых решительных начальников.

«По имеющимся известиям, — сообщал князь Горчаков генералу Данненбергу¹³⁸, — и вообще, по всем вероятностям, нельзя полагать, чтобы турки перешли Дунай в значительных силах у Туртукая, Журжи или Систова. Но, однако ж, в сем последнем пункте можно ожидать переправы с несколько большими силами, нежели на прочих двух».

Если турки переправятся при Журже или около Журжи, то ген.- лейт. Соймонову с вверенным ему авангардом надлежит вступить в бой; от вашего высокопревосходительства же будет зависеть, в случае надобности, дать ему нужное подкрепление и, если признаете за полезное, принять непосредственное командование войсками, вошедшими тут в дело.

Если же переправа совершена будет турками у Туртукая, то посты донского № 34 полка и резерв одного, при Ольтенице находящийся, должны прогонять неприятеля, если перейдут только

ничтожные шайки; в противном же случае, казаки должны отступать на отряд, при Будештах расположенный; сей же последний должен действовать тогда по указаниям вашего высокопревосходительства сообразно обстоятельствам.

Что касается Систова, то хотя нельзя ожидать оттуда весьма больших сил, но, однако ж, скорее можно предполагать, что при сем пункте перейдут примерно от 5 до 6 тыс. человек. Во всяком случае ген.-лейт. Соймонову было бы невыгодно двинуться против неприятеля в сем направлении, так как при таковом движении Журжа осталась бы обнаженной от войск.

Поэтому, если турки переправятся при Систове, то ген.-лейт. Соймонову немедленно надлежит послать два дивизиона гусар с достаточным числом казаков для наблюдения за неприятелем.

Если турки переправятся только незначительными шайками, то отряд этот должен прогнать их. Но если переправившийся неприятель будет так силен, что нельзя без риска атаковать оный, то упомянутому отряду следует ограничиться наблюдением за неприятелем, не вдаваясь в бой, и если он будет идти вперед, то отступать перед ним, оставаясь в таком от него расстоянии, чтобы не быть смятым, притом доносить сколь можно чаще о силе неприятеля и о направлении его, если пойдет вперед, как мне, так и ген.-лейт. Соймонову.

Если из Зимницы турки направятся на Журжу, то ген.-лейт. Соймонову дать им там сражение, а ваше высокопревосходительство должны подкреплять его сообразно сказанному выше.

Но если турки пойдут в другом каком-либо направлении или останутся у Систова, то ген.-лейт. Соймонову не следует предпринимать наступательного движения вперед до моего приказа, ибо в таком случае указано будет мной общее, соображенное с обстоятельствами, движение достаточных сил для верного успеха, о каковом движении вам будет сообщено своевременно».

При этом войскам было приказано соблюдать везде самую бдительную осторожность, отнюдь не переходить Дунай и не начинать военных действий без нападения со стороны турок, «дабы не давать туркам повода впоследствии обвинять нас в начатии войны».

Данненберг в отношении левого авангарда, генерала Павлова, облек это предписание в более краткую форму: «Если бы турки вздумали переправиться на наш берег, то не завязывать с ними дела, а только не пускать их дальше»¹³⁹.

«Такое категорическое приказание, — пишет Алабин, — возмущало генерала Павлова... Как исполнить такое приказание, говорил Павлов: не завязывать дела и не пускать дальше?! Но разве возможно удержать неприятеля при таких условиях? Да к тому же, дальше какого места не пускать его: дальше Дуная, на берегу

Пароход «Ординарец» против кр. Исачки

которого стоят наши казаки, или дальше Будешти, где наши главные силы?»

В то же время князь Горчаков сделал распоряжение об усилении левого авангарда и о приближении передовых частей к угрожаемым пунктам.

Таким образом, для усиления журжинского отряда к Фратешти (Одая)¹⁴⁰ были направлены 8 эск. и 8 кон. ор.¹⁴¹ Авангард генерала Павлова был усилен остальными тремя полками его дивизии с артиллерией, которые перешли из Мавгурени и Колибаша и совместно с Ольвиопольским уланским полком расположились в Добрени, Будешти и промежуточных деревнях, пододвинув три сотни донского казачьего № 34 полка из Негоешти к Ольтенице.

Приказание держать главные силы левого авангарда в Будешти, около которого не было какой-либо позиции, заставило генерала Павлова хорошо ознакомленного с местностью, войти к генералу Данненбергу с представлением недостатков такого расположения и с указанием на более выгодные и близкие к Дунаю позиции у Негоешти и в особенности между с. Митрени и Ольтеницей. Генерал Данненберг приказал ожидать своих личных распоряжений, так как он предполагал немедленно прибыть к отряду генерала Павлова, в случае наступления на него турок¹⁴². Это распоряжение осталось не без влияния на печальный исход Ольтеницкого сражения.

Только что были приведены в исполнение сделанные князем Горчаковым распоряжения, как вновь явился повод к сильному

беспокойству. Турки заняли остров против Калафата, и вместе с этим до главной квартиры дошло сведение о намерении Омера-паши сделать одновременную попытку переправы через Дунай незначительными силами на обеих оконечностях нашей растянутой линии у Видина и Гирсова, чтобы, отвлекая в этих направлениях наше внимание, переправиться с главными силами у Рушука, Туртукая или Силистрии и двинуться к Бухаресту¹⁴³.

Эти сведения вызвали немедленное распоряжение о формировании в Слободзее особого отряда силой в 6 бат., 7 эск., 12 пеш. и 8 кон. ор., который поручался начальствованию графа Анрепа. В состав его вошли части авангарда Павлова и отряда Богушевского, что значительно ослабляло оборону Дуная со стороны Туртукая¹⁴⁴.

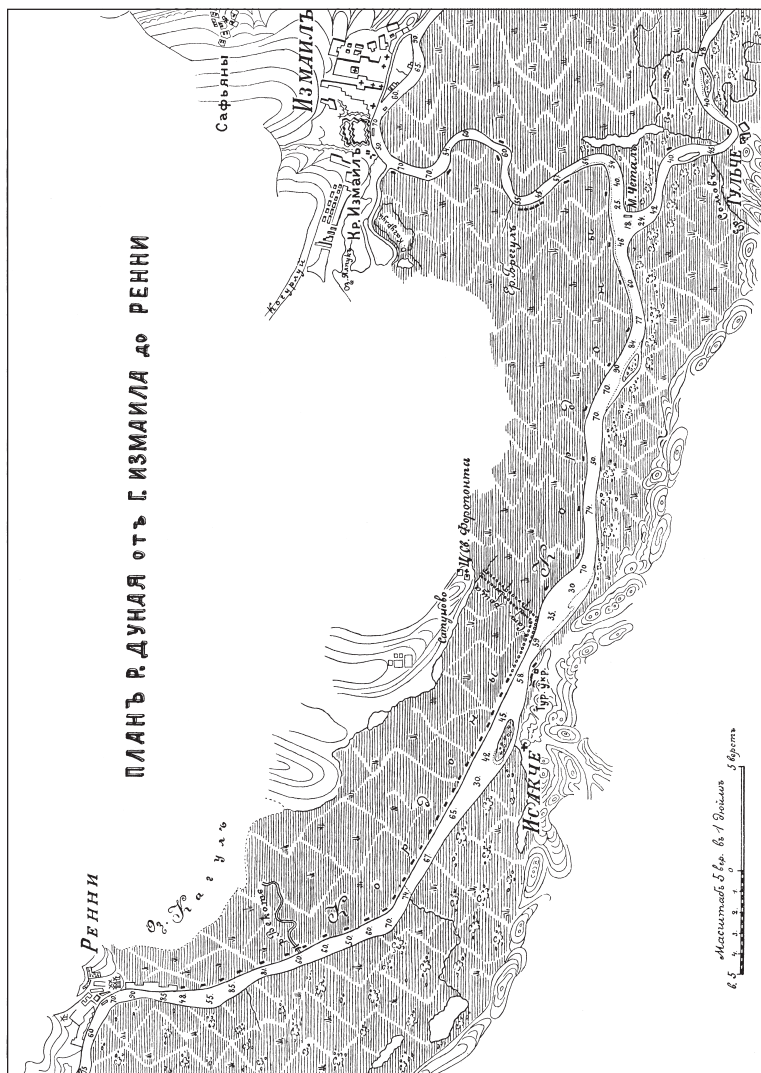
Едва войска успели тронуться со своих мест, как в главной квартире было получено известие о переправе турок у Ольтеницы. Хотя в действительности произошло простое нападение турок на один из наших пикетов, но князь Горчаков отменил сосредоточение отряда в Слободзее¹⁴⁵.

Одновременно с рядом изложенных мер командующий войсками решил продвинуть часть флотилии от Измаила вверх по Дунаю, к Галацу и Браилову. При этом князь Горчаков имел целью овладение Дунаем от Рени до Гирсова, обеспечение городов Рени, Галаца и Браилова от покушений турок и держание под рукой части флотилии на случай нашей переправы через Дунай¹⁴⁶.

Означенное передвижение флотилия должна была совершить в составе 2 пароходов («Прут» и «Ординарец») и 8 канонерских лодок¹⁴⁷ под начальством командира 2-го батальона гребной флотилии капитана 2-го ранга Варпаховского 11 октября, т. е. в конечный срок, назначенный Омером-пашой для очищения нами княжеств. Во время своего движения флотилии приходилось проходить мимо исправленных и вооруженных турками укреплений крепости Исакчи, что надлежало, по приказанию князя Горчакова, совершить ночью, не стесняясь при надобности вступить и в бой. Но командир отряда и все офицеры просили разрешения совершить этот переход днем¹⁴⁸, что кроме личного мужества вызывалось желанием сохранить в случае боя наибольший порядок.

Генерал Лидерс¹⁴⁹, разрешив Варпаховскому двинуться днем, вывел ночью из Сатунова 3-й батальон Житомирского егерского полка и 4 орудия и поставил их в камышах против Исакчи для поддержки флотилии, если бы это случайно понадобилось.

Пароходы, расположив вдоль своих бортов канонерские лодки для защиты машин от выстрелов и взяв по одной лодке на буксиры¹⁵⁰, снялись в 5 часов утра 11 октября с якоря, имея впереди пароход «Прут» с начальником отряда, и пошли вверх против течения со скоростью два с половиной узла.

В половине девятого утра флотилия подошла к Исакче. Турки открыли огонь ядрами, бомбами и картечью по обоим пароходам¹⁵¹. От попавшего снаряда на «Ординарце» начался пожар, скоро, впрочем, потушенный.

После шестого турецкого выстрела капитан Варпаховский сигналом приказал начать бой. Команды приветствовали этот сигнал радостным криком «ура». Находившийся у Сатунова генерал Лидерс приказал открыть огонь по туркам из 4 полевых орудий, чем первоначально и отвлек их внимание от нашей флотилии.

Вслед за сигналом Варпаховского при продолжавшихся криках «ура» был открыт батальный огонь из всех орудий канонерских лодок, имевших возможность действовать. Стреляли гранатами, ядрами и картечью по укреплениям, на которых нам удалось сбить несколько орудий, по городу и по турецкому лагерю, расположенному на скате горы. Турки же направляли свой огонь преимущественно с целью повредить машины пароходов. Одной из первых жертв сделался капитан Варпаховский, сраженный ядром в то время, когда он распоряжался боем, стоя впереди кожуха на пароходе «Прут».

К 10 часам утра отряд вышел из-под выстрелов турецких батарей, произведя охвативший весь город пожар в Исакче и истребив турецкий лагерь, из которого толпами бежали войска. Наши пароходы получили много пробоин, не помешавших им, однако, совершать дальнейшее плавание. Кроме капитана Варпаховского мы потеряли убитыми 6 и ранеными 45 нижних чинов¹⁵². У турок был уничтожен лагерь, пострадал город (сгорело 30 домов) и выбыло из строя 1 шт.-оф., 3 об.-оф. и 156 нижн. чинов¹⁵³.

Раздался, наконец, с таким нетерпением ожидавшийся нашими войсками первый выстрел на Дунае¹⁵⁴. Впечатление было общее и громадное¹⁵⁵. Войска давно сгорали желанием выйти из того выжидательного и томительного состояния, сопряженного с тяжелой сторожевой службой, в котором они пребывали уже три месяца. Государь наградил молодецкий, состоявший на две трети из рядовых Модлинского полка, экипаж 12 знаками отличия военного ордена и приказал выдать по 1 рублю на человека¹⁵⁶.

Князь Горчаков был очень доволен приходом флотилии к Галацу и Браилову; он рассчитывал при ее помощи не допускать неприятеля возводить батареи по берегу Дуная, между Мачиным и Рени, усилить средства к обороне Галаца, Браилова и Рени и крейсировать по Дунаю¹⁵⁷. Пароход «Прут» немедленно был послан в такое крейсерство вверх по Дунаю, дошел до Гирсова и благополучно вернулся в Браилов.

«Он мне сослужил огромную службу, дойдя до Гирсова, — делился князь Горчаков своей радостью с князем Меншиковым¹⁵⁸, — турки будут смотреть теперь в оба глаза, прежде чем переходить

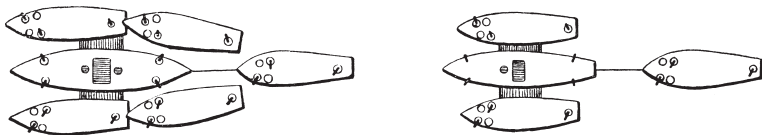

Схема № 9. Построение канонерских лодок

реку в этом месте, зная, что я могу при помощи военных судов атаковать их с тыла через Браиловский рукав».

Одновременно с этим командующий войсками приказал прекратить движение по Дунаю торговых судов под флагами всех наций и собрать в озера или устья рек все лодки и перевозочные материалы на пространстве Дуная, наблюдаемом нашими войсками, и там их задерживать.

В то же время князь Горчаков сделал распоряжение об усилении передовых частей¹⁵⁹. Селенгинский пехотный полк с двумя батареями¹⁶⁰ должен был перейти из Добрени в Будешти, а 1-я бригада 12-й пехотной дивизии, 4-й стрелковый батальон и две батареи 12-й артиллерийской бригады¹⁶¹ — занять тесные квартиры в окрестностях Бухареста, имея сборным пунктом Крецешти, движение с которого разрешалось не иначе как по особому приказанию. Бугскому уланскому полку расположиться между р. Аржисом и с. Клежаны, а резерву аванпостов отряда генерала Богусhevского¹⁶² перейти из Гауноши в Чокул.

Все эти изменения должны были быть приведены в исполнение к 16 октября.

В Измаиле же ушедшие оттуда пароходы были заменены присланными князем Меншиковым пароходами «Сулин» и «Метеор».

Что касается охраны пространства левого берега Дуная от Браилова до устья Прута и охраны поднятой по Дунаю флотилии, то генералом Лидерсом были сделаны следующие распоряжения: до замерзания Дуная лодки и пароходы были распределены по городам Браиллову, Галацу и Рени, а для крейсерства был назначен пароход «Прут», как имеющий орудия большого калибра и лучший ход. На зимовку флотилию предполагалось сосредоточить в небольшой бухте выше города Галаца и в устье р. Прута, причем оба эти пункта предполагалось усилить укреплениями.

Для лучшей обороны левого берега Дуная были намечены следующие укрепления: а) редуты для пехоты с артиллерией у г. Браилова, против Мачинского рукава, и у г. Галаца; б) мостовое укрепление для защиты переправы через Прут со стороны Молдавии и в) баррикады в Браиллове и Галаце¹⁶³.

Привезенное в Петербург известие о деле при Исаке вызвало манифест 20 октября о войне с Турцией.

«Тщетно даже главные Европейские державы, — гласил манифест, — старались своими увещаниями поколебать закоснелое упорство турецкого правительства. На миролюбивые усилия Европы, на наше долготерпение оно ответствовало объявлением войны и прокламацией, исполненной изветов против России. Наконец, приняв мятежников всех стран в ряды своих войск, Порты открыла уже военные действия на Дунае.

Россия вызвана на брань: ей остается, возложив упование на Бога, прибегнуть к силе оружия, дабы принудить Порту к соблюдению трактатов и к удовлетворению за те оскорбления, коими отвечала она на самые умеренные наши требования и на законную заботливость нашу о защите на Востоке православной веры, исповедуемой и народом русским.

Мы твердо убеждены, что наши верноподданные соединят с нами теплые мольбы к Всевышнему, да благословит Десница Его оружие, поднятое нами за святое и правое дело, находившее всегда ревностных поборников в наших благочестивых предках. На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся вовеки»¹⁶⁴.

Радостью откликнулись на этот манифест и на Дунае, и на волнах Черного моря, и на далеком Кавказе, где непосредственные защитники чести России были поставлены в фальшивое положение и с горьким чувством видели безнаказанную продолжительную подготовку турок к войне. Верили, что манифест окончательно развяжет руки главнокомандующему, что начнутся наконец решительные действия против векового врага за дело, близкое сердцу русскому¹⁶⁵.

«Подлинно, это может быть брань библейская, — сказал митрополит Филарет по прочтении манифеста, — брань народа Божия с язычниками, только если бы мы менее заразились языческими обычаями Запада». Но великий старец еще с 1850 года сильно восставал против нашего чрезмерного самовосхваления и еще тогда писал, что «в наше время мы много хвалимся и не довольны каемся»¹⁶⁶; он вновь обратил на это внимание и при объявлении войны. «Не нравится мне, — писал он лаврскому наместнику Антонию, — что в первом донесении о начатии войны князь Воронцов сравнивает ее с войной 1812 года».

В самом сердце России, в Москве, и в провинции манифест вызвал большой подъем духа. Целая масса пожертвований деньгами, людьми и продовольствием обильной рекой полилась от всех сословий русского народа с разных концов нашего обширного отечества, и в особенности из коренных русских губерний. Радужный прием проходивших войск, обеспечение оставшихся семей офицеров и нижних чинов — все это было откликом на призыв императора Николая. Многочисленные произведения в стихах и прозе были посвящены свершившемуся событию, и в большинстве

Действия пароходов «Прут» и «Ординарец» против г. Исакчи

из них проглядывало то горькое чувство от напрасных изветов западной печати, которое долго таилось в глуши русской провинции и радо было наконец вырваться наружу в боевых кликах современных поэтов¹⁶⁷.

«Многие говорят, — записал сенатор Лебедев в своих записках¹⁶⁸, — что поездка государя в Москву есть начало крестового похода».

В Западной Европе манифест вызвал много превратных толкований, о которых будет сказано в своем месте.

Что касается Турции, то ее беспечность в военном отношении простиралась только до разрыва с нами дипломатических сношений. Одновременно же со сосредоточением армии князя Горчакова на р. Прут оттоманское правительство решило, отчасти по собственной инициативе, отчасти же под давлением своих западных покровителей, принять деятельные меры к укреплению двух оборонительных линий, составляющих оплот империи с севера, т. е. линий Дуная и Балкан, а также к деятельному укомплектованию и усилению армии.

Особое внимание было обращено на те пункты по Дунаю, которые имели значение в предшествовавшие кампании, и турки немедленно приступили к укреплению Тульчи, Исакчи, Мачина, Гирсова, Силистрии, Туртукая и Рушука. К сентябрю линия Дуная была, таким образом, уже значительно усилена.

В Тульче исправили старую крепость и построили шесть батарей сильной профили для обстреливания самой реки и мыса Чатал. У Исакчи особое внимание было обращено на укрепление пространства против Сатуновской плотины, для чего построили десять батарей и редут. В Мачине на месте старой крепости возвели укрепление временной профили и вдоль берега рукава построили ряд батарей, соединенных ложементами для стрелков. У Гирсова был приведен в оборонительное состояние старый замок и на высотах, командующих городом, было построено три батареи, соединенные между собой ложементами для стрелков; кроме того, к северу от города был возведен ряд батарей, образовавших сильно укрепленную позицию с несколькими опорными пунктами. Силистрия, Туртукай, Рушук, Систово, Никополь, Рахов и Видин были приведены в оборонительное положение как исправлением старых верков, так и постройкой новых укреплений, преимущественно на тех местах, где нами велись осадные работы в предшествовавшие кампании.

В отношении защиты Балкан было обращено особое внимание на укрепление Варны, Правод, Шумлы и проходов Габровского, Чаловыковского и Доброльского.

В течение зимних месяцев оттоманское правительство, обеспокоенное, по всей вероятности, увеличением численности наших войск в Малой Валахии, обратило внимание на приведение в оборонительное состояние городов и крепостей в Сербии и по соседству с этой страной.

Были приняты также меры к сосредоточению возможно больших сил на берегах Дуная и вообще в Болгарии. Туда были направлены войска из Румелии, Албании и Боснии, были призваны редифы и объявлен набор со всего магометанского населения Турции.

Кроме того, начался деятельный сбор башибузуков и были потребованы контингенты из Египта и Триполи.

Вследствие всех этих мер силы Омера-паши возросли к середине июня до 58 тысяч человек, из которых 40 тысяч были распределены по течению Дуная от Тульчи до Видина.

В начале октября прекратилось сосредоточение турецкой армии в Болгарии, причем можно полагать, что силы Омера-паши к этому времени доходили до 100—120 тысяч человек, которые были распределены примерно пополам на линии Дуная и на линии Балкан с главным резервом в Шумле.

В таких приблизительно размерах, не считая иррегулярных банд, армия Омера-паши продержалась всю зиму. Наша главная квартира несколько преувеличивала силы, находившиеся в руках турецкого главнокомандующего, и полагала у него под ружьем до 220 тысяч человек¹⁶⁹.

Во время движения наших войск к Бухаресту административная часть армии была организована следующим образом.

Оккупационный корпус имел к 21 июня, т. е. к началу выступления из Скулян и Леово, впереди на своем пути запасы, которые были заготовлены местными уездными исправниками княжеств в Бырлаге, Текуче, Фокшанах, Бузео, Лучиу, Слободзее, Бухаресте, а также в незначительном количестве и на всех ночлегах¹⁷⁰.

26 июня князь Горчаков, независимо от сделанных раньше распоряжений, предложил великому лагофету княжества Молдавского заготовить дополнительно по пути следования наших войск еще овса, ячменя, соломы, дров и соли в количестве и пунктах, указанных князем Горчаковым¹⁷¹. Лагофет ответил, что потребованное количество будет заготовлено к 30 июня¹⁷².

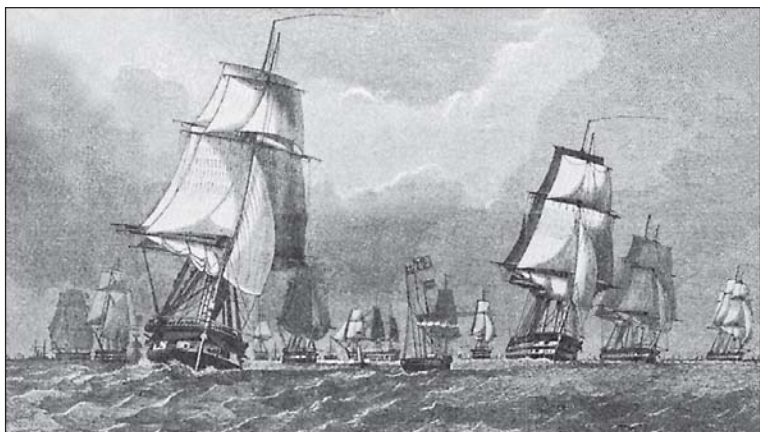
Для сношения с местными властями состояли при главной квартире, при штабах корпуса, дивизий и отрядов земские комиссары от княжеств.

Вслед за авангардом из Леов двинулись три полубригады подвижного магазина, которые опередили колонну главных сил, шедшую через Скуляны, и сгружали свои продукты для следовавших сзади войск в Бырлате, Текуче и Фокшанах. Четвертая полубригада¹⁷³, приведенная в Скуляны и нагруженная там несколько позже, шла сзади, по пути первых трех полубригад¹⁷⁴.

На походе к Бухаресту главное затруднение по довольствию войск состояло в том, что при быстром движении и за краткостью остановок нельзя было снабжать войска хлебом или сухарями из учрежденных на пути местных магазинов. Это вызывалось тем обстоятельством, что местное население не умело печь хлеб и выпекать сухари; задерживать же для этой цели движение войск к Бухаресту не представлялось желательным.

Поэтому князь Горчаков главным образом принужден был довольствовать войска вплоть до Бухареста провиантом из подвижных магазинов.

Для этого войскам было приказано пополнить свои запасы в Текуче (через который шли все колонны) из складов, доставленных до их перехода в этот город на подвижном магазине. Таким образом, части, выступая из Текуча, снова имели при себе полный 13-дневный запас провианта. Но так как от Текуча до Бухареста им предстояло идти от 12 до 13 дней, то, чтобы этого запаса хватило до конца пути, было приказано уменьшить ежедневную дачу сухарей на $\frac{1}{3}$, выдавая взамен ее $\frac{1}{4}$ фунта мяса. По этому расчету войска оказались снабженными провиантом на 17 дней¹⁷⁵. Хотя в Бырлате, Текуче и Фокшанах молдавским правительством было поставлено ко времени прохода войск через эти пункты лишь незначительное количество потребованных припасов¹⁷⁶, но препятствий

Британский флот

в довольствии не встречалось, так как провианта в подвижном магазине для пополнения 10-дневного запаса было вполне достаточно, а все остальное, что войска могли потребовать из запасов, собранных от земли распоряжением правительств княжеств, получалось во все время следования исправно как авангардом, так и всеми колоннами главных сил. За взятые в магазинах продукты войска выдавали квитанции; мясо и вино покупали сами. Прочие продукты приходилось покупать лишь изредка, когда их не оказывалось в магазинах. Все покупалось по установленным, весьма умеренным, ценам. Фуража везде было много¹⁷⁷.

Таким образом, войска, имея при себе только 10-дневный запас сухарей в полковом обозе, прошли расстояние от Прута до Бухареста в 25 дней, нигде не останавливаясь из-за недостатка в провианте.

По мере движения наших войск к Бухаресту немедленно учреждались на их коммуникационной линии, а потом и в районах расположения отрядов провиантские магазины, которые к концу августа были открыты в Яссах, Бырлате, Текуче, Галаце, Браилове, Баксу, Фокшанах, Бузео, Лучну, Урзичени, Бухаресте, Руссоде-Веде, Команах, Слатине и Крайове¹⁷⁸.

Провиант в эти магазины поставлялся частью от жителей, по распоряжению правительств Молдавии и Валахии, частью подвозился из Скуля и Леова на четырех полубригадах подвижного магазина, совершавших непрерывные кругообороты между этими двумя пунктами и магазинами. Мало-Валахский отряд довольствовался из магазинов в Крайове и Слатине, которые, в свою очередь, наполнялись из расположенных непосредственно за ними,

а также и от земли. 3 августа вслед за 2-й бригадой 10-й пехотной дивизии выступила из Бухареста рота подвижного магазина, нагруженная тысячью четвертями сухарей, и сложила их в Крайове в запас для отряда¹⁷⁹.

В Бырлате, Текуче, Фокшанах, Бузео и Бухаресте тотчас по проследовании наших войск были устроены большие хлебопекарни и организовано приготовление сухарей. Для выпечки хлеба и сухарей в этих пунктах были от наших войск назначены команды по 300 человек. В Бырлате, Текуче и Фокшанах эти команды были от 2-й бригады 15-й пехотной дивизии, входившей в состав войск Немолосского отряда¹⁸⁰.

Потом хлебопечение открывалось в разное время и при других русских провиантских магазинах. В августе хлебопечение производилось уже в Крайове, Слатине, Калугарени и Слободзее¹⁸¹.

Для заведования магазинами были назначены временно, до прибытия из России интендантских чиновников, офицеры от 4-го и 5-го корпусов. От ближайших частей войск к магазинам назначались караулы.

С прибытием в Бухарест войскам было приказано опять выдавать полную норму провианта¹⁸²; с середины же сентября всем строевым начали выдавать ежедневно по $\frac{1}{2}$ фунта мяса, а нестроевым — пять раз в неделю¹⁸³.

До октября войска получали муку, крупу и дрова частью из местных провиантских складов, устроенных правительствами княжеств, частью же поставками от земли прямо в войска под квитанции. В Бухаресте и в некоторых других пунктах были устроены, как о том будет сказано ниже, большие хлебопекарни, в которых выпекались также и сухари.

Кроме того, в некоторых местах войска пекла хлеб сами. Доставка хлеба и сухарей в войска из пунктов хлебопечения производилась частью на обывательских подводах, частью на повозках полкового обоза, а иногда и на подвижном магазине. Мясо, вино, уксус, перец, соль и фураж войска покупали сами по утвержденным ценам¹⁸⁴.

Выше было уже упомянуто, что правительства княжеств заготовили далеко не все потребованное количество продуктов, а в Бухаресте ко времени прибытия туда наших войск заготовленного там валахским правительством провианта едва хватило лишь на первое время. Поэтому князь Горчаков приказал¹⁸⁵ провиант заготавливать частью интендантству, частью предоставил покупать самим¹⁸⁶ войскам. С октября пришлось прекратить подвоз с бессарабской базы и основать все довольствие войск на средствах самих княжеств. Вместе с тем пришлось отказаться от поставок от земли по нормальным ценам и перейти к заготовкам исключительно посредством торгов. Подвоз с базы был неудобен потому,

что для этого имелись все те же четыре полубригады подвижного магазина, которые могли взять только месячный запас для 70 000 человек. Войск же на Дунае в это время было больше (около 104 000), и ожидалось еще прибытие всего 3-го корпуса. Для полного кругооборота полубригад нужно было более месяца, 44 дня, а слишком удалять перевозочные средства от войск, ввиду возможного перехода через Дунай, было рискованно.

Поэтому для устройства довольствия, основанного на подвозе с тыла, понадобилось бы формирование дополнительных транспортов из обывательских подвод. Это представляло опять-таки два больших неудобства. Во-первых, постоянный наряд лошадей на одной и той же коммуникационной линии совершенно истощил бы вдоль ее перевозочные средства и фураж, т. е. они истощались бы именно там, где должны были двигаться войска; во-вторых, цены на подводы неизбежно повысились бы и довольствие обошлось бы гораздо дороже, чем заготовление его в княжествах¹⁸⁷.

Пример такой дороговизны перевозки имелся в недавнем прошлом при доставке провианта в Скуляны, причем нужно принять во внимание, что это случилось у себя дома, в России.

То же самое повторилось при выступлении в поход 3-го корпуса с доставкой в Могилев на Днестре провиантских телег из Царства Польского¹⁸⁸.

На подвоз морем также нельзя было рассчитывать ввиду враждебного настроения Франции и Англии, которые и действительно в начале 1854 года ввели свои флоты в Черное море.

Довольствие войск местными средствами посредством поставок по нормальным ценам, практиковавшееся до сих пор, в сущности представляло собой реквизицию и ложилось тяжелым бременем на жителей княжеств, а потому вызывало их неудовольствие.

К тому же местные спекулянты искусственно поднимали цены, скупая огромные количества хлеба и составив подложные договоры о продаже его за границу для того, чтобы эти запасы не могли быть потребованы правительствами для войск¹⁸⁹. Жители же жаловались одновременно с этим на низкие цены и на злоупотребления местных властей при расчетах с ними за продукты¹⁹⁰.

Наконец, господарь Валахии, князь Стирбей, обратился к князю Горчакову с запиской о том, что принятый способ сбора припасов обременителен для княжеств и вызывает неудовольствие жителей¹⁹¹.

К тому же в армии открылись беспорядки в выдаче квитанций за взятые продукты, а войска стали жаловаться, что установленные цены слишком низки¹⁹².

Итак, с одной стороны, доставка с базы оказывалась неудобной, а с другой — пользоваться местными средствами реквизиционным способом становилось невозможным, но вместе с тем представлялась необходимость все-таки ими пользоваться.

Русский обоз в Валахии
(с французской иллюстрации того времени)

По всем этим причинам с 1 октября подвоз припасов из Бессарабии был прекращен, и было решено пользоваться средствами княжеств, заготовляя припасы не поставками от земли по нормальным ценам, а через подрядчиков и комиссионеров посредством публичных торгов, назначенных в департаментах внутренних дел княжеств¹⁹³.

С этих пор на обязанности жителей осталось снабжение войск за определенную цену только подводами и топливом и бесплатный отвод помещений. Покупка мяса и фуража была возложена на командиров частей, для чего были утверждены существовавшие цены¹⁹⁴. По таким же ценам войскам было предоставлено покупать и провиант в тех случаях, когда не хватало заготовлений.

Этот способ довольствия войск и продолжался все время до конца пребывания их в княжествах.

Вследствие неизвестности, сколько времени останутся наши войска в княжествах и будет ли война, интендантству было первоначально приказано заготовить провиант для текущей потребности только на два месяца, с 1 октября по 1 декабря 1853 года.

В конце августа в Бухаресте и Яссах были объявлены торги на поставку 50 000 четв. муки с соответствующим количеством круп. Торги не состоялись из-за стачки евреев поставщиков, и генерал Затлер приискал подрядчиков, которые взяли на себя поставку всего требуемого количества.

Провиант этот они поставляли не в магазины, а прямо в войска, что и составляло одно из главных условий поставки, затруднявшее приискание подрядчиков. Необходимость этого условия была вызвана тем, что магазины имелись не во всех местах расположения войск, а для учреждения их там, где встречалась в этом потребность, не хватало чиновников¹⁹⁵.

Вскоре после этого князь Горчаков, по представлению генерала Затлера, приказал заготовить двум чиновникам на коммерческом праве еще 160 000 четв. муки с пропорцией круп.

Из этого количества 60 000 четв. предназначались для текущего довольствия войск, а остальные 100 000 четв., с перепечением муки в сухари, готовились в запас на случай наступления за Дунай. Этот запас составлял четырехмесячную пропорцию на 100 000 человек.

Всеми же сделанными до сих пор заготовлениями войска, находившиеся в октябре в княжествах (4-й и 5-й корпуса), были обеспечены провиантом по 1 мая 1854 года.

Из назначенных в последний раз к заготовлению 160 000 четв. муки с пропорцией круп в княжествах было заготовлено только 110 000 четв. муки с пропорцией круп, а остальные 50 000 четв. собирались в Измаиле и Кагуле, несмотря на то что там провиант обходился дороже.

Так было приказано потому, что все еще не было известно, будет ли война, и из опасения, что придется, может быть, очистить княжества и нести большие расходы на обратный вывоз в Россию заготовленного провианта¹⁹⁶.

Провиант, предназначенный на текущую потребность 4-го и 5-го корпусов (60 000 четв. муки с пропорцией круп), доставлялся подрядчиками мукой прямо в отряды. Войска же, имея все время при себе полный ранцевый запас, сами перепекали эту муку в хлеб, для чего еще в июне им были разосланы правила хлебопечения и устройства полевых печей¹⁹⁷.

Вскоре после прохода войск магазины были открыты еще в Слободзее, Калараше¹⁹⁸, Плоешти, Питешти, Калугаренях и Стоянешти¹⁹⁹. Всего к концу октября в княжествах было открыто 24 русских провиантских магазина²⁰⁰.

Когда в августе делались общие распоряжения по обеспечению 4-го и 5-го корпусов продовольствием по 1 января 1854 года, то и для Мало-Валахского отряда был свезен провиант на тот же срок в Слатино, Комань и Руссо-де-Веде²⁰¹.

В середине августа для Мало-Валахского отряда было уже сложено:

□ □ □ □ □ □	□ □ □ □ □ □ □ □	Ж □ □ □ □ □ □ □ □	□ □ □ □ □ □ □ □ □ □	□ □ □ □ □ □ □	□ □ □ □ □ □ □ □
□ □ □ □ □ □ □ □	2000	200	2000	3750	66
□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □	2000	200	2000	7875	347

Кроме того, в Текуче было для этого отряда наготове 1000 четв. сухарей, а мука и крупа подвозились из Стоянешти²⁰².

Провиант в магазины для Мало-Валахского отряда подвозился, как и в других местах, частями и иногда имелся в магазинах в обрeз²⁰³.

Обеспечение Дунайской армии боевыми припасами вылилось за это время в следующую форму.

Князь Горчаков вскоре после перехода Прута приказал (27 июня 1853 г.) подвижному парку № 14 перейти из Тирасполя в Леово, а парку № 15, находившемуся в Леове, поступить в ведение начальника 10-й пехотной дивизии и, присоединившись к 1-й бригаде этой дивизии, следовать в Фокшаны. Вслед за этим парку № 14 было приказано (14 июля 1853 г.) перейти из Гура-Сарацыка (в окрестностях Леова), где он стоял по квартирам, в Плоешти.

Таким образом, из Скулян двигались подвижные парки № 10, 11 и 12, а из Леово — № 14 и 15. Все парки шли, пополняя свой 10-дневный запас продовольствия в Бырлате, Текуче и Фокшанах. 31 июля 1853 года штаб 4-й парковой бригады и все 5 парков были сосредоточены в Плоешти, где для прикрытия их стоял батальон²⁰⁴.

Парки для более удобного расквартирования ввиду тесноты помещения в Плоешти были переведены 1 августа в окрестные селения: № 12 — в Буково, № 14 — в Альбешти, № 15 — в Филинешти, а в августе парк № 14 был переведен из Альбешти в соседнюю деревню Уралац. Между 15 августа и 1 сентября парки № 12, 14 и 15 ходили в Леово за снарядами. В начале октября половина парка № 10 была отправлена к Слатину в отряд генерала Фишбаха, а парк № 14 — в с. Тунар (около Бухареста)²⁰⁵.

Князь Горчаков ввиду удаления армии от границы и для более удобного безостановочного пополнения ее припасами писал уже 28 июня начальнику Дунайского артиллерийского округа генерал-майору Рербергу о необходимости учредить промежуточный парк в Фокшанах, предлагая ему произвести торги на перевозку туда вольнонаемными подводами запасов тираспольских местных парков.

Доставка запасов в Фокшаны затянулась из-за неготовности к этому как парков, подлежащих перевозке, и помещений для них в складочных пунктах, так и по недостатку перевозочных средств.

Все эти причины возбудили, по обыкновению, обширную переписку.

Оказалось, что в тираспольских местных парках вовсе нет ружейных патронов, которые в апреле 1853 года были перевезены в Одессу для десантного отряда. 2 июля генерал Рерберг доносил князю Горчакову, что комплект патронов для тираспольских парков (1 400 000) может быть изготовлен только через месяц и что, кроме того, в парках имеется для укладки и перевозки патронов лишь половинное число необходимых для такого количе-

ства боевых припасов зарядных ящиков; остальные же еще делаются в Тирасполе и в Одессе.

Поэтому командующий войсками приказал в начале июля перевезти в Леово сначала половину имущества трех тираспольских и трех хотинских местных парков, пополнив их из киевских второлинейных парков.

В то же время князь Горчаков сделал распоряжение о свозе запасов в Плоешти, приказав перевезти туда имущество одного бендерского местного парка. До Леова этот парк должен был быть перевезен на вольнонаемных подводах, а из Леова в Плоешти — средствами подвижных парков.

Тогда возник вопрос о помещениях для парков в Леово и в Фокшанах.

В Леово подходящих помещений для 3 местных парков не было, но посланный туда для устранения этих затруднений офицер нашел там ямы и бревна, оставшиеся от пороховых погребов, бывших в 1848 году; ямы эти и были применены к постройке новых погребов²⁰⁶.

Всего в Фокшаны предполагалось свезти патронов на 7 пехотных дивизий, а зарядов в двойном комплекте по числу всех оружий, перешедших Прут; запасы эти весили 31 636 пудов. Кроме того, в сентябре было приказано отправить в Фокшаны 1200 пудов пороха для инженерного ведомства на случай осадных работ²⁰⁷, а в октябре доставить туда из Киевского арсенала ударные ружья для замены ими существовавших в войсках кремневых ружей²⁰⁸. Хотинские и тираспольские парки перевозились в Фокшаны в сентябре и октябре на вольнонаемных подводах с торгов. 30 июля князь Горчаков приказал немедленно перевезти в Плоешти имущество и запасы одного местного бендерского парка. До Леова парк был перевезен на вольнонаемных подводах с торгов, а для перевозки из Леова до Плоешти был назначен подвижной парк № 15, который, сложив свое имущество в Плоешти, пришел с пустыми повозками в Леово (18 августа) и, нагрузив там запасы бендерского парка, выступил с ними обратно в Плоешти 23 августа.

*Князь Воронцов,
наместник Кавказский*

Но так как один подвижной парк не мог сразу поднять целого местного парка, припасы которого весили 7500 пудов и требовали для нагрузки 175 повозок, то все запасные вещи бендерского парка были оставлены в Бендерах²⁰⁹.

В Измаиле в середине октября находилось 3 местных парка, в которых имелось патронов на один пехотный корпус.

Снарядов же готовых не было, а материалов для них состояло на три артиллерийские бригады, из которых парк готовил снаряды для артиллерии, расположенной на границе, в Бессарабии.

При войсках генерала Лидерса, расположенных в окрестностях Измаила, не было ни одного подвижного парка, почему парку № 15 было приказано оставить свое имущество в Филипешти и идти в Измаил, где получить припасы из тамошних местных парков и поступить в состав отряда генерала Лидерса²¹⁰.

Подвижному арсеналу № 3 было приказано купить упряжь и лошадей и к январю приготовиться к походу; к 20 октября он вновь перешел в Тирасполь²¹¹.

Половина лабораторной роты № 2 по прибытии в Скуляны была немедленно двинута в Плоешти, куда пришла к началу октября, а оттуда к 16 октября была переведена к Бухаресту, в с. Балта.

Итак, к 21 октября 1853 года расположение артиллерийских запасов для Дунайской армии было следующее:

второлинейные парки в Киеве; там же арсеналы, склады пороха и артиллерийский гарнизон;

перволинейные парки — хотинские, бендерские, тираспольские и измаильские; там же были и артиллерийские гарнизоны;

промежуточные склады в Фокшанах и Плоешти;

подвижные парки: в Плоешти — № 11 и половина № 10; около Бухареста: в Букове — № 12, в Тунаре — № 14; на пути из Филипешти (около Плоешти) — № 15; в Слатине (отряд генерала Фишбаха) — половина № 10;

лабораторная рота № 2: половина в с. Балта (близ Бухареста), другая половина в Брест-Литовске.

Кроме того, в Тирасполе находились подвижной парк № 13 и подвижной арсенал № 3.

В Леоове были расположены артиллерийские склады.

Служившие впоследствии для пополнения армии склады и запасы находились еще в следующих пунктах: местные парки — в Динабурге (3 парка), Новогеоргиевске (9 парков и арсенал), Брест-Литовске (6 парков), Бобруйске (3 парка), Севастополе (3 парка и склад патронов), Замостье (3 парка), Херсоне (3 парка и склад), Николаеве (большие артиллерийские склады), Килии (артиллерийский гарнизон) и в Одессе (склады патронов и пороха и подвижной № 9 парк).

Что касается санитарной части армии, то при переходе через Прут больные были оставлены в военно-временных госпиталях в Леове и Скулянах. Впереди были уже открыты госпитали в Яссах, Фокшанах и Бузео. При колоннах главных сил следовали подвижные госпитали (№ 4 — при средней колонне, № 5 — при левой).

Вместе с передовыми войсками в княжества вступили госпитальные кадры, которые шли так же, как и подвижные магазины, впереди колонн главных сил и открыли военно-временные госпитали в Бырлате, Баксу, Текуче, Фокшанах, Бузео и Бухаресте еще до прихода в эти пункты колонн главных сил.

В Бузео кроме нашего военно-временного госпиталя по распоряжению владетельного князя Валахии в городской больнице было оставлено для наших солдат 30 мест со всеми принадлежностями²¹².

В Яссах нашего военно-временного госпиталя сначала не открывали, так как по предварительному соглашению с молдавским правительством наши больные принимались в Ясскую городскую больницу, причем в течение первых двух месяцев для них было предназначено 120 бесплатных мест, а после этого они могли помещаться за плату по расчету действительной стоимости содержания каждого больного²¹³.

Средств этих было более чем достаточно. Больных в войсках, вступивших в княжества, состояло к 1 июля: офицеров — 43, нижних чинов — 2159 человек²¹⁴. В полках имелись полковые лазареты, а больные, которые не могли перенести перевозки, оставались по пути в вышепоименованных пунктах.

По мере движения наших войск вперед военно-временные госпитали, смотря по надобности, открывались и закрывались на скорую руку в разное время и в других пунктах.

В августе в Фокшанах находилось одновременно пять военно-временных госпиталей (№ 2, 3, 4, 5 и 7)²¹⁵, в Текуче — четыре (№ 1, 3, 6 и 28); временно был открыт госпиталь в Бузео (№ 9); в Бухаресте было уже открыто четыре военно-временных госпиталя (№ 1, 4, 6 и 12)²¹⁶; в Яссы был переведен из Скулян и открыт военно-временной госпиталь № 16²¹⁷. Материальных средств госпиталей было в избытке; лазаретными вещами и медикаментами военно-временные госпитали были снабжены по положению. Личного состава по числу больных в войсках было достаточно, но его далеко не хватало по штату, и 17 августа князь Горчаков доносил, что в 18 военно-временных госпиталях не достаёт против штата 105 человек писарей, фельдшеров и аптекарских учеников (штат — 366, было — 261)²¹⁸.

К концу октября после сосредоточения войск на Дунае военно-временные госпитали были после некоторых перемещений открыты на продолжительное время в Яссах, Бырлате, Текуче, Фокшанах, Бузео, Слатине, Питешти и Бухаресте²¹⁹. Больные

Князь А. И. Барятинский

из Слободзейского отряда отправлялись в Бузео (ночлеги в Крунцах и Колдарешти), из Калараша — в Бухарест²²⁰. Из отряда генерала Соймонова больные до 14 сентября посылались в Журжу, где принимались в тамошние лечебные заведения по сделанному о том сношении с местным начальством; с этого же времени всех больных, которых можно было перевезти на обывательских подводах, направляли в полковой лазарет Кольванского полка в Копачени, а в Журже оставляли только таких, которые не могли вынести перевозки²²¹.

К началу октября больных в госпиталях и войсковых лазаретах было всего: офицеров — 159, нижних чинов — 6824 человека²²²; в госпитальных же кадрах, сосредоточенных в княжествах, был полный комплект госпитального хозяйства на 35 000 больных. Соответственно этому числу были заготовлены и лекарства в запасных аптечных магазинах в Херсоне, Одессе, Леове и в передовой аптеке при штабе войск.

Вообще на Дунае было сосредоточено такое количество госпитальных средств, что до конца военных действий там не встретилось надобности в развертывании всех госпитальных кадров.

Госпитальные кадры доставляли медицинский персонал, прислугу, лекарства, посуду, белье и проч.; кровати и мебель брались, где было можно, от жителей; помещения назначались по отводу в городах и местечках²²³, и в них недостатка не было, так как число больных было невелико.

Ввиду того, что войска были расположены широко, являлась полная возможность выбрать места для открытия госпиталей там, где было достаточно больших строений.

Поэтому больные были размещены удобно и просторно, воздух в палатах был чистый, кроватей достаточно, одежды и белья вдоволь.

Для выздоравливающих были устроены при всех госпиталях слабосильные команды, где им давалось улучшенное довольствие, и откуда больные, окрепнув, возвращались в свои части.

Пища была хорошая. Довольствие госпиталей производилось местными средствами. Сначала продовольствие больных было возложено на комиссионном праве на смотрителей госпиталей,

но такой способ оказался слишком дорогим, и после прибытия князя Горчакова в Бухарест он был изменен. В департаментах внутренних дел княжеств были назначены торги и довольствие госпиталей сдано подрядчикам²²⁴.

На *коммуникационных путях* от Прута к Дунаю устраивались этапные пункты соответственно движению на них войск в трех колоннах, а затем и соответственно расположению их в трех группах.

К августу этапы были учреждены в Скулянах, Леове, Яссах, Васлуе, Бырлате, Текуче, Баксу и Фокшанах. Для несения этапной службы в эти пункты были командированы молдавские войска, на каждый этап от 40 до 60 человек, при молдавских же офицерах²²⁵. Потому были еще добавлены этапы в Бузео, Плоешти, Урзичени, Слободзее, Калараше, Бухаресте, Питеште, Чалонешти, Слатине и Крайове.

Дороги в некоторых местах были по возможности исправлены, причем особенное внимание обращалось на мосты. У Скуляна мост был наведен еще 13 июня. В конце июня был наведен по распоряжению молдавского правительства понтонный мост и у с. Немолосы. В августе наши саперы построили прочные мосты на р. Серете, близ Водени, на Пруте, при с. Раковицы, на Ольте в с. Команы. Кроме того, на Ольте на случай разлития реки было, по приказанию генерала Бельгарда, заготовлено еще четыре паррома. На Пруте тоже был мост у г. Рени²²⁶.

Между некоторыми пунктами устраивались в разное время летучие почты и временные почтовые сообщения²²⁷.

На Немолосский отряд генерала Энгельгарда возлагалось, между прочим, прикрытие наших сообщений с Россией через Скуляны и Леове, на случай переправы турок у Галаца и Браилова; поддержание порядка в тылу; прикрытие продовольственных складов на коммуникационной линии, преимущественно в Фокшанах, и перепечение муки в сухари.

По одному батальону этого отряда постоянно находилось в Галаце, Бырлате, Текуче, Фокшанах и Яссах. В первых четырех пунктах, а также в Бузео и Бухаресте были назначены команды по 300 человек для изготовления сухарей²²⁸. С середины октября в Бузео хлеб пекли четыре роты 3-го полка Валахской милиции²²⁹. Кроме того, временное хлебопечение при помощи войск производилось в Слободзее²³⁰, в Слатине и в Крайове²³¹. Во всех этих пунктах были устроены хлебопекарные печи²³².

Примечания

¹ Князь Горчаков — графу Анрепу 1 июля 1853 г., № 257. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3419.

² См. схему № 2.

³ 3-й и 4-й эскадроны Бугского уланского полка и 4-я сотня Донского казачьего № 34 полка.

⁴ Подполковник Бакаев выставил для выполнения возложенной на него задачи три отряда: в Киоре, против Гирсова (1 взвод улан и 25 казаков), в Кокарджиа (1 взвод улан и 25 казаков) и в Калараше (2 взвода улан с 68 казаками), и два отдельных казачьих поста для наблюдения за переправами у Гура-Яломница и у Силистрии. Эти отряды, выставив от себя по берегу, как показано на схеме, ряд постов, связались между собой, а равно и с соседним отрядом, разъездами. Эскадрон и несколько казаков оставались в Слободзее.

⁵ Два эскадрона гусарского князя Варшавского полка и $\frac{1}{2}$ сотни Донского казачьего № 34 полка. От этого отряда были выдвинуты к селениям Ульмул и Ульмени по взводу гусар с 20 казаками и пост из 6 гусар у устья р. Аржиса, против Туртукайской переправы. Весь берег Дуная на этом участке также наблюдался разъездами, которые входили в связь с соседними участками.

⁶ Гусарского пр. Фридриха-Карла и донского казачьего № 34 полков. От него были выставлены: пост из 7 казаков на правый берег р. Аржиса для наблюдения за Туртукаем и взвод гусар с 30 казаками в Хошару (Кашорли), которые, как и прочие отряды, наблюдали за Дунаем и связывались с соседними разъездами.

⁷ 6 эскадронов Бугского уланского полка, 2 сотни донского казачьего № 34 полка и 2 орудия № 9 конной батареи.

⁸ От этого отряда были высланы: 1 эскадрон и $\frac{1}{2}$ сотни к Журже, причем два казачьих поста поставлены против Рущука, и 40 казаков к д. Бригадир.

⁹ Уланского герцога Нассауского полка.

¹⁰ Граф Анреп — князю Горчакову 11 июля 1853 г., № 39. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3419.

¹¹ Князь Горчаков — военному министру 17 (29) августа 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 57.

¹² Князь Горчаков — графу Анрепу 15 июля 1853 г., № 398. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3419.

¹³ 11 бат. 10-й пех. дивиз. с тремя бат. 10-й артил. бриг., 5-я легк. кавалер. див. с ее артил., Донской казач. № 37 и три сот. № 34 полка.

¹⁴ Тобольский пехотный полк с батареей № 1 батареей 10-й артиллерийской бригады, включенный в состав авангарда графа Анрепа, оставался расположенным в окрестностях Дарешти (Орешти).

¹⁵ См. схему № 3.

¹⁶ Гусарский князя Варшавского и донской казачий № 37 полки и 2 орудия конной легкой № 10 батареи.

¹⁷ Предписание князя Горчакова графу Анрепу 21 июля 1853 г., № 448; генерал Коцебу — ему же того же числа, № 443. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3419.

¹⁸ Уланский герцога Нассауского и донской казачий № 34 полки и 2 орудия конной легкой № 9 батареи.

¹⁹ Все эти меры были приняты к 24 июля. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3316.

²⁰ Предписание графу Анрепу 7 августа 1853 г., № 688. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3316.

²¹ 1-я бригада 4-й легко-кавалерийской дивизии, три сотни донск. казач. № 34 полка и конная легкая № 7 батареи.

²² Князь Горчаков — генералу Богушевскому 17 июля 1853 г., № 407. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3428.

²³ Подробности см. на схеме № 3.

²⁴ 2-я бригада 15-й пехотной дивизии с двумя легкими батареями 15-й артиллерийской бригады, гусарский принца Прусского полк и 2 сотни донского казачьего № 25 полка.

²⁵ Последний, как известно, охранял нашу границу по Дунаю ниже устья р. Прут.

²⁶ См. схему № 4.

²⁷ Рапорт генерал-адъютанта Лидерса от 26 августа 1853 г., № 68. Военно-исторический журнал военных действий.

²⁸ Артиллерия была расположена в с. Барту, в 12 верстах от Сатунова.

²⁹ Батареи стояли в Бабеле и Татбунаре.

³⁰ 1 батальон стоял в Болграде, а 4 батальона 15-й резервной бригады между Болградом и Татар Бунаром.

³¹ См. схему № 1.

³² Всеподданнейшее письмо князя Варшавского 18 (30) мая 1853 г. Архив канц. Воен. мин. 1853 г., секр. д. № 44; его же письма князю Горчакову 29 июня и 14 июля 1853 г.; князь Долгоруков — князю Меншикову 11 июля 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254); Рукописный дневник генерал-адъютанта Коцебу (рукоп. отд. Музея Севастопольской обороны) и др.

³³ Переписка князя Горчакова и дневник П. Е. Коцебу.

³⁴ Переписка между князем Меншиковым и князем Горчаковым. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

³⁵ Там же.

³⁶ Князь Горчаков — князю Меншикову 10 (22) августа 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

³⁷ Высочайшая резолюция на всеподданнейшую записку князя Горчакова 22 июля. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 47.

³⁸ Всеподданнейшее письмо князя Горчакова от 22 июля. Архив канц. Воен. мин. по снар. во. 1853 г., секр. д. № 47.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Дневник П. Е. Коцебу.

⁴¹ Всеподданнейшее письмо от 2 (14) июля 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁴² Перевод с немецкого.

⁴³ Князь Горчаков — военному министру 4 августа 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3429.

⁴⁴ Три батальона Екатеринбургского пехотного полка, батарейная № 1 батарея 10-й артиллерийской бригады, гусарский принца Фридриха Прусского полк и 2 сотни Донского казачьего № 37 полка.

⁴⁵ Князь Горчаков — генералу Бельгарду 28 июля 1853 г., № 537. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3429.

⁴⁶ См. схему № 5.

⁴⁷ Князь Горчаков не преминул при этом указать генералу Бельгарду и подробности несения охранительной службы его отрядом. Он должен был выставить дивизион кавалерии к с. Плоска, который в свою очередь выставлял по $\frac{1}{2}$ эскадрона к с. Цыганешти и Фуркулешти и 1 сотню на правый берег р. Ольты (к с. Плони). Наблюдение за Дунаем должно было производиться при помощи разъездов.

⁴⁸ Военно-исторический журнал войск 4-му и 5-му корпусов в 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. 3588. Генералу Бельгарду 30 июля 1853 г., № 582. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3429. Князь Горчаков — генералу Бельгарду 31 июля 1853 г., № 598 (там же). Князь Горчаков — военному министру 4 августа 1853 г., № 420 (там же). Князь Горчаков — генералу Бельгарду 5 августа 1853 г., № 651 (там же). Дневник генерал-адъютанту Коцебу. Рукоп. отд. Музея Севастопольской обороны.

⁴⁹ Три батальона Екатеринбургского полка и Тобольский пехотный полк, батарея и легкая № 1 батареи 10-й артиллерийской бригады, гусарский принца Прусского полк и две сотни Донского казачьего № 37 полка.

⁵⁰ Генерал Бельгард — князю Горчакову 11 августа 1853 г., № 55. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 3429.

⁵¹ Князь Горчаков — военному министру 4 августа 1853 г., № 420.

⁵² Генералом Бельгардом были приняты следующие меры охраны и разведывания: от авангарда на Крайово высылался сильный казачий разъезд; у с. Плоэшти-Румыны для обеспечения левого фланга квартирному расположению был поставлен особый пост, от которого высылался разъезд на Каракул. Охрана Дуная от Ольты до Систова возлагалась на один из кавалерийских полков, выдвинутых к Русе-де-Веде.

⁵³ Русская старина. 1876. Кн. 1.

⁵⁴ Письмо князю Меншикову от 7 августа 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

⁵⁵ Перевод с французского.

⁵⁶ *Echo de l'Orient* 1853 г., № 469, *Journal de Constantinople* и др.

⁵⁷ Алабин. Восточная война.

⁵⁸ Князь Горчаков — военному министру 14 августа 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 57 и Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1852—1854 гг., д. № 3/12.

⁵⁹ Камчатский егерский полк, легкая № 4 батарея 11-й артиллерийской бригады, 1-я бригада 4-й легкой кавалерийской дивизии, гусарский наследника цесаревича полк, 4-я конная артиллерийская бригада, Донской казачий № 34 п. и три сотни № 37 п., всего: 4 бат., 24 эскадрона, 9 сотен, 12 пеших и 16 конных орудий.

⁶⁰ Князь Горчаков — графу Нироду 14 августа 1853 г., № 761. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3429.

⁶¹ См. схему № 3.

⁶² Князь Горчаков — военному министру 25 августа 1853 г., № 898. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 52.

⁶³ От 14 августа 1853 г. Она помещена в приложении № 33.

⁶⁴ Таблица распределения наших войск в княжествах помещена в приложении № 34.

⁶⁵ См. приложение № 35.

⁶⁶ Генерал Соймонов — князю Горчакову 14 сентября 1853 г., № 235. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3419.

⁶⁷ Князь Горчаков — генералу Данненбергу 15 сентября 1853 г., № 1178. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3318.

⁶⁸ См. схему № 6.

⁶⁹ Томского и Колыванского егер. п., две бат. 10-й артил. бриг. и пять сот. Донского № 40 полка.

⁷⁰ Камчатский егерский полк, легкая № 4 батарея 11-й артиллерийской бригады, Ольвиопольский уланский полк и три сотни донского казачьего № 34 полка.

⁷¹ 1-я бриг. 11-й пех. див., бат. № 3 и легк. № 5 бат. 11-й артил. бриг., гусар. наследника цесаревича п., конно-легк. № 8 бат. и сотня Донского казачьего № 40 п.

⁷² Отряд генерала Энгельгарда (см. схему № 7) к этому времени имел в 8 бат., 8 эск., 1 сот. и 16 пеш. ор. и был расположен у с. Максимени, имея по 2 батальона, 4 ор. и $\frac{1}{2}$ сотни у Браилова и Галаца (князь Горчаков — военному министру 14 августа 1853 г., № 762. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 52).

⁷³ Однако уже 20 сентября князь Горчаков приказал перевести в Журжу 3-й и 4-й батальоны и штуцерных Томского егерского полка.

⁷⁴ См. схему № 1.

⁷⁵ Пражского и Донского казачьего № 22 полков.

⁷⁶ Пражского и Житомирского полков.

⁷⁷ Модлинского полка.

⁷⁸ 3 бат. резерв. бриг., 2 бат. Житомирского п., 2 бат. Подольского п.

⁷⁹ 1 стрелк. и 2 Подольских полка и сотни Донского казач. № 39 п.

⁸⁰ Генерал Лидерс — князю Горчакову 9 октября 1853 г., № 1936. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3410.

⁸¹ Дневник генерал-адъютанта Коцебу. Рукоп. отд. Музея Севастопольской обороны.

⁸² Перевод с немецкого.

⁸³ Весь отряд, таким образом, состоял из 7 бат., 16 эск., 3 сот., 24 пеш. и 8 кон. ор.

⁸⁴ См. схему № 5.

⁸⁵ Князь Горчаков — военному министру 14 августа 1853 г., № 762. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 52.

⁸⁶ Напомним, что для связи отряда генерала Фишбаха с авангардом генерала Соймонова был поставлен на р. Веде у с. Плоска Донской казачий № 37 полк, который в то же время наблюдал пространство между рр. Веде и Ольта. Сотни этого полка, бывшие в отряде генерала Фишбаха, были заменены у него Донским № 38 полком.

⁸⁷ Рапорт генерала Фишбаха 13 сентября 1853 г., № 235. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3431.

⁸⁸ Записки П. К. Менькова. Т. 1. С. 51 и 52.

⁸⁹ См. приложение № 36.

⁹⁰ Раньше было указано, как князь Горчаков опасался вторжения в эту область. Очевидно, что все опасения командующего войсками появлялись

под впечатлением минуты. Он всюду хотел быть сильным и в решительную минуту всюду оказывался слабым.

⁹¹ Записки П. К. Менькова. Т. 1. С. 52.

⁹² Рапорт генерала Фишбаха 5 октября 1853 г., № 53. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3431.

⁹³ См. схему № 5.

⁹⁴ Гусарского принца Прусского полка и № 10 конно-легкой батареи.

⁹⁵ Гусарского князя Варшавского полка.

⁹⁶ Линия передовых постов шла на сс. Недея, Бырка, Амулешти, Черой и Рудари; ближайшие их резервы расположились в с. Гыджова на р. Жио и Инторсура на Калафатской дороге. В с. Былешти было поставлено 1 1/2 сотни казаков, наблюдавших течение Дуная от Лома через Калафат до Моцедей.

⁹⁷ Кап. Кебеке — генералу Коцебу 6 октября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3431.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Рапорт генерала Фишбаха 6 октября 1853 г., № 56 и письмо капитана Кебеке генералу Коцебу от того же числа. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3431.

¹⁰⁰ Письмо Кебеке от 6 октября. Там же.

¹⁰¹ Рапорт генерала Фишбаха 7 октября 1853 г., № 65. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3431.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Князь Горчаков объяснял свое желание не выбивать турок с острова против Калифата как тем обстоятельством, что этот остров находился под огнем крепости, так и невыгодой посылать отряд к оконечности Малой Валахии (князь Горчаков — военному министру 7 октября 1853 г., № 710. Архив канц. Воен. мин. 1853 г., секр. д. № 52).

¹⁰⁴ Рапорт генерала Фишбаха 13 октября 1853 г., № 80. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3431.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ См. приложение № 37.

¹⁰⁷ Сообщением этих интересных документов, так же как и дневника П. Е. Коцебу, мы обязаны любезности племянника генерал-адъютанта графа П. Е. Коцебу, тайного советника Эрнеста Карловича Коцебу, которому приносим нашу искреннюю признательность.

¹⁰⁸ Подлинные письма помещены в приложении № 38.

¹⁰⁹ Письмо от 18 (30) сентября 1853 г. из Варшавы. Собств. Его Велич. библи., шк. 114, портф. 14.

¹¹⁰ Письмо от 5 октября 1853 г. из Царского Села. Собств. Его Велич. библи., шк. 115, портф. 14.

¹¹¹ Курсив подлинника.

¹¹² «Думаю, — писал государь несколько ранее, — что образ войны будет особый, ежели вынужден буду объявить независимость княжеств и тем дам знак к постепенному отпадению христианских частей Оттоманской империи. Но и это еще мысль, а не решимость» (Из письма к князю Горчакову от 25 июля 1853 г. Собств. Его Велич. библи.).

¹¹³ Всеподданнейшая записка кн. Варшавского от 2 (14) июля 1853 г. См. приложение № 39.

- ¹¹⁴ Письмо от 6 июля 1853 г.//Русская Старина 1876. Кн. 1.
- ¹¹⁵ Письмо от 29 сентября 1853 г.//Русская Старина 1876 г. Кн. 1.
- ¹¹⁶ Письмо от 4 сентября. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 44.
- ¹¹⁷ Помещена в приложении № 40.
- ¹¹⁸ Конец зимы.
- ¹¹⁹ Письмо от 28 сентября. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 44.
- ¹²⁰ См. приложение № 41.
- ¹²¹ Курсив подлинника.
- ¹²² В письме к военному министру от 30 сентября 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.
- ¹²³ Отношение генерал-адъютанта графа Адлерберга 24 сентября 1853 г., № 436. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.
- ¹²⁴ Из письма князя Меншикова к князю Горчакову 4 августа 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.
- ¹²⁵ От 8 сентября. Там же.
- ¹²⁶ Начальник инженеров Дунайской армии.
- ¹²⁷ «Les exigences de l'ingénieur ignare passent la permission: comment demander à Nicolaef une sonnette à battre les pieux, tandis que le commandeur du génie à Ismail doit en avoir de reste».
- ¹²⁸ От 11 сентября 1853 г.
- ¹²⁹ «Une espèce d'ogre en fait de cordages».
- ¹³⁰ От 26 сентября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254.
- ¹³¹ Перевод с французского.
- ¹³² О содействии по обеспечению устоев Дуная от входа неприятельских судов (письмо от 12 октября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253).
- ¹³³ Письмо к князю Меншикову от 4 сентября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.
- ¹³⁴ Перевод с французского.
- ¹³⁵ Дневник П. Е. Коцебу. Севастопольский музей.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Письмо военному министру от 30 сентября. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.
- ¹³⁸ Предписание от 29 сентября 1853 г., № 1370. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3318.
- ¹³⁹ Алабин. Восточная война. Т. 2. С. 79.
- ¹⁴⁰ См. схему № 6.
- ¹⁴¹ Гусарский наследника цесаревича полк и № 8 конно-легкая батарея.
- ¹⁴² Алабин. Восточная война. Т. 2. С. 79—80.
- ¹⁴³ Предписание генералу Фишбаху 12 октября 1853 г., № 117. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3431.
- ¹⁴⁴ Предписание генералу Данненбергу 10 октября 1853 г., № 1550 и генералу Богушевскому от того же числа, № 1548. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3428.
- ¹⁴⁵ Предписание генералу Богушевскому 11 октября 1853 г., № 1562. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 1562.
- ¹⁴⁶ Князь Горчаков — военному министру 7 октября 1853 г., № 710. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2., № 3431. Князь Горчаков — генералу

Лидерсу 16 октября 1853 г., № 1668. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 3324.

¹⁴⁷ «Прут», под командой лейтенанта Языкова, был вооружен четырьмя 36-фунт. пушко-каронадами; «Ординарец», под командой лейтенанта Барковского, — четырьмя 3-фунт. пушками. На каждой канонерской лодке было по три орудия 24-фунт. калибра и по четыре 3-фунт. фальконета. Комплект людей на каждой лодке состоял из 20 матросов, 5 ластового экипажа и 40 рядовых Модлинского полка.

¹⁴⁸ Князь Горчаков — военному министру 13 октября 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 57.

¹⁴⁹ См. схему № 8.

¹⁵⁰ См. схему № 9.

¹⁵¹ Турки действовали из 12, 6 и 3-фунтовых пушек и 2-пудовых мортир. Всего было насчитано на их укреплениях 25 орудий и 3 мортиры.

¹⁵² Рапорт контр-адм. Мессера 12 октября 1853 г., № 496. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3317.

¹⁵³ Рапорт ген. Лидерса 18 октября 1853 г., № 2185. Там же.

¹⁵⁴ Записки П. К. Менькова. Т. 2. С. 56.

¹⁵⁵ Дневник П. Е. Коцебу.

¹⁵⁶ Донесение князя Горчакова. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 60. Всеподданнейший отчет великого князя Константина Николаевича за 1853 г. Морской сборник, 1853 г. № 10. Письма подполковника Батезатула (Севастопольский музей); дневник П. Е. Коцебу (там же); Шханочный журнал парохода «Ординарец» за 1853 г. (Николаевский морск. архив); записки П. К. Менькова и др.

¹⁵⁷ Князь Горчаков — генералу Лидерсу 16 октября 1853 г., № 1668. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 3324.

¹⁵⁸ Письмо от 14 (26) октября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

¹⁵⁹ См. схему № 6.

¹⁶⁰ Батарейная № 3 и легкая № 5 11-й артиллерийской бригады.

¹⁶¹ Легкие № 6 и 8.

¹⁶² Эскадрон Вознесенского уланского полка и сотня Донского казачьего № 34 полка.

¹⁶³ Князь Горчаков — генералу Лидерсу 16 октября 1853 г., № 1668. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 3324.

¹⁶⁴ Полный манифест помещен в приложении № 24.

¹⁶⁵ Записки П. К. Менькова. Т. 2. С. 56.

¹⁶⁶ Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIII. С. 9.

¹⁶⁷ Современные газеты и журналы, и в особенности, «Северная пчела», «Русский инвалид», «С.-Петербургские ведомости» и др.

¹⁶⁸ Русский архив. 1888. Кн. 5.

¹⁶⁹ Краткий свод сведений о турецкой армии и крепостях по 1 апреля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 5741. Сведения от наших агентов. Архив канц. Воен. мин. и Архив Мин. иностр. дел.

¹⁷⁰ См. схему № 1.

¹⁷¹ Князь Горчаков потребовал (см. общую карту) заготовить: в Фокшанах, Тырго-Куку, Рымнике, Кильнео, Бузео и Мержиниях по 500 пуд.

сена, 6433 пуд. соломы, 100 четв. овса, 100 четв. ячменя и 109 саж. дров; в Бароешти, Васлуе, Кицканах, Бырлатах, Лиешти, Текуче, Синешти и Бухаресте по 500 пуд. сена, 100 четв. овса и 100 четв. ячменя; в Урзичени 500 пуд. сена, 100 четв. овса, 100 четв. ячменя, 2588 пуд. соломы и 36 саж. дров; в Яссах, Тырго-Формозе, Мирчешти и Ромоне по 2326 пуд. соломы и 38 саж. дров; в Колиени, Раковицах, Башу, Лучиу и Мишелеу по 2588 пуд. соломы и 36 саж. дров; в Турцештах (дорога в Текуч) — 500 четв. овса, 3200 пуд. сена, 2600 пуд. соломы и 400 саж. дров.

¹⁷² Архив воен. уч. ком., Гл. шт., отд. 2, д. № 3311 и 3594.

¹⁷³ Сформированная в северных уездах Бессарабии.

¹⁷⁴ Архив канц. Воен. мин., д. № 1856 г., № 71, ч. III. Затлер. Ч. I. С. 194.

¹⁷⁵ Архив канц. Воен. мин., журн. воен. дивиз. Графа Горчакова 27 июня — 2 июля 1853 г. Приказ по 4-му и 5-му корп. 28 июня 1853 г., № 17. Архив воен. уч. ком. Гл., шт. д. № 3311.

¹⁷⁶ Аратовский. С. 318.

¹⁷⁷ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3311 и 3419.

¹⁷⁸ Там же, д. № 3311, 3419, 3428, 3431 и 3594.

¹⁷⁹ Там же, д. № 3431.

¹⁸⁰ Там же, д. № 3420, № 3427. Затлер. Ч. I. С. 195. Ч. 4. С. 184. Приказ по 4-му и 5-му корп., 27 июля 1853 г., № 50.

¹⁸¹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3419, 3427 и 3429.

¹⁸² Приказ по 4-му и 5-му корп. 28 июня 1853 г., № 20.

¹⁸³ Приказ по 4-му и 5-му корп. 1853 г., № 94.

¹⁸⁴ Затлер. Ч. I. С. 195.

¹⁸⁵ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3431. Аратовский. С. 318.

¹⁸⁶ Так, еще 9 сентября Затлеру было приказано в пунктах сборов войск для учений заготавливать дрова, сено и солому по 5 фунтов на человека: для авангарда — в Копачени и Друмешти; для главных сил — в Мовчурени, Слыгешти, Виртезу, Жилова и Калентине (Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3311).

¹⁸⁷ Затлер. Ч. I. С. 196.

¹⁸⁸ Поливанов. С. 49.

¹⁸⁹ Аратовский. С. 319.

¹⁹⁰ Поливанов. С. 76.

¹⁹¹ Затлер. Ч. I. С. 196.

¹⁹² Приказ по 4-му и 5-му корпусами 1853 г., № 99.

¹⁹³ Архив канц. Воен. мин. 1856 г., № 71, ч. III.

¹⁹⁴ Затлер. Ч. 4. С. 3.

¹⁹⁵ Аратовский. С. 319. Затлер. Ч. I. С. 197; Ч. 4. С. 5.

¹⁹⁶ Аратовский. С. 320. Затлер. Ч. I. С. 201; Ч. 2. С. 4 и 8.

¹⁹⁷ Приказ по 4-му и 5-му корп. 27 июля 1853 г., № 50.

¹⁹⁸ В Слободзее были два строения, вмещавшие 18 тыс. четв. и кроме того там было построено нами третье. Запасы постоянно пополнялись свозом из окрестных селений; так, 15 октября в слободзейском магазине имелось: сухарей — 120 пуд., муки — 5808 четв., крупы — 198 четв., сена — 10 тыс. пуд.

В Калараше постоянно имелось провианта на 2 недели, поставлявшегося по распоряжению местного исправника (Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3428).

¹⁹⁹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3419, 3427, 3428, 3429 и 3431.

²⁰⁰ Затлер. Ч. 4. С. 8.

²⁰¹ Архив канц. Воен. мин. 1856 г., Гл. шт., № 71, ч. III.

²⁰² Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3431.

²⁰³ В конце августа провиант подвозился в Слатино частью из Руссо-де-Веде, частью из Коман. В конце августа, по донесению генерала Фишбаха, в Слатине оставалось муки на 2 дня, и войскам пришлось расходовать 13-дневный запас до нового подвоза (Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3431).

²⁰⁴ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3311, 3429 и 3605. Архив канц. Воен. мин., д. 1852/53. Журн. 21 июня 1853 и 18 июля 1853.

²⁰⁵ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3429 и 3605.

²⁰⁶ Там же, д. № 3606.

²⁰⁷ Там же, д. № 3605.

²⁰⁸ Там же, д. № 3616/15.

²⁰⁹ Там же, д. № 3605 и 3606.

²¹⁰ Там же, д. № 3615.

²¹¹ Там же, д. № 3605.

²¹² Там же, д. № 3419.

²¹³ Там же, д. № 3594.

²¹⁴ Затлер. О госпиталях. С. 174.

²¹⁵ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3311 и 3310.

²¹⁶ Затлер. О госпиталях. Приложение № 23.

²¹⁷ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3594.

²¹⁸ Архив канц. Воен. мин. Гл. шт., д. № 1853, № 19.

²¹⁹ Затлер. О госпиталях. приложение № 23.

²²⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3428.

²²¹ Там же, д. № 3419.

²²² Затлер. О госпиталях. С. 167.

²²³ Затлер. О госпиталях. С. 163. Затлер. Записки. Ч. 2. С. 12.

²²⁴ Затлер. О госпиталях. С. 164, 165.

²²⁵ Архив канц. Воен. мин., д. 1852 и 1853. Журнал воен. дивизии князя Горчакова, 21 июня — 2 июля 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3420.

²²⁶ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3427, 3429 и 3431.

²²⁷ От отряда, выставленного для наблюдения за Дунаем между реками Ольтой и Веде (от 37-го казачьего полка), была учреждена летучая почта от с. Плоска (штаб полка) до Бухареста, с постами в Магура-Лычанке, Драгонешти, Гимпанцах и Копачени (Архив воен. уч. ком., д. № 3431). В начале октября было устроено временное почтовое сообщение между Бухарестом и с. Чоклно для сообщения отряда генерала Богушевского; лошади были выставлены на Чоклно, Паду-Дрогане и др. пунктах (Архив воен. уч. ком., д. № 3428).

²²⁸ Архив канц. Воен. мин. Журнал воен. дивизии князя Горчакова. 21 июня — 18 июля 1853 г.

²²⁹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3311.

²³⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3428.

²³¹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3429.

²³² Подробное устройство коммуникационной линии к 21 октября 1853 г. показано в приложении 42.

Глава IV

Действия на Кавказе и на Черном море до разрыва с Турцией

Едва только после некоторых наших неудач на Кавказе в сороковых годах и продолжительного затем затишья мы разгромили в первый раз в 1852 году всю большую и малую Чечню, подорвали значение предводителя непокорных горцев Шамиля и готовились твердо стать на новой почве систематического завоевания Кавказа, как на горизонте Ближнего Востока быстро начали собираться грозные тучи, вскоре разразившиеся полным разрывом с Турцией.

Этого было достаточно, чтобы приостановить на время начатое нами покорение края и дать возможность Шамилю вновь возвыситься, окрепнуть и открыть под давлением и влиянием на него турецких агентов против нас решительные наступательные действия.

Во мнении горцев имя хункара (султана), которым начал действовать Шамиль, составляло все. Не только враждебный Кавказ, но и остальное мусульманское население встрепелось, заколыхалось. Тревожные и самые нелепые слухи стали быстро распространяться среди гор, и весь восточный Кавказ скоро представлял пороховой погреб, который ожидал только искры, чтобы произошел страшный взрыв.

Но судьба нам покровительствовала. Шамиль пропустил в 1853 году минуты напряженного и в высшей степени наэлектризованного состояния мусульманского народа и приступил к действиям только в 1854 году, когда пыл горцев и всего родственного им населения Кавказа уже улегся, ослабел¹.

Господствовавшая в Петербурге в конце 1853 года уверенность в мирном исходе нашего спора с Турцией осталась не без влияния на полную неподготовку для наступательных действий на Кавказе на случай вооруженного столкновения с Портой Оттоманской.

В 1853 году предполагалось продолжать установленную уже систему укрепления нашего владычества в этом крае, сообразно чему и были распределены войска Кавказского корпуса. В программу высочайше утвержденных действий вошли усмирение ближайших непокорных горских племен, борьба с развивающимся мюридизмом и представителем его Шамилем, а, главное, работы по улучшению дорог, по возведению новых и усилению старых укреплений.

Для этих действий было предназначено из числа 128 бат., 11 эск., 52 каз. полк. и 232 ор.², сосредоточенных на Кавказе, 96 $\frac{1}{2}$ бат.,

7 рот саперов, 146 ор., 6 эск., 109 сот. и 1 бат. каз., 35 $\frac{1}{2}$ сот. милиции и 4 сот. дагестанских всадников, не считая линейных батальонов.

Войска Черноморской береговой линии под начальством вице-адмирала Серебрякова должны были совместно с войсками Черноморской кордонной линии под начальством полковника Кухарского действовать против нутхайцев и шапсугов, а также производить работы по улучшению укреплений Кабардинского, Навагинского, Новороссийска, Геленджика, Сухум-Кале и прочих прибрежных пунктов.

Войскам правого фланга в числе 13 $\frac{1}{2}$ бат.³, 30 ор., 24 ракетных станков, 30 сотен казаков, 1 сотни милиции и 100 человек саперов предназначалось продолжать работы по устройству Лабинской линии, по улучшению сообщений и по обеспечению их укреплениями.

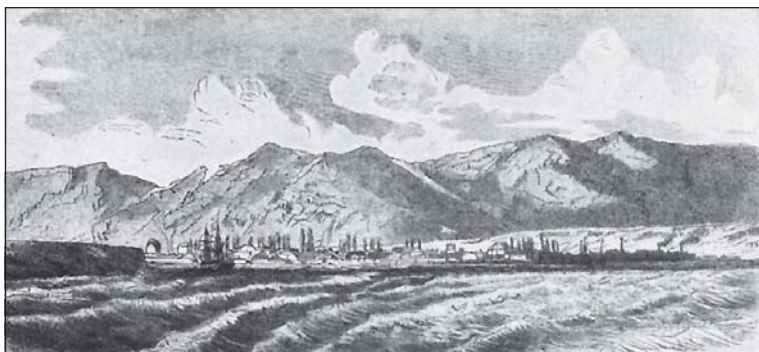
На войска центра в количестве 3 бат.⁴, 4 ор., 6 ракетных станков и 3 сотен возлагалась охрана Военно-Грузинской дороги и передовой Кисловодской линии, устройство штаб-квартир в Нальчике, улучшение сообщения с Карачаем и верхней Кубанью.

Войска Владикавказского округа должны были кроме набегов на непокорные горные общества улучшать сообщение с нагорной частью Чечни и зимой устроить просеки в Натхойском и Генашевском ущельях, а также от Владикавказа к Дашиху через Мужис. Для этой цели назначалось 6 батальонов⁵, 10 орудий, 18 сотен казаков и 3 сотни милиции. Летом войска этого округа должны были устроить колесный путь в Гончаевское общество из Владикавказа по Джераховскому ущелью до Ассы, а также окончить постройку Бумутского укрепления и кроме того построить несколько башен и казарм. С этой целью для летних действий назначалось 9 батальонов⁶, команда саперов, 20 орудий, 17 сотен казаков и 9 сотен милиции.

На левом фланге отрядом силой в 12 батальонов, 4 эскадрона, 8 сотен и 24 орудия продолжалась зимой вырубка просек в Чечне, а летом кроме охраны линии предполагалось продолжение заселения Сунженской линии и укрепление некоторых пунктов и постов. С этой целью для летних действий отряд был увеличен до 15 $\frac{1}{2}$ батальонов⁷, 26 орудий, 22 сотен казаков, 3 сотни милиции и команды саперов.

Такие же оборонительные задачи возлагались на войска Прикаспийского края силой в 24 $\frac{1}{4}$ батальона⁸, 2 эскадрона, 16 сотен и 20 орудий.

На Лезгинской линии были предположены экспедиции в горы для удержания лезгин от вторжений, рубка просек, устройство постов по реке Алазони и у Муганлинской переправы, а также устройство мостов как через эту реку, так и через Куру у Минчихойрской переправы для облегчения доставки продовольствия с Каспий-

Вид Геленджика

ского моря в Закавказье; здесь же должны были строиться укрепления в Мухахском ущелье, в Лисельфагере и других пунктах.

На Лезгинскую линию всего предназначалось 8 батальонов⁹, 12 орудий, 11 ракетных станков, 6 сотен казаков и 5 сотен милиции. Кроме того, было назначено для разработки дорог Военно-Ахтинской — 3 роты¹⁰ и 4 ракетных станка, Военно-Грузинской — 2 батальона¹¹ и на дороги из Гори в Тифлис и в Алатырском ущелье — 5 рот пехоты и 2 роты саперов¹².

Для караульной службы оставались: в Тифлисе — 2 батальона, в Белом Ключе — 1 батальон, в Джарах, Гори и Рок — $\frac{1}{4}$ батальона, в Манглисе — $\frac{3}{4}$ батальона, в Царских Колодцах — 1 батальон, в Хонхендохе — $\frac{3}{4}$ батальона и в Шуше — $\frac{1}{2}$ батальона, а всего 6 $\frac{1}{4}$ батальонов¹³.

Продовольствие войск, назначавшихся для зимних действий, обеспечивалось особыми запасами. Для левого фланга такие запасы были собраны в Грозной — 6000 четвертей сухарей с пропорцией круп и 5000 четвертей овса; сена же по пропорции 20 фунтов на лошадь было заготовлено в Грозной, Воздвиженской, Умахми-Юрте и Куринском; для Владикавказского округа 10-дневная пропорция для всего числа людей и лошадей находилась в укреплении Ачховском и четырехнедельный запас в укреплении Амус-Али. Для летних действий запасы состояли в распоряжении начальников отдельных отрядов и, кроме того, во Владикавказе трехмесячные запасы на 14 000 человек. Небольшие запасы были заготовлены в Кварелии, Лагодохе, Закаталах, укреплении Елисуйском, Нухе, Ахты, сел. Шин. Мясо должно было заготавливаться попечением войск. Довольствие полагалось по военному времени, т. е. усиленное и с отпуском винной порции, а офицеры получали особый рацион в размере по 25 коп. за Кавказом, а на линии — по 15 коп. в день.

Ближайшие к району сбора войск госпитали предположено было довести до такого состава, чтобы они могли принять 6200 человек, а при надобности — развернуться на 7750 человек.

Кроме того, войска были снабжены перевязочными предметами на $\frac{1}{5}$ всего состава, носилками, медикаментами и полным комплектом боевых зарядов и патронов.

Для перевозки продовольствия войскам, участвующим в боевых действиях, следовало колесный обоз заменить вьючным, для чего изготовлялись из подкладочного холста мешки такого размера, чтобы в них входила четверть сухарей. Подвоз же производился частью казенными лошадьми, а частью наемными.

Из этих высочайше утвержденных предположений относительно военных действий на Кавказе в 1853 году видно, что почти на всем протяжении наших линий предположено было, за исключением небольших экспедиций и набегов, действовать оборонительно и главное внимание уделялось на обеспечение уже занятых нами земель.

Значительных сил, сосредоточенных на Кавказе, признавалось недостаточным для более активных действий.

Наши лучшие кавказские войска были прикованы к краю для борьбы с внутренним врагом, и, несмотря на то что они составляли почти четвертую часть всех наших сил, их было недостаточно для более значительных действий на каком-нибудь участке длинной Кавказской линии.

А между тем на нашем крайнем правом фланге, в стороне натухайцев, шапсугов и абадзехов, начались волнения. Горцы, недавно отторгнутые от турецкого покровительства, стесненные занятием нами береговой линии, были убеждены, что Турция не может к ним относиться безучастно. Турецкие и английские эмиссары и усилившийся подвоз морем военной контрабанды поддерживали в них эти надежды.

Осенью 1852 года уже ходили в горах слухи о близком разрыве нашем с Турцией и о присылке ею на Кавказ войск, которые протянут руку в горы.

Почва для пропаганды Шамилем идеи священной войны против русских все более и более подготовлялась посредством распространения в западных горах мюридизма.

Шамилевский наиб Магомет-Амин ловко воспользовался рознью, существовавшей между разными племенами, и постепенно распространил свою власть среди абадзехов, а затем и убыхов. Что же касается земель за Кубанью, то хотя там мюридизм и не мог, благодаря отсутствию среди местных племен религиозности, пустить столь глубокие корни, как в землях лезгин и чеченцев, но все же Магомету-Амину удалось постепенно уничтожить черкесское дворянство, на могилах которого он вводил свое управление

на тех же основаниях, как и Шамиль, номинально признаваемый им своим главой.

Прекратить эти волнения в самом начале являлось делом необходимым, а между тем на береговой линии свободных для наступательных действий войск, не считая слабых, разбросанных по укреплениям и фортам Черноморского побережья частей, не было. Наше наступление только со стороны Черномории и правого фланга не могло принести решительных результатов, так как оно не прерывало сношений горцев с Турцией.

Император Николай с особым вниманием относился к упрочению нашей власти в этом районе Кавказа и признавал необходимость установления прочной связи Черноморья с береговой линией. Государь не останавливался даже над усилением для этой цели многочисленных войск Кавказского корпуса целой 13-й пехотной дивизией, которая должна была быть перевезена из Севастополя¹⁴.

Во главе всей экспедиции решено было поставить князя А. С. Меншикова и только ожидалось благополучное завершение этим последним константинопольской миссии.

Судьба решила иначе, и 13-я дивизия начала действовать на Кавказе гораздо позже и совершенно при иных условиях.

Уже в начале 1853 года неизбежность разрыва с Турцией становилась все более очевидной, и военный министр запросил, по высочайшему повелению, князя Воронцова о тех мерах, которые он предполагает принять на Кавказе в случае войны¹⁵.

Выше было уже указано то значительное количество вооруженных сил, которое было сосредоточено на Кавказе, но почти все эти силы получили определенное назначение для действий против горцев и для работ на линии. На границах с ослабленными предшествовавшими войнами Персией и Турцией была выставлена лишь редкая кордонная линия из пограничных постов. Войск, свободных для действий в поле, вовсе не было, а лишь небольшие гарнизоны занимали пограничные крепости, которые оставались в том же положении, в каком были в 1829 году.

Генерал-майор Я. П. Бакланов

Между тем пограничная линия с Турцией, растянутая на 500 верст, не давала никаких выгод для обороны наших пределов. Между Турцией и Кобулетским санджаком граница, начинаясь у Черного моря, близ поста Св. Николая¹⁶, не была точно определена по Адрианопольскому трактату, и нами была занята в виде временной меры линия по р. Чолоку. Местность здесь была покрыта дремучими лесами, изрезана крупными горами и глубокими балками, делая невозможным ни удобное там расположение постов, ни движение конных разъездов, ни наблюдение за хищниками и за контрабандистами.

Поэтому на западном участке границы не было сплошной кордонной линии, а лишь было поставлено несколько казачьих постов общей численностью в 40 человек; остальная охрана возлагалась на местных гурийцев, которые сами были заинтересованы в контрабандных сношениях с турецкими подданными. Не мудрено, что здесь процветали торг пленными, хищничество, разбой и контрабанда, вместе с которыми отсюда вплоть до Самурзакани и Абхазии проникало влияние турок на единоверные им племена.

В пределах Ахалцыхского уезда¹⁷ граница пролежала от поста Квабис-Джар до Качкаевского карантина на протяжении 45 верст по северному скату крутых гор, покрытых густым сосновым лесом; поэтому сборная донская сотня, составлявшая здесь кордон, была отодвинута до следующего открытого хребта. На этом неудобном для вторжения крупных отрядов участке могли, впрочем, проникать в наши пределы по трудно доступным горным тропам только мелкие хищнические партии; вторжение же крупных отрядов было возможно лишь в прибрежной части, со стороны Батума на Озургеты, через посты Св. Николая или Чолокский.

Далее на 80 верст до р. Куры местность была скалистая, которая, впрочем, пересекалась двумя удобными для движения путями, из Ардагана к Ахалцыху через Кочкаевский карантин и по Уравельскому ущелью. Этот участок охранялся двумя сотнями осетин. От Хозатинского озера до поста Мадатанинского на протяжении 50 верст местность была совершенно открытая, удобная для вторжения турок в наши духоборские селения, и здесь проходили дороги из Ардагана и Карса мимо Хозатинского озера через Сульдзу в Ахалкалаки.

У поста Мадатанинского кончался Ахалцыхский и начинался Александропольский кордон. Центром этого кордона, в 100 верст протяжением, являлась крепость Александрополь. Местность, в общем, была доступна для движения неприятеля, и река Арпачай, по которой от поста Коганчинского пролежала граница, была везде удобопроходима вброд.

Удобная дорога от Карса шла прямо на Александрополь, удаленный от него лишь на 68 верст.

Эриванский кордон длиной в 100 верст хотя и пролегал по местности скалистой, неудобной для движения, но непосредственно за этой местностью была открытая, удобная для действий конницы равнина Сардар-Абадская. Со стороны Турции здесь пролегли дороги из Кагызмана через Парнаутский пост и Кульпы на Сардар-Абад и далее на Эривань или Александрополь и из Баязета через Орговский укрепленный пост, Игдыр и Амарат на Эривань.

Невыгодная сторона нашей пограничной полосы на случай оборонительной войны заключалась кроме ее растянутости и отсутствия прочных оборонительных линий еще и в отсутствии хороших продольных путей сообщения.

Важнейшим предметом действия для неприятеля могли служить Озургеты со стороны Батума, Ахалцых со стороны Ардагана, Александрополь со стороны Карса и Эривань со стороны Кагызмана и Баязета. Местные условия заставляли назначить для обороны этих пунктов особые отряды без возможной между ними связи. В самом деле, Гурия с Озургетом составляла обособленный театр действий, отделенный от соседнего Ахалцыхского уезда хребтом Ахалцыхо-Имеретинских (Аджарских) гор высотой до 900 футов. Ахалцых от Александрополя был отделен не только 120-верстным расстоянием, но и отрогами пограничных с Турцией Чалдырских гор, причем связь между ними могла быть нарушена движением неприятеля от Ардагана к городу Ахалкалакам, который поэтому тоже надо было удерживать в своих руках особым отрядом. Кроме того, дорога, связывающая Александрополь с Ахалкалаками, пролегла, начиная от Орловки до Александрополя, вдоль самой границы. Наконец, Эриванский уезд, отделенный от Александрополя горой Алагез и ее отрогами, имел против себя весьма важный пункт, а именно крепость Баязет, и должен был также составить отдельный театр военных действий.

Главным центром всех путей в Закавказье являлся Тифлис, от которого шли следующие дороги:

- 1) в долину Риона через Сурамский перевал на Кутаис и Редут-Кале. Дорога эта была построена уже после Восточной войны, и хотя в 1853 году по ней возможно было колесное движение, но в распутицу оно представляло большие затруднения;

- 2) через Цалку на Ахалкалаки или Орловку;

- 3) через Воронцовку на Александрополь;

- 4) через Красный мост и Акстафинскую на Делижан и далее в Александрополь или мимо озера Гокча на Эривань.

Народонаселение пограничной полосы в Кутаисской губернии, состоя на 85% из единоверных нам грузинских племен, являлось вполне надежным; в Ахалцыхском уезде среди населения были

поселения духоборов, которые по мере движения к Эриванской губернии составляли главный контингент жителей. В этом же направлении увеличивалась и примесь татарского и персидского племен, так что в Эриванской губернии насчитывалось магометан до 40 %.

Главным центром торговли и столицей Анатолии был Эрзерум, слабо укрепленный, но прикрытый Карсом, верки которого были после 1829 года, по собранным нами сведениям, значительно усилены. Ардаган и Баязет являлись пунктами второстепенными, и занятие первого имело бы лишь значение для обеспечения фланга при движении от Александрополя к Карсу. Затем имел значение Батум как портовый город, занятие которого могло иметь для нас выгодные последствия лишь при условии преобладания нашего флота на Черном море.

Пограничные пашалыки, Ахалцхский, Карсский и Баязетский, были преимущественно населены армянами, постоянно находившимися во враждебных отношениях с мусульманскими народностями и потому сочувственно к нам относившимися. Местные же мусульманские племена состояли из карапанцев, лазов, курдов, аджарцев и небольшого процента турок. Воинственные по природе, они не отличались фанатизмом и любовью к родине, а потому были одинаково ненадежны как для турок, против которых они нередко восставали, так и для нас; однако при успехе с нашей стороны можно было рассчитывать на их содействие.

Пересеченность всей местности от границы до указанных главных пунктов Анатолийского театра военных действий давала туркам большие преимущества в случае ведения нами наступательной войны.

Для движения от Ахалцыха через Ардаган на Карс нашим войскам приходилось перейти Чалдырский хребет и горы, окружающие Ардаган, от которого до Карса было 70 верст. При движении на Карс от Ахалкалак надо было тоже перевалить Чалдырский хребет у Керзаха, от которого до Карса было 90 верст и до Ардагана 60 верст. Дороги эти удобны для движения только с мая по ноябрь. От Александрополя к Карсу вели две дороги протяжением в 70 верст каждая: одна, по которой двигался в 1828 году Паскевич, шла на Пальдерван и Мешко, а другая — через Пирвали, Ходживали, Визинкев, южнее Большого Ягни-Дага. Обе дороги преграждались рекой Карс-Чаем, за которой турки имели хорошие позиции. Далее местность была холмистая, овражистая. В фураже недостатка в районе этих путей не было, но зато было почти полное отсутствие топлива.

Из Эривани на Карс дорога шла через Сардар-Абад, Кульпы и Кагызман; в долине Аракса она была неудобна, далее же становилась лучше. Из Эривани в Баязет шла вполне удобная дорога

Курды, переходящие р. Аракс

протяжением около ста верст, через Амарат, Игдырь и Чингельский перевал.

До Эрзерума от Баязета было 280 верст, а от Карса — 180 верст. Хотя между последним и Эрзерумом имелось шесть путей, но лесистая местность и перевалы через Саганлугский хребет, покрытый до июля снегом, делали движение затруднительным и представляли обороняющемуся ряд удобных позиций.

13 февраля 1853 года князю Воронцову была сообщена высочайшая воля о принятии им на случай разрыва с Турцией оборонительных мер, причем государь рекомендовал образовать в Закавказье особый резерв для действия против турок, продолжая в то же время охрану внутренней линии со стороны горцев¹⁸.

Положение князя Воронцова было в высшей степени затруднительно. Граница наша со стороны Турции на протяжении более 500 верст была охраняема только редкими постами, на которых кроме чапар находилось всего лишь около 1760 донских казаков, а в пограничных городах, в укреплениях и крепостях было расположено 4 линейных батальона¹⁹.

В случае вторжения неприятеля в наши пределы, нельзя было и думать о непосредственной обороне этой границы, защита которой была рассчитана только против контрабандистов и хищников и которая не могла быть, по удалению своему от расположения

наших резервов, своевременно подкреплена большим числом действующих войск.

Поэтому князь Воронцов предполагал позаботиться преимущественно об охране важнейших политических и стратегических пунктов, как-то: Озургеты, Ахалцых, Ахалкалаки, Александрополь и Эривань; остальные посты и укрепления упразднить, а гарнизоны их собрать на удобнейших местах, где они могли бы соединиться с главными нашими резервами. Такими сборными пунктами могли служить:

1) Озургеты для $\frac{3}{4}$ батальона и 38 казаков, занимавших линию от поста Св. Николая до поста Квабис-Дарвазского; 2) Ахалцых для $\frac{3}{4}$ батальона и 430 казаков, занимавших линию до Варнетского поста; 3) Ахалкалаки для одной роты; 4) Чебурет-Чай для 309 казаков части Александропольского кордона от п. Аладанского до Мадаточинского; 5) крепость Александрополь для 1 батальона и 383 казаков остальной части Александропольского кордона от п. Казанчинского до Кошевского поста и 6) крепость Эривань для 1 батальона и 631 казака участка Эриванского уезда от поста Анинского до поста Халахачинского.

Сбор войск с постов в вышеназванные пункты мог быть закончен в восемь дней со времени получения ими соответствующих приказаний.

Что касается действующих войск, то наместник не счел удобным значительно ослаблять отряды, собранные против горцев, и полагал возможным сосредоточить в виде резервов только $7\frac{1}{2}$ бат., 60 каз. и 20 ор.²⁰, которые сгруппировать в двух пунктах: в Делижане, на узле путей в Александрополь и Эривань, и на Цалке, узле всех сообщений Ахалцыхского уезда с Тифлисом. Сосредоточение этих частей могло быть окончено в 20 дней после получения ими приказаний. Предполагая, что главные силы Турции будут привлечены на европейский театр, князь Воронцов рассчитывал удержать турецкие войска на азиатском театре этими небольшими отрядами, дальнейшее усиление которых с линии признавал нежелательным.

Преклонный возраст князя Воронцова и болезненное состояние не позволяли ему принять личного начальства над войсками действующего корпуса. Кроме того, военные действия не могли ограничиться одной турецкой границей, и следовало ожидать, что разрыв с Турцией вызовет новый ожесточенный взрыв фанатизма среди кавказских горцев. Таким образом, наместнику надо было оставить за собой общее руководство над операциями на всем Кавказе, и командиром действующего корпуса был назначен князь Василий Осипович Бебутов, прошедший почти всю свою службу на Кавказе, где он выказал большие военные и административные способности.

Первоначальные предположения князя Воронцова о тех силах, которые могли бы быть сосредоточены к границе в июне 1853 года, впоследствии были разработаны более подробно²¹, причем число войск для активных действий пришлось уменьшить до 6 батальонов, 4 сотен и 14 орудий²².

Отряд этот предполагалось усилить 15 сотнями милиции и часть его сосредоточить в двух группах для вторжения неприятеля²³, а именно, у Ахалцыха, впереди д. Суплис — 1 $\frac{1}{4}$ батальона, 2 горных орудия и 3 сотни²⁴ и у Орловки — 1 $\frac{1}{4}$ батальона, 2 легких орудия и 6 сотен²⁵; остальные же войска оставить в местах квартирования при условии готовности к выступлению через 24 часа по востребовании.

Если же обстоятельства вызвали бы необходимость дальнейшего усиления резервов на границе, то к Ахалцыху предполагалось отправить еще $\frac{3}{4}$ бат.²⁶ и 4 ор. и к Орловке — 2 $\frac{1}{4}$ бат.²⁷ и 6 ор.

Для защиты Гурии оставалось лишь 3 роты Черноморского линейного № 12 батальона и 2 сотни гурийской милиции, которые поэтому решено было усилить шестью сотнями гурийской, мингрельской и имеретинской милиции и 2 ротами линейного № 1 батальона из Кутаиса. Эти части должны были быть перемещены в Озургеты.

Южный участок границы, от Александропольского уезда исключительно, обеспечивался крепостью Александрополем и пограничными казачьими постами, почему этот участок также предполагалось усилить сбором милиции.

Ничтожность свободных войск на Кавказе, лишавшая нас не только возможности предпринять наступательные действия, но и обеспечить границы от неприятельского вторжения, вызвала со стороны императора Николая I согласие на усиление Кавказского корпуса одной дивизией из Европейской России. При этом государь имел в виду кроме обеспечения Закавказья от вторжения неприятеля также наступательные действия в пределы Азиатской Турции²⁸ и указывал, как на желательные в этом отношении пункты, на Карс и Баязет²⁹.

Для этого была вновь избрана расположенная в Севастополе ближайшая к Кавказу 13-й пехотная дивизия, которую должна была сменить в Севастополе бригада 14-й пехотной дивизии с 2 батареями, квартировавшая до сих пор в Одессе³⁰.

Относительно употребления на Кавказе 13-й пехотной дивизии было два предположения. Согласно первому, ее хотели отправить из Севастополя до Керчи походом, переправить через Керченский пролив в Тамань, а оттуда опять походом до Кавказской линии для смены части войск, на ней расположенных; последние же присоединить к действующему корпусу. Согласно второму предположению, дивизию должны были посадить в полном

Генерал-майор Майдель

составе с ее артиллерией на суда в Севастополе, перевезти ее морем в Сухум-Кале и оттуда направить походным порядком к границе.

Первый способ давал возможность употребить для действия против турок войска боевые, привычные к местным условиям и климату, но для его выполнения нужно было более времени, а организация продовольствия являлась более сложной. Второе предположение, более трудное в отношении дальней морской перевозки в бурное осеннее время, имело то преимущество, что скорее вывело Кавказ из критического положения, в котором он находился,

и, кроме того, высадка таких внушительных сил на Черноморском побережье должна была произвести выгодное для нас впечатление на враждебные черкесские племена.

Поэтому предпочтение было отдано морскому способу перевозки, несмотря на то что такая значительная перевозка морем должна была быть произведена нашим флотом впервые и что трудность ее увеличивалась необходимостью перевезти с войсками весь обоз и всех строевых и подъемных лошадей (по штату 1660 голов). Князь Воронцов категорически заявил о полной невозможности купить или нанять столь значительное число лошадей в Закавказье, близ пункта высадки. Он признавал также необходимым перевезти при дивизии все запасы как для довольствия в пути, так и после высадки в размере не менее 26-дневной пропорции овса, так как Кавказское интендантство могло заготовить лишь количество, необходимое при передвижении дивизии от моря до границы.

Император Николай изъявил желание, чтобы перевозка десантного отряда была произведена в два рейса частями в полном составе, с обозом и лошадьми, не нарушая строевой их организации, с тем, чтобы каждый эшелон после высадки мог немедленно двинуться в поход.

Один полк 13-й пехотной дивизии государь полагал употребить для смены частей гренадерской бригады, несшей караульную службу в Тифлисе, чтобы таким образом в действующем корпусе

было не менее 6 батальонов этой славной бригады. Остальные полки перевозимой дивизии должны были в полном составе поступить в ряды действующего корпуса, усиливаемого кавказскими стрелковым и саперным батальонами, драгунским наследного принца Виртембергского (Нижегородский) полком, одной батареей Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, одной казачьей конной батареей, 2 казачьими и 2 мусульманскими полками.

В северный Дагестан на смену драгунам должны были быть отправлены два донских казачьих полка.

Император Николай признавал, что усиленный таким образом корпус князя Бебутова будет достаточен не только для обороны границы, но и для перехода в наступление с целью овладения Карским пашалыком и спорной территорией пограничной с Гурией полосы³¹.

Князь Бебутов, выделив часть сил для усиления войск в Гурии, остальные, в числе от 16 до 20 бат., 10 эск., 9 сот., 50 ор. и до 112 сот. милиции, должен был сосредоточить у Александрополя³² и составить из них действующий корпус.

Имея в виду, что высадка 13-й пехотной дивизии в Сухум-Кале ожидалась между 20 и 25 сентября, а к Александрополю эта дивизия могла прибыть только после 48-дневного марша, т. е. в начале ноября, наступательные военные операции предполагалось начать с весны 1854 года, так как поздней осенью и зимой дороги в Карском пашалыке в большинстве случаев для обоза непроходимы.

Хотя переход в наступление турецкой Анатолийской армии представлялся и маловероятным, но наместник еще в августе поручил князю Бебутову и начальнику инженеров отдельного Кавказского корпуса генералу Ганзену осмотреть все пограничные крепости и составить соображение о необходимых в них работах, а начальнику артиллерии принять меры к их вооружению и снабжению боевыми комплектами.

Важнейшим укрепленным пунктом в пограничной полосе являлся Александрополь³³. Крепость имела 7 бастионов с капониrom между 1-м и 6-м бастионами, главный вал с линией огня в 1135 саженей, 2 оборонительные казармы на 1700 и 1500 человек и оборонительный магазин на 20 000 четвертей. Укрепления были в хорошем состоянии, но некоторые работы еще не были закончены. Отдельные верки состояли из двухэтажной башни и двух неоконченных постройкой люнетов. Для приведения крепости в оборонительное положение необходимо было насыпать барбетов по главному валу и расчистить местность впереди 8-го полигона от развалин старого Гумринского укрепления. Мешали обстрелу и некоторые частные постройки, но ввиду дороговизны отчуждения пришлось временно их оставить с решением уничтожить только в случае надобности.

На вооружении крепости состояло всего 76 орудий; для полного вооружения требовалось еще 283 орудия, но в крайнем случае признавалось достаточным 44 орудия. Зарядов состояло 22 680, а требовалось еще столько же.

Наличный состав крепостной артиллерии был: 2 офицера, 12 фейерверкеров и 121 рядовой; необходимо же было: 10 офицеров, 30 фейерверкеров и 300 рядовых. Точно так же был непомерно слаб и пехотный гарнизон, в котором числилось 860 рядовых Грузинского линейного № 3 батальона, тогда как для обороны по числу верхов требовалось 3200 или не менее 2500 человек.

Крепость Ахалкалаки состояла из каменных стен с башнями и двухъярусной цитадели.

В ней также требовалось произвести некоторые работы по приведению ее в оборонительное положение, а именно: насыпать барбетов, присыпать траверсы, вооружить башни артиллерией, расчислить фронт впереди укреплений. На вооружении крепости состояло только 4 орудия, и требовалось добавить не менее 10 орудий.

Гарнизон численностью в 1 роту признавалось необходимым усилить еще на 300 человек.

Укрепления Ахалцыха состояли из каменной стены с башнями и цитадели, расположенной на крутом утесе. Цитадель эта была окружена командующими высотами и плохо прикрывала город, который лежал вне ее. Здесь тоже ощущался недостаток в вооружении, и к имевшимся 38 орудиям необходимо было добавить не менее 6 орудий.

В наихудшем положении находилась крепость Эривань³⁴. Князь Бебутов признавал состояние ее совершенно неудовлетворительным. Стены, башни и даже контр-эскарпы обвалились, батареи обветшали настолько, что не могли выдержать выстрелов из стоявших на валгангах орудий большого калибра. Водоснабжение крепости было не обеспечено, так как неприятель мог разрушить водопровод. Вооружение ее (только пять 24-футовых пушек) было чрезмерно мало. Тем не менее князь Бебутов признавал крепость достаточно сильной против того турецкого отряда, который мог бы быть направлен из Баязета.

Вообще же, как видно, главная слабость всех указанных крепостей заключалась в недостаточности их артиллерийского вооружения. Насколько в Закавказье были невелики артиллерийские запасы, видно из того, что часть орудий для вооружения пограничных пунктов была снята с укреплений Лезгинской линии, вооружение которой было пополнено из склада в Дубовке. Совершенно не имелось также запасных лафетов и платформ, которые приходилось вновь заготавливать.

Наибольшие опасения князя Воронцова вызывала оборона Гурии и береговой линии³⁵. Уже в сентябре получались тревожные

слухи о сосредоточении турецкого отряда до 4000 регулярных и 10 000 иррегулярных войск в окрестностях Батума и на границе Гурии. Слабость нашего флота, охранявшего Черноморское побережье, давала возможность туркам предпринять против Гурии одновременно сухопутные и морские действия значительным их флотом, который базировался на Батум. Такой план с их стороны подтверждался как разработкой дороги к Озургетам и посту Св. Николая, так и слухами о сосредоточении в Батуме большого сухопутного отряда, флота и значительного числа кочерм.

Князь А. С. Меншиков

Между тем в Гурии были расположены лишь один черноморский линейный № 12 батальон и две роты грузинского линейного № 1 батальона, которые прибыли из Кутаиса.

Со стороны моря наша граница была совершенно необеспечена.

В Поти было 2 старых турецких укрепления, но они не были вооружены.

Укрепления береговой линии были построены исключительно против горцев; со стороны моря они были совершенно открыты, не исключая Новороссийска и Геленджика. Средние укрепления, от Новотроицкого до Гагры включительно, как земляные так и каменные, могли быть разрушены в самое короткое время артиллерией хотя бы одного неприятельского фрегата. Число орудий, обращенных к морю, и их калибры были настолько незначительны (в Новороссийске — 4 орудия, в Геленджике — 2 орудия, в остальных укреплениях по 1 или 2 блокауза с 1 орудием каждый), что не могли устоять против артиллерии флота. Укрепления Пичунда и Бомборы, хотя тоже были слабы, но настолько удалены от моря, что первое мало подвергалось опасности, а второе было совсем обеспечено от огня флота. Город Сухум не был укреплен ни с моря, ни с сухого пути, а старая Сухумская крепость представляла с моря развалины бастионов и одну стену, частью обвалившуюся, которую было нетрудно окончательно привести в негодность несколькими десятками выстрелов³⁶.

Между тем высадка на этом берегу, хотя бы и небольшого неприятельского отряда, должна была отразиться для нас невыгодно

в умах горцев, которые, конечно, воспользовались бы случаем для нападения на эти укрепления со стороны гор.

Уже в июне³⁷ среди горцев ходили слухи о скором движении Магомет-Амина в Абхазию, Мингрелию и Гурию на соединение с турецкой армией и об ожидаемой помощи западных держав, с которыми Магомет-Амин находился в сношении³⁸. В случае его удачи нельзя было рассчитывать на верность мусульманского населения этих областей, особенно Абхазии, т. е. в тылу тех слабых войск, которые могли быть сосредоточены на гурийской границе.

Усиление фортов и постройка береговых батарей при недостатке войск и трудности, а в некоторых случаях и невозможности между ними связи не могли бы уничтожить опасений за наше побережье. Эти разобщенные укрепления были, по сравнению полковника Колюбакина³⁹, ввиду доступности берега для высадки на всем протяжении «похожи на ворота среди чистого поля, и разве орудия не из чугуна или меди, а из магнита будут иметь двоякое свойство поражать и притягивать. В случае же усиленного вторжения неприятеля эти батареи, связывая наши движения, будут не помощью, а помехой». Поэтому полковник Колюбакин говорил, что «мы должны против покушения с моря обеспечить себя так, как оракул советовал афинянам, стенами деревянными, т. е. кораблями»⁴⁰. Та же мысль высказывалась и адмиралом Серебряковым (начальник Черноморской береговой линии), который убедительно доказывал необходимость непрерывного крейсерства флота вдоль всего берега от Анапы до поста Св. Николая, а так как назначавшихся для этой цели 1 фрегата и 6 малых судов недостаточно, то он просил как усиления их судами Черноморского флота, так и разрешения вооружить и держать под парами все 5 пароходов Кавказской береговой линии.

Из этого числа 2 парохода («Молодец» и «Боец») и 8 транспортов предполагалось оставить в распоряжении начальника береговой линии для текущей службы, т. е. для поддержания связи между фортами, для подвоза к ним продовольствия (так как торговые сношения с горами прекратились), для эвакуации больных и проч. Остальные 3 парохода («Могучий», «Эльборус» и «Колхида») вместе с паровой шхуной «Аргонавт» предполагалось присоединить к крейсерам Черноморского флота со специальной целью охранять побережье и препятствовать доставке турками горцам боевых припасов.

Пароходы эти, однако, были не все в готовности к плаванию; они требовали дополнительного артиллерийского вооружения, а некоторые из них — ремонта⁴¹.

Адмирал Серебряков полагал усилить открытые с моря укрепления земляными батареями, которые вооружить запасными

орудиями береговой линии, а также орудиями, взятыми из южного артиллерийского округа.

Он считал также необходимым усилить местные гарнизоны до прихода 13-й дивизии призывом мингрельской и имеретинской милиции, о чем просил и владетель Абхазии, князь Шервашидзе, сильно опасавшийся начавшегося среди горцев неприяженного движения⁴².

Князь Воронцов разрешил адмиралу Серебрякову привести эти предположения в исполнение, причем береговая линия должна была быть усилена 3 сотнями мингрельской милиции под начальством князя Константина Дадияна и сбором в случае надобности одной или двух имеретинских сотен. Наместник приказал за неимением других свободных войск приготовить к походу батальон Черноморского казачьего войска, который должен был сменить один из линейных батальонов I отделения береговой линии, а этот последний прибыть в III отделение⁴³.

Приготовления к войне по части артиллерийской сводились к вооружению пограничных крепостей, устройству артиллерийских складов и формированию запасного и осадного артиллерийских парков.

К началу кампании в крепостях состояло:

	2	300
	42	375
	19	125
	119	1750
	12	9000

По числу этих орудий было заготовлено по два комплекта зарядов и снарядов со всеми припасами⁴⁴.

В Александрополе и Ахалцыхе было сосредоточено по два комплекта, в Ахалкалаках — один комплект зарядов и патронов на 8 легких, 8 горных орудий и 6 батальонов пехоты, в Озургетах — 50 000 патронов, и в каждом из этих четырех пунктов материалы для изготовления 15 000 кавалерийских патронов.

Для укреплений береговой линии было решено взять вооружение из запасов Севастополя, всего 7 — 18-фунт. пушек, 31 — 12-фунт., 20 — 6-фунт. мортир, 6 — 2-пуд. мортир, из Херсона 4 — 12-фунт. пушки и из Ростова — 15 каронад. Боевые припасы

для всех этих орудий также должны были доставить из Севастополя.

Возможность для Кавказского корпуса, если он будет соответственно усилен, наступательных действий и предположение овладеть в таком случае столь сильными турецкими укреплениями, как Карс и Эрзерум, ставила на очередь вопрос о формировании осадного парка⁴⁵.

Для него было назначено:

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □	□ □ □ □ □ □ □ □	Ж □ □ □ □ □ □ □ □	□ □ □ □ □ □
□ □ □ □ □ □	24 □ □ □ □	4	2 □ □ □ □ □ □ □ □ □ □, 2 □ □ □ □ □ □ □ □ □ □
□ □ □ □ □ □ □ □	1 □ □ □	2	□ □ □ □ □ □ □ □
□ □ □ □ □ □ □ □	2 □ □ □	4	□ □ □ □ □ □ □ □
□ □ □ □ □ □ □ □	1/2 □ □ □	2	□ □ □ □ □ □ □ □

Заряды и снаряды должны были поступить из Эриванской и Александропольской крепостей.

Личный состав назначался из парка 19-й артиллерийской бригады. Парк должен был быть перевезен в Александрополь лишь в мере действительной надобности; для следования за войсками боевых припасов необходимо было сформировать наемный буйволоный транспорт из 120 повозок с 600 буйволов⁴⁶.

Запасный артиллерийский парк должен был формироваться в Тифлисе⁴⁷ из состава 19-й и 21-й артиллерийских бригад в числе 80 зарядных ящиков для возки комплекта зарядов на 2 батарейные и 2 легкие батареи и 160 наемных парных воловых арб для возки остальных зарядов и патронов (на 21 ³/₄ бат., 2 стр. и 3 саперн. рот, 10 эск., 4 дон. каз. пол., 3 сот. лин. каз., 25 сот. милиции, 2 кон. бат., 8 легких и 6 горных орудий⁴⁸).

Кроме того, в крепостях Александрополь и Эривань для этих же войск должно было храниться по одному комплекту зарядов и патронов.

Ввиду наступательных целей началось формирование запасного инженерного парка. Работу эту возложили на капитана Кавказского саперного батальона фон Кауфмана, который и должен был принять в свое ведение парк по окончании его формирования.

Так как многого из потребного для парка имущества не доставало и оно не могло быть взято из Кавказского саперного батальона и местного инженерного парка, то капитану фон Кауфману было поручено приобрести или изготовить недостающее количество вещей хозяйственным способом на аванс 5000 руб., причем «по экстренности дела и в полном доверии к капитану

*Севастополь в конце XVIII столетия
(с оригинального рисунка акварелью)*

фон Кауфману» он был освобожден от ведения формальной отчетности по этому делу⁴⁹.

Несмотря на сложность возложенной задачи, она была исполнена в трехнедельный срок, и 12 ноября Кауфман донес уже о выступлении парка из Тифлиса в Александрополь⁵⁰.

Военно-санитарная часть получила следующую организацию⁵¹. Кроме госпиталей и усиленных лазаретов пограничных пунктов мирного времени (Редут-Кале на 142 места, Озургеты — 350, Ахалцых — 315, Ахалкалаки — 100, Эривань — 300) в Александрополе был открыт военно-временный госпиталь на 600 мест, а также заготовлено имущество для полевого подвижного госпиталя на 1000 мест (последний должен был следовать за армией на 200 наемных арбах) и для трех кадровых госпиталей на 600, 300 и 150 мест. Кроме того, оставался запас на 1000 мест.

На случай появления чумы были приняты меры к формированию карантинного отделения.

Для подвижного госпиталя изготовили 72 большие подбитые сукном палатки, каждая на 18 человек. Перевязочных предметов имелось на 30 000 человек. В войсках было приказано иметь по одной лазаретной брике на батальон, по 1 лазаретной палатке, лазаретных вещей — на 30 человек и перевязочных предметов — на 50 человек.

Продовольствие было определено на 30 000 человек, а зерново-го фуража для кавалерийских и артиллерийских лошадей на 6 месяцев⁵².

Муки кроме годовой пропорции на весь отдельный Кавказский корпус было заготовлено еще 25 000 чтв., что обеспечивало войска до 1 января 1854 года.

Склады сухарей были: в Ахалцыхе — 2500 чтв., в Александрополе — 7500 чтв., в Эривани — 5000 чтв. и в Делижане —

2000 чत्व. Всего 17 000 чत्व., т. е. на 68 дней. Кроме того, для проходящих войск (13-й пех. див.) изготовлялось в Кутаисе 2000 чत्व. и в Сухум-Кале 3000 чत्व. Мясо должно было приобретаться войсками на месте, а при движении за границу — по особому распоряжению. Винные порции рассчитывались по 4 чарки на человека в неделю в пропорции на 6 месяцев, а на поставку спирта было заключено условие с подрядчиком.

Потребность ячменя была исчислена в 38 000 чत्व., но первоначально было заготовлено 15 000 чत्व., так как войскам предоставлялось право заготовления его хозяйственным способом.

Для войск Черноморской береговой линии провиант доставлялся морем из Симферопольской провиантской комиссии⁵³ в годовой пропорции (51 768 чत्व. муки, 5230 чत्व. крупы, 6680 чत्व. овса); в Ростове был устроен запас в 12 000 чत्व. муки и 1125 чत्व. крупы и в Керчи в 23 000 чत्व. муки и 2160 чत्व. крупы, причем часть муки была перепечена в сухари.

Перепечение муки в сухари было устроено в Сухум-Кале, Александрополе, Ахалцыхе, Кутаисе, Делижане, Манглисе и Белом Ключе. В Делижан для этого была специально послана команда в 300 человек из Хан-Келды; в остальных пунктах оно производилось местными войсками (с отпуском им по 50 коп. за пуд) в своих, а частью полевых печах.

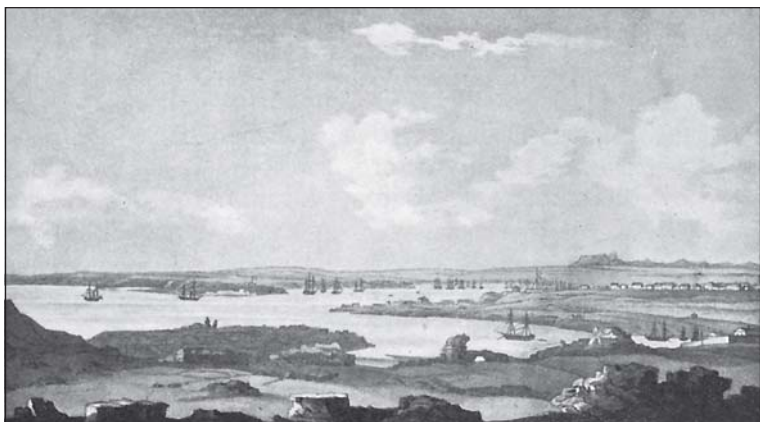
Интендантская смета на 6 месяцев была исчислена в 2 300 098 руб. 7 $\frac{1}{2}$ коп.⁵⁴, и сверх того князь Воронцов испрашивал на экстраординарные расходы 62 250 руб. и на агитацию в нашу пользу среди курдов — 100 000 червонцев.

Положение Кавказского корпуса на турецкой границе в значительной степени зависело от того образа действий, которого будет придерживаться Персия в случае нашего разрыва с Турцией.

Надежда на союз с этой страной могла поддерживаться давнишней враждой персов с турками, религиозной их рознью с шиитами и, наконец, неудовольствием тегеранского двора на захват Турцией округа Котур с окрестными землями. Но для нас не были тайной происки Англии, старавшейся обратить тегеранское правительство против России и всеми силами возбуждавшей к тому же армянское население пограничных с нами областей⁵⁵.

Если бы даже Персия оставалась нейтральной, то все же нельзя было особенно полагаться на ее нейтралитет.

Коварная, легкомысленная политика этой державы, естественная ее вражда к России и желание отомстить нам за прежние неудачи, вознаградить себя за недавнюю потерю отторгнутых областей, надежда на мусульманское население и в особенности на горцев, с которыми персияне были в частых сношениях, наконец, подстрекательство западных держав, особенно Англии, делали маловероятным предположение, чтобы в случае войны с Турцией

*Севастополь в начале XIX столетия
(с оригинального рисунка акварелью)*

Персия не пожелала воспользоваться благоприятной минутой. Углубление нашего действующего корпуса в пределы азиатской Турции могло вызвать попытку ее взволновать пограничное население. Она могла тайно содействовать хищническим вторжениям вооруженных партий в наши пределы, оправдываясь бессилием их прекратить.

Возможность таких неприязненных действий подтверждалась и опытом последней турецкой кампании 1828 и 1829 годов; тогда, несмотря на поражение 1827 года и полное расстройство финансов, персидский шах едва не начал новой войны с нами, чем граф Паскевич был бы в то время поставлен в опасное положение.

В наступившем кризисе принятие мер против Персии также являлось существенно необходимым, но для этого на Кавказе положительно не было средств.

Граница с Персией охранялась постами от донских № 10 и 13 полков в числе 700 человек. Поддержкой им служили штаб-квартиры этих полков в Ванках и Гек-Тапе с 60—80 казаками в каждом, отряды по 3 слабые роты грузинских линейных № 5 и 8 батальонов в Беченаге и Ленкорани и 5 рот Мингрельского егерского полка, занимавших караулы в Хан-Кенды и Шуше.

Между тем неприязненные действия горцев восточного Кавказа, особенно лезгин, которые должны были в случае войны еще более усилиться, не только не давали возможности уделить что-либо из Дагестана или Лезгинской линии к персидской границе, но, напротив, отряды эти, сами ослабленные выделением части сил в действующий корпус, требовали подкреплений.

Поэтому уже в сентябре 1853 года военным министром разрабатывался вопрос об усилении Кавказского корпуса сверх назначенной туда 13-й дивизии еще одной пехотной дивизией и одной кавалерийской бригадой из войск Европейской России.

Для этой цели были намечены 14-я или 18-я пехотные дивизии с их артиллерией. Назначение 14-й дивизии представлялось более удобным в том отношении, что она входила в состав одного корпуса с 13-й дивизией, но для этого ее необходимо было бы заменить в окрестностях Одессы другими войсками (предполагалось — резервной дивизией 3-го пехотного корпуса). Сосредоточение к Шуше этой дивизии требовало бы при движении сухим путем четыре месяца марша, а при перевозке ее из Одессы и Севастополя морем — 52 дня марша от Сухума. К этим срокам надо было прибавить еще два месяца на приведение дивизии на военное положение, а принимая во внимание, что дороги в Абхазии, Мингрелии и Имеретии для артиллерии и обоза ранее апреля были почти непроходимы, можно было рассчитывать на прибытие дивизии к границе Персии не ранее конца мая 1854 года.

Назначение 18-й дивизии давало то преимущество, что не требовало смены ее другими войсками; прибыть же к границе она могла бы, считая 170 дней марша и два месяца на приведение ее на военное положение, одновременно с 14-й дивизией.

В состав кавалерии такого наблюдательного со стороны Персии отряда были намечены 6-я легкая кавалерийская дивизия или же бригада 1-й драгунской дивизии. Первой требовалось 109 дней марша, второй — 115 дней, т. е. при выступлении в начале января 1854 года они могли прибыть по назначению только в конце апреля.

Князь Воронцов, запрошенный о тех мерах, которые он, со своей стороны, полагал бы необходимым принять против Персии, тоже доносил⁵⁶ о потребности для этой цели не менее одной дивизии пехоты и бригады кавалерии. Кроме того, он доказывал необходимость усилить ввиду волнений среди горцев Лезгинскую линию на 6 батальонов и возвратить на Кавказскую линию 3 батальона, а в Дагестане 2 батальона, взятых в состав действующего корпуса. Для исполнения же этого необходима была бы еще одна дивизия, которая при благоприятных на границе Персии обстоятельствах могла бы усилить действующий корпус для наступательных операций.

Император Николай признал такие требования чрезмерными и на отзыве князя Воронцова пометил: «Полагаю достаточным того, что уже велено послать; от князя Воронцова будет зависеть, передвинуть на Лезгинскую линию те или 4 батальона 2-й бригады 20-й дивизии, которые уже взяты и уже направлены мной за Кавказ, или какие-нибудь другие части 19-й пехотной дивизии,

но более послать из России *неоткуда и совершенно невозможно*⁵⁷, о чем князю Воронцову положительно объявить, предоставляя распоряжаться, как по обстоятельствам за лучшее признает; я же остаюсь при прежнем мнении, что означенных способов должно быть достаточно».

Между тем со стороны нашего противника принимались весьма деятельные меры к усилению Анатолийской армии.

По донесению нашего консула⁵⁸ в Эрзеруме, к 1 января 1853 года армия эта, под начальством мушира Абда-паши, по штатам должна была считать в своих рядах до 30 000 человек, но в действительности за откомандированием подкреплений в Константинополь она состояла из 20 336 штыков, 4000 сабель при 68 полевых орудиях, 1500 башибузуков, а всего 25 866 человек⁵⁹.

Этот корпус мог быть усилен резервами (редифом) на 24 000 человек (6 пех., 4 кав. и 1 арт. полк. из 12 пеш. и 2 кон. бат.) и сбором до 20 000 башибузуков.

Уже в мае 1853 года получались известия о готовящемся призыве редифов и о сборе в Эрзеруме продовольствия на 25 000 человек в шестимесячной пропорции.

По сведениям, имевшимся у нас⁶⁰, всего предполагалось турками собрать в Анатолийской армии до 50 000 человек пехоты и 17 000 кавалерии. Из них уже в сентябре были сосредоточены в Карсе под начальством Вели-паши от 8 до 13 000 человек пехоты, 1500 кавалерии и 20—40 орудий. Туда же ожидалось еще 11 000 человек пехоты при 12 орудиях и 3000 башибузуков. Этот отряд, составляя главные силы, выступил в начале октября под начальством Абди-паши по направлению к Александриполю и остановился в 12 верстах от р. Арпачая, у Кюрюк-Дара.

Другой отряд в 6000 пехоты, 400 человек кавалерии, 16 орудий и 1000 башибузуков сосредоточивался у Ардагана под начальством Ферик-Али-паши, угрожая Ахалцыху, к которому турками разрабатывалась дорога. Ближайшей поддержкой этому отряду могли служить 8000 человек у Ольти и столько же у Чалдырского озера.

В Кабулетском санджаке, на границе с Гурией, тоже делались приготовления к военным действиям: в окрестностях Тзихиндзира были построены укрепления — 5 редутов с палисадами, из которых 3 господствовали над дорогой к нашей границе, а 2 были расположены на берегу Чурук-су. У подножия горы Тзихиндзира, на полдороге между Батумом и нашей границей, был восстановлен и подготовлен к вооружению 20 орудиями выдающийся в море форт. Ниже его, у самого моря, турки построили редут на 6 орудий, который дополнял 2 маленьких редута, раньше возведенных для защиты Батума. Вдоль границы Лозистана также были построены 3 сильных укрепления.

Общее число войск в Батуме и на Чурук-су было около 2500 человек при 8 орудиях. Редифы не были еще собраны, но санджаки Лозистана должны были выставить до 9000 башибузуков, а 3 пограничных с трапезондским пашалыком санджака — до 3000 человек.

На южном фронте, против Эривани, у Баязета было собрано 6000 пехоты, 400 человек регулярной кавалерии и 1000 башибузуков под начальством Ферика-Селима-паши.

Резервом всех этих отрядов являлись 20—25 тысяч человек у Эрзерума, который служил центральным пунктом всей Анатолийской армии, поставленной под начальство мушира Абди-паши⁶¹.

В начале осени в пограничной полосе заметно было возбуждение местного населения, и начались притеснения и насилия над христианами. Вторжения отдельных шаск в наши пределы участились.

Сам главнокомандующий Абди-паша производил рекогносцировку р. Арпачая. Дорога из Кабулет к р. Чолоку исправлялась. Словом, все предвещало возможность скорого открытия военных действий в то время, как к нам еще не прибыла 13-я пехотная дивизия. Приготовления турок указывали при этом на желание действовать наступательно на всем фронте.

Облегчающим наше положение обстоятельством являлось то, что Анатолийская армия была грозна не только боевыми своими качествами, но и численностью. Несмотря на меры, принятые еще с начала лета для заготовки продовольствия, войска часто голодали из-за злоупотреблений и беспорядочной организации тыла; жалованье уплачивалось неаккуратно.

Результатом всего этого было громадное дезертирство и большой процент больных, главным образом желудочными болезнями.

Ослабление наших сил на Кавказской линии ради усиления войск на границе Турции не остановило приведения в исполнение установленной программы по умиротворению Кавказа. Бездействие наше или переход к пассивной обороне неминуемо должны были бы возвысить дух горцев. Надо было их отвлекать, не дать им собраться в больших силах на каком-нибудь одном пункте, особенно в тылу действующего корпуса.

Против Черноморской линии и правого фланга Кавказской линии, на всем протяжении от Анапы, уже в начале года усилилось враждебное нам волнение среди натухайцев, шапсугов и убухов.

Магомер-Амин, перебрасываясь от одного племени к другому, последовательно подчинял их себе, и только небольшая часть натухайцев и шапсугов еще противилась ему. От подчинившихся он брал присягу: 1) признавать подданство Турции, 2) почитать Шамиля и его самого как наместников султана, безусловно им

повиноваться, 3) исполнять предписанные Кораном намаз и омовение и 4) вносить десятину в пользу бедных и духовенства⁶².

Уничтожение родовой аристократии и установление выборного начала увеличивали его партию среди низших классов населения.

Своим приверженцам Магомет-Амин внушал необходимость дружной борьбы против русских, обнадеживая помощью не только Турции, с которой находился благодаря плохой охране нашего побережья в частых сношениях, но и западных держав.

Ближайшим помощником Магомет-Амина являлся Хаджи-Ибрагим-Хан-Оглу.

Простой кумык, сиротой 7 лет он был отвезен в Египет и по окончании курса Каирского училища был взят одним турком, у которого жил до 16 лет, когда вернулся на Кавказ и женился на дочери шапсугского старшины Хаджи-Магомета-Кобли. Последний из честолюбия выдавал своего зятя за сына кумыкского хана, и с того времени он стал называться Ханом-Оглы.

Магомет-Амин оценил этого честолюбивого, ловкого человека, приблизил к себе и поручил ему управление племенем нутухайцев, а затем послал в Константинополь с письмом к султану.

Вернувшись от султана, награжденный им чином, Хан-Оглу приобрел еще большее значение среди горских племен⁶³.

Весной уверенность в себе Магомета-Амина настолько возросла, что он 28 апреля предпринял экспедицию против мирных нутухайцев под самым Новороссийск и к постам Варенниковскому и Гостобаевскому.

Для противодействия ему со стороны Варенниковского укрепления должен был действовать отряд адмирала Серебрякова из 6 бат., $\frac{1}{2}$ эск., 1 сот., 3 пол. и 8 горн. ор.⁶⁴, которому должен был с Карабулахской линии, у острова Шарко, содействовать отряд полковника Кухаренко силой в 1 $\frac{1}{4}$ бат., 5 сот. и 4 кон. ор.

Вместе с тем для лучшей обороны линии были начаты работы по ее сокращению проведением постов прямо от Варенниковского укрепления через Гостобаевское к Анапе и по укреплению

Вице-адмирал П. С. Нахимов

постройкой постов: Новокопыльского, Ново-Ерховского, Атаманского и 10 батарей (Отважной, Новоредутской и др.).

Со стороны Владикавказского округа генерал Евдокимов должен был предпринять карательную экспедицию против племени егерукаевцев, главных приверженцев Магомет-Амина, за их нападения на Лабинскую линию.

16 февраля отряд его силой в 6 бат., 24 сот., 8 пеш. и 6 кон. ор. и 22 ракетных станка⁶⁵, всего около 7850 штыков и сабель, выступил из Тенгинской в направлении к балке Джегу в верхнюю Уль.

17 февраля после 50-верстного перехода отряд подошел к аулу Ассан-Шухай, огражденному тремя рядами завалов. Для нападения казаки были разделены на две колонны: 8 сотен и 2 конных орудия под начальством командира Донского казачьего № 31 полка полковника Ягодина направились на аул, а 6 сотен войскового старшины Фелькерзама переместились влево к хуторам. Остальные силы были оставлены в резерве.

Полковник Ягодин взял аул спешенными казаками, подкрепленными затем двумя батальонами и четырьмя сотнями.

Уничтожив аул, войска эти стали под напором горцев, воспользовавшихся закрытой лесистой местностью, отходить на главные силы.

На следующий день отряд разделился: часть его отошла к раненым в Тенгинское, остальные в Темиргоевскую станцию.

Потери — главным образом при отступлении — составляли: 1 офицер, 12 нижних чинов убитыми и 6 офицеров, 128 нижних чинов ранеными и контужеными.

Император Николай, со вниманием следивший за каждым боевым столкновением на Кавказе, приказал спросить князя Воронцова: «Не произошли ли столь большие потери от каких-либо особых обстоятельств и соответствуют ли они важности достигнутой цели?»⁶⁶

Наместник объяснял потери готовностью горцев к встрече нашего отряда, так как они были предупреждены о нашем движении; у нас же все было в порядке и хорошо соображено.

На вторую часть вопроса князь Воронцов не дает ответа, но нельзя не признать справедливости сомнений государя.

Внушительный отряд в семь с лишним тысяч человек был употреблен для достижения частной цели — разорения одного аула, тогда как в тот же год в действующем корпусе, в главном сражении под Баш-Кадыкларом, было собрано лишь 10 000 человек, которым пришлось действовать против 36-тысячного корпуса турок.

Со стороны Владикавказского округа действия, кроме того, были направлены и в верховья р. Фортанги.

Ближайшие к нам или «мирные» чеченцы, естественно, тяготели к России более, чем населявшие нагорную часть Чечни,

которые ненавидели первых как изменников. Необходимо было упрочить в мирных чеченцах чувство доверия к нашей силе, надо было их поддержать против враждебных сородичей и облегчить желающим выселение под защиту наших передовых постов и укреплений.

С этой целью весной было предпринято движение в Шаложинское ущелье.

7 марта барон Вревский прибыл в станицу Михайловскую, откуда послал приказ частям с Верхне-Сунженской линии и из Бумутского укрепления собираться в Ачхой⁶⁷.

8 марта отряд из 2 $\frac{1}{4}$ батальона, 4 орудий, 5 сотен⁶⁸ был собран и на рассвете двинулся в Шаложинское ущелье, где горцы устроили ров с завалами.

Казаки, завидев завал, двинулись вперед. Две сотни 1-го Сунженского полка спешили, выбили смелым ударом из завала чеченцев и завладели аулом. Часть жителей добровольно присоединились к нам.

Далее шел лесистый возвышенный гребень между р. Шаложей и Валериком; сакли лепились по верху гребня. В них оказано было отчаянное сопротивление, и только в 2 часа дня после девятичасового боя аулы пали, и тогда началось обратное движение отряда.

Потери наши составляли: 1 офицер и 11 нижних чинов убитыми, 1 офицер и 42 нижних чина ранеными.

В результате к нам присоединилось во время боя 25 и после боя 10 чеченских семейств.

9 марта отряд усилился двумя ротами⁶⁹ и продолжал дело уничтожения завалов.

С 26 марта было приступлено к рубке леса и разработке дорог, расходящихся из Мужиса к Владикавказу, к Галашевскому ущелью, и от Горелама к Новому Дашыху.

Чеченский отряд под начальством князя Барятинского состоял из 11 батальонов, 4 эскадронов, 8 сотен, 24 орудий, силой около 10 600 штыков и сабель⁷⁰. Он был расположен следующим образом: 8 батальонов, 2 команды, 7 сотен и артиллерия в Грозной⁷¹;

*Адмирал
М. П. Лазарев*

3 батальона егерского князя Чернышева полка на Кумыкской плоскости в укреплении Хасав-Юрт; сотня Донского казачьего № 17 полка в укреплении Куринском и 2 дивизиона Драгунского наследного принца Виртембергского полка, и 1 сотня Кизлярского казачьего полка в станице Шелководной.

В январе и феврале князем Барятинским были предприняты экспедиции для прорубки просек на р. Мичике от Куринского укрепления на Гурдалай через Гасанвинское ущелье и на Хоби-Шавдон, который и был занят 6 февраля.

Шамиль имел на Мичике у Гурдалая 12 000 пехоты и 8000 конницы.

17 февраля его позиция была атакована с фронта двумя батальонами при 14 орудиях полковника Левина и слева двумя батальонами при 4 орудиях полковника барона Николаи.

Кавалерия генерал-майора Бакланова с 1 батальоном егерского князя Воронцова полка при 8 орудиях была послана в обход с правого фланга, к слиянию Мичика с Гонсолью.

Шамиль, атакованный со всех сторон, был разбит и бежал, потеряв 500 человек убитыми. У нас выбыло из строя только 11 человек ранеными.

Этот успех имел для нас большое значение, так как он открыл прямое сообщение крепости Воздвиженской с Мичиком и Кумыкской плоскостью.

В Прикаспийском крае весной и летом действия горцев ограничивались вторжением мелких партий, но в июле стали распространяться слухи о сборе Шамилем значительных сил на границе Джаро-Белоканской области; для наблюдения за ним были собраны отряды генерал-майора Волкова силой 2 батальона, 6 орудий и 2 сотни⁷² на Куришинских высотах и князя Аргутинского-Долгорукова — силой в 8 батальонов, сводной команды штучерных, 10 орудий и 6 сотен⁷³ — на Турчидане.

В наступление с этой стороны мы не переходили.

Таким образом, мы на всем протяжении приняли, в общем, положение активно-оборонительное, и наступательные действия имели главным образом цель демонстративную, угрозу, удержание горцев от нападения в наиболее невыгодном для нас направлении.

Скоро, однако, обнаружилось, что слухи о войне с Турцией настолько возвысили дух непокорных горцев, что из положения оборонительного они перешли в смелое наступление.

В половине марта⁷⁴ в западной части Кавказского хребта Магомед-Амин начал распространять свою власть на джигетов и на шапсугов до форта Лазарева, причем шапсуги северного склона Кавказского хребта добровольно к нему присоединились. Абадзехи же еще раньше признавали его власть.

13 марта Магомет-Амин спустился со своими полчищами к укреплению Вельяминовскому, 20-го числа прошел мимо Тенгинского, 30-го — у Ново-Троицкого, 2 апреля — у Шапор, откуда направился к дальним натухайцам.

Попутно он произвел рекогносцировку наших укреплений и об Тенгинском выразился, что «его нетрудно взять, но только для этого необходимо пожертвовать 800 человек».

Всем этим передвижениям нам было невозможно препятствовать, так как в средней части береговой линии не было продольного сообщения по берегу. Действия наступательные в это время года не могли бы принести нам пользы, так как жителям нечего было терять. Поэтому войска были исключительно заняты работами по улучшению сообщений, проложением просек между Адогумом и укреплением Абинским на соединение с ранее проложенной просекой по Неберджой и Адогуму, чем достигалось беспрепятственное сообщение Новороссийска с укреплением Абинским.

Для этой цели 25 марта был собран отряд из Новороссийского, Анапского и Геленджикского гарнизонов в составе 3 $\frac{1}{4}$ батальона, $\frac{1}{2}$ сотни казаков, 4 полевых и 6 горных орудий силой в 3276 штыков и сабель.

26 марта отряд выступил, 27-го прибыл в Адогум. До 31-го беспрепятственно шла рубка леса. Магомет-Амин советовал горцам принять до соединения всех сил выжидательный образ действий. 31 марта была произведена рекогносцировка к Шипсу, а 5 апреля было получено известие о движении Магомет-Амина в Хобль. 7 апреля отряд за недостатком продовольствия, которого было взято на 14 дней, вернулся в Новороссийск.

В результате была прорублена просека в 11 верст длиной и 1 версту шириной.

19 апреля шапсуги северного склона гор собрались у леса Сепуазе, а на 21-е был назначен их сбор у Адогума. Для воспрепятствования им 21 апреля был двинут из Новороссийска и Геленджика отряд в 3 $\frac{1}{2}$ батальона, $\frac{1}{2}$ сотни, 2 полевых и 4 горных орудия, т. е. около 2400 штыков и сабель, который 23-го числа прибыл в Нижний Адогум.

Магомет-Амин отступил без боя к натухайцам, а 24-го отряд вернулся в Новороссийск, откуда на следующий день перешел к форту Раевского для прикрытия мирных натухайцев от их непокорных единоплеменников.

30 апреля отряд под начальством генерала Дебу атаковал скопище горцев на высотах Маркотхе и его рассеял.

Более энергичных действий на этом фронте предпринять было невозможно за недостатком сил. Действительно, в Анапе кроме указанного выше отряда оставалось 2—3 роты, в Новороссийске — менее батальона, в Геленджике — 3 роты. При этом укрепления

*Генерал-адъютант
В. А. Корнилов*

Новороссийска были растянуты и слабы. В остальных укреплениях береговой линии гарнизоны тоже были очень слабы; так, например, линейный № 8 батальон был разделен на 3 части: штаб и 2 роты в Навагинском, рота в укреплении Св. Духа, рота в Гаграх, а Пицунда занималась линейным № 9 батальоном.

Между тем в июне и начале августа власть Магомет-Амина настолько возросла, что он вторгся даже в Кабарду для удержания переселения части населения в наши пределы, что ему и удалось. Вслед за этим он провозгласил священную войну против нас «в союзе с Турцией» и со-

бирался напасть на укрепление Вознесенское. Появление русского отряда вынудило его отказаться от похода на Вознесенское, но лишь временно: мысль нападения на наши разрозненные силы не оставляла Магомет-Амина.

26 июля сборище из 8000 нутухайцев и шапсугов напало на укрепление Гостоговское, занятое слабым гарнизоном из гренадерской роты Черноморского линейного № 1 батальона с 1 орудием силой около 300 человек под командой поручика Вояковского⁷⁵.

К счастью, поручик Вояковский знал о готовящемся нападении и для встречи многочисленного неприятеля сделал все распоряжения.

В ночь на 26 июля скрытно подкрались горцы к укреплению и залегли в расстоянии ружейного выстрела, а в 3 часа утра ползком стали к нему приближаться, но сигнал тревоги поднял уже гарнизон, быстро изготовившийся к бою. Тогда горцы бросились на приступ открытой силой, и все три атаки их были отражены штыками храброго гарнизона.

В защите укрепления участвовали все способные владеть оружием: доктор, священник, денщики; даже женщины и дети приносили посильную помощь, поднося заряды и ухаживая за ранеными.

Все пространство впереди укрепления было усеяно телами убитых; на парапете собрано 78 тел, вне укрепления — до 800. У нас же убито всего 2 и ранено 8 человек.

На донесении об этом славном деле государь начертал: «Всем офицерам следующий чин, а поручика Вояковского из штабс-капитанов в капитаны и Георгия 4 ст. через Думу; нижним чинам строевым и нестроевым по 3 рубля серебром и на раздачу отличившимся 6 знаков отличия военного ордена; женам и детям по 1 руб., а жене поручика Булича золотую медаль за усердие и пенсию по жизнь, по жалованью мужа, и публиковать!»

Почти одновременно горцами было произведено нападение на Тенгинское укрепление, занятое гарнизоном в 9 офицеров и 518 нижних чинов при одном оружии.

20 июля горцы обложили укрепление, 23-го они напали на блокауз, чтобы захватить орудие, там расположенное, но гарнизон блокауза из 56 человек отбил атаку. После второго штурма на укрепление, в отражении которого огнем участвовал с моря бриг «Енди-мион», горцы отступили; наша потеря состояла из 20 человек.

Вслед за этими двумя ударами последовал третий со стороны самого Шамиля, притом в направлении, для нас наиболее опасном, — на Лезгинскую линию, в тыл тех войск, которые должны были составить действующий на турецкой границе корпус.

Шамиль вышел с 10 000 дагестанских горцев 25 августа с гор против нашего укрепления Н. Закаталы.

У начальника Лезгинской линии князя Орбелиани было собрано всего 3 $\frac{1}{2}$ бат., 6 ор. и 500 казаков⁷⁶, но и с этим слабым отрядом он смело двинулся навстречу Шамилю, и после горячего боя до самого вечера (у нас потери убитыми и ранеными были до 139 человек) Шамиль был вынужден отказаться от прямого направления и отойти в горы. Оттуда он выслал три отряда: первый — наиба Бакран-Алия для обложения укрепления Месель-дегер, другой — под начальством Даниель-Бека — в Белоканскую область и третий — ирибского наиба Казы-Магомеда — в долину Мукач⁷⁷.

Князь Орбелиани, успевший уже 28 августа притянуть к себе 1 бат. и 2 горн. ор. из Елисуйского ущелья и Шинский отряд из 3 рот и $\frac{1}{2}$ сотни, направил свои действия против отряженных Шамилем отрядов, ограничиваясь наблюдением за ним самим небольшими силами.

Между тем горцы 29 августа взяли Катех и Мацех, а 30 августа Даниель-Бек дошел до Белокан. Князь Орбелиани выступил против него из Закатал с 4 бат., 6 ор. и всей кавалерией, очистил Белоканский округ и в тот же день вернулся в Закаталы, сделав 70 верст в 18 часов.

1 сентября Даниель-Бек соединился с ирибским наибом Казы-Магомедом в Мухахском ущелье. В ночь на 2 сентября им сожжены ст. Муганлинская и Алмалинская, но быстрое прибытие туда князя Орбелиани вынудило их отступить.

3 сентября Шамиль перешел в Катехское ущелье, а вслед за ним двинулся князь Орбелиани с 5 бат. и 9 ор., но 4 сентября Шамиль свернул к крепости Месельдегер. Догнать его было невозможно из-за задержки на выступившей из берегов р. Катех-чай. Князь Орбелиани, перейдя ее только к вечеру, не мог идти далее на выручку Месельдегера, так как к нему вела лишь одна извилистая тропа, по которой пришлось бы под выстрелами горцев двигаться по одному человеку.

Слухи о намерениях Шамиля, как было уже выше упомянуто, еще в начале августа доходили до князя Аргутинского-Долгорукова, начальника войск Прикаспийского края.

27 августа слухи эти подтвердились, и князь Аргутинский решился отвлечь Шамиля от Лезгинской линии движением через горы в Джарскую область или же напасть на него, соединившись с князем Орбелиани⁷⁸.

Немедленно весь дагестанский отряд выступил с Турчидага, имея при себе продовольствия на 12 дней, и 28-го числа прибыл в Кумухское укрепление⁷⁹.

Князь Аргутинский, распуская слух о движении своем в Табасаран, направился через Хозрек и перевал Носдаг в Ихрякское ущелье. В Ихрякском ущелье к отряду присоединились из Лучека 2-й и 4-й батальоны гренадерского князя Варшавского полка и 4 единорога горной № 4 бат., 2 кон. и 5 пеш. сот. самурской милиции и 2 сот. кубинских нукеров.

Далее на запад путь лежал через два хребта и Дульти-Даг к сел. Кусур. От Ихрякского ущелья до Кусура 32 $\frac{1}{4}$ версты, но для их прохождения потребовалось трое суток.

30 августа отряд поднялся на Дульти-Даг, вечером окончил его переход и заночевал у подножия хребта. Движение далее становилось все труднее. Ночью на 1 сентября предстоял крутой подъем на Курти-Даг. Из-за дождей дорога размякла, был туман, шел снег. До 30 лошадей здесь сорвалось и погибло; орудия местами приходилось нести на руках. Переход через Кусурский хребет сделан в 22 часа. Лошади были до крайности изнурены, из-за непосильной работы при недостатке фуража — в горах рос лишь древовидный бурьян. Люди и на ночлеге не имели отдыха: на узкой тропе, где было невозможно развехаться, приходилось становиться на ночь, спать без костров, держа лошадей в поводу.

2 сентября отряд имел дневку у разоренного аула Кусур. Крутой спуск к нему с гор при метели и вьюге сильно задержал движение, и арьергард прибыл в Кусур только 3 сентября в 7 ч утра. Далее предстояло сделать еще 37 верст по Самуру на перевал Гудур-Даг. В Кусуре отряд разделился: 1) князь Аргутинский с 4 $\frac{1}{4}$ бат., 2 эск., 8 сот. и 6 ор.⁸⁰, имея продовольствия на 4 дня, двинулся далее и 2) полковник Рокуса с 3 $\frac{3}{4}$ бат., 8 сот. и 6 ор.⁸¹

Вид Одессы

должен был принять все лишнее из первого отряда и оставаться в резерве у Кусура.

4 сентября в 4 часа 30 мин утра отряд князя Аргутинского стал спускаться с крутого перевала по тяжелой дороге. Движение задерживалось, так как часто приходилось перевьючивать и подымать упавших лошадей. К 9 часам вечера князь Аргутинский прибыл с 1 батальоном в Динды (сделав 31 версту), т. е. был лишь в 6 верстах от Гонзагора, но весь отряд собрался туда лишь к полуночи с 5 на 6 сентября.

В это время положение горсти наших храбрецов в Месельдере было критическое⁸².

Весь гарнизон этого укрепления с незаконченными еще верками состоял под начальством подполковника Критского из двух рот Мингрельского егерского полка, команды саперов и мастеровых при 2 полевых орудиях.

В 12 часов дня 4 сентября началась осада горцами Месельдерского укрепления; но, несмотря на присутствие у них артиллерии, вреда гарнизону и укреплению нанесено не было.

На рассвете 5 сентября огонь по укреплению возобновился, и с двух часов дня горцы начали вести к нему подступы, прикрываясь хворостом и камнями.

Между тем гарнизон, израсходовавший еще к 4 сентября все продовольствие, страдал от голода и жажды, так как он был отрезан нападающими от родника. Патронов и зарядов также оставалось мало.

В ночь на 6 сентября подступы горцев еще ближе подошли к укреплению, а под утро стороны разделялись лишь пространством в 6 сажень.

К счастью для гарнизона, в этот день выпал дождь, удалось набрать воды, утолить нестерпимую жажду. В полдень среди горцев было заметно приготовление к штурму. Гарнизон поклялся лечь до единого, не сдавая крепости.

К вечеру началась усиленная бомбардировка Месельдегера; за бедностью в снарядах и порохе на нее не приходилось отвечать. Гарнизон стоял в ружье. В 8 часов вечера начался штурм со всех сторон, но горцы были встречены батальным огнем, картечью и штыками. Штурм был отбит. Осажденные ждали нового приступа, но с рассветом 7 сентября увидели, что неприятель неожиданно исчез. Штурм был лишь последней отчаянной попыткой Шамиля, знавшего уже о появлении у него в тылу свежего отряда князя Аргутинского. Попытка не удалась, и он быстро отступил через Джумрут в горы.

Потеря Месельдегерского гарнизона за время осады составляла лишь 4 нижних чина убитыми и 1 офицера и 19 нижних чинов ранеными.

«Не осуществились предприятия Шамиля возмутить край Джаро-Белоканского округа и наши мусульманские провинции, — говорил в своем приказе по войскам князь Воронцов. — Он во всех делах с нашими войсками разбит и бежал постыдно в горы, понес значительную потерю от рук наших молодецких войск. Он взял в то же время на свою совесть еще другую потерю: конечное истребление большого числа несчастных горцев, силой завлеченных за собой при следовании по покрытым снегом горам, в то время когда там существуют сильные холода и выюги.

Честь и слава храбрым войскам Лезгинского отряда, неустрашимому гарнизону Месельдегерского укрепления и Дагестанскому отряду, увенчавшему уничтожение замыслов Шамиля скорым приходом на помощь товарищам через такие места и в такое время, что поход сей, по справедливости, должно считать *историческим и почти*⁸³ *беспримерным*».

Бегство Шамиля было так быстро, что нельзя было и думать о его преследовании в горы, и оба отряда наши вернулись в Закаталы. Три батальона было оставлено для работ в Месельдегере.

Князь Воронцов придавал большое значение этой победе над Шамилем. Едва ли до конца года можно было ожидать новых наступательных действий с этой стороны, тем более что среди мусульманского населения наших областей поражение имама должно было подорвать значительно его престиж. И действительно, при первых же его неудачах часть населения добровольно присоединилась к князю Орбелиани при его экспедиции в Белоканский округ против Даниель-Бека и в Чардали — против Кози-Магомета.

Эти успехи дали возможность также выделить от князя Орбелиани 1 батальон, от князя Аргутинского 2 батальона и 2 эскадрона и

по одному батальону из Владикавказского округа и с левого фланга, чтобы усилить таким образом действующий корпус у Александрополя.

Дагестанский отряд, отдохнув в Закаталах, выступил обратно через Шинское ущелье и Салавам в Борче. Здесь было получено известие о намерении Шамиля вторгнуться из Ириба в Козы-Кумухское ханство. Поэтому из Борча 1-й и 2-й батальоны князя Варшавского полка были направлены в Кусары для дальнейшего следования в Тифлис, а 3-й и 4-й батальоны в составе Дагестанского отряда — через Рутул и Лучек, Ихрякское ущелье, Носдаг-Хозрек в Кумух, куда были вперед высланы 2 сотни казикумухской милиции.

17 сентября у подошвы Носдага было получено донесение о роспуске Шамилем своих сил и о прибытии его в Веден.

Во время отсутствия в Дагестане князя Аргутинского там все оставалось спокойно; были лишь мелкие нападения хищников. Спокойствие это не нарушалось до конца года.

Посольство князя Меншикова в Константинополь вызвало распоряжение о спешной боевой подготовке Черноморского флота на случай быстрого выхода в море. 27 февраля, в пятницу на масленой неделе, в Севастополе был получен приказ о немедленном вооружении всех военных и транспортных судов. Работа закипела на следующий же день, и через две недели на Севастопольском рейде красовался Черноморский флот в полной боевой готовности⁸⁴. 28 марта генерал-адъютант Корнилов лично убедился, что флот был «готов ко всяким событиям»⁸⁵. Примерный порядок, писал по этому поводу великий князь Константин Николаевич⁸⁶, в котором находилась портовая часть еще со времени управления флотом адмирала Лазарева, дал нам возможность вооружить на Черном море сильный и отлично снабженный флот. Даже слабейшая его часть, пароходы, была достаточно сильна для противодействия паровому флоту турок, успехи которого, благодаря руководству английских офицеров, были значительны и озачивали наших адмиралов⁸⁷.

В начале мая 4-я и 5-я дивизии в составе 12 кораблей, 6 фрегатов и мелких судов стояли на Севастопольском рейде, имея провизии на 4 месяца и запасов на 6 месяцев. В течение лета флот этот увеличился еще двумя боевыми товарищами, 120-пушечным кораблем «Великий князь Константин» и 84-пушечным кораблем «Императрица Мария».

С мая началась тяжелая боевая служба Черноморского флота, непрерывно продолжавшаяся до Синопского сражения включительно. Трудно представить себе, чтобы когда-либо приходилось

полному сил и рвения флоту действовать в такой неблагоприятной обстановке, в какую были поставлены наши черноморцы в 1853 году.

Чтобы должны образом оценить заслуги наших моряков и безошибочно судить об их действиях, надо вспомнить, что они все время находились, так сказать, под дулами пушек тайных союзников Порты, открыто и безнаказанно выказывавших далеко не платоническое сочувствие к нашим противникам. «Человек военный и в особенности моря, — пишет по этому поводу Шестаков⁸⁸, — придаст этим исключительным обстоятельствам должную важность. Все, делающееся в море, требует быстроты и решительности. Составив заблаговременно план, не должно колебаться в исполнении его. Одна только неодолимая сила природы может изменить начертанное. Одни только прихоти этой силы, то враждебной, то союзной, уже побуждают моряка ко всегдашней умственной бдительности... Спокойствие нравственное, даже при совершенном знании дела, здесь необходимо. Каково же должно быть душевное состояние человека, обреченного в подобном случае силой обстоятельств на неуверенность и сомнения, неясно видящего черту, разграждающую наблюдательность от неприязненности, не знающего, продолжается ли мир или объявлена война, находящегося в какой-то душной, сжимающей сердце среде, чуждой его привычкам и наклонностям».

Как только после своего неудачного посольства князь Меншиков выехал из Константинополя, решено было учредить в Черном море крейсерство для наблюдения за турецкими и иностранными судами на случай выхода их из Босфора. Крейсерство это имело исключительно характер охранительный; единственная его цель заключалась в предупреждении нашего флота о враждебных намерениях турок и покровительствовавших им западных держав, так как война не была объявлена и дела могли быть еще улажены желаемым государем императором миролюбивым образом⁸⁹.

При этом крейсерам разрешалось прибегать к крайним средствам лишь в самых неизбежных обстоятельствах.

Весь Черноморский флот был разделен для этой цели на три части. Около половины его⁹⁰ оставалось в полной готовности на Севастопольском рейде, а остальные суда были распределены для крейсирования по Черному морю. В зависимости от целей действий, которые могли преследовать неприятельские эскадры, т. е. нападение на Крым и европейские берега или же на Кавказское побережье, крейсирующие отряды были разделены на две части: западную и восточную. Для наблюдения за западной частью моря назначалась первая практическая эскадра под начальством вице-адмирала Нахимова⁹¹; для наблюдения же за Кавказским побережьем — отряд судов, постоянно крейсировавших у восточных берегов Черного моря⁹².

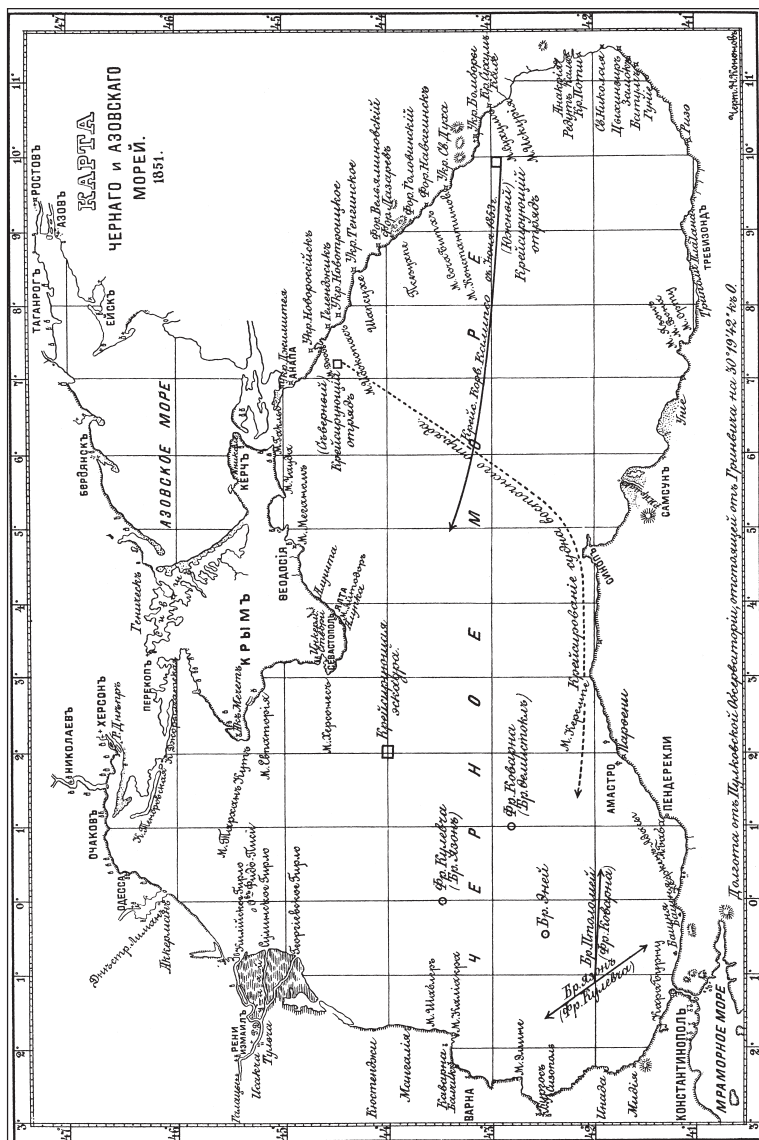

Схема № 10

Вице-адмиралу Нахимову⁹³ было предложено держать свою эскадру сосредоточенно примерно у пересечения параллели 44° с меридианом 2° к востоку⁹⁴ (в половине июня, когда эскадра ушла к Севастополю, здесь остался корвет «Андромаха»), а для наблюдения за Босфором выдвинуть ряд мелких судов. Ближайшее к Босфору судно (сначала бриг «Язон», а потом фрегат «Кулевчи») должно было крейсировать от пересечения параллели $42^{\circ} 30'$ с меридианом $1^{\circ} 40'$ долготы к западу до пересечения параллели $41^{\circ} 30'$ с меридианом $0^{\circ} 40'$ долготы к западу⁹⁵. Другое судно (сначала бриг «Птоломей», а потом фрегат «Коварна») должно было держаться между пересечением параллели 42° с меридианом входа в Босфор вдоль этой параллели до долготы $0^{\circ} 20'$ к востоку. Обоим этим судам предписывалось стараться приходить на вид один другого на меридиане входа в Босфор, не приближаясь, однако, к берегам настолько, чтобы быть оттуда видимыми. Третье судно (бриг «Эней») должно было держаться в широте $42^{\circ} 30'$ и долготе $0^{\circ} 30'$ к западу.

Для связи между этими судами и крейсирующей эскадрой и для наблюдения за движением неприятельской эскадры, если она войдет в Черное море, назначались два фрегата: «Коварна» (впоследствии бриг «Язон»), который должен был крейсировать около пересечения параллели $42^{\circ} 50'$ с меридианом 1° к востоку, и «Кулевчи» (впоследствии бриг «Фемистокль») — у пересечения параллели $43^{\circ} 30'$ с меридианом 0° ⁹⁵.

Для того чтобы следить за движением неприятельских судов вдоль Анатолийского к Кавказским берегам, крейсировавший у этих берегов отряд наших судов должен был высылать крейсера к Синопу, откуда быть в сообщении с судами, крейсировавшими между Босфором и Севастополем⁹⁶.

Такое распределение судов Черноморского флота давало возможность следить за выходом неприятеля из Босфора и своевременно сосредоточивать большую часть наших судов для активных действий против них в любом направлении.

Вплоть до окончательного разрыва с Турцией крейсерство носило мирный характер, хотя и требовало напряженной деятельности флота.

«Наблюдая за Босфором, — пишет один из современников⁹⁷, — эскадра крейсеров съела последний сухарь, тратя воду по порциям, пируя на одной солонине, сторожа денно и ночью неприятелей, не сбросивших еще личины, приготовляясь к должному приему их упражнениями боевыми, под зноем летнего черноморского солнца».

Турецкие и английские суда выходили иногда из Босфора, производили артиллерийское учение, выбирая своей целью наш ближайший крейсер, который отвечал им тем же, и этим дело кончалось⁹⁸. Впрочем, такое появление турецких судов заставило князя

Меншикова выдвинуть в первую линию крейсеров фрегаты, отодвинув на их место, во вторую линию, бриги⁹⁹. 29 июня первая практическая эскадра вошла на рейд и была в крейсерстве заменена второй эскадрой под флагом контр-адмирала Новосильского. В конце июля обе эскадры соединились на Севастопольском рейде, оставив в море одни крейсера.

В течение всего лета наш флот под опытным руководством Корнилова и Нахимова производил ряд учений и маневров, которые, бесспорно, послужили отличной подготовкой для предстоящих в течение бурной осени боевых действий Черноморского флота¹⁰⁰.

В начале июня в Севастополе было получено известие о враждебных намерениях кавказских горцев, что немедленно вызвало с нашей стороны усиление крейсировавших у восточного берега Черного моря судов. Вместо крейсировавшего там обыкновенно одного отряда приказано было сформировать два — северный и южный¹⁰¹.

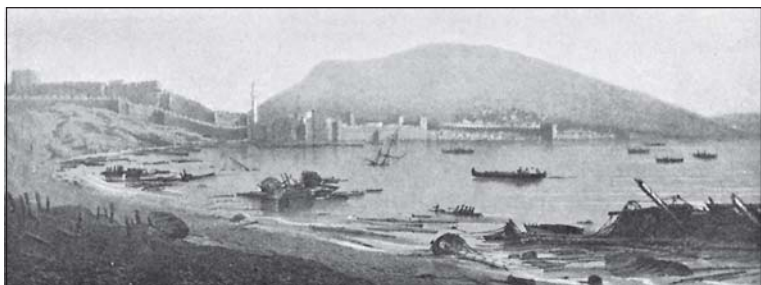
Суда, прежде крейсировавшие, составили северный отряд, который имел центром соединения Новороссийск и должен был оберегать северную половину побережья; для наблюдения же за южной половиной побережья был сформирован в Севастополе новый южный отряд судов под флагом контр-адмирала Сеницына¹⁰², которому предписывалось иметь пунктом соединения Сухум-Кале и один корвет («Калипсо»), крейсирующий на меридиане Синопа для связи с босфорскими крейсерами¹⁰³.

Оба крейсировавших отряда подчинялись начальнику береговой линии вице-адмиралу Серебрякову, который должен был указать места, подлежащие более бдительной охране, а также определить, действовать ли отрядам независимо или же быть им обоим в распоряжении старшего флагмана.

7 сентября князь Меншиков сделал ввиду приближения времени равноденствующих бурь распоряжение об уменьшении числа крейсирующих судов¹⁰⁴.

Между тем политический горизонт все более и более омрачался, и с конца августа в Петербурге начали опасаться со стороны Турции открытия враждебных против нас действий. Особенно опасным казалось наше положение на Кавказе как по недостаточности там войск, могущих быть употребленными для активных против турок действий, так и потому, что наступление турецкой армии скорее можно было ожидать на азиатском, чем на европейском театре военных действий.

В это время война еще не была объявлена, но все говорило о скором открытии турками боевых операций. Большие сборы войск на нашей азиатской границе, сбор редифа, участвовавшие, притом в более значительных, чем прежде, партиях, грабежи на нашей

Общий вид Синопа

границе — все это заставило князя Воронцова¹⁰⁵ просить о скорейшей присылке 13-й пехотной дивизии, так как иначе нельзя было быть уверенным в успехе даже оборонительной войны¹⁰⁶.

4 сентября военный министр сообщил князю Меншикову окончательное решение государя немедленно приступить к перевозке этой дивизии в Сухум-Кале, а для смены ее одновременно перевезти из Одессы в Севастополь одну бригаду 14-й пехотной дивизии.

Вместе с тем военный министр передал это решение и князю Воронцову с просьбой озаботиться приготовлением необходимых для следования обоза от места высадки лошадей и вообще сделать все распоряжения по беспрепятственному движению дивизии к ее сборным пунктам.

Государь, опасаясь невозможности перевезти всю дивизию в один рейс, соглашался разбить перевозку на два рейса: в 1-й — 3 полка и 2 батареи, во 2-й — 4-й полк, или же в первый рейс — бригада с 2 батареями, во 2-й — вторая бригада.

Во всяком случае каждая часть должна была иметь при себе весь обоз, трехнедельный запас сухарей сверх десятидневного провианта, и, кроме того, из Севастополя и Одессы должен был быть погружен запас овса около 2000 четвертей.

Принимая во внимание, что в обозе не имелось офицерских повозок, следовало нанять на каждый полк у пункта высадки для перевозки офицерских вещей по 16 арб.

Если бы высадка у Сухума затруднилась неблагоприятной погодой, то ее решено произвести или у Бомбор, или у Анакрии¹⁰⁷.

Таким образом, вся тяжесть быстрой перевозки этой массы войск ложилась на Черноморский флот и притом при обстоятельствах, самых невыгодных. Ежеминутное ожидание разрыва с Портой Оттоманской, бушующее во время равноденствий Черное море и негостеприимный восточный берег его с почти полным отсутствием удобных пунктов для высадки, а также необходимость следить за появлением в Черном море враждебных флотов делали

эту операцию весьма опасной. Необходимо было произвести ее возможно скрытно и скоро, и здесь-то впервые на практике выказалась блестящая подготовка личного состава нашего Черноморского флота.

Его положение было тем более затруднительно, что в это время все малые транспорты были заняты в Азовском море, а большие транспорты никоим образом не могли поднять лошадей целой дивизии¹⁰⁸. Решено было поэтому привлечь к перевозке и боевые суда флота.

13 сентября дошло до Севастополя высочайшее повеление о перевозке войск; 16-го к вечеру нагрузка была уже окончена, а 17-го утром флот с десантным отрядом в 16 393 человека, 824 лошади, со всеми обозами, госпиталями, тридцатидневным запасом продовольствия и материальной частью двух батарей вышел под флагом вице-адмирала Нахимова в море. Всего для перевозки 13-й дивизии было употреблено 12 кораблей, 2 фрегата, 2 корвета, 7 пароходов и 11 транспортов¹⁰⁹. 120-пушечные корабли помещали на себя до 1500 человек десанта, 84-пушечные — до 1000 человек, большие транспорты — по 120 лошадей и самые малые — по 40. Войска были в полной походной форме и имели при себе десятидневный запас провианта, независимо от судового довольствия¹¹⁰. Все распоряжения по высадке и избрание для нее места были возложены на генерал-адъютанта Корнилова.

С вечера 16 сентября установился свежий противный юго-западный ветер; нетерпеливо, с сомнением и надеждой ожидали в Севастополе наступающего утра. С рассветом небо очистилось, и ветер переменился в способный, северный, но, однако, все еще было очень свежо. По сигналу с «Великого князя Константина» эскадра снялась с якоря и все 38 выпелов величественно тронулись в море; 34 пошли к берегам Кавказа, а 4 — под начальством капитана 1-го ранга Варницкого — в Одессу за частями 14-й дивизии¹¹¹.

Встреченные при выходе с рейда сильной юго-западной зыбью и имея довольно свежий ветер, оба отряда Кавказской эскадры, т. е. транспорты, конвоируемые пароходами, и корабли, следовали в некотором отдалении один от другого. Около полудня ветер начал стихать, хотя размашистая боковая качка продолжалась целый день, а к вечеру отряд пароходов, буксировавших транспорты, ушел совсем из вида отставших по маловетрию кораблей.

Первоначальным местом высадки был назначен Сухум-Кале, пункт наиболее удобный по некоторой его закрытости для стояния на якоре мелких судов, но не представляющий тех же выгод для многочисленных судов большого ранга, и Корнилов предпочитал в этом отношении рейды Бомборский или Редутский, хотя совершенно открытые и особенно опасные в осеннее время года, но доступные для большого флота, которому всегда выгодно как

можно скорее освободиться от перевозимого десанта. Поэтому решено было произвести выгрузку лошадей в Сухум-Кале, а тяжестей и людей в Анакрии, близ Редут-Кале¹¹².

Пункт этот был очень выгоден по близости к Редут-Кале, от которого идет дорога на Тифлис. Высадкой у Анакрии устранялась необходимость перехода войсками многочисленных речек и ручьев, впадающих в море между Сухумом и Редут-Кале.

В час пополудни 19 сентября пароход «Владимир», имевший на буксире транспорт «Рион», бросил якорь на Сухумском рейде и приступил к выгрузке лошадей. Вслед за ним стали подходить остальные пароходы и транспорты, и к утру 21-го числа операция по выгрузке лошадей была окончена. Транспорты, по мере освобождения от груза, были отправляемы к Анакрии для своза артиллерии и остальных тяжестей.

Между тем корабельный флот, задержанный тихим ветром, находился в море до 23 сентября, когда, отчасти при помощи пароходов, а отчасти и благодаря возобновившемуся легкому попутному ветру, начал подходить к Анакрии. 24-го на рассвете весь парусный флот собрался на этом рейде, и к 4 ч дня десант был высажен на берег при полном штиле. «Жители окрестных мест, — занес в свой дневник один из очевидцев высадки, — говорят, что не запомнят такой погоды на открытом рейде Анакрии, и одни с ужасом, а другие с самодовольством смотрели на этот огромный флот, гордо приближавшийся к берегам в такое бурное время года. Сам Аллах помогает русским, говорили озлобленные черкесы».

5 октября весь Черноморский флот вновь собрался на Севастопольском рейде¹¹³.

По поводу одного только предположения совершить эту, столь блестяще выполненную, перевозку князь Меншиков писал князю Горчакову: «On me demande de transporter à la fois à Soukhoum-Kalé les 16 bataillons de la 13-me division, avec son artillerie, tout son charroi et 1660 chevaux avec un approvisionnement de 26 jours en fourrages pour les marches en Géorgie, non compris 2000 sacs d'avoine, et d'embarquer simultanément à Odesa pour Sévastopol une brigade de la 14 division avec 2 batteries d'artillerie. Tout cela à l'époque de l'équinoxe d'automne. Je ne vous ferai pas de commentaire sur cette armée moderne, mais vous sentirez combien les écritures oisives doivent me peser et je n'ai pour toute chancellerie qu'un sous-officier copiste».

В черновике этого письма были еще зачеркнуты следующие строки: «Je suis obligé de tuer mon temps en circulaires pour prouver l'importunité et l'impossibilité de la chose»¹¹⁴.

Не его энергией был подвинут флот на этот подвиг, а непреклонной волей государя, ясно понимавшего то критическое положение, в котором находился Кавказ.

Император Николай был очень обрадован быстрым и удачным окончанием перевозки войск, причем все главные руководители операции, начиная с князя А. С. Меншикова, удостоились особых наград¹⁵.

В ожидании обоза и лошадей¹⁶, высаженных в Сухуме и следовавших оттуда сухим путем под прикрытием 3-го батальона Литовского егерского полка и 1 ¹/₂ батальона Белостокского полка на Редут-Кале, 13-я дивизия оставалась лагерем на морском берегу, по левую сторону р. Ингура, до 29 сентября, когда с места тронулся головной эшелон.

1-я бригада должна была следовать на Тифлис, а 2-я — в Кутаис, Сурам и Ахалцых.

Князем Воронцовым заранее были приняты меры к возможно удобному следованию войск. По всему пути выставлялись обывательские арбы для облегчения полковых обозов, а значительная часть груза была перевезена из Анакрии до Редут-Кале морем в наемных мингрельских каюках.

Благодаря принятым мерам в 13-й пехотной дивизии, несмотря на непривычный климат и трудности пути, было мало заболеваний, и в Редут-Кале в госпиталь поступило лишь 50 человек больных; приходилось только бороться с завезенной из Севастополя эпидемической болезнью глаз, которую, впрочем, также удалось скоро приостановить.

Вместе с 13-й пехотной дивизией должны были быть перевезены из Севастополя и Одессы и запасы продовольствия и фуража.

В первый рейс, действительно, было перевезено: сухарей — 2053 чтв., мяса — 811 ¹/₄ пуда, овса — 759 чтв. и соли — 300 пудов. Во второй рейс предполагалось перевезти еще: сухарей — 796 чтв., крупы — 550 чтв., вина — 400 ведер, соли — 75 пудов.

Но командированный для встречи 13-й пехотной дивизии подполковник Кузьмин донес начальнику дивизии, что перевезенных уже запасов достаточно, так как по пути следования войск они могут снабжаться из магазинов, а на винные порции войскам будут отпускаться деньги. Ввиду же того, что прибытие второго рейса могло состояться лишь по выступлении 13-й дивизии от пунктов высадки, было сделано распоряжение о приостановке дальнейшей перевозки этих запасов¹⁷.

Примечания

¹ Кавказ в течение 25-летнего царствования императора Александра II (рукоп.). Собств. Его Велич. библиот. Рукоп. отд. императора Александра II, № 200.

² Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 4249. С. 12—30. Архив Воен. мин., д. 1853 г., № 3254. С. 32. Воен. отч. воен. мин. 1853 г.

³ 1 бриг. 19 див. 1 бат., Ставропольского п. 5 бат., Кубанского п. 3 бат., 1 пеш. каз. бат., 3 $\frac{1}{2}$ лин. бат. (2, 3, 4, 2 роты 5-го бат.).

⁴ 1 бриг. 19 див. $\frac{1}{2}$ бат., Кубанского п. 2 бат., Кавказского лин. № 63 бат.

⁵ 1 бриг. 19 п. див. 5 бат., Эриванского Караб. наследника цесаревича п. 1 бат.

⁶ 1 бриг. 19 п. див. 6 бат., Эриванского Караб. наследника цесаревича п. 1 бат., Кавказского лин. № 7 и № 8 бат., 1 взв. Кавказского сапер. бат.

⁷ 1 бриг. 19 п. див. 1 $\frac{1}{2}$ бат., 2 бриг. 20 п. див. 10 бат., Кавказской лин. № 9, 10, 11 и 12 бат.

⁸ 1 бриг. 20 и 1 бриг. 21 пех. див., 1 рота Кавказского стрелк. бат., команда саперов.

⁹ Гренадерского великого князя Константина Николаевича 2 бат., Эрив. наследника цесаревича 1 бат., Тифлисского егер. 3 бат., Мингрельского егер. 2 бат., команда Кавказск. стрелк. бат. и команда саперн. бат.

¹⁰ Мингрельского егер. п. 2 роты и Кавказского саперн. бат. 1 рота.

¹¹ 1 бриг. 19 п. див. $\frac{1}{2}$ бат., Мингрельского егер. п. 1 бат., Тифлисского егер. $\frac{1}{2}$ бат.

¹² 2 роты Тифлисского егер., 1 рота Мингрельского егер., 2 роты 1 бриг. 19 п. див., 2 роты 3 резерв. саперн. бат.

¹³ Гренадерского великого князя Константина Николаевича, Эриванского наследника цесаревича, Тифлисского и Мингрельского егер. полков.

¹⁴ Переписка князя Воронцова с князем Меншиковым. Архив Кавказ. воен. окр.

¹⁵ Рапорт от 13 февраля 1853 г., № 89.

¹⁶ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 6565. С. 18.

¹⁷ Архив Кавказского воен. окр., секр. д. Ген. шт., 1853 г., № 11, кн. 1.

¹⁸ Рапорт Воен. мин. 13 февраля № 89 и ответ князя Воронцова 28 февраля № 4. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 6564.

¹⁹ Черноморский № 12 и Грузинские № 2, 3 и 4.

²⁰ 1. Из гренадер Бриг. 4 $\frac{1}{2}$ бат., в том числе 1 бат. Эриванского к. и. в. наследника цесаревича полка с Кавказской лин. и 2 бат. с Лезгинской. Остальные 3 $\frac{1}{2}$ бат. этой бригады назначались для караульной службы в Тифлисе, Манглисе, Белом Ключе и Гори. Вместо 2 бат. этой бригады на Лезгинскую линию предназначалось 2 роты Мингрельского егерского полка с работ на военной Ахтласской дороге и 1 рота из штаб-квартиры этого полка гренадер.

2. 1 $\frac{1}{2}$ батальона Мингрельского и Тифлисского егерск. полка с работ на Военно-Грузинской дороге.

3. 3 роты тех же полков с работ южн. Имеретинской, Осетинской и Эриванской дорог.

4. 2 роты Кавказского саперн. бат. (в том числе 1 рота с работ на Военно-Ахтинской дороге).

5. 1 рота Кавказского стрелк. бат. из Гамбор.

6. 600 казаков с внутренних постов и из полковых штабов.

7. 20 горных и легких орудий из ближайших батарей. Всего же 7 $\frac{1}{2}$ бат., 600 казак. и 20 орудий.

²¹ Записка начальника штаба отд. Кавказского корпуса Архив шт. Кавказ. воен. окр., 2 отд. Ген. шт., 1853 г., секр. д. № 11, кн. 1.

²² 1 бат. Эриванского п. из Владикавказа; 1 бат. гренад. великого князя Константина Николаевича п. с Лезгинской линии; по 2 роты тех же полков из Манглиса и Белого Ключа; 1 $\frac{1}{4}$ бат. Мингрел. егер. п. с работ на Военно-Грузинской и Эриванской дорогах; 3 рота Тифлисского егер. п. с Военно-Грузинской и Осетинской дорог; 1 р. Кавказского саперн. бат. из Тифлиса; 1 рота Кавказского стрелк. бат. из Гомбор; 2 роты Грузинской линии № 1 бат. из Кутаиса; 6 горн. и 8 легк. ор.; 3 сот. Кавказской линии войска и 1 сборн. Донская сотня.

²³ Предписание князю Гагарину от 2 июля 1853 г. № 31 и отношение главнокомандующего военному министру 30 июня 1853 г. № 30. Архив шт. Кавказский воен. окр., 2 отд. Ген. шт., 1853 г., секр. д. № 11, кн. 1.

²⁴ 1 бат. Мингрельского егер. п.; 1 рота Тифлисского егер. п.; 1 сб. сот. Дагестанского каз. п.; 2 сот. милиции.

²⁵ 1 бат. Эриванского п.; 1 рота Кавказского саперн. бат.; 3 сот. лин. каз. и 3 сот. милиции.

²⁶ Тифлисского егер. п.

²⁷ 2 рота Эрив. п., 6 рота гренадер великого князя Константина Николаевича п. и 1 рота Мингрельского егер. п.

²⁸ Архив шт. Кавказ. воен. окр., 2-й отд. Ген. шт., 1853 г., д. № 11, кн. 1. Военный министр — кн. Воронцову 29 августа 1853 г., № 985.

²⁹ Там же. Военный министр — князю Воронцову 18 июля 1853 г., № 930.

³⁰ Архив канц. Воен. мин., секр. д. № 72, 1853 г. Письмо кн. Воронцова — кн. Меншикову 26 августа 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 6564. Военный министр — начальнику Гл. морск. шт., № 979 и 259. Отношение военного министра — командующему 4-го и 5-го п. корп. 29 августа, № 984.

³¹ Отношение военного министра начальнику Гл. морск. шт. 29 августа 1853 г., № 979. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., 2-го отд., д. 6564.

³² Архив воен. уч. ком. Гл. шт., 2-го отд., д. 6565. Доклады канц. Воен. мин., сентябрь 1853 г.

³³ Рапорт Александровского коменданта — Эриванскому военному губернатору 19 июля 1853 г., № 244. Архив шт. Кавказ. воен. окр. Ген. шт., отд. 2, 1853 г., д. № 11, кн. 1.

³⁴ Рапорт князя Бебутова князю Воронцову 1 сентября 1853 г., № 16. Архив шт. Кавказ. воен. окр. Ген. шт., действ. корп., 1853 г., д. № 2, ч. 1.

³⁵ Письмо адмирала Серебрякова князю Воронцову 24 сентября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 6562. Письмо князя Воронцова военному министру 5 октября 1853 г.

³⁶ Рапорт начальника Черном. берег. линии 17 мая, № 89. Архив Кавк. воен. окр., 1 отд. Ген. шт., д. 11, кн. 1.

³⁷ Письмо полк. Колюбакина к ген. Вольфу от 7 июня. Архив Кавказ. воен. окр., 1 отд. Ген. шт., д. № 10.

³⁸ Архив шт. Кавк. воен. окр. Ген. шт., 1853 г., д. № 3. Письмо Магомет-Амина к французскому посланнику в Турции.

³⁹ Начальник III отделения береговой линии.

⁴⁰ Полковник Колюбакин — генералу Вольфу 7 июня 1853 г. Архив шт. Кавказ. воен. окр., отд. 2 Ген. шт., 1853 г., секр. д. № 10.

⁴¹ Приложение к письму адмирала Серебрякова от 24 мая 1853 г., № 74.

⁴² Письмо князя Шервашидзе генералу Вольфу от 7 июня 1853 г. Архив Кавказ. воен. окр., 2-й отд. Ген. шт., д. № 10.

⁴³ Предписание и. д. начальника Гл. шт. полковнику Колубакину 16 июня, № 17. Архив Кавказ. воен. окр., 6-й отд. дежурства, № 216.

⁴⁴ Архив Кавказ. воен. окр., 2-й отд. Ген. шт., секр. д. № 11, кн. 3. Отношение дежур. корп. штаба и д. обер-квартирм. Отд. Кавказ. корп. От 26 сентября, № 3292.

⁴⁵ Письмо князя Долгорукова князю Меншикову 17 октября 1853 г. Воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 4254. Рапорт генерала Бриммера князю Барятинскому 25 августа, № 2259. Архив Кавказ. воен. окр. шт. действ. корп. по Ген. шт., № 5.

⁴⁶ Генерал Бриммер — князю Барятинскому 25 августа 1853 г., № 2259. Архив шт. Кавказ. воен. окр., действ. корп. по Ген. шт., 1853 г., д. № 5.

⁴⁷ Рапорт генерал-лейтенанта Бриммера инспектору всей артил. 31 августа, № 2336. Архив Кавказ. воен. окр., шт. действ. корп. по Ген. шт., № 5.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Предписание главнокомандующего командиру Кавказ. сап. бат. 6 октября 1853 г., № 3320. Рапорт военного министра главнокомандующему 28 августа, № 981. Рапорт капитана фон Кауфмана князю Барятинскому 14 ноября, № 32. Архив Кавказ. воен. окр., шт. действ. корп. по Ген. шт., по инж. части, № 6.

⁵⁰ Рапорт капитана Кауфмана князю Барятинскому 14 ноября 1853 г., № 32.

⁵¹ Отношение 4-го отд. деж. шт. и. д. обер-квартирм. 26 сентября, № 3292, и предписание главнокомандующего — ген. интенданту 25 августа, № 6. Архив Кавказ. воен. окр., деж. шт. действ. корп., 1853 г., № 105.

⁵² Там же. 2-го отд. Ген. шт., д. № 11, кн. 1. Рапорт военного министра главнокомандующему 14 июня, № 876.

⁵³ Рапорт военного министра главнокомандующему 14 июня, № 876. Архив Кавказ. воен. окр., 2-го отд. Ген. шт., секр. д. № 11, кн. 1.

⁵⁴ Рапорт корп. интенданта — главнокомандующему 5 октября, д. № 5536. Там же. 6-го отд. дежур. шт. отд. Кавказ. корп., д. № 221, ч. 1.

⁵⁵ Доклад. Канц. Воен. мин., сентябрь 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 6565.

⁵⁶ Рапорт военного министра 4 октября 1853 г., № 1061 и отн. князя Воронцова от 30 октября 1853 г., № 652. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 6565.

⁵⁷ Курсив подлинника.

⁵⁸ Дипл. канц. нам. и. д. нач. Гл. шт. войск на Кавказе 5 февраля 1853 г., № 193. Архив шт. Кавказ. воен. окр., 2-й отд. Ген. шт., 1853 г., д. № 11, кн. 1.

⁵⁹ Здесь мы приводим сведение о силе Анатолийской армии по тем данным, которые имелись в нашей главной квартире и которые легли в основу наших предположений о плане военных действий. Впоследствии, при описании хода кампании, мы в отношении величины турецкой армии внесем изменения соответственно со сведениями, имеющимися в документах, которые хранятся в Парижском военном архиве.

⁶⁰ Записка, приложенная к письму князя Воронцова 26 августа 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, д. № 218, 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 6562.

⁶¹ Сведения о турецких силах на нашей кавказской границе. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 72. Рапорт консула Яба к Озерову из Эрзерума 4 июля, 8 августа и 12 сентября 1853 г. Архив Мин. иностр. дел. Рапорт консула Guidici консулу Dendripino от 30 августа 1853 г. Архив Мин. иностр. дел.

⁶² Рапорт нач. Черном. берег. линии, 12 мая 1853 г. и 1 февраля, № 103. Рапорт команд. войск. на Кавказ. линии 23 февраля, № 388. Там же, дело № 3. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., журнал воен. действ., 1853 г., д. № 5.

⁶³ Письмо Хана-Оглу государю 18 июня 1859 г. и прошение его князю Барятинскому 17 декабря 1859 г. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁶⁴ Черномор. лин. № 13 и 14 бат., 3 р. Черномор. лин. № 4 бат., 1 рота греческой Балаклавской бат., 1-й сводный бат. из 1 роты Черномор. лин. № 1 бат., 2 р. № 3 бат., 1 рота № 15 бат., 2-й сводный бат. из 1 роты Черномор. лин. № 3 бат., 1 роты № 16 бат., 1 роты матросов, 3-й сводный бат. из 1 р. Черномор. лин. № 5 бат., 1 роты № 7 бат., 2 роты № 15 бат., 1 сот. Донского каз. № 29 п., Апоклиийский горский полуэскадрон.

⁶⁵ 4 бат. Тенгинского п., 1 и 2 бат. и 2 роты 3 бат. Ставроп. п., 1 бат. и 1 роты 4 бат. Кубанск. егер. п., 1 р. лин. № 1 бат., 2 сот. Донского каз. № 15 п., 2 сот. Донского. каз № 31 п., 8 сот. Кавказ. бриг., 2 сот. Лабинской бриг., 8 сот. Кубанской бриг. и 2 сот. Ставропольской бриг., 2 ор. легк. № 2 бат., 6 ор. легк. № 3 бат., 4 ор. Кавказской каз. № 13 бат., 2 ор. Кавказской каз. № 14 бат., 120 чел. милиции.

⁶⁶ Отношение Воен. мин. от 7 марта 1853 г. и ответ князя Воронцова от 20 марта, за № 11. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., 1853 г., о воен. происш., д. № 3.

⁶⁷ Донесение начальника Владикавказского окр. о воен. происш. В 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., 1853 г. д. № 13.

⁶⁸ 3 рота 2-го бат. Эриванского п., 2 рота 2-го бат. Тенгинского п., 3 рота 2-го бат. Кубанского егер. п. и 1 рота Кавказского лин. № 4 бат., 5 сот. каз. и 4 ор.

⁶⁹ 13-я мушкет. рота Тенгинского и 5-я грен. рота Навагинского полков.

⁷⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 9, 1853 г., по донес. нач. Чеченск. отр. о воен. происш. Рапорты военному министру 9 января, № 52, 21 февраля, № 420.

⁷¹ 1 и 3 бат. Тенгинского п., 1 и 4 бат. Навагинского п., 2, 3 и 4 бат. егер. князя Воронцова п., 1 свод. лин. бат., ком. 3 резерв. саперн. и Кавказский стрелк. бат., 3 сот. лин. каз. в., 1 сот. Моздокского каз. п., 1 сот. Гребенского каз. п., 1 сот. Грозненского каз. п., 1 сот. Чегенск. мил., по 1 див. бат. № 3, 21 арт. бр. и № 5, 26 арт. бр.; 1 див. легк. № 5 бат., 20 артил. бр.; 2 взв. № 4 бат. 20 арт. бр.; 1 взв. дон. каз. № 7 бат., 6 ор. к. каз. № 15 бат., 10 зар. ящ. подв. запасн. парка 19 ар. бр.

⁷² 3-й и 4-й бат. Апшеронского п., 1 див. легк. № 6 бат. 20 арт. бр., 1 взв. единорогов горн. № 4 бат. 21 арт. бр., 1 и 2 сот. Дагестанского конно-иррег. полка.

⁷³ 4-й бат. и 2 р. 3-го Дагестанского п., 2 и 4 бат. Самурского п., 2 рота Кавказского стр. бат., св. взв. штуч. Грузинской лин. бат. № 13, 14, 15 и 16, 3-й див. драг. Е. К. В. Н. П. В. п., 3 и 5 сот. Дагестанский конно-иррег. п., див. единор. и взв. мортир горн. № 2 бат. 20 арт. бриг., 3 бат. Эриванского п., 1 бат. Самурского п., ком. штучерн. Грузинской лин. № 14 и 18 бат., 1 взв. горн. № 2 бат. 20 арт. бриг., 1 взв. горн. № 4 бат. 21 арт. бриг., 2 сот. д. к. № 14 п., 2 сот. Кюринской кон. милиции.

⁷⁴ Рапорты 18 марта, № 47, и 9 мая, № 61. (По дон. нач. Черном. береговой линии о воен. происш.). Архив воен. уч. Гл. шт., 1853, д. № 5.

⁷⁵ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 5, 1853 г., Рапорт от 3 августа, № 125. (По донес. нач. Черном. береговой линии о воен. происш. в 1853 г.)

⁷⁶ 2 сот. с Алазанской линии, 1 бат. и 2 горн. ор. из Белоканская, 1 бат. и 2 горн. ор. из Месельдегера, 1 $\frac{1}{2}$ бат. и 2 горн. ор. из Мухахского ущелья.

⁷⁷ Рапорт 11 сентября, № 726. (по донес. нач. Лезгинской лин. о воен. происш. 1853 г. Гл. шт., д. № 7, 1853 г.

⁷⁸ (По донес. ком. в. в Прикасп. обл. о воен. происш.) Рапорт военному министру 20 сентября, № 365, и 80 лет боевой и мирной жизни 20 арт. бриг., 1806—1886 гг. Исторический очерк войны и владычества русских на Кавказе, составил кап. Янжул, под редакц. г.-м. Чернявского. Тифлис, 1887 г. Гл. шт., д. № 10, 1853 г.

⁷⁹ В состав отряда входили: 1-й и 3-й бат. гренад. фельдм. Паскевича, Эриванского п.; 1-й, 2-й и 4-й бат. Самурского п.; ком. Кавказ. саперн. бат.; 2-я рота Кавказ. стрелк. бат.; штучерн. ком. 17-го и 18-го груз. лин. бат.; 3-й див. драг. е. к. в. н. пр. Виртембергского п.; 1, 2, 3 и 5 с. Дагестанского конно-иррег. п.; 5 и 6 сот. Донского каз. № 14 п.; 2 сот. Казыкумукской кон. мил.; 2 сот. Акутинской мил.; 1 сот. Кюринской мил., 1 сборн. сот. мил.; 4 един. и 2 морт. горн. № 2 бат. 20 арт. бриг. и 2 морт. горн. № 4 бат. 21 арт. бриг., 2 ракетн. ком. по 8 станков.

Для охраны Казыкумукского ханства оставлено было, под началом командира Дагестанского п. полковника Броневого, в сел. Кумухе 2 рота 3-го бат. этого полка, 2 един. горн. № 4 бат. и 2 сот. мил., у сел. Унджугатля — 4-й бат. Дагестанского и. и штучерн. Грузинской лин. № 13, 14, 15 и 16 бат., 2 един. горн. № 2 бат. и 1 сот. мил.; на Кутишинских высотах, для охраны Даргинского округа — 3-й и 4-й бат. Апшерон. П., 4 ор. легк. № 6 бат. 20 арт. бриг.; 2 един. горн. № 4 бат. 21 арт. бриг.; 1 ракетн. команда; 2 сот. мил., под нач. командира 1-й бриг. 20 пех. див. генерал-майора Волкова.

⁸⁰ 4 бат. пех. фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского п. с 1 стр. ротой; 1 див. драгун; 4 сот. дагест. конно-ир. п.; 2 сот. д. каз. № 14 п.; 2 сот. мил.; 4 единор. 2 морт. горн. № 4 бат.

⁸¹ 3 бат. Самурск. п., 8 сот. кон. мил., 5 сот. пеш. мил., 4 единор. и 2 морт. № 2 бат.

⁸² «Тифлисские гренадеры на Азиатском театре войны», из рукописной истории полка, составленной в 1901 г. Из материалов, хранящихся в архиве 14 грен. груз. генерала Котляревского п., приказ № 276, 30 октября 1853 г. Энцикл. Леера «Месельдегер».

⁸³ Курсив подлинника.

⁸⁴ Рукописный дневник Асланбегова. Музей Севастопольской обороны.

⁸⁵ Письмо В. А. Корнилова к князю А. С. Меншикову от 31 марта 1853 г. Жандр. С. 37.

⁸⁶ Всеподданнейший отчет генерал-адмирала за 1853 г. Архив Морск. мин. воен. пох. канц. 1853 г., д. № 155/84.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Морской сборник. 1855. Кн. 2.

⁸⁹ См. приложение № 43. «Инструкция крейсерам между Босфором и Севастополем».

⁹⁰ Вторая практическая эскадра под начальством вице-адмирала Юрьева, а впоследствии контр-адмирала Новосильского из кораблей: «Три Святителя», «Париж», «Храбрый», «Чесма», «Уриил», «Ростислав»; фрегатов: «Сизополь», «Кагул» и корвета «Пилад». Всеподданнейший доклад великого князя Константина Николаевича за 1853 г.

⁹¹ Первая практическая эскадра к 18 мая 1853 г. состояла из кораблей: «Двенадцать Апостолов», «Гавриил», «Ягудиил», «Святослав», «Варна», «Селафайл»; фрегатов: «Коварна» и «Кулевчи» и бригов: «Язон», «Эней» и «Птоломей». Всеподданнейший доклад великого князя Константина Николаевича за 1853 г.; дневник Асланбегова; отн. нач. шт. Черном. фл. командиру Сев. порта 17 мая 1853 г., № 102. Черном. центр. воен. морск. архив в Николаеве, кн. оп. 23, оп. 185, д. № 1734, св. 61.

⁹² Фрегат «Мидия» (контр-адмирал Новосильский, а впоследствии Синицын), корвет «Орест», бриги: «Тезей», «Меркурий», «Эндимион», «Аргонавт» и тендер «Поспешный». Там же и Жандр. С. 41.

⁹³ См. схему № 10.

⁹⁴ Корнилов — Нахимову 17 мая 1853 г. Николаевский архив, д. № 1734, св. 61, оп. 185.

⁹⁵ Программа крейсерства между Босфором и Севастополем 18 мая 1853 г. Николаевский морск. архив, оп. 185, д. № 1734, св. 61. Кн. оп. 23.

⁹⁶ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4261.

⁹⁷ Начальник штаба Черноморского флота — командиру Севастопольского порта 17 мая 1853 г., № 102, Николаевский архив.

⁹⁸ Морской сборник. 1855. Кн. 2. Путилов. «Плавание брига «Язон» в 1853 году». Сборн. изв., кн. 3.

⁹⁹ Дневник А. Б. Асланбегова, 1853 г.

¹⁰⁰ Начальник штаба Черноморского флота — командиру Севастопольского порта от 16 июня 1853 г., № 136.

¹⁰¹ Начальник штаба Черноморского флота — командиру Севастопольского порта от 8 июня 1853 г., № 119. Дневник А. Б. Асланбегова.

¹⁰² Отряд этот состоял из: фрегата «Мессемврия», корвета «Калипсо», брига «Птоломей», шхун «Смелая» и «Дротик» и тендера «Скорый».

¹⁰³ См. схему № 10.

¹⁰⁴ Начальник штаба Черноморского флота об. инт. 7 сентября 1853 г., № 19820. Архив Черном. фл. в г. Николаеве.

¹⁰⁵ Военный министр — князю Воронцову 4 сентября, № 3042 и № 3044. Граф Адлерберг — князю Меншикову 8 сентября 1853 г., № 258. Архив Кавказ. воен. окр., секр. д. 2 отд. Ген. шт., № 11, ч. V.

¹⁰⁶ См. приложения № 44, 45 и 46.

¹⁰⁷ Отзыв князя Меншикова князю Воронцову 10 сентября 1853 г., № 425. Архив шт. Кавказ. окр., 2-й отд. Ген. шт., 1853 г., секр. д. № 11, ч. V.

¹⁰⁸ Жандр. С. 57.

¹⁰⁹ Корабли: «Двенадцать Апостолов», «Великий Князь Константин», «Париж», «Три Святителя», «Императрица Мария», «Храбрый», «Чесма», «Святослав», «Ростислав», «Ягудиил», «Варна», «Гавриил»; фрегаты: «Сизополь» и «Кагул»; корветы: «Андромаха» и «Калипсо»; пароходы: «Владимир», «Одесса», «Эльбрус», «Бессарабия», «Грозный», «Молодец», «Аргонавт»; транспорты: «Березань», «Днепр», «Балаклава», «Днестр», «Дунай», «Рион», «Гагра», «Прут», «Килия», «Буг» и «Цемес». Архив Морск. мин. воен. пох. канц., 1853 г., д. № 155/84.

¹¹⁰ Рукописные записки контр-адмирала Афанасьева. Музей Севастопольской обороны.

¹¹¹ Дневник А. Б. Асланбегова.

¹¹² См. схему № 10.

¹¹³ Всеподданнейший отчет Великого князя Константина Николаевича за 1853 г. Архив Морск. мин. воен. пох. канц., 1853 г., д. № 155/84.

¹¹⁴ Князь Меншиков — князю Горчакову 5 сентября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

¹¹⁵ Князь Меншиков — благодарственный рескрипт, Нахимов — орден Владимира 2-й ст., Корнилов — Св. Анны 1-й ст., Крабе — Владимира 3-й ст.

¹¹⁶ Письмо князя Воронцова князю Меншикову 2 октября. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., д. № 72. Рапорт начальника 13 п. див. 25 сентября, № 6260, и отношение князя Воронцова военному министру 8 октября 1853 г., № 1309. Архив Кавказ. воен. окр., д. Ген. шт. 1853 г., № 6.

¹¹⁷ Рапорт генерала Обручева князю Бебутову 10 октября 1853 г., № 6510. Архив Кавказ. воен. окр., 1 отд. деж. 1853 г., д. № 5.

Глава V

Действия Черноморского флота до Синопского сражения

«**П**о всем известиям, — писал граф Адлерберг князю Меншикову в конце сентября 1853 года¹, — разрыв с Турцией неизбежен, и можно даже ожидать скорого открытия военных действий. Посему необходимо ныне же решить вопрос: как в таком случае употребить Черноморский флот в нынешнюю осень и наступающую зиму?» Далее граф Адлерберг уведомлял князя о том, что государю угодно заблаговременно знать мнение по этому поводу начальника Главного морского штаба, причем присовокуплял, что «со своей стороны государь император полагает, что более всего пользы можно извлечь из нашего флота учреждением крейсерства перед устьем Босфора и вдоль тех берегов Черного моря, где преимущественно турки могли бы пользоваться выгодами морского сообщения во вред нам». Как цель действий для выполнения такой задачи указывалось прекращение подвоза запасов, оружия и даже войск из Константинополя в Варну, Батум и другие приморские пункты европейского и азиатского берегов и усиление крейсерства вдоль нашей береговой линии. Однако такой способ действий допускался государем «лишь в том предположении, что флоты других морских держав ограничатся наблюдением входа в Босфор около Константинополя и не войдут сами в Черное море».

Письмо графа Адлерберга заканчивалось уведомлением, что «Его Величество не дозволяет себе положительного мнения в деле морском, недостаточно ему знакомом», и что поэтому государь желает, чтобы князь Меншиков представил «свое мнение с полной откровенностью, нисколько не стесняясь изложенными здесь высочайшими указаниями».

По всей вероятности, следствием этого письма явилась записка Корнилова, поданная им 1 октября князю Меншикову².

Автор этой записки признавал осеннее и зимнее крейсерство в Черном море затруднительным, около Босфора даже опасным и вообще мало действительным, так как парусные суда не могли держаться возле берегов, близ которых смело проходят пароходы. Корнилов предполагал выбрать другое средство мешать плаванью турок и в этом отношении остановился на необходимости занятия на европейском и азиатском берегах гаваней, у которых отряды военных судов могли бы безопасно учредить при содействии сильных пароходов свои наблюдательные посты. Адмирал указывал на Сизополь и Синоп³ как наиболее подходящие для этой

цели. Оба эти пункта находились на пути движения турецкого флота к театрам военных действий, были удобны к удержанию их малыми силами от покушений с сухого пути и могли вместить на зиму значительные флоты.

Мысль Корнилова о неудобстве зимнего крейсерства разделял и князь Меншиков, который находил его «бесполезным и разорительным для судов»⁴; неизвестно только, как отнесся он к предложению занять Сизополь и Синоп.

Во всяком случае предложение это не было исполнено и, вернее всего, по причинам политического характера, так как такие действия нашего флота уничтожили бы последнюю надежду императора Николая на сохранение мирных отношений с Англией и Францией.

9 октября государь в собственноручном письме к князю Меншикову⁵ вновь затронул вопрос о роли Черноморского флота.

Император Николай, упомянув о том, что объявление Турцией войны не заставит его изменить оборонительного плана на Дунае, который он решил не переходить даже в случае победы над турками на левом берегу реки, выражал намерение действовать на Кавказе наступательно и в случае нападения турок на наши пределы разбить их, а потом овладеть Карсом, Ардаганом, а может быть, и Баязетом.

Далее государь вновь спрашивал князя Меншикова о тех предприятиях, которые можно было бы возложить на Черноморский флот, и со своей стороны обрисовывал положение, в котором этот флот находился.

«Хотя нам здесь еще неизвестно, — писал он, — часть ли только или весь флот английский и французский вошли в Босфор, но в Лондоне были уже угрозы войти в Черное море и прикрывать турецкие гавани, на что Бруннов очень хорошо возразил, что это все равно, что объявление нам войны». Этим Бруннов «напугал», как он сам писал, англичан, которые объявили, что «доколь мы не атакуем турецких портов, то их флот не войдет в Черное море».

Император Николай приказал сообщить великобританскому кабинету, что со своей стороны он примет всякое появление военных судов западных держав в Черном море за открыто враждебный поступок против России и ответит таковым же.

Обращаясь к возможным действиям нашего флота, государь предъявлял князю Меншикову следующие свои желания.

После начала турками действий флоту наносить им возможный вред, забирая отдельные суда, пересекая сообщения вдоль берега и даже бомбардируя Кюстенджи, Варну или какой-либо другой пункт. Ежели же турки выйдут со своим флотом и захотят зимовать где-либо вне Босфора, то позволить им исполнить «эту глупость, а потом задать им Чесму».

Что касается флотов западных держав, то в случае встречи с ними «не на своем месте вместе с турками» действовать против тех и других, как против врагов.

В заключение государь приказывал не отваживаться без нужды на неверное предприятие, но не упускать ни одного случая наносить врагам всевозможный вред.

«Аминь и к делу, — заканчивал свое письмо император Николай. — С нами Бог, а исполнители правого дела князь Меншиков и Черноморский флот и потому — честь и слава!»

Князь М. Д. Горчаков также волновался в Бухаресте относительно той роли, которая будет возложена на наш флот.

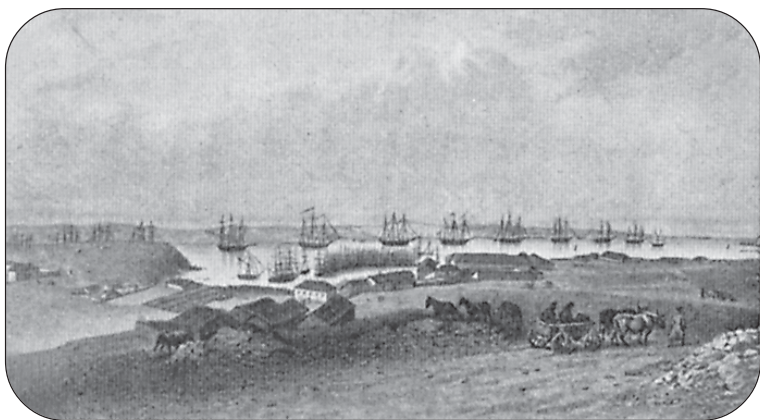
«Что меня более всего интересует, — писал он военному министру⁶, — это узнать, какие повеления даст Его Величество нашему флоту; было бы очень желательно, чтобы он крейсировал у устья Дуная и мешал бы проходу в эту реку через Георгиевский рукав турецких вооруженных судов».

Князь Меншиков со своей стороны отказывался допустить возможность выхода плохого по своему составу турецкого флота в море в столь позднее время года, а также занятие им позиции, как о том носились слухи, у мыса Кальякр (к северо-востоку от Варны) или в Бургасском заливе⁷. Но тем не менее он решился произвести рекогносцировку румелийского берега и в случае отыскания турецкого флота действовать нашими соединенными эскадрами, смотря по обстоятельствам. Выводить флот заблаговременно из Севастополя князь не считал полезным, так как цель нахождения его в море — непременно остановить турок, если бы они имели «невероятное» намерение выйти из Босфора.

Меншиков, признавая зимнее крейсерство бесполезным и разорительным для судов, обещал в то же время во что бы то ни стало воспользоваться последними осенними днями, чтобы нанести туркам возможно более вреда, если с их стороны начнутся военные действия или же если за таковые приказано будет признать дело у Исакчи.

Во всяком случае князь Меншиков признавал, что действия нашего флота должны подчиняться поведению двух морских держав и что с превосходными силами сражаться было бы неосторожно. Немало его смущала также неопределенность нашего политического положения и опасение, чтобы действия на Черном море не помешали ведению мирных переговоров⁸.

Но в то время, как шла эта переписка между главными действующими лицами, Черноморский флот не бездействовал. Лишь только успел он сосредоточиться на Севастопольском рейде после перевозки 13-й дивизии на Кавказ, как решено было в предвидении начала военных действий усилить крейсерство в западной и восточной частях Черного моря.

Вид Севастопольского рейда

По имевшимся у нас сведениям можно было предполагать, что английские руководители турецких властей составили для начала войны обширный план наступательных действий со стороны Закавказья, чтобы таким образом отвлечь значительную часть наших сил от западной границы; поэтому должно было ожидать движения больших запасов и войск от Босфора к восточным берегам Черного моря⁹.

Для наблюдения за таким передвижением решено было в начале октября вновь выслать в крейсерство эскадру вице-адмирала Нахимова¹⁰ из четырех 84-пушечных кораблей, 3 фрегатов, 2 бригов и 1 пароходо-фрегата¹¹, включая сюда и все находившиеся между Крымом и Босфором крейсера. Этой эскадре предписывалось крейсировать между Анатолией и Крымом, держась, по возможности, на меридиане Тарханкута и параллели 43° и иметь поочередно один фрегат и бриг на Севастопольском рейде как для отдыха этих судов, бывших в крейсерстве с начала лета, так и для сообщения с портами.

Цель посылки эскадры указывалась та же, что и раньше высланным крейсерам, т. е. желание ввиду ожидаемого разрыва иметь наши морские силы у берегов Турции и особенно на сообщении Константинополя с анатолийскими приморскими городами. Одновременно с этим Нахимову указывалось по-прежнему до получения новых инструкций не считаться в войне с турками.

Командиру Севастопольского порта вместе с этим предписывалось¹² поставить на пароходах «Крым», «Одесса» и «Херсонес», находившихся на сообщениях с Константинополем, предназначенную им артиллерию, снабдить их командами и всем необходимым по военному положению, а весь остальной флот держать в полной готовности к выходу в море.

Не успел еще П. С. Нахимов уйти из Севастополя, как там были получены неофициальные сведения¹³ о том, что турецким судам приказано атаковать после 9 (21) октября наши суда, если они их встретят в море в меньших силах и что из Константинополя в Батум послано три турецких пароходо-фрегата с орудиями. Поэтому Нахимову предписывалось распространить свое крейсерство к Анатолийскому берегу между мысом Керемпе и портом Амастро с таким расчетом, чтобы быть на пути сообщения между Константинополем и Батумом.

Нашей эскадре разрешалось подходить на вид берегов, но не позволялось начинать враждебных действий против турок без открытия таковых с их стороны или же без повеления высшего начальства.

11 октября Нахимов ушел в море, чтобы через месяц с лишним вновь явиться в Севастополь уже с лаврами синопского победителя¹⁴.

На следующий день, 12 октября, князь Меншиков и Корнилов, находясь в Одессе, получили известие об открытии турками военных действий у Исакии, причем князь Александр Сергеевич решил немедленно отправить Корнилова в Севастополь, откуда он должен был предпринять обширную рекогносцировку во главе соединенной эскадры из четырех больших пароходов. Ему было поручено осмотреть Кальякский и Бургасский заливы, спуститься мимо Босфора к мысу Кефкен-Аден и далее дойти до мыса Керемпе, на меридиане которого он должен был встретиться с эскадрой Нахимова. Корнилову надлежало в случае открытия турецкой эскадры немедленно дать знать об этом как эскадре Нахимова, так и остальному флоту, который должен был тотчас же выйти с ними на соединение¹⁵.

16 октября Корнилов прибыл в Севастополь, сообщил особым приказом по флоту о деле под Исакчей¹⁶, выразив уверенность, что всем известная исправность судов Черноморского флота дает полную надежду, что флот этот, быв вызван на бой врагами России, докажет свету справедливость доброй славы, им приобретенной, и предписал ряд мер к полной готовности флота выйти по первому требованию в море.

С этой целью в Севастополе были сформированы три эскадры: две парусные — под флагом контр-адмирала Новосильского, из 6 кораблей (из них четыре 100-пушечных) и 2 фрегатов¹⁷, и под флагом контр-адмирала Вульфа, из 4 кораблей¹⁸, и одна пароходная — под флагом контр-адмирала Панфилова, из 4 пароходов¹⁹. Первые две эскадры составляли резерв на случай надобности выхода в море, а также и для защиты Севастопольского рейда; эскадра же пароходов предназначалась для производства рекогносцировок²⁰.

Одновременно с этим Корнилов отправил корвет «Калипсо» к Нахимову²¹ с подтверждением высочайшего повеления быть до времени в оборонительном положении и выжидать первого выстрела со стороны турок. «Опять предостерегаю вас от англичан, — заканчивал свое письмо Корнилов. — Вам известно, как они решительны, когда дело идет об истреблении чужих кораблей поодиночке; я все опасаясь, что они выскочат из Босфора, чтобы на вас напасть».

Между тем предполагаемый Корниловым выход на рекогносцировку несколько задержался, так как по прибытии в Севастополь он не нашел всех пароходов в сборе.

22-го числа он получил от князя Меншикова письмо, дающее понятие о том фальшивом положении, в которое был поставлен наш флот запутанными дипломатическими отношениями и постоянной неизвестностью о мире и войне. «Может быть, — писал он, — нелишне было бы показаться вам у Сулина, дабы узнать, не было ли между тем покушений турок учинить набег за Дунаем, и, следовательно, начать действительную войну, что нам развязало бы руки... Но ежели бы турецкий флот действительно расположился где-либо вне Босфора, хотя бы то было и с охранным кораблем английским и французским, я решусь, под своей ответственностью, на всякое действие»²².

Осторожность нашего Министерства иностранных дел во всем том, что касалось действий Черноморского флота в этот период кампании, отчасти объясняется тревожными донесениями барона Бруннова из Лондона о нервности, с которой руководитель английской политики в Константинополе лорд Стратфорд относился ко всем действиям Черноморского флота.

«Я очень рад, — ответил лорд Абердин барону Бруннову на сообщение последнего о благополучном окончании перевозки 13-й дивизии на Кавказ, — что эта операция окончилась до входа эскадр в Мраморное море. Если бы в Константинополе узнали, что ваш флот вышел в море с целым корпусом десанта, то могли бы подумать, что он имеет назначением Варну, Трапезунд, Батум, и Бог знает, чем все это могло бы кончиться»²³.

Только 23 октября Корнилов, подняв свой флаг на «Владимире», вышел с пароходами «Громоносец», «Одесса» и «Херсонес» с Севастопольского рейда и взял курс на Сулин. Предпринимая рекогносцировку, Корнилов принял все меры, чтобы возможно подробнее и незаметнее рассмотреть неприятельские бухты, быть готовым в случае встречи с соответственными силами турок к бою всей соединенной эскадрой²⁴, а также чтобы своевременно известить Нахимова, Севастопольскую эскадру и князя Меншикова, если в море выйдет превосходный в силах турецкий флот. На этот случай он заблаговременно отдал на пароход «Херсонес»,

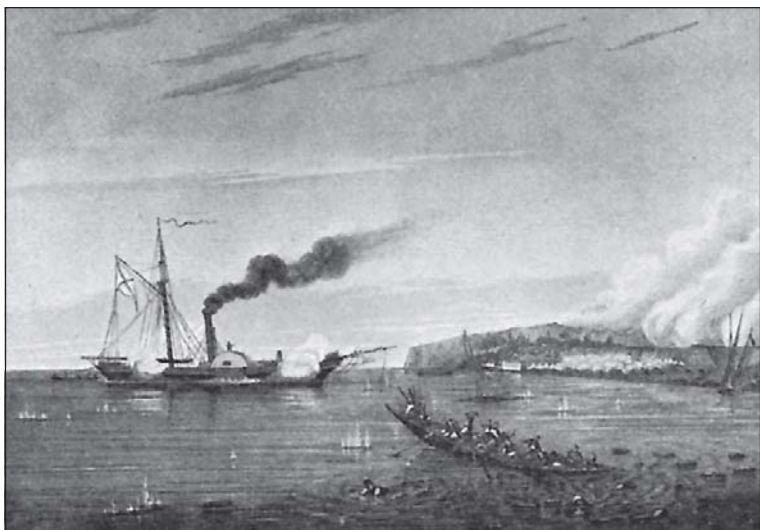
долженствовавший известить П. С. Нахимова, запечатанный конверт с инструкцией для действий эскадры последнего. Корнилов высказывал в ней желание, чтобы Нахимов при получении известия о выходе турецкого флота в море двинулся вдоль азиатского берега к Босфору, чтобы отрезать отступление неприятельскому флоту, и он сам предполагал с прибывшей из Севастополя эскадрой действовать с фронта. Если же, оканчивал он, «вам удастся предупредить Севастопольскую эскадру и заставить неприятеля на якоре под его крепостями, то блокировать его до соединения, и тогда, с Божьей помощью, может повториться знакомое вам Наваринское сражение!»²⁵

24 октября утром Корнилов подошел к Сулину, где от экипажа австрийского парохода узнал, что флоты западных держав начинают занимать свою позицию в Бейкосе и носят слухи, что часть их останется в Галиполи; турецкий же флот не покидал еще Буюк-Дере, но там собиралась особая эскадра для отправления ее в Батум.

Несмотря на эти известия, эскадра продолжала свою рекогносцировку к югу, перестраиваясь, смотря по обстоятельствам, то в боевой порядок²⁶, то в походный²⁷, на таком расстоянии друг от друга, которое, по возможности, скрывало бы величину эскадры от взоров неприятеля, но позволяло бы ей в случае столкновения с противником действовать совместно. Сам же Корнилов, пользуясь быстротой хода «Владимира», не дающим дыму антрацитным отоплением и прикрываясь парусами, подходил на самое близкое расстояние к турецким берегам.

Таким образом, им были подробно осмотрены все заливы и рейды на европейском берегу Турции вплоть до Босфора, но нигде не было замечено ни одного военного судна. 26 октября эскадра пароходов подошла при дурной погоде с сильным северо-западным ветром на 30 миль к Босфору. Тогда Корнилов, опасаясь, что эскадре придется бороться с крепким северо-восточным ветром, который предвещали и барометр, и облака, и потеряв всякую надежду встретить какие-либо военные турецкие суда, кроме обыкновенных крейсеров, содержащихся у самого пролива, отправил с донесениями «Громоносец» в Одессу, а «Херсонес» в Севастополь. Сам же адмирал, имея за собой в пяти милях «Одессу», чтобы таким образом возможно более продолжительное время скрывать свое приближение, направился на «Владимире» к Константинопольскому проливу.

В четвертом часу дня он различал уже маяки и между ними множество купеческих судов, среди которых вскоре обнаружил эскадру турецких крейсеров, состоявшую из пяти фрегатов, одного корвета и одного парохода. «Владимир» подошел к крейсерам почти на пушечный выстрел, приведя их в «большую суету и недоумение». Но налетевший с северо-востока шквал и наступавшая

*Подвиг парохода «Колхида»
(с картины А. Боголюбова)*

темнота заставили Корнилова повернуть назад, на соединение с «Одессой». «Тут я видел, — заканчивает Корнилов свое донесение, — какое преимущество имеют сильные пароходы, и скорбел о нашем в этом отношении недостатке».

Опасение не иметь достаточно топлива до Севастополя заставило адмирала отказаться от свидания с П. С. Нахимовым, которому он не имел ничего сообщить любопытного, и взять курс на Севастополь²⁸, куда он и прибыл 28 октября.

Однако есть основание полагать, что турецкая эскадра, обнаруженная Корниловым с «Владимира» и находившаяся у выхода из Босфора, не была единственной. Лейтенант Железнов упоминает в своей записке²⁹, что одновременно с этим из Босфора выходило 3 больших парохода, и у них на буксирах 3 парусных судна, которые по величине рангоута можно было принять за корабли или фрегаты. Пароход «Одесса», направлявшийся в это же время на мыс Керемпе, заметил милях в 16-ти от «Владимира» два турецких корабля, пароходо-фрегат и бриг, лежавшие на пересечении его курса³⁰.

В тот же день «Херсонес», разлучившись с «Владимиром» для следования в Севастополь, увидел в 2 часа пополудни к северу от себя эскадру из шести судов большого ранга, которую он принял за эскадру Нахимова, и поворотил к «Одессе», чтобы предупредить ее об этом. За мрачностью «Одесса» не заметила сигнала

«Херсонеса», который между тем увидел на юг от себя три корабля, фрегат и пароход под турецкими флагами. «Херсонес», желая предупредить об этом Нахимова, взял курс на ранее виденную им эскадру, но не догнал ее, а недостаток угля при усиливавшемся северо-восточном ветре принудил его идти в Севастополь³¹.

В то же время эскадра Нахимова, вышедшая, как известно, в море еще 11 октября, боролась все время со свежими северо-восточными ветрами и также 25 октября заметила турецкий пароход, которому удалось благополучно ускользнуть от преследования парохода «Бессарабия» и фрегата «Кагул»³².

Таким образом, по возвращении Корнилова 28 октября в Севастополь, когда у него сосредоточились все указанные выше сведения, для Владимира Алексеевича должно было сделаться очевидным присутствие в Черноморском море значительной турецкой эскадры.

Войска наши на азиатской границе были ко времени прибытия на Кавказ 13-й пехотной дивизии распределены следующим образом³³.

В Ахалцыхском уезде в первых числах августа находились под начальством полковника Шликевича два отряда: первый — силой в 1 $\frac{1}{2}$ бат., 2 ор. и 3 сот.³⁴ — у с. Орловки для поддержки Ахалцыхского гарнизона в случае движения туда турок и второй — силой в 1 бат., 2 горн. ор. и 1 $\frac{1}{2}$ сот.³⁵ — у Ахалцыха для защиты этой крепости.

В Александрополе к этому же времени был кроме роты Грузинского линейного № 4 батальона, переведенной сюда из Эривани, лишь один сводный гренадерский батальон.

В Эриванской губернии стоял у Орговского поста против сил, сосредоточиваемых турками у Баязета, лишь отряд из 3 сотен Карабачской милиции, к которым затем был направлен 2-й батальон Гренадерского великого князя Константина Николаевича полка.

В конце августа наместник сделал распоряжение о немедленном движении к Александрополю из Чир-Юрта Драгунского на следного принца Виртенбергского (Нижегородского) полка, сменив его 5 сотнями Донского казачьего № 26 полка и сотней Горского линейного войска.

Эти последние впоследствии должны были быть в свою очередь сменены Донскими казачьими № 41 и 49 полками. Кисловодский же кордон должен был быть занят частями 6-й бригады Кавказского линейного казачьего войска, а затем Донскими казачьими № 36 и 48 полками.

С Драгунским полком прибывала донская конно-артиллерийская казачья № 7 батарея, которая сменялась состоявшей на льготе 10-й черноморской конно-артиллерийской батареей.

Работы на военных дорогах в конце августа были прекращены, и войска с них притянуты к границе. Туда же должны были следовать донские казацки № 2 и 4 полки.

С прибытием 13-й пехотной дивизии 1-я бригада ее должна была следовать в Тифлис и оттуда для смены частей Кавказского корпуса, несших в Закавказье караульную службу, а из 2-й бригады один полк назначался в Ахалцых, 2 батальона — в Кутаис и 2 батальона — в Сурам.

Действующий на границе корпус³⁶, таким образом, должен был состоять из 25 батальонов, 10 эскадронов, 21 сотни казаков, 62 орудий и 78 $\frac{1}{2}$ сотен милиции³⁷.

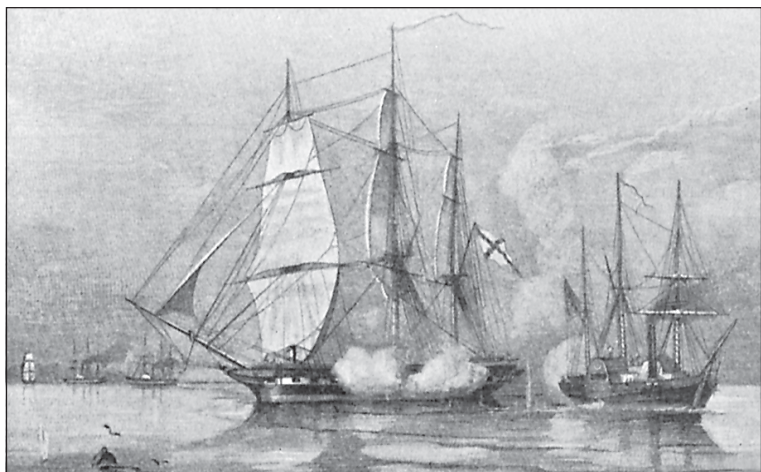
Отрядными начальниками были назначены³⁸: *Гурийского отряда*, т. е. войск, расположенных в Гурии, Мингрелии и Имеретии, кутаисский военный губернатор генерал-майор князь Гагарин; *Ахалцыхского отряда*, т. е. войск, расположенных между Сурамом и Ахалкалаками, не включая последнего пункта, — генерал-майор Ковалевский; *Ахалкалакского отряда*, т. е. войск, расположенных в Ахалкалаках и его окрестностях, — полковник Шликевич и *Эриванского отряда*, т. е. войск, расположенных в Оргове и Эривани, — эриванский военный губернатор генерал-майор Назаров.

Из приведенного перечня войск видно, что в состав действующего корпуса было включено значительное число милиции. К сбору ее приступили еще в начале июля. Первоначально предполагалось собрать 50 сотен, но затем князь Воронцов испросил разрешение государя довести милицию до 100 сотен. Население относилось очень сочувственно к этой мере, и наплыв желающих служить в милиции был большой.

Кроме воинственного духа местного населения это объяснялось и выдачей хорошего денежного довольствия, отпускаемого милиционерам от казны. Офицеры получали жалованье по чину и порционные деньги; юнкера — по 45 коп. серебром в день, по 2 фунта пшена и по фунту мяса; прочие — от 40 до 30 коп. в день кроме указанного для юнкеров довольствия.

Число сотен милиции в составе отрядов не было постоянным: они призывались по мере надобности, а затем распускались по домам.

Начальник Гурийского отряда князь Гагарин первый получил 8 октября тревожные сведения о приготовлениях турок к открытию военных действий³⁹. Князю Гагарину сообщали, что манифест о войне уже объявлен турецким войскам и Селим-паша разрешил кобулетцам тревожить нашу границу; дорога от Батума к Чурук-Су спешно исправлялась, причем в последнем пункте сосредоточилось до 6000 человек при 20 орудиях; Батумский гарнизон был усилен на 2000 человек, и аджарский паша набирал до 8000 человек милиции.

*Подвиг фрегата «Флора»
(с картины А. Боголюбова)*

Ввиду этих данных командированный князем Гагариным к передовым частям начальник штаба отряда полковник Карганов передвинул на границу к с. Нацхотевы 2 сотни милиции, в с. Лихоуры поставил 2 роты Грузинского линейного батальона и 3 сотни милиции, а затем, для отвлечения аджарцев, перевел эти роты на хребет Сомлия.

К посту Св. Николая были направлены роты Черноморского линейного № 12 батальона с 2 орудиями Редуткальского артиллерийского гарнизона, которым было приказано привести этот пункт в оборонительное положение.

Со своей стороны князь Гагарин расположил сотни имеретинской милиции в Марани, передвинул 2 роты Грузинского линейного батальона из Кутаиса и 3 сотни самурзаканской милиции в Редут-Кале для охраны города и пороховых погребов, предложив, кроме того, правительнице Мингрелии княгине Дадиан расположить две сотни милиции в Анакрии, собрать дворянскую дружину и иметь наготове еще 3 сотни милиции.

Два батальона Литовского егерского полка с 4 орудиями легкой № 1 батареи 13-й артиллерийской бригады прибыли 10 октября в Озургеты, и туда же была собрана сотня сванетской милиции, а затем прибыли и остальные 2 батальона этого полка с 4 орудиями, за исключением двух рот, оставленных гарнизоном в Кутаиси.

Ввиду опасного положения Редут-Кале приступили к вывозу из него в Кутаис всех артиллерийских снарядов, а в Марань — части продовольственных запасов.

Виленский егерский полк совместно с легкой № 2 батареей 13-й артиллерийской бригады находился в это время на марше к Ахалцху, составляя отряд генерал-майора Ковалевского.

С прибытием этого полка в Ахалцх полковник Шликевич должен был выступить с 2 батальонами и 6 орудиями⁴⁰ в Орловку. Здесь должны были остаться из состава войск, там находившихся и вновь прибывших, 1 $\frac{1}{4}$ батальона, 6 орудий и 3 $\frac{1}{2}$ сотни милиции, а остальные войска с присоединением к ним 3 батальонов Эриванского карабинерного полка (прежде расположенного в Орловке) направить в Александрополь⁴¹. В прочих пограничных с Турцией пунктах войска в половине октября были расположены следующим образом⁴²:

в с. Марань стояло для образования резерва Гурийского отряда 2 батальона Брестского полка (с 18 октября) и 4 орудия горной № 1 батареи (к 23 октября);

в Ахалкалаки предназначалось 3 батальона Белостокского полка, но к 22 октября там стояли только 4-й батальон Тифлисского егерского полка, 13-я рота Мингрельского егерского полка, рота Грузинского линейного № 6 батальона и 2 легких орудия;

в Сураме — 2 батальона Брестского полка (с 18 октября), в Александрополе — 6 $\frac{1}{2}$ батальона, 28 орудий и 2 эскадрона драгун⁴³;

в Эриванской губернии: на Орговском посту — 2-й батальон Гренадерского вел. кн. Константина Николаевича полка, в Эривани — 2 роты Мингрельского егерского полка и Грузинский линейный № 4 батальон и, кроме того, во всей губернии — 27 сотен милиции и 1 бекская дружина.

Затем ожидалось на границу: в Александрополь — 2 батальона Эриванского кн. Варшавского полка, рота Гренадерского великого князя Константина Николаевича полка, батарейная № 2 батарея, донская № 7 конная батарея, 4 дивизиона Нижегородского драгунского полка, 6 сотен линейных казаков и донские казачьи № 2 и 4 полки.

В Эривань ожидалось 3 роты Тифлисского егерского полка, 2 роты Мингрельского егерского полка, 4 орудия легкой № 7 батареи (2 орудия из Ахалцхы).

С Лезгинской линии должно было быть отправлено в действующий корпус 2 батальона пехоты и рота саперов.

В начале октября князь Орбелиани 3-й, начальствовавший войсками в Александрополе⁴⁴, узнал, что отряд турецких войск около 10 000 человек выступил из Карса и прибыл к селениям Кюрюк-Дара и Джамутлу (в 20 верстах от Александрополя). Поэтому князь Орбелиани выступил 9 октября из Александрополя для ободрения пришедшего в волнение пограничного населения, оставив в городе лишь линейный батальон и 3 роты пехоты, и занял в 10 верстах от Александрополя, у с. Баяндур, позицию. Здесь он

узнал о прибытии к с. Суботан и Хаджи-Вали (в 20 верстах от границы) отряда турецкой кавалерии в 4000 человек, а 11 октября получил сведение о прибытии в Суботан пехоты с артиллерией.

12 октября князь Орбелиани выехал с 3 сотнями казаков на рекогносцировку к с. Ачину и выяснил, что турецкий отряд был силой около 6000 пехоты, 3000 кавалерии и 14 орудий.

14 октября он еще выдвинулся вперед по направлению к Ачину и расположился на позиции у Тавшан-Кишляка для обеспечения выселения пограничных жителей под прикрытием Александропольской крепости, а затем вернулся с отрядом к с. Баяндур.

Переход в наступление турок как со стороны Суботана, так и из Баязета был назначен, по донесениям лазутчиков, на 20 или 22 октября.

Адмирал Серебряков одновременно с этим доносил о снаряжении турками на Батумском берегу значительного числа кочерм, предназначенных, по слухам, для нападения на наше почти беззащитное побережье.

Эта часть границы была наиболее открыта для нападения, и государь особенно за нее опасался, хотя и считал, что с прибытием 13-й пехотной дивизии положение наше значительно там улучшилось. Насколько взгляды в этом отношении в Петербурге и в Тифлисе были различны, можно судить из строк военного министра к князю Воронцову, что в случае вторжения турок он «имеет средство не только отразить попытки их, но покрыть оружие наше славой и при первой возможности наступать к Карсу»⁴⁵.

Та же мысль еще более настойчиво проводилась государем в собственноручном письме его к наместнику от 6 октября 1853 года.

«Не зная, — писал государь⁴⁶, — как ты распределил войска, полагаю, со своей стороны, что ты не пренебрег составить отряд для прикрытия Риона, дабы всякая попытка от стороны Батума, где, как слышно, у турок большие силы, могла встретить должный отпор и тем уничтожить всякую попытку возмутить Абхазию.

Думаю, что это необходимо, признав эту сторону нашей границы за слабейшую, ибо ни Николаевский редут, ни Потти не суть преграды предприимчивому неприятелю. За сим, *выждав первые нападения турок, желаю, чтобы ты непременно перешел в наступление, направляясь на Карс, и овладел оным, равно как и Ардаганом*⁴⁷. Можно надеяться, что, ежели турки осмелятся встретить тебя в поле, ты их разобьешь; за сим покорение Карса и Ардагана, кажется, не может быть труднее, чем было в 1829 году».

Почти через месяц после этого государь в письме от 9 ноября вновь затрагивал вопрос о переходе в наступление.

«Вся моя надежда, — писал государь⁴⁸, — на твои действия. Желаю и надеюсь, что не только прогонишь турок, но и сейчас

перейдешь в решительное наступление к Карсу. С какими силами ты это предпримешь, не знаю еще, ибо вижу, что 13-я дивизия покуда получила иное назначение.

Обеспечив Гурию или правый фланг, кажется мне, что весьма желательно собрать наиболее сил, дабы действовать решительно на важнейшем пункте наступательно и тем отвлечь неприятеля от других предприятий, обратя на защиту собственного края. При этом считаю одним из первых условий успеха, чтобы войска оставались, сколько можно, в своем боевом составе, а не в сводном, и под своими непосредственными начальниками».

Капитан 2-го ранга Бутаков

Напомним, что еще 8 июня, когда в Севастополе было получено известие о враждебных намерениях кавказских горцев, крейсировавший у восточных берегов Черного моря отряд был увеличен новыми судами и был подразделен на два отряда: северный — с центром в Новороссийске⁴⁹ из одного фрегата, одного корвета, четырех бригов и одного тендера⁵⁰ и южный — с центром у Сухум-Кале из одного фрегата, одного корвета, одного брига, двух шхун и одного тендера⁵¹ кроме нескольких слабых пароходов Кавказского ведомства⁵².

В особой инструкции, данной судам, крейсировавшим у восточных берегов, указывались кроме общих для всякого крейсера задач и специальные цели — быть в сношении с гарнизонами укреплений береговой линии, оказывать возможное содействие транспортам Кавказского ведомства и даже пополнять при надобности их экипажи⁵³.

Негостеприимные берега Кавказа и бурное время года заставляли наши парусные крейсера держаться сравнительно далеко от берегов и пользоваться лишь редкими, относительно спокойными днями, чтобы к ним приближаться. Это условие давало возможность турецким пароходам, имевшим способность безопасно двигаться во всякую погоду вблизи берегов, безнаказанно ускользать от взора наших крейсеров и не обеспечивало ближайших от турецкой границы укреплений от нечаянного нападения.

В конце сентября⁵⁴ ввиду ожидания близкого разрыва с Турцией суда южного отряда были усилены фрегатом «Сизополь»

и корветом «Андромаха», причем князем Меншиковым было предписано держать на случай начала военных действий поблизости Редут-Кале фрегаты «Мессемврия» и «Сизополь», корветы «Андромаха» и «Пилад» и при них один из пароходов Кавказского корпуса.

Еще до получения этого приказа начальник береговой линии вице-адмирал Серебряков, узнав о появлении турецкого парохода в Батуме и опасаясь его нападения на транспорты, стоявшие в Анакрии, снарядил 27 сентября в крейсерство к укреплению Св. Николая корвет «Андромаха»⁵⁵. Впоследствии, ввиду того что в Батуме оказался не один, а три парохода, в крейсерство туда были направлены фрегат «Сизополь» и корвет «Пилад». Прочие суда малого ранга, разделенные на две смены, содержали крейсерство при остальных укреплениях Черноморской береговой линии⁵⁶. Так как держаться близ укрепления Св. Николая при свежих ветрах (северном и юго-западном) было довольно опасно, а именно эти-то ветры и дули почти в течение всего октября, то наши крейсера больше держались у Пицунды, лишь иногда подходя на вид укрепления Св. Николая⁵⁷.

17 октября фрегату «Сизополь» в соединении с корветами «Андромахой» и «Пиладом» были указаны более определенно места и цель их крейсерства, а именно: они должны были постоянно держаться у пересечения меридиана $10^{\circ} 42'$ к востоку с параллелью 42° и приближаться при благоприятной погоде на вид Поти и Редут-Кале, но при ветрах с моря и вообще при малейшей сомнительной погоде должны были немедленно отходить в море, не далее меридиана 10° ⁵⁸.

Между тем еще ранее этого последнего приказа, а именно в ночь с 15 на 16 октября, турки произвели нападение на пост Св. Николая и, зверски вырезав почти поголовно весь гарнизон, завладели постом и двумя нашими орудиями.

Нападения на нашу границу более значительными партиями начались еще в конце августа.

23 числа 200 человек вторглись в наши пределы у сел. Кара-Саклу со стороны персидской границы, а на другой день такая же партия перешла кордонную линию у Нижне-Аратлинского поста; но в этих нападениях не участвовали регулярные турецкие войска вплоть до 15 октября, когда совершенно неожиданно для нас, без объявления войны, целый отряд их в ночь на 16 октября произвел нападение на пост Св. Николая.

Хотя этот пост носил название укрепления, но в действительности здесь была лишь таможенная застава, карантин и провиантский магазин муки на 3000 человек.

В сентябре князь Гагарин на запрос князя Воронцова доносил⁵⁹, что постройка здесь укрепления требовала бы значительных

средств и рабочих рук; для защиты же его лишь от внезапного нападения достаточно было назначить две роты и милицию и построить редут на том месте, с которого он может обстреливать устье рек Чолока и Натамба, а также мелководную, доступную для движения вброд часть залива. Со стороны моря этот пост все равно являлся беззащитным, если он не будет охраняем особым крейсирующим судном. Подходящей артиллерии для вооружения поста Св. Николая также не было, и на него могло быть назначено лишь два легких орудия из Озургет.

Укрепления в Николаевском ко дню нападения еще не было произведено, и там успели устроить только ров с палисадом. Гарнизон под начальством капитана Щербакова состоял из 2 рот, 2 орудий⁶⁰, команды Донского казачьего № 11 полка и Николаевской таможенной заставы численностью всего 339 человек; кроме того, там находилось 2 сотни милиции князя Георгия Гურიели⁶¹.

В 10 часов вечера 15 октября турки численностью от 5 до 7 тысяч человек внезапно атаковали пост Св. Николая.

Они, не доверяя стойкости кобулетской милиции, которая ранее отказывалась произвести на нас нападение открытой силой, прибегли относительно этой милиции к хитрости. Посадив 3000 кобулетцев на 80 баркасов, вооруженных фальконетами, неприятель обогнул укрепление и пристал к мысу, образуемому⁶² впадением в море реки Натамбы; здесь турки высадили кобулетцев и вернулись обратно. Последним, таким образом, не было пути отступления, и им поневоле приходилось нас атаковать.

Противник с целью отвлечь внимание гарнизона с этой стороны открыл одновременно сильный огонь с турецкого берега, а затем повел на пост Св. Николая атаку с двух сторон при содействии артиллерийского огня из 4 орудий, открытого с противоположного берега р. Чолока.

После 9-часового непрерывного отчаянного боя гарнизон к 7 часов утра, истощив все снаряды и патроны, был почти весь истреблен⁶³, и только три офицера и 25 нижних чинов, почти все раненные штыками, пробили себе путь отступления, предварительно заклепав оба доставшиеся туркам орудия⁶⁴. Впоследствии к отряду присоединилось еще 63 человека, спасшихся в одиночку.

Турки достигли этого успеха тоже дорогой ценой. Они, озлобленные за это против гарнизона, ознаменовали свою победу жестокостью с пленными, женщины и дети были убиты, иеромонах Серафим, служивший обедню, был зверски умерщвлен, а чиновник таможенного ведомства Заспицкий распят и расстрелян⁶⁵.

Капитан Щербаков еще в 11 часов вечера послал князю Гагарину донесение о нападении, но везший это известие казак был убит турками, и только в 5 часов утра князь Гагарин, узнав о нападении, направил к посту Св. Николая полковника Карганова с 3 ротами

Литовского егерского полка, 2 орудиями и сотней милиции, но уже на полдороге⁶⁶ полковник Карганов получил известие о взятии укрепления турками.

Преодолев все трудности пути и переправы через две реки, полковник Карганов, не доходя 2 верст до поста Св. Николая, обнаружил неприятеля, засевшего в числе 4000 человек в густом лесу в крепких завалах. Наш отряд, рассыпав 4-ю егерскую роту и сотню Озургетской милиции, подошел под сильным огнем к завалам, бросился после залпа в штыки и выбил турок, которые в беспорядке отступили к посту. Дальнейшее преследование было остановлено болотистой р. Скудерби, на которой турки разрушили мост.

Переправа через нее обстреливалась как фланговым с р. Чолока, так и фронтальным огнем. В течение шести часов шла сильная ружейная и артиллерийская перестрелка, а с наступлением сумерек турки большими силами, с музыкой, перешли в контратаку, переправляясь через р. Скудерби по переброшенным перекладинам. Попытка эта была отбита штыками, и турки, потеряв свыше 300 человек убитыми, отошли обратно к посту.

Наступление ночи и усиление неприятеля, подвизавшего в чермах с турецкого берега р. Натамбы подкрепления, ставило отряд полковника Карганова в опасное положение, поэтому он начал, под прикрытием сильного огня, обратное движение к Озургетам. В полночь наш отряд прибыл на позицию у Чехотского моста, а в 9 часов утра в Озургеты.

Потери в отряде полковника Карганова составляли до 194 человек.

Князь Гагарин заключил из нападения турок на пост Св. Николая и усиления их у Легвы, против Чолокского поста, о намерении неприятеля вторгнуться в Гурию через Озургеты, почему расположился с оставшимися 5 ротами Литовского егерского полка и 2 орудиями у Озургет; туда же он притянул из Кутаиса еще 1 $\frac{1}{2}$ батальона Литовского полка с 4 орудиями и Гурийское ополчение.

Из Кутаиса войска могли прибыть только через 6 дней, но и тогда в Озургетах составилась бы отряд всего силой в 4 батальона и 8 орудий.

Держаться с такими силами против турок, имевших два пути наступления, с поста Св. Николая и с Легвы, было трудно, поэтому князь Гагарин просил князя Воронцова усилить его 2 батальонами Брестского полка и 4 горными орудиями, которые, будучи расположены у Марани, могли служить ему резервом.

Уничтожение склада муки в Николаевском посту ставило Гурийский отряд в затруднительное положение.

Перевезенных оттуда ранее 500 четвертей могло хватить лишь на 15 дней, поэтому князь Гагарин ходатайствовал о перевозке запасов из Поты по р. Риону в каюках до Усть-Ухеникальского

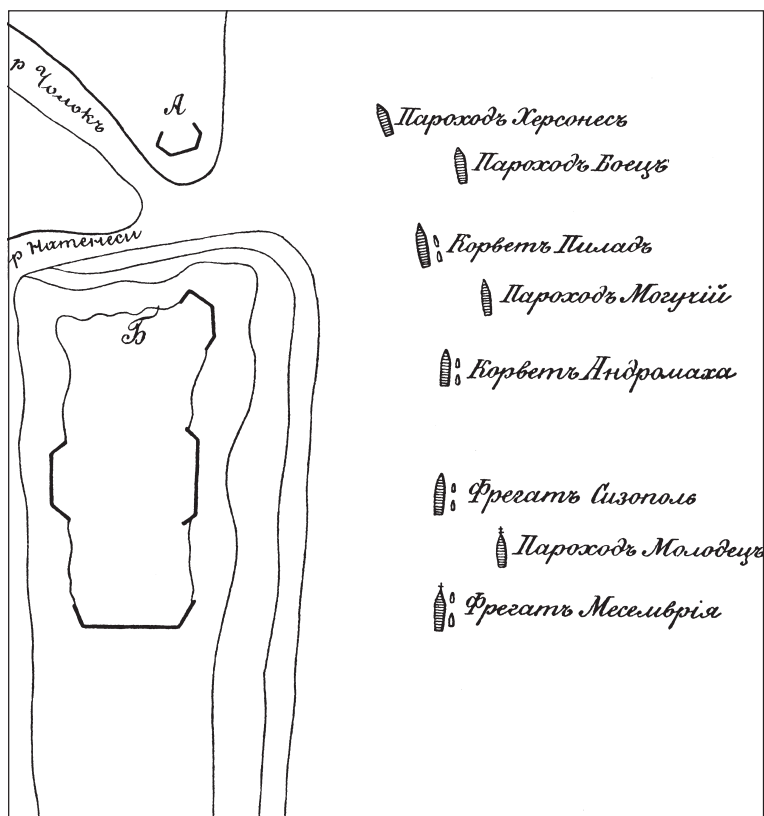

Схема № 12

поста, откуда на черводарских лошадях до Озургет. Таким же образом должны были быть доставлены из Редут-Кале 3500 четвертей, которые следовало перевезти туда из Керчи вместо предполагавшейся выгрузки их в Николаевском посту.

Турки, имея в захваченном укреплении лишний опорный пункт, еще легче могли теперь предпринять действия против нашего побережья, защита которого без помощи флота представлялась невозможной⁶⁷. Поэтому князь Воронцов предложил адмиралу Серебрякову употребить для крейсерства между Редут-Кале и Батумом состоящую в его распоряжении флотилию, если Черноморским флотом не будет для этой цели оказана помощь.

Вместе с тем гарнизон Поты был усилен одной ротой Грузинского линейного № 1 батальона, переведенной туда из Редут-Кале, и сотней Самурзаканской милиции.

Князь Гагарин возлагал, за недостатком регулярных войск, большие надежды на местную милицию, которой у него было собрано до 30 сотен. Милиционерам предполагалось кроме поддержки регулярных отрядов давать и самостоятельные назначения, как-то: оборону отдельных горных проходов и постов пограничной линии.

Известие о взятии турками поста Св. Николая произвело панику среди населения Редут-Кале и Сухума и было совершенной неожиданностью для наших крейсеров, плававших у Пицунды. Находившийся в Сухуме начальник III отделения Черноморской береговой линии генерал-майор Миронов решился немедленно отправиться туда на стоявшем в Сухуме пароходе «Колхида» с ротой Черноморского линейного № 11 батальона, чтобы проверить это известие, ободрить жителей Редут-Кале и в случае надобности поддержать наши войска с моря⁶⁸.

В 9 часов вечера 18 октября «Колхида» под командой капитан-лейтенанта Кузьминского снялась с якоря и при тихой погоде прибыла в 11 часов утра в Редут-Кале. Здесь к ней вышел навстречу казачий баркас, который и был взят на бакштоф.

В Редут-Кале тоже не было никаких определенных известий о результатах боя у поста Св. Николая. Было лишь известно, что он попал в руки турок, но там не знали, был ли он взят обратно нашими войсками.

В 5 часов дня «Колхида» подошла на высоту поста. Поднявшийся туман не давал возможности разглядеть, что делалось на берегу; когда же в 7 часов вечера был брошен якорь, обстановка была по-прежнему невыясненной; у поста Св. Николая были видны огни, но осталось неизвестным, кому они принадлежали.

Поэтому с берегом начались переговоры сигналами. На один пушечный выстрел с «Колхиды» (вопрос «благополучно ли?») из укрепления последовало два выстрела, означавшие, что укрепление находится в опасности от неприятеля, и одновременно со стороны турецкого берега последовало три боевых выстрела. На вопрос «можно ли пристать к берегу?» последовал утвердительный сигнал.

Из этих переговоров можно было заключить, что берег в наших руках. Чтобы окончательно в этом убедиться, туда был отправлен баркас с капитаном Завадским и 30 нижними чинами, а для связи его с «Колхидой» спущена еще шлюпка. Капитан Завадский не мог, однако, ничего выяснить, так как на все вопросы и окрики не получал из укрепления никакого ответа. На сигналы же рожком получались ответы непонятные. Приходилось в море ждать утра. «Колхида» пыталась с 10 часов вечера до 3 часов ночи привлечь на себя внимание какого-нибудь русского крейсера, пускала ракеты, давала сигналы, но вблизи никого не оказалось.

В 3 часа ночи пароход направился прямо к посту Св. Николая. В 5 часов утра все были наверху. Когда туман поднялся, то на укреплении ясно обозначились турецкие значки и их войска, стоявшие развернутым фронтом; справа виднелся неприятельский лагерь, а у устья р. Чолока 5 кочерм.

Капитан-лейтенант Кузьминский решил подойти возможно ближе к берегу, чтобы лучше обрекогносцировать пост, и неожиданно стал на мель в расстоянии 300 саженей от укрепления и в 80 саженях от турецкого лагеря. Данный машине задний ход не помог делу, а между тем турки открыли по пароходу с самого близкого расстояния сильный орудийный (из 7 орудий) и перекрестный ружейный огонь. Команда «Колхиды» не смутилась этим и, пробуя стянуться с мели при помощи кабельтовых, завезенных на казачий баркас, открыла огонь из двух каронад правого борта и бомбического орудия. В то же время люди перевозимой роты расположились по борту парохода, а штуцерные — на баке и отвечали метким огнем на огонь турок. Чтобы облегчить пароход, начали выбрасывать за борт якорные цепи, запас угля и, наконец, срубили фок-мачту, после чего в начале двенадцатого часа дня «Колхида» медленно сошла с мели. В это время неприятельские кочермы отплывали уже от берега, чтобы сцепиться с пароходом на abordаж, но наш удачный выстрел бранскугелем из бомбического орудия потопил одну кочерму и остановил намерение турок. После четырехчасового неравного боя «Колхида» вышла из-под выстрелов, имея 120 пробоин в корпусе, убитыми командира парохода и 12 нижних чинов и ранеными 2 обер-офицеров и 15 нижних чинов кроме легкораненых⁶⁹.

Вся доблесть команды слабой «Колхиды» особенно рельефно обрисовывается при сравнении с поведением сильного английского парохода «Тигр», ставшего 30 апреля 1854 года на мель у берегов Одессы и спустившего флаг после нескольких выстрелов двух орудий нашей конной артиллерии!

Занятие турками поста Св. Николая произвело и в Севастополе, и в Петербурге удручающее впечатление, в особенности ввиду влияния этого события на горцев⁷⁰. Решено было произвести попытку к отобранию поста, для чего князь Меншиков кроме фрегатов «Флора» и «Мидиа», отправил к восточным берегам и пароходо-фрегат «Херсонес».

С 20 октября к Озургетам стали прибывать подкрепления силой в 1 1/2 батальона, 4 орудия и 6 сотен, при помощи которых были с успехом отбиты все дальнейшие попытки турок произвести нападение на разные пограничные пункты Гурии.

В свою очередь и князь Гагарин, возмущенный вероломным нападением турок на пост Св. Николая, горел желанием отомстить им переходом в наступление Гурийского отряда.

У него с присоединением частей Литовского и Брестского полков образовался отряд из 6 батальонов, 12 орудий и более 2500 человек милиции. Князь Гагарин предполагал предпринять с такими силами движение в Кобулетский санджак⁷¹.

Одинаковым желанием горел и начальник береговой линии адмирал Серебряков⁷², который настаивал, впрочем, на направлении действий прямо на Николаевский пост с целью обратного им овладения.

Серебряков, предполагая, что у князя Гагарина имеется 8 батальонов, считал необходимым направить из них четыре с 4 орудиями против Николаевска и остальные 4 батальона оставить у Озургет для прикрытия их со стороны Легвы. Вместе с этим он намеревался со стороны моря, если состояние погоды будет благоприятствовать, содействовать одновременной атакой 2 фрегатами, 2 корветами и 2 пароходами с посаженным на них для десанта одним батальоном.

Нападение адмирал Серебряков предполагал произвести 1 ноября, а 31 октября эскадра должна была прибыть в Редут-Кале и скрытно там расположиться.

Князь Гагарин должен был ввиду той же скрытности двинуться не прямо на Николаевск, а на Сепу, распространяя слух о движении к Легве. Отряд этот предполагалось подвести 31 октября к Сепе и расположить его, не доходя до Сепы двух верст, совершенно скрытно верстах в пяти от Николаевска, чтобы не быть обнаруженным турками.

Ввиду того что неприятель после отобрания нами поста не мог отступать вдоль берега, который обстреливался бы нашим флотом, и поэтому будет вынужден искать путей отступления где-нибудь выше по реке, предполагалось перехватить эти пути отступления отрядом, находившимся в Озургетах.

Минута для атаки Николаевска должна была определиться двумя пущенными с парохода «Молодец» ракетами.

Адмиралом Серебряковым были составлены диспозиции для атаки как для сухопутного, так и для морского отрядов⁷³.

Однако приведение этого плана в исполнение представляло очень много неудобств как по незначительности сил, в действительности имевшихся у князя Гагарина, так и по сложности самого плана и по трудности сочетать действия разделенных неприятелем сухопутных и морских сил.

Так смотрел на дело и государь, положивший на донесении князя Воронцова о предположениях адмирала Серебрякова резолюцию: «Сложно, дай Бог успеха».

Князь Гагарин не вполне сочувственно относился к этому плану. Пост Св. Николая, по имевшимся у него сведениям, сильно укреплялся турками и был занят отрядом до 4000 человек при 5 орудиях

под начальством Аббаза-паши. На противоположной, турецкой стороне р. Чолока стояло в укрепленном лагере Лимана до 4000 человек, большей частью регулярных войск с 6 орудиями и против Чолокского поста на урочище Легва — до 2000 при 6 орудиях.

Сам Селим-паша, командовавший всеми войсками в Лазистане, находился в Кобулетах.

Занятие турками Николаевска служило, по мнению князя Гагарина, им не на пользу, а во вред, так как разделяло их силы и ставило их в невыгодное положение при одновременном нашем наступлении с суши и моря.

Начальник Гурийского отряда со своей стороны предполагал более выгодным направить часть сил на Чурук-Су, за Чолок, что дало бы возможность стать твердой ногой в Кобулетах и повлиять на местное население, не особенно тяготевающее к туркам. Но для продолжительного пребывания отряда на Чурук-Су необходимо было обеспечить доставку к нему продовольствия, что являлось бы возможным только при условии оставления на всю зиму парохода с азовскими баркасами в Николаевске⁷⁴.

Но так как, несмотря на свершившееся уже открытое нападение турок на наши пределы, война официально еще не была объявлена, то на переход границы требовалось разрешение князя Воронцова. Взятие нами одного Николаевска не принесло бы, по мнению князя Гагарина, тех результатов, какие можно было ожидать при одновременном наступлении к Чурук-Су.

Мы вынуждены были бы при овладении только постом Св. Николая отделить половину сил (не менее 2 батальонов и 4 орудий) для удержания его в наших руках; кроме того, его необходимо было бы сильно укрепить, устроить в нем зимние помещения для войск и обеспечить 4-месячным запасом продовольствия.

При этом турки не только не покинули бы своих позиций близ Николаевска, но постарались бы их усилить и вооружить крепостными орудиями, имеющимися у них в Батуме, Цихиндзирах и Чурук-Су. Наш отряд был бы в таком случае все время под выстрелами крепостных орудий противника, не имея возможности нанести ему вреда огнем своей полевой артиллерии⁷⁵.

*Лейтенант Железнов,
адъютант Корнилова*

Но занятие Кобулет вызывало при всей своей выгоде и неудобства, а именно необходимость дальнейшего движения к Батуму для овладения им, чего без содействия флота нельзя было достигнуть.

Между тем флот не мог ввиду необходимости охраны побережья, бурного осеннего времени и недостатка угля для пароходов удалаться на долгое время от мест стоянки⁷⁶.

Мысль об овладении Батумом была, как известно, сообщена государем князю Воронцову еще до начала кампании в июне, но наместник признавал эту операцию неисполнимой, пока не будет известно то положение, которое примут в отношении нас Англия и Франция.

В случае разрыва с ними охрана Батума потребовала бы присутствия всего Черноморского флота, а это для него являлось задачей узкой и трудно исполнимой⁷⁷.

К приведению в жизнь планов адмирала Серебрякова и князя Гагарина встретились еще другие затруднения. Накануне 1 ноября стояла столь бурная погода, что флот не мог в намеченный срок принять участия в этой операции, да и князь Воронцов признавал необходимым приостановить всякие наступательные действия со стороны Гурии, ожидая вторжения турок в Ахалцыхский уезд и опасаясь движения неприятеля в Боржомское ущелье и через Сурам к Тифлису.

Наместник потребовал даже для отвращения этой опасности высылки в Сурам трех сотен Имеретинской милиции.

Тем не менее князь Воронцов просил адмирала Серебрякова держать свою эскадру ближе к Потти и Редут-Кале для угрозы турецкому флоту и для обеспечения перевозки из этих пунктов в Марань запасов продовольствия⁷⁸.

Так как барометр предвещал скорое изменение благоприятной погоды, то Серебряков не мог дожидаться прибытия отправленных к нему фрегатов «Флора» и «Мидия» и двинулся к посту Св. Николая⁷⁹ с отрядом имевшихся у него под рукой судов: фрегатов «Мессемврия» и «Сизополь», корветов «Андромаха» и «Пилад», брига «Птоломей», пароходо-фрегата «Херсонес» и трех слабых пароходов Кавказского ведомства «Могучий», «Боец» и «Молодец»⁸⁰.

В ночь с 6 на 7 ноября этот отряд судов вышел под флагом вице-адмирала Серебрякова из Редут-Кале, имея парусные суда на буксирах пароходов и, на случай десанта, на судах один батальон пехоты и восемь азовских казачьих лодок. В 11 часов утра суда при почти полном штиле были поставлены пароходами на указанные им по диспозиции места на расстоянии около 450 сажень от укрепления⁸¹, кроме брига «Птоломей», который по маловетрию не мог подойти на необходимую дистанцию. Турки, сохранив на Николаевском посту все наши строения, возвели новые земляные укрепления и открыли частый огонь из батарей А и Б, вооруженных каждая

четырьмя орудиями. Наши суда отвечали им сильным огнем, нанося вред гарнизону, но не имея успеха в действии против орудий, стоявших за земляными насыпями. Через два часа безрезультатной перестрелки наши суда были взяты вновь на буксиры и ушли в море. Мы потеряли убитыми 2 нижних чинов и ранеными 1 обер-офицера и 5 нижних чинов. Суда потерпели различные повреждения, не помешавшие им, однако, продолжать дальнейшую службу⁸².

После этого вице-адмирал Серебряков совершил крейсерство вдоль ближайших турецких берегов, результатом которого было известие о проходе из Трепизонда в Батум и далее к Сухуму четырех неприятельских пароходо-фрегатов⁸³. Эти сведения вынудили адмирала Серебрякова повернуть обратно, и на рассвете 9 ноября он прибыл в Сухум.

Почти в то же время у восточных берегов Черного моря произошел беспрецедентный и весьма лестный для русского флота факт успешного боя нашего парусного фрегата с тремя турецкими пароходо-фрегатами. Фрегат «Флора» следовал из Севастополя в Сухум-Кале и в ночь с 5 на 6 ноября неожиданно встретился на высоте укрепления Пицунда с тремя двухбатарейными турецкими пароходами, имевшими по 16 портов и вооруженными бомбическими орудиями; из них один был под вице-адмиральским флагом⁸⁴. Но все это объяснилось позднее, на рассвете. Ночью же на опознавательные сигналы «Флоры» пароходы, скрыв свои огни, выстроились в линию и пошли против нашего фрегата. Сойдясь на дальность выстрела, пароходы открыли огонь, на который не замедлила ответом и «Флора». Бой с перерывами продолжался четыре часа, причем турецкие пароходы старались стать против носа нашего фрегата, чтобы безнаказанно бить его, а этот последний удачными маневрами становился к ним боком и действовал батальным огнем.

Вся цель маневров «Флоры» заключалась в том, чтобы держать пароходы против своего борта и не дать им возможности окружить ее с разных сторон. Благодаря искусству командира «Флоры», капитан-лейтенанта Скоробогатова и молодечеству команды цель эта была достигнута блестящим образом, и пароходы, получив повреждения в корпусах, принуждены были выйти из сферы выстрелов нашего фрегата.

Когда рассвело, на горизонте показалась наша шхуна «Дротик», шедшая на веслах по направлению к берегу. Два из турецких пароходов тотчас же бросились в погоню за этим дешевым призом, а третий продолжал держаться за кормой фрегата. Скоробогатов, чтобы спасти шхуну, стал бортом к пароходу и открыл по нему огонь. Тогда два других парохода бросили свою погоню и присоединились к обстреливаемому. Огонь фрегата был так силен, что пароходы более не решались разъединяться, а держались вместе, благодаря чему «Флора» могла им наносить громадный вред.

В девять часов утра пароходы не могли более выдерживать артиллерийского огня нашего фрегата и отступили в беспорядке к западу, имея на буксире пароход под вице-адмиральским флагом. Это судно, с которого распоряжались всем ходом дела и которое действовало лучше других, имело, по свидетельству Ско-робогатова, наверху всех людей, одетых не в турецкую форму⁸⁵.

По мнению контр-адмирала Вукотича, корвет «Флора» своим блестящим делом спас Сухум-Кале, куда направлялись турецкие пароходы и где, кроме тендера «Скорый», не было никаких судов⁸⁶.

Появление в наших водах турецких военных судов вынудило адмирала Серебрякова снять с крейсерства мелкие суда и ограничиться для этой цели лишь четырьмя фрегатами⁸⁷.

Наше положение могло еще ухудшиться в случае появления в Черном море англо-французской эскадры, когда гибель не защищенных флотом береговых укреплений становилась неизбежной. Адмирал Серебряков опасался также, чтобы не оправдались слухи о намерении турецкой эскадры сделать поползновение к овладению Гаграми. Турки входили бы тогда в непосредственную связь с горцами и Магомет-Амином, после чего нельзя было поручиться за верность даже мирного населения Абхазии.

Поэтому адмирал Серебряков ходатайствовал об усилении Сухумского гарнизона из 1-го отделения береговой линии двумя линейными батальонами, которые предполагалось сменить батальонами Черноморского казачьего войска.

Хотя к концу октября манифест о войне не был еще получен в Севастополе, но враждебные операции, открытые уже турками против нас на европейском и азиатском театрах военных действий, заставили князя Меншикова немедленно по получении известия о выходе из Босфора турецкой эскадры принять ряд мер для усиления крейсировавшего у восточных берегов Черного моря отряда судов контр-адмирала Синецына для извещения Нахимова и для поисков турецкой эскадры, если она направится вдоль европейского берега.

С этой целью фрегаты «Флора» и «Мидия» и пароходо-фрегат «Херсонес» должны были отправиться под флагом контр-адмирала Вукотича к Сухум-Кале для подкрепления отряда контр-адмирала Синецына⁸⁸; фрегаты «Коварна» и «Кагул» — к вице-адмиралу Нахимову; эскадра контр-адмирала Вульфа с присоединенным к ней корветом «Калипсо» и пароходом «Грозный» — оставаться на Севастопольском рейде и находиться в совершенной готовности к выходу в море, а эскадра контр-адмирала Новосильского с присоединенным к ней пароходами «Владимир» и «Одесса» и бригом «Эней» должна была немедленно выйти в море

под флагом В. А. Корнилова для исполнения особого возложенного на нее поручения⁸⁹.

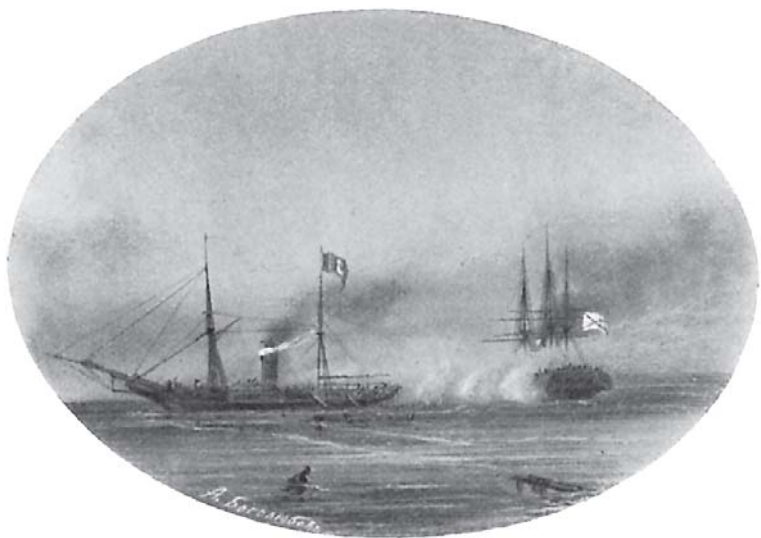
Князь Меншиков, посылая, под влиянием ли писем императора Николая или же под влиянием рвавшегося в бой полного энергии Корнилова, в море большую часть флота, в душе не рассчитывал на возможность встречи в такое позднее время года с турецкой эскадрой в открытом море, а атаковать турецкие крепости ему не было дано право; вот почему, надо полагать, он изменил своему намерению лично стать во главе эскадры⁹⁰. «Ваша задача, — писал он по этому поводу князю Горчакову 2 ноября⁹¹, — как мне кажется, строго оборонительная, моя же — атаковать неприятеля всюду, где его встретят в море, не касаясь крепостей. Для этой цели я имею в море две эскадры, которые, по всей вероятности, встретят только несколько транспортов или пароходов, которые укроются в портах»⁹².

Отправляя 28 октября, до получения манифеста о войне, Корнилова в море, князь Меншиков поставил ему задачу отыскать виденный парохомом «Херсонес» турецкий флот, если он расположится в одном из трех портов — Сизополе, Варне или Балчике⁹³.

Эскадра, врученная Корнилову, состояла из 120-пушечных кораблей «Великий князь Константин» под флагом Корнилова, «Три Святителя» под флагом Новосильского, «Париж», «Двенадцать Апостолов» под флагом Панфилова; 84-пушечных кораблей «Ростислав» и «Святослав», брига «Эней» и двух пароходов «Владимир» и «Одесса», которые должны были присоединиться вслед за выходом эскадры.

В 19 часов вечера 28-го числа Корнилов отдал по эскадре следующий приказ:

«Получив приказание господина начальника главного морского штаба вступить в командование эскадрой, бывшей под флагом контр-адмирала Новосильского, с присоединением пароходов «Владимир», «Одесса» и брига «Эней», и следовать немедленно для открытия и истребления турецкого флота, вышедшего из Босфора, буде он перешел параллель Инады⁹⁴, я объявляю об этом для сведения, кому следует, причем присовокупляю, что флаг мой будет поднят на корабле «Великий князь Константин» и что сего числа ночью или с рассветом я намерен сняться, надеясь, что если бы счастье нам благоприятствовало и мы встретили неприятеля, то с помощью Божьей офицеры и команды судов, со мной отплывающих, вполне воспользуются случаем увеличить наш флот новыми кораблями. Так как манифеста о войне нет, то судам нашим разрешено брать и истреблять одни только турецкие военные суда; купеческие же осматривать и в таком только случае не отпускать, если они будут иметь войска или груз, турецкому правительству принадлежащий, а что касается до судов военных или купеческих

Бой «Владимира» с «Перваз-Бахре»
(с картины А. Боголюбова)

других наций, то все остается в старом порядке, и их ни под каким предлогом не должно останавливать. При могущем встретиться бое, я не считаю нужным излагать какие-либо наставления — действовать соединенно, помогая друг другу и на самое близкое расстояние, по-моему, лучшая тактика»⁹⁵.

В тот же день Корнилов отправил с фрегатом «Коварна» письмо Нахимову⁹⁶, в котором выражал надежду, что Павлу Степановичу удастся расколотить в пух турецкую флотилию, посылаемую в Батум или Сухум; о себе же сообщал, что он выходит в море искать турецкую эскадру, виденную «Херсонесом», но думает, что не найдет ее ни в Варне, ни в Бургасе, далее которого переступить не приказано. Свое письмо Владимир Алексеевич кончал выражением надежды пробраться от Бургаса на свидание с Нахимовым.

Таким образом, при выходе в море сфера деятельности эскадры Корнилова была строго ограничена ввиду неизвестности, состоялся ли манифест о войне, о котором ему пришлось узнать только 7 ноября, по возвращении в Севастополь. Впрочем, как можно судить из приведенной выше выдержки из письма князя Меншикова к князю Горчакову от 2 ноября, т. е. по получении им уже манифеста, этот последний не изменил взгляда князя Александра Сергеевича на неприкосновенность турецких приморских крепостей.

29 октября, в восьмом часу утра, эскадра Корнилова снялась с якоря и, обменявшись салютом с эскадрой контр-адмирала Вульфа и крепостью, взяла курс на мыс Калиакра. Выйдя в открытое море, Владимир Алексеевич поднял сигнал: «Объявить командам, что государь ожидает усердной службы, а Россия — всегдашней славы своего оружия. С нами Бог!»⁹⁷.

Все плавание эскадры Корнилова совершалось при самой неблагоприятной погоде. Тотчас за Херсонесским маяком ее встретил крепкий юго-восточный ветер, обратившийся к вечеру в противный юго-западный шторм с большим неправильным волнением и дождевыми шквалами. Противные ветры, штормы, шквалы, град и дождь неотступно сопровождали наши многочисленные суда, разбросанные по всему Черному морю, Корнилову — на западе, Нахимову — в центре и Вукотичу — на востоке с одинаковой трудностью пришлось, за отсутствием спрятавшихся по портам турецких судов, бороться с более грозным врагом — разбушевавшимся Черным морем, и это не один-два дня, а неделю и даже, как, например, Нахимову, свыше месяца.

Лишь только 3 ноября эскадра Корнилова, присоединив к себе «Владимир» и не дождавшись «Одессы», приблизилась к мысу Калиакра⁹⁸. Адьютант адмирала, лейтенант Железнов, был послан на «Владимире» осмотреть Балчик, Варну, Сизополь и Бургас, а эскадра в полной готовности к бою в море или к якорному делу стройно лавировала, ожидая возможности двинуться на неприятеля. Но Железнов беспрестанно подавал печалившие моряков сигналы, что турецкого флота нигде не обнаружил.

Опрошенные же купеческие суда показали, что турецко-египетский флот стоит в Буюк-Дере, по-прежнему имея фрегаты и мелкие суда в крейсерстве у самого пролива; четыре английских и столько же французских линейных корабли при соответственном числе пароходов расположились у азиатского берега, а три турецких парохода 31 октября отправились в Трапезонд⁹⁹.

Таким образом, надежда на столкновение с неприятельским флотом у Корнилова пропала, что он с грустью и сообщил в час дня 4 ноября своей эскадре сигналом с флагманского корабля «Великий князь Константин»¹⁰⁰. Полагая свое пребывание с эскадрой более ненужным, он передал ее контр-адмиралу Новосильскому с приказанием двинуться навстречу к Нахимову, чтобы как можно скорее известить его о турецких пароходах, а сам пересел на «Владимир», которому надо было быть скорее в Севастополе, чтобы запастись углем, и направился на нем к порту Амастро¹⁰¹.

Новосильскому дано было приказание двинуться после свидания с Нахимовым в Севастополь, оставив Павлу Степановичу, если понадобится, 84-пушечные корабли «Ростислав» и «Святослав».

А между тем турецкая эскадра из шести судов находилась в это время в море и не далеко от сферы действий эскадры Корнилова. На нее наткнулся в ночь на 1 ноября пароход «Одесса», отыскивавший Корнилова и разошедшийся с ним из-за пасмурной и бурной погоды¹⁰². Уклоняясь от этой эскадры, «Одесса» двинулась к северу; в полдень 1 ноября она находилась только в 18 милях от эскадры Корнилова¹⁰³, но ввиду мрачности и шторма вновь не могла ее различить.

Спустившись, благодаря повреждению в лопастьях колес, к азиатскому берегу и не найдя эскадры Нахимова, командир «Одессы» направился к Севастополю.

5 ноября с рассветом «Владимир» подошел на вид Анатолийского берега против Пендереклии¹⁰⁴, и здесь Корнилов заметил пароходный дым по направлению к Севастополю, а вскоре затем к югу от себя, в расстоянии отдаленного сигнала, какую-то эскадру из шести судов.

Можно полагать, что это была та самая турецкая эскадра, которую в ночь на 1 ноября видел пароход «Одесса» на параллели Бургаса и на меридиане $0^{\circ}15'$ к западу. По всей вероятности, выйдя 31 октября из Босфора для следования вдоль азиатского берега, она была отнесена господствовавшими в эти дни южными и юго-западными штормами на север, а потом, когда погода немного утихла, взяла свое прежнее направление. Корнилов, предполагая себя благодаря ошибочному исчислению «Владимира» между Амастро и мысом Керемпе, т. е. в районе крейсерства Нахимова, принял эту эскадру за Нахимовскую, и, полагая, что он всегда успеет к ней возвратиться, взял курс на видимый пароход.

«Владимир» под командой капитан-лейтенанта Бутакова начал быстро сближаться с неизвестным пароходом, и в 8 часов утра уже были видны его рангоут и труба. Неприятель, преследуемый «Владимиром», начал попеременно менять свой курс¹⁰⁵, то направляясь к берегу, то удаляясь в море. Когда на нашем пароходе были в четверть десятого подняты рангоут и русский флаг, неприятельское судно пошло прямо на «Владимир», выкинув турецкий флаг; но вскоре противник вновь переменял направление, что дало Корнилову возможность с ним сблизиться. «Владимир», видя, что неприятельское судно малосильнее нашего, пустил ему ядро перед носом; на это неприятельский пароход отвечал залпом с борта, что послужило сигналом для открытия огня и с нашей стороны.

Между тем суда так сблизились, что неприятельские снаряды перелетали через наш пароход; наш же огонь отличался замечательной меткостью, и один из первых снарядов сбил с турецкого парохода флагшток с флагом, который скоро был заменен другим.

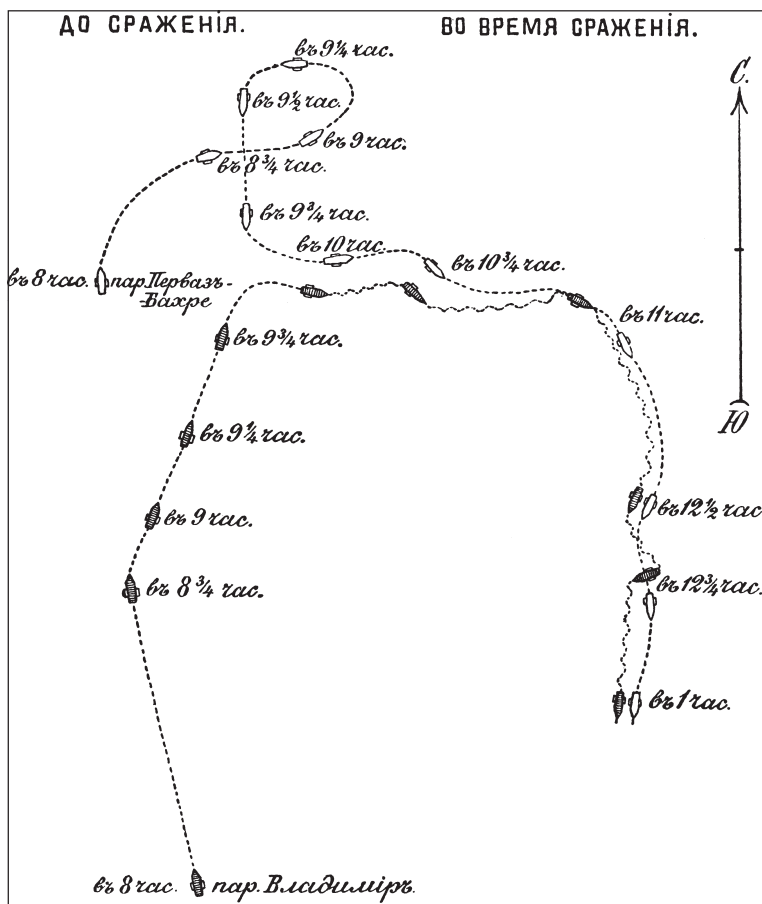

Схема № 13

«Владимир», видя, что у неприятеля не было кормовых орудий, расположился у него в кильватер, чтобы иметь возможность безнаказанно бить его и тем принудить к сдаче.

Турецкий пароход пытался приводить себя в положение, возможное для стрельбы правым бортом, на что «Владимир» отвечал такой же эволюцией и действовал против турок ядрами, бомбами, а иногда и картечью с орудий всего левого борта, на который, кроме того, было перевезено одно кормовое бомбическое орудие. Залпы с турецкого парохода перелетали через «Владимир» и не наносили ему никакого вреда.

В 12 часов дня командир неприятельского парохода, стоявший во все время боя на площадке, был сбит ядром, и вся площадка снесена. Турецкий пароход направил свой курс прямо на азиатский берег. Так бой продолжался около трех часов при образцовом поведении всей команды, при быстрых и сноровистых действиях и при управлении капитан-лейтенантом Бутаковым своим пароходом со спокойствием, напоминавшим мирные маневры.

Тогда Корнилов, видя серьезные повреждения неприятельского судна, решил положить конец делу, сойдясь на дальность близкого картечного выстрела и приняв параллельное неприятельскому пароходу направление. Один залп картечью заставил турецкий пароход в час дня спустить флаг и остановить машину¹⁰⁶.

Взятое с боя судно оказалось 10-пушечным египетским пароходом «Перваз-Бахре» в 220 сил¹⁰⁷, отвозившим письма в Синоп и возвращавшимся в Пендераклию, где он должен был ожидать эскадру турецких фрегатов.

Экипаж судна состоял из 151 человека, из которых было убито 3 офицера и 16 нижних чинов и ранен 21 человек.

С нашей стороны были убиты адъютант Корнилова лейтенант Железнов, офицер, подававший большие надежды, и один нижний чин и ранено 3 нижних чина¹⁰⁸.

Это первое пароходное дело в истории флотов и единственное состязание между двумя колесными пароходами привлекло на себя всеобщее внимание. «Перваз-Бахре», новый, хорошей конструкции, с исправной машиной пароход, был избит до разрушения, кроме машины, которая уцелела, получив лишь несколько пробоин в паровиках и трубе. В кормовой части были вырваны целые доски, рулевая голова сбита, компасы уничтожены, так что приведение парохода в состояние продолжать путь на Севастополь заняло более трех часов времени¹⁰⁹. Что касается «Владимира», то он не потерпел почти никаких повреждений, но артиллерия его оказалась слабой на штырях и в скобах для брюков, которые не выдерживали отдачи орудия и задерживали скорость стрельбы. Это обстоятельство, по мнению Корнилова¹¹⁰, в более равном бою могло бы быть сопряжено с гибельными последствиями.

Командир «Владимира» весьма искусно воспользовался в бою обнаруженной слабостью противника — отсутствием у него кормовых орудий и, следуя ему в кильватер, бил турецкий пароход почти безнаказанно. Бутаков, подготовив надлежащим образом успех атаки, не замедлил этим воспользоваться, сблизился решительным движением вперед с противником и после нескольких залпов картечи заставил спустить флаг.

В 4 часа дня, едва только успели привести взятый пароход в состояние, возможное для продолжения плавания в Севастополь,

на горизонте «Владимира» появились две эскадры. Одна, турецкая, — на юге, которую Корнилов вновь принял за эскадру Нахимова, другая же шла от запада, т. е. в направлении, данном отделившейся 4-го числа от Корнилова эскадре Новосильского. Но Владимир Алексеевич, предполагая, что это могла быть также и эскадра турецких фрегатов, пустив приз плыть по румбу в Севастополь, направился к этой сомнительной эскадре, в действительности оказавшейся принадлежащей Новосильскому¹¹¹.

В пятом часу дня Корнилов подошел к эскадре, поздравил людей с призом и, приказав контр-адмиралу Новосильскому следовать навстречу Нахимову для передачи ему словесных распоряжений, взяв пленный пароход на буксир «Владимира», направился в Севастополь¹¹², куда и прибыл благополучно 7 ноября. Новосильскому же было приказано усилить, если потребуется, эскадру Нахимова двумя двухдечными кораблями, а самому со стопушечными следовать также в Севастополь.

В полночь с 5 на 6 ноября Новосильский сошелся с Нахимовым на пересечении меридиана порта Амастро и параллели 42°12'. На рассвете состоялось свидание между обоими адмиралами. Здесь Новосильский впервые узнал от Нахимова, что манифестом объявлена война с Турцией, и объявил это своей эскадре. В 9 часов утра, оставив Нахимову корабли «Ростислав», «Святослав» и бриг «Эней» и присоединив к своей эскадре «Ягудила» и бриг «Язон», Новосильский направился к Севастополю¹¹³.

Павел Степанович вновь остался один неизменным стражем Черного моря с эскадрой из пяти 84-пушечных кораблей, двух фрегатов, одного брига и одного парохода¹¹⁴, беспрерывно несших второй месяц тяжелую крейсерскую службу в бурное время года и при несомненной наличности вблизи турецкого флота.

Плавание эскадры Корнилова с 29 октября по 7 ноября выказало в полной мере блестящие качества Черноморского флота и отличную подготовку всего личного состава.

Сопровождаемые постоянными штормами и противными ветрами, суда этой эскадры во все время плавания находились в стройном порядке, готовые атаковать неприятеля, где бы и в каких силах он ни был обнаружен. Но, обращаясь к результатам трудного крейсерства Корнилова, нельзя не пожалеть, что вся блестящая работа эскадры увенчалась лишь частным успехом — взятием с боя «Перваз-Бахре». Причиной этому скорее всего может служить то фальшивое положение, в которое был поставлен Корнилов при отправлении его в крейсерство, ряд неизбежных на войне, а тем паче в море случайностей и, наконец, незначительное число пароходов, которые одни только могли играть роль отличных разведчиков в море, несмотря ни на какую погоду¹¹⁵.

Корнилов отправился в крейсерство в то время, когда манифест о войне еще не был получен. Он был стеснен в своей роли самостоятельного руководителя военных операций разными дипломатическими тонкостями, характеризовавшими общее наше фальшивое в то время положение. Турок, открыто проливавший русскую кровь, он мог атаковать только не южнее Бургаса и никоим образом не трогать их крепостей; при встрече с не имеющими права показываться в Черном море судами враждебных нам западных держав он должен был обходиться с ними дружелюбно. Князь Меншиков не счел нужным послать ему вслед полученный манифест о войне и тем развязать руки нашей сильной и отлично подготовленной эскадре.

Корнилов, дойдя до Бургаса, исполнил собственно боевую часть возложенного на него поручения; после этого он, не обнаружив нигде турок, отказался от свидания с Нахимовым, поручив переговоры с ним Новосильскому, а сам решил вернуться в Севастополь. Но здесь и начинается ряд досадных случайностей.

«Одесса» в ночь на 1 ноября встречается в море с турецкой эскадрой, ищет Корнилова, ищет Нахимова, не находит ни того ни другого и, потерпев аварию, 3 ноября возвращается в Севастополь. Князь Меншиков, относившийся вообще недоверчиво к возможности выхода в такую погоду турецкого флота в море, не принимает никаких мер к сообщению начальникам наших эскадр сведений, привезенных «Одессой».

Корнилов, благодаря ошибочному исчислению «Владимиром» своего места, поставил себя утром 5 ноября между портом Амастро и мысом Керемпе, тогда как в действительности он находился против Пендереклии. Принятие им при таких условиях обнаруженной к югу эскадры, подходившей по числу судов к эскадре Нахимова, за эту последнюю является вполне понятным.

Благодаря этому турки вновь ускользают от нас. После боя с «Перваз-Бахре» на виду «Владимира» снова появляются две эскадры. Свидание с Новосильским и проверка места своего нахождения, казалось бы, могли влить в душу Корнилова сомнение насчет того, что только что виденная на юге эскадра принадлежала Нахимову, но, по всей вероятности, разговора об этой эскадре между Корниловым и Новосильским не было, так как этот последний после свидания с Корниловым продолжал отыскивать Нахимова в прежнем направлении, не переменяя своего курса на юг. Причины, которыми в данном случае руководствовался Корнилов, а также причина неоставления Нахимову стопушечных кораблей не могут быть выяснены при помощи имеющихся в наших руках материалов. А между тем турецкая эскадра свободно разгуливала по Черному морю вплоть до Синопского погрома.

Мы оставили эскадру Нахимова вышедшей 11 октября в крейсерство между Анатолией и Крымом с приказанием держаться по возможности на меридиане Тарханкута и параллели 43° и распространить свое наблюдение к Анатолийскому берегу между мысом Керемпе и портом Амастро с таким расчетом, чтобы быть на сообщении между Константинополем и Батумом, в который были отправлены три турецких пароходо-фрегата с орудиями. При этом Нахимову указывалось, что до получения новых инструкций не надлежит считаться в войне с турками¹¹⁶.

Павел Степанович со своей стороны старался по возможности полнее снабдить свои суда всем необходимым для долгого зимнего плавания и дал командирам достойную внимания инструкцию. «Так как, — говорилось, между прочим, в этой инструкции, — Россия не объявляла войны, то при встрече с турецкими судами первый неприязненный выстрел должен быть с их стороны; те же турецкие суда, которые на это решатся, должны быть уничтожены... Я убежден, что в случае разрыва между Россией и Турцией, каждый из нас исполнит свое дело»¹¹⁷.

Но в воздухе уже чувствовалась близость войны, и потому жители Севастополя с особой сердечностью прощались с эскадрой, которой суждено было вновь увидеть родной рейд лишь после сорокадневной, ужасной по перенесенным трудам, жизни в море и увенчанной лаврами Синопской победы.

С рассветом при легком северо-восточном ветре эскадра торжественно снялась с Севастопольского рейда. Несмотря на ранний час, все берега и окрестные холмы были усеяны жителями Севастополя, сроднившимися со своим флотом и громко напутствовавшими уходящих на путь славы, тяжелых трудов, а многих и на последние боевые подвиги.

На следующий уже день ветер засвежел, и осенние бури, штормы и очень часто ураганы почти без перерыва сопровождали эскадру во все время этого продолжительного ее последнего плавания.

Казалось, сама природа напевала грустную лебединую песнь могучему флоту, гордо носившему в течение семи десятков лет свой флаг по волнам бурного Черного моря. Всего через год с небольшим этому флоту суждено было погибнуть в своем родном море — погибнуть, чтобы вновь возродиться твердым в nasledии своих предков и еще более величественным и прекрасным.

14-го числа эскадра Нахимова была уже у Анатолийского берега, и здесь она впервые была обнаружена трехмачтовым турецким батарейным пароходом, который осмотрел ее издали и, заметив дым подходившей «Бессарабии», скрылся из вида. 20 октября адъютант Корнилова лейтенант Железнов привез известие о деле у Исаки, но эта новость, как известно, не развязала рук нашим морякам, так как Железнов вновь подтвердил приказание

Контр-адмирал Панфилов

Наконец 1 ноября пароход «Бессарабия» и фрегат «Коварна» пришли из Севастополя с манифестом о войне. Адмирал тотчас же поднял сигнал: «Война объявлена; турецкий флот вышел в море. Отслужить молебствие и поздравить команду». Под звуки бушующего шторма экипажи приветствовали эту новость несмолкаемыми криками «ура!».

Сильный ветер окончательно прервал всякое сообщение между судами эскадры Нахимова, и только 2-го числа вечером адмирал мог передать эскадре свои приказания.

«Не имея возможности, — писал он в своем приказе, — за крепким ветром и большим волнением два дня передать на суда вверенного мне отряда копии с манифеста объявления войны Турции, я передаю их теперь и предлагаю гг. командирам приказать священникам прочесть их при собрании всей команды. Имею известие, что турецкий флот вышел в море с намерением занять принадлежащий нам порт Сухум-Кале и что для отыскания неприятельского флота отправлен из Севастополя с шестью кораблями генерал-адъютант Корнилов. Неприятель не иначе может исполнить свое намерение, как пройдя мимо нас или дав нам сражение. В первом случае я надеюсь на бдительный надзор гг. командиров и офицеров; во втором — с Божьей помощью и уверенностью в своих офицерах и командах, я надеюсь с честью принять сражение. Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, что в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика. Уведомляю гг. командиров, что в случае встречи с неприятелем, превышающим

выжидать первого выстрела турок и быть в оборонительном положении¹¹⁸.

Благодаря такому распоряжению турецкие военные пароходы безнаказанно тянули суда далеко не с мирным грузом с запада на восток на виду связанной по рукам нашей эскадры¹¹⁹.

С нетерпением и, без сомнения, со скорбью Нахимов продолжал бороться у Анатолийского берега с бурями и ураганами¹²⁰ в томительном ожидании вожденного вестника, который освободил бы его от невыносимой обязанности отражать, но не атаковать.

нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело»¹²¹.

Оценивая этот краткий, определенный, полный решимости и достоинства, но в то же время скромный приказ, один из моряков того времени говорит по поводу его следующее¹²². Как знаток дела, адмирал отлично понимал, что успех действий с парусными судами в открытом море зависит от начальника только до первого выстрела. С этой же минуты начальник эскадры должен в полной мере положиться на личные способности и опытность командиров, предоставляя себе лишь лестное право кинуться первым в бой. Если адмирал в течение крейсерства сумел приучить экипажи к управлению кораблями, если он развил в командирах соображение, дал им возможность постичь качества своих судов, вселил в них уверенность, которая не может существовать без чувства собственного достоинства, тогда, подобно Нельсону под Трафальгаром, он может закрыть сигнальные книги. Другое не менее важное и чисто нравственное условие — это тесная дружеская связь между командирами, которая одна только вполне обеспечивает столь необходимую взаимную помощь.

Лазарев и его достойные сподвижники в течение многих лет воспитывали Черноморский флот именно в этом направлении; во время последнего трехнедельного крейсерства в бурную осень под руководством своего опытного адмирала Нахимовская эскадра довершила свою боевую подготовку, и теперь, вступая в открытую борьбу, когда пришло время использовать результат многолетних трудов, Павлу Степановичу незачем было быть многоречивым: от адмирала и до последнего матроса все мыслили у него в эскадре одинаково, все отлично знали, что и как предстоит им делать под флагом своего обожаемого начальника.

Инструкции, присланные Нахимову вместе с манифестом о войне, не изменяли, судя по отданному им приказу, ранее данной ему задачи крейсировать у Анатолийского берега между мысом Керемпе и портом Амастро. Враждебная нам западная печать старалась объяснить после синопского погрома крейсирование эскадры Нахимова именно на этом участке Черного моря нашим желанием во что бы то ни стало атаковать турок, считая, что для охраны Закавказья от подвоза туда морем подкреплений и оружия следовало бы крейсировать у восточных берегов Черного моря. Полагаем, что одного взгляда на карту этого моря достаточно, чтобы видеть, что лучшее выполнение возложенной на Нахимова задачи именно требовало пребывания его эскадры между Крымом и мысом Керемпе.

Здесь, в самом узком месте Черного моря, Нахимову было гораздо легче перехватывать все идущие из Константинополя суда, чем делать это, разбросав свою эскадру вдоль значительного

протяжения восточного берега. Да, кроме того, нам было хорошо известно, что главные средства для борьбы на Кавказе могли доставляться именно из Константинополя, а не из соседних с Кавказом азиатских портов, для наблюдения за которыми существовала вторая линия судов под начальством первоначально контр-адмирала Синицына, а впоследствии Вукотича¹²³.

Нахимов по самой природе своей не принадлежал к числу натур нервных, честолюбивых. Поэтому манифест о войне не заставил его кинуться вперед, чтобы во что бы то ни стало отыскать неприятеля и разбить его. Он отлично сознавал важное значение оберегаемого им участка, правильно понял, что целью слабого турецкого флота будут не европейские берега и не Крым, а Кавказ, и потому спокойно оставался между мысом Керемпе и Амастро, где неприятель непременно должен был пройти¹²⁴. И это решение знаменитого адмирала было тем более правильно, что он знал о предпринятых эскадрой Корнилова поисках турецкого флота и не сомневался в энергии этих поисков.

Но Нахимов перестал уже только наблюдать за проходившими мимо него турецкими судами, и результатом полученного права действовать наступательно был захват 4 ноября близ мыса Керемпе нашим пароходом «Бессарабия» турецкого транспортного парохода в 200 сил «Меджари-Теджарета». «Бессарабия» во время крейсерства вдоль берега для осмотра купеческих судов увидела идущий из Синопа турецкий пароход. Скрыв первоначально себя парусами и подпустив неприятеля ближе к себе, наш пароход погнался за ним. После второго выстрела турецкий пароход спустил шлюпки, на которых успели спастись на берег капитан и часть экипажа. Захваченный же приз был доставлен в полной исправности в Севастополь¹²⁵.

5 ноября с 10 часов утра в эскадре Нахимова были слышны выстрелы — то было известное дело «Владимира» с «Перваз-Бахре». Эти выстрелы сильно встревожили Павла Степановича. Предполагая, что Корнилов встретил турецкий флот и завязал с ним дело, он всей душой рвался на помощь, но, как нарочно, мертвый штиль приковывал его к месту. Пришлось «Бессарабии» и пленному турецкому пароходу брать корабли поочередно на буксир, и таким только образом эскадра придвинулась на семь миль к западу¹²⁶. Задувший к вечеру ветер дал возможность прибавить ходу. В десятом часу вечера многочисленные огни обнаружили приближение неизвестной эскадры. Адмирал сделал сигнал приготовиться к бою, но то была эскадра Новосильского.

Подробности разговора Новосильского с Нахимовым остаются для истории неизвестными. Как было изложено выше, Новосильский, заменив у Нахимова наиболее пострадавшие от продолжительного плавания суда другими, утром 7 ноября, исполняя

приказание Корнилова, направился в Севастополь, уводя с собой все стопушечные корабли.

Расставшись с эскадрой Новосильского, Нахимов направился к Синопу, чтобы удостовериться, действительно ли там стоят два турецких фрегата и два корвета, о которых сообщили пленные со взятого «Бессарабией» парохода, а также разведать, не сосредоточилась ли там турецкая эскадра, присутствие которой в море с целью пробраться к кавказским берегам было неоспоримо. Для крейсирования же по направлению к Босфору был оставлен фрегат «Кагул»¹²⁷.

С полночи на 8 ноября снова задул сильный юго-западный ветер, который к утру превратился в шторм. Громадное волнение не мешало, однако, в этот день нашим судам различить через Синопский перешеек рангоуты четырех турецких судов, стоявших на Синопском рейде, хотя этот шторм и не прошел даром для эскадры Нахимова. «Святослав», «Храбрый» и «Коварна» получили такие повреждения, что адмирал вынужден был 9-го числа отправить их в Севастополь, куда 10-го отправилась и «Бессарабия» для починки и пополнения запаса угля.

Таким образом, у Павла Степановича осталось в руках только три корабля¹²⁸, один бриг¹²⁹ и в крейсерстве у мыса Керемпе фрегат «Кагул». Адмирал, несмотря на это, продолжал держаться на виду Синопа, чтобы воспользоваться первой возможностью проинформировать ближайшую разведку числа стоявших на рейде судов.

В это же самое время фрегат «Кагул» в шторм 8 ноября незаметно сошелся с четырьмя турецкими фрегатами, от которых спасся, исключительно благодаря блестящей подготовке личного состава Черноморского флота.

Крейсируя у мыса Керемпе, фрегат боролся не только с сильным юго-западным штормом, но и с туманом, который был настолько густ, что в пяти саженях ничего нельзя было различить. К полудню туман начал несколько подниматься, и вскоре невдалеке на горизонте удалось различить четыре неясных контура судов.

Командир фрегата капитан-лейтенант Спицин принял их за суда эскадры Нахимова, и поэтому «Кагул» продолжал штормовать под теми же парусами. Но каково было удивление экипажа, когда туман всколыхнулся и в 400 саженях от «Кагула» обрисовались четыре турецких фрегата, идущих на него полным ветром. Минута промедления, и наш фрегат должен был очутиться между турок, шедших двумя колоннами. О вступлении в бой со столь неравными силами не могло быть и речи; оставалось сделать отчаянную попытку уйти от преследования. В одну минуту на «Кагуле» закипела молодецкая авральная работа¹³⁰. «Любо было смотреть, — пишет очевидец¹³¹, — на молодцов матросов, понимавших всю серьезность положения, быстро и отчетливо, без суеты и в строгом

молчании исполнявших каждый свое дело». Пока турки были в нерешительности, рассматривали сигналы с их флагманского судна, «Кагул» уже отдал все паруса и, глубоко зарываясь носом в пенистые волны, летел как птица, имея прислугу у заряженных орудий. Через полчаса, заметив, что один из турецких фрегатов как бы приближается, наше судно еще прибавило ходу, и с тех пор неприятель, видимо, стал отставать.

Но такая форсировка парусами недешево досталась «Кагулу». Его бросало, как щепку, и сильными порывами ветра раза два совсем клало набок; вода с шумом переливалась с борта на борт не только на батарейной палубе, но и на кубрике, а в трюме ее набралось до 35 дюймов.

Наступивший вновь туман и сумерки скрыли «Кагул» от неприятеля, но ему еще в течение двенадцати часов пришлось выдерживать разразившийся с новой силой шторм.

Находясь в таком положении, фрегат решил идти на Севастополь, чтобы дать знать о погоне турецкого флота. 10-го числа «Кагул» встретил подходившую к Севастопольскому рейду эскадру Новосильского, дал ей знать о случившемся, после чего фрегат вновь отправился, несмотря на все повреждения и большую течь, в крейсерство к мысу Керемпе.

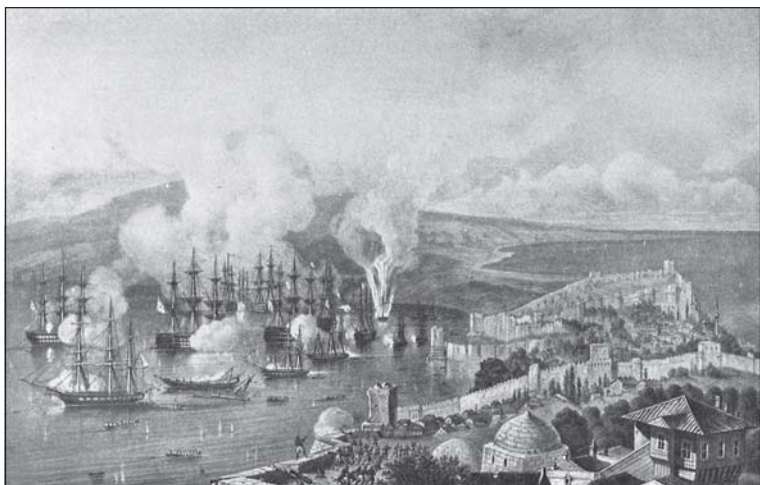
Своим спасением фрегат был единственно обязан молодецкой распорядительности командира и отличной подготовке всей команды. Этот маленький эпизод является блестящей иллюстрацией характеристики всего Черноморского флота, память о котором не иссякнет веками.

Турецкие фрегаты, гнавшиеся за «Кагулом», были под начальством вице-адмирала Османа-паши.

В ночь на 19 ноября, после Синопского сражения, израненный начальник турецкой эскадры был найден на горевшем судне командой с «Кагула». Придя в себя, он с интересом начал расспрашивать о том русском фрегате, который 8 ноября ускользнул от его эскадры в то время, когда он считал его уже совсем в своих руках. Изумлению старого адмирала не было границ, когда он узнал, что находится на том самом фрегате, который, по его мнению, должен был погибнуть, неся все паруса во время бывшего ужасного шторма¹³².

Между тем Нахимов все время продолжал держаться у Синопа и наконец 11 сентября, воспользовавшись свежим восточным ветром, подошел к этому пункту на 2 мили и ясно различил там большую турецкую эскадру, состоявшую из 12 военных судов и 2 транспортов.

Положение серьезно изменилось и притом в худшую для Нахимова сторону: он очутился с тремя кораблями против несравненно более сильной турецкой эскадры, которая ежеминутно могла

Синопское сражение

его атаковать. Но не изменилась решимость Павла Степановича не упустить без боя отысканного после таких трудов противника. Эта решимость знаменитого адмирала, еще рельефнее выдающаяся ввиду той затруднительной обстановки, в которой он находился, замечательно характерно выясняется из его рапорта к командиру Севастопольского порта от 11 ноября за № 274, который он отправил с бригом «Эней», вылавировав из Синопского залива¹³³.

«Обозревши сего числа, — доносил Нахимов, — в самом близком расстоянии порт Синоп, я нашел там не два фрегата, корвет и транспорт, как доносил вашему превосходительству, а семь фрегатов, два корвета, один шлюп и два больших парохода, стоящих на рейде под прикрытием береговых батарей.

Предполагая, что есть какая-нибудь цель у неприятеля, чтобы собрать такой отряд военных судов в Синопе, я положительно останусь здесь в крейсерстве и буду их блокировать до прибытия ко мне двух кораблей, отправленных мной в Севастополь для исправления повреждений. Тогда, несмотря на вновь устроенные батареи, кроме тех, которые показаны на карте Манганари, я не задумаюсь их атаковать». Свой рапорт адмирал кончал убедительной просьбой вернуть скорее два корабля его отряда и фрегат «Кулевча», а также прислать хоть два парохода, столь необходимые в крейсерстве.

Одновременно с этим Нахимов сделал распоряжение о возвращении к эскадре от мыса Керемпе фрегата «Кагул»¹³⁴.

Между тем князь Меншиков в первых числах ноября получил в Севастополе высочайшее повеление¹³⁵ не атаковать турецкие приморские города, истребить турецкий флот, если он вышел в море, и стараться отрезать сообщение между Константинополем и Батумом. Таким образом, несмотря на пролившуюся уже кровь, действия наших моряков все еще продолжали быть стесняемы дипломатическими тонкостями канцелярии графа Нессельроде.

Князь Меншиков это высочайшее повеление облек в более определенную и менее стеснительную для Нахимова форму, предписав ему по истреблении в Синопе неприятельских судов¹³⁶ пройти с эскадрой вдоль Анатолии к восточным берегам Черного моря, у которых появились турецкие пароходы и делают нападения на крейсирующие там суда¹³⁷.

Однако посланные 7 ноября с этим приказанием пароходы «Одесса» и «Громоносец» не могли из-за непрерывных штормов и аварий доставить его по назначению и вернулись в Севастополь. 15-го на рассвете предписание Меншикова вновь было отправлено с фрегатом «Кулевча» и дошло до Нахимова накануне Синопского сражения.

Между тем еще 11 ноября, когда эскадра Новосильского, выдержав шторм у южных берегов Крыма, входила на Севастопольский рейд, с городского телеграфа был замечен даваемый этой эскадре фрегатом «Кулевча» сигнал о погоне за ним турецких судов, а приход в Севастополь одновременно с этим отосланных Нахимовым потерпевших судов выяснил князю Александру Сергеевичу рискованное положение незначительной эскадры Нахимова.

Новосильский поэтому был немедленно по входе на рейд потребован к князю Меншикову и получил приказание тотчас же вновь следовать на соединение с Нахимовым. Эскадре не дали даже как следует запастись провизией, и на рассвете 12-го «Париж», «Великий князь Константин», «Три Святителя», «Варна» и «Гавриил» покинули Севастопольский рейд¹³⁸. Два последних на следующий день были отосланы обратно, вследствие открывшейся в «Варне» течи при крепком восточном ветре, а стопущечные корабли соединились с Нахимовым рано утром 16 ноября¹³⁹ у мыса Пахиоса¹⁴⁰.

Корнилов во время этих распоряжений находился в Николаеве и прибыл в Севастополь только 15 ноября. Тотчас им был сделан ряд распоряжений¹⁴¹ о скорейшем изготовлении всех пароходов к выходу в море, причем из пароходо-фрегатом «Крым», «Одесса» и «Херсонес» формировался особый отряд под начальством контр-адмирала Панфилова, назначение которого пока оставалось в тайне.

16-го в полдень «Эней» доставил в Севастополь вышеприведенное донесение Нахимова о сосредоточении в Синопе большой эскадры, и князь Меншиков приказал Корнилову немедленно спешить на помощь Нахимову с теми пароходами, которые могут быть скорее изготовлены¹⁴².

Утром 17-го «Одесса», «Крым» и «Херсонес» покинули, под флагом Корнилова, Севастопольский рейд¹⁴³.

Если отправление в Севастополь эскадры Новосильского 6 ноября, после свидания с Нахимовым и при явном присутствии в Черном море турецкой эскадры, и вызывает некоторое недоумение, то дальнейшие действия всех высших руководителей Черноморского флота отличаются замечательной определенностью в достижении одной общей цели — не упустить обнаруженной в Синопе турецкой эскадры и обеспечить успех предстоящего дела сосредоточением возможно больших сил.

В действиях Нахимова обнаружилось то редкое сочетание твердой решимости с благоразумной осторожностью, то равновесие ума и характера, которое составляет исключительную принадлежность великих военачальников. Выследив неприятеля, обнаружив его превосходные силы, он сумел удержать у себя и у своего отряда благородный пыл, требовавший немедленно дать волю долго напившему чувству обиды, вызванному фальшивой политической обстановкой. И, действительно, атаковать с тремя кораблями более сильную турецкую эскадру, стоявшую под защитой береговых батарей, было бы безрассудно, в особенности когда обстоятельства позволяли рассчитывать на увеличение своего отряда. Но это не отнимало у Павла Степановича решимости вступить во что бы то ни стало в бой и с такими неравными силами, если бы неприятель высказал поползновение ускользнуть из Синопа.

Несмотря на сильный северо-восточный ветер, он все время продолжал держаться со своей эскадрой у самых берегов «из опасения, чтобы неприятель не вышел из порта ночью и, пользуясь попутным ветром, не возвратился в Константинополь»¹⁴⁴.

Между тем Нахимов принял все меры, чтобы скорее увеличить свой отряд. Он сделал энергичное представление в Севастополь и не забыл притянуть к себе крейсировавший фрегат «Кагул», отлично сознавая, что в пылу морского боя ни одно судно не может быть лишним.

Надо отдать должную справедливость и князю Меншикову, который при первом известии о появлении турецкого флота принял с полной энергией ряд мер, чтобы поскорее усилить Нахимова, и Корнилову, который немедленно, получив известие о сосредоточении в Синопе турецкой эскадры, лично отправился принять участие в славном деле.

Примечания

¹ Граф Адлерберг — князю Меншикову 24 сентября 1853 г., № 419. Архив канц. Воен. мин. 1853 г., секр. д. № 60. См. приложение № 47.

² Жандр. С. 67.

³ См. схему № 11.

⁴ Князь Меншиков — генерал-адмиралу Корнилову 16 октября 1853 г. Гос. архив, разр. XI, д. № 1249.

⁵ См. приложение № 48.

⁶ Князь Горчаков — военному министру от 12 октября 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снаб. войск 1853 г., д. № 57.

⁷ Князь Меншиков — генерал-адмиралу 16 октября 1853 г. Гос. архив, разр. XI, д. № 1249.

⁸ Князь Меншиков ссылается в письме к генерал-адмиралу на свое всеподданнейшее письмо от 3 октября, которого при всем старании мы в архивах отыскать не могли, так же как и вообще большинства писем Меншикова к государю за 1853 г. В своем же дневнике князь Александр Сергеевич не имел обыкновения затрагивать общеинтересных вопросов.

⁹ Контр-адмирал Афанасьев. (Рукоп. отд. музея Севастопольской обороны).

¹⁰ Предписание адмирала Берха вице-адмиралу Нахимову от 5 октября 1853 г., № 51.

¹¹ Корабли: «Императрица Мария», «Ягудиил», «Храбрый» и «Чесма»; фрегаты: «Коварна», «Кулевча» и «Кагул»; бриги: «Эней» и «Язон» и пароходо-фрегат «Бессарабия».

¹² Предписание адмирала Берха от 5 октября 1853 г., № 52.

¹³ Отношение генерал-адъютанта Корнилова к командиру Севастопольского порта от 8 октября 1853 г., № 277, из Одессы.

¹⁴ Всеподданнейший рапорт вице-адмирала Нахимова от 11 октября 1853 г. Архив Мор. мин.

¹⁵ Князь Меншиков — генерал-адмиралу 16 октября 1853 г. Гос. архив, разр. XI, д. № 1249.

¹⁶ Приказ по Черноморскому флоту 16 октября 1853 г., № 5. Никол. центр. архив, кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2385, св. 130. Жандр. С. 71.

¹⁷ Корабли: «Три Святителя», «Двенадцать Апостолов», «Великий князь Константин», «Париж», «Ростислав» и «Святослав»; фрегаты: «Кулевча» и «Мидия».

¹⁸ «Гавриил», «Селафаил», «Уриил» и «Варна».

¹⁹ «Херсонес», «Крым», «Одесса» и «Громоносец».

²⁰ Контр-адмирал Афанасьев (рукопись). Рукоп. отд. музея Севастопольской обороны. Дневник А. Б. Асланбекова (рукопись). Там же. Шхашхашные журналы. Николаевский архив. Жандр. С. 71—73.

²¹ 18 октября 1853 г. Там же.

²² Письмо от 20 октября 1853 г. из Николаева. Жандр. С. 78.

²³ Барон Бруннов графу Нессельроде 17 (29) октября 1853 г. Гос. архив, разр. III, д. 108.

²⁴ Инструкция, данная ген.-адъют. Корниловым командирам пароходов, помещена у Жандра на с. 80 и 81.

²⁵ Жандр. С. 82.

²⁶ Ордер фронта — на перпендикуляре курса.

²⁷ В кильватер друг другу.

²⁸ Отчет генерал-адъютанта Корнилова, составленный 28 октября 1853 г. Николаевский центр. архив, кн. оп. 23, оп. 185, д. № 1765, св. 61. Жандр. С. 83—85.

²⁹ Жандр. С. 85.

³⁰ Шханочный журнал «Одесса». Николаевский центр. архив, кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2438, св. 134.

³¹ Контр-адмирал Афанасьев (рукопись). Музей Севастопольской обороны. Жандр. С. 86.

³² Шханочный журнал брига «Язон». Николаевский центр. архив, кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2413, св. 133.

³³ Письмо князя Воронцова военному министру 25 сентября 1853 г. Архив воен. уч. Гл. шт., отд. 2, д. 6562.

³⁴ 3-й бат. Эриванский караб. наследного принца полка, 4-я р. Кавказского саперн. бат., 1 взв. легк. № 7 бат. 21 арт. бр. и 3 сотни милиции.

³⁵ Мингрельский егер. п., горн. № 1 бат. Кавказской гренад. арт. бриг., Донской каз. № 21 п. и милиции.

³⁶ Приказы по действ. Кавказскому корпусу № 1, 2, 3 и 11.

³⁷ См. приложение № 49.

³⁸ Приказ по действ. Кавказскому корпусу № 4.

³⁹ Рапорты полковника Карганова князю Гагарину 8 октября, № 104, и 9 октября, № 1571. Архив Кавказ. воен. окр., Ген. шт. д. № 2.

⁴⁰ 1-й бат. Мингрельского егер. п., 4-й бат. Тифлисского егер. п., 4 ор. горн. № 3 бат. и 2 ор. легк. № 7 бат.

⁴¹ Предписание генерал-лейтенанту Ковалевскому от 9 октября 1853 г., № 203. Архив Кавказ. воен. окр.

⁴² Отзыв главнокомандующего военному министру 17 октября 1853 г., № 648. Там же.

⁴³ 1-й бат. Грен. великого князя Константина Николаевича п.; 2-й и 3-й бат. Эриванского кар. п.; Св. бат. грен. бриг.; Кавказ. стр. бат.; 3 роты Кавказ. сап. бат.; 1-й бат. ег. князя Воронцова п.; бат. № 1 и № 5 бат.; легк. № 1 и 2 ор. № 7 бат.; 2 ор. горн. № 1 бат. и дивизион Нижегородского драг. полка.

⁴⁴ Князь Бебутов был болен, а князь Барятинский, который должен был временно командовать корпусом, еще не прибыл в Александрополь.

⁴⁵ Рапорт воен. мин. 5 октября 1853 г., № 1062. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 6565.

⁴⁶ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

⁴⁷ Курсив подлинника.

⁴⁸ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

⁴⁹ См. схему № 11.

⁵⁰ Список судов этого отряда см выше.

⁵¹ Список этих судов см. выше.

⁵² Всего таких пароходов было шесть, от 44 до 260 сил.

⁵³ Корнилов — Синицыну 8 июня 1853 г., № 123. Николаевский центр. архив, кн. оп. 23, оп. 185, д. № 1734, св. 61.

⁵⁴ Корнилов — Синицыну 28 сентября 1853 г., № 265.

⁵⁵ Рукописный журнал плавания лейтенанта Бутакова. Музей Севастопольской обороны.

⁵⁶ Рапорт ком. отр. суд., крейсер. у вост. бер. Черного моря, ком. Севаст. порта от 21 октября 1853 г., № 409. Николаевский центр. архив, оп. 185, д. № 1761, св. 61.

⁵⁷ Эти показания лейтенанта Бутакова, плававшего на «Андромахе» и записавшего их тотчас же под свежим впечатлением, заслуживают полного доверия.

⁵⁸ Вахтенный журнал фрегата «Сизополь» за 1853 г. Николаевский центр. архив, кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2399, св. 132.

⁵⁹ Рапорт 14 сентября № 1077. Архив Кавказ. в. окр., д. Ген. шт. 1853 г., № 2, ч. I.

⁶⁰ Черноморского линейного № 12 батальона; орудия Редут-Кальского гарнизона.

⁶¹ Донесение начальника Черноморского береговой линии о воен. происш., рапорты князя Гагарина 22 октября, № 1733 и 18 октября, № 1678. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 5.

⁶² См. схему № 12.

⁶³ Убиты 1 офицер и 217 нижих чинов; ранено 2 офицера и 29 нижних чинов.

⁶⁴ Ведомость, прилаг. к рапорту князя Гагарина от 22 октября 1853 г., № 1733. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁶⁵ Князь А. С. Меншиков не верил донесению об атаке поста Св. Николая с моря, полагая, что шум высадки должен был предупредить гарнизон об угрожающей опасности, а считал более вероятным нападение с сухого пути. (Письмо князя Меншикова военному министру от 29 октября 1853 г., Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 72.) Если принять во внимание, что в эту ночь была ветреная погода, заставлявшая наши крейсера держаться у Пицунды, то шум от высадки, наверное, заглушался шумом моря.

⁶⁶ От Озургет до поста Св. Николая 30 верст.

⁶⁷ В Поти, где был склад в 2300 четвертей муки, имелся гарнизон всего из 75 человек и сотни милиции; в Редут-Кале было 3 роты.

⁶⁸ Рапорт генерала Миронова 22 октября, № 731. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 45. Рапорт барона Дюстерлоо. Донесение начальнику Черноморской береговой линии о воен. происш. 1853 г. Архив воен. уч. ком., отд. 2, д. № 5.

⁶⁹ Вахтенные журналы за 1853 г. пароходов «Колхида» и «Боец»; донесение контр-адмирала Синицына командиру Севастопольского порта от 21 октября 1853 г., № 409; рапорт командующего парохода «Колхида» от 21 октября 1853 г., № 12. Николаевский центр. архив.

⁷⁰ Письмо князя А. С. Меншикова князю М. Д. Горчакову от 2 ноября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253. Князь Долгоруков — князю Меншикову от 13 ноября 1853 г. Там же, д. № 4254.

⁷¹ Рапорт от 17 октября 1853 г., № 1674.

⁷² Отзыв адмирала Серебрякова князю Гагарину 27 октября 1853 г., № 207. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 5.

⁷³ См. приложения № 50 и 51.

⁷⁴ Рапорт князя Гагарина 28 октября 1853 г., № 1828. Архив Кавказ. воен. окр.

⁷⁵ Рапорт князя Гагарина адмиралу Серебрякову 30 октября 1853 г., № 1852. Там же.

⁷⁶ Письмо адмирала Серебрякова князю Воронцову от 26 октября 1853 г. Там же.

⁷⁷ Отношение военного министра князю Воронцову 20 июня 1853 г., № 3893, и его ответ. Архив канц. Воен. мин. 1853 г., секр. д. № 59.

⁷⁸ Отзыв князя Воронцова адмиралу Серебрякову 3 ноября 1853 г., № 660. Архив Кавказ. воен. окр. и рапорт адмирала Серебрякова 9 ноября 1853 г., № 273. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 5.

⁷⁹ Рапорт вице-адмирала Серебрякова князю Воронцову от 9 ноября 1853 г., № 273. Архив Мор. мин. инсп. деп., II отд., 2 ст., 1853 г., д. № 597.

⁸⁰ Николаевский центр. архив, оп. 18, д. № 22, св. 1.

⁸¹ См. схему № 12.

⁸² Донесения вице-адмирала Серебрякова (Архив Мор. мин. инсп. деп., II отд., 2 ст., 1853 г., д. № 597), контр-адмирала Вукотича (Николаевский центр. архив, оп. 185, д. № 1767), вахтенные журналы корвета «Андромаха», брига «Птоломей», пароходо-фр. «Херсонес», корвета «Пилад» и пар. «Молодец» (Никол. центр. архив); журн. плавания лейтенанта Бутакова (рукоп. отд. Музея Севастопольской обороны).

⁸³ Там же.

⁸⁴ См. схему № 11.

⁸⁵ Рапорт капитан-лейтенанта Скоробогатова от 11 ноября 1853 г., № 623 (Архив Мор. мин. инсп. деп., II отд., 2 стр., 1853 г., д. № 600); вахт. журн. фр. «Флора» за 1853 г. (Николаевский центр. архив); П. Мордвинов (Морской сборник 1880 г., кн. 8); Всеподданейший доклад Вел. кн. Константина Николаевича за 1853 г. (Архив Мор. мин. воен. пох. канц.), дневник А. Б. Асланбекова (рукоп. отд. Музея Севастопольской обороны) и др.

⁸⁶ Донесение контр-адмирала Вукотича от 11 ноября 1853 г., за № 23.

⁸⁷ Рапорты адмирала Серебрякова 18 и 26 октября 1853 г., № 918 и 724. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 5. Рапорт адмирала Серебрякова 10 ноября, № 276. Архив Кавказ. воен. окр.

⁸⁸ Вукотич должен был сменить в начальствовании отрядом Синицына, которому предписано было вернуться в Севастополь.

⁸⁹ Приказ командира Севастопольского порта 28 октября 1853 г., № 1095. Николаевский центр. архив, кн. 17, оп. 97, д. № 43, св. 3.

⁹⁰ 20 октября князь Меншиков писал Корнилову: «Ежели вы действительно узнаете о выходе турецкого флота из Босфора, то неукоснительно дайте мне знать с назначением пункта соединения с вами». Жандр. С. 79.

⁹¹ Манифест о войне был получен в Севастополе 30 октября. Дневник А. Б. Асланбекова. Рукоп. отд. музея Севастопольской обороны.

⁹² «Votre programme est la défensive stricte, à ce que je crois, le mien est d'attaquer l'ennemi partout où on le rencontrera en mer, sans toucher aux places. J'ai deux escadres en mer à cet effet qui probablement ne rencontreront que quelques transports ou vapeurs quise réfugieront dans les ports». Архив воен. уч. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

⁹³ Подлинное донесение генерал-адъютанта Корнилова князю Меншикову о произведенном плавании от 7 ноября 1853 г. (в приложении № 52).

⁹⁴ См. схему № 11.

⁹⁵ Шханочный журнал корабля «Три Святителя». 1853 г. Николаевский центр. архив, кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2385, св. 130.

⁹⁶ Жандр. С. 88.

⁹⁷ Вахтенный журнал корабля «Великий князь Константин» за 1853 г. Николаевский центр. архив, кн. оп. 51., оп. 335, д. № 2380, св. 130.

⁹⁸ Путь эскадры Корнилова показан на схеме № 11.

⁹⁹ Вахтенные журналы всех судов эскадры. Николаевский центр. архив.

¹⁰⁰ Вахтенный журнал корабля «Двенадцать Апостолов» за 1853 г. Николаевский центр. архив, кн. оп. 31, оп. 335, д. № 2382, св. 130.

¹⁰¹ См. приложение № 52.

¹⁰² См. схему № 11.

¹⁰³ Рапорт командира парохода «Одесса» начальнику штаба Черноморского флота от 3 ноября 1853 г., № 749. Жандр. С. 98.

¹⁰⁴ В отчете Корнилова ошибочно указан подход к Анатолийскому берегу, между портом Амастро и мысом Керемпе.

¹⁰⁵ Эволюции «Владимира» и «Перваз-Бахре» перед боем и во время боя см. на кроки № 13.

¹⁰⁶ Всеподд. отч. великого князя Константина Николаевича за 1853 г. Архив Мор. мин. воен. пох. канц. 1853 г., д. № 155/84.

¹⁰⁷ Напомним здесь, что «Владимир» был вооружен 11 орудиями: 2 — 10-дйм. бомб., 3 — 68-фунт. бомб. пуш., 4 — 24-фунт. пуш. кар. и 2 — 18-фунт. кар.

¹⁰⁸ Н. А. Обнинский рассказывает в своих записках со слов Бутакова (Русский архив. 1891. Кн. 3) следующую легенду по поводу смерти Железнова, а впоследствии и самого Корнилова: Железнов во время пребывания на Кавказе купил себе за очень дешевую цену отличную шашку и на высказанное по этому поводу Владимиром Алексеевичем удивление объяснил, что шашка досталась ему так дешево потому, что она пользовалась нехорошей славой, что каждый, кто надевал ее в бой, бывал убит. Железнов погиб в первом же деле. Корнилов, несмотря на просьбы окружавших его, взял шашку любимого адъютанта себе, и 5 октября 1854 г. (в первый раз, когда был после того случая под огнем), он погиб. Перебит был пополам и чудесный клинок, который после того хранился у вдовы знаменитого адмирала. Ныне он находится в Севастопольском музее.

¹⁰⁹ См. приложение № 52.

¹¹⁰ Рапорт генерал-адъютанта Корнилова адмиралу Берху от 7 ноября 1853 г., № 338. Николаевский центр. архив, кн. 23, оп. 185, д. № 1764, св. 61.

¹¹¹ См. приложение № 52.

¹¹² Шханочный журнал корвета «Три Святителя» за 1853 г. Николаевский центр. архив, кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2385, св. 130.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Корабли: «Императрица Мария», «Чесма», «Храбрый», «Ростислав», «Святослав»; фрегаты: «Кагул», «Коварна», бриг «Эней» и пароход «Бессарабия».

¹¹⁵ В эскадре Корнилова, ввиду неприсоединения к ней «Одессы», оставался только один «Владимир».

¹¹⁶ См. выше.

¹¹⁷ Плавание брига «Язон» в 1853 г. Путилов. Сборн. Известий. Кн. 3.

¹¹⁸ Жандр. С. 75 и 77.

¹¹⁹ Плавание брига «Язон» в 1853 г. Морской сборн. 1854 г., № 3. Вахтен. журн. за 1853 г. Николаевский центр архив, кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2413, св. 133.

¹²⁰ Записки вице-адмирала Забудского. Рукоп. отд. Севастопольского музея.

¹²¹ Морской сборник. 1854. Кн. 3. С. 266.

¹²² Шестаков Ив. Обзор действий на Черном море от приготовлений к настоящей войне до Синопского сражения включительно: Морской сборник. 1855 г. Кн. 2.

¹²³ См. выше, стр. 266.

¹²⁴ Следование эскадры Нахимова со времени получения манифеста о войне и по 12 ноября обозначены на схеме № 11.

¹²⁵ Архив Мор. мин. инсп. деп., 1 отд., 2 ст., 1853 г., д. № 383. Командир Севастопольского порта главному командиру Черноморского флота 9 ноября 1853 г., № 900. Николаевский центр. архив, кн. оп. 23, оп. 185, д. № 1764, св. 61. Вахт. журн. парохода «Бессарабия» за 1853 г. Николаевский центр. архив.

¹²⁶ Плавание брига «Язон» в 1853 г. Морской сборник. 1854 г., № 3. Записки вице-адмирала Забудского. Рукоп. отд. Севастопольского музея.

¹²⁷ Жандр. С. 98. И. Чайковский. Морской сборник. 1899. Кн. 1. Записки вице-адмирала Забудского. Рукоп. отд. Севастопольского музея.

¹²⁸ «Императрица Мария», «Чесма» и «Ростислав».

¹²⁹ «Эней».

¹³⁰ Работы, для производства которых вызывается весь экипаж судна наверх.

¹³¹ И. Чайковский//Морской сборник. 1899. Кн. 1.

¹³² И. Чайковский//Морской сборник. 1899. Кн. 1. Вахтенный журналы. Николаевский центр. архив. Записки вице-адмирала Забудского (рукоп. отд. Севастопольского музея).

¹³³ Жандр. С. 103.

¹³⁴ И. Чайковский. Морск. сборн. 1899 г., кн. 1.

¹³⁵ Письмо князя А. С. Меншикова к В. А. Корнилову от 6 ноября 1853 г.

¹³⁶ В то время князь Александр Сергеевич имел сведения о присутствии в Синопе только двух фрегатов и двух корветов.

¹³⁷ Исторический обзор плавания эскадры вице-адмирала Нахимова. Жандр. С. 101.

¹³⁸ Вахтенный журнал корвета «Великий князь Константин» за 1853 г. Николаевский центр. архив, кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2380, св. 130.

¹³⁹ Вахтенный журнал корвета «Гавриил» за 1853 г. Николаевский центр. архив, кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2393, св. 130.

¹⁴⁰ См. кроки № 11. С. 251.

¹⁴¹ Отношение к командиру Севастопольского порта от 15 ноября 1853 г., № 345.

¹⁴² Жандр. С. 104.

¹⁴³ Вахт. журнал парохода-фрегата «Одесса» за 1853 г. Николаевский центр. архив, кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2438, св. 134.

¹⁴⁴ Донесение вице-адмирала Нахимова о Синопском бое. Николаевский центр. архив, кн. оп. 15, оп. 66, д. № 2, св. 1.

Глава VI

Синопское сражение

Что касается причины нахождения турецкого флота в Синопе, то, к сожалению, осветить этот факт с полными подробностями не представляется возможным ввиду самых противоречивых свидетельств современных событиям иностранных историков и ввиду безусловно пристрастного освещения этого вопроса иностранными историками Восточной войны.

Сравнивая самые разнообразные показания, можно безошибочно определить лишь, что в Синопе оказалась та эскадра, под флагом вице-адмирала Османа-паши, которая в конце октября была обнаружена у выхода из Босфора, а в первых числах ноября показывалась поочередно на виду пароходов «Одесса», «Владимир», эскадры Новосильского, и часть которой гналась за фрегатом «Кагул».

Очень может быть, что свирепствовавшие в начале ноября бури, а также и приказание содействовать доставлению к берегам Кавказа боевых припасов и войск заставили ее укрыться на Синопском рейде. Кроме эскадры Османа-паши там сосредоточились и другие суда, стоявшие в Трапезонде, а может быть, и специально прибывшие с боевыми запасами из Константинополя и благополучно достигнувшие Синопа ввиду связывавшего долгое время Нахимова приказания «обороняться и не атаковать». Присутствие при сравнительно небольшой эскадре нескольких флагманов служит некоторым подтверждением сосредоточения разных отрядов судов.

Неоспоримо только то, что почти общее свидетельство иностранных историков¹ о «мирном» характере экспедиции турецкого флота, который, будто бы успокоенный обещаниями нашего правительства не предпринимать активных действий до окончания переговоров с западными державами, спокойно перевозил припасы из одного своего порта в другой, совершенно опровергается всеми фактами. Не будем уже говорить о предшествовавших Синопскому сражению делах на Дунае и о зверском истреблении гарнизона поста Св. Николая, но вспомним хотя бы только погоню четырех фрегатов за «Кагулом», атаку тремя пароходами «Флоры», и этих двух фактов будет совершенно достаточно, чтобы отогнать всякую иллюзию о мирных путешествиях турецкого флота по Черному морю.

Иностранцами историками отвергается и другой факт — участие западных держав в отправке турецкого флота в Черное море. Они уверяют, что французский и английский послы в Константинополе² всеми силами старались отговорить турок от отправки

флота в море, указывая на плохое состояние их судов и экипажей, на опасность плавания в это время года и на возможность встречи с превосходящим противником. Если вспомнить могущественное в то время влияние на Порту Оттоманскую английского посла в Константинополе лорда Стратфорда Редклифа, его совершенно не мирный относительно России образ действий и хорошо сознаваемое им миролюбие императора Николая, то такие уверения не могут иметь никакой цены.

Вернее всего, что турки и их западные покровители не рассчитали в достаточной мере пределов миролюбия русского царя, которое не могло перейти за черту неоднократного изменнического пролития русской крови, и предполагали продолжать безостановочное сосредоточение своих войск и запасов.

Нравственная поддержка западных держав экспедиции Османа-паши является фактом неоспоримым; об этом свидетельствует впечатление, произведенное на эти державы синопским погромом: он был принят ими как оскорбление народной чести. Этой же нравственной поддержкой, вернее всего, можно объяснить и непонятное по бездеятельности пребывание Османа-паши на Синопском рейде в те несколько дней, когда он охранялся только тремя кораблями Нахимова, хотя, разумеется, здесь играли роль и присущие туркам личные качества. В ней же надо искать и причину беспечности Османа-паши, который не принял никаких мер к обороне, тогда как береговые укрепления Синопа давали ему к этому богатые средства. Гордо развевающийся в Босфоре флаг «коварного Альбиона» на этот раз чрезмерно усыпил бдительность турецких адмиралов.

Лорд Стратфорд к этому времени имел уже инструкции своего правительства, предлагавшие ему «защищать Константинополь и вообще всякую часть турецкой территории, которая может подвергнуться атаке, будь то в Европе или в Азии». Ему предписывалось, по соглашению с французским правительством, на этом основании провести флоты западных держав через Босфор, как только будет получено известие, что наш флот вышел из Севастополя³.

10 (22) ноября Сампсон уведомлял его нарочным, отправленным из Синопа сухим путем, что русская эскадра из одного корабля, 7 фрегатов и одного парохода крейсирует уже несколько дней в виду Синопа и производит разные маневры около турецкой эскадры, стоявшей там на рейде. Это известие было получено английским посланником 13 (25) или 14 (26) ноября⁴. В свою очередь Осман-паша доносил 12 (24) ноября своему правительству из Синопа следующее: «Шесть русских линейных кораблей, корвет и два парохода находятся постоянно в открытом море, близ порта; то они ложатся в дрейф, то лавируют. От шести до восьми фрегатов и два парохода по самым верным сведениям были видны на

высоте портов Бартин и Амастро. Во всяком случае большой военный неприятельский порт находится недалеко. Его эскадра может получить подкрепления и атаковать нас при помощи брандеров. Таким образом, если мы не получим подкреплений и если наше такое положение продлится еще несколько дней, то это значит, что нас Бог бережет — императорский флот может подвергнуться разгрому»⁵.

Донесение это было сообщено лорду Стратфорду турецким правительством 17 (29) ноября, но даже удвоенные в глазах Осман-паши силы русской эскадры не понудили благородного лорда к оказанию материальной поддержки своим слабым союзникам.

Синоп — родина двух знаменитых мужей древности, Митридата и Диогена, и место, откуда прибыл в Россию апостол Андрей Первозванный, первый проповедник Святого Евангелия в земле Славянской, принадлежит к числу древнейших городов Малой Азии. Он был основан милетцами и, составляя главный торговый порт Пафлагонии, отличался в прежние времена своим богатством и торговлей, причем число жителей в нем доходило до 60 000 человек. Перейдя впоследствии под владычество турок, назвавших его Синуб, город стал приходить в упадок, и хотя открывшееся в конце сороковых годов прошлого столетия пароходство между Константинополем и Трапезондом и оживило несколько его торговлю, но ко времени Восточной войны она была еще очень незначительна. Кроме рыбной ловли главная промышленность народонаселения сосредоточивалась преимущественно на торговле лесом и на постройке судов, для чего в Синопе существовали отличные верфи. Его населяли почти исключительно турки и греки числом всего до 12 000 человек, причем обе эти народности жили в двух почти совершенно отделенных кварталах.

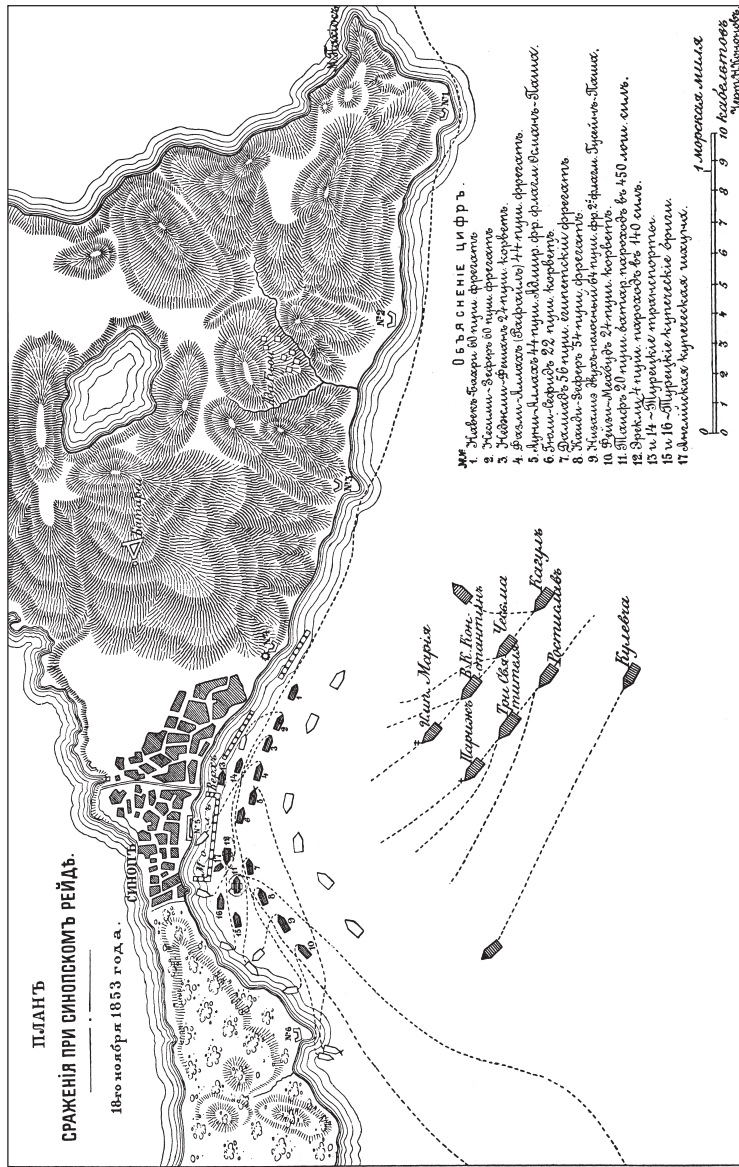
Синопский рейд считается одним из лучших и самых безопасных на берегах Анатолии. Закрытый от северных ветров возвышенным полуостровом Боз-Тепе⁶, он по своим размерам, глубине и хорошему грунту дна представлял безопасное место для стоянки значительного флота. Сам город расположен на перешейке, соединяющем материк с полуостровом Боз-Тепе. Посредине перешейка раскинулся собственно турецкий город, представлявший из себя как бы цитадель, окруженную высокой каменной стеной с замком в конце у материка; к востоку от него, к стороне полуострова, на довольно покатом возвышении находился греческий квартал. Близ турецкого города находились мол, верфи и вообще все портовые сооружения.

Для обороны рейда имелось шесть батарей. Они начинались от восточного мыса Боз-Тепе, и четыре из них были расположены

ПЛАНЪ

СРАЖЕНІЯ ПРИ СИНОПСКОМЪ РЕЙДЪ.

18-го ноября 1853 год. а.

по его южному берегу до греческого квартала, в равном приблизительно друг от друга расстоянии. Батарея № 1 находилась у восточной оконечности мыса, № 4 — у начала города, а № 2 и 3 — между ними.

Каждая из этих батарей была вооружена 6, по некоторым источникам — 8 орудиями. Калибр орудий был самый разнообразный, установка на банкетах⁷. На набережной, в центре турецкого города, стояла самая сильная батарея в 8 орудий большого калибра. К западу от города, в расстоянии свыше версты, стояла батарея № 6. Северная сторона перешейка также оборонялась несколькими батареями.

Таким образом, эскадра, форсирующая Синопский рейд, обстреливалась первоначально с правого фланга огнем батарей № 1, 2 и 3, а после постановки на якорь подвергалась кроме огня стоявших на рейде судов близкому перекрестному огню трех остальных батарей. Таким образом, береговые батареи при надлежащем ими пользовании являлись существенной поддержкой флота, расположенного на Синопском рейде.

Что касается стратегического значения Синопа, то кроме самых свойств рейда оно определялось и его центральным положением относительно наших Кавказских берегов, Крыма и Азовского моря, а также нахождением почти на середине пути между Константинополем и Кавказским побережьем. Присутствие энергичного противника в Синопе, в ближайшем расстоянии от Севастополя, заставляло нас быть настороже на всем обширном пространстве наших черноморских границ к востоку от Тарханкутского маяка.

Эскадра вице-адмирала Османа-паши на Синопском рейде состояла из 7 фрегатов, 3 корветов, 2 пароходов⁸, кроме которых на рейде стояли еще два турецких транспорта, два купеческих брига и одна иностранная шхуна. Всего на вооружении турецких судов состояло 476 орудий⁹ и на прибрежных батареях — 38 орудий.

Интересно проследить, каким же образом воспользовался Осман-паша своими оборонительными средствами при содействии командира парохода «Таиф» англичанина Слэд (Муштавер-паша). Этот англичанин свыше двадцати пяти лет служил в турецком флоте, оказал ему огромную услугу как наставник и организатор и пользовался полным доверием турецкого правительства¹⁰.

Осман-паша расположил свои суда у самого берега дугообразно, с серединой у центра города и сообразно с направлением берега. Левый фланг эскадры примыкал к батарее № 4, правый — к батарее № 6; в центре между судами был оставлен открытый промежуток для действия самой сильной батареи № 5. Пароходы стояли во второй линии ближе к центру, а транспорты и купеческие суда — между эскадрой и берегом. Нельзя признать это располо-

жение удачным и не согласиться с мнением одного из современных той эпохи моряков¹¹, что турецкий адмирал, решившись принять сражение на якоре, не воспользовался всеми средствами обороны, бывшими в его руках.

Турецкая эскадра оказала бы более успешное сопротивление, если бы ее расположили не вдоль города, а южнее его, по краю мелководья. Сняв с действующих бортов своих судов орудия и поставив их для обороны городского берега, Осман-паша не только употребил бы с пользой половину своей артиллерии, но и подверг бы наши корабли, с какой бы стороны они ни подошли, страшному продольному огню. Их при подходе с востока встретил бы с фронта огонь всей эскадры, при наступлении с юга — залпы береговых батарей, а по занятии мест для действия против турецких судов они находились бы в течение всего боя под перекрестным огнем. Между тем как расположение судов, на котором остановились турки, давало возможность использовать в деле лишь орудия одного борта, каковых было около 237¹², и 26 орудий четырех ближайших к городу батарей; вогнутая же дугообразная линия построения еще более уменьшила силу огня на дальнем расстоянии. Наконец, решение Османа-паши прижать свою эскадру к городу повергало этот последний неминуемому разрушению, нисколько не обеспечивая собственной участи флота. В чем же искать причину такого небрежного к собственной безопасности отношения со стороны одного из лучших адмиралов турецкого флота?

Из сорокадвухлетней службы на море Осман-паша провел двадцать один год на службе у Мегмета-Али египетского и уже более десяти лет находился в адмиральском чине. Участник, так же как и его противник, Наваринского сражения, Осман-паша соединял в себе качества боевого офицера и опытного, выдающегося и знающего свое дело моряка турецкого флота. Нет поэтому основания приписывать его бездарности неудачные действия, предшествовавшие синопскому погрому, которые он искупил своим личным мужеством и раной. Беспечность его скорее можно приписать или старческому утомлению (ему был уже 61 год), или английскому гипнозу в невозможности для нас атаки турецких укрепленных пунктов. К самому берегу такого укрепленного пункта он и примкнул свою эскадру, полагая себя в таком положении в полной безопасности.

Эскадру Нахимова мы оставили тесно блокировавшей Синопский рейд в ожидании прибытия просимых подкреплений. Вместо двух 84-пушечных кораблей, на которые он рассчитывал и с которыми во что бы то ни стало решил атаковать турок, к нему 16-го числа присоединился Новосильский с тремя 120-пушечными кораблями, вернулся сверх того из крейсерства фрегат «Кагул», а в пятом часу дня 17-го числа прибыл и давно ожидаемый

фрегат «Кулевча». Всего, таким образом, у Павла Степановича сосредоточилось в руках 6 кораблей и 2 фрегата.

В бою участвовали: 120-пушечные корабли — «Париж» под флагом контр-адмирала Новосильского и под командой капитана 1-го ранга Истомина 2-го, «Великий князь Константин» (капитан 1-го ранга Ергомышев 1-й), «Три Святителя» (Кутров 1-й); 84-пушечные — «Императрица Мария» под флагом вице-адмирала Нахимова и под командой капитана 1-го ранга Барановского 2-го, «Чесма» (Микрюков 1-й) и «Ростислав» (Кузнецов 1-й) и фрегаты «Кагул» (Спицин 1-й) и «Кулевчи» (Лесовский). Всего на вооружении этих судов состояло 788 орудий свыше 8-фунтового калибра¹³. Если исключить из этого числа фрегаты «Кагул» и «Кулевчи», из которых первый совсем не принимал участия в артиллерийском состязании, а второй принял участие уже при довершении одержанной нами победы, то число орудий судов, выдержавших на себе весь бой, уменьшится до 688, что даст с одного борта 344 орудия. Наибольший калибр орудий был 68-фунтовые бомбовые пушки, главным же калибром были 36-фунтовые чугунные пушки. В этом отношении мы имели перевес над нашим противником, который зато имел возможность действовать против наших деревянных судов калеными ядрами с береговых батарей.

Сильная русская эскадра, сосредоточенная для атаки Синопского рейда, отличалась одним большим недостатком — полным отсутствием пароходов; и в этом отношении Осман-паша, имевший в своем распоряжении два парохода, из которых один («Гаиф») батарейный, с 20 орудиями, находился в лучшем положении сравнительно со своим противником.

Обращаясь к личному составу обеих сторон, остается только повторить сказанное выше о славном Черноморском флоте и его доблестном адмирале. В тесной, сплоченной в одно целое дружной семье моряков высокое и вполне сознательное чувство исполнения своего долга, любовь к царю и родине и гордость своим флагом отличали не только офицерский состав: они были одинаково равны и для адмирала и для последнего матроса и служили залогом успеха. Руководители Черноморского флота путем многолетних неустанных работ не только не дали заглухнуть этому природному чувству русского народа, но старались поддерживать, развить такой священный в войне огонь, обратив его в сознательно понимаемое, а потому и особенно сильное чувство исполнения своего долга. Обожание своего адмирала, дружба всего командного элемента и отличная техническая подготовка довершали остальное.

Со стороны наших противников — известный мусульманский фанатизм, не имевший здесь, в морском бою, обычной силы электрического тока, личная храбрость, в особенности при обороне,

но в значительной дозе уменьшаемая действием не на сухом пути, и полное отсутствие спайки между высшими и низшими, между офицерами и матросами придавали эскадре Османа-паши типичные черты.

Мы выше уже рассмотрели меры, предпринятые Нахимовым для обеспечения успеха Синопского сражения путем сосредоточения возможно больших сил, разведки средств противника и местности предстоящего боя, а также постоянным наблюдением за ним.

Канун сражения адмирал Нахимов провел в обдумывании плана предстоящей атаки и в передаче своих распоряжений эскадре.

Тактические взгляды Павла Степановича были приведены выше; в морском деле лучшей тактикой он считал «близкое расстояние от неприятеля и взаимную помощь друг другу». Очевидно, что такой способ действий он предполагал применить и в Синопском сражении. Таким образом, весь маневр сводился к подходу на самое близкое расстояние с возможно меньшими потерями от неприятельского огня во время движения, к быстрому и сноровистому разворачиванию судов в боевую линию и к постановке их в положение, удобное для решительного действия против неприятеля и для взаимной помощи друг другу. Но кроме этого боевого плана обстоятельства требовали обратить внимание и на возможные в бою случайности, в особенности потому, что Осман-паша имел в своих руках пароходы, которых совершенно не было у Нахимова. Турецкий пароход «Таиф» имел бы, при желании энергично действовать, полную возможность занять во время боя позицию, позволявшую ему безнаказанно обстреливать часть наших судов продольным огнем.

План атаки, составленный Павлом Степановичем, по своей простоте, ясности и обдуманности вполне удовлетворял выше приведенным условиям.

В ночь с 16 на 17 ноября наша эскадра находилась в 22 милях от Синопа, в ночь с 17 на 18 число она приблизилась на 10 миль. Отсюда, собственно, должно было начаться движение для атаки Синопского рейда. Владея морем, Нахимов имел полную возможность двинуться на Синопский рейд с юго-восточного, южного и юго-западного направлений. Павел Степанович решил приблизиться с юго-восточного направления. Такое направление кроме условий ветра было особенно выгодно в том отношении, что наша эскадра почти до постановки на якорь подвергалась ввиду дугообразного расположения турецких судов огню лишь 62 орудий (западного фаса); при движении в южном направлении она подвергалась бы огню 127 орудий и в юго-западном направлении — огню 154 орудий восточного фаса судов. Что же касается участия в дальнем обстреливании береговых батарей, то при всех трех направлениях оно было почти одинаково.

Нахимов назначил подход эскадры в двух колоннах, развертывание, самое быстрое, по передним кораблям в обе стороны. Для противодействия турецким пароходам адмирал отделил два бывших в его распоряжении фрегата, «Кагул» и «Кулевчи», как суда, более подвижные и несшие менее сильную, но вполне достаточную для борьбы с пароходами артиллерию. Он решил держать во время боя эти фрегаты под парусами.

В самом бою начальнику эскадры трудно держать ее в своих руках: здесь начинаются уже самостоятельные действия командиров судов. Поэтому Нахимов поставил флагманские корабли в голове колонн; этим достигалось и известное нравственное воздействие на эскадру, и, кроме того, Павел Степанович оставлял в своих руках решение весьма важного вопроса о месте постановки эскадры на якорь.

Разбирая внимательно весь план действий адмирала Нахимова, нельзя не отдать ему справедливости, что все им было обдуманно, все соображено, и успех дела был подготовлен до мельчайших подробностей.

В 10 часов утра 17 ноября, воспользовавшись несколько проявившейся погодой, адмирал собрал на корабле «Императрица Мария» второго флагмана и всех командиров и ознакомил их со своими предположениями. В 11 часов на эскадре читался уже приказ Нахимова для атаки турецкого флота, стоявшего на Синопском рейде¹⁴.

Адмирал, передавая диспозицию, по которой суда должны для боя стать на якорь, прежде всего подтверждал в приказе свое неперемненное требование становиться в возможно близком от неприятеля расстоянии, однако не менее как на 10-саженной глубине. Дав далее необходимые технические указания, Нахимов перешел к изложению своих боевых требований. Он приказывал немедленно прекращать огонь по судам, которые спустят флаги, и переносить его на суда, еще сопротивляющиеся, и на береговые батареи, которые, по словам Нахимова, несомненно, будут продолжать действовать, даже если бы с турецким флотом дело и было покончено. Огонь приказывалось открывать по второму адмиральскому выстрелу, если со стороны неприятеля не будет оказано никакого сопротивления; в противном случае каждое судно открывает огонь, соображаясь с обстоятельствами. Приказав, по возможности, не разрушать консульские дома, адмирал в заключение высказал мысль, что все предварительные наставления могут при переменившихся обстоятельствах затруднить знающего свое дело командира, а потому, заканчивал Нахимов, «я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг. Государь император и Россия ожидают славных подвигов от Черноморского флота — от нас зависит оправдать ожидания».

В то время как эскадра Нахимова проводила канун сражения в подготовке к бою, генерал-адъютант Корнилов спешил из Севастополя с тремя пароходами на помощь Павлу Степановичу. Судьба, однако, как увидим ниже, не дала ему возможности разделить славные лавры Нахимова. Досадное волнение и противные ветры замедлили приход пароходов к Синопу.

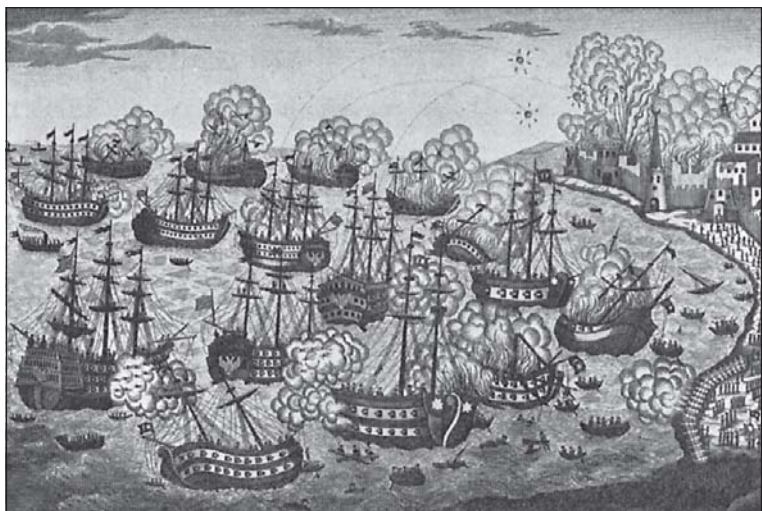
Прошел канун Синопского боя. Неторопливо, спокойно и без всякой суеты обдумал адмирал свой несложный по исполнению, но решительный по результатам план действий. Он вел или к полной победе, или к героической гибели наших судов; другого выхода не предвиделось ни в мыслях адмирала, ни в той краткости, простоте и определенности, которые отличали его приказания, ни, наконец, в сердцах и воле всей команды, до последнего матроса включительно. Сорокадневное непрерывное пребывание на страже русских интересов в бурном море, бесплодные труды и лишения, понесенные в это продолжительное плавание, а главное, набиравшееся капля за каплей горькое чувство оскорбления и вероломных поступков, сознательно понимаемое офицерами и инстинктивно воспринимаемое всей сильной духом серой массой, были тому ручательством.

Кратко и определенно передал адмирал свои приказания о предстоящем бое командирам судов. В скромной каюте корабля «Императрица Мария» не было произнесено ни громких фраз, ни бьющих по нервам перлов эффектного красноречия — не в этом заключалась нравственная мощь Павла Степановича; знаток сердца человеческого, он двигал своих сподвижников на дела неимоверные одни скромным: «Надо сделать» или «Я решил атаковать» и мог быть уверенным в исполнении его краткого приказа всей мощью тех тысяч людей¹⁵, которые многолетними совместными трудами слились со своим обожаемым адмиралом в одно тело и в одну душу.

Несуетливо, в порядке обыденных занятий, готовили капитаны свои суда и команды к предстоящему назавтра бою, пока зашедшее солнце и спуск флагов, долженствовавших вновь подняться в ореоле блестящей победы, не прекратили будничной деятельности эскадры.

При свежем брамсельном ветре суда Нахимова спокойно провели ночь в 10 ¹/₂ милях к северо-востоку от Синопского перешейка¹⁶.

Негостеприимно встретило нашу эскадру утро 18 ноября. Дождь, сильная пасмурность и самый неблагоприятный для успеха дела юго-восточный дувший шквалами ветер приветствовали будущих победителей Синопа. При этом ветре овладение неприятельскими судами представлялось крайне затруднительным; они

Синопское сражение

могли легко выбрасываться на берег, что с нашей стороны вызывало необходимость их полного уничтожения.

С утра жизнь на эскадре началась своим обычным порядком. Ожидание боя не нарушало ее мирного течения; на всех судах кипели котлы с матросскими щами, обычно суежилась прислуга кают-компаний, и лишь редкие сигналы с «Императрицы Марии» напоминали о предстоящем деле.

Приказав судам держаться при движении один от другого в расстоянии 150 сажень и приготовиться стать на якорь со шпрингами¹⁷, а фрегату «Кулевчи» держаться левее колонны Новосильского, адмирал Нахимов в 9 часов утра поднял сигнал к спуску гребных судов, а в половине десятого, отслужив на судах молебен¹⁸, эскадра в двух колоннах, имея в голове «Императрицу Марию» под флагом Нахимова и «Париж» под флагом Новосильского, неслась, постепенно прибавляя ход, к Синопскому рейду с гордо развевающимися на брам-стенгах¹⁹ национальными флагами. Около 10 часов утра адмирал поднял сигнал «Приготовиться к бою», но на судах все было уже готово, и спокойные духом черноморцы в 11 часов по обыкновению сели за обед²⁰.

Через полчаса обед был окончен, на судах ударили тревогу; мгновенно все были на своих местах, и орудия в деках заряжены каждое двумя ядрами²¹. На салингах²² стояли офицеры для наблюдения за неприятелем и за правильным направлением огня своих судов²³.

Дождь перестал, туман отнесло от берега, как бы вся природа оживилась, и в двух с половиной милях от стройно несшейся эскадры открылся Синопский рейд со стоящими на нем турецкими судами. Страшная суета, поднявшаяся среди неприятеля, должна была еще более подкрепить нашу уверенность в победе. Торопливые сигналы, снующие во всех направлениях шлюпки, разводимые парходами пары и беспорядочные группы турецких солдат, бежавших к береговым батареям, представляли ту знакомую картину зачатка поражения эскадры Османа-паши еще до начала самого дела, которая по достоинству должна была быть оценена опытным взором черноморского моряка.

В противовес этому в русской эскадре, когда, казалось бы, вид суетливого неприятельского рейда должен был внести известную горячность, царило полное величавое спокойствие. Каждый строго исполнял свое дело, взглядывая на адмиральский корабль. Флагманские корабли подошли уже на высоту батареи № 1, когда на «Императрице Марии» взвился сигнал — это был момент истинного полдня, который адмирал не упустил, по существующему обычаю, показать своей эскадре даже при такой исключительно боевой обстановке. В этом ничтожном, по-видимому, факте замечательно красноречиво выразились не только полное спокойствие и нравственная мощь адмирала, но и полная уверенность его в своей эскадре, вся система его боевого воспитания.

В то же время оба флагманских корабля взяли для атаки турецкого флота направление на его центральные суда, и эскадра без выстрела продолжала нестись к своей цели, постепенно уменьшая паруса для постановки на якорь.

В свою очередь турки без выстрела ожидали приближения нашей эскадры, и лишь в половине первого, когда суда наши были на самом близком расстоянии, выстрел с турецкого флагманского фрегата «Ауни-Аллах» нарушил гробовое молчание и дал сигнал к бою. Почти моментально все неприятельские суда и батареи окутались дымом, и град снарядов полетел с фронта и фланга на наши корабли, стойко продолжавшие свое движение до дистанции, указанной диспозицией. Турецкий огонь, направленный преимущественно против обоих флагманских кораблей, был очень меток и еще до постановки на якорь нанес серьезное повреждение рангоуту и стоячему такелажу корабля «Императрица Мария», большая часть которых была перебита, а у грот-мачты оставалась только одна нетронутая ванта. Корабль «Императрица Мария», имея ветер с кормы и проходя вдоль судов левого фаса турецкой эскадры, открыл батальный огонь по этим судам и, не задерживая хода, смело продолжал приближаться к флагманскому фрегату. В полутора-саженях от него на глубине 15 сажень был отдан якорь, и наш корабль направил самый сильный огонь по своему противнику.

Корабль «Париж» шел рядом с «Императрицей Марией» и на ходу не отвечал на сильный огонь турок. Одновременно и рядом с последним он стал на якорь, спокойно принял удобное для боя положение и открыл всем левым бортом огонь по ближайшим турецким судам. На все эти эволюции «Парижу» потребовалось только 4 $\frac{1}{2}$ минуты времени.

Сзади следовавшие корабли шли на свои места, обмениваясь выстрелами с прибрежными батареями, и постепенно бросали якоря на расстоянии 150—180 саженей от турецких судов. Фрегаты «Кагул» и «Кулевчи» остались под парусами.

С этой минуты руководство боем со стороны адмирала должно было почти прекратиться. Каждый корабль действовал самостоятельно, строго руководствуясь преподанным наставлением драться на самом близком расстоянии и помогать друг другу.

Фрегат «Ауни-Аллах» не выдержал и получасового огня нашего корабля «Императрица Мария» и, отклепав цепи, бросился на берег у батареи № 6, не спуская, впрочем, своего флага. Следует заметить, что во время этого боя наш корабль выдерживал огонь не только «Ауни-Аллаха», но и близ него расположенных 44-пушечного фрегата «Фазли-Аллах» (бывший русский «Рафаил») и 24-пушечного корвета «Неджми-Фешан». Но командир «Марии» капитан Барановский не разбрасывал своего огня по всем трем противникам, а сосредоточенно поражал их поочередно. Покончив с «Ауни-Аллахом», он начал действовать исключительно по фрегату «Фазли-Аллах», который, загоревшись, последовал вскоре примеру своего флагмана и выбросился на берег близ самого города, у мола.

На корабле «Императрица Мария» пробили, выведя из строя стоявшие против него суда, отбой и повернули его для действия как против батареи № 5, так и по судам, с большим ожесточением сопротивлявшимся колонне контр-адмирала Новосильского. Но в этом содействии надобности не представилось: «вторая колонна действовала превосходно»²⁴.

Корабль «Париж», ставший, как известно, на якорь рядом с кораблем «Императрица Мария», открыл страшный батальный огонь по батарее № 5, по 22-пушечному корвету «Гюли-Сефид» и по 56-пушечному египетскому фрегату «Дамиад». Через полчаса «Гюли-Сефид» взлетел на воздух, «Дамиад» отброшен на берег. Продольно обстреляв дрейфовавший в это время мимо «Парижа» фрегат «Ауни-Аллах», командир «Парижа» капитан Истомин переменил направление судна и стал бить второй флагманский 64-пушечный фрегат «Низамие». К 2 часам дня и этот фрегат сдрейфовал к берегу и вскоре был охвачен пламенем. Неутомимый командир «Парижа», выведя в течение полуторачасового боя из строя три неприятельских судна и не имея против кого действовать, вновь

изменил свое направление и открыл огонь первоначально по батарее № 5, вредившей нашему кораблю «Три Святителя», а когда она замолчала, то по батарее № 6.

Все действия капитана Истомина были так рассчитаны, так спокойны, уверены и сообразованы с обстановкой, а работа экипажа до того сноровиста, что Нахимов, стоявший с неизменной трубой на палубе корабля «Императрица Мария», даже в пылу битвы не мог не залюбоваться молодецкой работой лихого корабля. «Нельзя было не залюбоваться, — доносил он²⁵, — прекрасными и хладнокровно рассчитанными действиями корабля «Париж»; я приказал изъявить ему свою благодарность во время самого сражения, но не на чем было поднять сигнала — все фалы были перебиты». Адьютант Павла Степановича лейтенант Острино был послан на шлюпке передать молодецкому экипажу благодарность любимого начальника²⁶.

Корабль «Великий князь Константин», следуя в правой колонне, подвергся на ходу сильному огню турецких судов и батарей, но, несмотря на это, безостановочно двигался до дистанции картечного выстрела и бросил якорь в интервале между крайними судами левого фланга турецкой эскадры — 60-пушечными фрегатами «Навек-Бахри» и «Несими-Зефер». Командир корабля капитан 2-го ранга Ергомышев открыл сильный батальный огонь как по этим судам, так и по батарее № 4. Через двадцать минут фрегат «Навек-Бахри» при громовом крике «ура» с «Константина» взлетел на воздух, осыпав обломками и телами батарею № 4, которая временно прекратила огонь. Поворотившись на шпринге, «Константин» начал бить фрегат «Несими-Зефер» и 24-пушечный корвет «Неджми-Фешан». Через несколько минут оба эти судна были выброшены на берег, фрегат — против греческого предместья, у остатков мола, и корвет — у батареи № 5. Перед нашим кораблем не оставалось больше целей, и около двух часов дня на нем ударили отбой.

Корабль «Чесма», бросивший якорь за «Великим князем Константином», первоначально содействовал этому последнему в поражении «Навек-Бахри», а потом направил свой огонь против батарей № 3 и 4 и срыл их до основания.

Бой кораблей правой нашей колонны прекратился, так как турецкие суда были окончательно выведены из строя, не спуская, однако, своих флагов. Массовое бегство их экипажей на шлюпках на берег служило указанием, что они не намерены более сопротивляться, и, действительно, по первому требованию парламентеров остатки экипажей спускали флаги своих судов.

Положение нашей левой колонны было более опасное, и здесь все три корабля отличались в соревновании оказания взаимной помощи. Вслед за «Парижем», действия которого уже

*Англичанин Слэд
(Мушавер-паша)*

кий, находившийся с самого начала дела на полубаркасе и уже однажды раненный, стал молодецки работать со своими людьми над завезением верпа²⁷. Упавшее в полубаркас ядро раздробило его и вновь ранило мичмана Варницкого. Несмотря на боль от раны, офицер этот быстро перескочил на баркас, и через несколько минут «Три Святителя» опять был готов к бою. Он вновь стал очень хорошо стрелять по стоявшим против него судам, и в особенности по фрегату «Каиди-Зефер», который в скором времени бросился к берегу. В половине четвертого часа дня «Три Святителя» прекратил огонь за отсутствием перед ним целей.

Корабль «Ростислав» стал на якорь вслед за «Тремя Святителями». Капитан 1-го ранга Кузнецов отлично поместил этот корабль против наносившей сильное поражение его соседу батареи № 6, имея в то же время возможность действовать и против крайних турецких судов — 24-пушечного корвета «Фейзи-Меабуд» и известного уже фрегата «Низамие». «Ростислав» первоначально открыл огонь по более сильному «Низамие», но, видя, что «Париж» легко справляется с этим фрегатом, он перенес самый быстрый огонь на корвет «Фейзи-Меабуд» и батарею № 6, серьезно вредившую кораблю «Три Святителя». В скором времени корвет был выброшен на берег, батарея же наносила «Ростиславу» сильный вред, действуя против него с самого близкого расстояния, между прочим, и калеными ядрами. Одно из таких ядер зажгло кокора, и начавшийся пожар грозил серьезной опасностью кюйт-камере —

были разобраны, стал на якорь в 180 саженьях от неприятеля корабль «Три Святителя» под командой капитана 1-го ранга Кутрова. Едва он успел дать два залпа по фрегатам —

54-пушечному «Каиди-Зефер» и 64-пушечному «Низамие», а также по батарее № 6, как у него перебило шпринг; повернувшись по ветру, «Три Святителя» подвергся метким продольным выстрелам батареи № 6, сильно повредившим его рангоут.

Положение корабля, впрямь до новой правильной его установки, становилось критическим. Мичман 32-го флотского экипажа Варниц-

горящие части занавеси, ограждавшей подачу картузов, падали в люки крьюйт-камерного выхода. От верной гибели «Ростислав» был спасен находчивостью и храбростью мичмана Колокольцова, который успокоил испуганную команду, запер двери и с полным хладнокровием начал тушить горящие обрывки занавеси.

Находившиеся против кораблей нашей левой колонны турецкие суда действовали более энергично, чем суда, бывшие против правой колонны. Расположенные под прикрытием огня сильной и хорошо работавшей батареей № 6, суда эти, даже сброшенные к берегу и отчасти горевшие, продолжали действовать по нашим кораблям, преимущественно направляя огонь свой против рангоута и нанося ему существенный вред. Ожидание турками помощи от их западных доброжелателей, на которую они вправе были рассчитывать, видимо, возбуждало в них желание сделать наши корабли неспособными к движению. «Ростиславу» удалось, однако, в пятом часу дня заставить замолчать и последние турецкие суда, а также и батарею № 6, после чего и на нашем корабле пробил отбой.

Но этим главным эпизодам Синопского сражения предшествовало несколько второстепенных, имевших место в самом начале боя.

Почти единственным представителем парового флота на Синопском рейде был 20-пушечный батарейный турецкий пароход «Таиф» под командой англичанина Слэда. Как только был обнаружен подход нашей эскадры, пароход этот начал разводить пары и с первыми выстрелами бежал с места битвы. Он направился вдоль турецких судов, ловко проскользнув между кораблем «Ростислав» и батареей № 6. Выйдя с рейда, «Таиф» наткнулся на наши фрегаты «Кагул» и «Кулевчи», которые находились под парусами и немедленно погнались за уходившим пароходом. «Таиф», следовавший сначала на юго-запад, начал беспрестанно менять курс, то останавливая машину, то поочередно давая ход вперед и назад, пока, наконец, выбрав удобную минуту, пустил машину полным ходом вперед и, обменявшись с фрегатами несколькими выстрелами, быстро вышел из сферы из огня. Но этим не кончились приключения «Таифа».

Около полудня отряд наших пароходов под флагом Корнилова подходил к Синопскому мысу. Вскоре дым и звуки оружейных выстрелов указали, что эскадра Нахимова вступила уже в бой. Приказав пароходам держаться соединенно, Корнилов на «Одессе» полным ходом двинулся в направлении на мыс Пахиос. Между тем огонь все разгорался, и пароходы увидели пенящееся по северную сторону перешейка море от наших снарядов, в изобилии падавших туда. Надо было быть в то время на мостике «Одессы», чтобы оценить все терзания энергичного адмирала, жаждавшего оказать помощь эскадре Нахимова.

Но вот и со стороны турок заметили приближение наших пароходов, и батарея № 1 приветствовала их безрезультатным по дальности огнем.

В это же время, без нескольких минут в 2 часа дня, «Таиф», ускользнув от наших фрегатов, показался на виду отряда пароходов Корнилова. «Одесса» быстро взяла курс наперерез беглецу, и адмирал сигналом приказал остальным пароходам поставить «Таиф» в два огня. Через четверть часа «Одесса» сблизилась уже с противником на дальность выстрела бомбического орудия и открыла по турецкому пароходу огонь из бомбических пушек, а потом и из пушко-каронад. «Таиф» не замедлил ответом, и между ним и «Одессой» началось артиллерийское состязание, нанесшее повреждение обоим судам. «Крым» и «Херсонес» бросились, вслед за «Одессой», в погоню за турецким пароходом, но малый ход их, в особенности уменьшенный еще постановкой тяжелых орудий, не позволил этим пароходам поставить сильный «Таиф» в два огня; они ограничились лишь дальней стрельбой по беглецу из носовых орудий. Около двух часов продолжалась безрезультатная погоня за «Таифом», пока вновь пошедший дождь и туман не скрыли его от наших пароходов, которые после этого взяли курс на Синопский рейд.

Там к трем часам дня бой, в общем, был уже окончен, так как турецкой эскадры более не существовало. Прибитые к берегу уцелевшие суда, хотя и не спускали флагов и продолжали изредка стрелять, но видно было, как их экипажи целыми толпами покидали свои суда. Адмирал Нахимов тотчас приказал приостановить стрельбу и отправил мичмана Манто парламентаром в город с приказанием объявить местному начальству о немедленном прекращении огня с берега, так как наша эскадра пришла только для истребления турецких военных судов и не желает вредить городу. Но синопский губернатор бежал из города при первых наших выстрелах, и парламентар, пробыв более часа на берегу, не мог исполнить данного ему поручения; он не нашел не только никого из местного начальства, последовавшего вслед за губернатором, но даже и жителей, разбежавшихся по деревням. А между тем с батареей № 5 и 6 еще около часа продолжалась редкая стрельба калеными ядрами, пока эти батареи не были окончательно скрыты огнем «Парижа» и «Ростислава».

В 4 часа дня отряд пароходов вошел на Синопский рейд, и громовое «ура!» Корнилова и его команды приветствовало победителей.

Неприятельские суда, брошенные на берег, были в самом бедственном состоянии. Фрегаты «Фазли-Аллах» (бывший «Рафаил»), «Низамие» и «Каиди-Зефер», корвет «Неджми-Фешан» и пароход «Эрекли», по-видимому, были зажжены своими экипажами и

взрывались на воздух один за другим. Транспорты и купеческие суда затонули от попавших в них ядер, и места их указывались лишь торчащими из воды верхушками мачт. Взрывы «Фазли-Аллаха» и «Неджми-Фешана» покрыли горящими обломками турецкий город, и начавшийся пожар, разносимый ветром и никем не тушимый, охватил весь город и продолжал бушевать до ухода нашей эскадры.

Пароходы немедленно приступили к отводу наших кораблей в безопасное место, а также к отводу угрожавших им своими взрывами турецких судов.

Всю ночь продолжалась молодецкая работа экипажей по приведению своих сильно избитых кораблей в состояние, возможное для перехода в Севастополь.

Дождливая, ветреная ночь, огромное зарево горящего Синопа, служившее на большое расстояние отличным маяком, последовательные взрывы турецких судов, аккомпанируемые залпами разрывавшихся снарядов, и шум работы на наших кораблях — все это смешивалось в одну грандиозную, но ужасную картину.

19-го числа по Синопскому рейду плавали лишь обломки не существовавшей более турецкой эскадры Османа-паши.

В Синопском сражении, в котором, по словам августейшего генерал-адмирала, флагманы, капитаны и подчиненные им офицеры выказали и знание своего дела, и непоколебимую храбрость, а нижние чины дрались, как львы²⁸, мы потеряли убитыми одного офицера (корпуса штурманов прапорщик Высота) и 36 нижних чинов и ранеными 7 офицеров (командир корабля «Императрица Мария» капитан 2-го ранга Барановский, мичман Зубов, Костырев, Варницкий, корпуса штурманов штабс-капитан Родионов и прапорщик Плонский и корпуса морской артиллерии поручик Антипенко) и 209 нижних чинов; суда потерпели очень серьезные повреждения, в особенности в рангоуте; артиллерия пострадала незначительно: было подбито 13 орудий и свыше 10 станков. Самые сильные повреждения понесли корабли «Императрица Мария», «Ростислав», получивший 64 пробоины, «Три Святителя» и «Великий князь Константин», получивший 119 пробоин. Но эти потери окупались огромными результатами Синопской битвы. Береговые батареи были срыты, турецкая эскадра перестала существовать в полном смысле этого слова, израненный Осман-паша, 2 капитана и свыше 200 человек были взяты в плен; число же погибших турок всеми источниками определяется от трех до четырех тысяч человек. К сожалению, из-за близкого соседства турецкой эскадры к городу, а также происшедших от частых взрывов пожаров и охватившей

население паники была почти совершенно уничтожена и турецкая часть города.

Такими результатами кроме блестящих действий наших экипажей, выпустивших в течение нескольких часов на самом близком расстоянии около 16 800 снарядов, причем стрельба отличалась большой меткостью, мы обязаны и превосходству нашей артиллерии. В то время как наши корабли «Великий князь Константин» и «Париж» имели на вооружении 68-фунтовые бомбовые пушки, наибольший калибр турецких судов был 32-фунтовые орудия. Отношение веса чугуна, выбрасываемого с одного борта нашими и турецкими судами, можно приблизительно принять как 3 к 2. Но в этом бою эскадре Нахимова приходилось принимать еще во внимание и огонь береговых батарей со столь опасной для деревянного флота стрельбой калеными ядрами. Серьезные повреждения, полученные нашими судами, являются лучшим доказательством, что в Синопском бою адмирал Нахимов имел более сильного в материальном отношении противника, чем это старалась доказать враждебная нам западная печать.

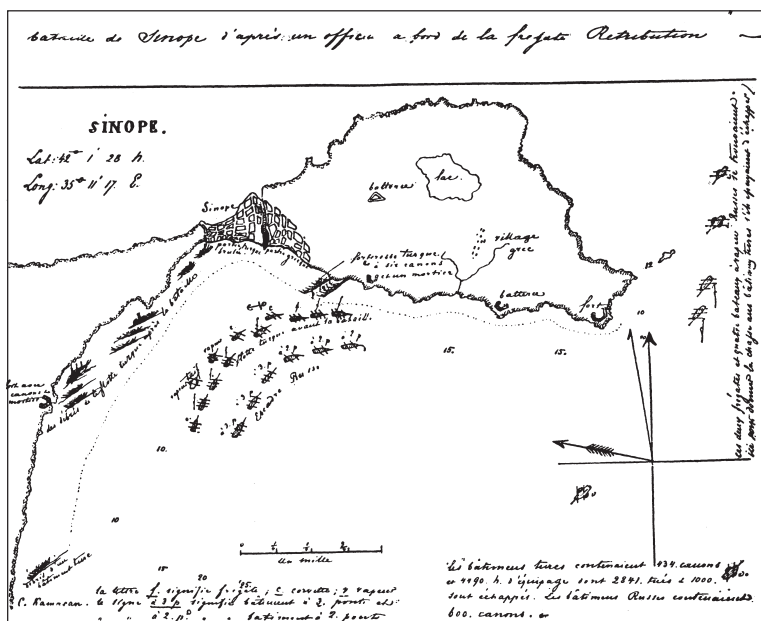
Кончился бой, но не окончилось опасное положение, в котором находилась наша эскадра. Вдали от собственных портов, при наличии лишь трех слабых пароходов, ей, в большинстве лишенной возможности самостоятельно двигаться, приходилось пройти в бурную осеннюю погоду все Черное море, ежеминутно ожидая встречи с флотами западных держав, которые могли туда войти.

При таких условиях нельзя было терять ни минуты времени, и вслед за окончанием боя на всех судах закипела, пожалуй, более трудная, чем сам бой, работа по исправлению повреждений.

«Конечно, — доносил по этому поводу адмирал Нахимов, — только неутомимая ревность к службе и знание морского дела офицеров и нижних чинов могли в полутора суток поставить эскадру, потерпевшую капитальные повреждения в корпусе, рангоуте, такелаже и парусах, в состоянии предпринять плавание в глубокую осень через все Черное море».

Тридцать шесть часов непрерывной работы сделали свое дело, и к утру 20 ноября наши корабли могли начать свой небезопасный путь в Севастополь. Избитого героя Синопского дня, корабль «Императрица Мария», с которого Нахимов перенес свой флаг на «Великий князь Константин», буксировал пароход «Крым» при конвое фрегатов «Кагул» и «Кулевчи»; все остальные корабли, за исключением «Парижа» и «Чесмы», также шли на буксирах пароходов. 22 ноября после трудного плавания победные корабли вновь увидели родной Севастопольский рейд²⁹.

Перед уходом из Синопа Нахимов обратился со следующим письмом к единственному там официальному представителю европейских держав — австрийскому консулу.

План Синопского сражения
 (набросок английского офицера, сделанный через день
 после сражения)

«Господин консул!³⁰ Позвольте мне обратиться к вам, как к единственному представителю Европы, флаг которого я вижу поднятым, и через вас сообщить властям несчастного города Синопа ту исключительную цель, которая привела суда Императорского флота на его рейд.

Узнав, что неприятельские суда, следовавшие к Абхазским берегам для возмущения подвластных России народностей, укрылись на Синопском рейде, я был вынужден к печальной необходимости их уничтожить, с риском нанести вред городу и его укреплениям.

Я вполне сочувствую печальной судьбе города и невинных жителей, так как только упорное сопротивление турецких судов и огонь батарей принудили меня прибегнуть к ядрам как к единственному средству заставить их замолчать. Но несомненно, что самый большой вред городу причинили горящие остатки турецких судов, зажженных большей частью самими экипажами.

Я отправил, как только огонь неприятеля мне это позволил, парламентаря в город, чтобы объяснить властям мои истинные намерения, но он пробыл там целый час, никого не найдя.

Вчера в течение целого дня никто не появлялся, за исключением нескольких греков, выдавших себя за депутатов одноплеменных им жителей города, которые меня просили взять их на суда. Мои инструкции ограничивались только действиями против турецких военных судов, и поэтому я направил этих несчастных к европейским консулам.

Теперь я покидаю рейд и обращаюсь к вам как к представителю дружественной державы, рассчитывая на вашу услугу сделать известным, что Императорская эскадра не имела никакого враждебного намерения ни против города, ни даже против Синопского порта»³¹.

Князь А. С. Меншиков не остался особенно доволен этим письмом. Извещая графа Нессельроде о Синопском сражении³², он, между прочим, сообщал ему, что Нахимов имел приказание щадить порты и прибрежные населенные пункты, а потому, как бы в оправдание себя, и отправил вышеприведенное письмо. «Я хотел бы видеть его иначе отредактированным, — заканчивал князь Александр Сергеевич, — но дело уже сделано».

Наверяд ли князь Меншиков имел нравственное право сваливать всю вину за погром Синопа на Павла Степановича. Отправляя ему приказание истребить в Синопе первоначально предполагаемые там два фрегата³³, он должен был рассчитывать на то, что роковая случайность, как это и произошло в действительности, может заставить пострадать и город.

20 ноября Севастополь, не подозревая свершившейся победы, торжественно праздновал день восшествия на престол государя императора; но мысли севастопольцев находились далеко, по ту сторону бушующего Черного моря, около славных имен Нахимова и Корнилова.

В городе думали, что именно к этому дню приурочат давно желанную победу над турками. Каково же было удивление севастопольцев, когда уже на следующий день, около 11 часов вечера, на рейде раздалось громовое «ура!». То был первый вестник Синопской победы «Громоносец», на которого в пути пересел генерал-адъютант Корнилов и команда которого своими кликами извещала город о радостной вести. С рассветом весь город бежал на пристань узнать о подробностях Синопской победы. В 8 часов утра взвился на «Громоносце» флаг и вновь раздалось «ура!», которому громко вторили эскадра контр-адмирала Вульфа и униженные жителями прибрежные холмы Севастополя.

Через несколько часов показались корабли победной эскадры, ведомые на буксирах пароходов. Впереди, как и в Синопском бою, шел совершенно израненный корабль «Императрица Мария». В ответ на салют эскадры Вульфа «Мария» подняла свой избитый флаг.

На всех мысках рейда загремело могучее «ура!», шапки полетели вверх, и общему ликованию не было конца. Восторженность

встречи несколько опечалилась распоряжением князя Меншикова об объявлении победоносной эскадры, как пришедшей от турецких берегов, на карантинном положении и прекращении всякого сношения ее с берегом. Три дня невольного ареста выдержали синопские герои!

«25 ноября выпустили наконец эскадру из карантина, — пишет один из современников³⁴, — и победители съехались к князю Меншикову с рапортом. Они были оскорблены холодным приемом; по второму слову он заговорил о желтых рубашках — вечно с штуками!.. 29-го, в воскресенье, был съезд в Михайловскую церковь для благодарственного молебна. Князь сказался больным — также штучки!»

Холодный прием князя Александра Сергеевича был с избытком возмещен ликованиями и празднествами в честь синопских победителей, устроенными всеми сословиями Севастополя.

В Зимний дворец первое известие о Синопском бое привез ночью 28-го числа адъютант князя Меншикова подполковник Сколков, свидетель славного подвига наших моряков. Своей радостью государь торопился немедленно поделиться с окружающими; не был забыт и гвардейский экипаж, который в этот день занимал в Зимнем дворце караул. На другое утро торжественные молебствия, большой выход, колокольный звон и пушечная пальба, а вечером иллюминация возвестили жителям столицы почти об одновременных победах князя Андронникова близ Ахалцыха и Нахимова на Синопском рейде.

Это были первые радостные известия после многих месяцев печали и тревоги, и давно императора Николая не видали таким веселым, как в день 29 ноября.

«До какой степени я обрадован был, — писал он в тот же день князю Меншикову³⁵, — радостной вестью славного Синопского сражения, не могу довольно тебе выразить, любезный Меншиков! Оно меня осчастливило столько же важностью последствий, которые, вероятно, иметь будут на дела наши на Черноморской береговой линии, но почти столько же потому, что в геройском деле смею себе вижу, что за дух, благодаря Бога, у нас в Черноморском флоте господствует от адмирала до матроса; уверен, что при случае, от чего Боже упаси, но и балтийские товарищи не отстанут. Это моему сердцу отраднo и утешительно среди всякого горя... Напиши мне, каково нашим раненым, пришли список увечных и раздай безруким и безногим по 100 рублей каждому, а ежели и тяжкие больные есть, то и больше, по твоему усмотрению»³⁶.

Одновременно с этим государь и официальным рескриптом на имя князя Меншикова³⁷ выражал свое особое удовольствие Черноморскому флоту.

«С искренней сердечной радостью, — писал государь, — поручаю вам сказать храбрым морякам нашим, что я благодарю их за подвиг, совершенный для славы России и для чести русского флага. Я с удовольствием вижу, что Чесма не забывается в русском флоте и что правнуки достойны своих прадедов».

Виновник торжества Павел Степанович Нахимов получил при милостивом рескрипте орден Св. Георгия Победоносца 2-й степени, на всех же остальных участников Синопского боя награды посыпались той широкой волной, которая отличала щедрость императора Николая в воздаянии за боевые заслуги, независимо от того, кем бы они ни были сделаны. Огромные столбцы современных событию официальных известий наполнены списками награжденных за Синоп.

Наравне со своим царем всколыхнулась могучей радостью и вся Россия, узнав о блестящих победах на Кавказе и Черном море. Темные тучи и непроницаемая мгла, которыми были окутаны все политические переговоры по Восточному вопросу, лишь неясным отголоском доходявшие до всеобщего сведения, распространили среди русского общества какой-то гнет. В воздухе чувствовалось приближение грозы, что вместе с неясностью обстановки и сбивчивой неопределенностью сообщений, выходивших из канцелярии графа Нессельроде, погрузило всю Россию в тяжелое, мрачное настроение. Радостное известие о блестящих победах на Черном море и на Кавказе электрической искрой пробежало по всем слоям русского общества, в котором заметно поднялись бодрость духа и надежда на блестящее окончание всех недоразумений.

«Вы не можете себе представить, — писал военный министр князь Долгоруков князю Меншикову³⁸, — счастье, которое все испытывали в Петербурге по получении известия о блестящем Синопском деле. Это поистине замечательный подвиг, и ваше сердце должно радоваться, вспоминая о нем. Дай Бог, чтобы оно принесло нам выгодные последствия»³⁹.

Восторг России выразился целой массой патриотических стихотворений, пожертвований и празднеств⁴⁰; многие из молодежи, начиная с лучших семей (два брата князя Голицыны, Римский-Корсаков и другие), пожелали принять участие в войне и поступили нижними чинами в разные полки⁴¹; слава Нахимова распространилась по всей России, и имя его сделалось народным не только среди родных ему черноморцев.

В Петербурге особенный энтузиазм всего общества выразился при постановке пьесы «Синоп», на которой пребывал весь город. Сама пьеса, занес в свои записки один из современников⁴², волнение, охватившее публику, и всеобщий восторг так действовали, что у многих, и в особенности у моряков, которых в театре было множество, почти все время на глазах были слезы.

Раненый Осман-паша

(с рисунка карандашом Айвазовского)

Появление на сцене портрета адмирала Лазарева вызвало особый взрыв энтузиазма. «При каждом слове, касавшемся императора или славы русского флота, при каждом рассказе об его теперешних или прежних подвигах со всех сторон раздавался гром рукоплесканий, столь единодушных, что, казалось, будто рукоплещет один человек».

Но наряду с этим общим ликованием наши правительственные сферы были озабочены почти неминуемой войной с Англией и Францией.

Известие о Синопской победе поразило западную Европу, как громовым ударом. Покровителями Турции она была принята как оскорбление народной чести. Превратное понятие о нашем Черноморском флоте, который усиленными стараниями периодической прессы представлялся существовавшим только на бумаге, и присутствие в Босфоре морских сил Англии и Франции, открыто оберегавших Порты Оттоманской, были тому причиной.

«Мы, в Англии, — писалось в главном органе Сити⁴³ — привыкли с пренебрежением смотреть на русский флот и любоваться турецким, потому что он руководим английскими офицерами. Однако часть русского флота держалась в море несколько дней в такую ужасную погоду, в которую ни турки, ни австрийские пароходы не смели показываться на море. Неужели эти русские матросы те самые трусливые новобранцы из евреев, о которых нам натолковали? Боевой их порядок в Синопском деле был удивительный. В продолжение часа одиннадцать кораблей были потоплены, подняты на воздух или сожжены. Такого совершенного истребления и в такое короткое время никогда еще не бывало. Неравенство сил хотя и может объяснить это некоторым образом, но не вполне. Русские показали, что им известны все новейшие усовершенствования артиллерии, и ужасное действие новой metody никогда еще не было доказано так хорошо».

Официальный английский историк этой войны⁴⁴ всю вину синопского погрома возлагает на великобританского посла в Константинополе, знаменитого лорда Стратфорда. «Способность

сосредоточивать всю свою энергию, — говорит он, — на одной отрасли действий была одним из свойств Редклифа, которая делала его сильным на дипломатическом поле; но, как кажется, она же мешала ему следить за тем, что выходило из этой сферы».

Лорд Стратфорд, донося своему правительству об уничтожении турецкого флота⁴⁵, объяснял следующими причинами свое бездействие: «Недостоверность сведений (о нашем флоте), желание возможно более избежать разрыва, прибытие нового французского посла и время года были достаточными причинами, которые заставили меня не рисковать отправкой флота в Черное море в осеннюю пору».

Справедливо замечает Кинглаке⁴⁶, что такие отговорки при наличии приведенной выше угрожающей депеши Сампсона и призыва Османа-паши не могли удовлетворить общественное мнение страны.

2 (14) декабря известие о Синопском деле достигло Лондона и Парижа. Французское правительство, по словам своего министра иностранных дел, почувствовало всю горечь погрома, произведенного, так сказать, под дулами орудий английского и французского флотов⁴⁷. Если бы, говорит Кинглаке, английская публика знала, что синопский погром был следствием непринятия ее правительством и константинопольским посланником очевидных мер предосторожности, то немедленное падение министерства было бы неминуемо. Необходимо было спасти самих себя, и для того чтобы дать выход общественному негодованию, надо было найти виновного. И такой виновный был найден в лице императора Николая. Свободная пресса свободной страны доделала свое дело.

Нельзя поэтому не отнестись с особым сочувствием к правдивым словам цитированного выше английского официального историка, который еще во время общего предубеждения против поведения в этом деле нашего государя зывал к несправедливости такого упрека.

«Петербургское правительство было осведомлено, — пишет он⁴⁸, — что не только один Дунай сделался театром военных действий, но что турки завладели также русским постом Св. Николая, что на восточном берегу Черного моря, и атаковали русских на Кавказе. После воинственных демонстраций подобного рода нельзя, по справедливости, претендовать, что Россия воспользовалась своим правом взорвать на воздух корабли своего противника. Необходимо равномерно признать, что разгром турецкой эскадры не был выполнен втихомолку, но английский народ, не знавший всех обстоятельств и впервые услышавший о русском флоте в минуту получения известия о синопском погроме, предполагал, что удар был нанесен с той тайной поспешностью, которая отличает кулак убийцы. Он был очень

раздражен для того, чтобы обсудить вопрос спокойно и справедливо. Отвратить, таким образом, внимание от ошибок правительства и привлечь общественное мнение к более обширному плану мести было делом нетрудным. Министров, посланников и адмиралов оставили в покое, но кипучее желание возмездия неправильно выбрало своей жертвой императора Николая».

Один из современников той эпохи, Фицтум фон Экштедт, так характеризует в своих интересных воспоминаниях значение Синопской победы⁴⁹: «Ни Наполеону, ни лорду Стратфорду, ни даже Пальмерстону не удалось бы разбудить укачиваемого манчестерской школой в мирных иллюзиях английского народа к этой бессмысленной войне кита с медведем, если бы второй Наварин не возбудил народных масс... Когда телеграф сообщил о совсем неожиданном событии, что русские корабли оставили Севастополь, врасплох напали на турецкий флот у Синопа и истребили его, тогда эта весть, как искра, воспламенила воинственный пыл английского народа, тем более что морские сражения сильнее всего возбуждают самомнение современных венецианцев. Нападение у Синопа является точкой поворота, сделавшей, совместно с другими факторами, войну неизбежной. Тогда уже не было преград; друзья мира скоро замолкли, и пресса на все лады повторяла свои любимые темы об опасности, которая грозит европейской цивилизации от русского варварства».

Не вдаваясь в политические подробности, скажем здесь, что следствием такого настроения английского общества было решение немедленно ввести в Черное море флоты западных держав.

Событие это предвиделось и с нашей стороны.

«Ежели точно англичане и французы войдут в Черное море, — писал государь князю Меншикову⁵⁰, — с ними драться не будем, а пусть они отведают наших батарей в Севастополе, где ты их примешь с салютом, какого они, может, и не ожидают. Высадки не опасаясь, а ежели бы позднее и была, то, кажется, и теперь отбить их можно; в апреле же будем иметь всю 16-ю дивизию с ее артиллерией, бригаду гусар и конную батарею. Более, чем нужно, чтобы заставить их дорого поплатиться».

Со своей стороны граф Нессельроде также давал князю Меншикову советы о будущих действиях на Черном море.

«К несчастью, — писал он⁵¹, — мы не имеем в Черном море достаточных сил, чтобы бороться, с надеждой на успех, с соединенными флотидами Англии, Франции и оставшихся кораблей турок. Дав этим последним почувствовать в блестящем Синопском деле наше превосходство, наш славный Черноморский флот может, мне кажется, почить на своих лаврах, не рискуя вступать в очень неравную борьбу»⁵².

О последовавшем решении западных держав ввести флоты в Черное море сообщил князю Горчакову наш посол в Вене барон Мейендорф телеграммой от 9 (21) декабря⁵³. При этом указывалось, что морские силы англичан и французов не начнут враждебных действий против нас, но должны мешать повторению синопской катастрофы или вообще атаке нашим флотом какого-либо турецкого порта.

Дальнейшая печальная участь Черноморского флота предreshалась, таким образом, самой судьбой.

Таковые были стратегические и политические последствия Синопского боя. Он очистил Черное море от турецкого флота, но он же порвал последнюю нить надежды на мирную развязку того гордиева узла, который запутался на политическом горизонте Европы.

Парусный Черноморский флот со славой пропел свою лебединую песнь и со славой выполнил свою вековую задачу быть грозой Порты Оттоманской; не его вина, что политическая система графа Нессельроде еще с 1841 года открыла на случай войны с Турцией свободный проход в его родные волны флотам могущественных морских держав, бороться с которыми он не предназначался.

После уничтожения большей части турецкого флота на Синопском рейде активная деятельность черноморцев на море прекратилась. Для флота в сложившейся политической обстановке в ближайшем будущем не предвиделось каких-либо важных наступательных задач, да, кроме того, ожидание неминуемого входа в Черное море сильной англо-французской эскадры окончательно отстраняло в высших правительственных сферах всякую мысль об активном действии нашего Черноморского флота.

С тех пор главная задача, поставленная нашему флоту, заключалась ввиду ожидаемого разрыва с западными державами в защите Севастопольского рейда и в приведении в порядок пострадавших в Синопе кораблей.

Второстепенная задача заключалась в крейсировании у восточных берегов Черного моря для охраны и возможного содействия укреплениям Черноморской береговой линии.

Хотя начальник этой линии вице-адмирал Серебряков и просил неоднократно об усилении крейсировавших близ нее судов, но император Николай взглянул на это дело иначе. Государь признавал желательным снаряжение в море сильной эскадры, ежели бы в Батуме или где-либо по соседству была вновь обнаружена турецкая эскадра, имевшая целью экспедицию к нашим кавказским берегам. Государь находил в таком случае необходимым нанести ей такой же удар, какой был нанесен на Синопском рейде, после чего вновь вернуться в Севастополь. Но такой эскадры у

турок уже не существовало в Черном море. «Разве, — писал государь, — придет новая или пароходная; это было бы опаснее, ибо не полагаю, чтобы наших пароходов достало одних с ними разделаться». При существовавших же условиях император Николай полагал достаточным для крейсирования у восточных берегов Черного моря уже бывшего там отряда судов контр-адмирала Вукотича.

Еще до получения этого письма князь Меншиков снарядил под флагом контр-адмирала Панфилова отряд из пароходно-фрегатов «Крым», «Одесса» и «Херсонес» для производства рекогносцировки кавказских берегов⁵⁴. На пароходах этих увеличили артиллерию, которая, таким образом, на каждом состояла из двух 84-фунтовых бомбических пушек, поставленных на носу и корме, и десяти 24-фунтовых пушко-каронад⁵⁵.

5 декабря отряд Панфилова вышел в море и в течение декабря обошел совместно с эскадрой контр-адмирала Вукотича весь восточный берег Черного моря, обстрелял пост Св. Николая и спустился до Батума. Присутствия турецких судов нигде обнаружено не было.

В день Рождества Христова на виду Севастополя впервые появился сильный английский пароход. Прибытие долгожданного гостя заставило суда наши, стоявшие на рейде в полной готовности, приготовиться к бою. Николаевская батарея двумя боевыми выстрелами своевременно остановила излишне любопытствовавшего английского капитана, который вздумал близко подойти к рейду, и заставила его отойти на должное расстояние. Пароход «Бердянск» принял от пришедшего «Ретрильоньона» депеши, после чего английский пароход ушел в море, обменявшись салютом с русским⁵⁶.

Это было уведомление о входе в Черное море англо-французской эскадры из 18 линейных кораблей и 13 боевых пароходно-фрегатов⁵⁷.

Жгучей болью отозвалось это известие в сердцах черноморцев, которые сознавали свое бессилие в борьбе с соединенным

*Редклиф, получающий
известие о Синопе
(английская карикатура)*

флотом могущественнейших морских держав. Настроение их лучше всего выражается следующими строками письма одного из выдающихся моряков Черноморского флота, контр-адмирала В. И. Истомина.

«Флот, как изволите видеть, хоть куда, — писал он своему балтийскому товарищу, перечислив силу вошедших в Черное море иностранных судов⁵⁸, — и, признаться, при его винтовых кораблях и пароходах довольно грозный. Но пусть эти неестественные союзники по каким бы то ни было причинам разъединятся хотя на малое время, и тогда, надеюсь, что в Англии отдадут справедливость этой новой силе нашего государя, как они изволят называть наш Черноморский флот. И это, поверьте мне, не хвастовство черномора, а отклик всего корпуса офицеров здешнего флота!»

Примечания

¹ Guerin, Bazancourt, Dufour и пр.

² Guerin. Т. 1. Р. 53.

³ «Eastern papers». Т. 2. С. 143.

⁴ Kinglake: «L'invasion de la Crimée». Т. 2. Р. 35.

⁵ «Eastern papers». Т. 2. С. 313.

⁶ См. схему № 14.

⁷ Письмо французского мичмана о Синопе. Гос. архив, разр. XI, д. № 1260.

⁸ Фрегаты: 64-пушечный «Низамие» под флагом Гусейн-паши, 60-пушечные «Навек-Бахри» и «Несеми-Зефер», 56-пушечный египетский «Дамиад», 54-пушечный «Каиди-Зефер», 44-пушечный «Фазли-Аллах» (бывший русский «Рафаил») и «Ауни-Аллах» под флагом Османа-паши; корветы: 24-пушечные «Неджми-Фешан» и «Фейзи-Меабуд», 22-пушечный «Гюли-Севид» и пароходы: 20-пушечный бат. в 450 сил «Таиф» и 4-пушечный в 140 сил «Эрекли».

⁹ Пестич (Морской сборник, 1889. Кн. 2) считает, что на вооружении турецкой эскадры состояло 524 орудия. Эта цифра весьма вероятна, так как обыкновенно суда носили большее число орудий, чем обозначал их ранг.

¹⁰ Е. Богданович. Синоп. С. 78.

¹¹ Ив. Шестаков. Морской сборник. 1855. Кн. 2.

¹² По Пестичу. Морской сборник. 1889. Кн. 2).

¹³ Подробную ведомость см. в приложениях к I тому. Пестич (Морской сборник. 1889. Кн. 2) считает 738 орудий.

¹⁴ Приказ № 157. См. приложение № 53.

¹⁵ Всего на судах, участвовавших в Синопском сражении, кроме пароходов находилось строевых офицеров и нижних чинов 5576 человек и нестроевых 371 человек. Николаевский центр архив, оп. 66, д. № 2, св. 1.

¹⁶ Шханочный журнал корабля «Париж».

¹⁷ Приспособление для постановки корабля на якорь в желаемом положении; без этого он на якоре всегда обращается носом к ветру.

¹⁸ Е. Богданович. Синоп. С. 79.

¹⁹ Продолжение мачт кверху.

²⁰ Шханочный журнал корабля «Париж».

²¹ Там же.

²² Продольные и поперечные бруски на вершине стеньги.

²³ Богданович Е. Синоп. С. 80.

²⁴ Слова донесения П. С. Нахимова.

²⁵ Там же.

²⁶ Шханочный журнал корабля «Париж».

²⁷ Приспособление для постановки корабля на якорь со шпрингом.

²⁸ Всеподданнейший доклад за 1853 г.

²⁹ Донесение вице-адмирала Нахимова о Синопском бое (Николаевский архив, кн. оп. 15, оп. 66, д. № 2, св. 1); всеподданнейшие отчеты великого князя Константина Николаевича за 1853 г. (Архив Мор. мин., воен. пох. канц. и канц. ген.-адм.); дневник А. Б. Асланбекова (Музей Севастопольской обороны); записки контр-адмирала Афанасьева (там же); Архив Мор. мин., орд. части. 1855 г., д. № 65, канц. мин., 1854 г. д. № 13935, статьи Пестича (Морской сборник. 1892 г. Кн. 8, и 1889 г., кн. 2), Синопский бой (Русский архив, 1878. Кн. 11), Записки севастопольца (Русский архив. 1867), Вахтенные журналы участвовавших в бою судов (Николаев. Черном. архив) и др.

³⁰ Перевод с французского.

³¹ Гос. архив, разр. III, д. № 124.

³² Письмо от 21 ноября 1853 г. Там же.

³³ См. выше.

³⁴ Дневник А. Б. Асланбекова (рукоп. отд. Севастопольского музея).

³⁵ Письмо от 29 ноября 1853 г.

³⁶ См. приложение № 54.

³⁷ Рескрипт от 29 ноября 1853 г.

³⁸ Письмо от 4 декабря 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254.

³⁹ Перевод с французского.

⁴⁰ Путилов. Сборник известий. Кн. 2.

⁴¹ «Воспоминания С. М. Загоскина»// Исторический вестник. 1900. Кн. 4.

⁴² Воспоминания князя Эмилия Витгенштейна// Русская старина. 1900. Кн. 4.

⁴³ Таймс. 1854 г., 9 января н. ст.

⁴⁴ Kinglake. Т. 2. С. 36.

⁴⁵ От 4 декабря (н. ст.) Eastern papers. Т. 2. С. 311.

⁴⁶ Kinglake. Т. 2. С. 37.

⁴⁷ Eastern papers. Т. 2. С. 299.

⁴⁸ Kinglake. Т. 2. С. 41.

⁴⁹ Kinglake. С. 66. Перевод с немецкого.

⁵⁰ Письмо императора Николая — князю Меншикову от 29 ноября 1853 г. См. приложение № 54.

⁵¹ Граф Нессельроде — князю Меншикову 24 декабря 1853 г. Госуд. архив, разр. III, д. № 124.

⁵² Перевод с французского.

⁵³ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 2453.

⁵⁴ Архив Мор. мин.

⁵⁵ Дневник А. Б. Асланбекова. Рукоп. отд. Севастопольского музея.

⁵⁶ Вахтенные журналы кораблей «Храбрый», «Париж», брига «Язон» и др. Николаевский центр. архив.

⁵⁷ Рукоп. отд. Севастопольского музея.

⁵⁸ Письмо от 18 января 1854 г. Рукоп. отд. Севастоп. музея.

Глава VII

Действия на Дунае в октябре и ноябре 1853 года

Первый выстрел на Дунае, как было сказано выше, раздался 3 октября у Видина, где турки стреляли по нашим аванпостам, а затем начали свою переправу у Калафата; 10 октября, также еще до условленного начала военных действий, ими было сделано удачное нападение на казачий пикет против Туртукая. С 11-го же числа турки, пользуясь оставшимися у их берегов лодками, почти ежедневно переплывали небольшими группами, в 20—40 человек, Дунай, высаживались под покровом темноты или тумана на наш берег, сбивали пикеты и уходили обратно. Такие набеги производились в разных пунктах на флангах нашей длинной линии, у Гуро-Яломницы, что близ Гирсова, у Калафата и в центре, близ Ольтеницы¹.

Подобные стычки, не имея, в общем, никакого влияния на ход дел, тем не менее действовали очень плохо в нравственном отношении на наши войска, которым не дано было права отвечать такими же набегами; туркам же, приписывавшим нашу неподвижность слабости, они все более и более придавали предприимчивости. Это заставило князя Горчакова просить разрешения и нашим войскам делать вылазки за Дунай; государь согласился на испрашиваемую меру, но лишь на самое короткое расстояние и с соблюдением полной осторожности, чтобы не быть отрезанными².

Между тем, хотя командующего войсками наше венское посольство и предупреждало, что Омеру-паше предписано не переходить за Дунай, но мелкие нападения турок и сведения, собранные им на месте, заставили князя Горчакова нарисовать себе следующую картину ближайших действий турецкой армии. По его предположению, первоначально должны были быть брошены через Дунай два корпуса турок на обоих флангах длинной линии княжеств — один, около 20 тысяч, у Гирсова, а другой, около 30 тысяч, у Видина; сам же Омер-паша с 30—40 тысячами будет ожидать у Рушука, Туртукая и Силистрии, пока действия фланговых корпусов не заставят князя Горчакова отделить часть своих войск, после чего он переправится в одном из вышеупомянутых пунктов для овладения Бухарестом³.

Такое предположение заставило командующего войсками, покойного ввиду выделения отряда генерала Фишбаха за свой правый фланг, вновь отдать отмененное за день перед этим распоряжение об образовании в Слободзее⁴ отряда графа Анрепа силой в

Разрушенная часть Синопа

6 батальонов, 10 эскадронов, 6 сотен и 12 пеших орудий⁵. Этот отряд совместно с войсками генерала Энгельгарда, расположенными у Браилова, в достаточной степени обеспечивал армию князя Горчакова со стороны Силистрии и, главное, Гирсова, но зато такая мера облегчала туркам переправу у Ольтеницы, так как в состав отряда графа Анрепа была взята почти вся пехота авангарда генерала Павлова. Действительно, в случае переправы турок у этого пункта ближайшей пехотной частью оказывался один Селенгинский полк, расположенный у с. Добрени, в 50 верстах от Дуная⁶. Сам же князь Горчаков решил оставаться с 33 батальонами и 32 эскадронами у Бухареста до выяснения обстановки.

Более энергичные попытки турок перейти через Дунай начались с нашего правого фланга, со стороны Калафата. С 12-го числа было замечено передвижение к стороне Видина значительных неприятельских сил, а 16-го числа 10-тысячный отряд регулярных войск быстро переправился в Калафат, занял этот город и, расположив войска лагерем, принялся за энергичное укрепление позиции. Не встречая сопротивления с нашей стороны, турки выслали вперед цепь своих разъездов, которые начали грабить окрестные селения. Генерал Фишбах передвинул свой отряд к Крайово и для противодействия грабежу турецких шаек выслал казацкии разъезды, имевшие удачные с неприятелем схватки. Со своей стороны князь Горчаков предписал генералу Фишбаху в случае наступления турок к Крайову встретить их боем; если же они ограничатся укреплением Калафата, то с нашей стороны

выслать лишь летучие отряды, примерно из одного или двух дивизионов, приказав им «действовать партизанами» и стараться мелкими удачными стычками препятствовать неприятелю распространяться по стране⁷.

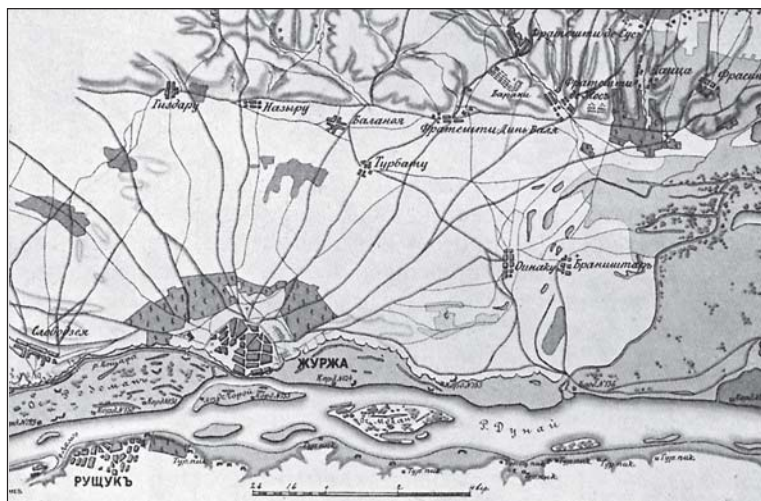
У князя Горчакова к этому времени уже установился определенный план относительно действия против Калафата. «Если я не атакую их, — делился он своими мыслями с князем Меншиковым⁸, — то это потому, что в мой план кампании не входит отделение отряда войск почти что на 300 верст от Бухареста для того, чтобы драться — почти что каждую ночь турки в разных пунктах переходят на левый берег Дуная, чтобы нападать врасплох на мои посты». Со своей стороны генерал-адъютант Коцебу записал в своем дневнике под 17 октября⁹: «Я все утро занимался с Горчаковым, чтобы убедить его отдать приказание генералу Фишбаху прогнать турок, но это мне не удалось».

Таким образом, относительно цели действий наших войск в Малой Валахии явилось разномыслие между командующим войсками и его начальником штаба, которое, при нерешительности характера князя Горчакова, должно было в будущем вылиться в крайне вредную форму непоследовательных распоряжений и народных намерений на нашем правом фланге.

Заняв почти одновременно с действиями в Малой Валахии острова у Силистрии и Туртукая и приступив к их укреплению, турки 20 октября открыли враждебные действия и против Журжи.

Верстах в двух выше этого города, на правом — возвышенном и утесистом берегу Дуная расположена турецкая крепость Рушук, приводимая в оборонительное состояние как усилением верков, так и постройкой по берегу Дуная ряда полевых батарей и сильно занятая войсками. Западный фронт крепости прикрывался рекой Лом, впадающей в Дунай и имеющей в своем устье глубину, достаточную для укрытого размещения всей турецкой флотилии.

На пространстве между Рушуком и Журжей Дунай перерезан целым рядом больших лесистых островов, разделенных между собой, а также отделенных от правого и левого берегов Дуная рукавами большей или меньшей ширины, которые называются речками. Наибольшее значение по величине и своему положению имели острова Радоман, Чарой и Макан¹⁰. Первые два, отделенные от левого берега речками Кишерой и Веригой, были очень низменны, изрезаны узкими затоками и покрыты высоким камышом; о. Макан лежал ниже Журжи и был покрыт густым лесом. Таким образом, правый, возвышенный, берег Дуная скрывал от наших взоров передвижение турецких войск, а лесистые острова — совместно с господствовавшими в осеннее время туманами облегчали неожиданную переправу турок через реку.

*Схема № 31.
План окрестностей г. Журжи*

Журжа, как лежащая на левом берегу Дуная, против Рушука и на пути к Бухаресту, имела, следовательно, важное стратегическое значение, которое и было надлежащим образом оценено командным элементом нашей Дунайской армии.

Вслед за боем у Исакии генерал Данненберг, желая дать возможность генералу Соймонову с большим успехом противодействовать попыткам турок против Журжи¹¹, усилил гарнизон этого города 1 батальоном, 4 орудиями¹² и 1 сотней казаков, переведенных из Фратешти и Турбату, а генерал Соймонов со своей стороны усилил упомянутые выше острова целым рядом батарей и редутов, не занятых, впрочем, войсками¹³.

Все эти меры предосторожности были приняты как нельзя более кстати: Омер-паша приказал с целью содействовать набегу против нашего Ольтеницкого отряда спуститься части судов рушукской флотилии вниз по реке к Туртукаю.

20 октября около полудня турецкая флотилия в составе 15 двенадцативесельных лодок, имея за собой пароход с галиотом, вооруженным тремя орудиями, на буксире, с посаженными на суда войсками, вышла из устья реки Лом и, прикрываясь туманом, направилась вниз по Дунаю. Валахские посты на острове Чарой заметили благодаря рассеившемуся туману флотилию только тогда, когда она проходила мимо этого острова. Тотчас же из лагеря по тревоге были вызваны 4 орудия 10-й артиллерийской бригады и рота Томского егерского полка.

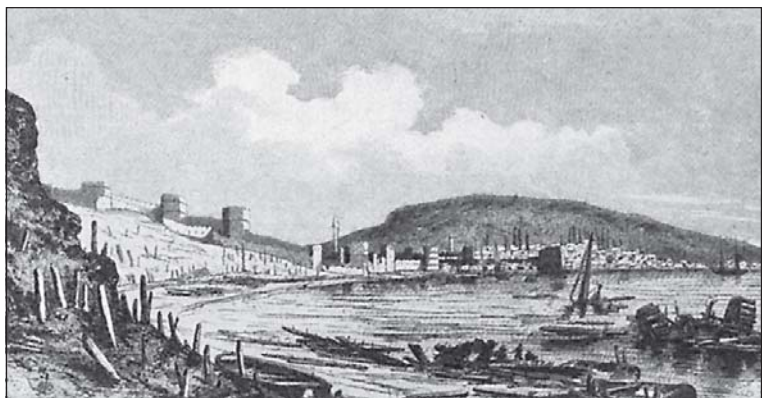
Два орудия, расположившись на берегу между островами Чарой и Макан, встретили флотилию метким огнем и заставили ее отойти к правому берегу; вышедший вслед за ней пароход с галиотом открыл по нашим орудиям огонь, но скоро получил ряд повреждений, заставивших его бросить галиот и укрыться у правого берега за незначительным островом Малый Рошу. Между тем два другие орудия под прикрытием роты Томского полка расположились против восточной оконечности острова Макан. Турецкий пароход, простояв около часа на месте, сделал попытку выйти из-за острова, но был встречен таким метким огнем двух нижних орудий и роты Томского полка, что, сделав 18 выстрелов по нашим войскам, причалил, сильно поврежденный, к правому берегу.

На другой день пароход несколько раз пытался выйти из-за острова Макан под прикрытием огня из Рушук, но все его попытки окончились неудачей. 22-го числа турки заняли остров отрядом в 200 человек с целью заставить отойти нашу артиллерию от берега¹⁴.

Обнаружив почти одновременно свои наступательные попытки против нашего левого фланга и центра, у Гирсова и Журжи, и против правого фланга, у Калафата, турки перешли в наступление и в ближайшем от Бухареста пункте, около Ольтеницы.

Против этого пункта, в Туртукае, Омер-паша собрал свыше 15 000 человек¹⁵ и прибыл туда лично для руководства всей операцией. Насколько можно судить, конечная цель действий турецкого главнокомандующего у Туртукая не заключалась в развитии сильных наступательных операций к стороне Бухареста — это не соответствовало ни общему плану кампании, ни собранному Омером-пашой числу войск. Умелое пользование выгодно сложившейся обстановкой, уверенность в неприкосновенности для русских правого берега Дуная, а главное, желание дать своим войскам возможность приобрести частный успех и, может быть, желание утвердить на левом берегу реки опорный пункт скорее всего руководили намерениями турецкого пашы. Образование таких опорных пунктов против разных концов растянутого расположения князя Горчакова должно было, как это отлично понял Омер-паша, сбивать с толку нашего командующего войсками и отвлекать его внимание в разные стороны, заставляя исключительно заботиться об обороне, но не об активных со своей стороны действиях против турок.

Расположение наших войск против Туртукая, хорошо известное неприятелю, как нельзя более соответствовало наступательным операциям турок в этом пункте. Редкая цепь казачьих и валахских пикетов, разбросанных по берегу реки и поддержанных сотней Донского казачьего № 34 полка, стоявшей в двух верстах от Дуная, в с. Новая Ольтеница¹⁶, — вот все, что мы могли противопоставить

Синопский рейд после сражения 18 ноября 1853 года

здесь первому натиску турок. Ближайшие пехотные части стояли в Будешти, в 18 верстах от Ольтеницы. Справедливые опасения, высказанные по поводу такого расположения начальником 11-й пехотной дивизии генералом Павловым, вызвали со стороны генерала Данненберга приказание ждать личных распоряжений корпусного командира, который при первом выстреле в отряде Павлова прибудет к нему¹⁷. Сплошные туманы, которые в течение многих суток окутывали, не рассеиваясь, Дунай, со своей стороны много содействовали успеху и неожиданности наступательных действий.

В ночь с 19 на 20 октября часть турецких войск, находившихся в Туртукае, скрытно переправилась на остров, расположенный саженьях в 300 выше впадения в Дунай р. Аржиса¹⁸, и стук топоров, доносившийся до Новой Ольтеницы, указал, что турки приступили там к работам. Утром 20-го числа неприятель, пользуясь сильным туманом, ввел свои лодки в рукав Дуная, отделявший остров от левого берега реки, и своим огнем заставил наши посты очистить берег р. Аржиса и каменный карантин, находившийся у устья этой реки. Рассеившийся около полудня туман позволил разглядеть насыпанную уже турками на восточном мысе острова батарею на 10 орудий и ряд ложементов для пехоты. Генерал Павлов поставил свой отряд, находившийся в Будеште, в 20 верстах от пункта переправы, в ружье, а сам поехал по направлению к Ольтенице. Сведения, полученные по дороге, успокоили начальника левого отряда, и к вечеру войска вновь расположились в своих лагерях¹⁹.

Между тем турки усиленно продолжали переправу на остров, а с него и на левый берег Дуная, где около 5 часов дня 21 октября

беспрепятственно заняли каменный карантин²⁰, выше которого, в 100—150 саженьях, навели мост на судах через р. Аржис. При помощи согнанных с правого берега Дуная нескольких тысяч болгар они начали деятельно укреплять и вооружать карантин, в то время как турецкая конница неоднократно пыталась захватить и предать грабежу селения Новые и Старые Ольтеницы; эти попытки ее с успехом были отражены полковником Власовым с тремя сотнями казаков № 34 полка²¹. К утру 23-го числа у Ольтеницкого карантина находилось уже свыше 8000 турецких войск²², занимавших сильную и искусно укрепленную позицию.

Наступление турок по всей линии Дуная привело в сильное смущение князя Горчакова. Сознание большой лежащей на нем ответственности, невозможность своевременного получения точных инструкций и преувеличенные опасения насчет наступательных намерений Омера-паши, вообще все тревожное нравственное состояние престарелого князя отразилось в следующих словах его письма к товарищу юности князю Меншикову²³: «В Петербурге могут только ожидать событий; обстоятельства очень серьезны. Честь России и неприкосновенность ее границ в настоящее время покоятся лишь на двух головах: на вашей и на моей. Будем же действовать по собственному внушению и собственными силами, так как невозможно рассчитывать, чтобы подкрепления и инструкции прибыли бы к нам вовремя... Со дня на день я ожидаю, что 90 000 фанатиков кинутся на меня сначала из Гирсова и Видина, а потом из Рушука, Туртукая и Силистрии»²⁴.

Князь Меншиков более спокойно относился к положению Горчакова и рекомендовал военному министру как лучшее средство отбить у турок охоту от наступательных порывов сильную экспедицию на правый берег Дуная, хотя бы и без цели утвердиться на этом берегу²⁵. Совет князя, как шедший вразрез с нашими дипломатическими обещаниями, не был принят во внимание.

Как только было получено известие о переправе турок у Туртукая, нервность командующего войсками достигла наибольших пределов. Журжа и Ольтеница — это были два ближайших к Бухаресту пункта, наступление со стороны которых грозило немедленным началом серьезных боевых столкновений. Князь Горчаков был более склонен видеть в попытке против Ольтеницы лишь демонстрацию, ожидая главного наступления со стороны Журжи²⁶. Возможность соединения операций со стороны этого пункта с операциями от Калафата давали такому предположению некоторую реальную окраску.

Между командующим войсками и командиром 4-го корпуса началась деятельная переписка, которая не осталась без влияния и на исход Ольтеницкого сражения.

Генерал Данненберг еще 21-го числа сделал распоряжение о сосредоточении отряда генерала Павлова силой в 8 бат., 24 пеш. ор., 6 экс. и 2 кон. ор.²⁷ из Добрени и Негоешти на хорошей позиции у с. Митрени (Фундени), в расстоянии около 8 верст от Новой Ольтеницы, и о производстве кавалерией и конной артиллерией этого отряда совместно с тремя сотнями казаков Власова усиленной рекогносцировки расположения турок у Ольтеницкого карантина²⁸. При этом начальнику рекогносцирующего отряда полковнику Козлянинову вменялось в обязанность «не подвергать отряда по пустому урону», а стараться отступать и навести турок на нашу пехоту, занявшую удобную позицию; короче, предписывая полковнику Козлянинову определенный образ действий, его заблаговременно стесняли в средствах к лучшему достижению целей рекогносцировки. Генерал Данненберг не придавал особого значения попытке неприятеля у Ольтеницы, считая ее за демонстрацию, и выражал в письме к генералу Коцебу²⁹ полную уверенность отбить у турок желание оставаться на нашей стороне реки; это, впрочем, не мешало ему сожалеть об отсутствии в двинутом против Ольтеницы отряде большого количества войск.

Князь Горчаков 21 и 22-го числа отправил генералу Данненбергу целый ряд писем и инструкций, следовавших одно за другим положительно через несколько минут, с приказами разноречивыми и всегда неопределенными. Убежденный в том, что у Ольтеницы производится демонстрация, командующий войсками решил сосредоточить 12-ю дивизию у Крецешти, ближе к Журже, со стороны которой ожидал главного наступления турок, предоставив генералу Данненбергу справляться у Ольтеницы лишь с поименованными выше войсками. «Весьма было бы желательно, — писал он Данненбергу 21 октября³⁰, — воспрепятствовать неприятелю утвердиться на острове при Туртукае», и за сотню верст сообщал длинный и очень подробный рецепт, как это сделать³¹. «Старайтесь опрокинуть неприятеля у Ольтеницы, — сообщал он 22-го числа³², — при несчастье отступайте медленно в направлении на Крецешти». Через несколько минут князь Горчаков уже переменял свое мнение и находил, что «терпеть турок против Туртукая на нашем берегу никак не следует»³³, и вновь давал подробные указания, как действовать, ни разу не бывши лично на месте. В конце своего письма князь Горчаков «совершенно разделял» мнение генерала Данненберга, что попытка у Ольтеницы есть демонстрация, а потому решил не трогать с места ни 12-й дивизии, ни отряда графа Анрепа. Но не прошло и нескольких минут, как в Будешти летело новое приказание³⁴. Оно начиналось категорическим восклицанием: «Во что бы то ни стало надо выбить неприятеля с левого берега Дуная!» и обещанием личного прибытия к вечеру 23-го с 8 батальонами и 8 эскадронами³⁵ в Негоешти.

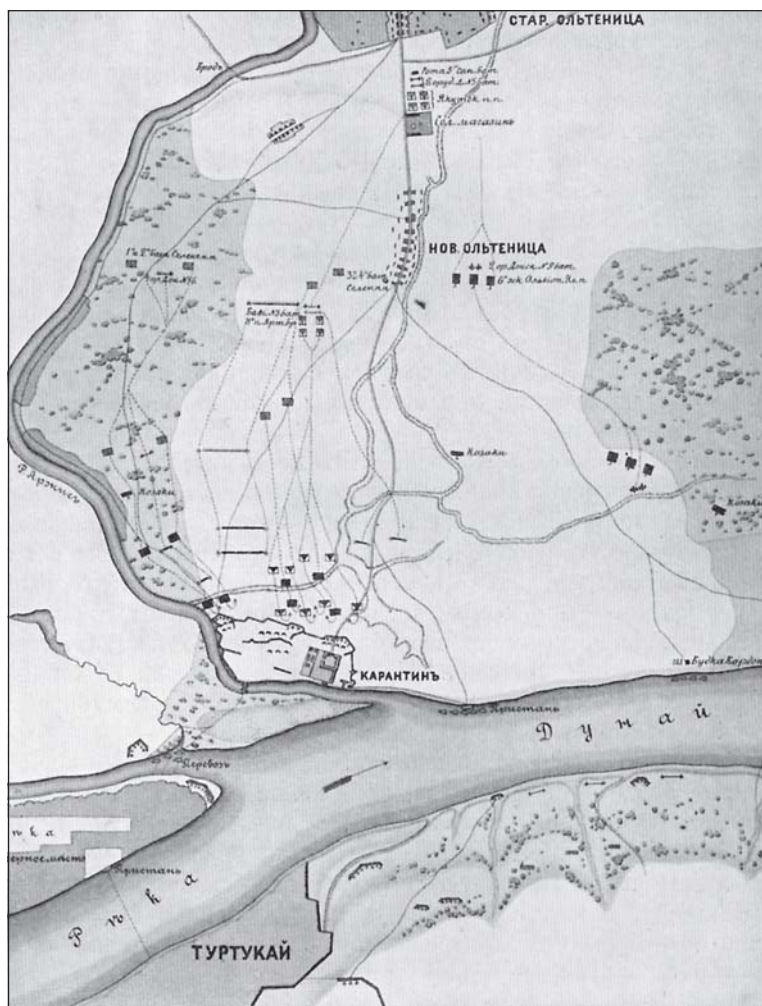
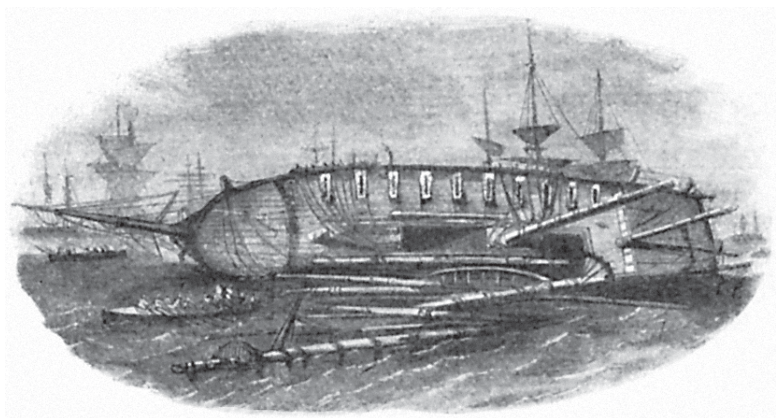

Схема № 15.
План Ольтеницкого сражения

Но через две строчки предписания решимость уже покидает князя Горчакова, и он рекомендует генералу Данненбергу атаковать турок 23-го числа, если имеет верную надежду разбить неприятеля; в противном же случае предписывает не завязывать серьезного боя. Только что было отправлено это предписание, как ничего не значащее известие из Журжи заставило вновь князя Горчакова

Остатки разбитого в Синопе турецкого корабля

отменить приказание о движении бригады к Негоешти и предписать Данненбергу атаковать турок у Ольтеницы своими силами и сбросить их в Дунай. «Было большое волнение, и мы усердно молились», — заканчивает генерал Коцебу свою запись об этом новом распоряжении³⁶.

Таков в немногих словах был облик нравственного состояния руководства армии, такова была сбивчивость и неопределенность тех целей, которые ставились в основу задуманного предприятия против Ольтеницкого карантин. 22-го числа для выяснения обстановки из главной квартиры был послан к Ольтенице генерального штаба подполковник Эрнрот, который должен был заменить полковника Козлянинова в производстве «безопасной, но и безвредной для обеих сторон рекогносцировки»³⁷. К вечеру Эрнрот вернулся в главную квартиру и успокоил князя Горчакова тем, что карантин занят весьма слабо, что турецкие войска, в нем находящиеся, жалкий сброд, который он беретсся с двумя батальонами выбить не только из карантин, но и с острова³⁸.

Рассказ Эрнрота водворил спокойствие в доме командующего войсками, и атака Ольтеницы слабым отрядом Данненберга была на этот раз бесповоротно решена.

С полным спокойствием и даже с радостью встречались будущими исполнителями трудного дела ежеминутно прибывающие известия об увеличении турецких сил у карантин. Начиная от корпусного командира и кончая младшими офицерами все были настолько уверены в полной победе, что желали только одного — это увеличения числа турок на нашем берегу, чтобы большее число их потопить в Дунае. Узнав о движении улан на

рекогносцировку, генерал Павлов серьезно рассердился, доказывая, что это движение «только испугает турок и не даст им переправиться на свою погибель на наш берег»³⁹. В свою очередь нижние чины с полным восторгом думали о предстоящем бое. С музыкой и песнями, отказываясь от привала, войска потянулись к Ольтенице, ожидая боя после долгого и утомительного бездействия «как желанного пира, как радостного праздника»⁴⁰.

А между тем между рекогносцировкой Эрнота и последовавшим боем прошли целые сутки, которыми умело воспользовались наши враги — ничтожные укрепления турецкого карантина и жалкий сброд, их защищавший, обратились в сильную преграду, занятую значительным отрядом в 8—10 тысяч человек.

Полем Ольтеницкого сражения служила несколько покатая к Дунаю равнина, ограниченная на севере с. Новая Ольтеница, на юге — течением Дуная, на западе — рекой Аржис и на востоке — отдельной рощей, находящейся в версте от Новой Ольтеницы. С севера на юг это пространство занимало около 2 верст и с запада на восток около 1 $\frac{1}{2}$ версты. Кроме упомянутой выше небольшой рощи, окаймленной кустарниками и камышами и составлявшей восточную окраину поля сражения, был покрыт кустарником и левый берег реки Аржис, но кустарник этот, занимая полосу шириной около полуверсты, был до того густ и низок, что, не представляя прикрытия для войск, сильно затруднял их движение.

Вся равнина от Новой Ольтеницы до Дуная была болотиста, покрыта кочками и изрезана мелкими оврагами, наполняющимися почти в течение целого лета водой, остающейся в них от разлива Дуная и Аржиса. Два таких наиболее глубоких оврага прикрывали с севера каменный карантин, построенный на левом берегу Аржиса при впадении его в Дунай, и отстояли от него на расстоянии 60 и 100 саженей. Кочковатая илистая почва равнины, вообще неудобная для движения, сделалась очень трудно проходимой после дождей, которые предшествовали делу 23 октября.

Ширина Дуная ниже карантина не превосходила 240 саженей; выше карантина, как уже было сказано, имелся большой остров, занятый турками и отделенный от левого берега узким рукавом. Обрывистый правый берег реки возвышался над левым, также круто спускавшимся к воде и дававшим укрытие высаживавшимся здесь войскам. Река Аржис составляла надежное на всем протяжении прикрытие правого фланга наступающих с севера войск; для переправы через нее существовал брод у с. Старая Ольтеница и мост у устья реки, но он находился в районе расположения турок.

*Командир 4-го корпуса
генерал Данненберг*

Омер-паша после занятия Ольтеницкого карантин принял целый ряд мер к обеспечению расположения своих войск в этом пункте, и надо отдать полную справедливость, что турки воспользовались с большим умением и энергией для усиления своего расположения на левом берегу Дуная теми тремя днями, в течение которых шла бесплодная переписка между князем Горчаковым и генералом Данненбергом, выразившаяся в конце концов в сосредоточении к месту действий около 6000 войск из пунктов квартирования, отстоявших не более 20 верст от Ольтеницы.

Каменное здание карантин было приведено в оборони-

тельное состояние и окружено с трех сторон рядом полевых укреплений, батарей и ложементов, охватывающих пространство около 300 саженей по фронту и около 150 саженей в глубину. Высота брустверов этих укреплений доходила до 4 футов, ширина — до 10—12 футов и глубина рвов — до 7 футов. Орудия стреляли через амбразуры, одетые турами и фашинами. Шагах в 20 перед фронтом укреплений было заложено три ряда фугасов⁴¹.

Всего в описанных выше укреплениях турки к началу боя сосредоточили свыше 8000 человек, преимущественно пехоты и артиллерии с несколькими эскадронами кавалерии⁴². Всею операцией руководил Омер-паша, имея под своим начальством еще четырех пашей: Мустафу, Измаила, Неджи и Алида⁴³. 13 орудий заняли батареи, устроенные к северу от карантин и в правом исходящем углу, 7 орудий расположились левее карантин для действия вдоль левого берега Аржиса. Кроме того, на правом берегу Дуная, ниже Туртукая, было выстроено, для обстреливания наших наступающих войск, а также и для обеспечения отступления своих войск, несколько укреплений и батарей, вооруженных 40 орудиями большого калибра и расположенных в три яруса; между ними находились и мортиры для навесной стрельбы; в полуверсте ниже карантин для той же цели стояло несколько лодок, вооруженных 6 орудиями. Наконец, на восточном мысе острова, в 380 саженях от карантин, были построены две батареи всего на 14 орудий

большого калибра, предназначенные для действия по карантину в случае занятия его нашими войсками и для содействия обратной переправе турецких войск.

Все расположение турок было прикрыто двойным рядом цепей — пешей застрельщицей и конной, выдвинутых перед линией укреплений.

Таким образом, турки сумели подготовить себе сильную, трудно доступную позицию, находившуюся под покровительством могущественной артиллерии противоположного берега, обеспечили себе, по возможности, беспрепятственное отступление и сделали крайне затруднительным наше пребывание в карантине, даже если бы нам и удалось им овладеть. Существенный недостаток турецкой позиции заключался в том, что она не соответствовала величине отряда и заставляла держать сосредоточенными на 300-саженном пространстве большую массу войск.

В распоряжении генерала Данненберга для атаки Ольтеницкого карантина находились полки Якутский и Селенгинский, рота 5-го саперного батальона, батарейная № 3 и легкая № 5 батареи 11-й артиллерийской бригады, шесть эскадронов ольвиопольских улан, три сотни Донского казачьего № 34 полка и два орудия донской казачьей № 9 батареи, всего 8 $\frac{1}{2}$ бат., 6 эск., 3 сот., 24 пеш. и 2 конн. орудий численностью около 6 $\frac{1}{2}$ тысячи человек. Отряд этот сосредоточился у с. Старая Ольтеница после небольшого перехода лишь к полудню 23 октября и тотчас же был направлен в бой. Ближайшие пехотные части (12-я пехотная дивизия с двумя батареями) находились в это время у с. Крещести, на расстоянии одного усиленного перехода от Ольтеницы (около 45 верст), но князь Горчаков, как известно, успокоенный рекогносцировкой подполковника Эрнрота и обеспокоенный вестями из Турции, решил этих войск не трогать. Кроме того, близ Будешти, на расстоянии небольшого перехода от Ольтеницы, находилось три батальона Камчатского егерского полка с батареями.

Атака турок была предпринята на основании поверхностной рекогносцировки упомянутого выше офицера, результаты которой были доложены генералу Данненбергу на самом поле будущего сражения в присутствии генералов Павлова и Мартинау (начальника штаба корпуса) в полдень 22-го числа, т. е. ровно за сутки до ее начала. Правда, на рассвете 23-го числа было приказано Генерального штаба капитану Феоктистову с несколькими казаками «обозреть правый берег Аржиса доколе будет возможно»⁴⁴. Это обозрение могло надлежащим образом выяснить корпусному командиру и силу турецких укреплений, и количество их войск, но в действительности оно ни к чему не привело. Феоктистов в 9 часов утра в день боя доложил корпусному командиру результат своей рекогносцировки, который, однако, не изменил намерения

генерала Данненберга. Не исполнил ли Феокистов своего поручения в должном виде или же корпусный командир не обратил внимания на его донесение, остается вопросом открытым⁴⁵.

Когда войска сосредоточились на позиции за Старой Ольтеницей, то им была передана диспозиция для предстоящего боя⁴⁶. Она отличалась всеми характерными особенностями боевых распоряжений того времени. В диспозиции подробно говорилось, в какой колонне двигаться, когда и в какую колонну перестроиться, где остановиться и прочие мелочи, совершенно стеснявшие самостоятельность частных начальников, но зато она почти не касалась цели действий и совершенно не указывала частных задач начальникам участков. Кроме того, в этом интересном документе совсем не говорилось об атаке неприятеля, а лишь делались распоряжения о расхождении в боевой порядок и об открытии артиллерийского огня.

Боевая часть, согласно диспозиции, подразделялась на два участка.

Правый, силой в 2 батальона и 4 орудия⁴⁷, под начальством генерал-майора Охтерлоне; ему было приказано развернуться в кустах у левого берега Аржиса на высоте с. Новая Ольтеница и составить правый фланг «наступательного боевого порядка», вылав штуцерных, поддержанных одним батальоном, возможно ближе к неприятелю, дабы беспокоить его артиллерийскую прислугу. Кроме того, на участок генерала Охтерлоне было возложено наблюдение за правым берегом р. Аржис.

Левый участок, силой в 2 батальона и 12 орудий⁴⁸, под начальством: пехота — генерала Павлова и артиллерия — генерала Сикстеля, располагался западнее дороги из Новой Ольтеницы к карантину, имея батальоны уступом за левым флангом батареи.

Резерв в 4 $\frac{1}{4}$ батальона и 8 пеших орудий⁴⁹ первоначально располагался у дороги между Старой и Новой Ольтеницей.

Кавалерия, 6 эскадронов и 2 конных орудия⁵⁰, под начальством полковника Козлянинова, располагалась «в обыкновенном боевом порядке» влево от с. Новая Ольтеница так, чтобы сначала стоять «вне выстрелов неприятельской артиллерии».

Казаки полковника Власова сосредоточивались на флангах боевого порядка.

Пехоте было приказано по занятии указанных мест перестроиться в колонны к атаке. Корпусный командир, оставив за собой руководство боем, назначил местом своего пребывания с. Новая Ольтеница, которую и не покидал до окончания сражения.

Генералу Сикстелю после выстраивания войсками боевого порядка предписывалось пододвинуть батарейную батарею на 400 сажений к неприятельской позиции и открыть огонь по войскам, расположенным около Ольтеницкого карантина.

Ровно в полдень войскам, стоявшим на привале за Старой Ольтеницей, была передана приведенная выше диспозиция. Весть о движении вперед была принята с величайшим восторгом. В одно мгновение ранцы были накинуты, ружья разобраны, и войска пошли с таким желанием скорее встретить неприятеля, что начальникам стоило много труда сдерживать шаг, чтобы их не утомить преждевременно. Миновали Новую Ольтеницу, вышли на поле предстоящих действий, и с тех пор каждый шаг наших войск был виден туркам как на ладони. Через

*Начальник 11-й пехотной
дивизии генерал Павлов*

полчаса боевой порядок занял предписанное ему первоначальное положение, и генерал Сикстель во главе тяжелой батареи на полных рысях понесся под прикрытием казачьей цепи к неприятельской позиции до дистанции 400 сажень. Его примеру последовали 4 орудия участка генерала Охтерлоне; пехота усиленным шагом догоняла артиллерию. Тотчас же началась сильная канонада с обеих сторон; турки направили свой огонь как из карантина, так и с того берега Дуная по нашим батареям, которые в свою очередь били сосредоточенным огнем карантин и прилегающую к нему батарею. На правом фланге генерал Павлов выдвинулся со штуцерными Селенгинского полка вперед, чтобы ружейным огнем поражать неприятельскую артиллерийскую прислугу. Якутский полк и артиллерия резерва были переведены за 3-й и 4-й батальоны Селенгинского полка. Кавалерия также продвинулась вперед, заняла рошу и выдвинула два конных орудия на позицию для обстреливания турецких лодок с дистанции около 500 сажень. Генерал Данненберг оставался под прикрытием саперной роты и жандармской команды в Новой Ольтенице.

После получасовой перестрелки наша артиллерия быстро взялась на передки и подъехала на дистанцию первоначально в 350, 300, а потом и на 250 сажень, с которой открыла сильный картечный огонь. Действие нашей артиллерии наносило туркам самое ужасное поражение. Два зарядных ящика у карантина были взорваны, многие орудия сбиты, и сосредоточенная на узком пространстве масса турецких войск поражалась сильным перекрестным огнем. Смело можно сказать, что ни один наш снаряд не

пропадал даром. Но и наши потери были значительны, хотя частые переезды артиллерии с позиции на позицию и уменьшали их.

Когда огонь неприятельской артиллерии начал ослабевать, генерал Данненберг направил на позицию восемь орудий из резерва для окончательной подготовки атаки на карантин и двинул вперед Якутский полк. Быстро и стройно, как на учении, понеслись легкие орудия на помощь своим товарищам и снялись с передков перед исходящим углом карантина. Четыре из них открыли огонь по карантину, а остальные четыре — по турецким судам у пристани, из которых одно двухмачтовое вскоре загорелось.

Атака была признана достаточно подготовленной, и генерал Павлов в 3 часа дня двинул Селенгинский полк вперед к турецким укреплениям. К этому времени и пехота несла уже значительные потери от неприятельского огня, а потому солдаты с нетерпением ожидали заветного приказа двинуться вперед. Радостный вестник был встречен громовым криком «ура!», и батальоны, равняясь, как на учении, размашистым шагом кинулись вперед, оставаясь все в тех же густых колоннах к атаке. Замолкший было неприятельский огонь разразился с новой силой. Артиллерия карантина, наполовину подбитая, наполовину снимаемая с позиций для своевременного отвоза ее на противоположный берег реки, почти прекратила огонь. Но зато все укрепления левого берега покрылись густыми цепями стрелков, и неумолкаемая ружейная трескотня встретила наших храбрецов. Островная батарея продольно поражала наступающих картечными гранатами, «турецкий берег казался вулканом, изрыгавшим железо».

Наступление нашей пехоты производилось так быстро, что верховые должны были поспевать за ней рысью. Губительный огонь, вырывавший целыми кучами людей из наших густых колонн, вызывал новые взрывы «ура!», и, смыкая ряды, селенгинцы, а за ними якутцы продолжали литься грозной лавиной вперед, имея перед собой всех старших начальников.

Батарея центра под командой подполковника Шейдемана и два орудия правого фланга под командой подпоручика Врончевского вновь взялись на передки и подскакали на 120 сажений к неприятельской позиции. По беспорядочному движению в карантине заметно было усиленное приготовление турок к отступлению. Еще несколько минут безостановочного движения, и карантин был бы в наших руках. Но нашим измученным войскам предстояли еще неожиданные и пагубные для них препятствия.

Батальоны генерала Охтерлоне в своем наступательном порыве несколько опередили батальоны левого фланга и по выходе из кустов оказались в самом близком расстоянии от левого фланга турецкой позиции, который имел первостепенную важность для неприятеля, так как за ним находился мост через Аржис и

единственный удобный для турок путь отступления. Это заставляло обороняющегося обратить особое внимание на наш правый фланг. Сильнейший картечный и ружейный огонь с фронта и с фланга встретил наступающих селенгинцев, задержанных переправой через вязкую низину, но десятками падающие начальники и товарищи не остановили молодцов, которые, преодолев препятствие, продолжали катиться по направлению к турецким укреплениям.

Однако через несколько десятков шагов измученные батальоны встретили новую, еще более топкую низину, которая задержала их под губительным огнем турок на несколько минут. Люди вязли выше колена, офицеры и солдаты падали десятками; произошло замешательство, и батальоны, продолжая кричать «ура!», открыли стрельбу. Личный пример офицеров не послужил уже достаточным импульсом для движения вперед; свежих частей, чтобы дать толчок вперед, не было, и батальоны продолжали стоять, стрелять и таять от неприятельского огня.

Между тем в центре вел в атаку 3-й и 4-й батальоны селенгинцев командир полка полковник Сабашинский. Видя, что в колоннах к атаке батальоны несут большие потери, он постепенно перестроил их в ротные колонны, которые относительно легко преодолели первую преграду. Между тем якутцы быстро настигали, перестраиваясь в свою очередь в ротные колонны, селенгинцев, и этот натиск сзади придавал еще более нравственной мощи передовым частям. При преодолении второй преграды более свежие якутцы успели обогнать селенгинцев, и наши батальоны стройно приближались к неприятельским укреплениям. Охотники, имея во главе поручика Зиненко (Селенгинского полка) и прапорщика Раздиришина (Якутского полка), достигли рва турецких укреплений. Неприятельская артиллерия, кавалерия и часть пехоты спешно покидали его, чтобы открыть простор для действия артиллерии с правого берега и с острова.

С нашей стороны вся пехота уже была введена в бой; оставались свежими только корпусный командир с саперной ротой в Новой Ольтенице и ольвиопольские уланы в роще на левом фланге; поддержки ждать было неоткуда, но чувствовалось, что шесть батальонов селенгинцев и якутов, у которых выбыли в это время из строя почти все штаб-офицеры и все офицеры знаменитых рот, имеют еще достаточно физической и нравственной мощи, чтобы через несколько мгновений быть на валах турецких укреплений. В это время, однако, было получено приказание корпусного командира начать отступление⁵¹, которое он мотивировал в своем донесении князю Горчакову⁵² «не только невозможностью без жестокого урона завладеть занимаемой неприятелем местностью, но и тщетностью такого предприятия».

Сражение под Ольтеницей
(немецкий рисунок, автор не известен)

Неохотно, но с полным спокойствием повернули наши батальоны назад и отошли за вязкие низины, где под прикрытием артиллерии задержались для подбора раненых. Батальоны останавливались через каждые 50 шагов в полной готовности отразить ожидавшееся наступление турок. Но эти последние были удивлены не менее наших войск приостановкой штурма. Первоначально они предполагали, что мы совершаем какой-нибудь новый маневр, но, убедившись в отступлении, выдвинули из укреплений кавалерию, которая после первого удачного с нашей стороны ядра усккала обратно.

Это был последний выстрел на Ольтеницком поле сражения, пущенный в половине пятого вечера. Турки не возобновляли более огня. Подобрав раненых и убитых, отряд генерала Данненберга грустно подвигался к Ольтенице, недосчитывая в своих рядах 980 храбрых товарищей⁵³.

Что касается потерь турок, то они должны были намного превысить нашу потерю. Восьмитысячная масса, скученная на пространстве 300 сажень по фронту и 150 сажень в глубину, представляла отличную цель для перекрестного огня наших 24 орудий. По сведениям из Константинополя, в этом деле были убиты двое пашей — Мустафа и Гассан.

К вечеру 23 октября главные силы нашего отряда сосредоточились на высотах за Старой Ольтеницей, оставив у Новой

Ольтеницы авангард в составе 2 бат., 2 эск., 2 сот., 4 пеш. и 2 кон. оруд. и имея казачью цепь на полверсты впереди. Турки продолжали занимать карантин⁵⁴.

Таковы были результаты первого значительного дела на Дунае, которые являлись естественным последствием всех предшествовавших распоряжений.

Постоянное колебание командующего войсками, отсутствие у него определенной цели, погоня за несбыточными при пассивной обороне мечтами одержать верх сразу на многих пунктах и противоречивые приказания, запутавшие частных начальников, отметили предшествовавшую бою деятельность князя Горчакова. Полная нераспорядительность в бою отметила деятельность генерала Данненберга. Неправильная оценка неприятельской позиции и сил, направление главной атаки в лоб вместо того, чтобы ее вести на важный в стратегическом отношении левый фланг, руководство боем с далекого тыла и, как следствие этого, приказание отступить, когда обстановка давала полное вероятие рассчитывать на возможность захвата карантина, остаются, совместно с пристрастным объяснением причин отступления, на совести генерала Данненберга⁵⁵. Действительно, удержаться долго в карантине под огнем 40 орудий правого берега Дуная наши войска не могли бы, но захват его нанес бы существенное поражение туркам, не успевшим еще переправиться через Дунай, поддержал бы престиж непобедимости русских войск и как первая победа мог бы дать совсем другое направление нравственному самочувствию враждующих сторон, а с ними вместе и всей Европе. Навряд ли турки открыли бы огонь по карантину с правого берега реки по перемешанной массе своих и русских войск, а через полчаса после занятия карантина мы могли бы под покровом темноты скрыть до основания турецкие укрепления и отойти к Ольтенице.

И не было бы тогда места злорадству иностранной печати и той массы гнусной лжи, которую вылили на неповинную русскую армию ближайшие к этой эпохе иностранные историки⁵⁶.

Что касается поведения войск, то записки всех современников и официальные данные одинаково свидетельствуют о том, что и в ужасной обстановке ольтеницкого боя они выказали те же присущие русской нации свойства, которые одинаково отличали ее во все эпохи исторической жизни. Готовность смять противника — при выбытии из строя большей половины наличного состава офицеров и около пятой части наличного состава всей пехоты — служат тому лучшим, неопровержимым доказательством. Генералы Павлов и Сикстель, самостоятельно руководившие боем и не подчиненные друг другу, но соревновавшиеся в своем порыве вперед; штаб и обер-офицеры, оставшиеся в строю после получения нескольких ран; штабс-капитан Лютер, истекающий кровью, но не

позволяющий вести себя на перевязочный пункт, так как не хотел оставить обожавшей его роты; подпоручик Орехов, передающий товарищу образ, благословение матери, и увлекающий солдат вперед, чтобы через несколько мгновений погибнуть смертью храброго; знаменщик унтер-офицер Сназик, израненный, но не желающий, пока жив, передать чести нести знамя другому; Магдик, Чиликин и многие другие нижние чины, отмеченные в официальном донесении⁵⁷, не отставали в подвигах героического мужества от своих офицеров; наконец, идущие рука об руку пехота и артиллерия, рвавшиеся как на веселый пир в кровавый бой и стройно маневрировавшие под убийственным огнем, — все это представляло такую картину нравственной силы рядовых бойцов Николаевской армии, перед которой бледнеют отзывы многих современников этой эпохи, беспощадно ее порицавших в шестидесятых годах.

Известие о результатах Ольтеницкого сражения привез в главную квартиру генерал Семякин в ночь на 24 октября. Князь Горчаков пришел в полное отчаяние и в ожидании наступления турок на Бухарест отдал приказание о немедленном стягивании к центру отрядов генерала Фишбаха и графа Анрепа, но на другой уже день это приказание было отменено⁵⁸. Однако в своем наполовину не договоренном, сбивчивом донесении в Петербург он это сражение назвал «une affaire très brillante»⁵⁹, хотя, впрочем, через несколько строк прибавлял: «Mais ce n'est qu'un demi-succès, momentané, qui n'est bon que sous deux rapport: il a terrorisé les turcs et me donnera quelques jours de repos». Но в Петербурге чувствовалась неискренность донесений с берегов Дуная, и на хвастливое сообщение князя Горчакова, что он заставил турок выкупаться в этой реке, военный министр отвечал следующими ироничными строками⁶⁰: «Ольтеницкое сражение, действительно, блестяще, и я надеюсь, что оно даст вам или отдых, или новый случай выкупать ваших противников, но в таком случае вы нам хоть приблизительно скажите, как велик был неприятель, с которым вы встретились, и какой ущерб вы ему причинили. К нашему великому сожалению, эти подробности не встречаются в вашем донесении о прекрасном деле под Ольтеницей»⁶¹.

С чувством гордости за доблестное поведение своих войск и с чувством глубокого сожаления о беспечном пролитии крови встретил император Николай тяжелую весть о сражении 23 октября. В нескольких строках собственноручного письма, которым он удостоил князя Горчакова, еще раз обрисовался весь рыцарский, обаятельный облик железной воли монарха⁶².

«Вчера вечером, — писал государь, — я получил твое письмо от 26 октября, любезный Горчаков, и ежель с удовольствием узнал о новом опыте блистательной и никогда несомненной храбрости славных наших войск, то, признаюсь, что не без сожаления,

что столько жертв пало для цели, которой постигнуть не совсем могу по краткости и неопределенности журнала.

Кажется, хотелось сбросить турок в Дунай; войска были уже во рву, и, кажется, труднейшее исполнено, орудия свезены — почему же не довершена победа, орудия не взяты? Ежели огонь был прежде жесток, турки бы по своим, вероятно, не стреляли. Надо было довершить победу и полонить, чтобы не ушли, или, перебив, орудия взять. Но дело прошлое; вели вперед писать журнал так, чтобы я мог понимать и следить за происходящим. Согласен с тобой, что положение твое стало довольно трудным — везде остановить переправу турок, разве ниже Браилова дело несбыточное при силе их. Но стоя, как ты, *в центре*⁶³, есть, однако, возможность разбить турок или *по частям*, бросаясь на ближних, или, ежели перейдут большими силами *в одном месте*, дать им отойти от Дуная и *тогда атаковать*, опрокинуть и преследовать славной твоей кавалерией, заставя дорого заплатить за дерзкое движение». Посылая искреннее спасибо всем участникам боя, государь утешал престарелого князя Горчакова. «*Не унывай*, — заканчивал он свое письмо, — *береги себя и береги войско!* Прочее в руках Божьих, *на Него вся моя надежда*»⁶⁴.

Вообще император Николай в душе не мог оправдать суетливой деятельности нашей главной квартиры на Дунае и перекидывания войск князем Горчаковым от низовьев к верховьям этой реки с целью всюду преградить туркам вход в княжества и свои военные соображения высказывал в целом ряде собственноручных записок и писем. Все мысли государя сводились к держанию главной массы войск в кулаке, чтобы бить сосредоточенными силами перешедших Дунай турок по частям; разброска войск и риск частного поражения их более всего беспокоили Николая Павловича. Получив из Вены телеграмму о переходе турок через Дунай⁶⁵, он высказал следующий свой взгляд на характер дальнейших действий Дунайской армии: «По-моему, Горчаков должен бы разбить прежде отряд Туртукайский, потом идти бить Турновский, оставя Анрепа для прикрытия тыла своего за Бухарестом, и заманить Калафатский отряд, отведя Фишбаха, а самому идти от Турно в тыл туркам, ежели б они осмелились следовать за Фишбахом»⁶⁶. Но государь отлично понимал, что давать указания издали совершенно невозможно, и потому очень осторожно делился своими мыслями с князем Горчаковым, более всего опасаясь стеснить его необходимую самостоятельность. Князь же Горчаков в своих действиях соединял здравые мысли государя со своей природной суетливостью и нервностью, и выходило нечто среднее, вылившееся в форму Дунайской кампании 1853 года.

Между тем истинный свет ольтеницкого дела не мог долго скрываться от Петербурга, и уже в начале ноября наследник цесаревич

Фельдфебель Щепановский под Ольтеницей
(см. приложение № 59)

дал ему следующую характерную оценку: «La bravoure des troupes admirable, la perte considérable, un succès, minime et la situation du prince Gortschakoff devient très précaire!»⁶⁷.

Подробное рассмотрение реляции об этом деле заставило государя сделать несколько собственноручных замечаний тактического характера, которые и были сообщены для руководства князю Горчакову. Император Николай признавал в своей записке недостаточность артиллерии, начало нами атаки в то время, когда «неприятельская артиллерия не давала еще и мысли, чтобы атака имела удачу»; государь указывал на преступность наступления в колоннах к атаке⁶⁸, в почли сплошном построении, «ибо вторая

линия и уступы были почти без интервалов», на неумение пользоваться штучерными и на прочие технические отступления. Всю переписку по этому поводу и объяснения князя Горчакова мы относим в приложения⁶⁹.

К числу самых сильных и неблагоприятных последствий Ольтеницкого сражения следует отнести то моральное впечатление, которое оно произвело в нашей главной квартире, и в особенности на командующего войсками. «Ужасный день, — занес в свой дневник генерал Коцебу⁷⁰. — Горчаков в отчаянии... Кажется, что турки хотят нас атаковать в превосходных силах на всех пунктах... Горчаков поехал к войскам, но вернулся еще более деморализованным. Я старался поднять его душевное состояние, но должен сознаться, что и сам пал духом». Это настроение не рассеялось и через несколько дней. «Князь Горчаков, — записал Коцебу 27 октября, — не имеет другого разговора, кроме критического положения, в котором мы находимся, при этом он все видит в черном свете...»

Сам князь Михаил Дмитриевич, упоминая в своем всеподданнейшем письме⁷¹ о той «острастке», которую он дал туркам в «блистательном деле» под Ольтеницей, признавал в то же время свое положение опасным. «Турки, — писал он, — решились на наступательную кампанию, чтобы воспользоваться всеми выгодами, коими пользуются, и на беду погода стоит не только хорошая, но, вероятно, простоят еще около месяца сухая и холодная. Их армия в последнее время много усилилась и весьма фанатизирована. Они могут на разных пунктах употребить для наступательных действий около 100 тысяч человек». Враждебное настроение жителей княжеств еще более усиливало беспокойство командующего войсками.

Уверенность в наступательном движении стотысячной армии привела, однако, князя Горчакова к странному выводу. Он опасался стянуть свои войска в две группы — у Браилова и Бухареста и, наоборот, решил «сколь можно долее» иметь три значительных отдельных отряда — против Рушука, Туртукая и в Малой Валахии; в то же время он ходатайствовал о скорейшей присылке на театр военных действий хотя бы одной свежей дивизии.

После боя 23-го числа войска генерала Павлова, как было сказано выше, отступили к Старой Ольтенице, где были приняты все необходимые меры к встрече противника на случай перехода его в наступление, причем войска провели ночь в боевом порядке⁷². Вслед за этим и корпусным командиром, и главной квартирой армии был принят ряд мер к встрече ожидавшегося дальнейшего наступления турок; это ожидание было отчасти вызвано известием об усилении неприятельских войск у Туртукая.

Отряд генерала Павлова был усилен 8 эскадронами улан и 4 конными орудиями⁷³, которые расположились на одной с ним высоте, но на правом берегу р. Аржис. Генералу Павлову было предписано вступать в бой с турками, если они перейдут в наступление, только в случае крайней к тому необходимости, причем генерал Данненберг должен был немедленно поддержать его находившейся в его распоряжении 1-й бригадой 12-й пехотной дивизии. В противном же случае генерал Павлов должен был медленно отходить на Негоешти, где князь Горчаков предполагал сосредоточить всю 12-ю дивизию⁷⁴.

Опасение за наступление турок со стороны Ольтеницы вызвало желание князя Горчакова притянуть к главным силам и большую часть отряда графа Анрепа, сосредоточенного у Слободзеи и наблюдавшего Дунай от Силистрии до Гирсова⁷⁵. Но граф Анреп еще раньше передвинулся к Каларашу, так как получил известие о намерении турок начать против этого пункта переправу через Дунай⁷⁶. Это известие послужило новым источником волнений и нерешительности командующего войсками. Он соглашался оставить у Калараша отряд графа Анрепа лишь «в случае явных приготовлений турок к переправе», причем разрешал атаковать их только в таком случае, «если они не успели еще укрепиться, отнюдь не штурмуя укрепления»⁷⁷. Пример Ольтеницы был, видимо, свеж, и виновный найден: это в глазах князя Горчакова были укрепления карантина, а не вся система, истинная причина ольтеницкой неудачи.

Но так как до 28-го числа силистрийские турки не выказывали «явных приготовлений к переправе», а сосредоточение большей части войск к Негоешти князь Горчаков признавал «делом первой важности», то граф Анреп в этот день выступил с 8 батальонами и 12 орудиями⁷⁸ в Негоешти, оставив у Калараша⁷⁹ отряд генерала Богушевского силой в 8 эск. и 8 ор.⁸⁰, взамен которого в Слободзею был выслан из отряда генерала Энгельгарда Люблинский егерский полк (15-й дивизии) с легкой № 7 батареей.

Желая в то же время иметь под рукой готовый резерв как для атаки неприятеля, в случае его наступления на Бухарест, так и для оказания помощи какому-либо из передовых отрядов, князь Горчаков перенес свою главную квартиру из Бухареста в Будешти, сосредоточив в окрестностях этого пункта, а также селений Груи, Добрени и Фундени 23 бат., 8 эск. и 82 ор.⁸¹ В Бухаресте были оставлены лишь 2 бат. и 12 ор., чтобы в случае надобности образовать отдельный отряд у с. Пересечени⁸².

Но князь Горчаков, сосредоточивая большую часть своих войск в ожидании наступления главных сил турок со стороны Ольтеницы, мало верил в такое наступление и ожидал, что Омер-паша нанесет ему главный удар со стороны Видина и Турно, которому

Знаменщик Магдик под Ольтеницей
(см. приложение № 59)

могли противодействовать только отдаленные от главных сил войска Мало-Валахского отряда. Угрозы со стороны Рушука командующий войсками не боялся, так как на сильной позиции в 10 верстах от Журжи был сосредоточен отряд генерала Соймонова (7 бат. и 8 эск.), который мог быть поддержан операциями наших главных сил со стороны Будешти⁸³.

На другой день после того, как граф Анреп покинул со своей пехотой Калараш, направляясь на Негоешти, турки 29 октября начали демонстративную переправу через Дунай со стороны

Силистрии. Угроза в этом направлении была особенно чувствительна для князя Горчакова, так как движение неприятеля на Слободзею угрожало коммуникационной линии нашей армии. Вследствие этого командующий армией приказал флотилии сделать диверсию на Гирсово, а генералу Лидерсу сосредоточить свой корпус к Браилову, чтобы поддержать Слободзейский отряд, если бы неприятель двинулся туда от Гирсова или Силистрии. Войска же, собранные у Будешти, в свою очередь могли действовать против левого фланга противника, стараясь отрезать ему путь отступления.

Таким образом, в конце октября все внимание князя Горчакова было обращено на Ольтеницу, со стороны которой ежедневно ожидалось наступление турок на Бухарест. Большая часть войск с этой целью была собрана у Будешти и Негоешти; генерал Лидерс приближался к Браилову, чтобы действовать совместно с генералом Богушевским, если бы турки переправились у Силистрии; генерал Соймонов оберегал со стороны Рушука, а Мало-Валахский отряд Фишбаха наблюдал противника со стороны Калафата.

Но вся ольтеницкая операция кончилась для нашей главной квартиры самым неожиданным образом. 30 октября турки, взорвав карантин, безнаказанно ушли с левого берега Дуная, переправившись в Туртукай. «Не понятно», — занес после этого в свой дневник генерал Коцебу⁸⁴; «Обидно», — отметил в дневнике один из участников ольтеницкого боя⁸⁵.

Уход турок из-под Ольтеницы и очищение ими островов против этого пункта дали возможность передвинуть главные силы нашей армии к Бухаресту и расположить их там по квартирам; для наблюдения же за неприятелем со стороны Туртукай у Ольтеницы был оставлен отряд генерала Павлова, уменьшенный до 4 бат., 8 ор. и 16 эск., с обычной инструкцией в виде курса тактики, как ему расположиться и как действовать в тех бесчисленных «случаях», которые в полном объеме предугадать за многие десятки верст не суждено ни одному главнокомандующему⁸⁶.

Между тем у Журжи, против Рушука, все попытки турок переправиться на нашу сторону не только не имели успеха, но и дорого им стоили. Здесь действовал храбрый, распорядительный и в меру самостоятельный начальник 10-й пехотной дивизии генерал Соймонов, которого в исполнении его долга не стесняли мелочные, не соответствовавшие обстановке распоряжения главной квартиры из Бухареста, а предписание завладеть островом Макан вызвало даже отпор, с которым должен был согласиться и князь Горчаков⁸⁷.

Как было сказано выше, генерал Соймонов 20—21 октября действовал против турецкой флотилии, которая направлялась от Рушука вниз по Дунаю, и своим огнем не дал неприятельскому пароходу выйти из-за острова Макан. С целью покровительствовать

Прапорщик Попандопуло под Ольтеницей
(см. приложение № 59)

проходу судна турки 23-го числа насыпали на правом берегу реки, ниже острова, редут на 4 орудия, соответственно прикрыв его сильной пехотной частью, а 25-го числа построили на высоте против Журжи и в расстоянии 1200 сажень от нее редут на 5 крепостных орудий.

Отряд генерала Соймонова силой в 7 бат., 8 эск. и 32 ор. стоял на позиции у Фратешти (Дая), в 8 верстах от Журжи, которая должна была быть «удерживаема сколь возможно, долее и не иначе оставлена, как если бы была угрожаема обходом»⁸⁸.

В ночь с 27 на 28 октября турки начали производить работы на острове Макан и усиливать там свои войска, что вынудило генерала Соймонова произвести в этом направлении усиленную рекогносцировку⁸⁹. Под прикрытием утреннего тумана были двинуты из Фратешти батальон Томского полка, 8 батарейных орудий и дивизион гусар с конной батареей.

Пешая батарея, спустившись с гребня высот, лихо выехала на позицию против середины острова Макан в то время, как конная батарея расположилась подивизионно на самом берегу Дуная, против оконечности острова. Первые выстрелы наших орудий заставили турок бежать внутрь острова, а часть их на лодках начала переправляться на правый берег реки; три лодки, работавшие около парохода, бросили его и спасались вниз по течению. Руцукские, а также и вновь выстроенные батареи открыли сильный огонь, не действующий против нашего отряда и безвредный для Журжи, что очень успокоило жителей этого города⁹⁰.

Наши батареи, выпустив 51 выстрел, вернулись в Фратешти, а Соймонов приступил к приготовлению новой вылазки уже на остров Макан с целью окончательно выбить из него турок. «Продолжайте по вашему усмотрению подобные действия, — писал ему обрадованный Горчаков, — вообще старайтесь мешать неприятелю устроить переправу всеми зависящими от вас мерами, только не штурмуйте укреплений для избежания большого урона, а действуйте так, чтобы неприятелю наносить сколь можно более вреда, не подвергая себя опасности быть разбитым»⁹¹.

Узнав, что турки вновь усилились на острове Макан, Соймонов утром 31 октября двинулся к Дунаю с отрядом из 3 бат., 2 эск. и 24 пеш. и кон. ор.⁹² Расположив свою артиллерию в равных группах против середины и обеих оконечностей острова, он метким огнем заставил турок очистить Макан.

Неприятель в свою очередь открыл сильный огонь из всех орудий крепости и укреплений против Журжи, выдвинув, кроме того, 8 пеших и конных орудий на покатошь правого берега Дуная, между островами Чарой и Макан.

Видя малую действенность неприятельского огня, наших 83 охотника, имея в том числе 20 казаков при 4 офицерах⁹³, бросились на пяти лодках под перекрестным огнем турок к острову Макан. Смело вскарабкавшись на высокий и обрывистый берег, охотники разделились на партии и под командой офицеров двинулись внутрь острова с целью уничтожить возведенные на нем постройки. Однако не найдя там никаких укреплений, кроме засек и завалов, охотники благополучно возвратились назад.

Это была последняя неудачная попытка турок, после чего они уже не пытались овладеть островом Макан⁹⁴.

С начала ноября и вплоть до конца 1853 года на всем протяжении среднего и нижнего Дуная происходили только редкие незначительные попытки турок сделать поиски на наш берег реки, всегда оканчивавшиеся для них неудачно.

Так, 3 ноября их двухтысячный отряд, собрав у Никополя свыше 60 лодок, высадился в устье р. Ольты, но ограничился сожжением трех валахских пикетов и бежал, не приняв атаки подполковника Шапошникова, подоспевшего из с. Пятры с находившимися в резерве сотнями Донского № 37 полка⁹⁵.

У Рушука турки 2 ноября построили укрепления на берегу Дуная между островами Чарой и Макан, против которых успешно действовала наша батарея, построенная против Макана. Попытка, произведенная неприятелем в этот же день, завладеть о. Радоман кончилась неудачно, и к 15 ноября он стянул к Рушуку все свои войска, стоявшие против этих островов, а к концу декабря мы окончательно срыли все возведенные там неприятелем укрепления, навели мост для соединения Журжи с Радоманом и собрали при Журже 21 гребное судно, которые могли поднять 210 человек⁹⁶.

Наконец, для лучшего наблюдения за Дунаем от Фламунды до устья р. Веде, и в особенности от Слободзеи до Бригадира, был сформирован летучий отряд полковника Бонтана из 3 офицеров и 195 нижних чинов, поддержкой которому служил батальон Колыванского полка, расположенный в Слободзее⁹⁷.

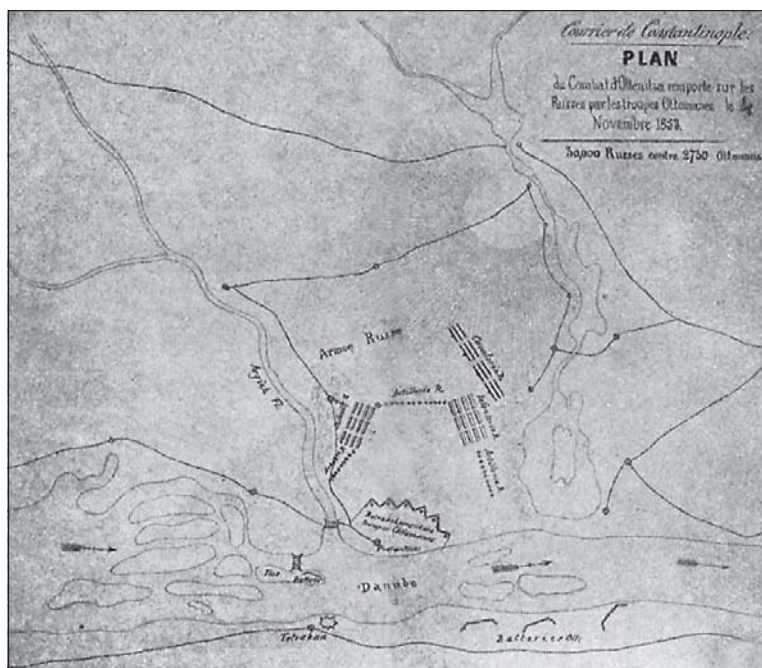
С ноября нашим войскам было разрешено делать небольшие поиски за Дунай, но лишь с крайней осторожностью, чтобы отправлявшиеся туда партии не были отрезаны от обратной переправы⁹⁸. Государь требовал только делать такие поиски с определенной целью, а не из одного молодечества — «для взятия или уничтожения турецких судов, было бы дело молодецкое и полезное»⁹⁹.

В силу этого с нашей стороны поиски на правый берег Дуная большей частью производились охотниками, преимущественно из казаков, не имея существенного для хода операций значения.

Действия у Силистрии и в низовьях Дуная вплоть до конца года также не представляли из себя ничего существенного и ограничивались лишь незначительными обоюдными поисками и безрезультатными стычками.

Вслед за окончанием ольтеницкой операции начальником Каларашского отряда вновь был назначен граф Анреп, которому главной целью указывалось «воспрепятствовать переправе неприятеля у Силистрии на левый берег Дуная и не допускать его утвердиться на оном...»¹⁰⁰.

В низовьях Дуная генерал Лидерс расположил к 10 ноября свои войска в пяти группах¹⁰¹: Измаиле, Сатунове, Рени, Галаце и Браилове¹⁰², имея на передовых постах от Браилова до Рени

Турецкий план сражения под Ольтеницей

три сотни Донского № 9 полка. Всего в отряде генерала Лидерса находилось 25 000 человек с 52 орудиями. К тому же времени со стороны турок было собрано в Мачине 15 000 человек при 38 орудиях, под начальством Измаила-паши, и в Исакче и Тульче более 10 000 человек при 30 орудиях, под начальством Садыка-паши, которому было поручено также формировать казачьи полки из некрасовцев и других раскольников, поселившихся в Турции.

Генерал Лидерс, чтобы лишить турок возможности переплывать на наш берег Дуная, предположил сделать рекогносцировку Мачина, близ которого у берега находилось до 30 турецких лодок. Наступившие холода дали возможность предпринять экспедицию только 1 декабря, причем цель ее заключалась в рекогносцировке расположения батарей вокруг города и в уничтожении перевозочных средств неприятеля, если бы это оказалось возможным¹⁰³.

С этой целью был сформирован под начальством генерала Энгельгарда отряд из пароходов «Прут» и «Ординарец» с 4 канонерскими лодками, 5 рот пехоты и 2 полевых орудий¹⁰⁴. Для отвлечения же внимания турок в то время должны были демонстрировать против Исакчи пароход «Метеор» и с берега, со

стороны Сатунова, 6 орудий под прикрытием 2 рот Житомирского егерского полка.

Отряд генерала Энгельгарда был для производства экспедиции распределен следующим образом: рота стрелков, две роты замосцев и два орудия были посажены на пароход «Ординарец», на котором должны были переправиться на остров Бындой, откуда содействовать своим огнем производимой рекогносцировке; одна рота замосцев была посажена на пароход «Прут», на котором находился и генерал Лидерс, и одна рота — на канонерские лодки.

Части, направленные на остров Бындой, расположились по восточному его берегу, против Мачина, и открыли огонь по турецкой пехоте, находившейся в укреплениях около города. Сам же генерал Лидерс на пароходе «Прут» и канонерские лодки вошли в 9 часов утра в Мачинский рукав и к 11 часов подошли к мачинской батарее в семь 12-фунтовых орудий, против которой открыли огонь. В то же время охотники двух рот Замосцкого полка, бывших на лодках, направились на гребных судах под начальством полковника Гордеева к турецкому берегу и двинулись, рассыпав цепь, к главной турецкой батарее. Наткнувшись, однако, в вино-градниках на турецкие окопы, занятые целым батальоном, наши охотники принуждены были отойти назад.

Генерал Лидерс убедился в невозможности продолжать движение для уничтожения разбросанных, под прикрытием батареи, неприятельских судов и ограничился только произведенной рекогносцировкой¹⁰⁵.

Дальнейшее продолжение поисков на Дунае было отложено, чтобы, как писал князь Горчаков, «турки успокоились от сделанной им тревоги»¹⁰⁶.

Однако турки не только не успокоились, но вслед за нашей рекогносцировкой Мачина вновь стянули к берегам Дуная свои войска, первоначально отведенные на зимние квартиры в Бабадаг, и даже усилили их. Так, в конце декабря в Тульче уже числилось их до 2 тысяч, в Исакче — до 4 тысяч, причем в оба города ожидалось прибытие подкреплений до 4 тысяч человек.

К тому же времени турецкие укрепления на нижнем Дунае находились, по сведениям, собранным генералом Лидерсом, в следующем состоянии: в Тульче было 4 открытые батареи на 16 орудий и старый исправленный редут на горе, господствующей над восточной частью города;

в Исакче — 4 открытые батареи на 27 орудий, за ними во второй линии 2 батареи и редут; у Визирского кургана — редут на 4 орудия и на острове перед курганом батарея на 3 орудия;

в Мачине — по правому берегу Мачинского рукава батарея на 2 орудия и 2 батареи на 7 орудий, соединенные ложементом для

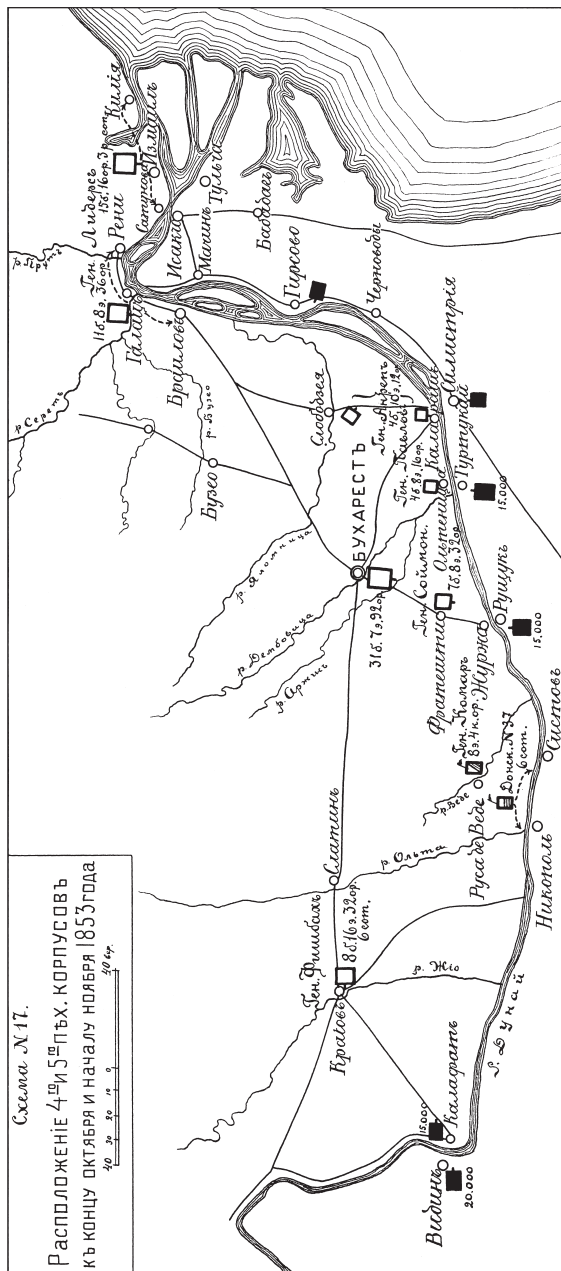

Схема № 17

пехоты; перед самым городом был построен редут, а на западной стороне города батарея на 4 крепостных орудия;

у Гирсова — редут, батарея и три открытых укрепления; ниже Гирсова, близ места, где в 1828 году была произведена нашими войсками переправа, устроены 3 открытые батареи на 7 орудий и 2 редана.

В начале ноября наша Дунайская армия имела главные силы в составе 31 бат., 7 эск. и 92 ор. сосредоточенными у Бухареста, а остальные войска разбросанными по Дунаю, начиная от его устья, в следующих группах¹⁰⁷: 15 $\frac{3}{4}$ бат. и 16 ор. у Килии, Сатунова и Измаила; 11 бат., 8 эск. и 36 ор. между Рени и Браиловом; отряд графа Анрепа, 4 бат., 10 эск. и 12 ор. между Каларашем и Слободзей; генерал Павлов с 4 бат., 8 эск. и 16 ор. против Туртукая; генерал Соймонов с 7 бат., 8 эск. и 32 ор. у Журжи; между Систовом и Никополем 8 эск., 6 сот. и 4 к. ор. и, наконец, Мало-Валахский отряд генерала Фишбаха силой в 8 бат., 16 эск., 6 сот. и 32 ор. — у Крайова¹⁰⁸.

Однако уход турок из-под Ольтеницы и отсутствие новых с их стороны серьезных попыток к переходу Дуная в других пунктах не успокоили князя Горчакова, который считал положение своего противника на Дунае столь прочным, что опасался ежеминутного наступления 90-тысячной турецкой армии¹⁰⁹ в неопределенном покуда для командующего армией направлении. «Ce diable de Danube, — жаловался он в письме к князю Меншикову¹¹⁰, — fait que ne puis avoir aucun renseignement sur les mouvements de l'ennemi».

Естественным последствием ожиданий князя Горчакова¹¹¹ было желание его увеличить Дунайскую армию, и с этой просьбой он неоднократно обращался как к государю, так и к военному министру. «По крайней мере две дивизии пехоты, несколько конницы и в особенности два полка казаков мне необходимы», — писал он последнему¹¹². Мотивы к такому увеличению армии были подробно изложены князем Михаилом Дмитриевичем в его письме государю¹¹³. Сюда входили и непереносимое наступление турок со стороны Силистрии или Никополя и Видина, и желание сбросить большую часть войск на спокойных зимних квартирах. «С теперешним же малым числом войск, — заканчивал он свое письмо, — им не будет, может быть, ни минуты спокойствия; малый резерв мой придется безостановочно водить взад и вперед по каждой тревоге, и того и гляди, что где-либо будет неудача, коей будет в высшей степени трудно помочь»¹¹⁴.

Князь Горчаков старался оправдать в глазах Петербурга разброску своих сил, находя, что в противном случае он был бы уже окружен турками в Бухаресте и его сообщения с Россией прерваны¹¹⁵.

Государь смотрел на дело более трезво и на оправдание командующего войсками заметил: «Предпочел бы так войск не дробить, а наблюдать кавалерией, держа пехоту вокруг себя в резерве»¹¹⁶.

Известие о переправе турок через Дунай, полученное к тому же первоначально через Вену, т. е. из иностранных источников, произвело и на императора Николая такое впечатление, что «война примет весьма серьезный оборот»¹¹⁷; при этом государь, предупредив просьбу князя Горчакова, решил усилить нашу Дунайскую армию войсками 3-го корпуса. «Не могу довольно повторить тебе, — писал при этом государь князю Михаилу Дмитриевичу, — мое желание, *чтобы ты берег войска, елико можно*, не тревожа напрасно для всяких сведений, часто ложных, но *не щадя тогда, когда неожиданностью и быстротой предприятия приобретается решительный успех*»¹¹⁸. Упомянув далее о слухах, что после переправы через Дунай турки вступят с нами в переговоры о мире, император Николай категорически выражал надежду, что Горчаков прежде переговоров их разобьет и прогонит за Дунай. Эти слова государь два раза подчеркнул.

На такие правдивые обвинения императора Николая последовал со стороны князя Михаила Дмитриевича ряд оправданий. Исчисляя силы турок для наступательных операций в 90 тысяч человек¹¹⁹, он предполагал, что Омер-паша может действовать одним из трех способов:

1) наступать незначительными силами в Малую Валахию со стороны Калафата и Турно, отвлекая этим наши резервы от Бухареста к Крайову, и переправиться главными силами у Туртукая, Журжи или Силистрии для атаки Бухареста;

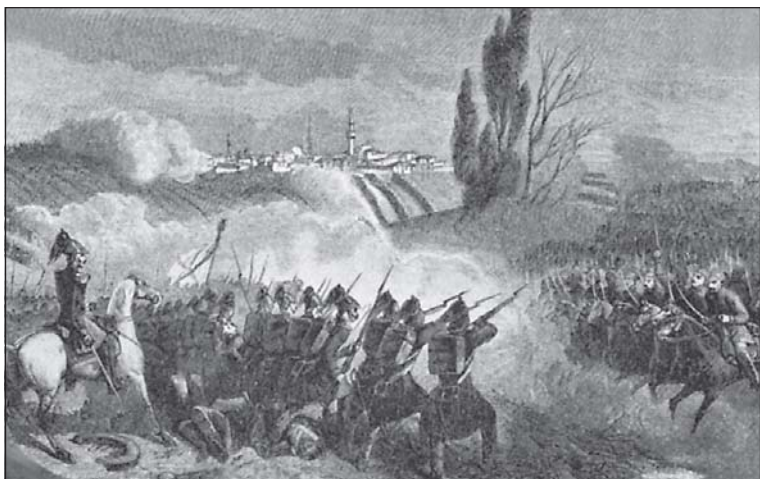
2) ограничиться устройством нескольких предмостных укреплений на левом берегу Дуная и из них производить набег;

3) делая частные тревоги, не предпринимать ничего важного до весны, когда перейти, в зависимости от нашего образа действий, к общему наступлению или к обороне.

Князь Горчаков полагал, что принятое им расположение вполне соответствует противодействию изложенным выше предполагаемым операциям турецкой армии.

В последующих письмах император продолжал успокаивать нервы князя Горчакова. Он считал безрассудством переправу турок у Гирсова — при наличии нашей флотилии и близости корпуса генерала Лидерса и безопасной для нас — у Силистрии, когда Горчаков, имея большую часть войск в сборе, «может дать им карачун»¹²⁰.

Более опасным могло быть наступление неприятеля со стороны Видина, но и это движение не представлялось государю, и вполне справедливо, опасным, так как «отдаляться им далеко, вовнутрь края, мудрено...».

Сражение под Ольтеницей
(французский рисунок, автор не известен)

Затрагивал государь в своих письмах и вопрос о зимней кампании, которую многие предлагали ему начать, но он лично был против нее, опасаясь невылазной грязи, которая затруднит движение обозов и артиллерии. Впрочем, Николай Павлович сознавал, что зимним походом «мы изумили бы турок»¹²¹.

Князь Варшавский также затрагивал в своей переписке с государем вопросы, касавшиеся военных действий, и мысли его как будущего главнокомандующего являются особенно интересными. По ним можно было бы судить о том плане, который он будет исполнять, став во главе Дунайской армии, но в действительности, как увидим впоследствии, князь Иван Федорович взглянул, в бытность на Дунае, на обстановку несколько иначе, чем она представлялась ему из Варшавы.

Наше политическое и военное положение рисовалось фельдмаршалу в очень радужном свете. «Англия и Франция должны узнать, — писал он государю¹²², — что их флоты, даже десанты, будут бесполезны. Никто не может воспрепятствовать нам, особенно в Азии, при настоящих средствах и при согласии с Персией, в первую кампанию завоевать до Эрзерума, взяв на жалование курдов. На другой же год взять Эрзерум, пододвинуться до греческих поселений и вооружить греков. С европейской же стороны мы с открытием весны можем занять все земли до Балкан и действовать по обстоятельствам».

Государь и в данном случае смотрел более правильно на обстановку. В своем письме к «отцу-командиру»¹²³ он сознавал, что

«турки гораздо сильнее, чем предполагалось, а смелость или дерзость их, благодаря присутствию флотов в Царьграде, достигла до бешенства». Возможной, по словам Горчакова, потери Бухареста государь придавал только политическое значение, так как дерзость Англии и Франции «тогда будет еще нестерпимее, и турки успехом воспламенятся донельзя». Горчакову государь рекомендовал «быть осторожным, не дробить сил и быть готовым броситься на ближайшего врага, не мучить войск напрасными передвижениями и тревогами».

Не радовали императора Николая и кавказские дела. «Воронцов болен и до того ослаб, что не может даже все дела отправлять... Удивительно, что он весь свой корпус, кроме 11 батальонов и вновь пришедшей (13-й) дивизии, все разбил по малым отрядам... Ни корпуса, ни резерва нет; будь он разбит, нечем остановить...»¹²⁴.

На обвинение Паскевичем Австрии и Пруссии в их поведении относительно нас государь заметил между прочим: «Австрии трудно, много забот по Италии и Венгрии; этим извинить только можно ее нейтралитет. Пруссия все дрожит Франции и Англии. Вот наши союзники¹²⁵; и то хорошо, что, по крайней мере, не пристают ко врагам!»

Тем не менее просьба князя Горчакова была уважена, и в ноябре к нему на помощь был двинут 3-й пехотный корпус.

Ожидая наступления турок от Калафата через Крайово на Бухарест, командующий войсками направил в Мало-Валахский отряд 12-ю дивизию и принял меры для его дальнейшего, если понадобится, усиления.

С этой целью 3-й пехотный корпус был двинут из Волыни и Подолии к Скулянам, куда головные части 8-й и 9-й пехотных дивизий прибыли 24 ноября, и получил приказание вступить в Молдавию. В середине декабря в Скуляны прибыла и 7-я пехотная дивизия, которая в конце месяца была распределена, одна бригада — на нижнем Дунае в Сатунове и Рени¹²⁶, а другая оставалась на квартирах в средней Бессарабии с тем, чтобы в случае надобности быть направленной или к Одессе, или к нижнему Дунаю.

Войска 5-го корпуса, смененные 7-й дивизией, переходили в ведение князя Горчакова, усмотрению которого предоставлялось направить их в княжества.

Между тем пассивность наших действий не осталась без влияния и на успех враждебной нам пропаганды среди жителей княжеств.

Вскоре после открытия военных операций оба господаря оставили свои посты и покинули Яссы и Бухарест, что вынудило нас учредить для управления княжествами должность временного военного генерал-губернатора¹²⁷. «Отъезд господарей, — писал

император Николай князю Горчакову¹²⁸, — тем хорош, что развязывает нам руки, когда настанет время объявить независимость княжеств и сделать выбор князей для наследственного правления краями».

Одновременно с этим усилилось брожение и среди населения. Временный отъезд князя Горчакова из Бухареста придал смелости революционной партии, но несколько строгих наказаний заподозренных лиц по возвращении обратно главной квартиры сделали свое дело¹²⁹. Гораздо труднее было положение в Малой Валахии, где близость границы и отсутствие наших войск представляли широкое поле для успешной пропаганды; там дело дошло даже до открытого сопротивления, оказанного доробанцами (жандармами) трех уездов¹³⁰.

Что касается молдово-валахских войск, то они не только не представляли из себя надежного элемента для подкрепления нашей армии, а скорее, элемент опасный. «Quant à la troupe, — писал князь Горчаков военному министру¹³¹, — elle n'a pas envie de se battre ni pour ni contre nous; les officiers principalement qui sont des poltrons, mais il n'y a rien à en résoudre. J'envoie dans deux ou trois jours la batterie Valaque à Brăilow sous prétexte d'y armer des batteries de côte. Non que je la craigne, mais pour que, dans le cas où je serai obligé de quitter Bucarest, les canons ne puissent tomber aux mains des révolutionnaires».

При таких условиях увеличение местной милиции являлось бесполезным, и князь Горчаков находил, что предназначенные для этого деньги было выгоднее употребить на формирование из греков, болгар и отчасти из румын батальонов волонтеров¹³².

Государь, который в мыслях своих уже решил, в случае продолжительного сопротивления турок, весной перейти Дунай и «приступить к объявлению независимости княжеств, Сербии и Болгарии»¹³³, разрешил князю Горчакову приступить к формированию волонтерских рот, ограничив свое разрешение характерным примечанием: «Берегись набрать каналий, которые и наших своим примером развратить могут»¹³⁴. При этом в помощь командующему войсками были командированы два надежных офицера греческого происхождения — генерал Салос и полковник Костанда¹³⁵.

Но обстановка была очень мало подготовлена к тому, чтобы эта мера дала ожидаемые положительные результаты. Население княжеств, как уже было выяснено выше, относилось к нам отчасти безразлично, отчасти враждебно; что же касается христиан, живущих по правую сторону Дуная, то трехсотлетнее иго, которое тяготело над христианскими народностями Турции, делало их мало способными к восприятию того быстрого подъема народного духа, который требовался для достижения самостоятельной

Памятник на Ольтеницком поле сражения

жизни. Для этого необходимо было много-много лет подготовительной работы, которая только что начиналась.

В Одессе скромно действовал один из передовых борцов за освобождение болгар, Николай Христофорович Плаузов, посвящавший все свободное от служебных занятий время на поддержку возрождавшейся новоболгарской литературы. Он вел усиленную переписку со своими задунайскими единоплеменниками и ободрял их надеждой на милостивого покровителя православия — государя императора. Преосвященный Иннокентий и генерал-губернатор Федоров в Одессе, Погодин, графиня А. Д. Блудова и многие другие в Москве и Петербурге покровительствовали начинаниям Плаузова и оказывали ему возможное содействие. Труды их не пропадали даром; живой голос все чаще и чаще доносился из Болгарии, и участвовавшие со времени объявления войны неистовства турок все более и более увеличивали там число лиц, решившихся с оружием в руках отстаивать свои права.

Однако почва для такого действия еще не была подготовлена ни с той, ни с другой стороны. Правда, в декабре 1853 года особой депутацией болгар было подано прошение императору Николаю о защите и оказании им помощи, но чувство самосознания среди

этого народа начинало еще только нарождаться, и трудно было рассчитывать на то, чтобы оно быстро охватило все слои общества. С другой стороны, и официальный Петербург, кроме императора Николая, был мало подготовлен к такой новой, необычной для него задаче, которой он стал чужд со времени Священного союза. «Благодарю очень, — сообщала графиня А. Д. Блудова Погдину¹³⁶, — за копию прошения болгар, которое в самом деле произвело большое действие на государя, тронуло его до слез и первое подало повод к видимому изменению *во взгляде политическом*¹³⁷ на вопрос Восточный. Это изменение, к несчастью, никак еще не проникает до дипломатии нашей, и она все находит средство сделать вялыми и бесцветными самые хорошие предположения. Неизлечимо *западна и чужда* нам вся бюрократия иностранных дел министерства!»

Что касается приезда болгарской депутации в Петербург, то та же графиня Блудова полагала, что «лучше подождать до весны, когда уже совершенно решится война и ее объем».

Русское общество тем временем все более и более прислушивалось к изредка доносившимся до него отголоскам политической бури. И если вначале причины осложнений не для всех были понятны, то по мере увеличивающейся враждебности к нам западной Европы и клевет, распространяемых ее прессой, чувство народного самосознания и гордости, а вместе с ней и сознания необходимости войны постепенно заменяли собой замечавшееся раньше безразличие.

«Les préoccupations croissantes politiques dissipent visiblement la torpeur générale, où l'on était plongé jusqu'ici, — писал Тютчев своей жене 23 ноября 1853 года¹³⁸. — Les réveil se fait et l'on commence à comprendre... C'est au fond l'année 1812 qui recommence pour la Russe»... В другом письме, также относящемся к концу 1853 года, Тютчев писал: «Il ya quelque chose qui cet hiber donne un peu de la physionomie à la société... C'est la préoccupation de la situation politique... Ce qui bient de commencer, ce n'est pas la guerre, ce n'est pas de la politique, c'est un monde qui se constitue et qui, pour cela, doit avant toute chose retrouver sa conscience perdue...» Такого же взгляда придерживался в своем дневнике и князь П. П. Гагарин¹³⁹.

Славянофилы признавали бедствия, которые грозили России, вполне заслуженными, и Хомяков с особенным жаром доказывал, что безнаказанно нельзя ни стеснять и подавлять дух человеческий, ни допускать его стеснения и подавления. «Приходилось расплатиться, — писал наш историк Соловьев¹⁴⁰, — за полную остановку именно того, что нужно было более всего поощрять, чего, к несчастью, так мало приготовила наша история, именно самостоятельного и общего действия...»

Наша Дунайская армия томила тем временем в ожидании возможности сойтись наконец грудь с грудью с врагом, в бесплодных поисках за которым она уже вела в течение многих месяцев трудную жизнь, сопряженную с постоянными лишениями, передвижением и бодрствованием. Победные вести, доносившиеся и с волн Черного моря и с гор Кавказских, еще более горячили сердце русское, и избыток удали находил себе пищу в отважных, но большей частью бесполезных поисках за Дунай.

Но наиболее тяжелый крест продолжал нести князь Михаил Дмитриевич Горчаков. Беззаветно преданный своему долгу, несчастный раб своего характера, он не мог найти силы ни в себе самом, ни в окружавших его лицах, чтобы стать на высоте той трудной задачи, которую судьба, помимо его воли, взвалила на его старческие плечи. «Le manque d'hommes capables chez moi me rend presque fou, — жаловался он князю Меншикову¹⁴¹. — Tout ce que j'ai est encroûté, endormi, et ne veut pas remuer le petit doigt sans permission». Но причина в таком поведении русских генералов лежала отчасти и в самом князе Михаиле Дмитриевиче.

С половины ноября он несколько успокоился за фронт и левый фланг своего расположения на Дунае и все более и более волновался за ахилесову пяту, Мало-Валахский отряд, где и действительно 25 декабря разразился удар в виде неожиданного, бесцельного и кровопролитного дела у с. Четати.

Примечания

¹ Князь Горчаков — военному министру 12 октября 1853 г., № 117. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск. 1853 г., секр. д. № 47.

² Архив канц. Воен. мин. по снар. войск. 1853 г., секр. д. № 47.

³ Князь Горчаков — военному министру 12 октября 1853 г., № 117. Там же.

⁴ См. схему № 6.

⁵ Состав отряда графа Анрепа и задачи, на него возлагаемые. См. в приложении № 55.

⁶ Алабин. Восточная война. Т. 2. С. 91.

⁷ Рапорты ген. Фишбаха от 16 и 18 октября, за № 91 и 100, предписание князя Горчакова 17 октября, № 1689 (Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 3317 и 3431) и записка князя Горчакова военному министру 12 октября, № 117. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск. 1853 г., секр. д. № 47.

⁸ Письмо от 19 октября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

⁹ Рукописный отдел Севастопольского музея.

¹⁰ См. план окрестностей Журжи, № 31.

¹¹ Военно-исторический журнал войск 4-го и 5-го пехотных корпусов за 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3588.

¹² 4-й бат. Колыванского егер. п. и 4 орудия. № 2 батареи. 10-й арт. бриг.

¹³ На острове Радоман 4 батареи и 2 редута, на о. Чарой 1 батарея и на о. Макан 2 батареи, на западной и восточной оконечностях острова.

¹⁴ Журнал военных действий. Архив канц. Воен. мин. 1853 г., секр. д. № 82; Воен. исторический журнал войск 4-го и 5-го корп. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3588; Архив Томского пехотного полка.

¹⁵ Точно определить число турок, собранных в это время у Туртукая, не представляется возможным ввиду их постоянного передвижения.

¹⁶ Всего вместе с пикетами и разъездами на пространстве между Дунаем и Ольтеницей было три сотни Донского каз. № 34 полка с командиром полка полковником Власовым во главе.

¹⁷ Алабин. Восточная война. Ч. I. С. 79 и 80.

¹⁸ См. план сражения при Ольтенице, № 15. С. 349.

¹⁹ Рапорт генерала Павлова начальнику штаба армии 20 октября 1853 года, № 206, из Будешти Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3317.

²⁰ К этому времени переправилось около 800 человек пехоты и 2 эскадрона кавалерии (донес. генерала Павлова нач. шт. армии от 21 октября 1853 г., № 213. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3317.

²¹ Алабин. Восточная война. Ч. II. С. 96—100.

²² Guérin (р. 48) число турок у карантина определяет в 9—10 тыс. человек.

²³ От 13 (25) октября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

²⁴ Перевод с французского.

²⁵ Письмо от 23 октября 1853 г. Архив воен. учен. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254.

²⁶ Князь Горчаков — генералу Данненбергу 22 октября 1853 г., № 1774. Архив воен. учен. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3317.

²⁷ Якутский и Селенгинский пехотные полки, батарейная № 3 и легкая № 5 батареи 11-й артиллерийской бригады, 6 эскадрон. Ольвиопольского уланского полка и 2 ор. Донской казачьей № 9 батареи.

²⁸ Донесения генерала Данненберга от 21 октября 1853 г. Архив воен. учен. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3317.

²⁹ Письмо от 21 октября 1853 г. № 1745. Архив воен. учен. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3317.

³⁰ Письмо № 1746. Там же.

³¹ См. приложение № 56.

³² Письмо № 1774 Архив воен. учен. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3317.

³³ Письмо № 1775. Там же.

³⁴ Письмо № 1782. Там же.

³⁵ 1-я бригада 12-й пехотная дивизия и уланского герцога Нассауского полк.

³⁶ Рукописный дневник от 22 октября. Рукоп. отдел музея Севастопольской обороны.

³⁷ Записки П. К. Менькова. Т. 1. С. 61.

³⁸ Записки П. К. Менькова и дневник П. Е. Коцебу.

³⁹ Алабин. Т. 2. С. 101.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Категорических указаний на то, что эти фугасы были заложены до 23-го числа, а не после, не имеется.

⁴² Французский историк Guérin считает число турок, принимавших участие в сражении, от 9 до 10 тыс. человек.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Предписание генерала Данненберга генералу Павлову от 22 октября 1853 года, № 1004.

⁴⁵ П. К. Меньков (Т. 1. С. 62) и Алабин (Т. 2. С. 108) обвиняют Феоктистова в небрежном исполнении поручения.

⁴⁶ См. приложение № 57.

⁴⁷ 1-й и 2-й бат. Селенгинского п. и 4 оруд. легк. № 5 бат.

⁴⁸ 3-й и 4-й бат. Селенгинского п. и батарейная № 3 бат.

⁴⁹ Якутский пехот. полк, рота 5-го саперн. бат. и 8 оруд. легк. № 5 бат.

⁵⁰ Ольвиопольские уланы и Донская казачья № 9 батарея.

⁵¹ Алабин в своих записках (Т. 2. С. 120) связывает это приказание отступить с ответом генерала Павлова на запрос корпусного командира, что «теперь» карантина он взять не может. Генерал Павлов в течение всего боя летал от правого к левому флангу, и, по всей вероятности, такое мнение им было высказано под впечатлением заминки нашего правого фланга.

⁵² Письмо от 26 октября 1853 г., № 1043. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3317.

⁵³ Из этого числа убитых и раненых 45 приходится на долю офицеров (на наличное число 75 человек) и 938 человек почти поровну на полки Селенгинский и Якутский. Подробную ведомость см. в приложении № 58.

⁵⁴ Журналы военных действий; донесение генерала Данненберга князю Горчакову от 26 октября 1853 г., № 1043. Архив воен. учен. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3317); документы капитана Батезатула (рукоп. отд. Севастопольского музея); записки Менькова, Алабина и других.

⁵⁵ Указанные генералом Данненбергом причины отступления заключались в приостановке войск при движении в атаку. Этот случай в действительности имел место, как видно из описания боя, только с двумя батальонами правого фланга, которые, понеся большие потери, не были уже в состоянии продолжать наступление без поддержки с тыла.

⁵⁶ Lournal de Francfort, 1853, № 280; Eugene Pick; A. Du Caste; Leon Guérin, Rousset, M. Tane, Клапка и другие

⁵⁷ См. приложение № 59 и Алабин, т. 2.

⁵⁸ Дневник генерал-адъютанта Коцебу.

⁵⁹ Письмо военному министру 26 октября 1853 г. (Архив канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., секр. д. № 571).

⁶⁰ В письме от 3 ноября (там же).

⁶¹ Перевод с французского.

⁶² Письмо от 3 ноября 1853 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

⁶³ Курсив подлинника.

⁶⁴ См. приложение № 60.

⁶⁵ Письмо от 20 октября 1853 г.

⁶⁶ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 76, ч. 1.

⁶⁷ Из записной книжки графа Граббе//Русский архив. 1889. Т. 1. С. 538.

⁶⁸ Как мы видели, 6 батальонов из 8 впоследствии наступали в ротных колоннах, но об этом не было упомянуто в реляции.

⁶⁹ См. приложения № 61 и 62.

⁷⁰ Под 24 октября. Рукопись.

⁷¹ От 26 октября. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., по снар. войск, секр. д. № 47.

⁷² Рапорт генерала Данненберга князю Горчакову 25 октября, № 1026. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3318.

⁷³ Герцога Нассауского полка и конно-легкой № 9 батареи.

⁷⁴ Князь Горчаков — генералу Данненбергу 25 октября 1853 г., № 1814 и генералу Павлову 26 октября, № 1048. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3317 и 3429.

⁷⁵ Предписание графу Анрепу от 25 октября, № 1823. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3428.

⁷⁶ Рапорт графа Анрепа 25 октября, № 56. Там же.

⁷⁷ Предписание 27 октября, № 69. Там же.

⁷⁸ 2-я бриг. 11-й пех. див. и легк. № 4 батареи.

⁷⁹ Рапорт графа Анрепа 27 октября, № 69. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3428.

⁸⁰ Вознесенский ул. п. и конная легкая № 7 батареи.

⁸¹ См. схему № 6.

⁸² В Будешти и Груи — 1-я бриг. и Одесский егер. п. 12-й пех. див., 2 бат. Украинского егер. п., № 4 бат. и № 4 и 6 легк. бат. 12-й арт. бриг., легк. № 3 бат. 11-й арт. бриг. и Донской № 9 бат.

В Добрени — 4-й стрелк. бат. и Бугский улан. п. с 4 ор. конно-легк. № 9 бат.

В лагере при Фундени — 1-я бриг. 11-й пех. див. с бат. № 3 и легк. № 5 бат.

В Колентино — подв. № 5 парк.

В Бухаресте — 2 бат. Украинского егер. п. с легк. № 7 бат. 12-й арт. бриг.

⁸³ Письмо князя Горчакова военному министру 28 октября 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., д. № 57.

⁸⁴ Рукопись Музея Севастопольской обороны.

⁸⁵ Алабин. Восточная война. Ч. II. С. 140.

⁸⁶ Князь Горчаков — генералу Павлову 1 ноября 1853 г., № 2001. Ген.-кварт. — генералу Павлову 1 ноября, № 1013. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 3429.

⁸⁷ Рапорт генерала Соймонова генерал Коцебу 24 октября 1853 г., № 455. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 3317.

⁸⁸ Предписание генералу Соймонову 27 октября 1853 г., № 15. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 3419.

⁸⁹ См. план окрестностей Журжи, № 31. С. 345.

⁹⁰ Рапорт генерала Соймонова князю Горчакову 28 октября 1853 г., № 483. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 3419.

⁹¹ Отзыв генералу Соймонову 29 октября 1853 г., № 498. Там же.

⁹² 2 бат. Кольванского, бат. Томского егер. п., 2 эск. гусар наследника цесаревича и № 2 бат. и легкой бат. 10-й арт. бриг. и кон. легк. № 8 бат.

⁹³ Адъютант нач. 10-й пех. див. поручик Чаплинский, Томского егер. п. поручик Хабарев, кон. бат. подпоручик Бобарыкин и Колыванского егер. п. подпоручик Пржеславский.

⁹⁴ Рапорт генерала Соймонова князю Горчакову 31 октября, № 498. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 3317. Журн. воен. действий Колыванского и материал по истории Томского полка (рукопись).

⁹⁵ Рапорт подполковника Шапошникова генералу Коцебу 3 ноября, № 894. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 3317.

Князь Горчаков — князю Меншикову 11 ноября 1853 г., № 4253. Там же.

⁹⁶ Рапорт генерала Соймонова князю Горчакову 4 ноября 1853 г., № 512. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 3317.

⁹⁷ Генерал Соймонов — полковнику Бонтану 1 декабря, № 649. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 3419.

⁹⁸ Коцебу — Соймонову 10 ноября, № 2084. Там же.

⁹⁹ Император Николай — князю Горчакову 15 ноября 1853 г. Собств. Его Велич. библиот., шк. 115, портф. 14.

¹⁰⁰ Князь Горчаков — графу Анрепу 2 ноября, № 2017. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 3428.

¹⁰¹ Князь Горчаков — военному министру 22 октября 1853 г., № 1778. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 52.

¹⁰² См. схему № 16.

¹⁰³ Рапорт генерала Лидерса князю Горчакову 3 декабря 1853 г., № 3350. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3410.

¹⁰⁴ 4 роты Замосцкого ег. п., рота 5-го стрелк. бат. и 2 ор. легк. № 8 бат. 15-й арт. бриг.

¹⁰⁵ Рапорт генерала Лидерса князю Горчакову 3 декабря, № 3350 (Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 3410). Шханечные журналы пароходов «Прут», «Ординарец» и «Метеор» (Николаевский центр. архив). Бельев: Боевые подвиги 60-го пех. Замосцкого полка. Архив Житомирского егерского полка.

¹⁰⁶ Всеподданнейшее письмо князя Горчакова 6 декабря 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 88.

¹⁰⁷ См. схему № 17.

¹⁰⁸ Всеподданейшая записка князя Горчакова 7 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 47.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ От 2 ноября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 4253.

¹¹¹ Напомним, что к этому времени у Туртукая турки очистили левый берег Дуная и остров, сняв с укреплений большую часть орудий; на правом берегу Дуная вблизи был виден лагерь отряда силой около 15 тыс. человек. У Рущука их, по-видимому, было такое же число, причем здесь они ежедневно усиливали свои батареи. У Силистрии неприятель свозил на острова против р. Борчи туры и другие материалы для возведения батарей, но р. Борчи не переступал. У Гирсова, куда по временам появлялся наш пароход, турки делали только ничтожные попытки. Наконец, по сведениям нашей главной квартиры, у Калафата, где возводился укрепленный лагерь, находился 15-тысячный отряд турок, имея за собой в Видине и его окрестностях до 20 тыс. человек.

¹¹² От 1 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 57.

¹¹³ От того же числа. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 47.

¹¹⁴ См. приложение № 63.

¹¹⁵ Письмо Воен. мин. от 4 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., д. № 57.

¹¹⁶ Приложение № 64.

¹¹⁷ Император Николай — князю Горчакову 26 октября 1853 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

¹¹⁸ Курсив подлинника.

¹¹⁹ Всеподданейшая записка князя Горчакова 7 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 47. Приложение № 65.

¹²⁰ Император Николай — князю Горчакову 12 ноября 1853 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

¹²¹ Письмо к князю Горчакову от 15 ноября 1853 г. Там же.

¹²² 2 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 44.

¹²³ От 7 ноября 1853 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

¹²⁴ Приложение № 66.

¹²⁵ Курсив подлинника.

¹²⁶ 2-я бригада с ее артиллерией: в Сатунове — Витебский полк с легкой № 2 батареи, в Рени — Полоцкий полк с батареейной № 2 батареи. Занятие же кр. Измаил было возложено на резервную бригаду 15-й пех. дивизии.

¹²⁷ Князь Горчаков — военному министру 17 октября 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 57.

¹²⁸ В письме от 20 октября 1853 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

¹²⁹ Князь Горчаков — военному министру 4 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 57.

¹³⁰ Всепод. письмо князя Горчакова от 21 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 88.

¹³¹ От 4 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 57.

¹³² Всепод. письмо князя Горчакова от 20 октября 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 47.

¹³³ Император Николай — князю Варшавскому 22 октября 1853 г. См. приложение № 67.

¹³⁴ Император Николай — князю Горчакову 20 октября 1853 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

¹³⁵ Император Николай — князю Горчакову 26 октября 1853 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

¹³⁶ Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XIII. С. 18.

¹³⁷ Курсив подлинника.

¹³⁸ С. Аксаков. Ф. И. Тютчев//Русский архив, 1874. С. 295.

¹³⁹ Собств. Его Велич. библ. Рукоп. отдел.

¹⁴⁰ Русский вестник, май 1896. С. 126.

¹⁴¹ В письме от 24 января 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 4253.

Глава VIII

Сражение при Четати 25 декабря 1853 года

Тревожное состояние и какой-то дух растерянности, которые царили в сердце князя Горчакова, не были чужды и его начальнику штаба генерал-адъютанту Коцебу. Полное непонимание плана, легшего в основу действий Омера-паши в зиму 1853—1854 годов, отсутствие серьезных сведений о противнике и боязнь наступательных действий его на всем обширном пространстве Дуная от моря до Видина были тому причиной. «Ничего неизвестно о неприятеле... Новых сведений о враге не получено. Необъяснимая тишина!.. Все еще ничего нового о неприятеле. С правого берега Дуная мы не имеем никаких известий, а посему совершенно не знаем о намерениях турок. Тишина, как будто бы затишье перед бурей...» — чуть ли не ежедневно заносил Павел Евстафьевич в свой дневник¹.

Чувство справедливости заставляет признать, что такому мрачному состоянию духа ближайших руководителей нашей армии много содействовала и та неблагоприятная обстановка, в которой проходила зимняя кампания 1853—1854 годов на Дунае. Широкая река, разделявшая враждующие армии, как китайская стена, плохая организация тайных разведок на турецкой стороне Дуная, связанные у князя Горчакова утвержденным планом кампании руки и необходимость защищать обширный театр войны при боязни потерпеть где-нибудь хоть частичную неудачу — это такие специфические черты пагубной пассивной обороны, цепи которой было под силу разбить более могучим талантам и характерам, чем те, которыми обладали князь Горчаков и его начальник штаба.

И в этом отношении нравственная победа, надо сознаться, была на стороне наших врагов.

Омер-паша не только блестяще выполнил возложенную на него задачу дать туркам мобилизовать и развернуть под прикрытием Дуная все свои силы и натренировать в тактических действиях свои молодые войска², но своими удачными наступательными попытками в разных местах Дуная он сумел лишить князя Горчакова нравственного равновесия, сбить его с толку и заставить подчиниться своей воле.

На южном берегу Дуная, как и на северном, недоумевали о том, чего же хочет противник, но у турок, не предполагавших нас атаковать, это было понятно; у нас же, долженствовавших

вооруженной рукой подчинить неприятеля своей воле, такое положение вело к нравственному гнету армии, распространявшемуся мало-помалу от старших к младшим.

Такое чувство, даже в своем зародыше, не есть спутник победоносной кампании.

Волнение и суетливость князя Горчакова, как уже сказано выше, более всего касались Мало-Валахского отряда и повлекли за собой, как неизбежное последствие, утомление, нервозность этого отряда и погоню его сразу за несколькими целями.

Нельзя упрекать князя Михаила Дмитриевича в его беспокойстве за свой правый фланг.

Опасение ослабления главных сил отправкой к Калафату, за 300 верст от центра нашего расположения, достаточно крупного отряда, чтобы примкнуть наш правый фланг к Дунаю, нежелание, с другой стороны, допустить турок утвердиться здесь на нашем берегу реки совместно с упорным удержанием ими Калафата в то время, как они легко отказались от своих наступательных попыток на остальных участках реки, давало основание с беспокойством смотреть за тем, что делалось в Малой Валахии.

Генерал Фишбах, поставленный во главе выполнения столь важной и ответственной задачи, положительно был сбит с толку особой заботливостью о нем нашей главной квартиры.

Мы оставили Мало-Валахский отряд расположенным на р. Жио и патрулирующим высылкой сильных разъездов всю местность вплоть до Калафата³.

21 октября генералом Фишбахом был выслан для получения более определенных сведений о силе и намерениях противника на верхнем Дунае в окрестности Калафата сильный кавалерийский отряд в 7 эскадронов гусарского князя Варшавского полка и 4 1/2 сотни казаков. Конница эта, выступив одновременно под начальством флигель-адъютантов полковников графа Алопеуса и князя Васильчикова из лагерей при Ницоешти и Радована⁴, двинулась в тесной связи друг с другом четырьмя колоннами и, оттеснив неприятельскую кавалерию и пехоту, разведала всю местность до линии Пояна, Модловита, Росинишу. В Калафате, по собранным ею сведениям, находилось до 15 тыс. человек, в том числе около

Генерал-лейтенант Фишбах

2 ¹/₂ тыс. конницы; в укреплениях острова оставалось 400 албанцев и 9 орудий; впереди Калафата было возведено 5 батарей и в с. Пояны находился кавалерийский пост в 150 человек.

Со стороны Рахова по-прежнему оставалось все спокойно, и турки там расположились по квартирам; у Никополя же было собрано до 70 лодок, и можно было предполагать, что турки делали приготовления к переправе⁵.

Ничего особенного, таким образом, в верховьях Дуная не случилось, но князь Горчаков находился 24 октября под впечатлением ольтеницкой неудачи, и результатом такого настроения главной квартиры было экстренное приказание генералу Фишбаху отодвинуться с его отрядом от р. Жио к Команам, т. е. на три перехода к востоку⁶. На другой день, 25-го числа, когда нервы в Бухаресте успокоились, генералу Фишбаху было опять приказано оставаться на р. Жио⁷.

Однако 27-го числа князь Горчаков вновь не имел другого разговора, как о том критическом положении, в котором он находился; при этом он все видел в черном свете, что отзывалось и на его начальнике штаба⁸. Сильные наступательные действия турок снова начали грезиться нашему военачальнику, и эти опасения опять-таки вылились в путаную и неопределенную инструкцию генералу Фишбаху⁹. Разбирая в ней возможные действия турок и Мало-Валахского отряда, князь Горчаков выражал желание удержать за собой Малую Валахию столько времени, сколько это возможно, не подвергая отряда Фишбаха невыгодному бою, и рекомендовал ему перевести отряд из Ницоешти в Крайово, откуда в случае отступления отряд менее подвергался бы опасности быть отрезанным неприятелем¹⁰.

Вследствие этих распоряжений генерал Фишбах вновь перешел 29 октября со своим отрядом в Крайово, выставив у Радована авангард князя Васильчикова из 2 бат., 4 эск. гусар, 2 ¹/₂ сот. казаков и 4 ор. Казаки во главе с есаулом Афанасьевым составили передовой отряд в Быйлешти, откуда должны были высылать разъезды к стороне Калафата для наблюдения за неприятелем и для воспрепятствования фуражировкам противника.

Разрешая, однако, князю Васильчикову высылать партии в разных направлениях для борьбы с фуражирами, генерал Фишбах ему запрещал долго оставаться на одном месте вблизи Калафата, чтобы не быть отрезанным от главных сил отряда.

31 октября для князя Михаила Дмитриевича был радостный день. Турки взорвали свои укрепления и оставили Ольтеницу¹¹.

Но вслед за тем беспокойство вновь овладело командующим войсками. До него дошли слухи о приготовлении турок к переправе у Никополя. Вследствие этого явилось опасение, что неприятель может угрожать со стороны Турно левому флангу Мало-Валахского

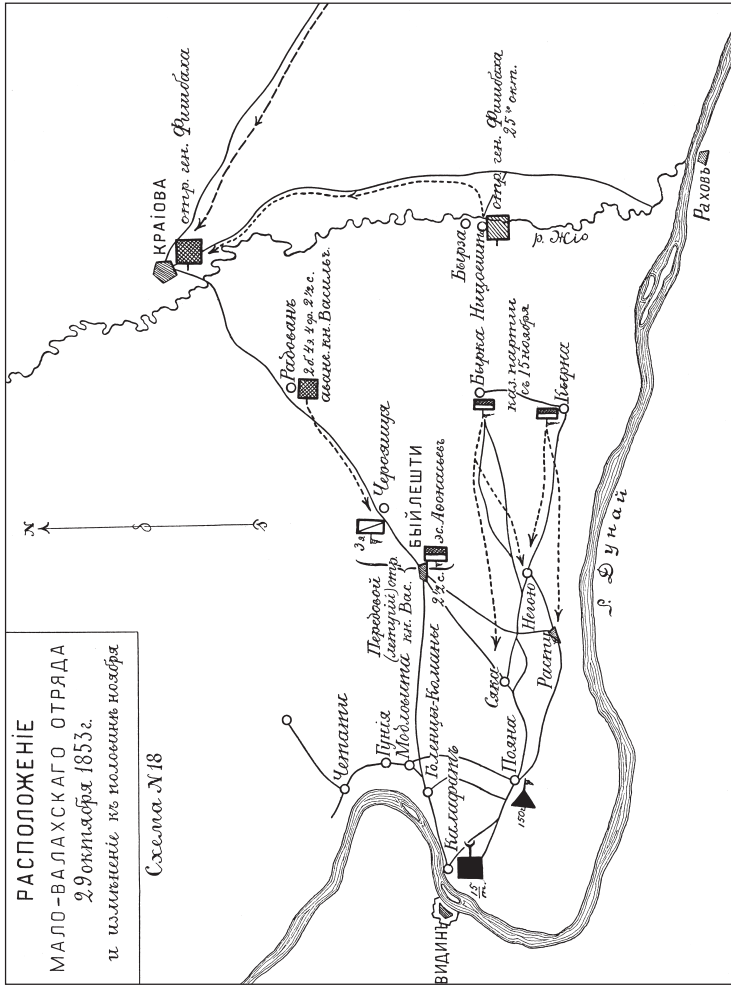

Схема № 18

отряда, и это опасение вызвало формирование нового отряда, генерала Комара, из полка улан и казаков и дивизиона конной артиллерии¹², который 8 ноября расположился у Руссе-де-Веде для охраны пространства между рр. Ольтой и Веде¹³.

На этот раз беспокойство за Фишбаха не вызвало распоряжения об отходе его отряда на восток, а лишь ограничилось приказанием предвратить все части быть готовыми к выступлению.

Войска Валахского отряда тем временем рвались в бой, и к генералу Коцебу поступали просьбы молодых офицеров Генерального штаба разрешить атаковать Калафат¹⁴. Князь Горчаков по-прежнему ни на что не решался, а неприятель тем временем все усиливался на нашем берегу Дуная, и в конце ноября Калафатский укрепленный лагерь представлял уже силу, с которой серьезно приходилось считаться.

По всем собранным сведениям, войска Калафатского отряда к этому времени увеличились до 20—25 тысяч человек при 52 орудиях и состояли почти исключительно из регулярных частей; в том числе кавалерии было около 7 полков. Укрепленный лагерь был расположен на возвышенном берегу Дуная, против Видина, сообщение с которым первоначально поддерживалось на лодках, а впоследствии, в декабре, при помощи плавучего моста. Укрепления были расположены в две линии. Первую составляли ломаные земляные валы с деревянными капонирами и блокгаузами; валы эти были вооружены 50 орудиями среднего калибра. Во второй линии находился ряд редутов, особенно сильных у Крайовской дороги. У самого города был построен редут, вооруженный 6 орудиями, и, кроме того, два укрепления. Войска располагались в землянках и в палаточном лагере, примыкавшем своими флангами к Дунаю¹⁵. Вся кавалерия была расположена на правом фланге, имея около 2 эскадронов у с. Пояны и около 3—4 эскадронов у с. Голенцы-Команы, под прикрытием которых у с. Модловита окрестными жителями строились укрепления¹⁶.

Своим выгодным у Калафата положением турки до конца декабря не пользовались для действия против отряда генерала Фишбаха, а занимались сосредоточением в укрепленный лагерь запасов продовольствия из окрестных деревень и, главным образом, революционированием местного населения.

Турки обращались с ним весьма кротко, объявляя, что пришли освободить народ Валахии от бояр и русских и что за ними идут ревнители свободы Валахии, оставившие край в 1848 году¹⁷.

Приведенные сведения о силе турок под Калафатом совместно со слухами, что на военном совете в Шумле предложено, не теряя времени, начать против нас наступательные действия и что ежедневно ожидается прибытие в Калафат самого Омера-паши, вновь расстроили князя Горчакова. Он опасался захвата турками Крайова

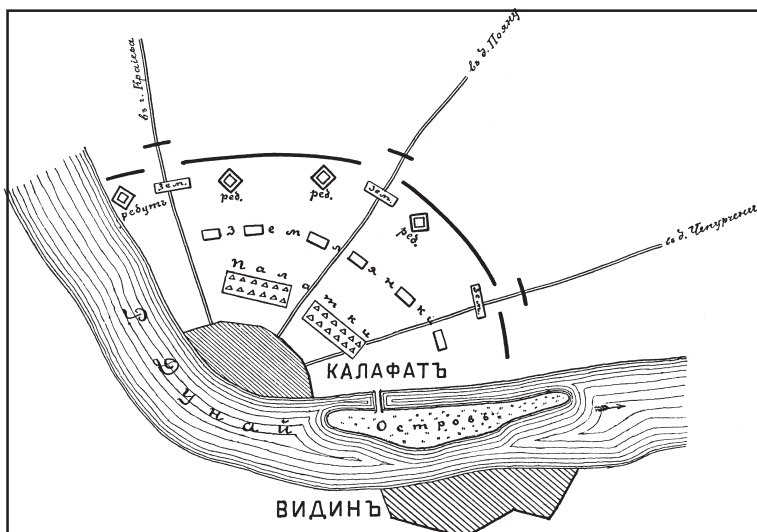

Схема № 19

и необходимости в таком случае очистить Малую Валахию до прихода двинутых на театр войны частей 3-го корпуса, что можно было ожидать не раньше января. Только после этого он считал возможным двинуть часть резерва от Бухареста, не опасаясь за свои сообщения, и изгнать турок из Валахии¹⁸.

«Не совсем разделяю это мнение», — пометил государь на рассуждениях Горчакова¹⁹.

Постепенно увеличивающаяся смелость турок, все возрастающее влияние их на местных жителей и дерзкие фуражировки вблизи расположения наших войск заставили генерала Фишбаха принять более решительные меры для уменьшения сферы влияния Калафатского отряда. С этой целью он усилил авангард 4-м дивизионом гусарского князя Варшавского полка, выделив из него особый летучий отряд под начальством князя Васильчикова²⁰ из 3 эскадронов гусар²¹ и двух с половиной сотен Донского казачьего № 48 полка. Отряду князя Васильчикова было указано находиться примерно около с. Быйлешти, откуда делать неожиданные нападения на турецкие партии, выходившие из Калафата, препятствовать сношению жителей с турками и свозу ими продовольствия в неприятельский лагерь. Южнее отряда князя Васильчикова с этой же целью действовали сильные казачьи партии от сс. Бырки и Кырна на сс. Негою, Расту и Сяпу²².

16 ноября отряд Васильчикова сосредоточился у Быйлешти и Черои, а 18-го числа произошла удачная стычка наших гусар

и казаков с турецкой кавалерией у с. Пояны, благодаря которой временно прекратилось появление неприятельских шашек к востоку от этой деревни²³.

Такой результат навел на мысль увеличить число летучих отрядов с тем, чтобы их действиями не дать развиваться среди жителей враждебному нам настроению.

Поэтому 20 ноября был сформирован отряд майора Рудзевича из одного эскадрона и сотни, которому был дан район к северу от князя Васильчикова. 2 ноября Рудзевич произвел поиск на сс. Росиницу, Добридор, Четати, Фонтына-Банулуй и Морени; турок нигде не встретил, но захватил в последних двух селах припасы продовольствия, отправлявшиеся жителями в Калафат.

Однако все эти меры не повели к уменьшению турецкой пропаганды среди жителей Малой Валахии, настроение которых становилось все более и более нам враждебным.

Вместе с этим до князя Горчакова начали доходить слухи о непригодности генерала Фишбаха к тому ответственному посту, который он занимал. Князь Васильчиков, назначенный в конце ноября начальником штаба к генералу Фишбаху, писал одному из своих приятелей в главную квартиру²⁴: «Дело начальника штаба при здешнем отряде есть дело трудное и в военном, и в политическом отношениях. Город Крайово набит людьми, ожидающими пришествия турецких войск, чтобы возобновить проделки 1848 года. Здешние бояре постоянно ведут переговоры с пашами. Генерал же наш, не будучи в состоянии справиться со своими подчиненными, не может держать края в порядке. У нас доробанцы бегут — мы им кланяемся, священники проповедуют, что турок должно принимать как избавителей — мы ничего! В казино провозглашают, что русских выгонят из Валахии, — мы молчим... Пора бы, наконец, устроить хоть какое-нибудь управление, потому что нас никто не слушает, а не слушают потому, что мы ничего не приказываем!»

Вслед за этим и князь Горчаков признал, что «Фишбах не имеет достаточного ума, чтобы его оставить одного на таком посту»²⁵, и начал искать для этой цели более подходящее лицо. Выбор пал на генерал-адъютанта графа Анреп-Эльмпта, причем генерал Фишбах не был отозван, а остался в подчинении новому начальнику²⁶.

Граф Анреп 29 ноября прибыл в Крайово, а вслед за ним на усиление Мало-Валахского отряда была двинута из-под Бухареста в Крайово 12-я пехотная дивизия с ее артиллерией и две роты 4-го саперного батальона, взамен которых в первых числах января ожидалось прибытие в Бухарест 8-й дивизии 3-го корпуса, мобилизованного и двинутого на усиление Дунайской армии. Такие силы князь Горчаков считал вполне достаточными для атаки Калафата или по крайней мере для тесного его обложения, если бы

турки оказались в нем очень сильными²⁷. Головной полк 12-й дивизии, Одесский егерский, прибывал в Крайово 19 декабря²⁸.

С прибытием графа Анрепа положение Мало-Валахского отряда не изменилось к лучшему. Революционные выходцы продолжали наводнять окрестности Калафата, и жители начали оказывать нашим войскам почти открытое сопротивление. Враждебное нам настроение главным образом обнаружилось по деревням, лежащим близ Дуная, выше Видина, и особенно между селениями Груя, Сальчия и Четати.

Для борьбы с этим злом первоначально решено было посылать в разные направления сильные подвижные колонны из трех родов оружия, а 17 декабря был пододвинут в Былешти из Крайова и весь отряд графа Анрепа. Князь Горчаков не признавал такого выдвижения опасным, так как из-за распутицы нельзя было ожидать наступления турок ни со стороны Рахова, ни со стороны Никополя²⁹.

Одновременно с переходом графа Анрепа в Былешти часть Мало-Валахского отряда в составе 2 батальонов Тобольского пехотного полка, эскадрона гусарского князя Варшавского полка и двух сотен доробанцев при 4 орудиях под начальством генерал-майора Бельгарда была направлена от Радована на Перитору, Галича-Маре, Сальчию и Кушмир для усмирения этих последних деревень³⁰.

17 декабря Бельгард занял Четати, отогнав оттуда к Гунии и Мадловите партии турецкой конницы, но не успел собрать сколько-нибудь положительных сведений о противнике. Оставив в Четати для усмирения взволнованных доробанских деревень командира Тобольского пехотного полка полковника Баумгартена с одним батальоном его полка, взводом гусар и 25 казаками при двух орудиях³¹, он с остальными войсками своего отряда двинулся через Изымшу, Оберту и Кушмиру в Браништи, где и расположился на ночлег. 19-го числа, произведя своей кавалерией поиск на Грую, он перешел к д. Престол.

Граф Анреп, получивший в это время донесение о появлении турецких разъездов между сс. Мадловита и Скрипетул, стал опасаться за тыл отряда генерала Бельгарда и направил прибывающий Одесский егерский полк на его усиление, причем три батальона этого полка должны были расположиться в сс. Моцацей и Галича-Маре, а 4-й батальон — в с. Бырза в низовьях р. Жио для охраны моста и для наблюдения со стороны Рахова.

19 декабря Мало-Валахский отряд занимал, таким образом, следующие пункты: генерал Бельгард с батальоном Тобольского полка, взводом гусар, двумя сотнями доробанцев и двумя орудиями — с. Престол, полковник Баумгартен с таким же отрядом, но без доробанцев — у с. Четати и главные силы графа Анрепа (3 1/2 бат.,

2 эск., 2 сот. и 20 ор.) — у Быйлешти, имея в 10 верстах за собой, в Черое, 10 эскадронов кавалерии. Очевидно, такое расположение, при котором Бельгард отстоял от Баумгартена на 30 верст, и этот последний от графа Анрепа на 25 верст, давало энергичному противнику, владеющему укрепленной позицией у Калафата, возможность разбить наши отряды по частям или по крайней мере заставить их принять неравный бой поодиночке. Это и привело к славному, но и совершенно бесцельному делу у с. Четати.

Разброска наших небольших отрядов для занятия валахских селений вверх по Дунаю, севернее Калафата, при нахождении ядра Мало-Валахского отряда у Быйлешти, т. е. на расстоянии почти 40 верст от турецкого лагеря, вполне содействовала выполнению Омером-пашой плана тактической подготовки его войск набегами сосредоточенных сил на раздробленные части русской армии. Растерянность, нерешительность и пассивность, которые до сего времени проявлял Мало-Валахский отряд, почти обеспечивали безопасность таких мероприятий энергичного турецкого главнокомандующего.

Прежде чем предпринимать наступательные действия в значительных силах, Ахмет-паша решил произвести сильную кавалерийскую разведку нашего расположения, обратив особое внимание на с. Четати, которое в глазах турок приобретало большое значение как пункт, долженствующий служить опорой нашего правого фланга при ожидаемом с их стороны обложении нами Калафатского укрепленного лагеря.

При наличии в отряде графа Анрепа целой массы кавалерии турецкая конница скрытно пробралась из Калафата и утром 19 декабря неожиданно появилась перед с. Четати.

Находя неудобным защищать с незначительными силами само селение, вытянутое на три версты в одну линию, полковник Баумгартен, послав генералу Бельгарду донесение о наступлении противника, вывел свой отряд из деревни и расположился по Ульмской дороге на картечный выстрел от Четати. Занятая позиция была обращена фронтом к селению, правым флангом она примыкала к крутому спуску в долину Дуная, а тылом — к оврагу; кроме того, с тыла и флангов она была обнесена рвом с небольшой насыпью к стороне поля³².

Сосредоточив здесь свой отряд, полковник Баумгартен оставил для первой встречи противника в самом селении 4-ю гренадерскую роту и всех штуцерных³³.

Турецкая конница ворвалась в селение, ввязалась в бой с засевшими в нем частями, которыми и была наведена на позицию Баумгартена. Встреченная сильным картечным огнем, она отступила,

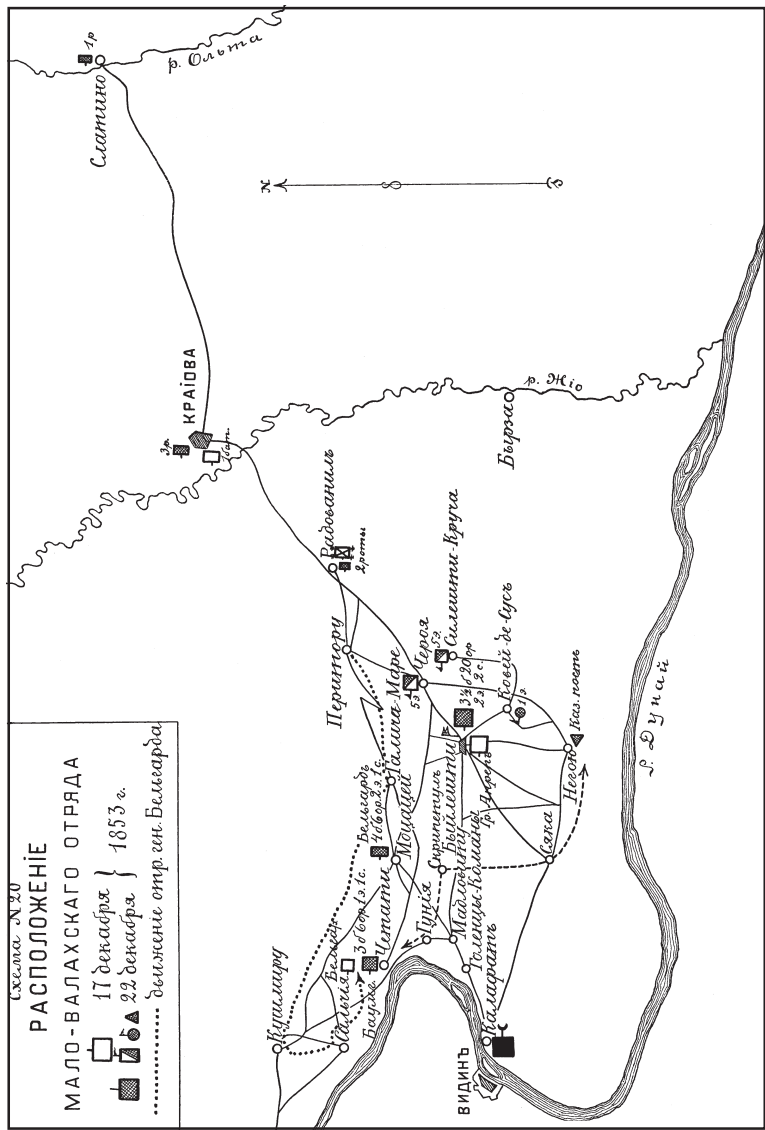
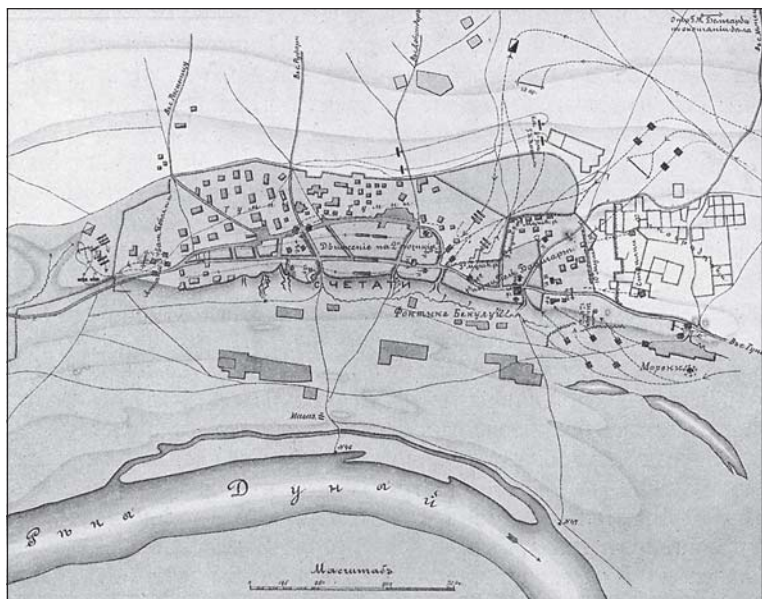

Схема № 20

*Схема № 21.
План сражения при Четати*

но повторила атаку с обоих наших флангов. Отбитая вновь, она появилась в тылу нашего отряда и выслала парламентаря с предложением о сдаче. В ответ Баумгартен обдал ее картечью и оружейным огнем цепи застрельщиков, рассыпавшихся во рву и за валом. Турки, спешив за оврагом до 200 человек, вновь, под прикрытием их огня, атаковали левый фланг позиции и снова были отбиты. Тогда 4-я гренадерская рота под командой штабс-капитана Грица 1-го атаковала в штыки спешенную часть неприятельской конницы и выбила ее с позиции. После этого турецкий отряд отступил от Четати на Гунию и Мадловиту, а полковник Баумгартен вновь занял селение, куда к вечеру прибыл и генерал Бельгард со своим отрядом.

По донесению графа Анрепа, результатом описанного дела было прекращение всякого сообщения с Калафатом деревень, лежащих вверх по Дунаю. По турецким источникам, эта рекогносцировка подтвердила им раньше имевшиеся сведения, что деревни вверх по Дунаю заняты каждым отрядом русских силой в два батальона пехоты с достаточным количеством кавалерии и артиллерии.

Отряд графа Анрепа, в видах еще большего стеснения круга действий противника, 22 декабря расположился, по прибытии к нему Одесского егерского полка, следующим образом:

в с. Быйлешти — 3 $\frac{1}{2}$ бат., 2 эск., 2 сот. и 20 ор.³⁴ Здесь же находился и граф Анреп со своим штабом;

в с. Четати — отряд полковника Баумгартена из 3 бат., 1 эск., 1 сот. и 6 ор.³⁵;

в с. Моцацей для связи между отрядами, расположенными в Быйлешти и Четати, а в случае надобности и для подкрепления их был расположен отряд генерала Бельгарда силой в 4 бат., 2 эск., 1 сот. и 6 ор.³⁶;

в сс. Силешти-Круча и Черая стояло 10 эскадронов гусар³⁷, имея эскадрон на аванпостах у с. Ковей-де-Сус.

Таким образом, несмотря на урок 19 декабря, растянутое расположение семитысячного отряда графа Анрепа оставалось все в том же опасном для нас положении. Князь Горчаков указывал на это начальнику отряда, но он остался при своем мнении, не признавая выгодным очищать с. Четати³⁸. Казалось бы, что существовавшая обстановка вызывала необходимость принятия самых бдительных мер охраны, связи и взаимной поддержки, но, как увидим ниже, в Мало-Валахском отряде на это почти не было обращено внимания. Хотя, впрочем, диспозицией по отряду, отданной 24 декабря, граф Анреп указывал, чтобы в случае нападения неприятеля каждая из отдельно расположенных частей содействовала одна другой и по первому выстрелу шла на помощь атакованным³⁹.

Ахмет-паша решил воспользоваться разбросанностью наших войск и заставить их очистить прилегающие к Дунаю селения.

С этой целью 24 декабря с заходом солнца турки совершенно скрытно от нас вывели из Калифата отряд в 13 батальонов пехоты, 5 рот карабинеров и 3 полка кавалерии при 28 орудиях, всего силой около 15 тысяч человек, и сосредоточили его в Мадловите. Здесь отряд должен был разделиться на три колонны.

Первая, под начальством Измаила-паши, силой в 5 бат., 2 роты караб., 1 полк кавал. и 11 орудий, должна была идти на с. Добридор; вторая, под начальством Мустафы-Тефик-паши, такой же силы, — на с. Муси (вероятно, Моцацей); и третья, под начальством Османа-паши, силой в 3 бат., 300 гусар, 1 полк кавалерии и 6 легких орудий, — на с. Четати. Но, должно быть, под влиянием упорного сопротивления Баумгартена 19 декабря, турки изменили свое решение и в ту же ночь направились всем отрядом на с. Четати, оставив в Мадловите батальон пехоты, эскадрон кавалерии и 2 орудия.

Совершенно скрыто, не обнаруженные ни одним нашим разъездом, турки в четвертом часу утра подошли к Четати. Отряд полковника Баумгартена расположился, не приняв никаких мер предосторожности от внезапного нападения. Разбросанное селение было занято войсками, как на мирных квартирах. Казачьи заставы стояли по опушке деревни, разъезды вертелись около застав, пути

к Калафату были оставлены без наблюдения, и неприятель свалился отряду как снег на голову⁴⁰.

Селение Четати и смежная с ним деревня Фонтына-Банулуй⁴¹ лежат на гребне высот, составляющих левый нагорный берег долины Дуная, которая здесь имеет до 600 саженей ширины⁴². Высоты эти круто спускаются к реке и полого в противоположную сторону, кончаясь открытым степным пространством, которое тянется на селения Моцацей, Быйлешти и далее. Обе деревни, Фонтына-Банулуй и Четати, были обнесены со стороны степи большим рвом с насыпью, причем восточнее первой из этих деревень ров шел в две линии, образуя очень удобный для обороны фронтом на юг и восток пятиугольный плацдарм. Следующим опорным пунктом было кладбище, и, наконец, за деревней Четати находилась известная уже по бою 19 декабря позиция, вполне соответствующая силе отряда.

Таким образом, Баумгартен имел сильную, но несколько обширную для его отряда позицию к востоку от д. Фонтына-Банулуй, которая представляла особое значение как лежавшая на пути ближайших к нему подкреплений отряда генерала Бельгарда; за этой первой позицией было расположено узкое и длинное с. Четати, мало удобное для обороны, за которым находилась третья и последняя позиция, представлявшая все данные для упорной защиты отряда.

На рассвете 25 декабря полковник Баумгартен, получив известие о приближении значительных масс турецкой кавалерии, быстро поднял свой отряд по тревоге и приготовился для встречи праздничных гостей. Благодаря этому войска наши не были застигнуты врасплох, а искусное занятие позиции и блестящая оборона Баумгартена вполне загладили прегрешение его беспечного расположения. Оборона Четати и поныне служит блестящим примером образцовой обороны.

Полковник Баумгартен по соглашению с генералом Бельгардом должен был в случае наступления турок обороняться на плацдарме, что восточнее д. Фонтына-Банулуй, где при первом известии о появлении неприятеля он и сосредоточил весь свой отряд. Многочисленность турецкой кавалерии заставляла подготовиться к обороне со всех сторон⁴³.

С этой целью начальник отряда расположил 4 орудия вне деревни по дороге на с. Гунию, 2 орудия влево от селения по дороге на с. Моцацей и разделил боевую часть на три участка: первый, фронтом на Гунию — 4 роты и штуцерные 1-го и 4-го батальонов, второй, фронтом на Моцацей — 2 роты и третий, фронтом на Четати — 2 роты; в общем резерве осталось 3 роты, а четвертая прикрывала обоз. Кавалерии, по ее малочисленности, не было дано самостоятельной задачи, и она прикрывала левый фланг нашего расположения. В каждом участке были высланы сильные стрелковые цепи,

за которыми в ротных колоннах расположились частные резервы, а на площади стал общий резерв⁴⁴.

Ахмет-паша, подойдя к Четати, разделил свой отряд на две части. Измаил-паша должен был атаковать во главе 6 бат., 5 эск. карабинер, 2 пол. кавал. и 300 гусар при 16 орудиях полковника Баумгартена, а остальные силы под личным начальством Ахмета составили резерв на случай появления наших войск со стороны Моцацей и Быйлешти⁴⁵.

Около 7 часов утра перед Фонтына-Банулуй появилась масса неприятельской кавалерии, которая свернула вправо и развернулась на дороге в с. Моцацей, выдвинув на позицию 10 конных орудий, немедленно открывших огонь. Вслед за кавалерией по направлению из Гунии появились густые колонны пехоты, которые выставили на дороге свою артиллерию, открывшую около 9 часов утра огонь, и развернулись по обе ее стороны в три линии колонн, прикрыв боевой порядок сильными цепями штуцерных. Двукратная фронтальная атака двух турецких батальонов была отбита метким огнем нашей артиллерии и стрелков, причем турецкая пехота отступила в д. Морени, потеряв раненым своего начальника Измаила-пашу.

В командование отрядом вступил Мустафа-Тефик-паша, который, усилив батарею и цепи штуцерных против нашего фронта, решил нанести главный удар в охват нашего правого фланга со стороны крутого спуска, граничащего с долиной Дуная. Рассыпав в цепь целые роты штуцерных, в близком расстоянии за которыми следовали три батальона в сомкнутых колоннах, Мустафа-паша энергично бросился вперед. От целых батальонов нам приходилось отбиваться отдельными ротами. Роты двух братьев Грицай и поручика Калакуцкого встречали турецкие батальоны в ротных колоннах. Подпустив турок на близкое расстояние, они обдавали их тремя залпами, производимыми одним взводом за другим, после чего отбрасывали противника штыками. Три вражеских натиска были отбиты таким образом, после чего удар в штыки во фланг 4-й гренадерской ротой заставил турок окончательно отступить назад.

Генерал-майор С. О. Жигмонд

Баумгартен не ввел еще здесь в дело общего резерва, так как турки в своих атаках далеко еще не израсходовали всех сил, и положение отряда по-прежнему оставалось критическим.

Во время этого единоборства наших рот с турецкими батальонами на самых близких дистанциях густые колонны нашей пехоты несли огромные потери от турецких штуцерных⁴⁶, причем они почти на выбор били русских офицеров, отличавшихся от нижних чинов своей формой одежды. Потери турок от нашего огня, судя по турецким и английским источникам, были незначительны, и успех наш следует приписать энергичным переходам в частные контратаки, мужественно и умело проведенным.

Вслед за этим отступившие турки ввели новые силы и, прикрываясь крутыми скатами, начали более кружный охват д. Фонтына-Банулуй, угрожая отрезать нас с этой стороны от Четати. Упорство турок на правом фланге отряда Баумгартена можно объяснить желанием их вытеснить нас из селения на восток, где встретить своей многочисленной кавалерией.

Новая атака неприятеля едва не увенчалась успехом, и застрельщики их начали врываться в крайние дома деревни. Полковнику Баумгартену для отражения удара в этом направлении пришлось использовать две роты своего резерва, а между тем упорство турок все росло.

Было уже 10 часов утра. Потери наши были велики; одних офицеров на правом фланге выбыло из строя 9 человек. В резерве оставалось только две роты, из которых одна прикрывала обоз. Чувствовалось, что турки не прекратят своих атак и что излишняя задержка в д. Фонтына-Банулуй может повести к преждевременной катастрофе. Баумгартену надо было выиграть время, чтобы дать возможность подойти отрядам генерала Бельгарда и графа Анрепа⁴⁷. Достигнуть этого можно было, лишь заняв соответствующую силам отряда позицию за деревней Четати, ту самую, которую Баумгартен оборонял уже 19-го числа. Начальник отряда и поставил себе это ближайшей целью.

Однако вывести войска из боя и отступать под натиском многочисленного противника через длинную и неудобную для обороны деревню было делом весьма трудным, и для выполнения такой операции требовалось искусство начальника и доблесть войск, что в полной мере показали как сам Баумгартен, так и его отряд. Много мешал отступлению и полковой обоз, который находился среди отступающих.

Эта трудная операция была произведена следующим образом.

Оставшиеся в руках 7-я и 8-я роты рассыпались за домами ближайшей к туркам опушки Четати для принятия на себя частей, оборонявших Фонтына-Банулуй. Между ними на дороге было поставлено 2 орудия, ранее стоявших на пути в Моцацей. Под

прикрытием этих частей прежде всего начали отходить роты, которым наименее угрожал противник; они предназначались для занятия промежуточной позиции по середине Четати. Первой отошла 3-я мушкетерская рота, расположившаяся за домами площадки, отделявшей одну половину селения от другой; за ней 1-я гренадерская, составившая резерв 7-й и 8-й ротам, и далее 9-я и 11-я, присоединившиеся к 3-й; за ними отошли 4 орудия под прикрытием штуцерных.

После того как таким образом правая сторона Фонтына-Банулуй была очищена, начали отводить роты, составлявшие левый боевой участок, т. е. 10-ю, 1-ю и 2-ю мушкетерские.

При выходе этих рот на площадку между селениями их атаковала турецкая конница, но атака была отражена залпами и штыками. Последней отошла 12-я рота, которая отбила с успехом атаку целого батальона, вновь действуя указанным выше способом, т. е. отбиваясь по очереди залпами повзводно и потом переходя всей ротой в штыки.

Теперь для встречи противника с фронта у нас имелось три роты, а для встречи его с флангов, на длинных фасах Четати, — по две роты на каждом фасе. Под прикрытием этих рот остальные части продолжали отходить назад, на позицию за Четати. Турки своими атаками во фланг старались помешать этому отходу, но с успехом были отбиваемы ротами 3, 9, 11 и 12-й, хотя и наши войска несли громаднейшие потери от перекрестного огня неприятельских штуцерных и их артиллерии.

Движение тобольцев сильно стеснял бывший при них обоз. Взяв первоначально неправильное направление, он едва не попал в плен. Все-таки в руках турок временно остались три лазаретных фургона, у которых были убиты лошади, и враг зверски замучил наших раненых. Все нестроевые, вооружившись ружьями, взятыми у валахов, стали в ряды полка и доблестно бились до конца.

Наконец, казалось, самая трудная часть операции — отступление по селению подходила к концу; Баумгартен с 3-м и 1-м батальонами и полковым обозом подходил к противоположной опушке Четати, прикрываясь от теснивших с юга турок 4-м батальоном. Но здесь истомленную трехчасовым боем горсть храбрецов ожидало новое испытание. Турецкая кавалерия обскакала деревню и заняла уже ту позицию, на которую стремился отряд Баумгартена; на высоте уже стояло 6 конных орудий, из которых два открыли по нашей пехоте огонь.

Положение становилось критическим, и отряд мог быть спасен только особой решимостью и находчивостью своего начальника. Выставив у выхода из селения 4 орудия, Баумгартен собрал роты 3-го батальона и лично двинулся с ними против неприятельской кавалерии.

Генерал-лейтенант Бельгард

Атака эта, несмотря на сильный фланговый огонь неприятельской батареи, была проведена с такой стремительностью, что турки кинулись назад, причем нашими смельчаками с боя было захвачено у них два орудия. Между тем сюда подошли и другие два батальона, успешно отбиваясь от ежеминутно повторяемых турецких атак.

Эта последняя позиция, на которой мог еще обороняться отряд Баумгартена, была занята им следующим образом⁴⁸.

В центре, у подошвы высоты, стали 4 орудия, имея влево от себя 1-ю и 2-ю роты в две линии, а вправо 1-ю гренадерскую и 10-ю роты, за которыми

ми во второй линии стала 11-я рота. На правом фланге, на вершине ската, фронтом к Дунаю, стала 7-я рота, имея правее себя гусар и казаков. На левом фланге всего расположения были поставлены остальные 2 орудия и роты 12-я и 4-я гренадерские в затылок друг другу. Тыл позиции прикрывался штуцерными и 8-й ротой, расположившимися вдоль рва и вала, фронтом к оврагу; в резерве за ними стала 9-я рота. Общий резерв образовали остальные две роты, ставшие за главной батареей. Здесь же расположился и обоз.

Не успели еще наши войска занять указанные места, как турецкая кавалерия бросилась отбивать потерянные орудия. Построенная благодаря узкому пространству в густые колонны, она сильно терпела от нашего фронтального и флангового огня и в то же время была встречена атакой гусар и казаков. После пятиминутной рукопашной схватки неприятельская конница пришла в полный беспорядок, бросилась вправо в овраг, завалив его трупам людей и лошадей и оставив здесь еще 4 орудия с подбитыми лафетами и зарядный ящик. Приблизительно в эту минуту был ранен полковник Баумгартен, который лично руководил ходом боя; рана не помешала доблестному командиру тобольцев оставаться в строю до конца боя.

Чтобы не дать неприятелю возможности вывести брошенные им орудия и чтобы поражать огнем с более близкой дистанции отступавшую турецкую кавалерию, Баумгартен двинул вперед охотников, поддержанных 11-й и 12-й ротами и конницей, для занятия

оврага. Глубокий ров помешал людям быстро выполнить данное им поручение. Тогда рядовой 12-й роты Никифор Дворник вскопал в ров и, образовав из себя живой мост, помог охотникам переправиться через ров. Овраг был нами захвачен, турецкие орудия, по невозможности их увезти, заклепаны, а лафеты изрублены.

Между тем противник возобновил свои атаки и с других сторон. Более часа обстреливал он наше сосредоточенное расположение огнем 14 орудий, поставленных у выхода из Четати и против нашего левого фланга, после чего вновь бросил в атаку свою пехоту. Три повторных удара против нашего правого фланга были отбиты огнем и контратаками тобольцев; попытки кавалерии против нашего левого фланга были также неудачны.

Было около 12 часов дня. Упорный и кровопролитный бой длился уже около четырех часов. Наши орудия расстреляли почти все снаряды, потеряли лошадей и почти всю прислугу; приходилось заряжать картечью, найденной в отбитых у неприятеля зарядных ящиках. Но турки не унимались, а ожидаемой Баумгартеном выручки ни от генерала Бельгарда, ни от графа Анрепа не появлялось.

Чтобы окончательно сломить тобольцев, турки решили повести последнюю атаку уже на фронт нашей позиции, т. е. со стороны самой деревни Четати. Эта фронтальная атака должна была быть поддержана атакой с обоих флангов. Все было готово для нанесения такого решительного удара отряду Баумгартена, и неизвестно, удалось ли бы храбрецам отразить его или пришлось бы заставить своей смертью неприятеля дорогой ценой купить победу, но в эту минуту турки неожиданно остановились и начали постепенно оттягивать свои войска назад⁴⁹. Остатки тобольцев были спасены... Вдали раздался гул орудийных выстрелов.

Одесский егерский полк после утомительного перехода в 300 верст из-под Бухареста и беспцельного движения по тревоге к Гунии и Четати 24 декабря, к вечеру, расположился на отдых в с. Моцацей⁵⁰. На другой день предполагался церковный парад по случаю дня Рождества Христова, но в 7 часов утра со стороны Четати была услышана все усиливающаяся канонада, а в девятом часу полк в составе отряда генерала Бельгарда спешил уже к Четати на помощь атакованным тобольцам. Нижние чины, доносил генерал Жигмонд, несмотря на утомление, выступили по тревоге на выручку своих товарищей сначала с молитвами и потом с песнями и с радостью, что в такой великий праздник, как 25 декабря, им удастся наконец сойтись с турками.

Генерал Бельгард, оставив в Моцацее ранцы и обоз под прикрытием двух рот Одесского полка, остальной свой отряд для движения разделил на две колонны. Меньшую, в составе шести рот

одессцев под начальством их командира полка генерала Жигмонда и двух орудий, он направил непосредственно на Четати на помощь Баумгартену, а с остальными войсками своего отряда силой в 2 бат., 2 эск., 1 сот. и 4 ор., пошел на с. Гуния, имея целью занять путь отступления турецкого отряда и добивать разбитого Баумгартеном неприятеля⁵¹. Но, получив донесение от высланной вперед кавалерии, что Гуния занята турками слабо и все силы их сосредоточены против тобольцев, Бельгард, не доходя Гунии, свернул на Фонтына-Банулуй и приказал генералу Жигмонду идти туда же для совместного с ним действия. Первоначальное движение генерала Бельгарда на Гунию привело к некоторому запозданию вступления в бой Моцацейского отряда, к разрозненности его действий и к невольной растянутости боевого порядка.

Почти бегом спешил Одесский полк, причем колонне Жигмонда частью пришлось следовать без дорог, по пахотному полю, и в одиннадцатом часу утра, оттеснив турецкие пикеты, одессцы подошли к Фонтына-Банулуй, восточнее которого, около шанцев⁵², турки спешно выстраивали боевой порядок.

В первый период боя против отряда Бельгарда действовало со стороны турок 5 батальонов, 10 орудий и 1 кавалерийский полк⁵³, но по мере развития боя на этом фронте на помощь к Ахмету-паше постепенно прибывали войска, дравшиеся с отрядом Баумгартена, против которого в конце концов было оставлено 4 батальона турецкой пехоты.

Неприятельская позиция была обращена фронтом к Моцаее. Впереди на возвышении за рвами с насыпью лежали развернутые батальоны, прикрытые густыми цепями стрелков; во второй линии находилась пехота в густых колоннах, имея на флангах кавалерию. На высотах правого фланга и впереди второй линии были поставлены батареи.

Отряд генерала Бельгарда развернулся для боя в следующем порядке: на правом фланге колонна генерала Жигмонда из 6 рот 3-го и 4-го батальонов и 2 орудий. Пехота — в ротных колоннах в две линии, имея в первой по две егерские роты и в резерве по карабинерной, а артиллерию в интервалах батальонов. На левом фланге под личным начальством Бельгарда стали также в ротных колоннах в первой линии 3 роты 1-го батальона, имея за собой во второй линии 3 роты 2-го батальона и в общем резерве 2 карабинерные роты. Артиллерия была расположена по два орудия между ротами первой линии. Вся конница почему-то стала на левом фланге, оставив правый фланг совершенно без наблюдения.

Связи между разделенными значительным пространством участками Жигмонда и Бельгарда не было никакой, и генерал Бельгард не принял никаких мер, чтобы руководить боем всего своего отряда.

Около полудня началась сильная орудийная канонада с обеих сторон, причем наши войска, построенные в колоннах и стоявшие открыто, несли несравненно более потерь, чем тонкие линии турок. Под этим огнем Одесский полк стройно двинулся вперед. Тогда турецкие батареи спустились по покатости ближе к передним рвам и открыли огонь картечью, поражая атакующих в фронты и с фланга.

Несмотря на это, пехота генерала Жигмонда под личным его начальством бросилась на турок в штыки, выбила их из первого рва, зашла во фланг и атаковала второй ров; но роты, потеряв раненым командира полка, убитым командира батальона и выбывшими из строя многих офицеров, были стремительно атакованы с фронта свежей турецкой пехотой и с фланга конницей. Этот новый удар, обрушившийся на 7-ю и 8-ю роты, был мужественно ими отбит, но без начальников, без резерва у рот не хватило уже силы продолжать движение вперед; они остановились и начали постепенно отходить на свой резерв, 3-ю карабинерную роту, которая при своем движении на поддержку передовых частей также была атакована неприятельской конницей и блестяще отбила ее.

В то же время 1-й и 2-й батальоны, имея генерала Бельгарда во главе, подготовили атаку артиллерийским огнем, двинулись на центр неприятельской позиции, преодолели картечный огонь и бросились в штыки. Одесцы, встреченные сильным огнем турецкого батальона, расположенного за рвом, и поражаемые во фланг артиллерией, потеряли убитыми обоих батальонных командиров и многих офицеров, приостановились и в свою очередь открыли по туркам сильный огонь. Фланговая атака неприятельской конницы, произведенная в это время против нашего левого фланга, была успешно отбита, после чего наша кавалерия атаковала батарею противника и заставила ее поспешно сняться с занимаемой позиции.

В резерве отряда не оставалось уже ни одного человека; довершить удар было нечем, держать людей в 200 шагах от позиции превосходящих сил противника было бесцельно, назревало решение отойти назад.

«Сознаюсь, — пишет об этой минуте генерал Бельгард⁵⁴, — что ужасная неизвестность о тоболяках делала меня во время сражения несправедливым к Одесскому полку. Я требовал невозможного — полк дошел до окопов Фонтана-Банулуй под самым сильным огнем более 20 неприятельских орудий. Я ожидал найти Баумгартена на позиции, где он был поставлен, но она была занята более чем 12-тысячным неприятелем. В Четати не слышно было ни одного выстрела; очевидно было, что Баумгартен отступил или уничтожен. Между тем я потерял более 300 убитыми и более того ранеными; большая часть штаб-офицеров были убиты, и много

Полковник А. К. Баумгартен

ротных командиров выбыло из строя. Видно было, что неприятель, не зная моих сил, страшился за тыл свой. С малыми силами мне невозможно было ему преградить отступление. Тут я получил донесение Баумгартена, что он отступил в Четати и отбил от неприятеля⁵⁵. Тогда, счастливый блестящим результатом, я в состоянии был признать, что войска исполнили свое дело как войска русские.

Не имея достаточных сил преследовать бегущего неприятеля, я перестроил свои войска из рогных колонн в колонны к атаке и остановился в ожи-

дании подкреплений из отряда, находившегося в селении Быйлешти, куда послана была записка при выступлении моем из Моцацей».

Но неприятель в то время еще не думал бежать...

Из приведенных слов генерала Бельгарда, написанных им почти через два месяца после боя, чувствуется, что он сам не был вполне удовлетворен достигнутыми им результатами, несмотря на молодецкие действия войск. Чувствовалось это и другими, как то свидетельствует многочисленная переписка по четатинскому делу. Самого Бельгарда, как и прочих начальствовавших в этом бою лиц, нельзя упрекнуть в отсутствии безумной храбрости — одиннадцать пуль в его шинели лучшее тому доказательство.

Бельгард вывел свой отряд из сферы турецкого огня. Видя это движение, часть турецкой пехоты бросилась из-за рвов вперед, но первый батальон, повернув кругом, ударил в штыки и отбросил ее с большим уроном. Неприятель, получив сведение о движении отряда графа Анрепа от Быйлешти к Мадловите, прекратил свое преследование и начал быстро отступать на Голенцы-Команы и Гунию.

Нам остается изложить участие в четатинской операции основной части Мало-Валахского отряда, которая, согласно ранее намеченной диспозиции, должна была действовать совместно с отрядами Баумгартена и Бельгарда в случае наступления турок из Калафата. Надо сознаться, что это ядро войск, предназначенных действовать в Малой Валахии и находившихся под непосредственным начальством графа Анрепа, сыграло в день 25 декабря какую-то непонятную будничную роль.

Напомним, что в Быйлеште стояло 3 $\frac{1}{2}$ бат., 2 эск., 2 сот. и 20 ор., имея в 10 верстах за собой в Черое 10 эскадронов кавалерии. Само расположение ядра отряда не в центре, а на оконечности длинной, растянутой линии от Быйлешти до Четати, по которой граф Анреп разбросал свои войска и которой, видимо, он придавал особое значение, является мало понятным; более подходящим местом ему было бы Моцацей, имеющий также прямой путь отступления к Крайову, как и Быйлешти. Держание 10 эскадронов кавалерии при столь опасной разброске войск вблизи неприятеля спрятанными в 10 верстах за пехотой — еще менее понятно. Смело можно предположить, что, расположив главные силы своего отряда таким порядком, граф Анреп более заботился об обеспечении своего пути отступления на Крайово и Бухарест, чем об активных действиях против зарвавшихся турок. Один из участников этой войны П. К. Меньков в своей злой, но меткой характеристике действующих лиц кампании на Дунае подтверждает это предположение⁵⁶.

25 декабря в 8 часов утра в Быйлеште явственно были слышны пушечные выстрелы со стороны Четати, но, имея в руках 14 эскадронов и сотен кавалерии, граф Анреп не поинтересовался узнать, в чем дело, и хотя бы конницу выслать на помощь атакованным... Граф Анреп принимал церковный парад... Тем временем канонада разгоралась, войска роптали, что не идут на помощь своим, начальник штаба отряда князь Васильчиков настойчиво убеждал в необходимости идти на выстрелы, навстречу неприятелю, на выручку своих — граф Анреп со стойкостью, достойной удивления, выслушивал длинное рождественское богослужение.

Только в полдень, когда от генерала Бельгарда пришло донесение, что под Четати идет сильный бой, и вполне определилось, что от Калафата турки не наступают на Быйлешти, отряд начал собираться в поход. Но граф Анреп не торопился: еще два часа пехота простояла, поджидая подхода из Черои конницы.

Дойдя до с. Скрипетул, отряд остановился и молча созерцал, как турки нестройными толпами пробирались через Мадловиту к Калафату.

Наконец-то судьба давала нам в руки редкий блестящий случай эффектным ударом закончить несчастный год в нашу пользу, поднять упавший дух наших войск, умерить враждебный тон наших западных доброжелателей... До последнего рядового, как пишут современники, каждый чувствовал необходимость быстро двинуться к Мадловите и отрезать турок от Калафата, но к громким возгласам из строя оставался глухим граф Анреп... Он приказал отряду вернуться в Быйлешти, а генералу Бельгарду в Четати на присоединение к Баумгартену.

Отхлынули турки, вздохнули тобольцы и пошли из рокового Четати на соединение с одессцами. Дневник Баумгартена рисует

тяжелое положение геройского отряда при этом движении. На руках масса раненых, подвод почти нет, многих приходилось оставлять в Четати под опасением, что турки придут обратно и вырежут... В артиллерии ни одного снаряда, везти орудия не на чем, ибо почти все лошади перебиты. Растревоженные нервы при полном отсутствии точных сведений о намерениях турок порождали частые проявления какого-то панического страха. То там, то здесь поднимается ложная тревога...

Генерал Бельгард получил приказание графа Анрепа вновь идти на соединение с Баумгартеном в Четати лишь в полночь, когда тобольцы ушли уже оттуда, и оба отряда соединились у Добридора, откуда перешли в Моцацей. «Люди были так измучены, — доносил по этому поводу генерал Бельгард⁵⁷, — что и думать нельзя было двинуть их в Четати в эту ночь. Притом потеря, которую они понесли, и то, что многие роты лишились своих начальников, не могло не поколебать их стойкости».

В свою очередь турки, оставив в Мадловите и окрестных деревнях 3 батальона, одну легкую батарею и 3 полка кавалерии, благополучно ушли с остальными войсками в Калафат⁵⁸.

На Дунае после безрезультатного кровопролитного боя в с. Четати наступило вновь временное затишье. А между тем нам этот бой стоил очень дорого. Отряды Баумгартена и Бельгарда понесли огромные для того времени потери. Всего вышло из строя убитыми 22 офицера и 813 нижних чинов и ранеными 1 генерал, 32 офицера и 1161 нижний чин. Таким образом, общая потеря составляла 55 офицеров и 1874 нижних чина, что на отряд в четыре с небольшим тысячи человек составляет около 50%. Наибольшей своей тяжестью потери легли, как и следовало ожидать, на отряд полковника Баумгартена, лишившегося более трех четвертей своего личного состава и почти всего своего имущества.

По донесению князя Горчакова потери турок доходили до 3000 человек и 6 орудий; Ахмет-паша исчисляет свои потери приблизительно в 1000 человек. Хотя эта цифра и уменьшена значительно, но ввиду полного отсутствия с нашей стороны преследования и самого характера боя можно предполагать, что она не достигала и указанной в донесении князя Горчакова цифры.

Четатинское дело, самое кровопролитное на европейском театре войны в 1853 году, было для нас, как сказано выше, безрезультатным. Действительно, расстроив два полка, выведя из строя более 2 тысяч человек, мы получили только нравственные трофеи в виде взятых шести неприятельских орудий и нового свидетельства доблести и мужества русских войск.

Сражение при Четати

Со своей стороны, мы идем дальше и считаем, что дело это принесло нам отрицательные результаты. Бесцельное пролитие крови и такое напряжение нервов войск, как это было при Четати, всегда влечет за собой неудовлетворенность и упадок духа; войска в общей своей массе инстинктивно чувствуют необходимость больших жертв и сильных потрясений и бесполезность их; этого последнего они не прощают своим руководителям, лишая их необходимого на войне доверия⁵⁹. С другой стороны, наступательные действия турок и беспрепятственный отход их к Калафату давали полную возможность Ахмету-паше писать хвастливые рапорты, которые, при услугах враждебной нам прессы, быстро распространялись по всей Европе и давали возможность нашим явным и тайным врагам поднять голову и трактовать дело у Четати, как нашу неудачу⁶⁰, доказывающую превосходство турецких войск над русскими⁶¹.

Впрочем, французский военный министр высказал в своей резолюции на донесении из Константинополя о деле при Четати более беспристрастное о нем суждение: «Четатинское дело, — пометил генерал Вальян⁶², — есть не что иное, как результат своего рода рекогносцировки впереди Калафата с наступательной целью, произведенной со стороны турок. Оно не имело никакого стратегического значения относительно общей цели операции, но оно восстановило очень интересный факт, который всегда оспаривается, что турки дрались в чистом поле и даже в трудной обстановке, и что они дрались с достаточной методичностью и энергией, чтобы принудить к отступлению противника, более сильного и считавшегося более подготовленным, чем они».

Описанное сражение являлось прямым последствием нерешительности князя Горчакова относительно действий у Калафата,

вызвавшей двойственность распоряжений, преследование разнообразных целей и, как результат всего этого, путаницу в мыслях частных начальников, определенно не знавших, что от них требуют и как им поступать.

В постоянном колебании относительно того, атаковать или не атаковать Калафат, выказался весь характер князя Горчакова, не имевшего случая во время всей своей продолжительной службы действовать самостоятельно и совершенно неспособного поэтому на склоне лет к проявлению такой необходимой для военачальника деятельности. Сравнивая записи дневников того времени и переписку начальствующих лиц, можно прийти, однако, к заключению, что желание активно действовать против Калафата у князя Горчакова постепенно все более и более сменялось, в особенности под впечатлением ольтеницкой неудачи, определенным намерением не атаковать Калафат, хотя по свойству своего характера он долго не имел сил сознаться в этом откровенно. Его начальник штаба генерал Коцебу был более определенного мнения и признавал, как и большинство в армии, необходимость для дальнейших операций прикрыть наш правый фланг оттеснением турок у Видина на противоположный берег Дуная. Эта борьба мнений также не могла остаться без влияния на решительность командовавшего войсками на Дунае. Однако в двадцатых числах декабря, накануне кровопролитного четатинского дела, князь Горчаков, по видимому, решительно утвердился в убеждении не начинать рискованных предприятий против Калафат. «Горчаков нерешителен относительно Калафата», — занес генерал Коцебу в свой дневник 20 декабря. «Князь Горчаков объявил мне, — записал он 24-го числа, — что он не желает атаковать Калафата. Все мои доводы он опроверг указаниями на печальные последствия, которые могла бы иметь неудача атаки»⁶³. «Я не предполагаю, — писал князь Горчаков князю Меншикову в Севастополь⁶⁴, — атаковать турок в их Калафатском убежище. Они укреплены до зубов, и их укрепления вооружены более чем 50 орудиями, из которых половина крепостных, взятых из Видина. Мне кажется, что с моей стороны будет несообразность атаковать неприятеля в том единственном пункте, где все шансы на его стороне. Если он останется за укреплениями, то он нам не сделает никакого вреда, если же он выйдет оттуда, то самый глупый из моих генералов (а в таких я недостатка не имею) разобьет их наголову». Бедный князь Михаил Дмитриевич еще не знал о приготовленном ему графом Андреем сюрпризе.

В этом князю Горчакову удалось убедить и государя, который, отвечая на письмо его от 21 декабря, выражал согласие не рисковать атакой Калафата, прибавляя, впрочем, «до поры до времени»⁶⁵. Однако императору Николаю князь Горчаков не высказывал свои мысли по этому предмету в такой определенной форме,

как князю Меншикову. «Между 10 и 15 января, — всеподданнейше доносил князь Михаил Дмитриевич⁶⁶ накануне получения им известия о четатинском деле, — я полагаю подойти к Калафату, дабы решить, что предпринять. По всем известиям, турки готовятся к отпору, имея более 50 орудий в укреплениях, но есть слухи, что между пашами раздор, и я не теряю надежды, что, может быть, турки уберутся за реку, когда увидят, что им угрожают большие силы».

Растерянность, нерешительность главных руководителей боевых действий, неимение с их стороны строго определенной цели, а следовательно, и неуказание таковой подчиненным, оказывают существенное, хотя, может быть, и трудно объяснимое влияние на этих последних. Выражаясь вульгарно, они, желая соответствовать противоположным указаниям, сразу хотят сесть на два стула и, вполне естественно, оказываются между ними, т. е. на полу. Не зная определенно, что, собственно, хочет от них высшее начальство, не видя перед собой ясно поставленной цели, замученные сбивчивыми приказами частные начальники, а за ними и войска опускают руки и халатно относятся к своему делу. Не с целью уменьшить ответственность ближайших исполнителей подчеркиваем мы эту мысль, а с целью оттенить факт несомненно существующей нервной связи между характером старшего начальника и работой войск во всех ее мелких проявлениях.

Отметим еще одну отрицательную черту таких двойственных нерешительных распоряжений, которые, между прочим, присущи были в больших размерах князю Горчакову. Они умаляют ответственность исполнителей, дают большой простор оправданиям и сваливаниям своей вины на старших, парализуют желание и необходимость напрячь все силы к лучшему выполнению ясно поставленной определенной цели. Вяло отданное приказание бить врага, приправленное обширными указаниями на осторожность, и опасение быть разбитым и отрезанным в огромном большинстве случаев повлекли бы за собой внутреннее желание оградить себя от последнего, хотя для вида и могли быть приняты меры для выполнения активной половины задачи. И это в особенности в тех армиях, в которых воля и самостоятельность частных начальников подавлены долгими годами мирного обучения⁶⁷.

Главным виновником безрезультатности четатинского боя современники и история признают начальника Мало-Валахского отряда генерал-адъютанта графа Анреп-Эльмпта. Он таковым и был, но и не без некоторого нравственного влияния и князя Горчакова ввиду его двойственных и неопределенных инструкций.

Изложенное в своем месте расположение Мало-Валахского отряда накануне боя настолько оригинально, что было бы неосторожно приписать его только бездарности графа Анрепа, тем более что

начальником штаба при нем состоял отличившийся недюжинными военными способностями князь Виктор Илларионович Васильчиков. Мы имеем очень мало данных судить о личности графа Анрепа. Это был второстепенный деятель, имя которого, вероятно, никогда не попало бы на страницы истории, если бы не неудачное для него четатинское дело.

В начале кампании он лихо командовал авангардом и при движении армии к Бухаресту быстро занял берег Дуная. Князь Михаил Дмитриевич лишь одного его считал способным руководить сложными действиями Мало-Валахского отряда и, выжидая прибытия к этому отряду следующего по способностям за Анрепом, по мнению князя Горчакова, генерала Липранди, готовил графа Анрепа на более важный и ответственный пост. Даже Меньков в своей злой характеристике Анрепа не отрицает, что он обладал «недоученными понятиями о военном искусстве. Стратегия, база, наука войны — вот слова, которые беспрерывно вертелись на языке Анрепа»⁶⁸.

Из всего этого можно заключить, что Анреп не отличался, может быть, военными талантами, но он не был, безусловно, и невеждой в ратном деле. Поэтому причину несоответственного распределения им войск отряда накануне четатинского дела и поведения его в сам день боя следует искать скорее в том нравственном гнет, который должны были произвести на него инструкции князя Горчакова, ставившие ему разнородные цели. А так как самой опасной из всех этих целей в смысле личной ответственности начальника было избежать отдельного поражения и не быть отброшенным от пути на Бухарест, то весьма понятно, что эта забота и была доминирующей в его голове как при расположении отряда, так и в необъяснимой медлительности наступления 25 декабря на Мадловиту. «Если бы Анреп, — писал князь Горчаков военному министру⁶⁹, — мог прибыть вовремя из Быйлешти со своим пехотным резервом и кавалерией, чтобы ударить на неприятеля при его отступлении, то результаты боя были бы еще лучше».

Удивленный такими действиями Анрепа, князь Горчаков писал через несколько дней⁷⁰: «Он не позже чем накануне сам мне писал, что если неприятель атакует Четати, то он двинется на его фланг прямо из Быйлешти на Мадловиту; предположение исполняется, но, вместо того чтобы делать то, что он сам себе наметил, Анреп теряет время в Быйлешти, не доходит далее Скрипетула и возвращается, даже не выдавши неприятеля». Полагаем, что все это может быть объяснено, но ничуть не оправдано вышеприведенной точкой зрения.

Нельзя не отметить и целого ряда мелких упущений в деле 25 декабря. Мы показали полное неумение использовать нашу многочисленную конницу в разведывательных целях и неподготовку этой

последней к такого рода работе; иначе трудно было бы при многочисленности нашей кавалерии и при близком соприкосновении с неприятелем не заметить сосредоточения больших сил турок в Мадловите и даже подход их к Четати. Генерал Бельгард в своем движении на помощь Баумгартену также, имея достаточно кавалерии, сначала взял с большей частью своего отряда неправильное направление, благодаря чему удлинил время неравного боя тобольцев с наседавшими на них турками. Сам бой Бельгард вел с должной энергией, но удар наносил по частям, ведя фронтальную атаку сильной неприятельской позиции и не имея почти ничего в резерве, что заставило его после первого сильного удара не только перейти к обороне, но и пережить несколько критических минут.

Что касается героев дня — полковника Баумгартена и Тобольского полка, то, кроме небрежного несения охранительной службы, все действия их представляют высокий образец доблестного поведения отряда, решившегося умереть, но не сдаваться и продать свою жизнь возможно дороже. Дело полковника Баумгартена и поныне служит лучшим образцом обороны населенного пункта, могущим служить примером для такого рода операций. «Генерал-майор Бельгард и полковник Баумгартен, — доносил князь Горчаков⁷¹, — показали себя отличными боевыми офицерами». Император Николай Павлович отметил их мужество редкой наградой — орденом Св. Георгия 3-й степени.

Весть о блестящем подвиге тобольцев под Четати наполнила чувством гордости сердца государя, армии и всей России, но одновременно с этим после первых известий начало проявляться чувство неудовлетворенности за бесцельные большие потери и за упущенный случай нанести туркам серьезное поражение, чтобы сильным ударом загладить мелкие, но досадные в начале кампании неудачи осеннего периода. Как ни старался князь Горчаков маскировать в своих донесениях истину, но она не ускользнула от зоркого глаза царя, и мы не ошибемся в своем предположении, что четатинское дело было последней каплей, решившей в мыслях государя замену Горчакова на Дунае князем Паскевичем.

Первое донесение о бое в главной квартире было получено через Ланского поздно вечером 29-го числа. «Войска дрались весьма храбро, — записал Коцебу в своем дневнике⁷². — Исход мог бы быть блестящий, если бы Анреп не сделал громадной ошибки». «Анреп сделал большую ошибку, — повторяет он на другой день. — Турки были бы в его руках, если бы он пошел прямо на Мадловиту. Несчастливо. Князь Горчаков вне себя».

Во всеподданнейшем своем донесении об этом деле, написанном в тот же день⁷³, князь Михаил Дмитриевич не высказал, однако, государю истинных чувств, волновавших его при известии

*Живой мост в сражении
при Четати*

будущие действия при Калафате... Жаль только, что успех этот нам стоил столь дорого... Вероятно, причиной наступления турок 25-го числа были настаивания иностранцев, в большом числе в Калафат приехавших».

Почти в таких же радостных выражениях писал князь Горчаков и военному министру⁷⁴, но уже с намеком на досадное опоздание графа Анрепа, которое он, впрочем, оправдывал необходимостью держать войска ввиду холодного времени разбросанными. «C'est là mon plus grand souci», — с грустью заканчивал он свое письмо.

Судя по пометке государя «Очень хорошо», первое впечатление от чтения этих документов было вполне благоприятное, но приложенная к письмам реляция, по своей неясности, дала почувствовать в Петербурге, что в деле 25 декабря есть что-то недоговоренное. «Дело было кровопролитное, — совершенно секретно сообщал военный министр князю Меншикову⁷⁵, — но, по моему мнению, с ничтожным результатом».

Зоркому взгляду императора Николая смутная реляция Горчакова полнее, чем его министру, раскрыла безрезультатность четатинского дела и произвела на него самое грустное, тяжелое впечатление. Государь, по горло обремененный делами, все-таки нашел время собственноручным письмом поделиться своими мыслями с командующим войсками на Дунае. Этот замечательный документ так полно рисует светлую личность Николая Павловича, его доброе, отеческое сердце и дает в кратких чертах такой полный разбор дела при Четати, что мы приведем в подлиннике часть письма, относящуюся к событиям 25 декабря⁷⁶.

о событии 25 декабря. «Я получил сегодня, — писал он, — донесение графа Анрепа о славном деле при селении Четати... Турки, ободренные большим превосходством своим, дрались весьма упорно. Это видно из весьма значительного урона наших войск... Последствия оного будут весьма выгодны не только тем, что прекратятся поиски турок во внутренность края для возмущения жителей, начинавшего уже делаться опасным, но в особенности влиянием, которое будет эта острастка иметь на

«Известие о геройском поведении войск наших в деле под Четати, — писал государь 7 января, — меня не удивило, но тем более с сердечным сокрушением узнал я об огромной потере их, ничуть не соразмерной с предметом, а еще менее мне понятной, как план действий. Реляция писана так неясно, так противоречиво, так неполно, что я ничего понять не могу. Я уже обращал твое внимание на эти донесения, писанные столь небрежно и дурно, что выходят из всякой меры. В последний раз требую, чтоб в рапортах ко мне писана была *одна правда*⁷⁷, как есть, без романов и пропусков, вводящих меня в совершенное недоумение о происшедшем.

Здесь, например: 1) зачем войска были растянуты так, что в Четати стоял Баумгартен с 3 батальонами, в Моцаее Бельгард с 4, а Анреп в Быйлеште, на окончном левом фланге с главным резервом? 2) Зачем по первому сведению о движении турок Анреп не пошел им прямо в тыл, что, кажется, просто было, и отчего бы, вероятно, из них никто бы не воротился в Калафат? 3) Отчего Анреп с 15 эскадронами и конной батареей опоздал и не преследовал бегущих турок? Все это мне объясни, ибо ничего этого из реляций понять не можно.

Ежели так будем тратить войска, то убьем их дух, и никаких резервов не достанет на их пополнение. Тратить надо на решительный удар; где же он тут??? Потерять 2000 человек лучших войск и офицеров, чтобы взять 6 орудий и дать туркам спокойно возвратиться в свое гнездо, тогда как надо было радоваться давно желанному случаю, что они, как дураки, вышли в поле, и не дать уже ни одной душе воротиться; это просто задача, которой угадать не могу, но душевно огорчен, видя подобные распоряжения.

Итак, спешу мне это все разъяснить и прими меры, чтобы впредь бесплодной траты людей не было; это грешно, и, вместо того, чтобы приблизить к нашей цели, отдаляет от оной... Спешу представить к награде отличившихся и не забудь об убитых и раненых; пришли их списки.

Нетерпеливо ожидаю, что ты решишь под Калафатом, и надеюсь, что не вдашься в ошибку лбом брать укрепления, в которых притом удержаться нельзя будет за огнем с противного берега...»

Далее государь говорит о необходимости скорейшей переправы через Дунай, что будет изложено в своем месте, и затем так кончает свое письмо. «Сим кончаю, — пишет он. — Дай Бог, чтобы все шло согласно моим желаниям, без бесплодной траты людей, действуя сильно, решительно, не дробясь и тем приобретая превосходство над врагами без усилий, которые, кроме славы, не приносят никакой пользы... Теперь Бог с тобой. Поклонись всем; молодцов от меня поблагодари. Как мне их жаль! Поверить не можешь! Глупых распоряжений, ради Бога, не допускай и с *дураков*⁷⁸,

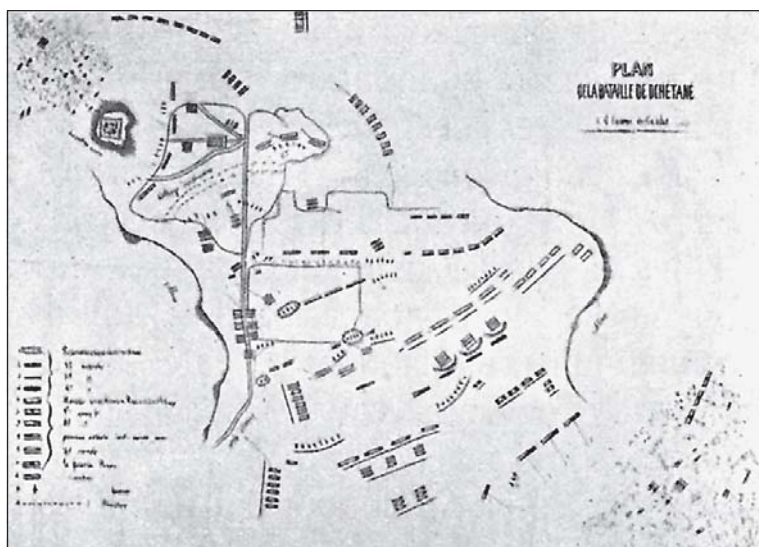
ежели были, примерно взыщи. Я таких в армии знать не хочу; пора их вон, кто бы ни были. Не пощажу, ей-ей не пощажу!»

Но правдивый князь Михаил Дмитриевич еще раньше, чем вышеприведенные строки письма государя увидели свет, в ряде писем к военному министру старался исправить свое первоначальное донесение и понемногу проливал истинный свет на четатинское дело. Приписывая вину злему року и графу Анрепу, князь Горчаков признавался, что этот бой дал нам лишь бесполезную славу взятия нескольких орудий, тогда как мы могли достигнуть блестящих результатов, и заканчивает патетическим сожалением, что на все милости государя он мог ответить лишь донесением о ничтожном и дорого оплаченном успехе вместо донесения о победе, которая со славой окончила бы кампанию⁷⁹. «Вот доказательство, что я предвидел справедливо», — начертал государь на этом письме, испестрив его своими пометками.

Через несколько дней князь Горчаков⁸⁰, прибыв лично к Мало-Валахскому отряду, даже старался оправдать виновного графа Анрепа в том, что он не атаковал Мадловиты, которая была окружена рвами, наподобие всех валахских деревень, и этим избежал потери по крайней мере в 1000 человек; между тем как одно движение его из Быйлешти дало, по мнению командовавшего войсками, необходимый результат, принудив турок к отступлению.

Однако, получив изложенное выше письмо государя от 7 января, князь Горчаков отказался от своего мнения в невозможности для графа Анрепа атаковать Мадловиту. В обширной записке, приложенной ко всеподданнейшему письму от 21 января⁸¹, он ставил в вину начальнику Мало-Валахского отряда следующие погрешности: 1) в выделении Баумгартена к Четати, вместо того чтобы держать отряд сосредоточенным в двух пунктах — Быйлешти и Моцаее; 2) в бездействии кавалерии, когда были услышаны выстрелы со стороны Четати, и в замедлении своего выступления с пехотой из Быйлешти до подхода туда кавалерии, и, наконец, 3) в остановке у с. Скрипетул, вместо того чтобы атаковать отступавшего в беспорядке через Мадловиту неприятеля. Упомянув и этот раз о рве, окружавшем названное селение, и об опасении поэтому со стороны графа Анрепа его атаковать, князь Михаил Дмитриевич не находил уже такого оправдания основательным и полагал подобную атаку вполне возможной и при существовавшей обстановке незатруднительной, а наступление, «по всем вероятностям, увенчало бы бой самым блистательным успехом»⁸².

«Подробности дела под Четати читал я с величайшим любопытством, — ответил на это государь Николай Павлович⁸³. — Это меня утвердило в моем прежнем мнении. Нахожу, что Анреп оплошал непростительно; авось загладит в будущем, но подобные случаи к поражению нечасто представляются».

Турецкий план сражения при Четати

Ноябрьские победы на Кавказе и Черном море сильно подняли дух русского общества и воскресили в нем надежду на успешное окончание Россией ее исторической задачи на Ближнем Востоке. «Если увидите митрополита Филарета, — писала графиня Блудова Погодину 25 ноября 1853 года⁸⁴, — просите его от меня молиться за государя в это критическое время и поручить в Лавре, у раки Св. Сергия, молиться и о нем, и о страждущих народах соплеменных, чающих избавления, как некогда ждала его Россия — и готовящихся на борьбу такую же, как Россия во время св. Сергия». Но недомолвки на берегах Дуная несколько охлаждали это настроение и вызвали даже саркастическое пожелание архиепископа Таврического Иннокентия послать подобных Нахимову на Дунай, «который что-то крайне обмелел»⁸⁵.

В свою очередь Шевырев в день Рождества Христова писал Погодину: «Государь весел. Победы его развеселили. Война и война — нет слова на мир. Ото всей России войне сочувствие. Флигель-адъютанты доносят, что таких дивных и единодушных наборов еще никогда не бывало. Крестовый поход. Государь сам выразился, что ему присылают Аполлонов Бельведерских на войну: в течение двадцати девяти лет он ничего подобного не видывал... Никогда еще мнения в Петербурге так резко не высказывались, как теперь. Русского тотчас отличишь от западника. Жертвовать все готовы. Есть движения, напоминающие двенадцатый год...»

Но полученное вскоре известие о четатинском деле изменило настроение. «Дело Анрепа под Калафатом, — записал граф Граббе, — навело грусть на Двор и общество... Распоряжения очевидно нелепы...» Русское общество чувствовало, как все это должно было подействовать на государя, и душой скорбело о нем. «Говорят, — писал 29 января 1854 года Шевырев Погодину, — что государь был нездоров. Молится он по ночам перед сном долго на коленях, и его нашли уснувшего так во время молитвы. Услыши ее, Господи!»... «Вы знаете, — сообщал через несколько дней Хомяков Попову, — что я не сентиментален, но мне его жаль. Я бы рад был сказать слово, как умею, не для Руси только, а и для него. Но где доступ слову? Двадцать лет душили мысль. В важную минуту наткнулись на бессмыслие, и мне чувствуется страшная беспомощность, скрываемая под плохой личиной спокойствия и надежды. Что-то Бог даст? А время великое!»...⁸⁶

И вся польза от славного дела при Четати заключалась лишь в новых геройских лаврах на доблестных знаменах Тобольского и Одесского полков, составивших себе громкое имя в армии и во всей России. Об этом, между прочим, свидетельствует и доныне стоящий скромный крест на площади с. Соловьевки Радомысльского уезда, который был сооружен в 1855 году крестьянином Прокопием Лукичом Савченко «в память храбрецам тобольцам и одессцам, павшим на Четатинском поле 25 декабря 1853 года»⁸⁷.

Описанными событиями окончились наши действия на Дунае в 1853 году. Бросая общий взгляд на происшедшее на главном театре военных действий, мы должны отметить отрицательный для нас результат истекшего периода и ухудшение нашего положения.

«Quant aux Principautés, — писал военный министр князю Меншикову, — les troupes y ont combattu avec une bravoure héroïque; mais quel en a été le résultat. J'en ai le coeur navré, et je m'attends encore à des mécomptes. Vous trouverez sous ce pli un bulletin sur l'affaire du 25 près de Kalafat; il a fallu des efforts pour le rendre un peu comprehensible, car, d'après le journal, on y conçoit rien»⁸⁸.

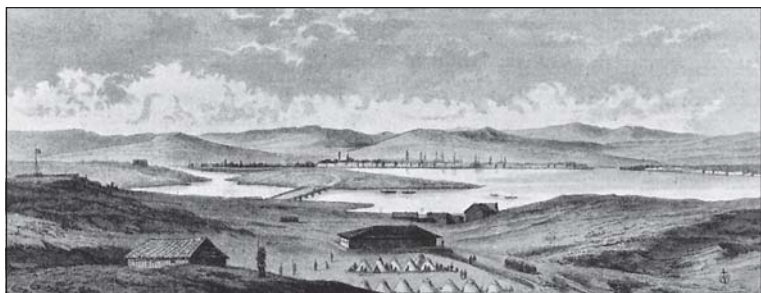
Та фальшивая искусственная обстановка, в которую была поставлена Дунайская армия политическими соображениями и обязательствами Петербургского кабинета, совместно с противными военному взгляду и духу императора Николая целями, поставленными нашим войскам, на Дунае расположенным, являются главными причинами неудачных действий князя Горчакова. С другой стороны, этой искусственной обстановкой отлично воспользовался в своих выгодах талантливый турецкий главнокомандующий Омер-паша.

Невозможно было предполагать, чтобы сосредоточение на неприязнительской территории грозной стотысячной армии в виде гарантии в исполнении Турцией принятых на себя обязательств не повлекло бы за собой кровавых столкновений. Преграда, отделявшая обе враждующие армии, Дунай, могла послужить к уменьшению опасности близкого соседства лишь при искреннем желании обеих сторон мирно уладить существовавшие недоразумения. Но таковое желание было только со стороны императора Николая; Турция же, чувствуя за собой нравственные симпатии всей Западной Европы и материальную поддержку морских держав, была настроена далеко не так миролюбиво.

Поставленная при подобных условиях Петербургским кабинетом задача армии князя Горчакова — не переходить Дунай, а отбивать лишь посягательства турок на наш берег — была крайне неблагоприятна. Она давала противнику возможность под прикрытием Дуная, как за китайской стеной, не только спокойно подготавливаться к будущей кампании, но и наносить нам, не опасаясь последствий рискованных предприятий, хоть и мелкие, но досадные в начале кампании удары на широком фронте княжеств, занятых русскими войсками. Дунай служил крайне выгодной для турок преградой не только военной, но и политической. В первый период войны, когда подчинение своей воле воле противника имеет такое первенствующее значение, мы не только добровольно уступили этот могущественный фактор в руки противника, но и постарались создать ему очень благоприятную обстановку. Принужденные только отбивать наносимые удары, мы невольно растянулись на огромном протяжении Дуная, томили и дергали войска и, имея стотысячную армию в руках, всюду были слабы и всюду опаздывали.

Известный стратег той эпохи генерал Жomini, живший во время кампании уже на покое в Брюсселе, в своей интересной записке военному министру о плане войны пишет между прочим⁸⁹: «Я уже сообщал князю Варшавскому и Горчакову мое мнение о той опасности, которую представляет линия Дуная в отношении оборонительных действий, в особенности если их растянуть до Видина. Ясно, что удачное серьезное наступление против нашего левого фланга повлечет ввиду географического положения фронта операций большую опасность правому флангу, так как этот фронт, вместо того чтобы быть параллельным базе, перпендикулярен к линии Прута, которая ее составляет».

Нельзя сказать, чтобы такие мелкие уколы самолюбию благотворно действовали на дух привыкшей до сего времени к победам славной русской армии. Ей непривычна, непонятна была война с турками, взявшими на себя почин наступательных действий.

Вид Калафатского укрепленного лагеря

Как следствие такой обстановки, должны были явиться пагубное недоверие к руководителям военными операциями, уныние и какое-то равнодушие в исполнении святого дела войны.

Надо было быть полководцем, отмеченным особым дарованием и характером, чтобы с честью выйти из того положения, в которое был поставлен князь Горчаков созданной политической обстановкой. К сожалению, ни требуемого характера, ни отмеченных особым даром свыше талантов князь Михаил Дмитриевич не проявил. Он лишь принадлежал к типу тех, по словам Наполеона, хороших генералов, которые сразу видят много хороших вещей и потому размениваются по мелочам, не имея силы воли направить всю энергию к достижению одной очередной и в данную минуту наиболее важной цели. Если мы прибавим сюда какую-то безотчетную боязнь со стороны командовавшего войсками на Дунае предоставить в своих планах необходимый процент на долю риска, ожидание со стороны неприятеля крупных ошибок, наконец, целый ряд вольных и невольных погрешностей со стороны как самого князя Горчакова, так и его сотрудников, то причины бесцветной кампании на Дунае в 1853 году будут ясны.

План, которым решил руководствоваться турецкий главнокомандующий, был изложен в первом томе настоящего труда. Омерпаша с замечательным искусством воспользовался всеми невыгодными сторонами нашего положения, исполняя заблаговременно составленный и строго обдуманый западными руководителями Оттоманской Порты план борьбы с Россией, который как возможная политическая комбинация уже несколько лет нарождался в мечтательной голове честолюбивого Людовика-Наполеона.

Сколько умения, сколько политического таланта и счастливо-го случая надо иметь, чтобы составить себе благоприятную обстановку для спокойной подготовки страны, армии и политических сочетаний к началу кровопролитной войны с сильным врагом. На это иногда идут годы усиленной систематичной работы,

которая и при таких условиях не всегда достигает блестящих результатов, подобных тем, в которых находилась Оттоманская Порта осенью 1853 года, преимущественно благодаря политическим соображениям Петербургского кабинета.

Расслабленная, не готовая к борьбе Турция всецело находилась ко времени разрыва переговоров князя Меншикова в Константинополе под ударами занесенного над ней русского меча. И если бы даже энергичные действия нашей армии и флота, как это первоначально предполагал император Николай, и вызвали вооруженное вмешательство западных держав, то оно было бы скороспелое, без надлежащей подготовки и при непрочно установившемся еще соглашении между новыми союзниками. Смело можно предполагать, что при таких условиях на нашей стороне было бы больше шансов на успех борьбы даже с европейской коалицией, чем это случилось год спустя.

Но принятая русским правительством полуполитическая, полувойенная мера занять княжества и решение не переходить до окончания затянувшихся переговоров Дунай создали для наших врагов на редкость благоприятную обстановку, которой они очень умело воспользовались.

Затягивание переговоров с пристрастным освещением их подкупленной прессой дало время образоваться против нас плотно сложившейся коалиции и враждебно настроить общественное мнение Западной Европы. Турки, совершенно обеспеченные со стороны Дуная, спокойно готовили в течение многих месяцев нашего сидения в княжествах театр предстоящих военных действий, мобилизовывали и сосредоточивали свою армию. И наконец, Омер-паша, зная, что мы добровольно решили не переходить Дунай, мог свободно перебрасывать свои войска с одного пункта на другой, переправляться через реку и безбоязненно атаковать нас превосходящими силами в княжествах, в одном из пунктов нашего растянутого расположения. И надо сознаться, что турецкий главнокомандующий очень удачно пользовался своим выгодным положением: он взял в свои руки инициативу, подчинил все действия и помыслы князя Горчакова своей воле, давал хороший боевой опыт молодым турецким войскам, отучая их в то же время от мысли о непобедимости русских, и давал пищу западноевропейской прессе кричать о нашей неудаче и доблести оттоманской армии.

«С той минуты, — пишет один из иностранных историков Крымской кампании⁹⁰, — как Омер-паша занял Калафат, — император Николай перестал спокойно занимать территорию, которую он пожелал назвать своей “материальной гарантией”». Его тщеславие было задето. Возмущенный мыслью, что возможность владеть этим залогом у него была оспариваема турецким военачальником, он начал исчерпывать свои средства в попытке сосредоточить

войска на западном фланге своей растянутой линии. Этой ошибки так желал Омер-паша. К концу года Горчакову удалось сосредоточить в Малой Валахии многочисленный корпус войск, и в первых числах января (нового стиля) укрепления Калафата были атакованы генералом Анрепом. Бой продолжался четыре дня и кончился отступлением русских. Если мы отдадим себе отчет о громадном расстоянии, отделявшем Калафат от ядра русской армии, то можем заключить, что эта бессильная попытка русского тщеславия должна была принести большой ущерб военному могуществу царя.

Омер-паша, сверх того, не менее удачно воспользовался политическими соображениями, которые помешали русским перейти Дунай. Он упражнял в течение зимы свои войска, заставляя их предпринимать нападение против неприятельских постов по всей длине Дуная, от Видина до Рассова. Так как эти нападения очень часто увенчивались успехом и не могли быть прекращены подобными же действиями неприятеля, который лишил себя права переходить реку, то они дали туркам ту уверенность в своих силах, которая служит основанием боевой доблести армии».

Таковы были последствия действий армии князя Горчакова в 1853 году, вызванных по преимуществу той фальшивой обстановкой, в которую были поставлены наши войска в княжествах, и таковы были суждения о них наших врагов, суждения, не лишённые большой доли справедливости.

Но весь вред опутывания армии условными политическими комбинациями сознавался и в Петербурге.

«Les circonstances deviennent de plus graves; mais c'est le moment où il faut se montrer fier et ferme. Dieu arrangera le reste». Так заканчивал военный министр свое поздравительное с Новым годом письмо князю А. С. Меншикову⁹¹.

Вопрос о переправе через Дунай созрел и вылился в окончательную форму. К сожалению, только время было непоправимо упущено.

Примечания

¹ Записи за конец октября и начало ноября 1853 г.

² Письмо Барагэ д'Илье Друэн де Люису из Константинополя 24 февраля 1854 г. Парижский воен. архив.

³ Напомним, что в распоряжении генерала Фишбаха в то время находилось 8 бат., 16 эск., 24 пеш., 8 кон. ор. и казачий полк.

⁴ См. схему № 18.

⁵ Рапорт генерала Фишбаха 25 октября 1853 г., № 125, из Ницоешти. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3431.

⁶ Князь Горчаков — генералу Фишбаху 24 октября 1853 г., № 1801. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3431.

⁷ Предписание 25 октября 1853 г., № 1810. Там же.

⁸ Дневник генерал-адъютанта Коцебу.

⁹ Отношение 28 октября 1853 г., № 1871. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3431.

¹⁰ Приложение № 68.

¹¹ «Князь радуется по-ребячески», — не упустил занести в свой дневник П. Е. Коцебу.

¹² Бугский улан. Донской № 37 полки и дивизион легко-конной № 9 батареи.

¹³ Князь Горчаков — военному министру 4 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск. 1853, д. № 57,

¹⁴ Письмо капитана Кебеке генерал-адъютанту Коцебу от 5 ноября 1853 г. Следует, впрочем, оговориться, что 9 ноября капитан Кебеке отказался от этой мысли. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., 1853, отд. 2, д. № 3431.

¹⁵ См. схему № 19.

¹⁶ Собран. сведения о турецких войсках. Архив канц. Воен. мин. по сн. в., 1853 г., секр. д. № 57. Записки П. К. Менькова. Т. 1.

¹⁷ Всеподданейшее письмо князя Горчакова 13 октября 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 47. Записки князя Горчакова от 21 января 1854 г. о действиях в Малой Валахии. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 60.

¹⁸ Князь Горчаков — военному министру 11 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., д. № 57. Князь Горчаков — князю Меншикову 11 ноября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 4253.

¹⁹ Пометка на письме князя Горчакова воен. министру 18 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, секр. д. № 57.

²⁰ Начальником авангарда у Радована вместо князя Васильчикова был назначен граф Алопеус.

²¹ 1, 2 и 7 принца Фридриха-Карла Прусского полка.

²² Фишбах — Коцебу 17 ноября 1853 г., № 232. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3431.

²³ Фишбах — князю Горчакову 20 ноября 1853 г., № 245. Архив воен. уч. ком., отд. 2, д. № 3431.

²⁴ Записки П. К. Менькова, т. 1.

²⁵ Князь Горчаков — военному министру 21 декабря 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

²⁶ Всеподданейшее письмо князя Горчакова 29 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 88.

²⁷ Князь Горчаков — воен. министру 2 декабря 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., д. № 57. Князь Горчаков — князю Меншикову 23 ноября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 4253.

²⁸ Всеподданейшее письмо князя Горчакова от 6 декабря 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 88.

²⁹ Записки князя Горчакова 21 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60. П. К. Меньков в своих Записках называет выдвижение графа Анрепа к Быйлешти самовольным, вызванным ожидаемым прибытием к отряду начальника 12-й дивизии генерала Липранди и опасением, что его поставят во главе отряда.

³⁰ См. схему № 20.

³¹ Приказ войскам 3, 4 и 5-го пехотных корпусов от 27 декабря 1853 г., № 177.

³² См. план сражения при Четати 25 декабря, № 21.

³³ Князь Горчаков — воен. министру 23 декабря 1853 г. Архив канц. Воен. мин., по снар. войск, 1853 г., д. № 57.

Репорт Ахмета-паши. «Echo de l'Orient», 1854 г., № 495. Архив Мин. иностр. дел, карт. С, 1854 г.

³⁴ Екатеринбургский пех. п. без 2 рот, которые остались в Радоване при Вагенбурге, дивизион гусарского пр. Фр.-Карла Прусского полка, 2 сот. Донского каз. № 38, батарейная № 1 бат. 10-й арт. бриг. и кон. легк. № 10 батар.

³⁵ Тобольский пех. п. без 2-го бат., три роты которого оставались в Крайове и одна в Слатине, эск. гусарс. князя Варшавского п., сотня Донского каз. № 38 п. и 6 ор. легк. № 1 бат. 10-й артил. бриг.

³⁶ Одесский егер. п., 2 эск. гусар. князя Варшавского п., сот. Донского каз. № 38 п. и 6 ор. легк. № 1 бат. 10-й арт. бриг.

³⁷ Гусарских пр. Фр.-Карла Прусского и князя Варшавского полков.

³⁸ Записка князя Горчакова 21 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

³⁹ Записки П. К. Менькова. Ч. 1.

⁴⁰ Записки П. К. Менькова. Т. 1.

⁴¹ См. схему № 21.

⁴² Журнал военных действий. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 82.

Подв. чин. Тобольского полка. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3712.

Записки П. К. Менькова, ч. 1.

Письмо капитана Батезатула 1 января 1854 г. Севастопольский музей.

⁴³ Расчет всем войскам на случай тревоги был сделан еще 24 декабря. Из дневника Баумгартена. П. Симанский. Бой при Четати.

⁴⁴ См. схему № 21.

⁴⁵ Репорт Ахмета-паши. Архив Мин. иностр. дел, карт. 1854 г.

⁴⁶ The life of Nicholas I by F. Mayne, p. 185.

⁴⁷ «Прошло более двух часов, — пишет об этом моменте полковник Баумгартен в своем дневнике, — а не было видно ниоткуда никакой помощи. Послать с донесением о нападении я не имел возможности, потому что прямо с рассветом показалась неприятельская кавалерия и, заставив отступить наши аванпосты, заняла Моцацейскую дорогу. Но уже в 8 часов не только в Моцацее, но и в Бдылешти должна была быть услышана канонада. По расчету времени и расстоянию можно было ожидать прибытия подкреплений из Моцацей, но, не видя их, я полагал, что не было ли сделано в то же время какой-нибудь диверсии и на Бдылешти, и что в таком случае граф Анреп мог притянуть к себе генерала Бельгарда. Имея в резерве три роты и видя, что неприятель отходит, я приказал отступать под прикрытием этих трех рот». П. Симанский. Бой при Четати. 1904 г.

⁴⁸ См. схему № 21.

⁴⁹ По русским источникам, в атаках Баумгартена принимал участие весь отряд Ахмета-паши; по турецким донесениям, 5 батальонов и 10 орудий оставались у них у резерве на случай подхода наших отрядов из Моцаеи и Быйлешти. Генерал Бельгард вступил в бой в 11 часов утра и встретил уже сопротивление со стороны турок; последняя атака на Баумгартена велась 12 часов. Отсюда можно полагать, что турецкая версия более правильна.

⁵⁰ Рапорт генерала Жигмонда генералу Липранди 24 января 1854 г., № 4. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

⁵¹ Рапорт генерала Бельгарда графу Анрепу 30 декабря 1853 г., № 1261. Архив воен. уч. ком. Ген. шт., отд. 2, д. № 3416.

⁵² Шанцами называются рвы и валы, которыми окружены валахские деревни с поля и о которых говорилось выше.

⁵³ Рапорт Ахмета-паши. Архив Мин. иностр. дел, карт. 1854 г.

⁵⁴ Рапорт генерала Бельгарда генералу Липранди 10 февраля 1854 г., № 157. Архив воен. уч. ком. Ген. шт., отд. 2, д. № 3416.

⁵⁵ Вероятно, что донесение было послано Баумгартеном после его отступления в Четати из Фонтына-Банулуй, но так как на пути стояла турецкая конница, то оно пришло очень поздно. Как видно из хода дела у Баумгартена, он далеко не отбился от неприятеля, отступив в Четати.

⁵⁶ Записки П. К. Менькова, т. 1.

⁵⁷ Рапорт графу Анрепу 25 декабря 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

⁵⁸ Рапорт Ахмета-паши. Архив Мин. иностр. дел, карт. 1854 г.

⁵⁹ Архивные материалы по истории Одесского пехотного полка. Полковой архив.

⁶⁰ Kinglake: L'invasion de la Crimée, t. II. P. 51.

⁶¹ The life of Nicholas I by F. Mayne. P. 185—192. Этот автор приходит даже к заключению на основании сражения при Четати, что «русская артиллерия худшая в свете» и что бой этот доказал полное превосходство турецких пехоты и артиллерии над таковыми же родами оружия русских войск.

⁶² Парижский воен. архив. Перевод с французского.

⁶³ Дневник П. Е. Коцебу. Рукоп. отд. Музея Севастопольской обороны.

⁶⁴ От 27 декабря 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 4253. Перевод с французского.

⁶⁵ Император Николай — князю Горчакову 30 декабря 1853 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

⁶⁶ Всеподданейшее письмо от 28 декабря 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 88.

⁶⁷ Эта связь между характером главнокомандующего и поведением войск подтверждается, смеем думать, и поведением наших войск в последнюю Японскую войну.

⁶⁸ Записки П. К. Менькова. Т. 1.

⁶⁹ 29 декабря 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, д. № 57. Перевод с французского.

⁷⁰ Письмо военного министра. 3 января 1854 г. См. приложение № 69.

⁷¹ Всеподданнейшее письмо от 29 декабря 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 88.

⁷² Рукопись. Музей Севастопольской обороны.

⁷³ Всеподданнейшее письмо князя Горчакова 29 декабря 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 88.

⁷⁴ В письме от 29 декабря 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., д. № 57.

⁷⁵ Письмо от 7 января 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 4254. Перевод с французского.

⁷⁶ Письмо в полном виде помещено в приложении № 71.

⁷⁷ Курсив подлинника.

⁷⁸ Курсив подлинника.

⁷⁹ Письмо от 3 января 1854 г. См. приложение № 69.

⁸⁰ Письмо к военному министру от 10 января 1854 г. из Быйлешти. Архив канц. Воен. мин. по нар. войск, 1853 г., секр. д. № 57.

⁸¹ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁸² Генерал Коцебу об этом донесении Горчакова занес в свой дневник следующее: «20 января. Крайово. Много работы при отправлении фельдъегеря в Петербург с ответом государю, что было весьма неприятно, потому что Анрепа никак оправдать нельзя. Весь день ушел на составление ответа, и все же пришлось отложить отправку фельдъегеря на завтра».

⁸³ В письме к князю Горчакову от 1 февраля 1854 г. Собств. Его Велич. библи., шк. 115, портф. 14.

⁸⁴ Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XIII.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XIII. С. 35.

⁸⁷ Жизнь и искусство. 1899 г. № 221,

⁸⁸ Князь Долгоруков — князю Меншикову 8 (20) января 1854 г. Архив Воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 4254.

⁸⁹ Генерал Жomini — военному министру. Брюссель. 19 февраля (3 марта) 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁹⁰ Kinglake: «L'invasion de la Crimée», t. 2. P. 51.

⁹¹ Князь Долгоруков — князю Меншикову 31 декабря 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 4254.

Глава IX

Действия на Кавказе осенью и зимой 1853 года

Опасения государя за Кавказ, вызванные сообщением князя Воронцова о том, что он не может собрать на турецкой границе свыше 6 батальонов¹, прекратились после того, как император Николай «с большой неохотой» отправил 13-ю дивизию из Севастополя в Сухум, и после того, как эта трудная в осеннее время года операция морским путем благополучно совершилась². Успокоился первоначально и князь Воронцов, который выражал в начале октября уверенность, что турки пока не имеют ни средств, ни желания нас атаковать. Прибытие же войск из России заставило их опасаться за собственную границу, а вид нашего могущественного флота внушил им страх даже за сам Батум³. Но такое настроение дряхлого наместника скоро изменилось⁴, и к концу октября он смотрел на положение вещей с самой мрачной точки зрения. Тяжелый недуг, мешавший князю Воронцову принимать деятельное участие в управлении вверенным ему краем, слухи о сосредоточении на границе внушительных турецких сил с целью перейти в наступление, удачное нападение турок на пост Св. Николая до объявления войны и разброска войск были тому причиной⁵. Удрученное состояние князя Воронцова увеличивалось еще тем, что он должен был ввиду болезни князя Бебутова отправить в Александрополь для командования действующим корпусом своего начальника штаба князя А. И. Барятинского.

По получаемым от наших агентов и лазутчиков в течение октября сведениям становилось ясно, что турки, зная о предстоящем разрыве ранее, чем это стало известно князю Воронцову, сосредоточили свои войска в Батуме, Ардагане, Карсе и Баязете и в конце месяца придвинули их на несколько верст к нашей границе, заняв угрожающее положение. Агенты доносили, что в предложении турецкого главнокомандующего входило направить первоначальный удар на Ахалкалаки. Князь Воронцов не придавал этим слухам большого значения, считая, что крепость Ахалкалаки способна устоять против напора турок, которым к тому же было крайне рискованно вдаваться внутрь страны в этом направлении. Они таким движением подставляли свой фланг удару бригады 13-й дивизии, совершавшей вблизи после высадки свой марш внутрь страны. Наместник более беспокоился за центр и крайние фланги своей растянутой линии — Озургеты и Эривань. Движение в первом направлении совершенно отделяло нас от моря и ставило

в критическое положение наши береговые укрепления, а Эривань имела значение как пункт, лежащий на прямом пути из Баязета к Тифлису, находящийся вблизи персидской границы и важный в моральном отношении ввиду близости от него Эчмодзианского монастыря — резиденции армянского патриарха. Князь Воронцов считал необходимым, обеспечив эти важные пункты возможным числом войск, все остальные силы действующего корпуса сосредоточить в центральном положении у Александрополя с риском даже ослабить до крайности непосредственную охрану границы в остальных пунктах. Наместник полагал, что, имея сильный отряд в центре, он более способен удержать турок от прорыва нашей границы и при случае дать им даже внушительный отпор. Этим же способом лучше можно было обеспечить и дорогу от Тифлиса до Александрополя, столь нам необходимую для подхода подкреплений к действующему корпусу. Князь Барятинский со своей стороны вполне сочувствовал плану наместника и со свойственной ему энергией посвятил октябрь к сосредоточению войск у Александрополя⁶.

Благодаря этим мерам к ноябрю войска действующего корпуса на турецкой границе были доведены до 32 $\frac{1}{4}$ бат., 68 ор., 10 эск., 21 сот. каз. и 4 друж. и 36 сот. местной милиции.

Эти войска были расположены следующим образом:

в *Александрополе* — 7 $\frac{1}{4}$ бат., 40 ор., 10 эск., 3 сот. каз., 3 друж. и 2 сот. милиции⁷. Сюда же между 2 и 16 ноября должны были прибыть 5 $\frac{1}{2}$ бат. и 18 сот.⁸;

в *Эривани* и ее окрестностях — 3 $\frac{1}{2}$ бат., 8 ор. и 14 сот. милиции⁹;

в *Ахалкалакском отряде* — 2 бат., 4 ор. и 2 сот. милиции¹⁰;

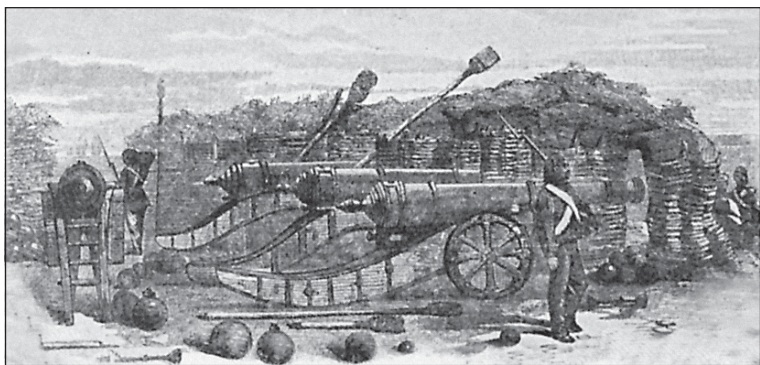
в *Ахалцыкском отряде* — 5 бат., 8 ор., 1 др. и 6 сот. милиции¹¹;

в *Гурийском отряде* — 7 бат., 8 ор. и 12 сот. милиции¹²;

в *Сураме* — 2 бат.¹³; они вместе с войсками, которые могли освободиться с Гурийского кордона, должны были составить резерв, находившийся в ведении князя Воронцова¹⁴.

Князь Барятинский определял по собранным им сведениям силы и расположение турок к этому времени следующим образом: в Карсе — 25 тысяч при 65 орудиях, в Ардагане — 7 тысяч при 10 орудиях и в Баязете — 5 тысяч при 10 орудиях. Кроме того, как он доносил, «отдельная и очень большая часть турецких войск» была собрана в Батуме, куда продолжали прибывать морем еще новые силы, и в Эрзеруме находился большой резерв, состав которого не был положительно известен князю Барятинскому. При турецких регулярных войсках находилась в значительном числе и местная милиция.

Враждебные действия турок на границе Гурии не вызвали с нашей стороны немедленного объявления войны. На остальных

Батарея в Синопе

же пунктах турки продолжали оставаться в выжидательном положении, что нам было весьма полезно, так как давало время для сосредоточения сил. Правда, нападения курдов и башибузуков на всем протяжении нашей границы участились, но целью их исключительно служил грабеж, и турецкие регулярные войска не участвовали в этих нападениях.

Несмотря на дружественную переписку между князем Барятинским и Абди-пашой по поводу прекращения грабежей¹⁵, эти последние к концу октября приняли более значительный размер, в особенности в пределах Александропольского уезда.

30 октября к вечеру в Александрополе было получено достоверное известие о том, что главные силы турок придвинулись из Карса к нашим границам и расположились на ночлег между разрушенным г. Ани и д. Баяндур. Вслед за этим было сообщено, что от 35 до 40 тысяч регулярных турецких войск и милиции намерены предпринять энергичное ночное движение на Александрополь. Князь Барятинский решил во избежание беспорядков, могущих быть ночью, немедленно двинуться со всем своим малочисленным отрядом навстречу неприятелю.

Князю Орбелиани, хорошо знакомому с местностью, было поручено ночью избрать позицию, соответствовавшую силам отряда и прикрывавшую оба пути к городу. Такая позиция была выбрана в 3—4 верстах от Александрополя по пути к д. Баяндур, на ней войска расположились в две линии с резервом. Утром 31 октября турок перед нашим расположением не оказалось, и князь Барятинский увел наши войска обратно, чтобы не дать возможности противнику рассмотреть незначительные силы нашего отряда. Для разведки же были оставлены две сотни линейцев.

Около полудня наши разъезды встретили близ Баяндура многочисленные шайки курдов, число которых увеличивалось

с неимоверной быстротой. Линейцы начали отступать к ночной позиции, которая вновь была занята Александропольским отрядом. В это время курды принялись грабить армянские деревни, и две линейные сотни, возмущенные их зверствами и позабыв осторожность, бросились вперед спасать беззащитных. Храбрецы в несколько минут были буквально окружены 2 тысячами неприятельской кавалерии и, собравшись в кучу, отстреливались во все стороны залпами, готовясь дорого продать свою жизнь. К счастью, на поле битвы в это время неожиданно появилась сотня казаков, высланная князем Барятинским на разведку, и неприятель начал быстро отходить за Арпачай, не появляясь более в этот день в наших пределах. В происшедшей стычке линейные сотни и донские казаки потеряли убитыми 59 нижних чинов, ранеными 1 офицера и 18 нижних чинов. Кроме того, выбыли из строя 92 лошади¹⁶.

1 ноября прибыл к отряду выздоровевший князь Бебутов. Узнав, что курды и башибузуки вновь ворвались в больших силах в наши пределы и опустошают окрестные деревни, он решил выслать отряд под начальством князя Орбелиани силой в 7 бат. пехоты, 28 ор., 4 эск., 1 сот. и 1000 милиционеров, чтобы очистить край от грабителей.

Генерал-майор князь Орбелиани, командир гренадерского вел. кн. Константина Николаевича полка, доблестный кавказский служака, человек выдающейся храбрости и решимости, не имел в то же время никакого опыта в вождении значительных масс войск. Поэтому 2 ноября, выйдя из Александрополя, он немедленно развернул свой отряд в боевой порядок и в таком виде двинулся на селения Малый Караклис и Баяндур¹⁷. Боевой порядок состоял из трех линий пехоты и артиллерии, в четвертой линии следовал обоз, дивизион донской батареи и 4 эскадрона драгун. Впереди боевого порядка находилась лишь одна сотня казаков. В таком виде отряд князя Орбелиани начал свой фланговый марш по отношению к турецкой границе, реке Арпачаю, отстоявшей всего на 3—4 версты. Об охране отряда с этой стороны, а также и о разведке перед фронтом боевого порядка не было и речи.

За деревней Малый Караклис отряд должен был переправиться через большой овраг, и едва первая линия совершила эту переправу и поднялась на высоту, отделяющую Малый Караклис от д. Баяндур, как она была атакована массой неприятельской кавалерии. Князь Орбелиани приостановил первую линию, чтобы дать время переправиться остальным частям и переменить фронт боевого порядка по направлению на д. Баяндур.

Против же неприятельской кавалерии был открыт огонь двух батарей первой линии. Конница отхлынула, а отряд, окончив переправу и заняв свои места, двинулся всем боевым порядком вперед. Но едва только прошли мы полверсты, как неприятельская

конница рассыпалась в обе стороны и открыла 40-орудийную батарею, устроенную на позиции 30-тысячного турецкого отряда впереди д. Баяндур. Кавалерия же заскакивала с разных сторон кругом боевого порядка князя Орбелиани, и только орудийные выстрелы и быстрые маневрирования драгун не позволяли ей близко подойти. Абди-паша решил, пользуясь своим численным перевесом, удерживать нас с фронта огнем своей превосходящей артиллерии и произвести охваты с обоих флангов. Через некоторое время показалась против нашего левого фланга сильная неприятельская пехота при 6 эскадронах регулярной кавалерии. Князь Орбелиани приостановил свой отряд и рассеял наступавших против левого фланга турок метким огнем артиллерии.

*Поручик Путья под
Ольтеницей*

Столь же неуспешна была попытка Абди-паши охватить наш правый фланг. Обходная колонна была отбита огнем первой линии, усиленной частями второй линии; при этом 1-я легкая батарея (подполковника де Саже) оказалась на фланге, оставалась временно без прикрытия и самостоятельно отбила картечью все атаки больших масс курдов.

В это время толпы иррегулярной конницы вынеслись незаметно из лощины в тыл нашего правого фланга и устремились на обоз. Находившаяся там в прикрытии Елизаветпольская милиция не выдержала и после первого выстрела бежала в полной панике с поля сражения, распространяя ужас до самого Александрополя. Курды бросились на наши выюки, но были отогнаны за Арпачай пикинерным дивизионом драгун.

На фронте дело ограничилось с обеих сторон артиллерийским огнем, и Абди-паша, испытав неудачу на флангах, не решился атаковать наш слабый отряд с фронта. Дождавшись же темноты, он отвел свой отряд на противоположный берег Арпачая¹⁸. На такой оборот дела повлияла, по всей вероятности, помощь, оказанная князю Орбелиани князем Бебутовым.

Как только в Александрополе узнали о столкновении высланного отряда со всем турецким корпусом, князь Бебутов собрал по тревоге остальные войска (3 батальона, 12 орудий, 6 эскадронов

драгун и сотню казаков) и направил их, под начальством генерала Кишинского, на помощь князю Орбелиани. Колонна эта могла выступить только в половине четвертого дня и направилась к Баяндур форсированным маршем по нижней, ближайшей к Арпачаю, дороге. Князь Бебутов, взяв такое направление, рассчитывал выйти против левого фланга противника и отбросить его от переправ через Арпачай.

Отряд Кишинского вышел на поле сражения уже с наступлением темноты, и князь Бебутов не решился атаковать ночью на незнакомой местности превосходящего противника, а приостановился до утра, развернув колонну генерала Кишинского в боевой порядок и примкнув его к правому флангу отряда князя Орбелиани.

Узнав об отступлении турок, князь Бебутов не решился преследовать неприятеля и перейти границу, так как не имел ни перевозочных средств, ни подвижных парков, ни госпиталей. Поэтому наш отряд ночью же отошел к Александрополю.

Неосторожное выдвигание князя Орбелиани стоило нам убитыми 2 офицеров и 125 нижних чинов и ранеными 6 офицеров и 308 нижних чинов. Потери турок простирались, по полученным нами сведениям, до 1000 человек¹⁹.

Вся тяжесть боя в деле под Баяндуром легла на артиллерию, и начальник отряда свидетельствовал о меткой и хладнокровной стрельбе наших артиллеристов.

Этот случайный бой имел для нас лишь нравственное значение преграждения пути в несколько раз превосходящему противнику и распространения страха, внушенного огнем нашей артиллерии турецким иррегулярным войскам. Курды отказались впредь драться против русской артиллерии и просили разрешить им действовать мелкими партиями.

Для прекращения подобных вторжений курдов было вооружено христианское пограничное население, и по Ахалкалакской дороге был выслан летучий отряд, который имел удачную стычку с грабителями. Кроме того, для защиты дороги от Орловки на Цалку и далее на Тифлис князь Бебутов выслал в Орловку отряд из 2 $\frac{1}{4}$ батальона, 4 горных орудий и небольшого числа казаков и конной милиции.

Нападение курдов не являлось результатом сочувствия их туркам, а лишь жадной грабежа. Напротив, они скорее тяготели к России, мощь которой ими сознавалась. Некоторые старшины обращались к князю Бебутову с предложением своих услуг и приема их на русскую службу. Но для агитации среди курдов требовались деньги, за которыми князь Бебутов и обратился в Тифлис.

4 ноября наконец в Александрополе был получен манифест о войне, который и был торжественно объявлен войскам, и руки у главнокомандующего были развязаны.

Почти одновременно с переходом турок в наступление против Александропольского отряда начались их действия и против Ахалцыха, преграждавшего пути наступления из Батума и Ардагана через Боржом, Сурам и Гори на Тифлис.

Сама по себе крепость Ахалцых не была достаточно сильна для удержания турецкой армии, в особенности если бы эта последняя была снабжена осадной артиллерией; да к тому же значение крепости умалялось еще тем, что ее легко можно было обойти движением на Боржом. Поэтому командующему войсками Ахалцыхского района было указано обратить особое внимание на возможность движения турок в обход Ахалцыха на Боржом и принять самые энергичные меры для удержания в наших руках этого последнего пункта. Нашему отряду надлежало в случае направления турок непосредственно к Боржому двинуться против неприятеля, оставив в Ахалцыхе необходимый гарнизон, атаковать турок и дать знать об этом командиру Брестского полка, расположенного в Сураме, для скорейшего занятия Боржомского ущелья²⁰.

Начальник Ахалцыхского отряда генерал-майор Ковалевский не считал возможным уменьшить гарнизон крепости, состоявший почти из одного Виленского полка, а полагал достаточным обеспечить Боржомское ущелье и подступы к нему Брестским полком, который, по его расчетам, должен был уже прибыть к Сураму. Он предлагал батальон и два горных орудия поставить в Ацхуре, на середине пути между Ахалцыхом и Боржомом, две роты в самом Боржоме, две роты при входе в ущелье у развалин старой крепости и два батальона в Сураме²¹. Но, как оказалось на самом деле, Брестский полк был задержан на пути дурными дорогами и тяжелым обозом, и предложения генерала Ковалевского осуществились лишь отчасти.

В действительности же к 1 ноября в Ахалцыхском районе войска наши были расположены следующим образом: в *Ахалцыхе* — 5 бат., 8 п. ор., 2 сот. казаков²², Гурийская дворянская дружина и Осетинская милиция; в *Ацхуре* — 1 бат. Белостокского полка, Горийская дружина и сотня Осетинской милиции; в *Боржоме* — 1 бат. Брестского полка и 2 роты Белостокского полка; в *Квишхетах* (в 10 верстах от Сурама по дороге на Боржом) — 1 бат. Брестского полка и в Сураме — 2 роты Белостокского полка и обозы трех полков дивизии²³.

Со второй половины октября участились в Ахалцыхском районе нападения турецких иррегулярных войск и разбойничьих банд на разбросанные по границе наши мелкие посты. Несмотря на массу отдельных подвигов доблести и мужества наших казаков и отчасти милиционеров, огромное численное превосходство нападающих и сочувствие им части населения сделали свое дело. К концу октября вся граница в этом районе перешла в руки турецких банд,

и мы оставались хозяевами только в Ахалцыхе. Но 30-го числа и перед этим пунктом появились передовые части корпуса Али-паши, который должен был, согласно общему плану действий, вторгнуться с 18 000 человек при 15 орудиях от Ардагана к Ахалцыху одновременно с вторжением других корпусов в Эривань, Александрополь и Гюрию.

Турки подошли к старому Ахалцыху, расположенному на левом берегу Посхов-чая, и атаковали нашу кавалерию, которая отошла в город под защиту двух рот Виленского полка²⁴. Неприятель бросился против этих двух рот, но все атаки его были отбиты, и он отошел в ближайшие селения.

Осетинская милиция после этого дела разбежалась, и у генерала Ковалевского из конницы осталось только 250 утомленных казаков и 150 человек дворянской дружины против 4—5 тысяч неприятельской кавалерии.

1 ноября турки сделали покушение на новый город, лежащий на правом берегу реки и совершенно не укрепленный. Хотя нападение это и было отбито, но все мусульманское население перешло на сторону турок, которые, пользуясь громадным превосходством в силах, блокировали Ахалцых и отрезали его от Тифлиса.

Генерал Ковалевский, соединяя с природным мужеством боевой опыт и познания военного дела, отличался некоторой мнительностью. Поэтому его действительно критическое положение представилось ему положением в полном смысле отчаянным. С незначительным утомленным отрядом, без кавалерии, с весьма небольшим запасом продовольствия, окруженный противником, во много раз превосходящим его, Ковалевский считал почти невозможным удержать город с 16-тысячным населением в своих руках и в то же время сознавал, что потеря Ахалцыха будет иметь большое нравственное влияние на местное население. Он просил, почти что требовал во имя государственных интересов у князя Андронникова, тифлисского военного губернатора, быстрого движения войск на помощь Ахалцыху²⁵.

Со своей стороны князь Воронцов, узнав о наступлении Али-паши, поручил князю Андронникову собрать все, что можно, из войск, расположенных между Сурамом и Ацхуром, и спешить на помощь Ковалевскому²⁶. Князь Андронников отлично сознавал тяжелое положение Ахалцыха, но не мог немедленно двинуться к нему на помощь, так как надо было собрать войска и обеспечить Боржомское ущелье; генералу Ковалевскому пока приходилось отбиваться от турок своими незначительными силами.

Тем временем Али-паша, расположив свои главные силы у Ахалцыха, двинул к Боржомскому ущелью сильную колонну иррегулярной кавалерии, поддержанную пехотой. Узнав об этом, князь Андронников возложил охрану Боржомского ущелья на

Рекогносцировка князя Горчакова

командира Брестского полка генерал-майора Бруннера, которому подчинил все войска, расположенные между Ацхуром и Сурамом. Вместе с этим князь Андронников приказал занять тремя ротами Страшноокопское ущелье и собрать туда же Горийскую милицию.

Генерал Бруннер имел в своем распоряжении всего три батальона. Из них к 6 ноября 4 роты Белостокского и Брестского полков под начальством командира Белостокского полка полковника Толубеева занимали Ацхур; 7 рот тех же полков находились в Боржоме, а Сурам был занят ротой Брестского полка и прибывшими туда накануне на изнуренных лошадях Донским казачьим № 2 полком и двумя горными № 1 батареи орудиями.

6 ноября в 4 часа дня турки обрушились в значительных массах на Ацхур²⁷, намереваясь отрезать отряд Толубеева от Боржомского ущелья и открыть себе путь внутрь страны в направлении на Тифлис.

Полковник Толубеев, сознавая важность сохранения Ацхура, занял местечко двумя ротами Брестского полка, а две роты Белостокского полка направил вправо и, заняв с боем прилегающие высоты левого берега Куры, замкнул ущелье. В это время к нему прибыла из Боржома еще одна рота Брестского полка, конвоировавшая транспорт с капсулями.

Упорный бой за Ацхур продолжался всю ночь²⁸; несколько раз дело доходило до штыков, но турки были отбиты. Ночью в Ацхур прибыло пять сотен Грузинской пешей дружины, что дало возможность полковнику Толубееву продлить свой фланг еще правее на высоты. Слабость отряда увеличивалась к тому же необходимостью

прикрыть обозы Виленского и Белостокского полков, которые, следуя в Ахалцых, были задержаны здесь неожиданным появлением неприятеля.

Генерал Бруннер, получив известие о бое, оставил в Боржоме для обеспечения своего тыла три роты Брестского полка, а с остальными тремя ротами ночью же выступил к Ацхуру, куда прибыл в 7 часов утра 7 ноября. В свою очередь и к туркам подошли за ночь регулярная пехота и кавалерия при двух орудиях, так что общее число их доходило до 7000 человек²⁹.

Генерал Бруннер перестроил свой отряд в две линии, причем одна из рот при перестроении неосторожно подставила свой левый фланг неприятельской коннице и получила приказание отойти назад. Движение это было принято турками за начало отступления, воодушевило противника, который и перешел к общей атаке на всем фронте. Но генерал Бруннер сам перешел в контратаку. Четыре роты первой линии, поддержанные второй линией в ротных колоннах, энергично двинулись вперед, смяли турок и обратили их в бегство. Несмотря на полное отсутствие у нас кавалерии, отряд стремительно преследовал разбитых турок на протяжении семи верст и вернулся обратно в Ацхур лишь к вечеру, захватив у противника одно орудие, 4 штандарта, 3 значка и большое количество боевых запасов и амуниции. Наши потери в этом бою состояли из 4 нижних чинов убитыми и 3 офицеров и 20 нижних чинов ранеными. Турки оставили в наших руках 90 тел. Небольшая потеря в отряде генерала Бруннера объясняется тем, что при стремительном натиске в штыхы неприятельские орудия не могли оказать своего действия³⁰.

Между тем под Ахалцыхом положение дел оставалось прежним. Али-паша, не решаясь атаковать наш гарнизон, прикрытый хоть и слабыми укреплениями, ограничивался блокадой и бомбардировкой города, а также производством мелких нападений³¹. Это промедление было пагубно для турок, так как победа под Ацхуром и относительная безопасность Боржомского ущелья давали возможность князю Андронникову направиться на помощь генералу Ковалевскому.

11 ноября в Ацхуре у князя Андронникова сосредоточилось 2 ½ батальона Брестского и Белостокского полков, взвод горной № 1 батареи с отбитым турецким орудием, Донской казачий № 2 полк, Тифлисская дружина, 2 сотни Осетинской милиции и 40 охотников Горийского уезда.

С этими силами 12-го числа он выступил к Ахалцыху, приказав генералу Ковалевскому выслать часть своих сил на высоты около крепости для обеспечения этого соединения. К вечеру князь Андронников благополучно прибыл в Ахалцых.

Корпус Али-паши продолжал занимать позицию за рекой Посхов-чай, между селениями Аб и Суфлис³², на высотах, командо-

вавших Ахалцыхом. Сама по себе сильная турецкая позиция была укреплена еще батареями и завалами. Войска были расположены по окрестным деревням, группируясь большей своей частью на линии Аб-Суфлис. К вечеру 13 ноября общую численность корпуса Али-паши под Ахалцыхом можно принять в 18 тысяч человек при 13 орудиях, в том числе 8 тысяч низама и 3 тысячи регулярной кавалерии.

У князя Андронникова к этому же времени было 7 $\frac{1}{2}$ батальона, 17 орудий³³, 9 сотен и 1500 человек милиции, всего около 7000 штыков и сабель. Однако, несмотря на такое превосходство сил, на военном совете было решено атаковать турок, чтобы не дать им усилиться подходом подкреплений.

13 ноября начальник отряда лично произвел рекогносцировку турецкой позиции, причем выяснилось, что селения Суфлис, Садзель и Аб сильно укреплены и заняты пехотой. Можно было предполагать, что Али-паша решил принять оборонительный бой с тем, чтобы, разбив нас в поле, атаковать город.

Фронтальная атака турецкой позиции в направлении на селение Аб не сулила нам успеха, и князь Андронников избрал главным пунктом атаки селение Суфлис, решив направить удар с фронта и в охват левого фланга турок с угрозой их пути отступления.

В 4 часа утра 14 ноября войска стали под покровом утреннего тумана строиться у выхода из старого города. Все горели желанием сразиться с турками.

На рассвете князь Андронников начал движение к неприятельской позиции в двух колоннах³⁴, направив одну с фронта, а другую с фланга, чтобы после сильной канонады ударить на Суфлис.

Левая колонна генерала Ковалевского силой в 4 батальона³⁵ и 14 орудий двинулась по дороге на селение. Переправившись через лощину у аула Ивлит (Мелит), Ковалевский поднялся на высоты левого берега Посхов-чая, где колонна его была встречена огнем 7 турецких орудий от Суфлиса.

Наши орудия тотчас же выехали на позицию, а Виленский полк под начальством генерала Фрейтага стал укрыто за скатом лощины. Частый артиллерийский огонь загремел здесь с обеих сторон, застилая дымом долину реки.

Правая колонна генерала Бруннера силой в 3 $\frac{1}{2}$ батальона³⁶ и 3 горных орудия пошла вправо, укрываясь высотой, чтобы стать параллельно единственному удобному пути отступления турок. Милиция и кавалерия были направлены еще правее.

Али-паша догадался, в каком направлении готовился наш главный удар, и начал спешно переводить войска от своего правого фланга, селений Аб и Садзель, к левому флангу. Артиллерия частью усилила семиорудийную батарею у сел. Суфлис, частью была поставлена на высоту выше этого селения. Отсюда она была,

Майор Салогуб под Ольтеницей
(см. приложение № 59)

ничего не было видно; лишь солнце едва просвечивало в виде багрового шара и молнии пушечных выстрелов рассекали мрак. Снаряды были у нас уже на исходе, турецкая же артиллерия все усиливала огонь, и запас снарядов их казался неистощим. Время артиллерийской подготовки невольно подходило для нас к концу, и надо было торопиться с нанесением решительного удара.

Генерал Фрейтаг спустился с двумя батальонами Виленского полка с высот в долину Посхов-чая и пошел на штурм селения. Шесть рот были двинуты прямо через заросшее колючим кустарником дно долины, а две егерские роты были переведены влево по мосту и двигались по узкой тропинке у подножия скал. У реки, вблизи неприятельской батареи, Фрейтаг выбыл из строя раненым, и во главе батальонов стал Генерального штаба подполковник Циммерман.

Ни глубина реки и быстрое ее течение, ни высокий обрывистый берег, ни смертоносный ружейный и артиллерийский огонь с дистанции 50—70 сажень не могли остановить этой энергичной атаки виленцев, получавших здесь свое первое боевое крещение на Кавказе. Люди, перейдя через Посхов-чай на глубине выше пояса, взбирались, подсаживая друг друга, на крутой обрыв. Наконец цепь от шести рот, соединившись с двумя егерскими ротами, выстроилась на вершине в 40 сажнях от небольшой высоты, занятой семью орудиями и усиленной завалами. Картечный огонь этих орудий поддерживался батальным огнем пехоты, которая заняла опушку селения.

впрочем, скоро сбита меткими выстрелами наших крепостных орудий.

После трехчасового артиллерийского боя князь Андронников приказал генералу Фрейтагу с Виленским полком двинуться на Суфлис, а генералу Бруннеру, колонна которого уже успела развернуться против садов Суфлиса, спуститься к реке, чтобы атаковать эти сады одновременно с атакой Фрейтагом самого селения. Князь Андронников находился при колонне генерала Бруннера.

От продолжительного огня густой дым застилал все поле сражения, так что в 50 шагах

С криком «ура!» егеря бросились на штурм, взяли одним натиском высоту с находившимися на ней орудиями и ворвались в селение. Турецкая пехота отступала из деревни медленно, отстреливаясь и отбиваясь штыками. Большая ее часть остановилась в садах за аулом, а остальные засели в домах и стреляли из окон и отверстий для дыма. Горячий бой завязался в селении. Турки защищались отчаянно, и многие сакли пришлось брать штурмом. Генералу Ковалевскому для окончательного овладения селением постепенно пришлось ввести в дело весь свой резерв. Наконец, Суфлис был взят, и Виленский полк, заняв внутреннюю опушку селения, открыл огонь по второй позиции турок в садах. Сюда же с криком «ура!» подоспели и батальоны генерала Бруннера. После этого у князя Андронникова в общем резерве осталось лишь полторы роты и три горных орудия, а между тем к нему пришло известие о появлении на нашем правом фланге значительных масс турецкой кавалерии и пешей милиции. Противодействовать этой новой опасности возможно было только выдвижением казаков и личного конвоя начальника отряда.

Между тем бой за обладание Суфлисскими садами продолжался. Упорство турок, пересеченная местность, узкие дорожки и разбросанные сторожки давали большое преимущество обороняющемуся. Виленский полк наступал стрелковыми цепями с фронта, очищая сады, а два батальона Брестского и Белостокского полков следовали в колоннах правее садов. Нам удалось наконец выбить противника первоначально из садов, а потом и из верхнего Суфлиса, но турки успели занять новую позицию на высотах и скалах вблизи селения. Впрочем, эта крепкая позиция не могла задержать дружного напора наших сомкнутых батальонов, и турки начали отступление.

Утомленные, но воодушевленные победой войска наши энергично преследовали турок. Генерал Бруннер принял начальство над передовыми частями, быстро привел их в порядок, построил в колонны с сильными стрелковыми цепями впереди и, быстро поднимаясь в гору, преследовал огнем отходивших в беспорядке турок. Противник безостановочно отступал на протяжении пяти верст до сел. Верхний Памач, где должен был приостановиться для прикрытия войск, отходивших со стороны сел. Садзель. Турецкий арьергард из 3 батальонов, 3 орудий и 2 эскадронов занял позицию и открыл картечный и ружейный огонь. Генерал Бруннер, подтянув свой отряд, быстро сбил противника и с этой позиции. Вся местность за Памачем покрылась бегущими турками, которые отступили за границу, бросив 3 орудия³⁷.

Здесь наше преследование должно было приостановиться, так как пехота до крайности утомилась, а кавалерия была отвлечена для действия на другом пункте.

Выше было упомянуто о появлении против нашего правого фланга турецкой кавалерии и милиции, спешивших к полю сражения со стороны Аббас-Туманских высот. Князь Андронников направил против них 4 орудия из колонны генерала Ковалевского, горные орудия, бывшие при донских казаках, и 2 орудия, отбитые у турок. Туда же был направлен Донской казачий полк и горийская сотня, бывшая в конвое начальника отряда. Казаки и горийцы врубались в толпы пеших аджарцев, уложив на месте более 200 человек, и этим совершенно очистили наш правый фланг. Но после такого горячего боя наша конница была мало способна к немедленному преследованию разбитого противника.

Во время самого боя в Ахалцыхе оставался лишь грузинский линейный батальон³⁸. Для усиления этого батальона и для защиты города на случай нападения турок из лагеря были вооружены и поставлены по крепостным веркам охотники из местных жителей. Успех, одержанный войсками, воодушевил и местных жителей, которые под предводительством священника с крестом в руках произвели удачное нападение на турецкий лагерь.

Около 4 часов дня бой прекратился на всех пунктах. Турки потеряли 11 орудий, много зарядных ящиков, патронов, боевых припасов, всю канцелярию Али-паши³⁹, весь лагерь и многочисленные запасы провианта и фуража. Потери турок людьми определить трудно, но нами было похоронено 700 тел и взято в плен 120 человек. Наши потери, благодаря хорошему применению к местности и дружному удару, были сравнительно незначительны. Убиты 1 офицер и 51 нижний чин, ранены 11 офицеров и 216 нижних чинов и около 80 человек было контужено.

Турки безостановочно и в полном беспорядке бежали до Ардагана, ожидая за собой погони победителей. Большая часть ополчения разбежалась по домам, и к Ардагану прибыли лишь деморализованные остатки корпуса Али-паши.

15 и 16 ноября наши войска оставались на позиции и перевозили в Ахалцых отбитую у турок добычу. 17-го на позиции в качестве авангарда было оставлено 1 $\frac{1}{2}$ бат., 2 ор. и 3 сот. и к селению Вале было выдвинуто 2 бат., 3 ор. и 3 сот., а остальные войска вернулись в город для отдыха.

Ахалцыхский уезд совершенно очищен от неприятеля, спокойствие было восстановлено и сообщение с Боржомом открыто. 19 ноября кавалерия князя Андронникова направилась в Поцховский санджак и у сел. Дагвери⁴⁰ захватила последние 2 орудия, оставшиеся у Али-паши. На туземцев наша победа произвела сильное впечатление, и вскоре все жители санджака изъявили покорность русской власти⁴¹. За ними последовала часть аджарцев, действовавших против нашей гурийской границы, которые разошлись по домам и отказались драться против русских. Даже

из Ардагана прибыла депутация с просьбой принять этот город в свое подданство.

Известие о блестящей победе князя Андронникова прибыло в Петербург 28 ноября одновременно с известием о Синопской победе адмирала Нахимова. 29 ноября столица, а вслед за ней вся Россия торжественно праздновали обе эти победы. Государь щедро наградил победителей. Князь Андронников получил Георгиевский крест 3-й степени; части 13-й дивизии — Георгиевские знамена и трубы. Бои под Ацхуром и Ахалцыхом имели для этой дивизии большое значение. Только что прибывшая из Севастополя дивизия была встречена кавказским начальством с недоверием к ее боевому опыту, но первые же действия этой дивизии дали ей почетное место среди доблестных кавказских войск, что князь Воронцов подтвердил особым приказом, данным этой дивизии 19 ноября⁴².

Победа под Ахалцыхом устранила беспокойство князя Воронцова за этот район. Но тем сильнее чувствовал наместник опасное положение князя Гагарина в Гурии, против которой, по полученным сведениям, было собрано до 30 тысяч человек при 30 орудиях, в то время как у нас там находилось 7 $\frac{1}{2}$ батальона пехоты⁴³, 36 сотен милиции и казаков и 10 орудий⁴⁴. Блестящее дело князя Андронникова развязало руки главнокомандующему, который в дополнение к пяти ротам⁴⁵, посылавшимся в Озургеты из Тифлиса, решил отправить туда же из Ахалцыха 2 батальона, 3 сотни и 4 орудия⁴⁶.

Вскоре князь Андронников был отозван в Тифлис для исполнения своих прямых обязанностей, а начальником Ахалцыхского отряда был назначен генерал барон Врангель, начальник 21-й пехотной дивизии, который озаботился расположением отряда на зимний период.

Зимой нельзя было ожидать в Ахалцыхском уезде продолжения военных действий ввиду полной непроходимости гор между Поцховским и Ардаганским санджаками, сообщение между которыми в начале декабря совершенно прекращалось. Но это же обстоятельство, с другой стороны, затрудняло нам введение русского

*Подвиг Снозика
под Ольтеницей*

управления в изъявивших покорность Ардаганском и Чалдырском санджаках.

В Ахалцхском отряде большая часть местной милиции была распущена по экономическим соображениям. В самом городе на зиму должен был остаться Виленский полк, в Ацхуре и Боржоме — по одному батальону и в Сураме — два батальона Белостокского полка.

Что касается турок, то остатки корпуса Али-паши были отправлены из Ардагана в Карс, где их предполагалось расформировать по разным частям, а в Ардаган же, куда для замены раненого Али-паши прибыл Юсуф-паша, ожидались свежие войска⁴⁷.

Император Николай, связанный политическими условностями относительно ведения наступательной войны на европейском театре, а впоследствии и на Черном море, возлагал большие надежды на решительные операции на Кавказе. По мнению государя, быстрое наступление к Карсу, разбитие турецкой армии в поле и овладение этой крепостью должны были сломить упрямство турок и вознаградить нас за невольное бездействие в Европе. Многочисленная закаленная в боях Кавказская армия давала, казалось, средства к выполнению этой воли государя. Но в действительности, как известно, обстановка сложилась иначе. Вся армия князя Воронцова ушла на внутреннюю борьбу в крае, и до прихода 13-й дивизии наместник отчаивался даже удержать в своих руках Кавказ⁴⁸. Приход подкреплений из Севастополя и два удачных дела у Баяндур и Ахалцыха улучшили наше положение, но не настолько, чтобы князь Воронцов имел возможность приступить к выполнению изложенного государем плана. Действующий отряд, Александропольский, который, собственно, и должен был начать активные операции, был, как мы знаем, очень слаб, и наместник не мог его в скором времени увеличить ввиду опасного положения Ахалцыха и Гурии. Этот отряд пока мог с трудом противостоять натиску превосходящих сил турок, но не атаковать их. В Петербурге же смотрели на дело иначе и торопили к переходу в наступление. «Государь надеется, — писал военный министр князю Воронцову после получения известия о победе при Ацхуре⁴⁹, — что теперь князь Бебутов не замедлит перейти к наступательным операциям. Это самый действительный способ прикрыть нашу границу и нанести решительный удар. Занятие Карсской области предоставит нам при этом особое удобство в снабжении войск провиантом».

Перехода в наступление и особенно победы с жадной ожидали и храбрые войска Александропольского отряда. На Кавказе хорошо сознавали полную невозможность немедленно начать

наступательную кампанию в широких размерах⁵⁰, но полки князя Бебутова с ревностью смотрели на блестящие подвиги своих товарищей под Ахалцыхом и с нетерпением ждали случая уравниваться с ними. Такой случай вскоре и представился на полях Баш-Кадьларских.

После баяндурского боя 36-тысячный турецкий корпус Абди-паши отступил за р. Арпачай, но, узнав, что наш отряд вновь отошел к Александрополю, перешел на прежнюю свою позицию и укрепился на ней, ожидая прибытия подкреплений из Карса.

Отряд князя Бебутова в свою очередь усилился в период с 4 по 12 ноября двумя батальонами и двумя казачьими полками⁵¹ и больше подкреплений в скором времени ожидать не мог ввиду тяжелого положения под Ахалцыхом и в Гурии.

Князь Бебутов, удовлетворяя сердечное желание войск вступить в бой, в особенности после получения известия о победе князя Андронникова, решил выступить в ночь с 13 на 14 ноября со своим отрядом для атаки турок на Баяндурской позиции и для изгнания их из наших пределов.

Хотя 13 ноября и было получено известие, что турки внезапно очистили Баяндурскую позицию и начали быстро отступать к Карсу, но князь Бебутов не отменил своего распоряжения и с рассветом 14 ноября выступил из Александрополя по следам неприятеля. Из-за дурной погоды, испорченных дорог и необходимости переправляться через речки с обрывистыми берегами отряд лишь поздно вечером прибыл в с. Пирвали, в 20 верстах от Александрополя. На следующий день он перешел через Ак-Узюм к с. Баш-Шурачель, где расположился лагерем. К 16 ноября по строевому рапорту всего в отряде числилось 12 655 человек всех родов оружия, включая сюда и нестроевых⁵². В том числе было около 8000 пехоты и около 3000 кавалерии.

Можно было предполагать, что неприятель находится в одном переходе от нас. Преследование его при дурных дорогах по стране бедной, разоренной турками, лишенной фуража, без продовольственных транспортов, и в особенности без санитарного обоза, являлось невозможным.

Кроме того, база в Александропле не была достаточно обеспечена запасами. Всего к этому времени там находилось 2800 четв. муки, 5500 четв. сухарей и 9000 четв. пшеницы в зерне, для перемола которой имелась лишь одна мельница. Подвоз же припасов из Делижана замедлялся дурным состоянием дорог⁵³.

Эти обстоятельства вынудили князя Бебутова приостановить дальнейшее наступление с тем, чтобы в случае продолжавшейся дурной погоды возвратить войска на зимние квартиры.

17 ноября колонна из 2 $\frac{1}{2}$ батальона, дивизиона пешей артиллерии, дивизиона драгун и 2 конных орудий отправилась под командой

Укрепления Калафата

генерала Кишинского на фуражировку в д. Астахану, где была встречена значительной массой турецкой кавалерии. При содействии прибывших из лагеря подкреплений турки были наголову разбиты и изгнаны с большой потерей; наши же фуражиры благополучно вернулись назад с набранным продовольствием. Появление неприятельской кавалерии давало повод предполагать, что и главные силы турок недалеко ушли. Действительно, на следующий день князь Бебутов получил новые сведения о том, что отступивший от Баяндур турецкий корпус не отходит к Карсу, а сосредоточился в окрестностях Суботана и стал лагерем около Орта-Кадыкляра и Баш-Кадыкляра. Это известие обрадовало князя Бебутова; явилась надежда настигнуть неприятеля и заставить его принять бой, «чтобы положительным поражением нанести ему удар за все грабежи и разбойничества, которые турки еще до начала военных действий позволяли себе в наших пределах»⁵⁴.

С вечера 18 ноября лишние обозы были отправлены в Александрополь под прикрытием 1 батальона, 6 орудий и 2 сотен казаков, а 19-го числа отряд князя Бебутова двинулся в 7 часов утра от Баш-Шурагеля по Карсской дороге. Всего в отряде состояло 10 $\frac{1}{2}$ батальона, 10 эскадронов, 15 сотен, 24 пеших и 8 конных орудий⁵⁵.

В авангарде под начальством генерала Багговута шли нижегородские драгуны и 3 сотни линейных казаков; главные силы двигались под личным начальством князя Бебутова, имея артиллерию в двух группах в середине колонны, и в арьергард для прикрытия оставшегося при войсках обоза было назначено 1 $\frac{3}{4}$ батальона, пешая батарея и 4 сотни казаков. Такой внушительный арьергард оправдывался необходимостью обезопасить обоз

от находившихся вблизи больших масс турецкой конницы. С той же целью фланги колонны на походе были прикрыты справа цепью от 4 сотен казаков и слева цепью от 2 сотен.

Войска шли налегке, без артельных котлов. Ввиду отсутствия при отряде подвижного артиллерийского парка они имели при себе только один комплект патронов и зарядов. Продовольствия (сухарей и провианта) и зернового фуража имелось только на пять дней, спирту же — на четыре порции. Лазаретный обоз состоял из 23 повозок для больных и раненых.

Отряд, пройдя 20 верст и переправившись через р. Карс-чай вброд и у с. Пирвали, в полдень поднялся на высоты, которые далее постепенно спускались к ручью Мавряк-чай. С этих высот нашему отряду открылась, благодаря ясной погоде, вся неприятельская позиция⁵⁶.

Она была ограничена с фронта ручьем Мавряк-чай, текущим в очень обрывистых берегах, которые к тому же образовали на левом берегу несколько глубоких оврагов. С правого фланга и с тыла она ограничивалась ручьем Кадыклар. Сама позиция представляла ряд возвышенностей, имевших общее направление от Гамза-Кирыка на Баш-Кадыклар. Труднодоступная с фронта, где она прикрывалась не только обрывистыми берегами ручья Мавряк-чай, но и д. Угузла, позиция эта имела в тылу ручей Кадыклар, крутые берега которого стесняли маневрирование большой массы войск. Число турецких войск, расположенных на позиции, составляло до 20 000 регулярной пехоты, 3000 регулярной кавалерии, более 14 000 курдов и милиции и 46 орудий.

Местность, отделявшая отряд князя Бебутова от неприятельской позиции, представляла небольшую, пересеченную оврагами равнину, ограниченную с северо-запада горой Караял, а с юга крутым спуском в долину Мавряк-чая.

Неожиданная обстановка неприятельского корпуса на Баш-Кадыкларской позиции была следствием разногласия среди турецких военачальников.

Абди-паша полагал после боя 2 ноября уклониться от встречи с нами и отойти, ввиду приближения сурового времени года, к Карсу на зимние квартиры. Но некоторые паши с начальником штаба корпуса Рейс-Ахметом-пашой во главе протестовали против этого решения, настоятельно требуя вступить с нами в бой. Отношения между командиром корпуса и его начальником штаба так обострились, что 11 ноября Абди-паша уехал в Карс с намерением донести обо всем в Константинополь.

Вступивший в командование корпусом Рейс-Ахмет-паша, узнав о прибытии к нам подкреплений, размер которых был сильно преувеличен, решил 13 ноября после некоторых колебаний продолжать отступление. Но дошедший до него разговор о том, что в

лагере его обвиняют в трусости, заставил Рейс-Ахмета вернуться в Кадыклар, с тем чтобы принять здесь бой⁵⁷.

В ночь на 19 ноября турки не имели еще никаких сведений о нашем намерении их атаковать, и когда в десятом часу утра их разъезды дали знать о приближении отряда князя Бебутова, то первоначально Рейс-Ахмет этому не поверил, и целый час прошел без всяких с его стороны распоряжений. Удостоверившись же в действительности нашего наступления, он приказал ударить тревогу.

Первоначально турецкие войска построились на левом берегу ручья Кадыклар в две боевые линии, по 6 батальонов пехоты в каждой. На правом фланге первой линии стало 16 орудий, на левом — 6 орудий; обе батареи были с наружных флангов прикрыты двумя полками регулярной кавалерии. В резерве расположилось 8 батальонов пехоты и полк регулярной кавалерии с 8 орудиями. Для прикрытия главного лагеря у сел. Орта-Кадыклар было оставлено 6 батальонов пехоты при 8 орудиях и в малом лагере у Баш-Кадыклара — один батальон. Иррегулярная кавалерия, курды и башибузуки расположились в больших массах правее позиции, в лощинах у сел. Гамза-Кирык, и на левом фланге, выше сел. Угузла.

Князь Бебутов, произведя рекогносцировку неприятельского расположения, первоначально решил обойти левый фланг турецкой позиции, стать на Карсской дороге и нанести оттуда главный удар, лишив таким образом турок пути отступления.

Был первый час дня, когда князь Бебутов приказал отряду немедленно спуститься к сел. Угузла и построить боевой порядок.

Первой линией командовал генерал Кишинский. В центре ее стал 1-й батальон пехотного князя Варшавского полка в развернутом строю. Имея за собой две роты саперов в ротных колоннах; на левом фланге 2-й батальон того же полка, а на правом фланге 1-й батальон Егерского князя Воронцова полка, оба в колоннах к атаке, имея за собой по две роты стрелков в колонне справа. В интервалах между батальонами расположилось 16 пеш. орудий, по 8 в каждом интервале.

Вторую линию, под начальством князя Багратион-Мухранского, составили 4 батальона⁵⁸ в колоннах к атаке.

Для охраны нашего правого фланга от многочисленной турецкой кавалерии было направлено к верховью оврага 6 эскадронов нижегородских драгун и 3 сотни с 4 конными орудиями под начальством князя Чавчавадзе. Для охраны левого фланга было выдвинуто по направлению к сел. Гамза-Кирык 4 эскадрона драгун, 7 сотен казаков и 4 кон. орудия под начальством генерала Багговута.

1 $\frac{3}{4}$ батальона⁵⁹, 8 пеших орудий и 5 сотен казаков составили резерв, прикрывая вместе с тем оставшийся при отряде обоз. Резерв и обоз расположились в долине, закрытой от неприятельского огня.

Эпизоды Четатинского боя

Как только наш отряд стал спускаться с высот, чтобы перестроиться в боевой порядок, Рейс-Ахмет со своей стороны перешел к активным действиям. Две первые линии были выдвинуты в одну и должны были занять берег Мавряк-чай от с. Гамза-Кирик до Угузлы, а резерв из 8 батальонов при 8 орудиях и полка регулярной кавалерии был направлен для охвата нашего правого фланга между сел. Угузлы и горой Караял.

По окончании этих передвижений, совершенных турками в стройном порядке с распущенными знаменами, музыкой и барабанным боем, корпус Рейс-Ахмета принял следующее расположение.

На правом фланге, по дороге из с. Байрах-тар в сел. Гамза-Кирик, близ ручья Мавряк-чай, стал полк регулярной кавалерии; левее его, на высотах, батарея, прикрытая расположенными за нею 6 батальонами бывшей первой линии. Батальоны же второй линии спустились с высот к ручью Мавряк-чай и заняли тремя батальонами сел. Угузлы и тремя батальонами обрывистый левый берег вправо от этого селения. Левый фланг этого боевого порядка также прикрывался регулярным кавалерийским полком, спрятавшимся в долине ручья.

Резерв же турецкого корпуса, как сказано выше, направился против нашего правого фланга и, перейдя овраг Мавряк-чай,

развернулся между этим оврагом и горой Караял. Пехота выстроилась в две линии, по 4 батальона в каждой, имея на высоте перед первой линией 6 орудий и на левом фланге полк регулярной кавалерии с 2 орудиями. Иррегулярная конница по-прежнему была сгруппирована на обоих флангах турецкого расположения.

Это новое распределение неприятельских войск делало для князя Бебутова трудно исполнимым первоначальное его предположение о нанесении удара на левый фланг турок. Ему потребовалось бы совершить обходное движение на протяжении шести верст под фланговым огнем втрое сильнейшего неприятеля. Поэтому князь Бебутов решил изменить свое первоначальное предположение и нанести удар на ближайший, т. е. правый, фланг турецкого расположения.

Нашей первой линии было приказано пододвинуться к д. Угузлы, еще не занятой противником, и открыть огонь из находившихся при ней 16 орудий по неприятельской батарее; вторая же линия должна была выдвинуться влево для нанесения главного удара.

На огонь наших 16 орудий турки ответили огнем 30 орудий. Стрельба с обеих сторон была очень меткая, и густые строи наших батальонов сильно страдали от огня. Чтобы ослабить действие наиболее важной правой батареи турок, решено было сосредоточить против нее огонь большинства наших орудий. С этой целью дивизион артиллерии с правого интервала был перекинут в левый, и наши 12 орудий произвели замешательство в турецкой батарее.

В это время три турецких батальона, расположенных между д. Угузлы и мельницей, начали наступление против левого фланга нашей первой линии. Карточный огонь, направленный против них, не мог остановить атаковавших, и только дружный удар в штыки 1-го батальона Егерского князя Воронцова полка и двух рот Кавказского стрелкового батальона опрокинул в овраг неприятельские колонны. Турки усилились одним или двумя батальонами, взятыми от д. Угузлы, и повторили атаку, но и генерал Кишинский ввел в дело 1-й батальон князя Варшавского полка и две роты саперов, а из резерва подошли две роты Эриванского карабинерного полка и четыре орудия. Войска эти опрокинули своим огнем турок обратно в овраг с большим для них уроном.

Вторая линия во время этих действий в центре нашего боевого порядка переместилась, как было сказано, влево и вышла против правого фланга турецкой позиции. Эту колонну составляли два батальона Эриванского карабинерного и два батальона Гренадерского великого князя Константина Николаевича полков под начальством князя Багратион-Мухранского. В стройном порядке шли батальоны вперед, сильно страдая от губительного огня турок. В балке, которая находилась близ оврага, прикрывавшего неприятельский правый фланг, князь Багратион дал войскам передохнуть и

перестроил их для штурма, поставив эриванские батальоны в голове, а гренадерские за ними. Только полверсты отделяло наши войска от неприятельской батареи, но на этом пространстве им предстояло спуститься в овраг и подняться на высоту под картечным огнем турецких орудий и батальным огнем пехоты.

Князь Багратион произвел рекогносцировку и, подъехав к своему отряду, сказал несколько горячих слов о предстоявшем войскам подвиге. Громкое «ура!», бывшее ответом на эти слова, обмануло турок, и те дали залп, думая, что наши войска пошли уже на штурм. Между тем батальоны, пользуясь наступившим между залпами затишьем, быстро двинулись вперед, прикрытые густой цепью штуцерных.

Стройное движение наших войск, наступавших, держа ружья на руку, с развернутыми знаменами и барабанным боем, в грозной тишине, несмотря на губительный огонь, произвело заметное впечатление на турок. Карабинеры, выдержав по пути три залпа из орудий и штуцеров, отбросили штыками вышедшую им навстречу пехоту и с криком «ура!» ударили на правый фланг неприятельской батареи, которая успела дать последний залп почти в упор. Здесь закипел жаркий рукопашный бой с неприятельской пехотой, старавшейся отстоять свою батарею. Наши офицеры, подавая своим солдатам пример неустрашимости, падали в голове колонны один за другим. Их заменяли другие, и бой продолжался с новой силой, пока знамя 2-го батальона карабинеров не было водружено поручиком Менделеевым и штабс-капитаном Кавтарадзе 2-м на неприятельской батарее.

Колонна гренадер, наступавшая в это время правее карабинеров на ту же неприятельскую батарею, лишилась в самом начале приступа своего командира князя Орбелиани 3-го, раненного двумя пулями в ту минуту, когда он верхом находился уже в нескольких шагах от батареи. Тут же выбыло из строя большинство офицеров. Гренадеры, ослабленные значительным уроном, были встречены на подъеме к батарее превосходящими силами неприятеля. Овладение батареей казалось сомнительным. Это была критическая минута боя, тем более что в то же время наш крайний правый фланг едва держался против превосходящих сил, его обходивших. Князь Бебутов, сознавая всю важность минуты, лично повел в бой свой последний резерв — две роты Эриванского полка и взвод легкой батареи. Картечный огонь приостановил турок, а Бебутов устранил минутное замешательство в колонне гренадер и снова направил ее на неприятельскую батарею. Дружно опрокинули гренадеры турецкие батальоны и на батарею примкнули к эриванцам, которые к этому времени также справились с напавшим на них противником. Взятая 16-орудийная турецкая батарея вознаградила наши войска за их мужественный подвиг.

В этой атаке приняла участие и наша кавалерия левого фланга под начальством генерала Багговута. Она имела назначением прикрывать левый фланг боевого расположения князя Бебутова от турецкой регулярной и курдской кавалерии и содействовать главной атаке. С этой целью четыре орудия донской казачьей № 7 батареи заняли возвышенность над с. Гамза-Кирык, откуда могли анфилировать турецкую батарею, а также обстреливать регулярный кавалерийский полк, расположенный на крайнем правом фланге турок. Два дивизиона драгун прикрывали орудия, четыре сотни сводного линейного полка были направлены влево для обеспечения отряда с этой стороны, а три сотни линейных казаков оставались в резерве.

Волнистая местность, отделявшая нашу конницу от неприятеля, не давала возможности определить расположение его батарей и пехоты, почему генерал Багговут медлил с открытием огня, но когда турки начали обстреливать правый фланг нашего боевого порядка, генерал Багговут убедился в удачном расположении своих орудий и приказал им открыть огонь. Несколько удачных выстрелов привлекли внимание турок на их правый фланг. Курды, начавшие перестрелку с казаками, усилили свой натиск, а стоявший сзади них регулярный кавалерийский полк переправился через реку и пошел в атаку.

Генерал Багговут усилил огонь своей батареей, направив два орудия против турецкой кавалерии, и приказал сводному линейному полку ударить в шашки. Несколько гранат, попавших в турецкий полк, обратили его назад, и казаки, высланные из резерва, успели занять селение Гамза-Кирык, но положение сводного линейного полка было трудное, и он просил помощи против напавших на него курдов. Генерал Багговут, сняв два орудия с позиции, быстро двинул их вперед, осыпал курдов картечью и на несколько минут остановил их; но курды вскоре произвели новый натиск, для отражения которого пришлось выдвинуть остальные два орудия с 4-м дивизионом драгун. 3-й их дивизион был оставлен на прежней важной для нас позиции, так как здесь проходила дорога через овраг, отделявший генерала Багговута от турок. Меткая и быстрая стрельба наших орудий расстроила толпы курдов, а дружный удар казаков в шашки опрокинул их с большим уроном, после чего действия курдов на нашем левом фланге ограничивались лишь безвредной джигитовкой. Между тем неприятельский кавалерийский полк, пользуясь временем, когда наша артиллерия была направлена против курдов, снова двинулся в атаку; он приближался уже к оврагу, когда орудия наши вернулись, по приказанию генерала Багговута, на прежнюю свою позицию и своим огнем вновь заставили турок отступить.

Генерал Багговут, управившись таким образом с неприятелем, в пять раз нас превосходившим, стал выжидать действий нашей

Сражение при Ольтенице

пехоты, и в тот решительный момент, когда батальоны grenadier пошли на приступ неприятельских батарей, т. е. около двух часов дня, он двинул драгун с артиллерией во фланг туркам; казакам же приказал обскákat с. Гамза-Кирик, сбить кавалерийский полк и с тыла ударить по турецкой пехоте.

Крутой каменистый овраг не остановил быстроты наступления, и кавалерия в карьер вынеслась на противоположный его берег. Сотник Кульгачев со взводом донской батареи опередил свою конницу и, прикрытый лишь личным конвоем князя Бебутова, подскáкал к фланговому неприятельскому батальону не далее 50 сажень и осыпал его картечью. Третий дивизион драгун, под командой майора Петрова, ударил в шашки. Однако турецкий батальон, несмотря на быстроту и стремительность нашей атаки, успел перестроиться в каре с орудиями по углам и встретил драгун огнем. Передние ряды турок были сбиты, но задние с ожесточением отбивались штыками и стреляли в упор, уложив 80 наших храбрецов. Майор Петров, переменяв свою поднятую на штыки лошадь, продолжал напирать на каре и, пробив его угол, захватил орудие. Подоспевший 4-й дивизион драгун поддержал своих товарищей, захватил, несмотря на продолжавшееся упорное сопротивление турок, второе орудие и довершил поражение флангового турецкого батальона.

Тем временем казаки опрокинули регулярный кавалерийский полк, отбили его знамя и заскакали в тыл правому флангу турок. Эти одновременные удары поколебали неприятеля; он дрогнул и обратился в бегство, причем казаки взяли 4 орудия. К чести турецкой артиллерии надо сказать, что она отличалась истинной неустрашимостью и самоотверженностью. Оставаясь после бегства пехоты без прикрытия, артиллеристы продолжали стрельбу и гибли на своих орудиях. Лафеты и тела почти всех отбитых орудий были облиты кровью их храброй прислуги.

Когда эти описанные действия происходили на нашем левом фланге, неприятель продолжал в центре оказывать сильное сопротивление отряду генерала Кишинского. Здесь турки засели в сел. Угузлы, для овладения которым Кишинский двинул свои войска тремя колоннами. Средняя — из 2 $\frac{3}{4}$ батальона и 12 орудий⁶⁰ — направилась на селение с фронта, левая — из 3 рот и 4 орудий⁶¹ — в обход слева и правая — из 1 $\frac{1}{2}$ батальона и 4 орудий⁶² — в обход справа.

Средняя и левая колонны быстро двигались вперед под прикрытием своих батарей и, несмотря на сильный огонь противника, ворвались на штыках в селение, откуда вытеснили неприятеля. Правая же колонна была встречена двумя турецкими батальонами и кавалерийским полком и оказалась в затруднительном положении; однако стойкость пехоты и саперов и искусное действие артиллерии этой колонны остановили напор многочисленного неприятеля, а дружный удар в штыки и здесь обратил его назад.

Вслед за этим весь отряд генерала Кишинского перешел в преследование бегущего неприятеля, переправился через овраг и построился на высотах противоположного берега речки Мавряк-чай; здесь отряд генерала Кишинского примкнул к правому флангу гренадерской бригады, которая стояла уже на месте взятых неприятельских батарей.

Во время боя на нашем фронте и левом фланге кавалерия нашего правого фланга под начальством командира нижегородских драгун князя Чавчавадзе выдерживала натиск несоразмерно превосходящих турецких сил, направленных в обход нашего правого фланга.

Верховья речки Мавряк-чай образуют к западу от с. Угузлы овраг, отделявший наш правый фланг от противника и без особого затруднения доступный для перехода кавалерии. Можно было, несмотря на волнистую местность, рассмотреть, что густые колонны регулярной турецкой кавалерии (два уланских полка) и 8 батальонов пехоты тянулись по дороге, которая шла вдоль упомянутого оврага и потом переходила на нашу сторону в расстоянии около версты выше с. Угузлы. Не было сомнения, что эта колонна направлялась в обход правого фланга князя Чавчавадзе. Толпы курдов, шедшие слева и впереди регулярных войск, приближались уже к тому месту, где дорога пересекала овраг.

Князь Чавчавадзе, сознавая всю опасность замыслов неприятеля, если бы ему удалось утвердиться на нашей стороне оврага, построил свой отряд в боевой порядок. 1-й и 5-й дивизионы нижегородских драгун стали в развернутом фронте, имея между собой четыре орудия донской № 7 батареи; в резерве стал 2-й дивизион драгун в колонне к атаке, а 2-й дивизион сборного линейного казачьего полка и сборная сотня милиции были направлены вправо от драгун для удержания курдов.

Между казаками и курдами завязалась сильная перестрелка, а турецкий кавалерийский полк, расположенный в эскадронных колоннах в одну линию левее пехоты, рассыпал фланкеров и двинулся вперед на наших драгун.

В то же время 4 батальона неприятельской пехоты с 6 орудиями заняли позицию правее кавалерии и открыли по нашим войскам сильный огонь, а сзади первой линии показалось еще 4 батальона; курды же приняли влево и заняли скат горы Караял.

Князь Чавчавадзе, оставив казаков против курдов, выдвинул вперед 1-й дивизион драгун и взвод артиллерии, приказав 2-му дивизиону следовать за первым, а пикинерному с двумя орудиями наблюдать за пехотой.

После залпа двух конных орудий, подскакавших на ближний картечный выстрел к неприятельской кавалерии, первый дивизион драгун понесся на нее в атаку. Дружный удар в шашки остановил неприятеля, а когда на него ударил подоспевший 2-й дивизион, то турецкая кавалерия была в совершенном беспорядке опрокинута на свою пехоту. Неприятельские батальоны собирались ударить драгун во фланг, но на них был направлен пикинерный дивизион. Он опрокинул батальоны и заставил их отступить. Первая попытка неприятеля перейти через овраг была, таким образом, отбита, и князь Чавчавадзе отвел драгун на прежнюю позицию.

Едва наши драгуны успели остановиться, как турки снова перешли в наступление. Батальоны их выстроились в одну линию с орудиями в интервалах, а кавалерия выдвинулась вперед. Князь Чавчавадзе тотчас же повторил свою атаку, но, чтобы не допустить неприятеля охватить наши фланги, он построил все три дивизиона развернутым фронтом в одну линию с орудиями в интервалах. И в этот раз турецкая кавалерия не выдержала натиска драгун; несколько храбрейших турок дождались удара в шашки, прочие же в беспорядке бежали за свою пехоту. Пользуясь этим, драгуны атаковали пехоту и, несмотря на сильный ее огонь, расстроили несколько батальонов и захватили два орудия.

Чрезмерное превосходство противника не позволяло нижегородцам извлечь всех выгод из их блестящей атаки. Турки, несмотря на громадные потери, имели еще достаточно войск, чтобы с решимостью противодействовать нашим драгунам. Неприятельская кавалерия еще два раза пыталась перейти в наступление, но князь Чавчавадзе вновь водил драгун в атаку, пользуясь той минутой, когда турецкая кавалерия закрывала при движении вперед свою артиллерию, и успевал опрокидывать наступавшие на него массы. Последнее же усилие турок кончилось в третьем часу дня их бегством.

Описанный бой покрыл неуязвимой славой доблестных нижегородских драгун. В продолжение двух с половиной часов они

**Канонир Чиликин
под Ольтеницей**
(см. приложение № 59)

беспрерывно повторяли атаки превосходящего противника и каждый раз с полным успехом. Донская № 7 батарея также ни одной минуты не оставалась праздною. Выскакивая при наступлении наших войск вперед, она подготавливала расстройство неприятеля и быстро поспевала на угрожаемые пункты.

Было около половины третьего дня, когда наши войска двинулись вслед за разбитым на всех пунктах неприятелем, довершая его поражение. Кавалерия левого фланга была выслана вперед для преследования турок, бежавших по суботанской дороге; за нею следовали батальоны генерала

Кишинского на Баш-Кадыклар, а гренадерская бригада — на Орта-Кадыклар. Кавалерия правого фланга, до крайности истощившая лошадей в беспрерывных атаках, была оставлена для прикрытия обоза и раненых.

Несколько пушечных выстрелов было достаточно, чтобы заставить неприятеля бросить свои два лагеря. С этой минуты отступление турецких войск обратилось в бегство по дороге на Карс; курды же и милиция вскоре совершенно разбежались в разные стороны, грабя по дороге своих.

Наши войска, прекратив преследование, поздним вечером были возвращены обратно и расположились лагерем близ истоков речки Мавряк-чай. Не имея с собой в наступившую морозную ночь палаток, они нашли удобный приют под турецкими шатрами двух отбитых лагерей. Баш-Кадыкларское сражение продолжалось около трех часов, но ввиду многочисленности неприятеля, выгод его позиции и тех чрезвычайных усилий, которые потребовались от нашего малого отряда для одержания победы, потери князя Бебутова не могли не быть большими. Мы потеряли убитыми 9 офицеров и 308 нижних чинов и выбывшими из строя ранеными и контужеными 1 генерала, 48 офицеров и 928 нижних чинов. Неприятель оставил убитыми на поле сражения свыше 1500 человек, в том числе Ибрагима-пашу, 2 полковых и 5 батальонных командиров. Общая же потеря турок составляла до 8000 человек.

В руки победителей досталось 24 орудия, 13 зарядных ящиков, знамя, 13 значков, много артиллерийских лошадей, ружей и французских штуцеров с прицелом на 1000 метров, а также два богатых лагеря. Добыча была так велика, что в течение трех дней успели перевезти на наш бивак только часть ее, а остальное пришлось уничтожить⁶³.

Турки в паническом страхе безостановочно бежали до самого Карса. Милиция, опередившая регулярные войска, прибыла в Карс первая и произвела на базаре общий грабеж без разбора национальностей. Курды не дошли до крепости, грабили своих же дорогой и рассеялись во все стороны по домам.

Так печально для турок кончилась встреча нашего десятичного отряда с 36 000-м корпусом Рейс-Ахмеда-паши, который в надежде на хорошее обучение своих войск и их многочисленность гордо говорил своим солдатам в начале боя: «Смотрите, какая горсть имеет дерзость идти на вас! Мы не будем бить этих неверных, а окружим их, разберем по рукам и отведем в Карс!».

Следует, однако, заметить, что нашими начальниками были отмечены положительные по сравнению с прежним временем качества турецких войск, которые в бою выказали большое мужество и хорошее обучение⁶⁴.

Лучшее впечатление производила турецкая артиллерия. Материальная часть ее была в большинстве английского изготовления, офицеры и прислуга исполняли свой долг выше всяких похвал, и большая часть их умирала на орудиях в то время, как пехота бросала свою артиллерию. Пехота была хорошо обучена строю и движениям, так что не верилось, что это молодое, недавно призванное под знамена войско; но в открытом бою она не всегда была достаточно стойкой. Кавалерия, несмотря на хороший конский состав и хорошую езду, также не отличалась стойкостью, и наши драгуны ее легко опрокидывали.

Неудача, однако, быстро привела турецкий корпус в расстройство. Прибывшие в Карс остатки этого корпуса тщетно приводились в порядок иностранными офицерами (Кмети, Гюйон и другие), но трудно было что-либо сделать с этой деморализованной поражением толпой. Недостаток в продовольствии, благодаря злоупотреблениям интендантства, невыхода содержания и плохо организованная санитарная служба — все это были причины, которые также содействовали полному расстройству армии.

Для подкрепления Карсского корпуса туда притянули 2000 кавалерии из Эрзерума и 10 000 человек из Ардагана, выдвинув к этому последнему пункту из Эрзерума отряд Сари-паши в 6000 человек при 16 орудиях.

К зиме в Карсе находилось всего 25 тысяч при 30 орудиях⁶⁵, в Ардагане 5—6 тысяч и в Баязете столько же при 7—8 тысячах

курдов. Этот последний отряд первоначально предполагал начать наступление на Эривань, но, узнав о поражении главного корпуса, отказался от активных действий. Войска в Гурии оставались в прежнем составе, а резерв в Эрзеруме уменьшился до 7 батальонов и 12 осадных орудий.

Наш отряд 23 ноября вернулся в Александрополь и расположился там на зимние квартиры. Ближайшим следствием победы князя Бебутова было увеличение нашего влияния на пограничное население. Жители Баш-Шурагельского санджака добровольно вернули наших пленных и отбитый в разное время скот, прося принять их в русское подданство⁶⁶.

Известие о победе князя Бебутова было получено в Петербурге 5 декабря и на следующий день было отпраздновано торжественным выходом и молебствием. Нечего и говорить о том радостном впечатлении, которое победа эта произвела на императора Николая, гордого выдающимся геройским подвигом своих войск. Князь Бебутов получил орден Св. Георгия 2-й степени, генералы Багговут, князь Багратион и князь Чавчавадзе — ордена Св. Георгия 3-й степени; остальные участники также получили многочисленные награды, нижние же чины по 10 знаков отличия на роту, батарею и дивизион и по 2 рубля на человека⁶⁷.

Баш-Кадыкларская победа обеспечивала Александропольскому отряду спокойную зиму, но положение на обоих наших флангах, в Гурийском и Эриванском отрядах, оставалось еще невыясненным. С обеих сторон приходили донесения об усилении турецких войск, и во всякое время можно было ожидать их перехода в наступление.

Гурийский отряд получил, как уже известно, подкрепление из Ахалцыха, а усиление Эриванского отряда было возложено на князя Бебутова. С этой целью были выделены под начальством генерала Кишинского 3 $\frac{1}{2}$ батальона, 4 орудия и 4 сотни из Александрополя и Ахалкалаки, с которыми он должен был усилить Эриванский отряд и, вступив в командование этим отрядом, очистить наши пределы от неприятельских партий. По окончании возложенного на него поручения генерал Кишинский должен был возвратиться со своим отрядом в Александрополь, конвоируя из Эривани осадную артиллерию, необходимую для предположенного на следующий год движения к Карсу.

Укрепости Ахалкалаки до прибытия на Кавказ 13-й пехотной дивизии не было самостоятельного отряда, а войска, прикрывавшие эту крепость и расположенные у с. Орловка, подчинялись полковнику Шликевичу, начальнику всех войск, расположенных в Ахалцыхском уезде. С прибытием же 13-й дивизии

явилась возможность обратить внимание и на этот пункт, имевший значение как связывающий Ахалцых с Александрополем и как прикрывающий путь из Ардагана через Ахалкалаки и Орловку на Цалку и Тифлис.

Первоначально предполагалось направить на Ахалкалакский участок три батальона Белостокского полка, а полковник Шликевич должен был с 1 $\frac{1}{4}$ батальона Мингрельского полка, 6 орудиями и 3 $\frac{1}{2}$ сотни милиции перейти в Орловку; расположенные же там 2 батальона Эриванского и Тифлисского полков и 6 орудий

надлежало отправить в Александрополь. Но полковнику Шликевичу было, ввиду сбора турецких войск у Ардагана и появления в Ардаганском участке больших партий курдов, приказано оставаться до прибытия белостокских батальонов у Ахалкалак и принять под свое личное начальство все там сосредоточенные войска⁶⁸.

В конце октября здесь было получено донесение о появлении на самой границе турецкого отряда силой в 2000 человек при 6 орудиях. Произведенная для проверки этого донесения рекогносцировка выяснила, что на границе появились лишь значительные массы курдов, а регулярные турецкие войска в количестве 4000 человек при 6 орудиях продолжают оставаться в Ардагане. Поэтому отряд полковника Шликевича оставался расположенным у Ахалкалак, имея 9 рот с двумя орудиями, раскинутыми по духоборским селениям, и две сотни милиции, высланными для наблюдения за границей к с. Сульда.

Вскоре, однако, турецкие конные партии стали проникать в наши пределы и производить грабежи в пограничных селениях. 29 октября отряд турок, около 1000 человек, начал сосредоточиваться против сел. Керзак. Находившийся в этом пункте начальник штаба отряда подполковник Циммерман сделал распоряжение о спешном сосредоточении к этому пункту от Ахалкалак и Богдановки 1 $\frac{1}{2}$ батальона и 4 горных орудий. Войска эти выступили с пунктов квартирования на рассвете 30 октября и могли прибыть к месту назначения не ранее 4 часов дня. Тем временем турки успели ограбить Керзак, который только к вечеру был вновь занят подполковником Циммерманом с подошедшими подкреплениями. Одновременно неприятель сжег беззащитный Хозанинский карантин⁶⁹.

Сражение у Четати

*(с рисунка тушью
Пянишникова)*

31 октября 3-й батальон Белостокского полка получил приказание двинуться из Керзак в Александрополь. Турки воспользовались уменьшением наших сил, атаковали в числе 2000 человек Керзак, заняли его, а ночью произвели нападение и на сел. Орловка. Эти нападения при невозможности противодействия им вызвали распоряжение о выселении жителей под защиту наших отрядов на Цалку. Впрочем, нападение на Орловку было отбито направившимся туда с пути 3-м батальоном Белостокского полка, который ввиду утомления и оставленного при быстрых передвижениях обоза не мог немедленно продолжать движения к Александроплю. Тяжелое положение Ахалкалак и появление турецких скопищ на сообщениях этого пункта с Ахалцыхом и Александроплем заставили князя Бебутова временно приостановить движение части войск Ахалкалакского отряда к Александроплю.

Это дало возможность и здесь нам перейти к активным операциям.

3 ноября подполковник Циммерман выступил с 13-й ротой Мингрельского полка и 160 казаками из Ахалкалак к с. Оны, надеясь захватить в нем турок врасплох, но и неприятель выступил к нам навстречу.

В произошедшем столкновении успех оказался на нашей стороне благодаря подошедшим на помощь двум ротам Белостокского полка с двумя горными орудиями, и турки были опрокинуты на Керзак. 11 ноября также произошло удачное дело наших двух конных дружин с турками у с. Курдадема, кончившееся отступлением турок⁷⁰. К 14 ноября мы сосредоточили к Хертвикскому ущелью отряд силой в 3 сборных батальона и 3 сотни, что заставило турок очистить с. Хертвик и отойти к границе.

Эти мелкие успехи дали возможность новому начальнику Ахалкалакского отряда князю Орбелиани 3-му 21 ноября выступить из Ахалкалак по направлению к границе с целью вытеснить из наших пределов турецкие отряды⁷¹. После ночлега в с. Оны он разделил свой отряд на две колонны, направив одну на Сульду, а другую на Керзак. Это движение заставило турецкие войска очистить нашу границу и отойти к Ардагану. Население пограничных Чалдырского и Ардаганского санджаков явилось к начальнику отряда с просьбой пощады и с обещанием полной покорности в случае занятия нами Ардагана. Однако такое предприятие являлось с нашей стороны невыполнимым. Даже в случае захвата незначительным отрядом князя Орбелиани Ардагана ему невозможно было бы зимовать в этом пункте, менее удаленном от Карса, чем от Ахалкалак, и пути сообщения с которым были к тому же крайне плохи; поэтому 24 ноября князь Орбелиани вернулся в Ахалкалаки, расположив свой отряд в окрестностях этого города.

В конце ноября князь Бебутов сделал новое распределение войск, чтобы более сосредоточить части, по необходимости до этого времени разрозненные. В Ахалкалакский отряд назначались, под начальством князя Багратиона-Мухранского три батальона Эриванского полка с 4 орудиями, а два батальона Белостокского полка с 4 орудиями должны были направиться в Ацхур и войти в состав Ахалцыхского отряда. Части же Тифлисского и Мингрельского полков, входившие в состав Ахалкалакского отряда, перемещались в Эриванский отряд.

Князь Воронцов при общей слабости наших сил на Кавказе до прибытия туда 13-й пехотной дивизии главное внимание обращал на прикрытие границы в важнейшем направлении со стороны Карса и Батума. Для обеспечения же Эриванской губернии со стороны Баязета и Кагызмана мог быть уделен лишь один батальон⁷² при двух орудиях кроме казачьих постов кордонной линии и грузинского линейного батальона, занимавшего Эриванскую крепость.

Казачьи посты Сурмалинского участка должны были в случае наступления турок сосредоточиваться к постам Аргуджинскому и Каравансарайскому; ближайшей поддержкой им могли служить три сотни милиции у д. Паузокун, а общим резервом — отряд из 5 рот, 2 орудий, 200 казаков и 1400 милиционеров, расположенный в Оргове. С такими силами представлялось невозможным удерживать неприятеля на всем протяжении Сурмалинского участка нашей границы, почему и было сделано распоряжение вывести при известии о наступлении турок чиновников и все казенное имущество из Кульп, Аралыка и Орговского карантина в Эривань⁷³.

Уже 10 октября приступили к сбору постов, так как, по донесениям лазутчиков, турки предполагали в скором времени вторгнуться в числе 10 000 человек при 8 орудиях (в действительности там было не более 6000 человек, под начальством Селима-паши) из Баязета в наши пределы в двух колоннах через Оргов и Каравансарай. Если бы эти слухи оправдались, то положение Орговского отряда, выдвинутого к самой границе, являлось бы очень опасным. К тому же местное татарское население явно показывало сочувствие туркам, а армянское население отличалось трусостью, и набранная из него милиция заявляла о нежелании драться в том случае, если Орговский отряд не будет усилен пехотой. На местных курдов, в общем пока еще спокойных, также трудно было рассчитывать при первых, хотя бы и незначительных, успехах турок. Ввиду этого начальнику передовых постов полковнику Хрещатицкому было приказано в случае явной «тщательно проверенной» опасности отходить не далее р. Аракса, прикрывая выселение туда же из пограничных деревень армянских семей.

Около 20 октября передовые турецкие части одновременно появились со стороны Баязета у Оргова и со стороны Кагызмана у

Князь В. О. Бебутов

Кульп. Ввиду слухов, что это движение предпринято неприятелем с целью овладения Эчмодзианским монастырем, Эриванский отряд, усиленный двумя ротами и двумя орудиями, был переведен к Эчмодзиану. Известие это до того встревожило князя Воронцова, что, несмотря на нежелание ослаблять Александропольский отряд, он приказал двинуть оттуда на выручку Эчмодзиана часть сил. Впрочем, войска эти, пройдя два перехода, вернулись назад, так как турецкие отряды вновь отступили к Кульпам и Оргову.

28 октября Эриванский отряд силой в 3 $\frac{1}{2}$ батальона, 10 орудий, 4 сотни казаков и 16 сотен милиции выступил под начальством полковника Коллюбакина из Эчмодзиана к Араксу. Полковник Коллюбакин 31-го числа отправил для выяснения сил неприятеля, появившегося со стороны Кульпы, отряд силой в 2 роты, сотню казаков и 5 сотен милиции в сел. Араб-Керли с приказанием, в случае наступления превосходящих неприятельских сил, отходить к Амарату. В то же время полковник Хрещатицкий должен был с 3 сотнями произвести рекогносцировку от сел. Игдырь к Оргову. Впереди Амарата в резерве оставались 4 роты при 4 орудиях и в самом селении 2 батальона и 6 орудий.

От разбитой перед Кульпами партии курдов удалось узнать, что с этой стороны оперирует лишь незначительная партия в 800 человек, отделившаяся от отряда из Баш-Шурагеля, действовавшего против Александрополя, и что других сил с этой стороны у турок не было. Поэтому полковник Коллюбакин оставил свою конницу на правом берегу Аракса, а с пехотой и артиллерией стал у Сардар-Абада, чтобы следовать затем к Эчмодзиану⁷⁴.

10 ноября турки вновь перешли в наступление со стороны Оргова и начали грабить окрестные селения. Высланному из Сардар-Абада к Игдырю конному отряду полковника Хрещатицкого, поддержанному 2 батальонами и 2 орудиями, не удалось уже завладеть Игдырем ввиду занятия его превосходящими силами турок, но удачным боем перед этим селением он способствовал переселению за Аракс армянского населения.

О турецких силах, сосредоточенных у с. Игдыря и в Кульпах, у нас были настолько преувеличенные сведения, что эриванский губернатор генерал Назаров стал спешно готовиться к серьезной обороне Эривани. Вместе с тем после Баш-Кадыкларского боя и генерал Бебутов решил усилить Эриванский отряд, направив туда генерала Кишинского с 3 $\frac{1}{2}$ батальона, 4 орудиями и 4 сотнями. Генерал Кишинский должен был перейти на правый берег Аракса, очистить Сурмалинский участок от неприятеля и, присоединив к себе батальон Гренадерского великого князя Константина Николаевича полка, вернуться в Александрополь с осадным парком, направляемым туда из Эривани.

Хотя в конце ноября выяснилось, что силы турок у Игдыря и Кульп оказались в действительности не более 4 тысяч и после Баш-Кадыкларского боя они спешно очистили Сурмалинский участок и отступили к Баязету, назначение генерала Кишинского не было отменено. Исполнив свою задачу, он в начале декабря вернулся в Александрополь, а Эриванский отряд расположился по квартирам следующим образом: батальон, 2 орудия и сотня в Кульпах, такой же силы отряды в Араб-Керли и Амарате и остальные 6 рот при орудиях были оставлены в Эчмодзиане⁷⁵.

Говоря об Эриванском отряде, следует добавить несколько слов о том положении, которое в начале кампании заняла Персия.

Когда в октябре начались среди турецких курдов враждебные нам волнения и наследники умершего Сеид-шаха, находившегося в дружеских сношениях с Шамилем, объявили фесехад (религиозный поход) в наши пределы, это враждебное настроение перешло и за границу Персии, населенной курдами. Брат Сеид-шаха Шейх-Салек, который проживал в Персии, в Бердассуре, являлся главным агитатором среди курдов, почему наше правительство потребовало от шаха удаления Шейх-Салека и удержания курдов.

Персидское правительство хотя и принимало ряд мер, но действия его были нерешительны и тем как бы поощряли курдов. Причину к этому следует искать главным образом в деятельной агитации турецких и в особенности английских агентов. Персидский шах пребывал в нерешительности; с одной стороны, он находился под влиянием агитации англичан, с другой же — он не хотел упустить возможности поживиться за счет турок в случае нашей удачи. Поэтому он не решался принять энергичных мер против своих курдов и даже против вторжения через Персию в наши пределы турецких орд, но в то же время не препятствовал и нам производить в большом количестве в Персии закупки муки для Александропольского отряда.

Однако в начале ноября шах обратился к императору Николаю с предложением наступательного союза, причем он обязывался выставить на границе с Турцией в Хое отдельный корпус

в 60 000 человек, который должен был бы действовать вместе с корпусом князя Бебутова. Государь был очень обрадован этой вестью. «Слава Богу, — пометил он на донесении князя Воронцова, — хотя мало действительной помощи, но все же оттянет часть турок»⁷⁶.

Для руководства действиями персидского корпуса была отправлена из Тифлиса особая миссия во главе с генералом Санковским, которая должна была поддерживать связь с князем Бебутовым, сообщать персидскому главнокомандующему те сведения, которые князь Бебутов признает необходимыми, и руководить действиями персидской армии, насколько это будет признано желательным персидским правительством⁷⁷.

Шах, действительно, отдал приказ о сборе войск и назначил главнокомандующим Азис-хана, но дело подвигалось медленно. В середине ноября в Хое было лишь 5 слабых полков тысячного состава при 12 орудиях, к следованию туда готовилось 6 полков и в Айбеджане предполагалось набрать еще 10 полков; артиллерия же должна была быть усилена еще 38 орудиями.

Все эти распоряжения еще не были приведены в исполнение, как совершенно неожиданно шах предъявил нам как неперемное условие его союза требование значительной денежной субсидии и гарантий. Вместе с этим персидское правительство продолжало потворствовать агитации турок среди персидских курдов и не препятствовало туркам делать в Персии значительные закупки всех продовольственных запасов.

Император Николай был очень недоволен такой двусмысленной политикой шаха. Генерал Санковский получил приказание оставаться на границе впредь до особого распоряжения, а нашему посланнику в Тегеране было предложено передать шаху, что государь отказывается от всякого союза с Персией, а тем более от предлагаемого ею нравственного содействия, и ограничивается лишь требованием полного ее нейтралитета⁷⁸.

Князь Бебутов, как уже было сказано, воспользовался успехами Ахалцыхского отряда, чтобы в середине ноября усилить Гურიцкий отряд, за который он в то время наиболее опасался. На границе Гурии, действительно, стоял корпус турецких войск, одержавший успех, хоть и незначительный, у поста Св. Николая. Корпус этот насчитывал в своих рядах свыше 20 тыс. человек, лучше других снабженных, так как имел по берегу и морем удобное сообщение с Батумом, который служил для него базой.

Князь Гагарин против этих сил имел в Озургетах и его окрестностях всего 5 $\frac{1}{2}$ батальона полевых войск, $\frac{3}{4}$ линейного батальона, 12 орудий и 14 $\frac{1}{2}$ сотни милиции⁷⁹; гарнизон Поти состоял из $\frac{3}{4}$ Грузинского линейного батальона и сотни Самурской милиции, в Редут-Кале стояли рота Черноморского линейного № 12 батальона и

сотня Самурской милиции, и на постах по границе были распределены 2 сотни казаков и 18 сотен милиции. В Кутаисе оставалось только 2 роты Брестского пехотного полка.

Всего же в Гурии было 8 батальонов, 12 орудий, 2 сотни казаков и 34 $\frac{1}{2}$ сотни милиции численностью в 6237 нижних чинов и 3850 милиционеров.

Вторжение турок в Ахалцыхский район вынудило князя Гагарина отделить часть сил для обеспечения своего левого фланга. С этой целью проходы в Сурам и Вахан, а также ущелья Зекарское и Ханское, идущие из Абас-Тумана и Ахалцыха, были заняты милицией, а в резерве у

с. Богдад была поставлена рота Брестского полка, выдвинутая из Кутаиса. Вместе с тем ввиду возможности действия турок со стороны моря были перевезены запасы продовольствия из Поти и Редут-Кале к пристани на Рионе, у Чапан, который оборонялся ротой усиленного состава. За Поти князь Гагарин не опасался, считая, что расположенного там гарнизона и 5 орудий достаточно для противодействия высадке турок, но Редут-Кале признавался им без содействия флота совершенно беззащитным.

Гурийский отряд, стоя лицом к лицу с авангардом турецкого корпуса, должен был оставаться в постоянной готовности к бою, и редкий день проходил там без стычек на границе. 5 ноября турецкий отряд силой в 2000 человек при 2 орудиях напал на кочермах, вооруженных фальконетами, на устье р. Сепи и окружил расположенную там сотню мингрельской милиции, но сотня эта, подкрепленная дружиной князя Гуриели, отбила нападение и обратила турок в бегство. 7 ноября отряд в 3000 человек, напав на Чолокский пост, хотел вторгнуться в наши пределы на Лихаур, но был отбит милицией, которая преследовала турок на 6 верст по ту сторону границы. Также неудачны были и остальные нападения неприятеля на наши посты, почти непрерывно производимые в первой половине ноября.

По собранным сведениям, войска корпуса Селима-паши были к середине ноября расположены следующим образом: около 7000 человек в укрепленных позициях близ р. Чолок, имея в резерве

*Генерал-лейтенант
князь Андронников*

у Чурук-су 7000 человек с 13 полевыми и 20 крепостными орудиями под начальством самого Селима-паши. В Николаевске и его окрестностях находилось 8000 человек при 9 орудиях и, кроме того, часть сил занимали Батум (при 50 орудиях) и Цихидзири (при 15 орудиях). В Батуме собирались кочермы и ожидались военные суда для перевозки, по слухам, десанта к Потти, Редут-Кале и Сухуму одновременно с наступлением корпуса от Николаевска и Чурук-су к Озургетам. На это намерение неприятеля указывали также усилившиеся сношения турецкого флота с горцами, выгрузка 6 ноября на берег збыхов 200 пудов пороха и орудий⁸⁰ и обещание о прибытии туда не позже как через две недели турецкого отряда.

Появление в наших водах неприятельского флота вынудило адмирала Серебрякова снять с крейсерства мелкие суда и оставить для этой цели лишь 4 фрегата и 1 корвет, что затрудняло связь с фортами береговой линии, и положение их становилось опасно. Черноморскому побережью угрожала в это время и другая беда — появление холеры в Геленджике, но, к счастью, эпидемия скоро прекратилась, не распространившись на другие пункты⁸¹.

Князь Гагарин признавал лучшим способом защиты Гурии переход в наступление с целью занятия Кобулет и поэтому вновь вошел в переговоры с адмиралом Серебряковым относительно плана совместных действий против Чурук-су. Но предварительно надо было выждать прибытия обещанных подкреплений, так как силы Гурийского отряда были недостаточны для атаки хорошо укрепленных позиций турок, в особенности при том условии, что адмирал Серебряков мог содействовать операции лишь огнем артиллерии своей эскадры, не имея возможности для производства десанта удалять войска с береговой линии⁸².

Вообще адмирал Серебряков на наступление к Чурук-су смотрел с несколько иной точки зрения, чем князь Гагарин. Он полагал, что движение к этому пункту в соединенных силах может иметь весьма серьезные последствия, но для этого необходимы быстрота, решительность и достаточные силы. При таких условиях турки, занимавшие пост Св. Николая, не успели бы на помощь к Чурук-су, а занятия нами этого пункта повлекло бы и немедленное падение поста Св. Николая. Неудачная же атака нами Чурук-су могла бы повлечь за собой очень вредные для нас последствия: совершенный упадок духа в милиции, большие потери при отступлении и наступление турок из поста Св. Николая на Озургеты, в тыл нашему отряду. Адмирал Серебряков предупреждал князя Гагарина, что задуманную операцию против Чурук-су надо базировать исключительно на сухопутные войска, не надеясь на внушительную помощь со стороны флота. Эскадра, крейсировавшая у восточных берегов Черного моря, при незначительном своем

размере имела задачей охранять все побережье, и, удаляясь на юг, она открывала доступ неприятелю к важным для нас северным пунктам побережья. Кроме того, помощь флота находилась в большой зависимости от погоды, и, наконец, адмирал полагал, что в борьбе с береговыми батареями суда всегда находятся в более невыгодном положении, а потому и применять их для этой цели надо с большой осторожностью.

Обещая, впрочем, возможное со стороны содействие, адмирал Серебряков держался иного, чем князь Гагарин, мнения о предполагаемых действиях и силах турок. Он считал, что доставленные сведения о силе Батумского корпуса очень преувеличены, и останавливался на трех возможных предположениях о силах и намерениях неприятеля. Судя по большой заботливости по укреплению неприятелем своих позиций, Серебряков считал возможным, что силы турок были слабее наших, и тогда Селим-паша мог бы напасть на нас при удобном случае, как, например, при раздроблении наших сил. Второе предположение состояло в намерении неприятеля подаваться вперед вдоль берега, под защитой и при содействии флота, чтобы утвердиться в Поті и потом двигаться к следующим береговым пунктам, укреплять их и обеспечивать себе тыл порчей береговой дороги. Возможно также, что турки выжидали, оставаясь на занимаемых ими позициях, нашего наступления на Чурук-су, чтобы ударить от поста Св. Николая на наш правый фланг и тыл.

Адмирал Серебряков считал наиболее вероятным второй способ действий, т. е. наступление вдоль береговой дороги, а поэтому полагал необходимым сильно укрепить Поті, так как падение этого пункта повлекло бы за собой падение Редут-Кале, восстание Абхазии и присоединение к туркам горцев Магомет-Аминя. При таких условиях тыл Гурийского отряда оказался бы в руках противника и его положение могло стать критическим.

Князь Гагарин принимал, в ожидании подкреплений, меры к обеспечению своего отряда продовольствием на зимний период. К 1 ноября в магазинах Гурии и Имеретии состояло всего 8400 четв. муки, 511 четв. круп, 2145 четв. сухарей, что составляло лишь

Генерал-майор князь Гагарин

четырёхмесячную пропорцию, а между тем местные запасы были сильно истощены прохождением через Гурию 13-й пехотной дивизии. Это обстоятельство сильно тревожило начальника отряда, который просил независимо от предназначенных ему из Сухума 3500 четв. муки доставить столько же из внутренних магазинов края. Не хватало в отряде также перевозочных средств, которые составляли только треть месячного довольствия, и князь Гагарин просил о доставке ему добавочного транспорта.

Для Гурийского отряда ноябрь был самым критическим, но победы князя Андронникова и князя Бебутова облегчили его положение⁸³. Они не только отразились самым неблагоприятным образом на моральном состоянии корпуса Селима-паши, но и дали возможность подкрепить отряд 3 $\frac{1}{4}$ батальона и 3 сотнями⁸⁴. Кроме того, 2 батальона Белостокского полка, входившие в состав Ахалцыхского отряда, должны были расположиться в Ацхуре, откуда они могли поддерживать и Гурийский отряд. Наконец, синопский бой уменьшал опасение за Гурию и за все побережье наше со стороны моря.

Эти благоприятные обстоятельства воскресили надежды князя Гагарина на переход в наступление. Желание отряда, и в особенности пылкой милиции, тяготившейся продолжительным бездействием, разделить лавры своих более счастливых товарищей вполне понятно. Князь Гагарин во всех своих письмах к князю Воронцову просил разрешения перейти границу с целью оттеснить турок из Чурук-су и, таким образом, обеспечить зимнее расположение своего отряда⁸⁵.

Действительно, казалось бы, что и Гурийскому отряду возможно было теперь приступить к более энергичным действиям. Князь Меншиков, который раньше высказывался за невозможность наступления со стороны Гурии⁸⁶, стал после Ахалцыхского и Баш-Кадыкларского сражений упрекать князя Гагарина в бездействии и «в недостатке священного огня и способностей, необходимых для войны»⁸⁷. Но иначе смотрел на это дело князь Воронцов⁸⁸, который считал наступательные действия с Гурийской линии в то время не только напрасными, но и могущими иметь дурные последствия.

Своей главной заботой с самого начала открытия военных действий князь Воронцов считал защиту всего края. К концу ноября опасное положение оставалось только в Гурии, почему наместник и отправил туда подкрепление, имея исключительной целью обеспечить себя на этом фланге и образовать резервы в Потии и Редут-Кале на случай высадки турок в то время, когда бурная погода не позволила бы нашему флоту прийти на помощь из Сухума. Князь Воронцов никоим образом не желал рисковать нападением на приморские пункты, защищенные сильными отрядами, и

которые мы не можем удержать за собой из-за близкого соседства Батума. Он полагал возможным взять без особого труда обратно пост Св. Николая, но считал, что не в силах удержать его в своих руках без постоянной помощи с моря и без занятия Чурук-су. Гурийский отряд, по словам наместника, находился в очень сильном оборонительном положении, составляя резерв для Абхазии. При удалении же этого отряда вглубь неприятельской страны турки могли угрожать Абхазии с моря, а Магомет-Амин с сухого пути, и, следовательно, мог возгореться опасный для нас вопрос о Черноморской береговой линии. Князь Воронцов полагал, что занятие поста Св. Николая и Чурук-су было бы полезно лишь в том случае, если бы решено было занять и Батум, для чего потребовалось бы участие и значительной части Черноморского флота. Но вопрос об атаке Батума не входил в сферу самостоятельных решений наместника.

Император Николай, которого победы под Ахалцыхом и Баш-Кадыкларом заставили еще более, чем прежде, желать перехода Кавказской армии в наступление, согласился с доводами князя Воронцова, и наступление Гурийского отряда не состоялось.

11 декабря адмирал Серебряков, не зная еще о последовавшем запрещении князя Воронцова атаковать Чурук-су, прибыл со своей эскадрой в Сухум-Кале. Под флагом его находилось 5 пароходов и 5 фрегатов, так как князь Меншиков усилил в целях поддержки наступления князя Гагарина эскадру Серебрякова пароходо-фрегатами «Крым», «Херсонес» и «Одесса» под флагом контр-адмирала Панфилова.

Узнав в Сухум-Кале об отмене операций Гурийского отряда, эскадра Серебрякова направилась для рекогносцировки Анатолийского побережья, имея целью возбудить у турок опасения за Батум и тем удержать их от морских предприятий к нашим берегам⁸⁹.

16 декабря эскадра вышла из Сухума и 18-го прошла от Николаевска до Ризо. Погода благоприятствовала парусным судам, которые все время держались на виду пароходов. Из Чурук-су турки открыли по эскадре частую, но совершенно безрезультатную пальбу залпами, на которую наши суда также отвечали и произвели в городе пожар. В Батуме приближение нашей эскадры произвело смутнение, и войска выстроились на берегу, ожидая нападения; в других пунктах, также на берегу, были видны войска и масса зрителей. От Ризо пароходы адмирала Панфилова направились прямо в Севастополь, а эскадра Серебрякова 19-го утром вернулась в Сухум. Рекогносцировка выяснила, что вблизи Анатолийских берегов турецкого флота не было, а имелось лишь по 10 кочерм в Батуме и у Чурук-су, а также можно было разглядеть, что у этого последнего пункта имелось на берегу три редута, а в Батуме — хорошо вооруженные редут и береговая батарея.

Князь Багратион-Мухранский

В Гурийском отряде в течение декабря действия ограничивались лишь незначительными стычками, причем нападение турецких банд с успехом отбивалось нашими милиционерами⁹⁰.

Корпус Селима-паши, несмотря на болезни и дезертирство, все же насчитывал в своих рядах свыше 9000 регулярной пехоты при 20 орудиях и 8000 милиционеров. Почти что все силы этого корпуса были сосредоточены в районе Николаевска—Чуруксу с незначительными резервами в Батуме и Цихиндзирах. Селим-паша старался

ободрить свои войска обещанием поддержки англо-французского флота и скорого перехода в наступление, но в действительности он готовился к обороне, на что указывала порча им только что турками же исправленных дорог к нашей границе и укрепление всех позиций до Батума включительно.

В таком оборонительном для обеих сторон положении застало Гурийский отряд известие о действительном появлении союзного флота в Черном море с целью «оберегать турецкую территорию и флаг от всякого нападения или враждебного действия».

Князь Меншиков и после этого известия все еще продолжал настаивать на необходимости перехода Гурийского отряда в наступление, хотя бы с целью сделать «наперекор англичанам»⁹¹, но князь Воронцов не только не помышлял о наступательных предприятиях по берегу моря, невозможных без содействия флота, а признавал наше положение на всем побережье Черного моря критическим. И это тем более, что князь Меншиков настаивал на прибытии в Севастополь крейсировавшей у восточных берегов эскадры, что лишало побережье последнего средства защиты.

Об обороне Кавказского побережья против соединенного флота, конечно, нельзя было и думать, но следовало позаботиться о спасении многочисленных гарнизонов береговой линии и их семейств. Если укрепления северной части побережья могли надеяться на отступление к Новороссийску, а южной — на Гурийский отряд, то в совершенно ином положении находились укрепления средней его части. Гарнизоны их, атакованные с моря, к которому они с другой стороны были бы прижаты горами, и без

пути отступления, неминуемо должны были погибнуть. Единственно, что оставалось, это очистить все побережье от мелких гарнизонов, срыв предварительно укрепления и испортив орудия, но и этой операции нельзя было сделать без флота.

По мнению адмирала Серебрякова, необходимо было начать с эвакуации укреплений Новотроицкого, Тенгинского, Вельяминовского, Лазаревского, Головинского, Навагинского и Св. Духа, из которых последние пять, хотя и каменной постройки, но не могли выдержать огня артиллерии. Геленджик имел путь отступления лишь в случае удержания нами Новороссийска, но и то по береговой дороге, обстреливаемой с моря; переход же слабого (2 батальона) гарнизона этого укрепления через горы прямо в Черноморье являлся невозможным. Тем не менее Геленджик желательно было сохранить, чтобы не дать неприятельскому флоту базироваться в нем для действий против Новороссийска и Крыма. В свою очередь в отношении защиты последнего необходимо было сохранить Новороссийск, что не представляло затруднений, так как он имел путь отступления на Анапу.

Что касается фортов от Абхазии и к югу, то вопрос об очищении их находился в зависимости от того положения, которое примет в отношении нас местное население. Но так как на верность Абхазии рассчитывать в случае вторжения турок и их союзников было нельзя, то приходилось отказаться от сохранения и этих фортов. Мера эта являлась для нас крайне невыгодной, так как без сопротивления отдавала во власть союзников всю Абхазию и открывала им связь с горцами. Особенно в этом отношении чувствительным для нас являлось бы очищение укрепления Гагры, которое закрывало дефиле с единственным удобным путем из Абхазии в горы, но и Гагры были слишком слабы для борьбы против флота, а удержание их могло лишь отдалить, но не предотвратить потерю Абхазии.

Наиболее важным пунктом этой части побережья являлся Сухум, так как потеря его давала бы хорошую бухту для зимовки неприятельского флота. Между тем Сухум был очень слабо защищен. В старой, турецкой постройки, крепостице два бастиона со стороны моря обвалились, и над их брешами были построены деревянные срубы для прикрытия орудий; город же и гора, занимаемые гарнизоном, не были ничем защищены с суши. Бухта оборонялась лишь 12 орудиями малого калибра, поставленными в крепости и на земляных батареях в устье р. Беслети. Единственным средством для удержания Сухума мог бы служить лишь достаточно сильный гарнизон, для чего и могли быть обращены гарнизоны очищенных укреплений береговой линии.

В том случае, если бы снятие фортов было решено, адмирал Серебряков считал необходимым приступить к нему не поодиноч-

ке, а по несколько фортвов сразу, чтобы не дать горцам времени подготовиться к нападению, а также не откладывать этой операции, которой в случае разрыва с западными державами могли помешать их флоты⁹².

Мнение адмирала Серебрякова разделялось и князем Меншиковым, который, однако, признавал трудным удержать Сухум и вместо него указывал на Редут-Кале или Поты, как на базу и пункт сосредоточения подвижного резерва⁹³.

Князь Воронцов с нетерпением ожидал разрешения государя для приведения в исполнение такой крайней меры, а пока не решался отпустить в Севастополь крейсирующую эскадру, которая ему была необходима для этой цели.

Зима 1853/54 года прошла спокойно для войск Кавказского корпуса. Турецкие отряды, оттесненные от границы, не решались уже тревожить ее своими нападениями, а уstraшенное нашими победами пограничное население искало дружбы с нами. И только на Кавказской линии продолжались начатые еще осенью действия против горцев.

На правом фланге в Тенгинском был собран 20 октября отряд (в составе 3 сборных батальонов, 20 сотен, 12 пеших и 6 конных орудий, общей силой около 7000 человек), который должен был отвлекать горцев, находившихся между реками Лабой и Белой, от содействия шапсугам против войск Черноморья. 21 октября отряд этот перешел в Белореченское, где усилился еще одним батальоном, и, переночевав 22 числа на р. Пшиш, на следующий день двинулся вверх по реке⁹⁴. В 12 верстах войска наши обнаружили завалы, занятые горцами и сильно укрепленные земляным банкетом и рвом. Артиллерийский огонь вынудил горцев отступить, и отряд продолжал движение к лесистой балке Аджой. Балка эта, занятая горцами, была атакована главными силами с фронта и 6 сотнями с левого фланга, после чего находившийся там аул Хуаджи-Хобль был нами взят. Тогда началось обратное движение отряда под напором горцев, причем потери наши доходили до 80 человек.

27 октября был предпринят новый поиск вверх по Белой, после чего отряд разбился на мелкие партии, в 3—4 роты каждая, для рубки просеки между Большой и Малой Лабой.

Со стороны Владикавказского округа более значительные действия были предприняты в декабре с целью обеспечения Военно-Грузинской дороги очищением ущелий Нетхая и Шалаши от непокорных горцев, главными гнездами которых являлись аулы Азерзау и Соль-ерзау в 8—12 верстах от Бумутского укрепления⁹⁵. С покорением их явилась возможность заселить мирными жителями долины рек Прутона и Фортанчи. Наши наступательные действия здесь были важны и в том отношении, что давали возможность показать горцам, что война с Турцией не ослабила нас на линии.

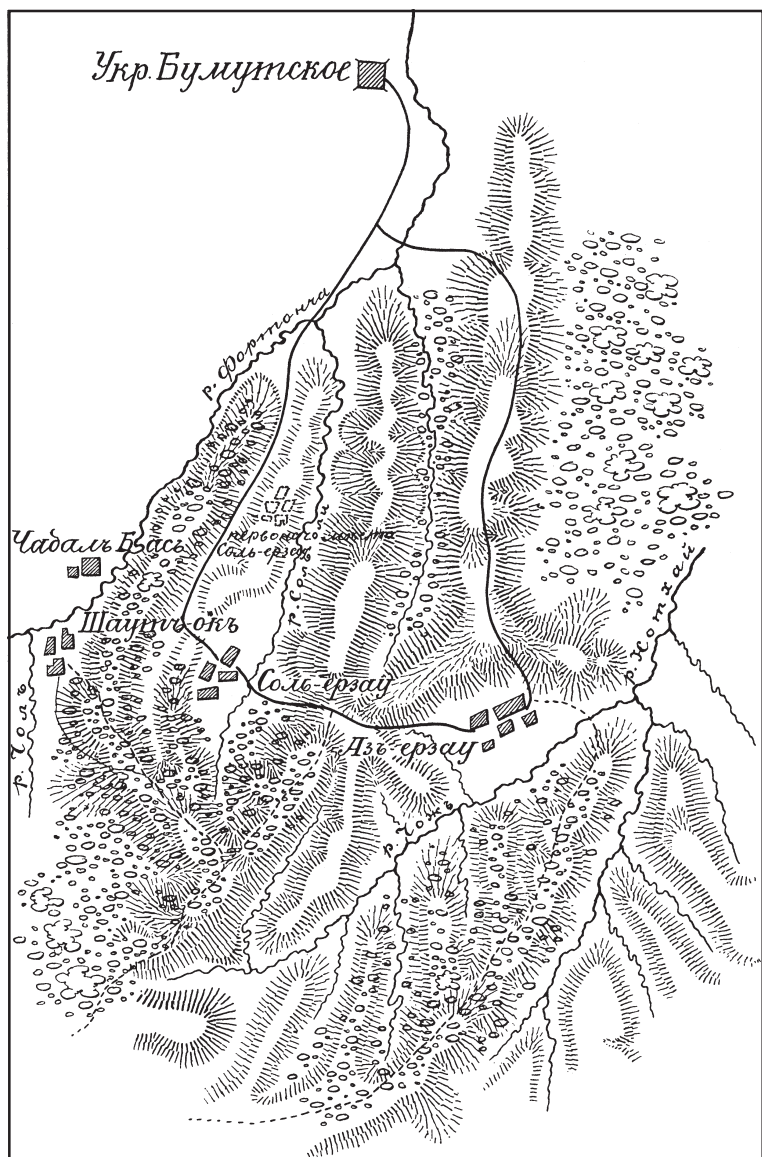

Схема №26.

движенія отряда къ непокорнымъ аццаламъ
Азерге и Солерге подъ начальствомъ ген. маіо-
ра Бар. Вревскаго съ 9 по 12 декабря 1853 года.

9 декабря возле укрепления Бумутского в полной тайне был собран отряд, предназначенный для действия⁹⁶. В полночь выступил авангард, в составе 9 рот, 2 конных орудий, 5 $\frac{1}{2}$ сотни, 60 милиционеров и стрелковой и ракетной команд. Дорога пролегла по гребню среди леса. В шестом часу утра отряд был встречен выстрелами у спуска к аулу Аз-ерзау. Спешенные казаки выбили горцев из первого хутора, население бежало, аул был уничтожен. Вечером 10-го числа к авангарду прибыли главные силы, и в Аз-ерзау собрался весь отряд, в составе 4 $\frac{1}{2}$ батальона, 4 орудий и 6 $\frac{1}{2}$ сотни. 11 декабря началось обратное движение. Воспользоваться прежним путем было трудно, поэтому решили идти на Соль-ерзау, тем более что жители этого аула были склонны вступить с нами в переговоры.

За час до рассвета выступила передовая колонна, силой в 6 рот, 1 горный единорог и 1 сотня. Ближайшая высота была уже занята горцами, но две роты Навагинского полка молодецки выбили штыками неприятеля и очистили дорогу. В 8 часов утра выступили и остальные силы, имея в арьергарде два батальона, одно орудие и ракетную команду. На переправе через реку войска наши снова были встречены сильным огнем, но и здесь горцы были биты, и аул Соль-ерзау занят нами. К вечеру туда подошел и арьергард, все время преследуемый огнем горцев. 12 декабря отряд вернулся в Батум, сделав за всю экспедицию 20 верст и потеряв 50 человек. Результатом этого похода явилась покорность обоих аулов. До 23 декабря войска занимались рубкой просек, после чего были распущены на зимние квартиры.

На левом фланге в начале декабря было получено известие о сборе набив в Ведено для совещания с Шамилем и о намерении чеченцев перейти к наступательным действиям. Это указывало на то, что до горцев дошли известия об ослаблении наших сил на линии и что в них воскресла надежда на успех. Тогда с нашей стороны решено было перейти в наступление вверх по р. Аргун отрядами Аргунским, Грозненским, Воздвиженским и Горячеводским. В нескольких стычках чеченцы понесли полное поражение и разбежались в панике, потеряв 300 человек убитыми и ранеными⁹⁷.

Это небольшое дело имело, однако, значение угрозы Шамилю, и благодаря этому, действительно, спокойствие здесь в течение зимы не нарушалось.

Примечания

¹ См. приложения № 72 и 73.

² Император Николай — князю Варшавскому 27 августа (8 сентября) 1853 г., из Александрии. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

³ Князь Воронцов — князю Меншикову 2 октября 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снаб. войск, 1853 г., секр. д. № 72.

⁴ См. приложение № 74.

⁵ См. приложение № 75.

⁶ Зюссерман. Фельдмаршал князь Барятинский//Русский архив. 1888 г. Кн. 8. С. 3338.

⁷ 1 ³/₄ бат. грен. великого князя Константина Николаевича п.; 2 ³/₄ бат. Эриванского п.; 1 бат. егер. князя Воронцова п.; 1 бат. Мингрельского егер. п.; 1 бат. Тифлисского егер. п.; Кавказский стр. бат.; ³/₄ Кавказского сап. бат.; драг. н. пр. Вирт. (Нижегородский) п.; по 8 ор. бат. № 1 и № 2 и 8 ор. л. № 1 бат. Кавк. гр. бриг.; 8 ор. бат. № 5 бат. 21 арт. бриг.; Донск. № 7 бат., 3 сот. Кавказ. лин. каз. в., 3 др. Елизаветинского и Борчил. мил. и 2 сотни Эриванского и Ново-Баязского мил.

⁸ 3-й бат. гр. великого князя Константина Николаевича п.; 1-й бат. Эриванского п.; 1 и 2 бат. князя Варшавского п.; 5 рота Тифлисского и Мингрельского п.; р. Кавказ. сап. бат.; 6 сот. Кавказ. лин. каз. в. и Донск. каз. № 2 и 4 п.

⁹ Грен. великого князя Константина Николаевича п., 1 ¹/₂ бат. Мингрельского егер. п.; 1 бат. Тифлиский п. и 8 ор. № 7 бат. 21 арт. бриг.

¹⁰ Белост. п. и горн. № 3 бат.

¹¹ Виленский егер. и бат. Белостокского п., легк. № 2 бат. 13 арт. бриг.

¹² Лит. егер. и 3 бат. Брестского п., легк. № 1 бат. 13 арт. бриг.

¹³ По бат. Брестского и Белостокского полков.

¹⁴ Рапорты князя Барятинского князю Воронцову 28 октября 1853 г., № 421 и 424. Архив Кавказ. воен. окр. Ген. шт., секр. 2 отд. 1853 г., № 11.

¹⁵ Архив Кавказ. воен. окр., 2 отд. Ген. шт., д. № 11.

¹⁶ Рапорт князя Барятинского князю Воронцову 31 октября 1853 г., № 557. Там же.

¹⁷ См. схему № 22.

¹⁸ Рапорт князя Орбелиани князю Бебутову 3 ноября 1853 г., № 15. Там же. Записка подполковника де Саже. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4717.

¹⁹ Рапорт князя Бебутова главнокомандующему 4 ноября 1853 г., № 74 и частное письмо от того же числа. Архив Кавказ. воен. окр. Ген. шт., 1853 г., секр. 2 отд. д. № 11.

²⁰ Инструкция генералу Ковалевскому от 19 октября 1853 г. Архив Кавказ. воен. окр. Ахалцыхского отр., д. № 9.

²¹ Генерал Ковалевский — князю Барятинскому 18 октября 1853 г. Архив Кавказ. воен. окр. Ген. шт., 2 отд. секр. д. № 11.

²² Виленский п. и 1 бат. Белостокского п., легк. 2 бат. 13-я арт. бригада, 1 с. Донского каз. № 21 п. и сб. каз. сот.

²³ Князь Андронников — князю Воронцову 2 ноября 1853 г. Там же.

²⁴ См. схему № 23.

²⁵ Генерал Ковалевский — князю Андронникову 2 ноября 1853 г., № 2. Архив Кавказ. воен. окр., пох. канц. князя Андронникова, д. 3.

²⁶ Князь Воронцов — князю Андронникову 5 ноября 1853 г., № 663. Там же. Ген. шт., 2 отд. секр. д. № 11.

²⁷ См. схему № 24.

²⁸ Рапорт генерала Бруннера 7 ноября 1854 г., № 5481. Архив Кавказ. воен. окр., Ген. шт., секр. д. № 11.

²⁹ Князь Барятинский — военному министру 8 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

³⁰ Князь Воронцов — военному министру 13 ноября 1853 г., № 666. Архив Кавказ. воен. окр. Зап. полк. де Саже. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 3, д. № 3644.

³¹ Генерал Ковалевский — князю Воронцову 12 ноября 1853 г., № 48. Архив Кавказ. воен. окр.

³² См. схему № 23.

³³ В это число вошло 6 орудий, взятых из вооружения Ахалцыхской крепости, и отбитое под Ацхуром турецкое орудие.

³⁴ Рапорты князя Андронникова князю Воронцову от 15 и 20 ноября 1853 г., № 122 и 127.

³⁵ Виленский полк.

³⁶ 6 рот Брестского и 2 батальона Белостокского полков.

³⁷ Частные подвиги, см. приложение № 76.

³⁸ Рапорт князя Авалова князю Андронникову 14 ноября 1854 г., № 2954. Архив Кавказ. воен. окр.

³⁹ Хранится в Публичной библиотеке.

⁴⁰ Князь Андронников — князю Воронцову 20 ноября 1854 г., № 181. Архив Кавказ. воен. окр.

⁴¹ Тифлисская губерния — Кутаисской губернии 17 ноября 1853 г., № 129. Архив Кавказ. воен. окр.

⁴² Архив Кавказ. воен. окр.

⁴³ Из них два линейных батальона были разбросаны по укреплениям.

⁴⁴ Князь Воронцов — князю Горчакову 17 ноября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3422.

⁴⁵ Рота 3-го рез. сап. бат. и 3-й бат. егер. князя Воронцова полка.

⁴⁶ Брестский п., 3 сот. Донск. каз. № 2 п. и 4 ор. легк. № 2 бат. 13-й арт. брига.

⁴⁷ Князь Андронников — князю Барятинскому 20 ноября 1853 г. Архив Кавказ. воен. окр.

⁴⁸ Всеподданейшее письмо князя Воронцова 29 ноября 1853 г., Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

⁴⁹ От 21 ноября 1853 г. Архив Кавказ. воен. окр.

⁵⁰ Секретное письмо князя Бебутова князю Барятинскому 4 ноября 1853 г., № 1. Архив Кавказ. воен. окр.

⁵¹ Два бат. Гренад. вел. кн. Константина Николаевича п., лин. каз. и Донск. № 4 каз. полки.

⁵² Рапорт князя Бебутова главнокомандующему 16 ноября 1853 г., № 134. Архив Кавказ. воен. окр.

⁵³ Начальник штаба отряда — князю Барятинскому 10 ноября 1853 г. Там же.

⁵⁴ Рапорт князя Бебутова 21 ноября 1853 г., № 743. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3422.

⁵⁵ Эриванский кар. н. ц., грен. великого князя Константина Николаевича, пех. князя Варшавского и егер. князя Воронцова полков, Кавказ. строев. бат., 2 роты Кавказ. сапер. б., Кавказ. грен. арт. и 21 арт. брига., драг. н. пр. Вирт. п., лин. и сводн. каз. полки и Донск. каз. № 7 батареи.

⁵⁶ См. схему № 25.

⁵⁷ Частное письмо князя Бебутова князю Воронцову 8 декабря 1853 г. Архив Кавказ. воен. окр.

⁵⁸ 1-го и 4-го бат. гренад. вел князя Константина Николаевича и 1-го и 2-го бат. Эриванского наследника цесаревича полк.

⁵⁹ 3-го и 4-го бат. Эриванского полка.

⁶⁰ 1-й бат. егер. князя Воронцова п., 2-й бат. князя Варшавского п., 3 рота стрелк., № 2 и 5 бат.

⁶¹ 2 роты 3-го бат. Эриванского п. и рота стрелк. при 4 ор. легк. № 1 бат.

⁶² 1-й бат. князя Варшавского п., 2 рота. сап. и дивиз. бат. № 5 бат.

⁶³ Рапорт инспектора всей артиллерии генерал-майора Бриммера начальника штаба Кавказ. армии 23 ноября 1853 г., № 84. Рапорт князя Багратиона князю Бебутову 8 декабря 1853 г., № 3315. Рапорт князя Чавчавадзе князю Бебутову 12 декабря 1853 г., № 7. Рапорт генерала Багговута генералу Индрениусу 15 декабря 1853 г., № 64. Рапорт генерала Кишинского князю Бебутову 25 декабря 1853 г., № 18. *Extrait de plusieurs lettres d'Erzeroum* (Архив шт. Кавказ. воен. окр.). Рапорт князя Бебутова князю Воронцову 21 ноября 1853 г., № 743. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3422.

⁶⁴ Барон Индрениус — князю Барятинскому 28 ноября 1853 г. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁶⁵ Князь Воронцов — военному министру 11 декабря 1853 г., № 681. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁶⁶ Князь Воронцов — военному министру 30 ноября 1853 г., № 675. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁶⁷ Военный министр — князю Воронцову 5 декабря 1853 г., № 12800. Там же.

⁶⁸ Рапорт подполковника Циммермана князю Бебутову 24 октября 1853 г., № 21. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁶⁹ Рапорты подполковника Циммермана князю Барятинскому 1 и 2 ноября 1853 г., № 55 и 62. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁷⁰ Журнал военных действий. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3422.

⁷¹ Рапорт князя Орбелиани князю Барятинскому 23 ноября 1853 г., № 272. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁷² 2-й батальон гренадерского великого князя Константина Николаевича полка.

⁷³ Эриванский губернатор — полковнику Хрещатицкому 15 сентября 1853 г., № 1009. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁷⁴ Рапорт полковника Коллюбакина генералу Назарову 4 ноября 1853 г., № 7. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁷⁵ Журнал военных действий. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3422.

⁷⁶ Князь Воронцов — военному министру 8 ноября 1853 г. из Тифлиса. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

⁷⁷ Предписание князя Воронцова генералу Санковскому 8 ноября 1853 г., 1853 г., № 1773. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁷⁸ Канцлер — князю Долгорукову в Тегеран 5 декабря 1853 г., № 3531. Архив Мин. иностр. дел, карт. Perse, 1853.

⁷⁹ Литовский егер. п., 1 1/2 бат. Брестского п., 3 рота. Черн. лин. № 12 бат., легк. № 1 бат. 13 арт. бр., 4 ор. гор. № 1 бат., 2 1/2 сот. Гурийской, 8 сот. Имеретинской и 4 сот. Мингрельской мил.

⁸⁰ Рапорт адмирала Серебрякова 4 декабря 1853 г., № 189. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3422.

⁸¹ Рапорт адмирала Серебрякова 21 декабря 1853 г., № 194. Там же.

⁸² Адмирал Серебряков — князю Гагарину 17 ноября 1853 г., № 351. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁸³ Князь Воронцов — князю Долгорукову 24 ноября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 6562.

⁸⁴ 2 батальона Брестского полка, 3 батальона егер. князя Воронцова полка, рота 3 рез. саперного батальона и 3 сот. Донского казачьего № 2 полка.

⁸⁵ Князь Гагарин — князю Воронцову 30 ноября 1853 г., № 2414. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁸⁶ Князь Меншиков — князю Долгорукову 29 октября 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снаря. войск. 1853 г., секр. д. № 72.

⁸⁷ Князь Меншиков — князю Воронцову 29 ноября 1853 г. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁸⁸ Князь Воронцов — князю Долгорукову 24 декабря 1853 г., № 620; князь Долгоруков — князю Воронцову 5 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73. Князь Воронцов — князю Меншикову 10 декабря 1853 г. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁸⁹ Отношение адмирала Серебрякова 13 декабря 1853 г., № 443 и рапорт его главнокомандующему 19 декабря, № 464. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁹⁰ Дело о военном происшествии 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3422.

⁹¹ Князь Меншиков — князю Воронцову 25 декабря 1853 г. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁹² Князь Воронцов — князю Долгорукову 20 ноября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 6562. Князь Воронцов — князю Меншикову 13 и 23 февраля 1854 г.; князь Меншиков — князю Воронцову 15 января 1854 г. Архив шт. Кавказ. воен. окр.

⁹³ Князь Меншиков — князю Воронцову 8 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 72.

⁹⁴ Рапорт генерал-лейтенанта Козловского 6 ноября 1853 г., № 4241. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 11.

⁹⁵ См. схему № 26.

⁹⁶ Рапорт начальника Владикавказского военного округа 30 декабря 1853 г., № 2718. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 12.

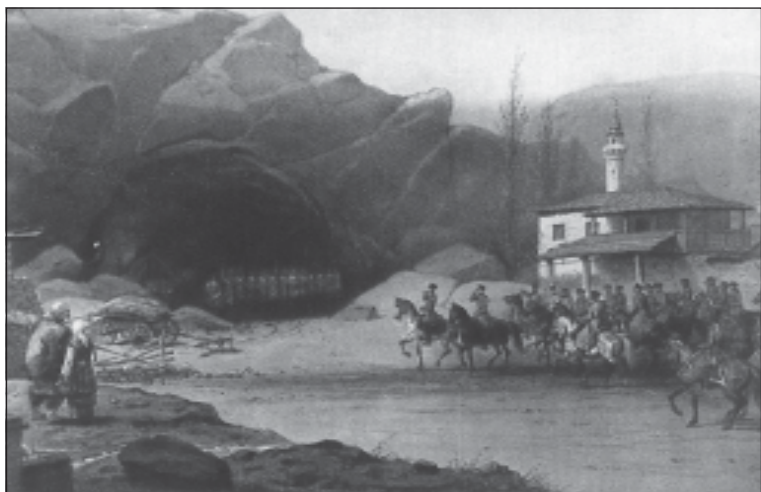
⁹⁷ Письмо князя Воронцова А. П. Ермолову 24 декабря 1853 г. //Русский архив, 1890 г., кн. 1.

*Император Николай I, Великий князь Михаил Павлович
и цесаревич Александр Николаевич*

Перевозка морского орудия на сухопутном укреплении

У Балаклавы

П. С. Нахимов в Севастополе

Опрос пленных

На бастионе

П. С. Нахимов 5 октября на батарее

Отбитие иштурма

Затишье на бастионе

После бомбардировки

Мальчик Пищенко

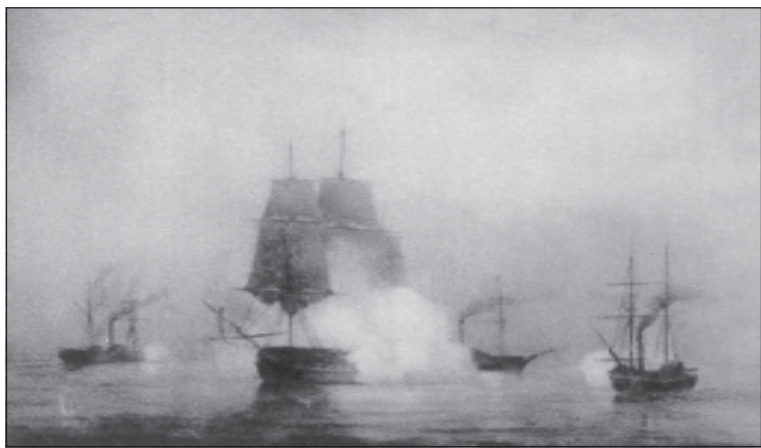
Подвиг матроса Шевченко

Смерть П. С. Нахимова

***Бой пароходо-фрегата «Владимир»
с турецким пароходом «Перваз-Бахри»
(с картины в музее Морского Корпуса)***

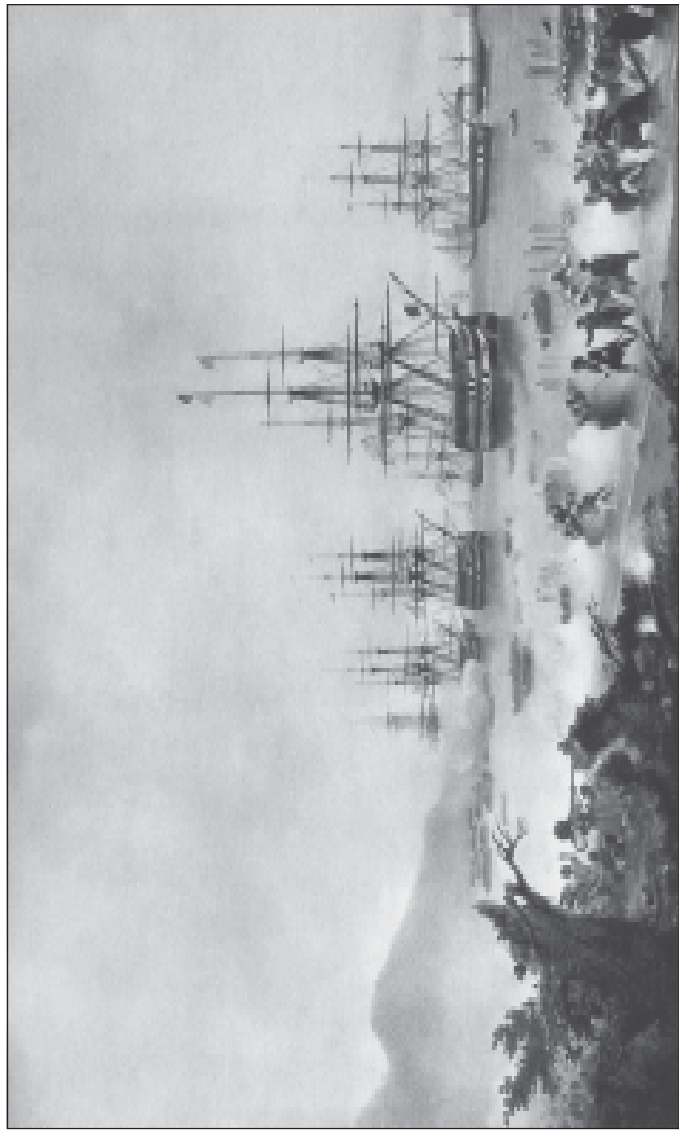
***Бой «Флоры» у берегов Пицунды 9-го ноября 1853 года
(с картины в музее Морского Корпуса)***

Синопское сражение 18-го ноября 1853 года
(с картины Айвазовского, пожалованной Морскому Корпусу
Императором Николаем I в 1854 г.)

Синопское сражение 18-го ноября 1853 года
(с картины в музее Морского Корпуса)

Высадка десанта с судов Черноморского флота и занятие Субаши на Абхазском берегу 2-го мая 1839 года (с картины в музее Морского Корпуса)

Глава X

Отношение России к европейским державам до разрыва с Францией и Англией

Сближение между Францией и Великобританией делалось по мере обострения наших отношений с Портой все более и более тесным. Уже в мае 1853 года французский посол в Лондоне граф Валевский сообщал своему правительству, что поведение двух западных держав в наступающем кризисе будет в полной мере одинаково; они пойдут в ногу (*marcheront du meme pas*) к достижению поставленной цели, и поэтому граф Валевский указывал на необходимость разделить внушаемую Лондону лордом Редклифом точку зрения, которая безусловно отрицала допустимость каких бы то ни было непосредственных соглашений Оттоманской Порты с Россией¹. Впрочем, великобританское правительство в то время еще колебалось принять совет своего посла в Константинополе и не теряло надежды на возможность добиться согласия нашего Кабинета на прием измененного в духе турецких пожеланий проекта конвенции или ноты².

Взгляд французского кабинета также еще несколько отличался от мнения графа Валевского. Друзн де Люис в разговоре с Киселевым³ заявил нашему послу, что Франция вовсе не намерена деятельно вмешиваться в русско-турецкую распрю до тех пор, пока ее к этому не обязывает трактат 1841 года в отношении независимости и целостности Оттоманской империи. Но Киселев вынес впечатление, что хотя вступление наших войск в княжества и не будет рассматриваться как *casus belli*, но тем не менее этот факт, давая нам известное удовлетворение, открывает путь к заключению общеевропейского договора в обеспечении прав турецких христиан.

В действительности, как мы видим, взгляды французского правительства мало отличались от цели лорда Редклифа, который шел к достижению ее лишь более решительными шагами. И эта взлелеянная великобританским послом на берегах Босфора идея о замене русского влияния в отношении протектората над православными подданными султана общеевропейским стала краеугольным камнем политики двух союзных западных держав, а затем и близко заинтересованной в делах Балканского полуострова Австрии. После этого никакие уверения нашей дипломатии в отсутствии желания завоеваний, никакие разъяснения умеренности наших требований и логического их согласования с прежними договорами не могли, очевидно, оказать предполагаемого впечатления на умы французских и английских государственных людей.

*Князь Я. И. Чавчавадзе
и князь И. К. Багратион-Мухранский*

После отказа Порты в принятии венской ноты вопрос определялся все с большей ясностью. Впрочем, в Лондоне и в Париже полагали еще, что цели возможно достигнуть без вооруженного столкновения. Хотя уже и последовало объявление войны Турцией, но предполагалось, что в течение наступившей осени, а потом и зимы военные действия не получат крупного развития, и наш Кабинет пойдет на дальнейшие уступки. Но вместе с этим в военных портах Франции делались на всякий случай приготовления к транспортировке войск на восток для предполагаемой защиты Константинополя. Киселев доносил также, что польские эмигранты и французские офицеры поступают на турецкую военную службу. Однако он еще не заметил мобилизации сухопутных сил, и вообще казалось, что вопрос о вмешательстве Франции в войну представлялся неопределенным⁴.

Тем не менее тяготение западных держав к подчинению взаимных отношений России и Турции общему европейскому конгрессу проглядывало все яснее. Граф Морни, брат Наполеона по матери и ближайший к нему сановник, намекнул в разговоре с Киселевым, что лучшим выходом из кризиса был бы un petit congrès, который мог бы найти удовлетворяющее всех решение⁵. Одновременно Друзен де Люис, не стесняясь, заявил прусскому представителю в Париже графу Гатцфельду, что англо-французский флот войдет в Черное море, что турецкие флот будет перевозить оружие на Кавказ, где вспыхнет против нас восстание, что в будущем

возможно создание англичанами на берегах Черного моря какого-нибудь нового Гибралтара и т. д.⁶.

Понятно, что при таких условиях на императора Николая должен был произвести тягостное впечатление случай с французским генералом Гюйоном. Государь, встретив его на австрийских маневрах в Ольмюце, пригласил французского представителя посетить и маневры в Варшаве. На запрос по этому поводу генерала Гюйона своему правительству он получил приказание немедленно вернуться во Францию. Хотя Друэн де Люис и объяснял происшедший инцидент недоразумением, но этим не удалось сгладить произведенного им тяжелого впечатления⁷. Впрочем, в настоящее время известно, что французское правительство действовало тогда вполне сознательно; оно упрекало генерала Гюйона в том, что он поддался «*enguirlandements*» императора Николая, и отозвало генерала из опасения дурного впечатления в Лондоне и в Константинополе⁸.

Вероятно, по причине вызванных инцидентом Гюйона осложнений и не было отправлено по назначению письмо, написанное государем императору Наполеону. Сохранившийся проект этого письма⁹ свидетельствует о том, что государь не приписывал императору французов тех враждебных чувств к России, которые, по его мнению, одушевляли Английский кабинет. Император Николай упрекал великобританское правительство в дерзко обращенном к нам заявлении о входе английского флота в Черное море для защиты турецких берегов от нашего нападения в то время, когда туркам предоставлялось по праву войны нападать на наши береговые сооружения. Такого заявления со стороны Тюильрийского кабинета не последовало, и потому император Николай некоторое время считал возможным откровенно объясниться с Наполеоном III.

И действительно, Киселев доносил в Петербург, что император французов продолжал надеяться избежать войны и что никакие особые меры военного характера во Франции не принимаются; идея же европейского конгресса облекается в Париже все в более и более реальную форму (*prend ici de la consistance*). Там для успеха дела считалось важным добиться бездействия нашего флота, так как активное его выступление могло вызвать вмешательство союзных флотов и участие западных держав в войне¹⁰. Парижский кабинет объявил в *Moniteur*¹¹, что переход союзных флотов через проливы следует рассматривать как меру заботливости о равновесии в Европе, являющемся залогом мира; он считал возможным не придавать этой мере вызывающего по отношению к России характера и усматривать в ней лишь средство к ускорению восстановления мира на Востоке. Такое настроение императора Наполеона, по-видимому, повлияло в некоторой степени и на Английский кабинет. Великобританский посол в Париже

лорд Ковлей говорил Киселеву, что обе морские державы желают мира и что было бы очень хорошо достигнуть соглашения до февраля, т. е. ранее, чем будет созван английский парламент, увлечением которого правительство не будет в состоянии противодействовать¹².

Друэн де Люис со своей стороны старался повлиять на нашего посла в Париже. Он продолжал намекать на созыв конгресса как на единственный выход из создавшихся затруднений и высказывал твердое убеждение, что все державы настроены против нас и что мы не можем рассчитывать ни на Австрию, ни на Пруссию¹³. Быть может, французский министр, говоря об этом, имел в виду слова циркулярной депеши графа Нессельроде от 19 октября¹⁴, в которой, наряду с заявлениями нашего кабинета о том, что занятие княжеств и даже формальное объявление нам Турцией войны не изменяют мирного настроения императора Николая, подчеркивались тесная (*intime*) дружба и союз с императором Францем Иосифом. Будущее показало, что Друэн де Люис был прав, но у нас в то время еще совершенно не считались с возможностью поддержки Австрией западных держав, несмотря на довольно прозрачные заявления графа Буоля барону Мейендорфу, о которых упоминалось выше.

Донесения французского посла в Петербурге генерала Кафельбаха отличались оптимизмом. Благоволение, которым удоставил государь представителя Наполеона, и прямой характер генерала были причиной этого оптимизма. В начале октября Кафельбах писал директору канцелярии французского Министерства иностранных дел Тувенелю: «Настроение императора Всероссийского может быть, как мне кажется, определено так: искреннее желание мира, твердое намерение дать решительный отпор туркам, но при этом не только самому не атаковать их, но и не переходить ни границ империи в Азии, ни линии Дуная»¹⁵.

Надежда на мирный исход еще не была оставлена. По получении известий о первых столкновениях на Дунае предполагали, что будет достаточно одной нашей блестящей победы, которая удовлетворила бы оскорбленные чувства императора Николая, для того, чтобы наш Кабинет нашел возможным отказаться от первоначальных своих требований и чтобы разрешил совместно с другими державами возникший кризис мирным путем¹⁶. Впрочем, общественное мнение не разделяло уже надежд правительства, и Киселев все чаще и чаще указывал в своих депешах на воинственное настроение французской прессы.

Было нечто фатальное во взаимном непонимании России и Европы, ведущем к вооруженному столкновению, несмотря на миролюбие обеих сторон. К этому же периоду относится и письмо известного французского государственного деятеля и историка Гизо

к неизвестному русскому, найденное нами переписанным, по-видимому, рукой императора Александра Николаевича в собственной его величества библиотеке. Письмо написано 3 ноября 1853 г. из Val Richer и настолько выпукло отражает современную западноевропейскую точку зрения на ход событий, что мы его приводим целиком¹⁷.

«Я решаюсь верить, — писал Гизо, — что ваш государь не желает войны, а следовательно, что он воспользуется первым представившимся случаем, чтобы сойти с пути, который ведет к общей революционной войне и к европейскому хаосу. Если бы вы твердо решились, несмотря на эти последствия, довести дело до конца и опрокинуть Османскую империю, чтобы захватить львиную долю, то я понял бы упорство и не нашел бы, что сказать, кроме того, что для такого удара выбран неподходящий момент. Но я убежден, что вы не желаете нанести этот удар, и потому мне непонятно, почему вы не торопитесь покончить с настоящим положением. От этого вы можете только потерять. Вы уже кое-что потеряли. Вы потеряли ваш характер всеобщего миротворца и верховного охранителя европейского порядка, вы вызвали недоверие других держав, вы отделились от Англии, вы ее толкнули в союз с Францией, вы поставили вашего вернейшего союзника Австрию в самое опасное положение. Вы сделали еще нечто большее: вы дали случай Турции войти в разряд защищаемых европейским международным правом держав.

Допустите, что во мне говорит злопамятство, но вы совершили вашу крупнейшую ошибку в 1840 году. Вы, чтобы изолировать и ослабить правительство короля Луи-Филиппа, оставили вашу традиционную политику сноситься с Турцией непосредственно, без соглашения с другими. Вы сами завели дело в Лондоне и трактатом 15 июля 1840 года вы его сделали общим делом Европы. В следующем году вы принуждены были сделать еще шаг по этому пути, и с вашего согласия конвенция о проливах 13 июля 1841 года подтвердила вмешательство в турецкие дела европейского концерта. Я думаю, что это не всегда вам удобно, и вы должны бы

Князь И. Д. Орбелиани

поспешить возобновить ваши непосредственные сношения с Турцией (*vostr tête-à-tête avec la Turquie*). Спор о Святых местах доставил вам несколько месяцев назад удобный к тому случай. После маленькой неудачи вы достигли успеха. Вы устроили дело, как вам было угодно, не поссорившись с Францией и при одобрении Англии. Почему вы на этом не остановились? Все, что сделано вами после, было неудачно. Вы имели вид, как бы вы желали большего, чем говорили сами; вы не делали того, что хотели; вы зашли вскоре далее, чем желали; вы соединили всю Европу против вас и толкнули Турцию в объятия Европы. Зачем? Я еще раз не понимаю. Я бы понял, если бы я видел в вас решимость поставить крупную и последнюю ставку и, несмотря на риск, захватить Константинополь. Но так как я ее не вижу, то продолжаю думать, что для вас важно лишь достигнуть скорого окончания положения, которое имеет тройкие последствия: оно изолирует вас в Европе, оно соединяет Европу против вас, оно все более и более ставит Турцию под охрану европейского концерта. Вы можете сойти с дурного пути, хотя и не без некоторой временной неприятности, но также и без особо серьезного вреда для вашей национальной политики и для ее будущего. География и естественное течение дел дают вам в турецком вопросе силу и преимущества, которых ничто не может у вас похитить. Зачем призывать на себя бурю, когда достаточно предоставить течь воде?»¹⁸

Письмо характерно и для Гизо, государственного деятеля эпохи, когда во Франции был провозглашен лозунг «*enrichissez-vous*», и для образа мышления западноевропейских людей того времени. В нем совершенно отсутствует сознание тех чувств, которыми руководствовался император Николай и бледное отражение которых мы находим в циркулярах и нотах графа Нессельроде и других наших дипломатов. Поэтому сравнение письма Гизо с этими документами представляется весьма любопытным и поучительным. Они говорят сами за себя.

Киселев находился в самом затруднительном положении. Он в точности не знал намерений нашего Кабинета и писал в начале ноября канцлеру¹⁹, что общественное мнение во Франции стало после опубликования нашего манифеста предвидеть неизбежность войны. Там вызвали общую радость сообщаемые иностранной печатью известия о наших неудачах на Дунае²⁰, и Киселев решил соблюдать крайнюю сдержанность — охранять достоинство России и в то же время уклоняться от всякого действия, которое могло быть истолковано как вызов разрыва с Францией. Наш посол особенно подчеркивал необходимость такого образа действий ввиду полученного им приглашения посетить летнюю резиденцию Наполеона III Фонтенебло.

Из происходивших там разговоров с императором французов Киселев вывел заключение²¹, что в душе Наполеон желал бы мирного исхода, лучшим средством достижения которого была бы международная конференция и конгресс, способный зачеркнуть лежавшие в основании тогдашней политической системы оскорбительные для Франции положения Венского конгресса 1815 года. Впрочем, сам Наполеон о конгрессе не говорил. Он ограничился только указанием на то, что ему слишком часто напоминали о неравенстве с другими в семье государей, и выразил надежду, что после блестящей победы над турками, которая не должна заставить себя ждать, император Николай «окажет им великодушие и закончит войну, ничего не изменяя в существовании Оттоманской империи».

Не подлежит сомнению, что сказанные Наполеоном слова заключали весьма ясно очерченную программу действий. Они означали, что Франция, предоставляя России возможность одержать блестящую победу лишь как почетный способ выхода из осложнившегося положения, не допустит никакого нарушения *status quo* на Востоке, т. е. удовлетворения Портой наших требований, которые западными державами именно и почитались за такое нарушение. Со своей стороны граф Морни продолжал указывать нашему послу²² на возможность созыва конференции представителей шести держав для совместного разрешения спорных вопросов. Он заявил, что лично был бы на конференции представителем Франции, а лорд Гренвиль — Великобритании, и оба они были бы настроены самым примирительным образом, отнесясь с полной справедливостью к интересам России.

Почти одновременно канцлер получил письмо от своего зятя барона Зеебаха, который, будучи в Париже, навестил близко знакомого ему с 1848 года французского министра иностранных дел Друэн де Люиса²³. Барон Зеебах сообщал, что его собеседник обратился к нему с просьбой указать какой-либо просвет надежды (*lueur d'espoir*). На ответ, что это невозможно, так как для России созданы затруднения, которых не могли предупредить все торжественные и примирительные заявления ее государя, Друэн де Люис стал распространяться о том, что последние предложения, выработанные представителями четырех держав, вполне приемлемы. Затем министр подчеркнул, что Франция вошла в соглашение с Англией лишь потому, что протянутая России рука была оттолкнута, что идея союза с Россией все-таки жива в уме Наполеона, и что если в Петербурге пожелают с этим считаться, то Тюильрийский кабинет с готовностью примет всякое конфиденциальное сообщение.

На это письмо барон Зеебах получил ответ от графа Нессельроде, который был одобрен государем, написавшим на проекте:

«Быть по сему»²⁴. Содержание этого документа сводилось к заявлению, что «нас припирают к стене (on nous accule) так, что нам остается лишь выбор между унижительным миром и войной а *outrance*». Далее в письме говорится о значении, которое государь придает дружеским и непосредственным сношениям с Наполеоном, напоминается о разговоре принца Наполеона с князем Горчаковым²⁵ и в заключение указывается, в каком случае может наступить сближение России с Францией. Для этого необходимо было, чтобы Франция подала нам надежду, что она не пойдет до конца по опасной тропе, на которую стали две западные державы, и согласится с тем, что почетный для нас мир не может быть заключен без подтверждения наших старых трактатов и без гарантии соблюдения прав, которыми пользуется православная церковь в Османской империи. Это общее выражение открывало возможность для дальнейших переговоров тем более, что граф Нессельроде подчеркнул в своем ответе зятю, что в случае прибытия в Петербург особой французской миссии с генералом Канробером во главе ей будет оказан самый милостивый прием.

Но надеждам на мирное окончание конфликта не суждено было сбыться, так как тесное соглашение Франции с Великобританией успело уже повести обе эти державы по тому опасному пути, свернуть с которого не представлялось уже возможным. Франция и Англия как бы приняли на себя в разгоревшемся до войны споре роль непризванных третейских судей, и хотя они старались в этой своей роли щадить наше самолюбие, но, видимо, не сознавали, что обращение их с Россией неизбежно ведет к войне, а не к тому мирному конгрессу, к созыву которого они стремились.

В середине ноября Киселев имел разговор с графом Валевским²⁶, французским послом в Лондоне, который отправлялся к месту своего служения. Граф Валевский передал нашему дипломату²⁷, что Франция и Англия предлагают Австрии и Пруссии отправить Порте краткую ноту с требованием сформулировать свои условия мира и что подобное же предложение будет сделано нашему Кабинету. В Константинополь отправлялся энергичный генерал Барагэ д'Илье, который должен был оказать на Порту давление с целью склонить ее к миролюбию. Граф Валевский добавил, что не предполагается посылать союзные флоты в Черное море, за исключением необходимости помешать нашему десанту между Варной и Константинополем. Киселев доносил канцлеру, что заявления Валевского подтверждаются и английским послом в Париже лордом Ковлей и что вообще заметно примирительное настроение, которое сообщилось и парижской бирже. Но после столь успокоительных сведений наш посол упоминал, что Тюильрийский кабинет уже предлагал английскому правительству военное вмешательство в наши дела с Турцией, которое

«с удивлением» было отклонено, несмотря на то, что оно обуславливалось возможным участием Австрии.

Через три дня после этого Киселев передавал совершенно противоположные сведения, исходившие от австрийского посла Гюбнера²⁸. Этот дипломат сообщал, что французское правительство всеми силами желает добиться мирного исхода, стараясь не оскорбить нас и насколько возможно щадить наше самолюбие для будущего. Однако Гюбнер прибавил, что ему неизвестны тайные мысли Наполеона, хотя вообще настроение в Париже более примирительно, чем в Лондоне.

Нашему Кабинету были известны и подлинные депеши Гюбнера своему правительству²⁹. Из них можно с полной очевидностью заключить, что как Тюильрийский кабинет, так и лично император Наполеон производили решительное давление на Австрию с целью привести ее к соглашению с обеими западными державами. Друзен де Люис прямо заявлял австрийскому послу, что Австрия не может оставаться нейтральной в деле, которое является для нее вопросом существования; Франция будет воевать, так как она не может допустить дальнейшего роста России, и единственным средством избежать войны служит соглашение Франции, Англии, Австрии и Пруссии. Этот концерт держав должен был потребовать, чтобы турецкие войска отошли за Дунай, а наши за Прут, а также заявить, что четыре державы ни в каком случае не допустят, чтобы результатом войны явилось увеличение территории одной из воюющих сторон. Император Наполеон стеснялся в выражениях по этому поводу еще менее, чем его министр. Он прямо высказал барону Гюбнеру, что так как нейтралитет для Австрии невозможен, то, в случае если бы она оказалась на стороне России, он не замедлил атаковать ее в самых уязвимых пунктах («là, où vous êtes le plus vulnérables»).

Почти одновременно барон Будберг прислал из Берлина копию инструкций, данных генералу Барагэ д'Илье при его отъезде

*Генерал-лейтенант
Э. В. Брюммер*

из Парижа в Константинополь³⁰. Он прежде всего должен был потребовать от султана очистки турецкими войсками княжеств и отхода их за Дунай.

Это требование объяснялось необходимостью создать перерыв в военных действиях, которым державы воспользуются, чтобы привести дело к почетному для Турции миру, навсегда ограждающему ее от самолюбивых требований России. Порте разрешалось продолжать войну в Азии и даже вызвать восстание на Кавказе, но в Европе безусловно держаться линии Дуная, пользуясь лишь временем для ее укрепления. Франция обещала немедленно выслать 50-тысячный корпус для охраны Константинополя и прислать своих офицеров для инспекции войск Омера-паши.

Депеши Киселева становились более и более тревожными. В одной из них он сообщал, что, по пришедшим в Париж известиям, четыре державы решили пригласить Порту особой нотой прислать в Вену уполномоченного для ведения мирных переговоров, а Австрийский кабинет обещал пригласить и наше правительство к участию в мирной конференции.

В случае же отклонения нами этого предложения Австрия решила принять сторону западных держав³¹. Киселев присовокуплял при этом, что усиление агитации Бурбонов вместе с несбывающейся надеждой иметь наследника могут склонить Наполеона к войне, чтобы в случае успеха утвердиться на престоле, а в случае неудачи найти почетный для выскочки (*pour un parvenu*) конец.

Не подлежит сомнению, что династические соображения играли в политике Наполеона III очень крупную роль, но в Восточном вопросе она принадлежала не им. Это ясно из всего предыдущего изложения, и Киселев не мог этого не знать.

Известие о Синопском сражении вызвало во Франции, по словам нашего посла³², надежду на великодушие императора Николая, которое могло бы облегчить дело мира. Но на следующий уже день Киселев писал³³, что предпочтительнее была бы победа на суше, так как поражение турок на море являлось как бы упреком в бездействии союзных флотов, стоявших у входа в Черное море. Два дня спустя наш посол сообщал³⁴ о воинственном возбуждении, охватившем англичан вследствие телеграмм о Синопском сражении, и о входе союзных эскадр в Черное море, прося по этому поводу особых инструкций, так как Киселеву было неизвестно, находит ли наш кабинет возможным щадить Францию («ménager la France») даже в случае разрыва с Великобританией³⁵. Речи Наполеона, по словам нашего посла³⁶, продолжали быть мирными, но его окружающие говорили совсем иное.

Впрочем, особых военных приготовлений во Франции все еще не было заметно, и только генерал Барагэ д'Илье получил, по сведениям прусского посла, дополнительную инструкцию призвать

эскадру в Черное море. Мера эта была принята по соглашению с Британским кабинетом. Вслед за этим наш посол сообщал³⁷ о своих подозрениях («je soupçonne») относительно уже заключенного между Тюильрийским и Сен-Джемским кабинетами полного письменного соглашения по участию Франции и Великобритании в делах турецкого Востока, а спустя два дня, 18 декабря, он уже убедился из разговора с Друэн де Люисом, что слишком поздно поднимать вопрос о русско-французском сближении³⁸. Киселев пробовал убеждать французского министра, что если Англия ввиду ее азиатских интересов и парламентаризма выгодно деятельное вмешательство в русско-турецкий конфликт, то для Франции от такого вмешательства никакой выгоды быть не может. Нашему дипломату пришлось выслушать заявление, что Наполеон бесспорно решился предпочесть союз с Англией всякому другому союзу. Неизвестно, почему Киселев после такого категорического заявления признал возможным сообщить в следующей депеше³⁹, что Друэн де Люис двуличен, и что хотя он старается еще производить впечатление благожелательного и миролюбивого к нам расположения, но наш посол ясно усмотрел («j'ai clairement vu»), что, в сущности, в Париже решено действовать в полном единении с Великобританией.

За два дня до отправления этой странной депеши Киселев был на балу у принцессы Матильды, где к нему подошел император Наполеон, чтобы высказать, что он крайне сожалеет об обороте, который принимают дела, но продолжает надеяться на умеренность и мудрость императора Николая и что им отправлен в Петербург M. Reiset с миссией представить открытые и искренние объяснения («des explications franches et sincères»). Наш посол воспользовался случаем, чтобы повторить Наполеону то, что он уже высказывал его министру, т. е. о бесполезности для Франции вмешиваться в Восточный вопрос. «Людовик-Наполеон, — пишет Киселев, — в своем ответе высказал лишь туманные надежды на избежание войны, но его слова не произвели на меня впечатления уверенности, что он много рассчитывал на это». На балу уже говорилось о войне как об исходе неизбежном⁴⁰.

Жребий был брошен, и союз двух западных держав становился действительностью. Однако, несмотря на это, во французских правительственных сферах и в обществе как бы замечалось сожаление о происшедшем, которое находило выражение не только в частных беседах и письмах, но и в официальных документах. «Было много недосказанного в англо-французском соглашении 1854 года, — пишет Тувенель в своей известной книге «Nicolas I et Napoléon III»⁴¹. — Этим объясняется осторожность, с которой некоторые дипломаты высказывались о союзе с Англией. Среди официальных французских нападок на императора

*Генерал-лейтенант
А. Ф. Багговут*

Николая в 1853 году проскальзывает едва скрытое чувство сожаления о том, что не удалось достигнуть взаимного соглашения с царем. Так как эта цель, несмотря на наши усилия, не могла быть достигнута, то пришлось повернуться в сторону Англии. Франко-английский союз 1854 года, заключенный без убеждения, поддерживаемый лишь терпением, с облегчением был расторгнут обеими сторонами»⁴².

Французам, быть может, скрепя сердце пришлось к концу 1853 года подчиниться этой исторической необходимости, несмотря на старание

маркиза Кастельбажак, который пользовался особо милостивым расположением императора Николая, примирить непримиримое. Кастельбажак доносил своему правительству⁴³, что миролюбие государя не подлежит никакому сомнению, что приписываемое ему намерение завладеть Турцией («s'emparer de la Turquie») не имеет под собой никакой почвы. Несмотря на представления князя Воронцова, доносил Кастельбажак, Кавказ оставлен беззащитным, и русские войска, заняв княжества, придерживаются там исключительно оборонительного образа действий. Турции ничто не угрожает, и до весны есть надежда уладить русско-турецкий конфликт мирным путем или непосредственными переговорами, или же при участии нейтральной державы. Кастельбажак настоятельно советовал отозвать союзные эскадры из Черного моря, оставив их перед Константинополем или, еще лучше, в Буюк-дере. Эта мера могла бы показать Петербургскому кабинету, что «союзники, поддерживая Турцию в споре, желают щадить права России, ее религиозные нужды и ее политические требования».

Маркиз Кастельбажак сделал еще один шаг. Он написал письмо лично к императору Наполеону, предлагая ему, основываясь на своей беседе с императором Николаем, обратиться непосредственно с письмом к государю и высказать ему свои мысли. Наполеон III ответил своему послу следующими соображениями⁴⁴: «Если бы спорный в течение уже нескольких месяцев вопрос возникал из прямого недоразумения между Францией и Россией, то я бы, не колеблясь, высказал императору мои мысли, потому что я

никогда не колеблюсь сказать, как я понимаю интересы и честь моей страны. Но в данном случае вопрос совершенно иной. Мы приняли сторону Турции не потому, что дело непосредственно нас касается, а потому, что мы не желаем, чтобы Россия злоупотребляла своей силой по отношению к слабому государству; потому, что мы желаем, чтобы существующие трактаты были соблюдаемы в том, что нам выгодно, так как мы их соблюдаем в том, что нам невыгодно; потому что мы никогда не допустим раздела Турции без нашего вмешательства. В конце концов спор идет между Россией и Турцией, и я не имею предложений для его разрешения. Дело Всероссийского императора сказать нам конфиденциально, если он действительно желает мира, на какие условия он мог бы согласиться, и тогда мы, если не найдем его условия нарушающими независимость султана, употребим все усилия, чтобы заставить принять их в Константинополе. Я прошу вас дать понять императору мое положение в этом деле, а также почему я не считаю полезным обращаться прямо к нему, так как я был бы огорчен, если бы он приписал мое молчание какому-либо иному соображению».

Однако вскоре государи обменялись письмами, причем первое из них исходило от Наполеона III, и, как можно было предвидеть, обмен остался безрезультатным. Быть может, несколько более раннее обращение императора французов к государю, и в особенности если бы оно сопровождалось рекомендованным Кастильбажом отходом союзных или, по крайней мере, французской эскадр из Черного моря в глубь проливов, и достигло бы цели, но за время, прошедшее между донесением Кастильбажа и минутой, когда Наполеон III взялся за перо, была безвозвратно потеряна всякая надежда на мирный исход возникшего с западными державами спора.

Дело в том, что в конце декабря английский и французский послы обратились к графу Нессельроде с заявлением, что союзные эскадры вошли в Черное море с целью отражать всякое наше покушение на турецкие корабли и порты. Хотя английский посол и сказал при этом, что эскадры также будут заботиться о том, чтобы и турецкий флот уважал наши берега и наш флаг, но о таком обязательстве не говорилось ни в официальном заявлении послов, ни в сообщении адмиралов союзных эскадр князю Меншикову. Это обстоятельство заставило графа Нессельроде отправить нашим послам в Париж и Лондон одинаковые депеши⁴⁵, которыми им предписывалось потребовать от французского и великобританского правительств разъяснения — является ли принятая мера двусторонней, одинаково обращенной к обоим воюющим сторонам, или же лишь направленной против одной России. В последнем случае нашим послам предписывалось оставить свои посты, приказав выехать из Англии и Франции всем русским подданным⁴⁶.

22 января (3 февраля)⁴⁷ Киселев донес канцлеру, что, получив на свой запрос неблагоприятный ответ⁴⁸, он покидает Париж и направляется в Брюссель. Вместе с этим он сообщал о французских вооружениях, о призыве под знамена резервистов, об усилениях Французского и Английского кабинетов склонить Австрию и Пруссию на свою сторону и, наконец, о своей аудиенции у Наполеона, который, по словам ясно видевшего Киселева («l'ai clairement vu»), не отчаивался в сохранении мира и возлагал много надежд на свое письмо к императору Николаю.

Это письмо и ответ государя были немедленно опубликованы в *Moniteur* и в «С.-Петербургских ведомостях». Воспроизведение их еще раз подчеркивает то непримиримое противоречие во взглядах, которого уже нельзя было разрешить иначе как мечом.

Император Наполеон писал государю из Тюильрийского дворца 29 (17) января 1854 года:

«Государь!

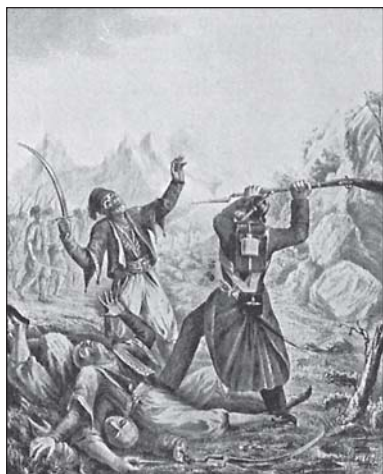
Разногласие, возникшее между Вашим Величеством и Портою Оттоманскою, достигло такой степени важности, что я считаю долгом сам объяснить прямо Вашему Величеству, какое участие Франция принимала в сем деле и какие средства представляются мне для устранения опасностей, угрожающих спокойствию Европы.

В ноте, представленной, по повелению Вашего Величества, моему кабинету и кабинету королевы Виктории, стараются доказать, что система понуждения, принятая морскими державами с самого начала, одна растравила вопрос. Мне же кажется, что вопрос этот остался бы делом кабинетным, если б занятие княжеств не превратило вдруг переговоров в действия. Между тем и по вступлении войск Вашего Величества в Валахию мы приглашали Порту не считать этого занятия поводом к войне, свидетельствуя тем о крайнем желании нашем достигнуть примирения. Согласившись с Англией, Австрией и Пруссией, я предложил Вашему Величеству ноту, которая была бы удовлетворительна для обеих сторон. Ваше Величество ее приняли, но лишь только получили мы это благоприятное известие, как Ваш министр объяснительными к ней примечаниями уничтожил весь успех примирения и воспрепятствовал нам настаивать в Константинополе на простом и безусловном принятии ее. Порта, со своей стороны, предложила сделать в проекте ноты изменения, которые, по мнению представителей четырех держав в Вене, могли быть допущены. Они не были одобрены Вашим Величеством. Тогда Порта, оскорбленная в своем достоинстве, угрожаемая в своей независимости, отягощенная уже сделанными ею усилиями для противопоставления войска армиям Вашего Величества, предпочла объявление войны этому положению, нерешительному и унижительному. Она

просила нашего пособия; дело ее казалось нам справедливым. Эскадры английская и французская получили приказание войти в Босфор.

Мы приняли в отношении к Турции положение покровительствующее, но не действующее. Мы не поощряли ее к войне. Мы беспрестанно подавали султану советы о миролюбии и умеренности, уверенные, что этим средством достигнем примирения, и четыре державы вновь согласились представить Вашему Величеству другие предложения. Ваше Величество, со своей стороны, являя спокойствие, порождаемое сознанием своей силы, ограничива-

лись как на левом берегу Дуная, так и в Азии отражением нападения турок и с умеренностью, достойной Владыки великой Империи, объявили, что будете оставаться в оборонительном положении. Итак, дотоле мы были, могу сказать, внимательными зрителями военных действий, но не принимали в них участия. Вдруг синопское дело заставило нас принять положение более решительное. Франция и Англия не считали полезным посылать десантные войска на помощь Турции. Итак, их флаг не принимал участия в делах, происходивших на суше. Но на море было иное. Три тысячи орудий при входе в Босфор присутствием своим довольно громко говорили Турции, что две первенствующие морские державы не позволяют напасть на нее на море. Синопское происшествие было для нас и оскорбительно, и неожиданно. Не важно то, хотели ли турки или нет перевезти военные запасы на русские берега. Дело в том, что русские корабли напали на водах Турции на суда турецкие, стоявшие спокойно в турецком порту. Они истребили их, несмотря на обещание не вести войны наступательной, несмотря на близость наших эскадр. В этом случае оскорбление нанесено было не политике нашей, а нашей военной чести. Пушечные выстрелы Синопа грустно отозвались в сердцах всех тех, которые в Англии и Франции живо чувствуют национальное достоинство. Воскликнули единогласно: «Союзники наши должны быть уважаемы везде, куда могут достигнуть наши выстрелы!» Посему дано было нашим эскадрам предписание войти

*Эпизод сражения под
Ахалцыхом*

в Черное море и, если нужно, силой препятствовать повторению подобного события. Посему послано было Санкт-Петербургскому кабинету общее объявление с извещением его, что если мы станем препятствовать туркам к перенесению наступательной войны на берега, принадлежащие России, то будем покровительствовать снабжению их войск на их собственной земле. Что же касается русского флота, то, препятствуя ему в плавании по Черному морю, мы ставим его в иное положение, ибо надлежало на время продолжения войны сохранить залог, равносильный владениям турецким, занятым русскими, и облегчить таким образом заключение мира, имея способ к обоюдному обмену.

Вот, государь, точный ход и последовательность событий. Ясно, что по достижении ими сей степени они должны привести или к окончательному соглашению, или к решительному разрыву.

Ваше Величество подали столько свидетельств попечительности своей о сохранении спокойствия Европы, содействовали тому так могущественно своим благотворительным влиянием против духа беспорядка, что я не сомневаюсь в том, которую часть вы выберете из представленных Вам на выбор. Если Ваше Величество, подобно мне, желаете миролюбивого окончания, этого можно достигнуть очень просто объявлением, что немедленно будет заключено перемирие, что дела пойдут своим дипломатическим порядком, что всякое неприязненное действие прекратится и что все воюющие силы оставят те места, куда призваны были по поводу войны.

Итак, русские войска вышли бы из княжеств, а наша эскадра из Черного моря. Так как Ваше Величество предпочитаете вести переговоры прямо с Турцией, то Вы назначили бы посла для заключения с уполномоченным султана конвенции, которая потом будет представлена конференции четырех держав. В случае принятия этого плана, в котором мы с королевой Викторией совершенно согласны, спокойствие будет возобновлено и свет удовлетворен. В самом деле, в этом плане не заключается ничего такого, что не было бы достойно Вашего Величества, что могло бы оскорбить честь Вашу. Но когда, по причинам, которые трудно понять, Ваше Величество будете отвечать отказом, тогда Франция, как и Англия, будет принуждена предоставить жребию оружия и случайностям войны решение, которого можно было бы теперь достигнуть рассудком и справедливостью.

Не думайте, Ваше Величество, чтоб в моем сердце была малейшая неприязненность: я питаю только те чувства, которые Ваше Величество выразили Сам в письме ко мне от 17 января 1853 г.: «Наши сношения должны быть искренно-дружественные и основываться на одних и тех же намерениях: сохранения порядка, миролюбия, уважения к трактатам и взаимной благоприязни». Эта

программа достойна Государя, начертавшего оную, и я, не колеблясь, скажу, что пребыл ей верен.

Прошу Ваше Величество верить искренности моих чувств, и с сими чувствами пребываю, Государь, Вашего Величества
добрый друг *Наполеон*».

Ответ императора Николая из Петербурга от 28 января (9 февраля) 1854 года был следующий⁴⁹:

«Не могу лучше отвечать Вашему Величеству, как повторением слов, сказанных Мною, которыми оканчивается Ваше письмо: «Наши сношения должны быть искренно-дружественные и основываться на одних и тех же намерениях: сохранения порядка, миролюбия, уважения к трактатам и взаимной благоприязни». Принимая сию программу, как Я начертал оную сам, Вы утверждаете, что пребывали ей верны. Смею думать, и совесть Меня в том удостоверяет, что Я от нее не уклонялся, ибо в деле, разделяющем нас и возникшем не по Моей вине, Я всегда старался о сохранении благоприятных сношений с Францией и с величайшим рачением избегал встретиться на этом поприще с выгодами религии, исповедуемой Вашим Величеством; делал, для поддержания мира, все уступки в форме и в существе, какие только допускала честь Моя, и, требуя для Моих единоверцев в Турции утверждения прав и преимуществ, приобретенных для них издавна ценою русской крови, не искал ничего такого, что не истекало бы из трактатов. Если б Порты была предоставлена самой себе, раздор, приводящий в недоумение Европу, давно был бы прекращен. Бедственное влияние одно тому воспрепятствовало. Возбуждая неосновательные подозрения, распаляя фанатизм турок, представив правительству их Мои намерения и истинное значение Моих требований в ложном виде, дали этому вопросу такие обширные размеры, что из него неминуемо должна была возникнуть война.

Ваше Величество, позвольте мне не распространяться в подробности об обстоятельствах, изложенных в Вашем письме с особенной Вашей точки зрения. Многие действия Мои оцениваются в нем, по Моему мнению, не во всей точности; многие случаи, изложенные превратно, потребовали бы, для представления их в надлежащем виде, по крайней мере как Я их понимаю, слишком подробных толкований, несовместных с перепискою между царственными лицами. Таким образом, Ваше Величество полагаете занятие княжеств виною быстрого превращения переговоров в действия. Но Вы упускаете из виду, что этому занятию, еще только временному, предшествовал и преимущественно подал повод случай весьма важный — появление союзных флотов вблизи

Нижегородцы под Башкадыкларом

Дарданелл, да и гораздо прежде того, когда Англия колебалась еще принять понудительное положение против России, Ваше Величество предупредили ее отправлением своего флота до Саламина. Это оскорбительное действие возвещало, бесспорно, малое ко Мне доверие. Оно должно было поощрить турок и заранее препятствовать успеху переговоров, показав им, что Франция и Англия готовы поддерживать их дело во всяком случае. Таким же образом, Ваше Величество говорите, что объяснительные замечания Моего Кабинета в венской ноте поставили Францию и Англию в невозможность побуждать Порту к принятию оной. Но Ваше Величество, можете вспомнить, что наши замечания не предшествовали отказу в простом и безусловном принятии ноты, а последовали за ним, и Я полагаю, что если б сии державы сколько-нибудь действительно желали сохранения мира, они должныствовали бы с самого начала содействовать этому простому и безусловному принятию ноты и не допускать со стороны Порты изменения того, что Мы приняли без всякой перемены. Впрочем, если б которое либо из наших замечаний могло подать повод к затруднениям, Я сообщил в Ольмюце достаточное им пояснение, которое Австрия и Пруссия признали удовлетворительным. К несчастью, между тем часть англо-французского флота вошла уже в Дарданеллы под предлогом охранения жизни и собственности английских и французских подданных, а для входа всего флота, без нарушения трактата 1841 года, надлежало, чтобы оттоманское правительство объявило Нам войну. По Моему мнению, если б Франция и Англия желали мира, как Я, им следовало, во что бы то ни стало, препятствовать сему объявлению войны, или, когда война уже была объявлена, употребить старания, чтоб она ограничивалась тесными пределами, которыми Я желал оградить ее на Дунае, чтоб Я не был насильно выведен из чисто оборонительной системы, которую желал сохранять. Но с той поры, как позволили туркам напасть на

азиатские наши границы, захватить один из пограничных постов (даже до срока, назначенного для открытия военных действий), обложить Ахалцых и опустошить Армянскую область, с тех пор, как дали турецкому флагу свободу перевозить на наши берега войска, оружие и снаряды, можно ли было, по здравому смыслу, надеяться, что мы спокойно будем ожидать последствий таких покушений? Не следовало ли предполагать, что мы употребим все средства для воспрепятствования этому? Затем случилось синопское дело. Оно было неминуемым последствием положения, принятого обеими державами, и это происшествие, конечно, не могло им показаться непредвиденным. Я объявил, что желаю оставаться в оборонительном положении, но объявил это прежде, нежели вспыхнула война, доколе Моя честь и Мои выгоды это позволяли, доколе война оставалась в известных пределах. Все ли было сделано для того, чтоб эти пределы не были нарушены? Когда Ваше Величество, не довольствуясь быть зрителем или даже посредником, пожелали стать вооруженным пособником Моих врагов, тогда, Государь, было бы гораздо прямее и достойнее Вас, предвратить Меня о том откровенно, объявив Мне войну. Тогда всяк знал бы, что ему делать. Но справедливое ли дело обвинять нас в событии по совершении оного, когда сами никоим образом его не предупреждали? Если пушечные выстрелы в Синопе грустно отозвались в сердце тех, кто во Франции и в Англии живо чувствует народное достоинство, неужели Ваше Величество думаете, что грозное присутствие при входе в Босфор трех тысяч орудий, о которых Вы говорите, и весть о входе их в Черное море не отозвались в сердце народа, которого честь Я защищать обязан? Я узнал от Вас впервые (ибо в словесных объявлениях, сделанных Мне здесь, этого сказано не было), что, покровительствуя снабжению припасами турецких войск на собственной их земле, обе державы решились *препятствовать нашему плаванью по Черному морю*, т. е., вероятно, снабжению припасами собственных наших берегов. Предоставляю на суд Вашего Величества, облегчается ли этим, как Вы говорите, заключение мира, и дозволено ли Мне при этом выборе одного из двух предложений не только рассуждать, но и помыслить на одно мгновение о Ваших предложениях перемирия, о немедленном оставлении княжеств и о вступлении в переговоры с Портою для заключения конвенции, которая потом была бы представлена конференции четырех держав. Сами Вы, Государь, если б Вы были на Моем месте, неужели согласились бы принять такое положение? Могло ли бы чувство народной чести Вам то позволить? Смело отвечаю: нет! Итак, дайте мне право мыслить так, как Вы. На что бы Ваше Величество ни решились, Я не отступлю ни пред какою угрозою. Доверяю Богу и Моему праву, и Россия, ручаясь в том, явится в 1854 году такую же, как была в 1812-м.

Если, при всем том, Ваше Величество с меньшим равнодушием к Моей чести возвратитесь чистосердечно к нашей программе, если Вы подадите Мне от сердца Вашу руку, как Я Вам предлагаю Свою в эти последние минуты, Я охотно забуду все, что в прошедшем могло бы быть для Меня оскорбительным. Тогда, Государь, но только тогда, нам можно будет вступить в суждения и, может быть, согласиться. Пусть Ваш флот ограничится удержанием турок от доставления новых сил на позорище войны. Охотно обещаю, что им нечего будет страшиться Моих нападений. Пусть они пришлют ко Мне уполномоченного для переговоров. Я приму его с надлежащим приличием. Условия Мои известны в Вене. Вот единственное основание, на котором Мне позволено вести переговоры.

Прошу Ваше Величество верить искренности чувств, с коими пребываю, Государь, Вашего Величества добрый друг

Николай».

Приводимый выше текст письма государя вышел в свет обработанным в Министерстве иностранных дел, но первоначальный, несколько отличающийся от отправленного, проект письма был собственноручно написан императором Николаем, и мы помещаем этот проект в приложении⁵⁰.

Граф Нессельроде упомянул в своем всеподданнейшем докладе от 26 января 1854 года о том, что генерал Кастельбажак, которому канцлер дал для прочтения письмо императора Наполеона, был глубоко огорчен. Он просил разрешить ему кратковременное представление государю, считая это единственным утешением в неудаче, постигшей его усилия создать лучшие отношения между Россией и Францией. На докладе была положена следующая высочайшая пометка: «En témoignage de mon estime particuliere pour le g. Castelbajac et les efforts, qu'il a fait, quoique en vain, pour établir de bons rapports avec nous, envoyez lui demain le cordon de St-Alexandre et préparez un rescrit. Je le ferai venir le plus tôt, que je le pourrai»⁵¹.

Милостивое отношение императора Николая к французскому послу еще более замечательным образом выразилось 1 февраля. Граф Нессельроде передал по приказанию государя ноту с возвращением верительных грамот только одному английскому послу сэру Гамильтону Сеймуру. Канцлер заметил, что генерал Кастельбажак чувствует себя в затруднительном положении, не получив такой же ноты⁵². Граф Нессельроде напоминал, что именно от французского правительства исходило предложение запретить нам плавание по Черному морю, и, не посылая французскому послу такой же, как Сеймуру, ноты, мы как бы более любезно относимся к стране, которая показала себя более грубой по отношению к

нам. Государь, несмотря на эти доводы, остался непреклонен и написал на докладе: «Je persiste dans ma résolution de ne pas mettre a l'égal le g. Castelbajac avec Seymour. Il dépendra de lui de demander ses passeports, mais je ne les lui enverrai pas moi-même».

В конце февраля канцлер получил от Друзэн де Люиса письмо, которое являлось ультиматумом и объявлением нам войны.

«Исполняя приказание императора, моего Августейшего Государя, — писал французский министр⁵³, — имею честь объявить вашему превосходительству, что, если С.-Петербургский кабинет будет упорствовать в нежелании поставить свой спор с Турцией на чисто дипломатическую почву и не сообщит нам через вас своих намерений приказать войскам, под командой генерала князя Горчакова, начать отступление за Прут на определенную трактатами границу России и Турции так, чтобы княжества Молдавия и Валахия были окончательно очищены до 15 апреля, то правительство Его Императорского Величества принуждено будет считать отрицательный ответ или молчание за объявление войны и действовать сообразно этому».

Об исполнении подобных требований, очевидно, не могло быть и речи. Уже 9 февраля император Николай, отозвав своих послов из Лондона и Парижа, повелел обнародовать следующий манифест⁵⁴:

БОЖИЮ МИЛОСТИЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ
и проч., и проч., и проч.,

Объявляем всенародно:

Мы уже возвестили любезным нашим верноподданным о причине несогласий наших с Оттоманскою Портою.

С тех пор, невзирая на открытие военных действий, Мы не переставали искренно желать, как и поныне желаем, прекращения кровопролития. Мы питали даже надежду, что размышление и время убедят турецкое правительство в его заблуждении, порожденном коварными наущениями, в коих наши справедливые, на трактатах основанные требования представляемы были как посягательство на его независимость, скрывающее замыслы на преобладание. Но тщетны были доселе наши ожидания. Английское и французское правительства вступились за Турцию, и появление соединенных их флотов у Царьграда послужило вящим поощрением ее упорству. Наконец, обе западные державы без предварительного объявления войны ввели свои флоты в Черное море, провозгласив намерение защищать турок и препятствовать нашим военным судам в свободном плавании для обороны берегов наших.

После столь неслыханного между просвещенными государствами образа действия, мы отозвали наши посольства из Англии и Франции и прервали всякие политические сношения с сими державами.

Итак, против России, сражающейся за Православие, рядом с врагами Христианства становятся Англия и Франция!

Но Россия не изменит святому своему призванию; и если на пределы ее нападут враги, то мы готовы встретить их с твердостью, завещанною нам предками. Мы и ныне не тот ли самый народ русский, о доблестях коего свидетельствуют достопамятные события 1812 года! Да поможет нам Всевышний доказать сие на деле! В этом уповании, подвизаясь за угнетенных братьев, исповедующих веру Христову, единым сердцем всея России воззовем:

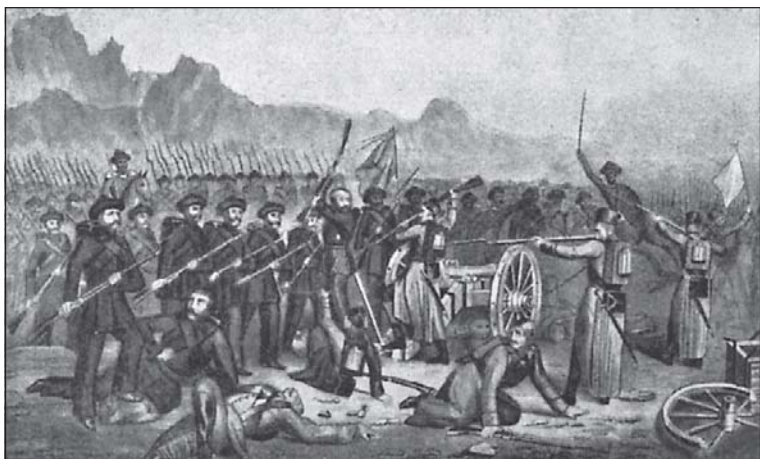
«Господь наш! Избавитель наш! Кого убоимся! Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!»

Дан в Санкт-Петербурге, в 9-й день февраля месяца, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот пятьдесят четвертое, царствования же нашего в двадцать девятое.

Ответом на французский ультиматум могла быть только решимость отразить неприятеля с оружием в руках, доказав ему на деле геройскую мощь русской армии и русского народа независимо от исхода войны.

Барон Бруннов продолжал смотреть на события с усвоенной им точки зрения, которая обеспечивала его депешам лучшую оценку в Петербурге. В начале августа он отметил⁵⁵ высказанные в палате общин Кобденом слова о том, что Восточный вопрос должен быть разрешен когда-нибудь окончательно, так как невозможно, чтобы ислам продолжал существовать при современном состоянии культуры христианских народов. Достоинно замечания, что против этой фразы государь сделал надпись: «C'est tout à fait mon avis; c'est incontestable».

В августе же последовал интересный разговор нашего лондонского посла с лордом Абердином, который, разделяя, видимо, до известной степени идеи Кобдена, нашел нужным сказать барону Бруннову о Турции: «Я перестал верить, что она может просуществовать более долгий срок. Я думаю, однако, что мы не проживем достаточно долго, чтобы нам пришлось заняться этой комбинацией. Ныне она мне кажется не столь удаленной (*peu éloignée*)». Эти слова английского министра произвели глубокое впечатление на государя, который подчеркнул их, сделал на полях депешки многозначительную отметку: «Елfin».

*Лубок Башкадыкларского сражения
(Красная пушка султана)*

Приведенные высочайшие пометки достаточно красноречивы. Если их сопоставить с выражениями государя в письмах к князю Варшавскому, то становится несомненным, что постепенно ум императора Николая стала волновать грандиозная мысль об изгнании турок из Европы и о создании на Балканском полуострове ряда христианских государств. Эта мысль была выражена также в приводимых в своем месте письмах государя к императору Францу-Иосифу, и сама по себе она являлась достойным концом освободительной политики венценосных вождей России, начиная с Петра Великого⁵⁶. Но волей судеб мысль эта столкнулась с условиями, при наличии которых она не могла быть осуществлена. Наша дипломатия в споре о Святых местах и в позднейшем конфликте, который вырос на почве требований князя Меншикова и противодействия им, запуталась в противоречиях. Вместо того чтобы ясно поставить вопрос о необходимости осуществления великой мысли, которая могла бы, вероятно, при надлежащем ее провозглашении встретить сочувствие в Европе, она прежде всего стала от нее отказываться. Это и вызвало на Западе те обвинения нас в двуличии, которые сослужили службу Турции и ее союзникам и привели к неприязненному по отношению к нам настроению чуть ли не все культурные страны. Прямота и искренность императора Николая были поставлены нам в вину, так как всюду думали, что наш Кабинет желает только придрататься к случаю, чтобы низвергнуть Оттоманскую империю и воспользоваться ее наслідием. Заявления же нашей дипломатии о том, что мы чужды

каких-либо мыслей о расширении территории России, принимались на Западе как неискусные уловки. Даже такие люди, как лорд Абердин, который имел счастливый случай лично беседовать с государем и знал его высокие мысли, колебались, не зная, что скрывает в себе возникший спор и какие в действительности цели преследуются нашей политикой. Обаяние личности императора Николая, однако, было столь велико, что лорд Абердин год спустя после встречи с ним сознавал, как бы инстинктивно, что в существе возникших недоразумений лежит взаимное непонимание сторон. «Я бы желал, — говорил он барону Бруннову, — чтобы Его Величество был убежден, что его умеренность более всего затрудняет его противников (*contrarie ses adversaires*). Они желали бы истощить его терпение, довести его до крайности и тогда обвинить Россию в нападении... Эта жалкая, извортливая политика составляет наш позор»⁵⁷.

Далее лорд Абердин заметил нашему послу, что он имеет несчастье не доверять лорду Редклифу, без которого, однако, обойтись невозможно, и что он презирает «скотов турок» (*ces brutes*), не имея средств предоставить их собственной судьбе⁵⁸.

Оговорки лорда Абердина были, конечно, понятны для барона Бруннова. Он не мог, находясь в Лондоне, не знать, что добрые чувства английского первого министра были чисто платонические. Наш посол мог бы дать сообщаемому разговору соответствующее разъяснение, при котором речи лорда Абердина представлялись бы в их истинном свете. Но барон Бруннов воздержался от этого. Он знал, что такие разъяснения были бы неприятны, и потому предпочел оставлять свое правительство в заблуждении до того времени, когда истина станет очевидной и когда ее можно будет объяснить безумием английских государственных людей или теми «*intrigues de serail*», которым наш дипломат приписывал борьбу английских политических партий⁵⁹.

Однако время дипломатических острот и стилистических упражнений проходило. Барон Бруннов обстоятельствами был вынужден писать иногда краткие и содержательные депеши. 17 (29) октября он донес канцлеру, что командующий английской эскадрой адмирал Дундас получил инструкцию охранять Константинополь, а также турецкие порты на Черном море — Варну, Трeбизонт и Батум.

В ноябре наш лондонский посол был уже вынужден признать, что «два Кабинета (наш и сен-джемский) желают столь противоположного, что нет возможности довести их до соглашения мирными путями»⁶⁰. Письмо барона Бруннова, в котором он приводил только что изложенный взгляд, замечательно по своей редакции. Оно начинается указанием на возможное заключение мира с Турцией, причем автор его советует не только держаться требо-

ваний князя Меншикова, но и увеличить их. Далее речь идет о покровительстве, которое англичане оказывают туркам; рассказывается о том, что лорд Абердин, будучи предупрежден о возможном отъезде барона Бруннова, высказался, что он не отзовет сэра Гамильтона Сеймура из Петербурга; упоминается о глубоком впечатлении, которое произвел на английского министра прочтенный ему отрывок из письма графа Нессельроде к барону Бруннову, и, наконец, приводятся слова лорда Абердина о том, что лично он только и желал бы подтверждения наших трактатов с Турцией, между тем как другие стремятся к их пересмотру⁶¹.

Впрочем, император Николай уже не сомневался более в неприязненном отношении к нам английской политики. Он, может быть, был только введен в заблуждение относительно причин этой неприязни. На всеподданнейшей записке графа Орлова⁶² о беседе с сэром Гамильтоном Сеймуром, который выражал надежду, что все еще переменится к лучшему, государь надписал: «Ни Сеймuru и никому из них (английских купцов) не верю, ибо *они*⁶³ честному слову не верят, п...!».

Однако император Николай сделал еще одну попытку побороть предубеждение Лондонского кабинета. Он отправил 20 октября (1 ноября) королеве Виктории собственноручное письмо следующего содержания⁶⁴:

«Вашему Величеству, надеюсь, известны искренние мои чувства к Вашей особе с тех пор, как я имел честь лично Вас узнать; мне казалось, что Вы также благоволили оказывать мне некоторое расположение. Вы меня простите, что накануне, быть может, серьезных событий я обращаюсь непосредственно к Вам, чтобы испытать *последнее остающееся мне средство*⁶⁵ предотвратить несчастья, избежание которых является в интересах обеих наших стран. Я позволяю себе это сделать с особенно большим доверием потому, что за много времени до того, как дела Востока приняли тот дурной оборот, в котором они находятся в настоящее время, я непосредственно обращался к Вашему Величеству через сэра Гамильтона Сеймура. Я старался обратить Ваше внимание на события, тогда еще неопределенные, но весьма правдоподобные в моих глазах, которые я старался осветить *прежде всего* совместно с английским кабинетом, чтобы устранить, насколько возможно, различие наших взглядов. Переписка того времени, которую благоволите приказать перечесть себе еще раз, достигла своей цели, так как разъяснила английскому правительству самые интимные мои мысли относительно затронутых серьезных предположений, а я получил в ответ (или, по крайней мере, так предполагал) такое же изложение взглядов Вашего Величества.

Будучи, таким образом, осведомлены о том, чего мы обоюдно желали бы, по какому же фатальному стечению обстоятельств мы

*Башкадыктарское сражение
(с картины Шарлеманя)*

дошли, Государыня, до столь яркого недоразумения по вопросам, относительно которых мы согласились, казалось, раньше, так как *мое слово обязывает меня по отношению к Вашему Величеству так же, как, я думаю, слово английского правительства обязательно по отношению ко мне.*

Я обращаюсь к справедливости и к сердцу Вашего Величества, я взываю к Вашим добрым намерениям и к Вашей мудрости. Благородите решить, должны ли мы остаться, как я этого горячо желаю, в добром согласии, одинаково выгодном для наших стран, или Вы находите *войну неизбежной в то время, когда я тщетно прошу указать причины к ней.* Должен ли английский флаг развеваться рядом с полумесяцем, чтобы бороться с Андреевским крестом.

Каково бы ни было решение Вашего Величества, будьте уверены в неизменной и искренней привязанности, с которой не перестану пребывать Вашего Величества добрым братом и другом».

Ответ на это письмо последовал через две недели, сообразно состоянию тогдашних сообщений.

«Государь и дорогой брат, — писала королева Виктория⁶⁶. — С глубоким и искренним удовлетворением я получила письмо, которое Вашему Императорскому Величеству угодно было написать мне 18 (30) октября². Я весьма тронута выраженными Вами чувствами, и Ваше Величество меня достаточно знаете, чтобы верить во взаимность этих чувств.

Я также очень благодарна Вам, Государь, за откровенность, с которой Вы мне говорите о настоящих осложнениях. Я бы не сумела лучше ответить на чистосердечные намерения Вашего Величества иначе, как высказав в свою очередь со всей прямоотой мои взгляды на затронутый вопрос, так как я убеждена, что в этом заключается лучшее средство сохранить с пользой истинную дружбу.

Я прочитала, дорогой брат, согласно Вашему желанию, как секретные сообщения, которые Вы пожелали нынешней весной мне передать через барона Гамильтона Сеймура, так и ответы, которые я приказала моему правительству Вам отправить.

Хотя при чтении и становится очевидной весьма заметная разница Ваших и моих взглядов на Турецкое государство и его жизнеспособность, но меморандум Вашего Величества от 3 (15) апреля самым счастливым образом рассеивал неприятные опасения. Из него видно, что если мы не были согласны относительно *состояния здоровья*⁶⁷ Оттоманской империи, то между нами была полная солидарность относительно необходимости предоставить ей жить и не предъявлять ей унижающих ее требований с тем, чтобы остальные поступали бы так же, и никто не злоупотреблял бы ее слабостью для получения исключительных преимуществ. С этой целью Ваше Величество заявили даже готовность потрудиться в согласии с Англией для продолжения существования Турецкой империи и избегать всякого повода, могущего повести к ее распаденню.

Я также была убеждена, что между нами не было и не могло быть никакого различия во взглядах относительно требований о Святых местах, требований, которые, как я имела право думать, составляли единственный предмет недовольства России Портой.

Я, Государь, вполне полагаюсь на слово, данное мне Вашим Величеством, слово, впоследствии подтвержденное, благодаря Вашей дружбе, объяснениями Ваших намерений. Никто более меня не ценит высокой прямооты Вашего Величества, и я желала бы, чтобы мои убеждения могли бы разрешить в этом отношении все затруднения. Но Вам известно, что, как бы ни были чисты намерения, которыми руководствуется монарх, даже наиболее возвышенного характера, этих личных качеств недостаточно для международных договоров, когда одно государство связует себя по отношению к другому торжественными обязательствами. Истинные намерения Вашего Величества были несомненно забыты и плохо истолкованы в отношении формы, приданной обращенным к Порте требованиям.

Искренно желая, Государь, исследовать, отчего, собственно, могло произойти это неприятное недоразумение, я, естественно, остановилась на статье 7 Кайнарджийского трактата, и я должна сказать Вашему Величеству, что, запросив относительно смысла, который может быть придан этой статье, совета самых сведущих

людей, а затем прочтя ее сама с искренним желанием избежать односторонности, я пришла к убеждению, что эта статья не может подлежать распространительному толкованию, которое желали ей придать. Все друзья Вашего Величества уверены, как и я, что *Вы не злоупотребили бы данными Вам правами, но такого рода требования (какие предъявлены Турции) едва ли могут быть приемлемы кем-либо из государей, уважающих свою независимость.*

Я не скрою также от Вашего Величества тяжелого впечатления, которое на меня произвело занятие княжеств. Вот уже четыре месяца, как оно вызывает общее потрясение в Европе и впоследствии может привести к событиям, которые я буду оплакивать наравне с Вами. Но, так как намерения Вашего Величества относительно Порты *дружественны и бескорыстны*, то я убеждена, что Вы найдете способ их проявить и осуществить так, чтобы обойти самые серьезные опасности, *которые, уверяю Вас, я со своей стороны буду всеми силами устранять.* Беспристрастное внимание, с которым я следила за причинами, вызывавшими до настоящего времени неудачу всех попыток примирения, *дает мне твердое убеждение в том, что нет существенного препятствия, которого нельзя было бы устранить или быстро преодолеть при содействии Вашего Императорского Величества.*

Я не оставляю надежды на этот счастливый результат даже после грустных столкновений, которые вызвали пролитие крови в княжествах, так как я верю в Бога, и если со всех сторон намерения чисты, а хорошо понимаемые интересы общи, то Всемогущий не дозволит, чтобы *вся Европа, в которой так много горячих элементов, была подвергнута всеобщему потрясению.*

Да блюдет Бог дни Вашего Величества, и верьте, Государь, искренней привязанности, с которой пребываю Вашего Императорского Величества доброй сестрой и другом».

Император Николай пометил на этом письме: «C'est fort amical, mais cela ne conclut rien du tout».

В то время как монархи обменивались приведенными письмами, барон Бруннов продолжал в Лондоне свою политику бесед с лордом Абердином. Он исполнил также данное ему министром финансов поручение перевести из английского банка вклад нашего правительства в сумме около 25 миллионов франков и подчеркивал в своей депеше⁶⁸ эту свою заслугу перед отечеством, как «nouvelle preuve de fidélité et de dévouement au service de notre Auguste Maître». Наш дипломат сообщал также в ходе части союзной эскадры в Черное море и о своей беседе по этому поводу с лордом Абердином. Английский министр заявил барону Бруннову, что вход незначительной эскадры («escadrille») последовал не по инструкции союзных прави-

тельств, а по личной инициативе послов и адмиралов; целью такого решения было, по всей вероятности, облегчение путешествия отозванных из княжеств и временно находившихся в Варне консулов, а также возвращение стоявших в устье Дуная торговых судов. Одно из высказанных лордом Абердином предположений о входе части эскадры в Черное море сводилось и к возможности наблюдать за движениями турецкой эскадры на случай столкновения между морскими силами России и Турции. В заключение разговора лорд Абердин добавил, что он является противником популяризованных заставить Англию воевать с Россией, но что он не может оставить Турцию без поддержки.

Эпизод Башкадыкларского сражения

Барон Бруннов возразил своему собеседнику, что предлог для входа союзной эскадры в Черное море ему представляется «пустым и достойным презрения» (*«mesquin et méprisable»*), что русские власти хозяйничать ей и уводить суда в Сулинском рукаве не позволяют, и присутствие эскадры при встрече русских морских сил с турецкими не помешает нашим морякам исполнить свой долг. Впрочем, лорд Абердин и сам назвал причины входа в Черное море нескольких союзных военных судов *«contemptible»* (достойным презрения), что, по словам Бруннова, свидетельствовало об «унижении, которое должен был испытать английский первый министр перед лицом представителя Императора».

Вопрос о вооруженном вмешательстве Великобритании в русско-турецкую распря был в английском общественном мнении решен с того момента, когда в Лондоне было получено известие о Синопской победе. Барон Бруннов в следующих словах описывает состояние умов в Англии после этого события⁶⁹:

«Русский флот проявил свое мужество в благородном боевом деле. Сценой этой неожиданной победы была стихия, в которой Англия считала себя безраздельно господствующей. Великобританская эскадра, стоявшая на якоре в Босфоре, была свидетельницей нашей победы. Она оставалась бездейственной в то время, когда турецкий флаг склонился перед Андреевским крестом. Где же была Англия, объявившая, что ее знамя развевается на водах

Востока для того, чтобы охранять независимость Турции, ее старой союзницы! Она оставалась неподвижной. Она даже не осмелилась пройти проливы. Это преисполнило меру падения. Жребий брошен. Нельзя более отступать, не марая чести Англии несмываемым пятном. Таковы, г. канцлер, речи органов общественного мнения».

Минута кризиса наступала, хотя лорд Абердин и сообщил барону Бруннову, что в интересах сохранения мира он предполагает сделать еще одно усилие, и окончательное решение по этому поводу ожидалось нашим послом через несколько дней. Однако 3 (15) декабря⁷⁰ наш посол сообщил, что лорд Абердин не будет делать Совету министров никаких предложений, но Редклиф, по словам английского министра, еще надеялся заставить Турцию вступить в переговоры⁷¹. Барон Бруннов счел долгом заявить на это лорду Абердину, что «Англия не страховое общество, обязанное отвечать за несчастные случаи на море», и если она стремится сохранить Оттоманскую империю, то должна проявлять это стремление не путем войны, а мирными средствами, так как никакая иностранная демонстрация не заставит нас отказаться от права войны по отношению к Турции.

Барон Бруннов, руководствуясь инструкцией графа Нессельроде, заявил лорду Абердину и Кларендону, что «отношение государя императора к двум морским державам будет сообразно с поведением их эскадр по отношению к нашей»⁷². Английские же министры заметили на это, что Синопская победа в известном смысле является уничтожением для Англии, и вопрос о действиях союзных эскадр зависит от послов в Константинополе и от адмиралов. Бруннов не мог не выразить удивления по поводу такой передачи правительствами руля политики адмиралам, в ответ на что ему пришлось выслушать оригинальную теорию, подробно изложенную лордом Абердином.

«Я примирился с мыслью, — сказал английский министр, — что мне придется узнать о боевом столкновении наших судов с вашими. Я не спорю против того, что вам принадлежит право преследовать турецкие корабли везде, где их можно встретить, но мы полагаем, что в наших интересах помешать таким встречам. Отсюда легко возможно предвидеть столкновения. Мы не назовем этого войной... Я вижу ваше удивление. Вы удивитесь еще более, если я вам скажу, что мы идем далее. Мы допускаем, что борьбу между нами возможно ограничить пределами Черного моря, не распространяя ее ни на Балтийское, ни на другие части земного шара. Если бедствия войны можно заключить в более узкий круг, то отчего не сделать этого? Ведь распря турецкая, и почему ее не заключить в территориальные пределы, где она должна быть разрешена? Это может показаться неслыханным, но я не думаю, что это был абсурд».

На замечание барона Бруннова, что мы имеем дело с Турцией и что вмешательство третьих держав скорее способно запутать вопрос, чем содействовать его разрешению, лорд Абердин ответил:

«Для нас невозможно предоставить Турцию вашей милости. Невозможно также предоставить ее собственной неспособности. Поэтому нам приходится выбирать между двумя одинаково плохими способами. Прежде всего мы рискуем рассориться с вами, а если бы мы пришли к соглашению с вами, то пришлось бы принуждать Турцию».

Изложение беседы с лордом Абердином барон Бруннов восполнил своими замечаниями. «Когда политика ложна, — писал он, — то она может привести лишь к плохим последствиям. Англия стала на путь, с которого ей невозможно сойти, не наталкиваясь на препятствия, созданные ее же руками».

Донесение нашего посла было испещрено восклицательными знаками, которыми император Николай отметил приведенные отрывки, сделав в конце надпись: «C'est absurde et pitoyable»⁷³.

Однако государь не терял еще окончательной надежды или признавал, по крайней мере, необходимым до конца исчерпать все возможные средства для избежания полного разрыва с Англией. Он еще раз обратился 3 (15) декабря к королеве Виктории с собственноручным письмом.

«Государыня, — писал император Николай⁷⁴, — я благодарю Ваше Величество за столь же дружественный, сколько и открытый ответ на письмо, которое я имел честь Вам написать. Благодарю также за доверие к моему слову. Я надеюсь, что имею на это некоторое право. 28 лет политической жизни, часто подверженной тяжелым испытаниям, никому, я надеюсь, не дают права в этом сомневаться. Как мне ни прискорбно быть иного, чем Ваше Величество, мнения, но я позволяю себе думать, что в делах публичных, а также в отношениях одной страны к другой ничто не может быть более свято, как слово и личный характер государя, так как от их окончательного решения зависит мир и война.

Я не буду, конечно, утомлять внимания Вашего Величества подробным разбором статьи 7 Кайнарджийского трактата, но замечу лишь, Государыня, что уже 80 лет, как Россия и Турция понимали ее так, как понимаем мы ее и теперь. Этот смысл был извращен лишь в последнее время вследствие подстрекательств, которые Вашему Величеству столь же хорошо известны, как и мне. Вернуть Кайнарджийскому трактату первоначальное значение и укрепить его торжественным обязательством — такова цель моих усилий и таковой она останется, хотя бы, вопреки моему горячему желанию, пришлось еще проливать кровь. Это жизненный вопрос для России, и нет усилий, которых она не употребила бы, чтобы его надлежащим образом разрешить.

Башкадыкларское сражение (дубок)

Если мне пришлось занять княжества, о чем я сожалею так же, как и Ваше Величество, то потому, что свобода, которой княжества пользуются, завоевана ценой русской крови и достигнута, Государыня, мною в 1828 и 1829 годах. Было бы недостойно меня предавать их накануне конфликта, который делали все более и более вероятным, на волю врагов христианства, коих гнет понятен лишь тем, кто его испытал. Я надеюсь, что это достаточный ответ на сомнения и сожаления Вашего Величества. Вы изволили мне высказать, что не сомневаетесь в возможности восстановления мира при моей помощи, несмотря на пролившуюся кровь. От всего сердца отвечаю, Государыня, — да, если Ваши уполномоченные точно исполняют Ваши приказания и Ваши благожелательные намерения, потому что мои не изменились с самого начала настоящих грустных событий. Отступать перед опасностью или хотя бы только желать теперь не того, чего я желал раньше, и отречься от своего слова было бы ниже меня, и благородное сердце Вашего Величества должно это понять. Я прибавлю лишь, что мое сердце обливается кровью, узнавши, какие ужасы творятся дикими ордами с тех пор, как там развевается английский флаг.

Я сердечно благодарен за добрые пожелания, которые Вам угодно было мне передать. Они взаимны, пока я жив, Государыня, и я рад высказать это Вашему Величеству, уверяя вас в моей благожелательности. До конца жизни пребываю, государыня, Вашего Величества преданным братом и другом».

В приложениях читатель найдет подлинник этого проекта, а также вариант, вышедший, вероятно, из-под пера графа Нессельроде, смягчившего прямые и решительные выражения государя и введшего в текст ряд дипломатических вставок и округленных фраз, которыми был так богат стилистический репертуар канцлера, а в особенности его ученика, как сам он любил себя называть, барона Бруннова.

Несомненные познания, наблюдательность и способность ориентироваться в событиях, отличавшие этого дипломата, терялись в стилистических изворотах, в желании блеснуть оригинальным сравнением, и в особенности в опасении вызвать неудовольствие государя. У барона Бруннова не следует искать ни прямоты, ни решительности в высказывании своих взглядов. Иногда, в особо важные минуты, — намек и ничего более, притом намек, тотчас же взятый обратно или сопровождаемый оговорками, среди которых исчезал его настоящий смысл.

Классическим образцом такого «дипломатического искусства» в сношениях со своим собственным правительством является записка барона Бруннова о положении Восточного вопроса, написанная в январе 1854 года⁷⁵. Она начинается общими соображениями о причинах (превосходно известных автору) политических ошибок, совершаемых правительствами. Как на главную причину барон Бруннов указывает на неточные или преувеличенные сведения, доставляемые агентами. «Последние имеют слабость думать, что они оказывают приятные услуги своим кабинетам, лстя господствующим мнениям и сообщая сведения, их поддерживающие».

Далее идет речь о том, как впал, вследствие этой причины, в ошибки Лондонский кабинет⁷⁶ и как, наоборот, более глубоко проникает в суть вещей император Наполеон III. В то время когда «английская политика не сознает ни того, чего желает, ни того, что может», Наполеон прекрасно понял, что события доведут его армию до Константинополя и что явится возможность переделать карту Европы для возвеличивания Франции. Записка излагает далее подробности, касающиеся английских морских вооружений и предполагаемой перевозки французских войск в Константинополь, упоминает об «ужасе, охватывающем Английский кабинет при мысли о будущем», отмечает бессилие Швеции и Дании воспротивиться захвату Балтийского моря и колебания Пруссии и, наконец, подходит к существенному вопросу о войне и мире. Барон Бруннов прежде всего указывает на мирную миссию Австрии, несколько осложненную последними решениями послов на Венской конференции, упоминает вскользь о сомнениях, вызываемых парижским проектом конференции шести, и замечает, что если одно предложение не будет иметь успеха, то возникнет

другое, так как никто не желает перейти черту, отделяющую мир от войны.

«Если бы пришлось объяснить, — писал Бруннов, — каким образом Европа дошла до этой черты, то современная история затруднилась бы связать начало с концом.

Год тому назад, когда князь Меншиков отправлялся в Константинополь, предметом его миссии было урегулирование вопроса о Святых местах посредством дружественного соглашения с Портой. С этого времени события в своем безостановочном ходе с каждым шагом прибавляли Восточному вопросу опасность за опасностью.

В мае месяце вопрос еще назывался нотой князя Меншикова.

В июле он стал уже занятием княжеств.

В августе он приобрел имя венской ноты.

Диван преобразовал его в объявление войны.

Морские державы осложнили его посылкой эскадр сначала в Дарданеллы, а потом к выходу из Босфора.

Россия ответила Синопской победой.

Ныне мы подходим к моменту, когда Восточный вопрос станет называться оккупацией Константинополя общими силами Франции и Англии.

Если изменился вид вопроса, то и цель наших усилий стала другая. Главнейшим интересом нашей политики является лишение морских держав преобладающего положения, которое они заняли между Дарданеллами и Босфором. Чем дольше они там останутся, тем последствия будут менее благоприятны для нас. Чтобы их вытеснить из положения, столь полезного для их интересов и столь вредного для наших, у нас остается выбор между двумя альтернативами.

Одной является мир, другой — война.

Императору принадлежит избрать ту, которую он найдет лучшей.

Не будем обесценивать выгод мира, если его последствием является изъятие Константинополя из власти англо-французского союза.

Не будем также игнорировать трудностей, которые придется преодолеть, чтобы достигнуть той же цели с оружием в руках».

Барон Бруннов говорил, как Пифия. Неудивительно поэтому, что вышеприведенные строки записки удостоились лишь вопросительного знака, поставленного государем на полях труда нашего дипломата рядом с отметкой NB.

Барон Бруннов одновременно с запиской препроводил графу Нессельроде интересное, полное противоречий письмо⁷⁷. Оно начинается длинным вступлением, в котором наш дипломат замечает, что у нас не знают Англии, и поэтому он считает долгом высказать истину о предвидимых им опасностях. С чувством своего превосходства говорит Бруннов о «жалком виде», с которым лорд

Рёссель сообщил ему об инструкциях, посланных в Петербург Сеймуру, о ничтожестве английских министров, «ежедневно изменяющих свое мнение» и готовящихся к открытию парламента, как к рождественскому празднику, когда детям показывают изображающую Великобританию куклу на картонном корабле в качестве владычицы морей. «Все это было бы смешно, — сентенциозно добавлял барон Бруннов, — если бы мир Европы не был поставлен на карту к финалу рождественской пьесы».

Автор, упомянув в начале письма о том, что «Россия должна отдать себе отчет в жертвах, которые ей придется принести, и в страданиях, которые ждут ее, если она вступит в великую борьбу», замечает в конце, что, хотя парламент и ассигнует какие угодно суммы, так как «мания противодействия русским завоеваниям затемняет все умы», но что, однако, страна будет в таком настроении лишь до тех пор, пока ей не надоеет нести издержки и читать газеты.

Если барон Бруннов думал, что его записка и письмо явятся серьезным предостережением перед наступающими событиями, то он глубоко ошибался. Вернее всего, что эти документы, как и многие другие, исходившие от талантливого дипломата и стилиста, имели в виду убедить будущего историка в уме автора и в сознании им значения переживаемого исторического момента. Эта цель достигнута. Нельзя ныне отрицать (оставляя в стороне неизбежные ошибки вроде написанной отходной Пальмерстону), что барон Бруннов прекрасно ориентировался в событиях, но нельзя также не отметить, что он, дорожа своим личным положением, не высказывал своих взглядов с ясностью и полнотой, которые отличают верных слуг царя и отечества не только за страх, но и за совесть.

Чем, например, объяснить странное сообщение барона Брунова, сделанное накануне предвиденных им громадной важности событий, о том, что правительства западных держав раскаиваются в посылке сэру Сеймуру и генералу Кастельбажаку инструкций объяснить Петербургскому кабинету вход эскадр в Черное море намерением воспрепятствовать всякому нашему нападению на турецкий флот и порты⁷⁸.

Но на деле вышло иное. Английский и французский послы в Петербурге поступили согласно данным им инструкциям, и в то время когда депеша барона Брунова направлялась еще к месту назначения, граф Нессельроде предложил ему разъяснить вопрос о том, намерены ли союзные эскадры воспрепятствовать также турецкому флоту нападать на наши суда и берега⁷⁹. «Нам невозможно, — писал канцлер, — рассматривать сделанное нам заявление иначе, как покушением на наши права воюющей стороны. Император считает себя обязанным протестовать против этого

Ахмет-паша со своим штабом

заявления и не может признать его правомерности. Его решение в будущем определится в зависимости от способа применения заявления адмиралами обоих флотов и от поведения их судов относительно наших».

13 (25) января барон Бруннов исполнил данное ему поручение, обратившись к лорду Кларендону с нотой следующего содержания.

«Нижеподписавшийся получил приказание объяснить с вашим превосходительством относительно значения сообщения, сделанного устно Имперскому канцлеру английским представителем в С.-Петербурге.

Если оно было вызвано желанием устранить возможность столкновения между русскими и оттоманскими морскими силами, то этого можно было достигнуть, руководствуясь принципом справедливой взаимности.

Поэтому следовало бы точно определить, что оттоманская эскадра должна воздержаться от всякого нападения на русский флаг и на русские берега в Европе и в Азии.

Под этим условием была бы обеспечена равная безопасность оттоманскому берегу и флагу.

Во-вторых, если турецким судам позволено беспрепятственно поддерживать сообщения между оттоманскими портами для доставления жизненных припасов, военных материалов и войск, то такое же право должно быть обеспечено судам Императорского флота для того, чтобы они могли поддерживать сообщение между русскими портами на европейском и азиатском побережье.

Такое решение имело бы последствием, при его точном осуществлении, прекращение между воюющими сторонами враждебных действий на море.

Нижеподписавшийся имеет честь просить его превосходительство лорда Кларендона уведомить его в ответ на эту ноту, согласны ли намерения правительства Ее Великобританского Величества с

намерениями Императорского кабинета относительно принципа совершенной взаимности, изложенного в настоящем сообщении»⁸⁰.

Ответ заставил себя ждать шесть дней и не был удовлетворителен.

«Нижеподписавшийся, — писал лорд Кларендон⁸¹, — имеет честь подтвердить получение ноты барона Бруннова от 25 (13) с. м., в которой он сообщает о полученном приказании запросить у нижеподписавшегося объяснения относительно точного смысла устного сообщения представителя Ее Величества в Петербурге канцлеру Империи.

Барон Бруннов указывает на некоторые мероприятия, которые при взаимном соглашении и точном осуществлении привели бы к прекращению военных действий на море, и просит нижеподписавшегося уведомить его, согласны ли намерения правительства Ее Величества с намерениями Императорского кабинета относительно принципов совершенной взаимности, изложенных в ноте барона Бруннова.

Нижеподписавшийся, отвечая барону Бруннову, считает долгом заявить, что сообщение сэра Сеймура имело в виду установить: что флот Ее Величества был послан в Константинополь не для нападения на Россию, но для защиты Турции, и что правительство Ее Величества было бы радо, если бы необходимость такого использования флота вовсе не представлялась. Но уничтожение турецкого флота, мирно стоявшего на якоре в турецкой гавани, доказало, что примирительное настроение правительства Ее Величества и дружественное об его намерениях сообщение графу Нессельроде 27 октября были неверно поняты и с ними не считались. Поэтому правительство Ее Величества решилось принять меры для устранения в будущем несчастий вроде того, театром которого был Синоп. С этой целью корабли Ее Величества и Императора французов должны войти в Черное море и потребовать от каждого встреченного русского корабля, чтобы он возвратился в русский порт; если бы он не пожелал считаться с этим требованием, то принудить его к исполнению. Но, так же как и в прошлом, правительство Ее Величества, желая мирно разрешить текущие затруднения, приняло бы меры, чтобы воспрепятствовать всякому нападению турецкого флота на русскую территорию.

Нижеподписавшийся установил, таким образом, значение сообщения, которое, во избежание всяких недоразумений, устно сделал представитель королевы в Петербурге, и ему кажется совершенно излишним уведомлять барона Бруннова о том, что этого сообщения будут точно придерживаться.

Нижеподписавшийся спешит добавить, что правительство Ее Величества искренно желает сохранения дружественных отношений с Россией, и все усилия его будут иметь целью разрешение

русско-турецкой распри, согласно со справедливостью и с честью, но Россия заставила правительство Ее Величества исполнить свой долг без колебаний.

Турция является державой оскорбленной и более слабой; часть ее территории занята и удерживается силой, между тем как военные приготовления в России совершаются на широкую ногу. Правительство Ее Величества, защищая Турцию от грозящей ей опасности, поддерживает основной принцип европейской политики сохранения Османской Империи, принцип, который был несколько раз провозглашен пятью великими европейскими державами.

Пределы и характер такой защиты будут зависеть от образа действий России, но правительство Ее Величества не теряет надежды, что мир возможен на справедливых условиях, предложенных Портой России. Если бы они были приняты, то перемирие на море и на суше прекратило бы пролитие крови и положило бы конец затруднениям, вытекающим из морских операций. Опасные ныне для общественного мира несогласия были бы тогда скоро устранены».

Не могло быть более сомнений в том, что Великобритания всецело становилась на сторону Турции, и барону Бруннову оставалось лишь исполнить инструкцию графа Нессельроде и потребовать свои верительные грамоты. Он сердечно простился с лордом Абердином, который упрекал себя в том, что не отправил тотчас же после неудачи посольства князя Меншикова в Петербург лорда Гренвиля для конфиденциальных переговоров, и восклицал: «Это невозможно, это была бы чудовищная война»⁸². Прощание с лордом Кларендоном ограничилось рукопожатием.

26 января (7 февраля) барон Бруннов покинул Лондон и направился в Брюссель, где ему пришлось прожить по приказанию государя около полугода.

Вскоре вслед за этим граф Нессельроде получил сообщение лорда Кларендона⁸³ с заявлением, что «если Россия откажется от разрешения чисто дипломатическим путем своих несогласий с Блистательной Портой и не уведомит через возвращающегося курьера о своем намерении дать войскам князя Горчакова приказ отступить за Прут так, чтобы Молдавия и Валахия были очищены до 30 апреля, то Великобританское правительство будет считать отказ или молчание Петербургского кабинета за равносильные объявлению войны». Курьеру было приказано ожидать ответа не более шести дней.

Курьер, конечно, ждал напрасно. Ответ не последовал и последовать не мог. Оставалось принять вызов, уповая, как правильно выражалась позднейшая декларация нашего правительства, на силу сопротивления, даваемую самоотверженностью и патриотизмом русского народа.

Отряд греческих волонтеров

Столь долго подготавливавшийся разрыв России с западными державами совершился. Франция и Англия 12 марта заключили в Константинополе особый трактат с Турцией, которым определялись их взаимные отношения⁸⁴, а 10 апреля между обеими западными державами был заключен оборонительный и наступательный союз⁸⁵.

Если в Англии этот союз был вызван опасением столь нежелательного для нее падения Оттоманской империи и чрезмерного усиления влияния России на Востоке, то со стороны императора Наполеона III преследовались совершенно иные и не соответствовавшие, по всей вероятности, интересам Великобритании цели.

«Я смеюсь над Восточным вопросом, — сказал Наполеон принцу Гогенцоллерну-Зиненгеру уже после разрыва с Россией, — так же, как и над влиянием русских в Азии. Меня интересует лишь влияние их в Европе, и я хочу положить конец тому господству, которое за последнее время петербургский кабинет приобрел на континенте. Мне все равно, желает ли Россия очистить княжества или нет, но я желаю ослабить ее и не заключу мира, пока не достигну своей цели»⁸⁶.

Наше правительство ознакомило европейские Кабинеты и общественное мнение со своим взглядом на происшедший разрыв посредством утвержденных государем февральского меморандума и мартовской декларации⁸⁷. Истинное же освещение событий для России было, кроме того, сделано новым манифестом от 11 апреля, написанным лично императором Николаем. В этом манифесте, объявленном при торжественной обстановке в первый день Светлого Христова Воскресения, государь объяснял народу,

что общая цель Англии и Франции обессилить Россию и низвести ее с той степени могущества, на которую она возведена Всевышней Десницей. Упомянув далее о том, что Россия сражается не для материальных выгод, а исключительно за веру христианскую и в защиту единоверных своих братьев, государь обращался ко всему христианству. «Да познает же все христианство, — были заключительные слова манифеста, — что, как мыслит Царь русский, так мыслит, так дышит с ним вся русская семья»⁸⁸.

Мы уже говорили, что вскоре после возвращения князя Меншикова из Константинополя нашему послу в Вене барону Мейендорфу было поручено передать императору Францу-Иосифу собственноручное письмо императора Николая, в котором откровенно разъяснялись взгляды и намерения государя.

Австрийский монарх ответил⁸⁹, что им поручено графу Буолло войти в соглашение с бароном Мейендорфом относительно самого полезного способа действий для достижения цели посреднической миссии, принимаемой на себя Венским кабинетом. Прежде всего император Франц-Иосиф предполагал повлиять на Порту, чтобы она дала «должное» России удовлетворение. Он надеялся успеть в этом, рассчитывая на возвышенные чувства императора Николая, которые окажут свое влияние в отношении великодушной пощады Турции. Если бы, однако, успех не был достигнут и государь решился бы занять княжества, то усилия австрийского императора предполагалось направить на то, чтобы ни в Константинополе, ни в Лондоне и Париже оккупация не была признаваема началом войны. Относительно сделанного из Петербурга предложения Австрии занять пограничные турецкие области император Франц-Иосиф находил, что с этим не следовало бы спешить. Он полагал, что открытое принятие Австрией враждебных против Турции мер вызвало бы форменный союз Франции со всеми революционными элементами, и просил предоставить ему широкую свободу действий, которой он воспользуется «dans l'esprit de l'alliance qui unit».

Вскоре император Николай отправил в Вену другое письмо, следующего содержания⁹⁰:

«Мой дорогой друг! Я не могу достаточно благодарить тебя за благородные, прямые и столь достойные тебя ответы на то, что я тебе писал и поручил передать барону Мейендорфу. Я вполне одобряю программу, которой ты желаешь придерживаться в настоящем грустном случае. Она столь же разумна, как и осторожна, и я не могу ее не уважать. К несчастью, дела все ухудшаются, так как тебе уже известно, что моя последняя попытка привести турок к более справедливой оценке вещей не удалась вследствие адской

диктатуры (l'infernale dictature), которой пользуется над этим несчастным правительством лорд Редклиф, сделавшийся, кажется, всемогущим. Результат ясен. Для меня — это необходимость немедленно вступить в княжества, что уже и совершается; для Турции — полное подчинение английским и французским фантазиям, т. е. именно то, что желают вменить в вину моим намерениям.

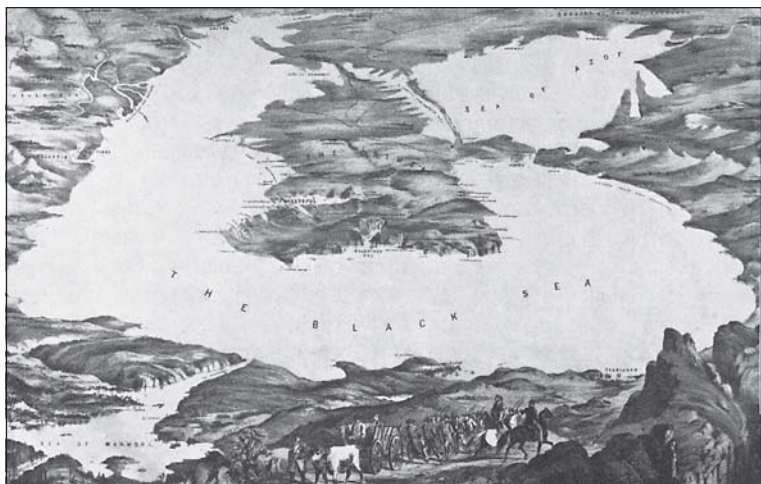
Мне не остается ничего более, как продолжать держаться плана, который я начертал и которому буду следовать спокойно и решительно на досаду английскому и французскому флоту и их вооруженной силе. Если они желают войны со мной, то пусть придут — мы будем готовы защищаться. Если желают приняться за моих союзников — я тут со всеми моими силами для поддержки последних.

Но то, что мы должны предвидеть и чему противодействовать, заставляют наши интересы, может теперь, когда Турция предалась англичанам и французам, вскоре наступить. Если вспыхнет война, то я не имею никакой возможности поступать дальше так, как поступал раньше; я не смогу более удерживать в покое болгар, греков и прочие народности, нетерпеливые и пришедшие в отчаяние. Весьма возможно, что они все восстанут, а флоты бессильны против них. Последствием будет падение в Европе Оттоманской Империи даже без помощи нашего оружия.

Я желал бы, если это событие наступит, заранее знать твои виды и намерения. Я повторяю то, что ты уже знаешь: *я не желаю завоеваний*⁹¹, и я это торжественно объявил в моем манифесте России. *Этим все сказано*. Мне казалось бы поэтому, что простейшим решением было бы признать в их границах независимость народностей, которые сами отделились бы от Турции, как-то: Молдавия, Валахия, Сербия, Болгария и др. Я думаю, и ты тоже это предпочел бы, это от нас отстраняет несправедливые подозрения, будто мы стремимся к завоеваниям. Такая мера даст нам соседями маленькие государства, которые будут управляться по их обычаям и лицами, ими выбранными; для их существования нужен будет только *наш общий протекторат*, а неприятелей у них не будет.

Если, наконец, вследствие ли общего восстания христиан или вследствие хода военных операций, и Константинополь должен быть освобожден от турок, то и тут с тобой одним, мой добрый, дорогой друг, я хотел бы, в предвидении будущего, быть в согласии относительно того, что, по твоему мнению, следовало бы сделать. Я не вижу другого исхода, как создание *вольного города под гарантией всех европейских держав и скрытие укреплений Дарданелл и Босфора*⁹².

Что касается, дорогой друг, настоящего, то, по занятии княжеств, *я не предполагаю переходить Дуная*. Я желал бы выждать, какое

Панорамный вид Крымского полуострова

впечатление произведет эта первая оккупация. Мой флот готов, но он пока без дела. Ты можешь быть уверен, что я позабочусь держать тебя в курсе всего, что может произойти и изменить мои нынешние решения. В княжества вступают 4-й и часть 5-го корпусов численностью около 80 тысяч. 13-я и 14-я дивизии остаются в Севастополе и Одессе, чтобы быть готовыми ко всяким случайностям. Резервы обоих корпусов сформированы и находятся на походе, чтобы заменить свои корпуса на местах их стоянки. Кроме этих войск будет приведен на военное положение и 3-й корпус, чтобы можно было, в случае надобности, и его ввести в дело. Остаются гвардия, гренадеры и 1-й, 2-й и 6-й корпуса пехоты и три корпуса резервной кавалерии. Я пока не привожу их на военное положение, ожидая течения событий. Я равным образом не делаю никаких приготовлений к защите здесь, не думая, чтобы безумие англичан дошло до желания здесь на нас напасть; но если бы это случилось, то мы готовы принять их лучшим образом.

Что касается оскорблений французских и английских газет, то я на них отвечаю презрительным молчанием; оскорбление есть оружие слабых.

Я полагаюсь на Бога и желал бы во всех случаях рассчитывать на твою дружбу, как, льщу себя, ты полагаешься на мою, которая принадлежит тебе на всю жизнь с той нежностью, которую к тебе чувствует, мой добрый, дорогой друг, твой верный и преданный брат, друг и союзник»⁹³.

В июле монархи вторично обменялись письмами. Император Франц-Иосиф, ссылаясь на только что приведенные мысли государя⁹⁴, писал, что он вполне согласен с принципами охранения мира и сохранения Османской империи. Далее австрийский император замечал, что, вероятно, турки представят государю через посредничество Австрии приемлемые условия примирения, и тогда будет возможно закрыть главу событий, которая заключается в себе столь многие шансы войны. Но император Франц-Иосиф высказывал некоторые сомнения относительно мыслей императора Николая на тот случай, если бы примирения не состоялось и, наоборот, Турция пала бы. Он спрашивал, во-первых, не явился ли бы общий русско-австрийский протекторат над балканскими государствами причиной недоразумений, способных омрачить существующие дружеские отношения, и потому не следует ли прежде всего думать о предотвращении таких событий? Он замечал, во-вторых, что вольный город Константинополь легко мог бы сделаться очагом революций, причем ссылаясь на пример Кракова и на события в Швейцарии. Если бы, однако, катастрофа с Турцией приближалась и обстоятельства потребовали бы конфиденциального обмена мыслей, то в Петербурге находится генерал Гиулай, который уполномочен выслушать необходимые сообщения.

Император Николай ответил своему союзнику и другу иностранным письмом⁹⁵, в котором выражал сомнение в возможности избежать войны. Государь временно предполагал оставаться на левом берегу Дуная, находя, что нападение турок даст нам и военные, и политические преимущества. Наш флот не должен был оставаться в бездействии, если дело ограничится только войной с Турцией, но он не будет рисковать собой, если в Черном море появятся флоты западных держав.

Лучшим временем для возобновления Австрией своей примирительной роли государь считал наступление зимы и затишья в военных действиях. Он предвидел неуспех предложений, которые намеревались сделать Турции представители четырех держав в виде известной уже венской ноты, утверждая, что пока в Константинополе преобладает влияние лорда Редклифа, турецкий фанатизм, им возбужденный, не пойдет ни на какие уступки.

В конце письма упоминалось о поездке государя в Ольмюц на сентябрьские маневры, за несколько дней до начала которых австрийский император выразил сердечную радость по поводу близкого свидания, присоединив к этому просьбу о приглашении на маневры и фельдмаршала князя Варшавского⁹⁶.

Но если отношения между монархами не оставляли желать ничего лучшего, то в отношениях Венского и Петербургского кабинетов замечалось некоторое разногласие. Уже в начале июля граф Нессельроде обратил внимание государя⁹⁷ на то, что австрийский

министр иностранных дел «сходит с правильного пути», причем на докладе канцлера государь пометил: «Согласен, дорогой друг, и рад, что депеша из Вены произвела на вас то же впечатление, что и на меня. Этого терпеть невозможно, и вот еще одно доказательство, как я прав, утверждая, что Буоль фальшив или ограничен, и я долее его глупостей терпеть не буду. Я решительно поговорю об этом с Гиулаем»⁹⁸.

Дело шло о заявлении графа Буоля, который жаловался барону Мейендорфу, что наши требования превышают возможное для Австрии, и о колебаниях венской политики между двумя обозначившимися полюсами. Впрочем, правительство Франца-Иосифа продолжало делать усилия для обращения Порты на путь примирения и еще в сентябре поручало своему представителю в Константинополе настаивать на принятии Портой венской ноты без всяких изменений⁹⁹.

В этот период переговоров содействие Венского кабинета к примирению пошло еще далее. Когда конференция послов четырех держав совещалась о том, следует ли объявить Порте о гарантии, принимаемой на себя державами в том, что венская нота не будет покушением на суверенные права султана лишь после подписания Портой и отправления ноты в Вену, английский посол лорд Вестмореланд заявил, что, ознакомившись с замечаниями графа Нессельроде на турецкие поправки и с толкованием, которое наш Кабинет придает отдельным фразам ноты, великобританское правительство находит невозможным настаивать на принятии Портой ноты в ее первоначальной редакции. Французский кабинет присоединился к точке зрения Лондонского, а граф Буоль, наоборот, выразил французскому правительству мнение, что находит заявление Кабинетов западных держав неосновательными¹⁰⁰.

Независимо от этого австрийский министр рекомендовал послу в Константинополе барону Бруку¹⁰¹ не доверять лорду Редклифу и употребить все усилия для противодействия влиянию этого дипломата на турецких министров. «Заявление четырех держав, — писал граф Буоль, — о гарантии суверенитета султана должно убедить турок, что их опасения относительно смысла ноты лишены оснований». Австрийскому же послу в Лондоне, графу Коллоредо, он сообщал¹⁰², что, изучив толкования Санкт-Петербургского кабинета на предложенные Портой изменения в венской ноте, он не нашел в них ничего, кроме уже ранее высказанных Россией и всем известным доводов. Граф Буоль предлагал графу Коллоредо приложить все усилия, чтобы привести Лондонский кабинет к убеждению о необходимости повлиять на Порту в смысле принятия ею проекта венской ноты. Обширная депеша графа Буоля барону Гюбнеру в Париж¹⁰³ содержит те же указания и подчеркивает, что отсутствие единогласной и решительной поддержки

послов четырех держав в Константинополе лишает ноту всяких шансов быть принятой Портой.

Однако усилия графа Буоля не имели успеха, и, убедившись в этом, он отправил графу Нессельроде интересное письмо¹⁰⁴, в котором предлагал сделать еще одну попытку мирного разрешения кризиса. Австрийский министр полагал пригласить Порту к ведению непосредственных переговоров с Россией на основаниях венской ноты, несколько измененной согласно переговорам монархов в Ольмюце. Граф Буоль думал, что к участию в этой попытке можно было бы привлечь и две западные державы; на тот же случай, если бы это последнее оказалось невозможным, он спрашивал мнения, насколько такой шаг, предпринятый отдельно, мог бы быть полезен. Письмо это было прочтено государем, который написал на нем: «Мы об этом поговорим. Я думаю, что это слишком, и что оно не привело бы ни к чему».

Графу Буолю был отправлен одобренный государем ответ¹⁰⁵. «Мы не говорим *нет*, — писал в нем канцлер, — и, несмотря на объявление Портой войны, храм Януса не будет для нее закрыт. Безумное решение, принятое ею во время года, когда военные операции почти невозможны, изменяет характер взаимных отношений. Состояние войны не прекращается иначе как мирным трактатом. Поэтому настоящий кризис может прекратить не простая нота, а заключенный доверенными лицами с достаточными полномочиями и инструкциями трактат, в основание которого была бы положена венская нота. Мне кажется, что в этом отношении положение, в которое мы поставлены объявлением Портой войны, скорее облегчает, чем затрудняет дело. Если вы можете поэтому, дорогой граф, отдельно, что для нас было бы предпочтительнее, или сообщая с другими державами достигнуть отправления оттоманским правительством уполномоченного в нашу главную квартиру, то он будет принят с мирными чувствами, которые не переставали одушевлять императора, и непосредственные переговоры могли бы начаться». Далее граф Нессельроде отмечал, что государь «не оттолкнет ни одного шанса мира, могущего представиться в течение зимы, и что, наоборот, он примет его с поспешностью, соответствующей его мирным намерениям».

Граф Буоль принялся ткать новую паутину, которую, однако, вихрь событий порвал, как и все предыдущие. В ноябре работа австрийского министра настолько подвинулась вперед, что возвратившийся в Вену барон Мейендорф мог изложить достигнутые результаты¹⁰⁶. Они состояли в том, что идея перемирия и вступления воюющих сторон в мирные переговоры была повсюду встречена сочувственно, но различие взглядов весьма явственно определилось. Австрия советовала Порте послать уполномоченного в нашу главную квартиру, Франция же и Англия находили,

что местом ведения мирных переговоров должна быть нейтральная страна. Англия предпочитала Лондон, Тюильрийский кабинет указывал на Франкфурт. Австрийский кабинет предлагал ввиду этого нашему Кабинету согласиться на избрание Вены. Все это были рассуждения чисто теоретические, и барон Мейендорф замечал, что принятие Портой нового австрийского предложения является весьма сомнительным.

Император Франц-Иосиф по возвращении из Варшавы, куда он провожал государя после ольмюцких маневров, повторял в своем письме к императору Николаю предложения графа Буоля¹⁰⁷. С одной стороны, письмо указывало на опасность революционного движения, которое «ждет лишь минуты, когда Австрия будет вовлечена в борьбу», а с другой — взывало к «мудрости и умеренности» государя, благодаря которым еще возможно восстановить мир. Австрийский монарх настойчиво подчеркивал, что действительной гарантией прав России по отношению к Турции является могущество первой, что важны не слова (т. е., как можно догадываться, не редакция ноты или будущего трактата), а факт внушительного величия России, всегда обеспечивающего ей в конце концов победу над преходящими случайностями.

Государь прочел письмо с полным вниманием, подчеркнув важнейшие фразы и сделав ряд отметок на полях. Против фраз об умеренности и миролюбивом расположении император Николай надписал: «Если ценой эвакуации княжеств — это невозможно; было бы безумием с моей стороны отказаться от этого преимущества»¹⁰⁸ и далее: «Да, но не для того, чтобы отступать»¹⁰⁹.

Против фразы о том, что факт могущества России более действителен, чем слова, вероятно, трактата, государь отметил: «Значит, вновь начинать войну каждые 20 лет. Значит, опять война»¹¹⁰.

Отметка об эвакуации княжеств полна значения. В письме императора Франца-Иосифа не упоминается об эвакуации, и если ее затронул в своей пометке государь, то остается предположить, что об этом была речь при личном свидании монархов. Такое предположение подкрепляется и дальнейшими историческими данными, развернувшимися по мере хода событий.

Ответ государя не заставил долго себя ждать¹¹¹. «Средства, употребленные до сих пор для выхода из настоящего положения, — писал император Николай, — привели к результатам, противоположным намеченной цели. Желали мира, привели к войне... Пока две морские державы будут относительно России оставаться в положении, которое они заняли, я не вижу возможного мира с Турцией. Мир, восстановленный на предлагаемых ими условиях, будет поддельным миром, даже допустив на мгновение, что я на эти условия соглашусь. Разве русская кровь пролилась даром, а усилия и жертвы стольких молодых сил должны ради английского и французского

Вход англо-французской эскадры в Черное море

коварства и ради слепого упрямства Порты остаться напрасными; Россия же должна выйти из борьбы униженной в глазах Европы, лишенной в будущем того нравственного влияния, на которое столь часто опирались консервативные начала порядка, в то время когда в Турции господствовала бы Англия и распространяла свои губительные доктрины во вред нам. Была бы такая развязка для тебя удобна?.. Нет и тысячу раз нет! Останемся теснее соединенными, чтобы отразить столь отвратительные (infames) комбинации. Единственный для нас путь, с достоинством ведущий к цели, это тот, который ты рекомендовал Порте. Пусть она поспешит прислать в нашу главную квартиру уполномоченного для вступления с нами в переговоры по определению условий мира. В том положении, до которого дошли дела, это, при предварительном перемирии, единственное средство восстановления мира. Иначе Россия никогда не договаривалась с Портой. Если бы переговоры происходили в месте, где находятся представители Франции и Англии, то дело мира постоянно тормозилось бы ими, что уже доказано восемью месяцами терпения, и мы достигли бы результата, как раз противоположного тому, который имели в виду.

Будь уверен, что моя умеренность не поколеблется, если только ее можно будет примирить с честью и с интересами России. Это священный дар, за который я ответствен перед Богом и перед моей страной.

Ты то же думаешь. Моя надежда на Бога и на справедливость дела, которое я защищаю, — *дела христианства*¹¹². При

фанатизме, которым охвачены ныне несчастные турки, вскоре начнется крестовый поход, в котором Россия будет защитницей христианства, а Франция и Англия совершат низость бороться за полумесяц. Возможно ли, чтобы у России не оказалось союзников в святом деле, которое она будет защищать? Един Господь знает будущее, но, веруя в Его милосердие, я постараюсь исполнить мой долг несмотря ни на что, и да будет Бог мне в помощь! Аминь».

Историку нечего прибавлять к этим благородным, полным высокого порыва словам, кроме замечания, что назревала историческая трагедия, которую более ничто не могло предотвратить.

5 декабря по новому стилю в Вене собралось совещание представителей Австрии, Пруссии, Франции и Великобритании для составления протокола¹¹³, содержание которого сводилось к предложению воюющим сторонам добрых услуг четырех кабинетов для восстановления мира. Одновременно была составлена и подписана нота четырех держав Порте с предложением сообщить свои условия примирения. Однако сущность протокола состояла не в этой формальной стороне, а заключалась в следующих нескольких словах: «Нижеподписавшиеся с удовольствием подтверждают, что настоящая война ни в каком случае не может повести за собой территориальных изменений обеих империй, способных изменить освещенные временем владения на Востоке, необходимые для спокойствия всех прочих держав».

Фраза, конечно, сопровождалась ссылками на миролюбие нашего Кабинета и на его заявление об отсутствии завоевательных замыслов, а также на то, что от Порты требуется не более как подтверждение прежних трактатов без всякого посягательства на независимость султана; однако смысл вышеприведенных слов от этого нисколько не изменился. Он весьма определенно заключался в том, что четыре державы не допустят изменения войной status quo на турецком Востоке. У России, как и предвидел император Николай, союзников не оказывалось.

Впрочем, подробности переговоров, которые велись в Вене представителями четырех держав, так же как и подписанный ими протокол 5 декабря, остались неизвестными Петербургскому кабинету, и этим моментом можно определить отклонение Вены от чистосердечных сношений с Петербургом.

Граф Буоль в депеше от 7 декабря н. ст. дал некоторые, но не полные объяснения бывших между четырьмя державами переговоров австрийскому представителю в России барону Лебцельтнеру¹¹⁴ для ознакомления с ними нашего Кабинета. Он писал, что ввиду появившегося высочайшего манифеста и продолжающихся военных действий положение Австрийского кабинета стало весьма затруднительным, так как ни в Париже, ни в Лондоне не нашлось почвы для новых примирительных попыток. Пришлось отыскать

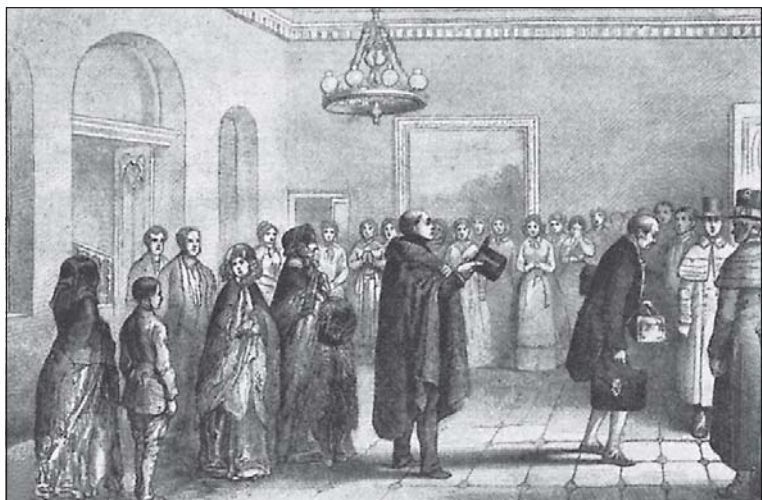
такую почву в Вене, предложив представителям держав констатировать сообща европейский характер Восточного вопроса и обусловить их добрые услуги для восстановления мира принципом сохранения существующих трактатов и обязательств, уже принятых на себя обеими сторонами. К депеше была приложена только нота, отправленная в Константинополь, но не сам протокол.

Существование протокола, видимо, осталось неизвестным и нашему послу в Вене барону Мейендорфу, который доносил лишь об отправленной Порте ноте, подчеркнув солидарность Кабинетов в ее поддержке, но не считал возможным предсказывать успех¹¹⁵. Барон Мейендорф упоминал об ответе султана на речь французского посла Барагэ д'Илье, в котором султан требовал отказа от всех наших заявлений и эвакуации княжеств, и замечал, что желание нашего Кабинета вести непосредственные переговоры с Портой неисполнимо, так как с 1841 года независимость и целостность Турции стали началом общеевропейского международного права.

Желание непосредственных переговоров между воюющими сторонами было, по мнению нашего дипломата, практически неисполнимо и потому, что в случае продолжения войны в нее вмешаются Франция и Англия, и все равно их представители будут как уполномоченные воюющих сторон участвовать в будущих мирных переговорах.

Барон Мейендорф сознавал всю серьезность положения. Он решился в своем донесении поместить следующие заключительные слова: «Не следовало ли бы попробовать для избежания долгой, кровавой, неравной и безрезультатной борьбы убедить, желают ли все европейские державы, как они это говорят, почетного и удовлетворительного соглашения для нас и для наших противников. Если бы даже эта попытка оказалась бесплодной, то мы все-таки оставались бы господами нашего окончательного решения. Ваше превосходительство, извините меня, что я решаюсь чистосердечно высказать мое мнение о вероятностях, которые могут наступить в ближайшем будущем. С 1812 года России не пришлось переживать столь серьезного кризиса. Но тогда все же у нас были союзники, а ныне нет ни одного. Тогда вопрос шел о том, быть или не быть; теперь же дело идет о большем или меньшем нашем влиянии в будущем на Востоке, о влиянии, которое не зависит исключительно от побед, так как, если бы было иначе, то настоящий разрыв не мог бы иметь места».

Барон Мейендорф, исполнив долг прямого без прикрас изложения своего взгляда на дело и на путь, которого, по его мнению, следовало бы держаться во избежание несчастий, сопряженных с «неравной» борьбой, продолжал прилагать усилия побороть опасения Австрийского кабинета перед развертывающимися событиями.

Отъезд барона Бруннова из Лондона

6 (18) декабря, в день тезоименитства государя, нашему венскому послу пришлось иметь продолжительный разговор с императором Францем-Иосифом, который видел опасность в нашем отказе вести мирные переговоры не в главной квартире нашей армии¹¹⁶. Император добавил: «Отдавая ваши интересы в наши руки, вы доверяетесь испытанному другу...»

«Который, — заметил императору барон Мейендорф, — не дал бы нам совета согласиться на условия, которых он не принял бы сам, будучи на нашем месте».

«Само собой разумеется, — живо сказал Франц-Иосиф, — я всегда буду рад быть полезным императору, но интересы моей собственной страны настолько замешаны в дело, что я не могу вполне их отстранить».

Барон Мейендорф стал доказывать, что русско-турецкая война ничем Австрии не угрожает. Ведь те же опасения были и в 1829 году, но их ничто не подтвердило. Турция не более угрожаема, чем была тогда, и Австрии нечего беспокоиться. Далее наш посол говорил о Сербии, напомнив, что было сказано в Ольмюце, при свидании монархов, о непосредственном русско-австрийском соглашении относительно этой страны. «Знаете ли, — заметил император Франц-Иосиф, — что Сербия просит у меня 10 тысяч ружей. Я не решился дать. Я подумаю об этом по возвращении из Мюнхена. Может быть, будет возможно их удовлетворить...»

Одновременно с депешей барона Мейендорфа писал в Петербург и император Франц-Иосиф, поздравляя государя с блестящей

победой на Синопском рейде¹¹⁷. Австрийский монарх, повторяя свои опасения относительно возможной поддержки Францией революционного движения в Италии и Венгрии, заклинал государя («en te conjurant») войти в рассмотрение мирных предложений, которые будут ему представлены, и прислать в Вену уполномоченного для ведения мирных переговоров.

На это император Николай ответил 12 (24) декабря следующим письмом: «Я искренно благодарю тебя, мой добрый, дорогой друг, за внимание, оказанное твоим любезным письмом от 11 декабря. Я заранее был уверен, что ты не будешь равнодушен к успеху нашего оружия, тем более что с каждым днем становится очевиднее, что мы вновь сражаемся против революции, которая овладела так называемым Восточным вопросом, чтобы эксплуатировать его в своих видах; этого не желают признать ни Англия, ни Франция, если они не в согласии с ней. Дело, впрочем, совершенно ясно, и мы найдем в рядах турецких войск наших старинных знакомых — поляков и венгров. Таким образом, это дело наше общее; оно так же твое, как и мое, и ты не можешь этого не признать. И наши успехи обеспечивают тебе спокойствие Венгрии и Трансильвании.

Перейдем теперь к менее приятному для меня и для тебя предмету. Я, конечно, могу только благодарить тебя за те усилия, которые ты не перестаешь делать, чтобы привести морские державы на лучший путь и сделать, таким образом, возможным восстановление мира.

К несчастью, я должен тебе признаться, что, по моему мнению, направление, принятое в последнее время на венских конференциях, скорее может нас отдалить от цели, которую твои благородные старания имели в виду. Подписанные там акты не принуждают меня к прискорбной, по меньшей мере, перемене, и я очень опасаясь, чтобы те затруднения, от которых мне так желательно от глубины моего сердца тебя было бы избавить, все-таки могут возникнуть, и притом затруднения очень опасного свойства.

Насколько мне известно, инструкции, данные представителям четырех держав в Константинополе, дают Порте право *определить условия мира*¹¹⁸. Но можешь ли ты думать, что Турция, поддерживаемая до такой степени Францией и Англией, предложит условия, которые согласовались бы с честью и достоинством России? И можешь ли ты мне посоветовать принять подобные условия после того, как пролита русская кровь, и после одержанных нашим храбрым войском побед, в которых и ты принял такое дружеское участие?

Я, конечно, и для тебя, и для себя желаю мира, но не согласен ли ты с тем, что в наших уступках мы не должны переходить грани, указанных нам нашими обязанностями монархов. Не находишь

ли ты также, что было бы предосудительно робеть перед угрозами Франции. Во-первых, их не так легко привести в исполнение, а во-вторых, я тебе повторяю, что если Франция пожелает заставить тебя нарушить *нейтралитет, который ты мне обещал сохранить*, то, несмотря на увеличение войск, которое потребует войн с Турцией, я могу привести к тебе на помощь 2-й или 3-й корпуса, т. е. приблизительно 180 тысяч вспомогательного войска. Не я, конечно, желаю доходить до такой крайности, и я не обману твоего доверия к моим обещаниям. При случае я сумею быть великодушным в отношении моих врагов, но до тех пор мне нужно получить *сполна и непосредственно* то, что мне должно и что ты сам считаешь справедливым требованием.

Лучшее средство для достижения этой цели — *не обнаруживать слабости перед западными державами и не допустить возможности даже подозревать разрыва союза трех монархий, который так долго был охраной спокойствия Европы.*

Я убежден, что ты думаешь об этом так же, как и я, и что отныне я могу рассчитывать на тебя, каков бы ни был результат мирной попытки, в последний раз сделанной в Константинополе. Если она не удастся, в чем я не могу еще пока не сомневаться, то наступит время, которое я предсказывал тебе, дорогой друг, когда я не буду в состоянии оставаться в принятом мною положении. Тогда я восстану, во имя нашей святой веры, за освобождение христианства от мусульманского ига и сделаю воззвание ко всем христианам. Останется ли Апостолический император равнодушным к этому призыву?»¹¹⁹

Роковым диссонансом донныне звучат слова письма об единении трех монархий. Что думали австрийские государственные люди, читая их в Вене, когда они уже вступили с представителями Франции, Англии и Пруссии в соглашение о недопущении какого бы то ни было изменения *status quo* на Балканском полуострове. В Петербурге зарождались планы, которым заранее было постановлено противодействовать всеми силами, и никто не решался прямо, без оговорок, высказать это императору Николаю. Протокол от 5 декабря в точности был неизвестен нашему кабинету, и лишь один барон Мейендорф, знакомый, может быть, неофициально с содержанием этого документа, предупреждал, что в возможной в скором будущем гигантской борьбе мы останемся в Европе без союзников.

Статья парижского «*Moniteur*» о венском протоколе приподняла завесу, скрывавшую его истинный смысл. Граф Нессельроде после этого высказал барону Мейендорфу, что Австрия, участвуя в подписании протокола, не столько перетянула западные державы на свою сторону, сколько сама приняла их точку зрения, и протокол является «первым звеном цепи коллективных действий, которые приведут к конечному разрушению старого союза трех кабинетов»¹²⁰.

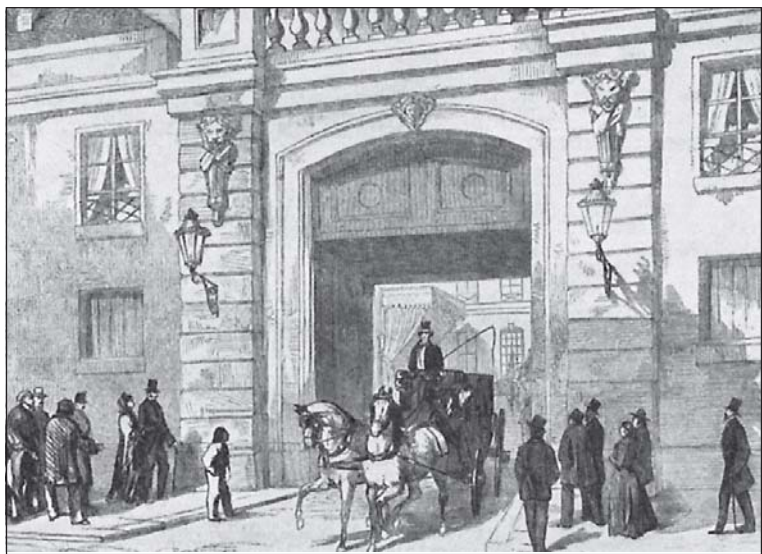
В конце декабря барон Мейендорф доносил¹²¹, что он отправил, основываясь на уверениях графа Буоля, следующую телеграмму князю Варшавскому: «Прошу вашу светлость сообщить императору, что Австрия будет, несмотря на то, что бы ни произошло между морскими державами и Россией, придерживаться относительно нас дружественного нейтралитета, если мы подтвердим наши заявления о существовании и целостности Турции». Барон Мейендорф, будучи приглашен императором Францем-Иосифом к обеду, просил своего высокого собеседника открыться с полной искренностью государю. Австрийский монарх заметил в ответ, что он решил сделать это в письме, передать которое будет поручено графу Эстергази.

Разговор состоялся уже после заявления Великобритании и Франции о входе их эскадр в Черное море. Император высказал нашему послу мнение, что если бы возможно было ограничить военные операции азиатским театром, оставаясь в Европе в оборонительном положении, то общей войны можно было, кажется, избежать.

Одновременно барон Мейендорф сообщил канцлеру¹²², что, по сведениям из Константинополя, ответ Порты на ноту четырех держав может заключать заявление, что уступки для христианских религий сделаны для Европы, а не для России и что Порта отказывается от прежних трактатов с Россией, сомневаясь в их целесообразности. Барон Мейендорф приводил далее свой разговор с графом Буолем, который находил, что причиной входа союзных флотов в Черное море явилась Синопская победа, а не венское соглашение 5 декабря; следует выждать событий, и в будущем, по словам графа Буоля, добрые примирительные услуги Австрии могут быть нам столь же полезны, как и раньше. «Nous n'y avons rien gagné», — отметил государь против этой фразы.

Письмо императора Франца-Иосифа¹²³, о котором сообщал барон Мейендорф, действительно было достаточно ясным. Венценосный автор взывал в нем к испытанной в тяжелые минуты дружбе государя, ссылаясь на необходимость противиться настояниям морских держав и на необходимость сохранения строгого нейтралитета, напоминал о заключенном в Мюнхенгреце его предшественником соглашении с императором Николаем, в основу которого было положено сохранение Турции под главенством ее царствующей династии, и в конце концов просил дать ему торжественное заверение в том, что наши войска не перейдут Дунай; если же это случилось бы, то удостоверение в том, что война не поведет ни к какому изменению в существующих политических отношениях областей Европейской Турции.

«Je suis peu content de cette lettre, — написал государь на полях письма, — faites faire une copie pour Orloff».

Отъезд Киселева из Парижа

В Петербурге назревал новый план. Графу Орлову было поручено отправиться в Вену и попытаться заключить с Австрийским кабинетом соглашение, которое направило бы политику обеих держав на один общий путь. Письмо императора Франца-Иосифа явственно противоречило этим планам, и государь имел все причины оставаться им недовольным.

Однако миссия графа Орлова не была приостановлена, и 7 января последовало высочайшее утверждение нижеследующего его доклада.

I. В переговорах, которые мне придется вести в Вене, несомненно, зайдет речь о Сербии. Его императорское величество расположен, на случай если бы эта провинция была освобождена от владычества Порты, разделить с Австрией протекторат над ней. Могу ли я высказать это решение Императорского кабинета?

II. Если бы события привели к деятельному содействию нам Австрии, то воспротивились ли бы мы осаде ее войсками Белграда?

III. Положение княжеств на Дунае и в особенности плавание по этой реке живо интересуют Австрию и Германию. Было бы поэтому, быть может, полезно предуказать, что Императорское правительство готово в свое время и в своем месте возобновить переговоры о действительном улучшении Сулинского устья?

IV. Если бы Венский кабинет пожелал ввиду обязательств, принятых им на себя 5 декабря, и во избежание противоречия,

в которое мог бы впасть, подписывая новый предлагаемый нами протокол, избрать другую форму, например, форму обмена декларациями, то уполномочен ли я принять ее?

V. Если бы Пруссия колебалась присоединиться к нашим предложениям, то по необходимости следовало бы заключить соглашение с одной Австрией. Не надлежит ли на этот случай ввести в соглашение статью о том, что оба двора соединят свои усилия, чтобы достигнуть участия Пруссии?

VI. Не было ли бы полезно, чтобы в этом случае я избрал обратный путь через Берлин¹²⁴?

Официальной целью миссии графа Орлова было сообщение австрийскому двору условий, на которых наш кабинет мог бы вступить в мирные переговоры; в действительности же, как видно из приведенного доклада, дело шло о возобновлении тесного союза трех консервативных дворов, о котором государь писал в одном из своих писем. Миссии Орлова ставилась, таким образом, цель, в то время недостижимая.

Проект протокола, который предполагалось заключить между Россией, Австрией и Пруссией, заключался в следующем:

«Вследствие войны, вспыхнувшей между Россией и Турцией, и ввиду принятия лондонским и парижским дворами решений, стремящихся путем участия их флотов придать войне более серьезный и опасный характер, три союзных двора, австрийский, прусский и русский, решили, руководствуясь общим желанием более тесного единения при опасностях, угрожающих общему миру, определить общим соглашением то положение, которое в будущем они наймут как относительно друг друга, так и относительно западных держав.

Вследствие этого они согласились на следующие пункты:

Ст. I. На случай, если лондонский и парижский дворы примут деятельное участие в войне против России, берлинский и венский дворы, решившиеся действовать сообща и согласовать свою политику с политикой остальной Германии, формально обязуются сохранять по отношению к воюющим сторонам самый строгий нейтралитет и, в случае настояний или угроз Англии и Франции, объявить, что они решились защищать свой нейтралитет, если понадобится, с оружием в руках против всякого посягательства.

Ст. II. На случай, если бы лондонский и парижский дворы воспротивились этому решению путем нападения на австрийскую, прусскую или какого-либо другого немецкого государства территорию, то три государя будут считать такой факт нападением на их собственную территорию и обязуются оказывать друг другу для отбития нападения взаимную помощь по мере требования обстоятельств. Относительно размеров этой помощи особо назначенные военные комиссары вступят в соглашение впоследствии.

Ст. III. Император Всероссийский, верный данным им заявлениям и в стремлении удовлетворить пожелания своих союзников, остается при твердом решении закончить войну, как только его достоинство и правильно понятый интерес его Империи это дозволят. Однако, принимая во внимание, что деятельное участие в войне двух морских держав может вызвать развитие событий и военных операций, способное произвести изменение в существующем в Турции положении вещей, Его Величество Император Всероссийский обязуется не принимать в договорах, которые могут наступить с морскими державами, никаких решений без предварительного соглашения со своими союзниками»¹²⁵.

Проект был приложен к тождественным депешам, отправленным 8 января 1854 года¹²⁶ графом Нессельроде барону Мейендорфу в Вену и барону Будбергу в Берлин. Деша напоминала, что венское соглашение четырех держав не помешало Франции и Англии вступить между собой в особое соглашение, выразившееся в общем их решении отправить эскадры в Черное море. Это событие открывает новый фазис кризиса, при котором и государь считает себя обязанным обратиться с серьезным призывом к своим друзьям и союзникам. Канцлер рассматривал далее три возможных для Австрии и Пруссии решения: принять сторону России, принять сторону морских держав и, наконец, остаться нейтральными. Первая альтернатива сразу привела бы ко всеобщей войне, которую все желали избежать; вторая была бы унижением перед угрозами западных держав и привела бы германские государства к плачевному будущему. «Россия непобедима у себя, — писал канцлер. — Она не боится военных нашествий, ни нашествий революционного духа. Если союзники ее оставят, если, не дай Бог, она вышла бы из кризиса униженной, вследствие отсутствия их нравственной поддержки, или побежденной, вследствие отсутствия материальной поддержки, то она запомнила бы это, углубилась бы в себя и устроилась бы так, чтобы в будущем обойтись без союзников».

Единственным выходом для Австрии и Пруссии совместно с прочими германскими государствами является нейтралитет, но не колеблющийся и не выжидательный, а строгий и решительный, основанный на полной солидарности Германии и, в случае надобности, защищаемый с оружием в руках. Только он способен предотвратить всеобщую войну, дать Австрии и Пруссии возможность играть роль примирителей и охранить начала порядка и законности, для защиты которых был создан тройственный союз.

Государь, отправляя графа Орлова в Вену, написал императору Францу-Иосифу обширное письмо¹²⁷, во вступительных словах которого были отмечены удивление и горечь, вызванные приведенным выше письмом австрийского монарха. Государь еще раз

Прощание с войсками на Красной площади в Москве

подчеркнул, что ему чужды завоевательные стремления. Что же касается оставления войск наших на левом берегу Дуная, то вопрос этот решит дальнейшая судьба войны. То же следует сказать о возможном восстании турецких христиан. Нельзя думать, чтобы Россия когда-либо содействовала возвращению их под турецкое иго. Мюнхенгрецкое соглашение обязывало Россию и Австрию охранять независимость и неприкосновенность Турецкой империи, но обе державы, предвидя и возможность ее падения, обязались в этом случае не предпринимать ничего без предварительного взаимного соглашения. О нем лишь и может быть речь, и миссия графа Орлова состоит в полном разъяснении взглядов государя на события, требующие взаимного соглашения Австрии и России. Государь просил оказать графу Орлову полное доверие и замечал, что в случае возникновения на развалинах Турции мелких христианских государств они должны будут оставаться под общим протекторатом России и Австрии; поэтому опасения последней относительно тяготения к нам ее славянских провинций представляются напрасными.

Это письмо должно было быть вручено графом Орловым императору Францу-Иосифу как последнее средство в случае неудачи миссии. Прямые правдивые выражения письма государя

произвели тяжелое впечатление на канцлера, который просил разрешения смягчить тон письма. Император Николай не согласился на это, находя, что настало время высказать императору Францу-Иосифу все откровенно, и государь предпочитал иметь его открытым врагом вместо неизвестности, на что можно рассчитывать¹²⁸. Вероятно, графу Нессельроде не удалось смягчить решения государя при личном докладе на другой день, так как в архивах имеется лишь один черновик отправленного письма, написанный рукой графа А. В. Адлерберга. Для ведения же переговоров граф Орлов был снабжен другим верительным письмом¹²⁹.

Государь с нетерпением ожидал результатов миссии графа Орлова, который, как это можно судить из его переписки с графом Нессельроде, отправлялся в путь без особой надежды на успех.

Государь в это время был очень нервен. «Я видел императора вчера, — писал канцлер графу Орлову¹³⁰, — он был в хорошем расположении (*il était bien*), и доклад окончился спокойно». Очевидно, что такой спокойный доклад был в то время редкостью. И не мудрено, так как от австрийского посла были уже получены сведения о том, что Порта заявила в ответ на ноту четырех держав о согласии вести с Россией мирные переговоры не иначе как в присутствии представителей Англии, Франции, Австрии и Пруссии¹³¹. Столь решительное заявление означало, особенно в случае неудачи миссии графа Орлова, что военный кризис продолжится неопределенное время, осложнится и, несомненно, разрастется до громадных размеров. Беспокойство и нервное настроение государя были более чем понятны.

Граф Орлов прибыл в Вену 16 (28) января, и его аудиенция у императора Франца-Иосифа состоялась день спустя. Посол государя был встречен весьма сердечно, но за словами австрийского монарха чувствовалось некоторое беспокойство¹³². Граф Орлов заявил своему августейшему собеседнику, что, будучи знаком с сокровенными мыслями государя, он может уверить, что император Николай сердечно желает прекращения кризиса почетным миром, основания которого известны союзным дворам. «Однако, — прибавил он, — после демонстрации морских держав и ввиду значения, которое они стараются придать входу их эскадр в Черное море, мир уже не в руках государя, а зависит от объяснений, которые будут даны этими двумя державами»¹³³.

На замечание императора о том, как он высоко ценит умеренность государя, граф Орлов ответил: «Сохранение мира, несмотря на эту умеренность, менее обеспечено, чем когда-либо. Государь должен готовиться к войне. Ему надо было разъяснить со своими союзниками то положение, которое, в их общих интересах, они должны принять ввиду наступающего кризиса. В этом состоит истинная цель моей миссии к Вашему Величеству».

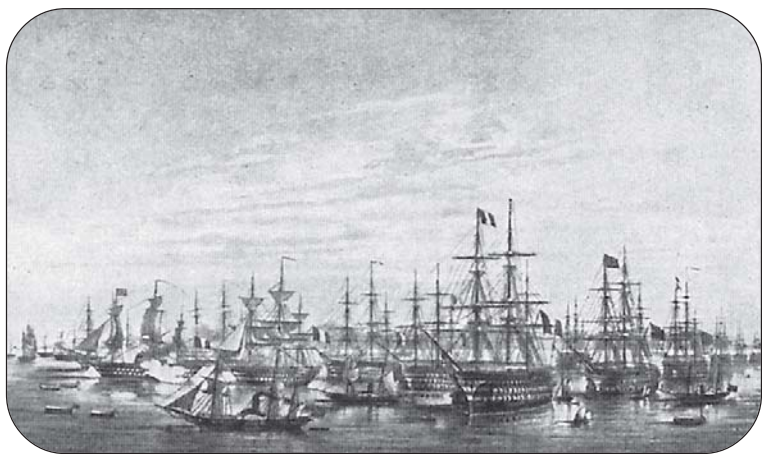
Граф Орлов, изложив затем содержание и смысл привезенных им писем государя, подчеркнул то чувство горечи, которое должны были вызвать у императора Николая последние вести из Вены.

«Я не мог поступать иначе, — сказал австрийский император. — Вы знаете мои чувства к императору Николаю. Они останутся у меня на всю жизнь, но у меня, так же как и у него, есть долг государя, и верьте мне, что одной из величайших моих забот в течение всего этого кризиса была мысль о том, что может наступить минута, когда различие интересов может лечь тенью на то тесное единение, которое я столь горячо желаю сохранить навсегда. Вот почему я счел себя вправе обратиться с полной откровенностью к моему другу и союзнику».

Граф Орлов заметил, что не в искренности, столь ценимой государем, дело, а в условии не переходить Дунай, которое поставила нам Австрия для сохранения ею строгого нейтралитета. «Это столь категорически поставленное условие в минуту, когда союзные флоты входили в Черное море, чтобы парализовать наши морские операции, приняло особый смысл. Оно как бы требует от нас такого же стеснения наших операций на суше. И я должен откровенно заявить Вашему Величеству, что такое условие не приемлемо. Сохранение оборонительного положения на Дунае при свободе Омеру-паше атаковать нас в избранном им пункте представляет непреодолимые трудности... Если бы посредничающие державы склонили предварительно к подобному поведению и Порту, то государь не противился бы и держался бы в строго оборонительном положении; но в настоящих условиях, после возобновляемых турками нападений, подобное обязательство со стороны государя способствовало бы продолжению кризиса, отнимая у России средства привести Порту к соглашению».

«Я признаю, — сказал император, — военные затруднения, связанные с сохранением оборонительного образа действий на Дунае, и понимаю, что государь желает в своих интересах перейти к активным действиям. Но вы понимаете также, насколько Австрия должна этого опасаться, так как переход через Дунай, вызывая восстание христианского населения, может привести к положению, противному ее интересам. Освобождение этого населения создало бы новый и опасный для Австрии порядок вещей».

Граф Орлов сослался на письмо государя и подтвердил, что интересы России и Австрии могут быть отождествлены и что будущая судьба турецких провинций может быть поставлена в зависимость от соглашения между этими двумя державами. Конечно, вопрос представляется сложным, но затруднения могут быть преодолены при условии, что два императорских двора будут действовать в полном согласии и к ним присоединятся Пруссия и прочие германские государства. Поэтому, добавил граф Орлов, наше

Англо-французская эскадра в Босфоре

посольство в Берлине поддерживает предложение Австрийского кабинета о возобновлении трактата 1851 года о содействии Пруссии на случай нападения французов на австрийские владения в Италии.

Аудиенция закончилась предложением сообщить графу Булю письма и проекты нашего Кабинета. Но австрийский министр заявил графу Орлову, что он считает опасным заключение с нами соглашения относительно нейтралитета, так как оно может вызвать всеобщее потрясение, и что Австрия во всяком случае не примет на себя никаких обязательств без существенных гарантий.

Граф Орлов, сообщая все изложенное, высказал также мнение, основанное на беседах с разными, и особенно военными, лицами, что даже выжидательный австрийский нейтралитет не может принять по отношению к нам неприязненного характера.

20 января (1 февраля) состоялась вторая аудиенция графу Орлову¹³⁴. Он уже не рассчитывал на успех своей миссии, тем более что Прусский кабинет, по полученным им из Берлина известиям, склонялся к заключению особого соглашения с Великобританией и ни за что не решался принять совместно с Австрией и второстепенными германскими государствами систему твердого и решительного нейтралитета. Граф Орлов воспользовался, несмотря на свои сомнения, благожелательным к нам расположением князя Виндишгреца, который был способен оказать некоторое содействие в убеждении императора Франца-Иосифа относительно пользы принятия предложения нашего Кабинета.

В течение двух часов второй аудиенции выяснилось, что Австрия примет наше предложение вооруженного нейтралитета, если

с нашей стороны будут даны «формальные гарантии» в неприкосновенности Турции и возврата к status quo в отношении пограничных с Австрией турецких провинций.

Венский кабинет утверждал, что проектируемый нами на случай освобождения турецких христиан общий русско-австрийский протекторат оказался бы для Австрии призрачным и лишь вызвал бы недоразумения между двумя империями. Он категорически отказался без получения формальных гарантий от предложенного соглашения и определенно заявил, что Австрия будет придерживаться выжидательного нейтралитета и выставит на границе княжеств обсервационный корпус. Император Франц-Иосиф добавил, что этой демонстрации будет чужд всякий неприязненный характер, но что надобно понять ее необходимость для Австрии.

Граф Орлов усмотрел эту необходимость, особенно после разговора с графом Буолем, в боязни Австрийского кабинета перед Францией. Нельзя отрицать, что забота об итальянских владениях Австрии в некоторой степени влияла на решение Венского кабинета, но, с другой стороны, непосредственное соседство славянских провинций Габсбургской монархии с единоплеменными и единоверными им областями Османской империи создавало для Австрии при возникшем кризисе серьезный повод к заботам. Как барон Мейендорф, так и наш военный агент граф Штакельберг сообщали, что австрийские славяне явно выражали свое сочувствие России¹³⁵. У нас причину опасения Австрии идти с нами рука об руку именно видели, со слов графа Орлова, в ее страхе потерять итальянские владения, и эта неправильная для верного заключения посылка явилась исходным пунктом для пророческих слов Тютчева, высказанных им в начале 1854 года. «Autriche, — писал он одному знакомому, — se brouille avec ses amis pour ne pas se compromettre vis-à-vis de ses ennemis. Peine inutile!.. Le canon qui bat en brèche Sébastopole la chassera d'Italie...»¹³⁶ Такое же пророческое предсказание было сделано и бароном Брунновым, который в своем письме из Брюсселя к барону Будбергу в Берлин нарисовал очень правдоподобную и живую картину будущего положения Европы, вызванного к жизни правлением Наполеона III после Крымской войны¹³⁷.

Миссия графа Орлова была окончена. Перед своим отъездом он был приглашен императором к обеду. Франц-Иосиф был грустен, и при прощании у него навернулись на глаза слезы. Граф Буоль в этот вечер был искренно обеспокоен¹³⁸. Граф Орлов и наш военный агент граф Штакельберг¹³⁹ отмечали, что поведение Венского кабинета осуждалось военными и местным обществом; многие из офицеров выражали желание вступить в ряды наших войск. Однако австрийцев беспокоило присутствие нашей армии в княжествах, которое невольно действовало возбуждающим образом на славянское население Австрийской империи.

Император Франц-Иосиф, расставаясь с графом Орловым, предупредил, что он придет к нему графа Буоля, сообщение которого просил выслушать как сообщение самого императора и принадлежащее его собственной мысли. Несколько позднее все вы сказанное графом Буолем было нам официально сообщено австрийским послом в Петербурге бароном Лебцельтнером¹⁴⁰. Глава Венского кабинета замечал, что состоявшийся отказ Пруссии принять наши предложения освобождает его от объяснений причин, почему они отклоняются и Австрией. Но откровенность, лежащая в основании отношений двух императорских дворов, заставляет его высказать ряд нижеследующих соображений.

«Император Франц-Иосиф не может связывать себя, ввиду случайностей, последствия которых недоступны человеческому предвидению, обязательствами, если со своей стороны император Николай не пожелает ограничить простора своих действий. Последствия продолжительной русско-турецкой войны столь проблематичны, что Австрия, непосредственно заинтересованная в Восточном вопросе, не может дать обязательства сохранять безусловный нейтралитет. Наш государь, бесспорно, безгранично доверяет слову своего августейшего друга, но ничто не может гарантировать, что давление событий будет выше императорской воли. Несмотря на ее определенные стремления, успех оружия в связи с настроением подвластных Турции народностей может привести к положению вещей, противных интересам Австрийской империи... Австрия могла обязываться сохранять выжидательный нейтралитет, пока Россия заявляла, что она намерена придерживаться оборонительного образа действий. Но вопрос, к несчастью, принял общеевропейский характер и стал столь серьезен, что Австрия не может поступить иначе, как оставляя за собой полную свободу решений, которые она будет призвана принять».

«Если бы император Николай, — говорилось далее в сообщении, — пожелал принять на себя обязательства не распространять без пользы военных операций в Европейской Турции¹⁴¹, не стремиться ни к какому территориальному расширению¹⁴², ни к какому вмешательству во внутренние дела Турции, не требовать никакого права, которое не вытекало бы из прежних трактатов¹⁴³, т. е. обязательства, которые кажутся согласными с его интересами, то Австрия была бы готова дать со своей стороны согласие на то, чего от нее требуют. Русский кабинет слишком справедлив, чтобы не признать в противном случае наших затруднений в начертании себе теперь же программы, которую будущие обстоятельства заставят нас принять».

Сущность русских предложений, писал граф Буоль, состоит в сохранении среди настоящего кризиса тесного единения трех держав как оплота социального порядка. Но ведь теперь дело идет не

Группа военачальников обеих армий

об охране порядка, а, напротив, чтобы войти в новые комбинации, сущности и последствий которых нельзя предугадать...

Наоборот, соглашение четырех держав, произведшее столь тягостное впечатление в Петербурге, основано на принципе неприкосновенности Оттоманской империи как элемента европейского равновесия. Австрийский министр высказал сожаление об отказе России от первоначального намерения не переходить Дунай и закончил свою депешу следующей фразой: «Чем серьезнее становятся последствия, связанные с переходом через Дунай, тем более мы считаем исполнением своего долга заклинать (*conjurons*) Петербургский кабинет еще раз обратиться перед совершением решительного шага к своей мудрости». В заключение граф Буоль заверял, что Австрия не питает никаких неприязненных мыслей и по-прежнему готова прокладывать пути к миру.

Сообщение графа Буоля легло в несколько измененной редакции в основу письма австрийского императора к государю¹⁴⁴. Он также умолял (*supplier*) взвесить еще раз все последствия перехода через Дунай и также требовал гарантий в том, что «ничто не будет изменено в политическом положении стран (балканских), о которых идет речь».

Полным горечи и величия души звучит ответ императора Николая на это письмо¹⁴⁵.

«Союзники, — писал государь, — на которых я имел право рассчитывать, меня оставляют и даже свой нейтралитет подчиняют условиям, ныне от меня не зависящим. Требование гарантии в сохранении Турции в настоящем виде мне кажется странным, так как это не в моей и не в чьей власти, если христианские народности восстанут... Я никогда не соглашусь вернуть освобожденных христиан под иго их завязтых врагов... Самая мысль несогласия между нами мне в высшей степени прискорбна, но возможность войны между нами мне кажется бессмысленной».

Государь был прав. Отступать перед угрозами западных держав, ярко выраженных в сообщении о входе их флотов в Черное море, было невозможно. Австрийские заклинания и мольбы об оставлении мысли о переходе через Дунай и об эвакуации княжеств после этого были бессильны. Последняя операция могла бы наступить лишь вследствие стратегических соображений, в которых пока не было надобности.

События шли к роковой трагической развязке, и циркуляр графа Нессельроде¹⁴⁶ не мог более произвести никакого впечатления, хотя, извещая о разрыве дипломатических сношений с Англией и Францией, он был снабжен объемистыми приложениями, в которых излагался ход всего кризиса и оправдывались действия и требования России¹⁴⁷.

Для всех вопрос формулировался просто и ясно: Европа (т. е. великие державы) не могла допустить дальнейшего преобладающего влияния России на турецком Востоке, почитала турецкие дела своими общеевропейскими и никоим образом не была согласна, чтобы русско-турецкий спор был разрешен непосредственно между Россией и Турцией.

Австрия вполне присоединилась к этой точке зрения и сообщила нашему правительству¹⁴⁸, что требования западных держав об эвакуации княжеств рассматриваются ею как вполне законные, хотя она и находит формулу их достойной сожаления. Австрия, считая, что она исполнила свой долг по отношению к России, уведомляла, что впредь она решила руководствоваться исключительно собственными интересами. Через несколько дней граф Буоль вновь поднял «дружественный голос», чтобы «умолять» наш Кабинет согласиться на требования западных держав, и еще раз заявлял, что австрийское правительство оставляет за собой полную свободу действий¹⁴⁹.

Солидарность Австрии с западными державами выражалась все определеннее. Барон Мейендорф 30 марта (11 апреля) сообщал¹⁵⁰, что представители четырех держав подписали в Вене новый протокол, содержание которого не было сообщено нашему послу, несмотря на его настояние.

Однако наш посол узнал, что этот документ заключал четыре пункта: 1) охранение неприкосновенности Османской империи,

2) эвакуацию нами княжеств, 3) обязательство условиться о мерах к достижению этого результата и 4) улучшение положения турецких христиан.

Барон Мейендорф резко отозвался на отказ сообщить ему текст протокола.

«Помните, — сказал он графу Буолю, — что у России 700 тысяч человек в рядах армии, и к ней нельзя относиться как к второстепенному государству. Если вы объявите ей войну и если допустить абсурд, что она будет унижена и уменьшена, то она все-таки останется державой с 60 миллионами населения, которая граничит с Австрией и требует добрососедских отношений. По меньшей мере бесполезно обострять и без того натянутые отношения».

Граф Буоль уверил, что в протоколе нет речи о мерах принуждения, которые предполагалось бы применить к России, и Австрия никогда не стремилась к войне с нами. Но, заметил он, если Петербургский кабинет отказал Австрии в гарантиях, о которых она просила, то ей осталось оставить за собой свободу действий. «Мы ею пользуемся. Вот и все».

Барон Мейендорф отметил в своем донесении два интересных факта. По его мнению, поведение графа Буоля имело целью вызвать в России беспокойство по поводу будущей роли Австрии. В связи с этим наш посол подчеркнул повышение фондов на венской бирже, как следствие ожидаемого разрыва с Россией. Повышение произошло потому, что биржевые дельцы думали, подобно другим многочисленным немцам, что чем более врагов увидит вокруг себя Россия, тем вероятнее станут шансы мира.

Другим отмеченным бароном Мейендорфом фактом было ведение графом Буолем переговоров с прусским послом графом Арнимом и отправление генерала Гесса из Вены в Берлин для заключения с Пруссией особой конвенции. Наш посол виделся с приехавшим в Вену полковником Мантейфелем, родственником прусского министра. Барон Мейендорф просил ввиду близких с Мантейфелем отношений и высказанного им доверия доложить королю прусскому, что переговоры о конвенции могли бы сохранить за Пруссией некоторую свободу действий, утвердить ее нейтралитет и вообще ослабить значение венского протокола в том, что компрометирует Пруссию и оскорбляет Россию.

Новая роль Австрии, заботившейся «исключительно о своих собственных интересах», выяснялась все определеннее. 30 апреля барон Мейендорф сообщал князю Варшавскому¹⁵¹, что на следующий день император Франц-Иосиф подпишет приказ об усилении войск в Трансильвании и Галиции. Мера эта, добавлял наш посол, предпринята ввиду сосредоточения наших войск у австрийской границы, и она не была бы принята, если бы наши резервы оставались в Яссах. Усиление войск будет приведено в исполнение

в течение шести недель, и если мы не перейдем через Балканы, то Австрия нас атаковать не будет.

Желание добиться мира, склоняя Россию к уступкам, заставило Австрийский кабинет последовательно заменить просьбы и молебны категорическими требованиями, угрозами и, наконец, военными демонстрациями. Она оказалась в стане наших врагов, и оставалась лишь слабая надежда на чувства австрийского монарха по отношению к спасшему его империю государю, мерцавшая среди надвигавшейся темноты, как пламя, которое способно было погаснуть при первом дуновении бури.

Примечания

¹ Дешеша графа Валевского от 28 мая 1853 г. Thouvenel: «Nicolas I et Napoleon III». Р. 163.

² Там же.

³ Шифрованная депеша Киселева канцлеру 1 (13) июня 1853 г., № 72. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1853.

⁴ Киселев — канцлеру 30 сентября (12 октября) 1853 г., № 114. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1853.

⁵ Киселев — канцлеру 5 (17) октября 1853 г., № 118. Там же.

⁶ Будберг — канцлеру 9 (21) октября 1853 г., № 87. Берлин. Там же, карт. Berlin, 1853.

⁷ Киселев — канцлеру 8 (20) октября 1853 г., № 119. Там же, карт. Paris, 1853.

⁸ Тувенель — Кастельбажаку 1 (13) октября 1853 г. Thouvenel: «Nicolas I et Napoleon III». Р. 232.

⁹ Приложение № 77.

¹⁰ Шифрованная депеша Киселева канцлеру 19 (31) октября 1853 г., № 127. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1853.

¹¹ Moniteur, 26 octobre, 1853, № 300.

¹² Киселев — канцлеру 27 октября (8 ноября) 1853 г., № 129. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1853.

¹³ Киселев — канцлеру 30 октября (11 ноября) 1853 г., № 131. Там же.

¹⁴ См. приложение № 78.

¹⁵ Thouvenel: «Nicolas I et Napoleon III». Р. 241.

¹⁶ Киселев — канцлеру 31 октября (12 ноября) 1853 г., № 132. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1853.

¹⁷ Собственная Его Величества библиотека, шк. 115, портф. 14.

¹⁸ Перевод с французского. Подлинник см. приложение № 79.

¹⁹ Киселев — канцлеру 2 (14) ноября 1853 г., № 124. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1853.

²⁰ Дешеша выражается сдержаннее, говоря, что эти известия «impressionnent les esprits d'une manière peu favorable à notre égard».

²¹ Киселев — канцлеру 17 (29) ноября 1853 г., № 138 и 139. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1853.

²² Шифрованная депеша Киселева 29 ноября (11 декабря) 1853 г., № 149. См. приложение № 80.

²³ См. приложение № 81.

²⁴ См. приложение № 82.

²⁵ См. выше.

²⁶ Побочный сын Наполеона I от графини Валевской.

²⁷ Киселев — канцлеру 21 ноября (3 декабря) 1853 г., № 145. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1853.

²⁸ Шифрованная депеша Киселева 24 ноября (6 декабря) 1853 г., № 147. Там же.

²⁹ Гюбнер — графу Буолло 13 и 20 ноября 1853 г. Сообщение Австрийского правительства. См. приложения № 83 и 84.

³⁰ Приложение к депеше Будберга в начале декабря 1853 г., № 108. Архив Мин. иностр. дел, карт. Berlin, 1853.

³¹ Киселев — канцлеру 23 ноября (5 декабря) 1853 г., № 146. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1853.

³² Киселев — канцлеру 30 ноября (12 декабря) 1853 г., № 150. Там же.

³³ Киселев — канцлеру 1 (13) декабря 1853 г., № 151. Там же.

³⁴ Киселев — канцлеру 3 (15) декабря 1853 г., № 152. Там же.

³⁵ «Oui, tant que c'est possible», — пометил император Николай.

³⁶ Киселев — канцлеру 7 (19) декабря 1853 г., № 153. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1853.

³⁷ Киселев — канцлеру 16 (28) декабря 1853 г., № 155. Там же.

³⁸ Киселев — канцлеру 18 (30) декабря 1853 г., № 156. Там же.

³⁹ Киселев — канцлеру 22 декабря (3 января) 1853—1854 г., № 157. Там же.

⁴⁰ См. приложение № 85.

⁴¹ Op. cit.. P. VIII.

⁴² Недоразумения между англичанами и французами в Константинополе начались тотчас же после приезда туда генерала Барагэ д'Илье. Генерал жаловался в своих письмах к Тувенелю на деспотическое поведение там лорда Редклифа, в руках которого Решид-паша являлся лишь послушным орудием без всякого оттенка самостоятельности, а также жаловался на решительное намерение Редклифа помешать всякой возможности окончить кризис мирным путем. Противодействие всемогущему в Константинополе английскому послу, по словам Барагэ д'Илье, должно было повести к полному разрыву с англичанами. Thouvenel: «Nicolas I et Napoleon III». P. 351—356.

⁴³ См. приложение № 86.

⁴⁴ См. приложение № 87.

⁴⁵ Канцлер — Киселеву и барону Бруннову 4 января 1854 г. Гос. архив, разр. XI, д. № 1227.

⁴⁶ Высочайшая пометка на докладе графа Нессельроде 1 января 1854 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Доклады, 1854 г.

⁴⁷ Киселев — канцлеру 22 января (3 февраля) 1854 г., № 13. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1854.

⁴⁸ См. приложение № 88.

⁴⁹ Французский текст писем см. в приложении № 89.

⁵⁰ См. приложение № 90.

⁵¹ См. приложение № 91.

⁵² См. приложение № 92.

⁵³ См. приложение № 93.

⁵⁴ Проект этого манифеста был собственноручно написан императором Николаем. Вышедший в свет манифест несколько изменен в редакции, а потому подлинный проект государя мы помещаем в приложении № 94.

⁵⁵ Барон Бруннов — канцлеру 5 (17) августа 1853 г., № 227. Архив Мин. иностр. дел, карт. Londres, 1853.

⁵⁶ Интересно проследить, как по мере хода событий развивалась в этом отношении мысль императора Николая. 8 мая 1854 г. в «Journal des Debats» появилась статья, касающаяся разрыва с западными державами. В том месте доклада графа Нессельроде, касающегося этой статьи, где говорится о возможной в будущем самостоятельности Придунайских княжеств, государь сделал следующую пометку: «Не только княжества, но *все* христианские народности Турции обязательно должны стать независимыми, статья тем, чем они были прежде и таковыми войти в семью христианских государств Европы. Гарантия их религии, их организации и их отношений к соседям должны быть урегулированы на международном конгрессе, который я желал бы видеть в Берлине». Архив Мин. иностр. дел, карт. Доклады, 1854.

⁵⁷ Бруннов — канцлеру 17 (29) октября 1853 г. Гос. архив, разр. III, д. № 108.

⁵⁸ Бруннов — канцлеру 30 сентября (12 октября) 1853 г. Там же.

⁵⁹ Письмо барона Бруннова графу Нессельроде 14 (26) ноября 1853 г. Там же.

⁶⁰ См. приложение № 95.

⁶¹ От 5 октября 1853 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

⁶² Курсив подлинника.

⁶³ Французский подлинник в приложении № 96.

⁶⁴ Курсив подлинника.

⁶⁵ См. приложение № 97.

⁶⁶ Черновое письмо императора Николая помечено 20 октября (1 ноября).

⁶⁷ Курсивом выделены места, подчеркнутые императором Николаем.

⁶⁸ Барон Бруннов — канцлеру 14 (26) ноября 1853 г., № 301. Архив Мин. иностр. дел, карт. Londres, 1853.

⁶⁹ Барон Бруннов — канцлеру 1 (13) декабря 1853 г., № 314. Архив Мин. иностр. дел, карт. Londres, 1853.

⁷⁰ Барон Бруннов — канцлеру 3 (15) декабря 1853 г., № 318. Там же.

⁷¹ Слова лорда Абердина совершенно не соответствуют истинной роли лорда Редклифа, очерченной беспристрастным свидетелем генералом Барагэ д'Илье. Архив Мин. иностр. дел, карт. Londres, 1853.

⁷² Барон Бруннов — канцлеру 14 (26) декабря 1853 г., № 323. Там же.

⁷³ См. приложение № 98.

⁷⁴ В государственном архиве проект этого письма находится в двух экземплярах. Из них один написан собственноручно государем, а другой —

писарской рукой, с исправлениями рукой государя. Который был отправлен по назначению, неизвестно, и мы помещаем в приложениях № 99 и 100 оба экземпляра.

⁷⁵ См. приложение № 101.

⁷⁶ Барон Бруннов, очевидно, забыл свои же сообщения о независимости лорда Редклифа, который менее всего заботился об угождении своему Кабинету и действовал по собственному почину.

⁷⁷ Барон Бруннов — канцлеру 1 (13) января 1854 г. Гос. архив, разр. III, д. № 108.

⁷⁸ Барон Бруннов — канцлеру 1 (13) января 1854 г., № 2. Архив Мин. иностр. дел, карт. Londres, 1854.

⁷⁹ Дешеша от 4 января 1854 г. См. приложения № 102 и 103.

⁸⁰ Нота барона Бруннова лорду Кларендону 13 (25) января 1854 г. Гос. архив, разр. XI, д. № 1227.

⁸¹ Нота лорда Кларендона барону Бруннову 19 (31) января 1854 г. Приложение к депеше Бруннова канцлеру 20 января (1 февраля) 1854 г., № 18. Архив Мин. иностр. дел, карт. Londres, 1854.

⁸² Барон Бруннов — канцлеру 25 января (6 февраля) 1854 г. Гос. архив, разр. III, д. № 108.

⁸³ См. приложение № 104.

⁸⁴ См. приложение № 105.

⁸⁵ См. приложение № 106.

⁸⁶ Письмо графа Бенкендорфа князю Долгорукову из Берлина 12 (24) марта 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 3.

⁸⁷ См. приложения № 107 и 108.

⁸⁸ См. приложение № 109.

⁸⁹ Собственноручное письмо императора Франца-Иосифа государю 16 июня 1853 г. Гос. архив.

⁹⁰ Письмо от 20 июня (2 июля) 1853 г.

⁹¹ Курсив подлинника.

⁹² Курсив подлинника.

⁹³ См. приложение № 110.

⁹⁴ Император Франц-Иосиф — императору Николаю 21 июля н. ст. 1854 г. Гос. архив.

⁹⁵ Император Николай — императору Францу-Иосифу 25 июня (ст. ст.) 1853 г., из Красного Села. Гос. архив.

⁹⁶ Император Франц-Иосиф — императору Николаю 14 сентября (н. ст.) 1853 г. Гос. архив.

⁹⁷ Всеподданнейший доклад графа Нессельроде 2 июля 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Доклады. 1853.

⁹⁸ «D'accors, cher ami, je suis charmé de voir, que la depeche de Vienne vous a fait la même impression qu'à moi. C'est intolérable, et voici une preuve de plus de ce que j'ai raison en soutenant que Buol est faux ou un plat pied, dont je ne souffrirai plus les sottises. J'en parlerai demain vertement à Guilay».

⁹⁹ Граф Буоль — барону Бруку в Константинополь 13 сентября 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Autriche, 1853.

¹⁰⁰ Дешеша Фонтон канцлеру 11 (23) сентября 1853 г., № 247. См. приложение № 111.

¹⁰¹ Граф Буоль — барону Бруку 19 сентября 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Autriche, 1853.

¹⁰² Граф Буоль — графу Коллоредо 23 сентября 1853 г. Там же.

¹⁰³ См. приложение № 112.

¹⁰⁴ См. приложение № 113.

¹⁰⁵ См. приложение № 114.

¹⁰⁶ Барон Мейендорф — князю М. Д. Горчакову 17 (29) ноября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

¹⁰⁷ Император Франц-Иосиф — императору Николаю 13 ноября (н. ст.) 1853 г. Гос. архив.

¹⁰⁸ «Si s'est au prix de l'évacuation des principautés, cela n'est pas possible; ce serait fou de ma part de renoncer à cet avantage».

¹⁰⁹ «Qui, mais pas pour reculer».

¹¹⁰ «C'est-à-dire de recommencer de 20 à 20 ans la guerre. C'est-à-dire derechef la guerre».

¹¹¹ Император Николай — императору Францу-Иосифу 14 ноября ст. ст. 1853 г. См. приложение № 115.

¹¹² Курсив подлинника.

¹¹³ См. приложение № 116.

¹¹⁴ Граф Буоль — барону Лебцельтнеру 7 декабря (н. ст.) 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Autriche, 1853.

¹¹⁵ Барон Мейендорф — канцлеру 29 ноября (11 декабря) 1853 г., № 317. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1853.

¹¹⁶ Барон Мейендорф — канцлеру 11 (23) декабря 1853 г., № 335. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1853.

¹¹⁷ Император Франц-Иосиф — императору Николаю 11 (23) декабря 1853 г. Гос. архив.

¹¹⁸ Курсив подлинника.

¹¹⁹ См. приложение № 117.

¹²⁰ Канцлер — барону Мейендорфу 14 декабря 1853 г., № 515. На депеше надпись государя: «Быть по сему». Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1853.

¹²¹ См. приложение № 118.

¹²² Барон Мейендорф — канцлеру 26 декабря (ст. ст.) 1853 г., № 350. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1853.

¹²³ Император Франц-Иосиф — императору Николаю 7 января 1854 г. (н. ст.). Гос. архив.

¹²⁴ См. приложение № 119.

¹²⁵ См. приложение № 120.

¹²⁶ См. приложение № 121.

¹²⁷ От 4 (16) января 1854 г. Гос. архив.

¹²⁸ Высочайшая пометка на докладе графа Нессельроде от 4 января 1854 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Доклады. 1854 г.

¹²⁹ Письмо от 8 (20) января 1854 г. Гос. архив.

¹³⁰ Граф Нессельроде — графу Орлову в Вену 13 (25) января 1854 г. Гос. архив, разр. XV, д. № 324.

¹³¹ Граф Буоль — барону Лебцельтнеру 13 января (н. ст.) 1854 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Autrichhe, 1854.

¹³² См. приложение № 122.

¹³³ См. приложение № 123.

¹³⁴ См. приложение № 124.

¹³⁵ Барон Мейендорф — канцлеру 12 (24) марта 1854 г., № 72. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1854.

Граф Штакельберг — военному министру 9 (21) февраля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 16.

¹³⁶ С. Аксакова. О Ф. И. Тютчеве//Русский архив, 1874 г. С. 315.

¹³⁷ Барон Бруннов — барону Будбергу 3 (15) апреля 1854 г. Гос. архив, разр. III, д. № 108.

¹³⁸ См. приложение № 125.

¹³⁹ Граф Штакельберг — военному министру 30 января (11 февраля) 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 16.

¹⁴⁰ Граф Буоль — барону Лебцельтнеру 5 февраля 1854 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. А, 1854.

¹⁴¹ Здесь государь поставил три вопросительных знака.

¹⁴² То же.

¹⁴³ «A-t-il jamais été question d'autre chose, s'ela ne s'entend-il pas de soi-même», — пометил государь.

¹⁴⁴ Император Франц-Иосиф — императору Николаю 5 февраля (н. ст.) 1854 г. Гос. архив.

¹⁴⁵ От 17 февраля (1 марта) 1854 г. Гос. архив.

¹⁴⁶ От 18 февраля ст. ст. 1854 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. С. 1854.

¹⁴⁷ См. приложение № 107.

¹⁴⁸ Барон Мейендорф — канцлеру 24 февраля (8 марта) 1854 г., № 52. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1854.

¹⁴⁹ Граф Буоль — графу Эстергази 5 марта (н. ст.) 1854 г. Там же, карт. А, 1854.

¹⁵⁰ См. приложение № 126.

¹⁵¹ Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1854.

Глава XI

План кампании на 1854 год. Мысли об освобождении балканских христиан

Еще до вступления наших войск в княжества началась весьма деятельная переписка между государем и князьями Варшавским, Долгоруким, Горчаковым, Меншиковым и Воронцовым о плане кампании, предстоявшей в том случае, если бы спор наш с Турцией не удалось разрешить иначе как силой оружия.

Очень характерная и знаменательная переписка эта является замечательным доказательством того, как военные операции могущественной армии парализуются вмешательством фальшивых политических соображений и как армия, привлеченная не для своей прямой цели — рассечения запутанного гордиева узла политической обстановки, а лишь для физической полумеры, связывается по рукам и ногам и в конце концов становится в положение, противное всем принципам военного искусства.

Задача нашей Дунайской армии, как известно, заключалась по первоначальному предположению, изложенным в собственноручной записке императора Николая от 16—17 мая 1853 года¹, в военно-политическом воздействии на Турцию, и это главное положение должно было лечь в основу всех действий князя Горчакова. Государь, «желая всегда избегать войны с Турцией по гибельным ее последствиям для войск и по неопределенности цели действий, ежели избегнуть хотим конечного ниспровержения Турецкой империи», разделил военные действия против Оттоманской Порты на три раздела или эпохи. Первая эпоха заключалась в занятии Придунайских княжеств и в отражении в них нападения турок, если бы они решились произвести таковое. При невосдействии на неприятеля и занятии нами княжеств должно было наступить время к усилению принудительных средств. Государю желательно было, чтобы в этот второй период и австрийцы приняли активное участие, заняв Герцеговину и Сербию. При этом император Николай полагал сообщить туркам, что ежели они не согласятся на наши предложения, то он объявит независимость княжеств и Сербии. Переходить Дунай государь, однако, не предполагал и в то время. Наконец, если турки все еще будут продолжать упорствовать, то тогда, по словам записки императора Николая, «наступит время угрозу исполнить и признанием независимости княжеств положить начало разрушения Оттоманской империи».

Вот с какой программой армия князя Горчакова двинулась на берега Дуная, и хотя начальник ее признавал эту программу вполне

соответствующей обстоятельством², тем не менее он понимал, что не придется ограничиться лишь ее исполнением. «При всем моем желании, — писал он своему другу, князю Меншикову, — мне невозможно будет перейти Дунай в этом году... для этого мне не хватает времени, сил и средств для переправы». Таким образом, с первых же шагов выдвигался на очередь вопрос об изменении неестественного плана *трех эпох*. «Если будет война, — писал Горчаков Меншикову в том же письме, — то я уверен, что она будет очень трудная. В случае если англичане и французы будут против нас, то ваш флот будет парализован их флотом. Если же они будут нейтральны, в чем я сомневаюсь, то единственная существенная помощь, которую вы мне можете оказать, это десантом в Бургасе и перевозкой жизненных продуктов, так как я не верю в успех морского нападения на Константинополь»³.

В ряду предположений о возможном плане будущей кампании главное место занимала мысль о переходе через Дунай. Впервые на ней более подробно остановился Паскевич в своей переписке с князем Горчаковым. В письме от 6 июля 1853 года⁴ престарелый фельдмаршал наряду с целым рядом советов по устройству интендантской части, которой он придавал такое серьезное значение, затрагивал вопрос и о наступательной кампании. Она не представлялась князю Ивану Федоровичу трудной, так как он еще не рассчитывал на вмешательство западных держав и тем более Австрии; силам же турок фельдмаршал не придавал особого значения.

Лучшим местом для переправы через Дунай Паскевич считал Гирсово, как пункт, вдающийся в Болгарию, близкий к морю и к Варне, которую он ставил первым и главным предметом наших действий. Движение к этой крепости и взятие ее фельдмаршал признавал необходимым сделать возможно скорее, не увлекаясь до падения ее никакими другими целями и лишь отбивая попытки неприятеля помешать скорому овладению Варной. Если бы турки преждевременно погорячились и перешли с большими силами Дунай до перехода его нашими войсками, то Горчакову надлежало их

Граф Рудигер

разбить, воспользоваться своей победой, и тогда война могла бы окончиться ранее, чем это предполагалось.

Фельдмаршал не находил невыгодным отложить переход через Дунай до весны, так как хотя к этому времени турки и поправят несколько свои крепости, но едва ли будут сильнее: турецкую армию он считал еще не вышедшей из младенчества, имевшую регулярных войск до 60 тыс., а остальное — малопригодную милицию.

Продовольствие за Дунаем Паскевич предполагал доставлять морем, если оно будет для нас открыто; в противном же случае сухим путем от Гирсова, складывая припасы в одном из приморских пунктов — Кюстенджи, Мангалии или Коварне.

В последовавшей вслед за этим официальной переписке князя Горчакова с военным министром командовавший войсками на Дунае первоначально выражал свое глубокое убеждение⁵, что, следуя плану *трех эпох*, цель государя будет неминуемо достигнута самым верным и выгодным для нас образом, т. е. «отклоняя большие расходы, большую трату людей и оставляя Россию в том величественном положении относительно Европы, которого она достигла твердой и вместе с тем умеренной политикой государя императора». Вести наступательную войну за Дунаем, имея против себя Турцию, Францию и Англию, а следовательно, не владея Черным морем, Горчаков признавал невыгодным⁶, но если бы, как это предполагал Паскевич, обстоятельства переменялись и последовали бы несогласия между обеими западными державами, то наступление за Дунай было бы выгоднее пассивного отстаивания княжеств. Во всяком случае князь Горчаков полагал, что задуманную кампанию можно начать не ранее марта 1854 года, а следовало до перехода за Балканы театр наших действий ограничить районом между морем, Шумлой, Гирсовом и Варной, отнюдь «не забываясь» в Малую Валахию.

Однако политическая обстановка в то время представлялась государю не в таком розовом свете, как его помощникам, потому что против предложения воспользоваться Черным морем, хотя бы только для каботажной перевозки на театр военных действий продовольствия, он пометил: «В теперешнем положении оно невозможно».

К концу августа политический горизонт еще сильнее омрачился, и надежда на свободное плавание наших судов по Черному морю еще более упала. «Никак нельзя ручаться за это, — писал государь⁷, — ибо на злобу и сумасшествие нет ни меры, ни правил: на все быть готову необходимо». А потому император Николай, не решив еще окончательно, будет ли возможно начать в 1854 году наступательную войну, повелел рассчитывать подвоз всего продовольствия сухим путем.

Результатом такой политической обстановки была новая записка князя Горчакова о наступательной кампании за Дунаем,

составленная 20 сентября 1853 года в предположении, что мы не будем владеть Черным морем⁸.

Согласно этой записке, начать кампанию предполагалось в конце марта или в начале апреля, в зависимости от состояния подножного корма. Базой предстоявших действий должен был служить Дунай от устья до Гирсова, а наступление вести в пространстве между морем и линией от Гирсова на Праводы, Адрианополь и Константинополь с тем, чтобы в Валахии не распространяться далее Бухареста. При наступлении ограничиться лишь взятием укреплений Бабадагской области и Варны, маскируя Шумлу. По взятии Варны оставить достаточное число войск для прикрытия тыла, перейти Балканы между Праводами и морем и наступать далее на Адрианополь и Константинополь.

Необходимое количество войск для выполнения означенного плана князь Горчаков определял следующим образом.

В Придунайских княжествах 6 полков пехоты с артиллерией, 2 кавалерийских полка с батареями и 2 казачьих полка. Такой значительный отряд для занятия княжеств объяснялся тем, что все дунайские крепости должны были оставаться в руках турок.

Бессарабию оборонять местными войсками.

В окрестностях Одессы и в Крыму иметь пехотную дивизию с артиллерией и один казачий полк, но, в случае объявления западными державами нам войны, автор записки полагал необходимым увеличить там число войск.

Наконец, для действия в Болгарии и Румелии предполагалось достаточным 6 пехотных дивизий с артиллерией, 2 стрелковых батальона, 3 саперных, 3 понтонных батальона, 1 ¹/₂ кавалерийской дивизии с артиллерией и 8 казачьих полков с 2 батареями.

Князь Горчаков предполагал, что главные силы турок во время осады нами Варны не выйдут из своих крепостей и Шумлы, чтобы не дать нам случая их разбить, а поэтому после взятия нами Варны считал необходимым оставить в Болгарии для прикрытия нашего тыла 2 пехотные дивизии, 1 кавалерийскую бригаду и 3 казачьих полка со вспомогательными частями; остальные же войска, силой около 60 тысяч, употребить на поход за Балканы.

Надо думать, что этот несколько односторонний план кампании, ставивший армию в ее наступлении к Варне и Константинополю в тиски между морем, которое могло быть в руках англо-французского флота, и невзятими турецкими крепостями без всякой опоры со стороны нашего правого фланга, не произвел серьезного впечатления в Петербурге, так как его замолчали, и неизвестно даже, был ли он доложен государю.

Князь А. С. Меншиков со своей стороны полагал, что главные удары Турции надо наносить в Азии, где она более слаба; задача же нашей армии на Балканском полуострове сводилась лишь

Генерал-адъютант Берг

к удержанию там большей части неприятельских войск⁹, причем следовало постараться разбить их по частям до сосредоточения к Шумле.

Военный министр в своем письме к Меншикову присоединялся к мыслям князя и сообщал ему, что государь разделяет их вполне, «по крайней мере до сего времени, — присовокуплял он, — но я вам не отвечаю за то, что будет завтра»¹⁰.

Лично император Николай высказал свои соображения по поводу кампании 1854 года в обстоятельной собственноручной записке, составленной в конце октября и начале ноября 1853 года. Действительность заставила убедиться государя в непрактичности плана трех эпох, на котором он так неохотно и под давлением своих советчиков остановился. Но в этой записке заметны лишь слабые попытки сбросить с армии паутину политического над ней гнета.

Кампания 1854 года, по словам государя¹¹, могла быть: оборонительной против турок в Европе и наступательной в Азии; оборонительной против турок в союзе с Францией и Англией и наступательной в Азии; наступательной в Европе и Азии против одних турок и против них же, несмотря на союз их с Францией и Англией.

«Неуверенность или сомнение, — писал государь, — что примут Англия и Франция при открытии кампании, требуют с нашей стороны таких соображений, которые, обеспечив собственные наши границы от неприятельских предприятий, давали бы, однако, нам возможность наносить наибольший вред Турции, не тратя без необходимости русскую кровь». В зависимости от этого надлежало обеспечить собственные границы и наступательно действовать против неприятеля.

Нападения на наши границы с сухого пути государь не ожидал, а опасался лишь морских предприятий и высадок. Он, не затрагивая в записке вопроса о Балтийском побережье, останавливал свое внимание на Черном море. Здесь нападению могли подвергнуться Одесса, Крым или береговые укрепления на Кавказе. Этот последний случай державный автор записки признавал самым невыгодным, так как он должен был повлечь за собой очищение

береговой линии, за исключением, может быть, Анапы, Новороссийска, Геленджика и Сухум-Кале. К атаке на Крым следовало готовиться, как только союзники появятся в Царьграде; нападение на Одессу не представлялось опасным, так как оно могло повлечь за собой лишь бомбардирование города. Наконец, переправа неприятеля через Дунай в наши пределы, вблизи Измаила или Рени, представлялась невероятной.

Государь, переходя к рассмотрению наступательной войны против турок, признавал желательным первоначально ограничиться обороной княжеств, выбив, однако, турок из Калафата; на Кавказе же — наоборот, энергично наступать и до весны овладеть Карсом, Баязетом и Ардаганом. Если и после этого не последует перемены в упорстве турок, то примерно в конце марта приступить к переправе через Дунай.

Саму операцию государь полагал начать сильной демонстрацией у Сатунова и Гирсова, дабы настоящую переправу исполнить выше Видина, после чего приступить к осаде этой крепости. Видимо, этому пункту придавалось большое значение в смысле воздействия на поднятие к восстанию сербов. Если бы демонстрации наши не удались и турки стянули бы главные свои силы к Видину, то тогда у Сатунова и Гирсова должна быть произведена настоящая переправа, причем войска наши должны были занять край до Троянова вала, блокируя Исаачу, Тульчу и Кюстенджи.

По окончании этих операций следовало приступить к осаде Видина и действовать против турецкой армии, ежели она пойдет на помощь к этой крепости или же двинется против войск в Бабадагской области. В первом случае, т. е. при наступлении турецкой армии к Видину, следовало идти навстречу неприятелю, стараться разбить его, «напустив сербов им в левый фланг и тыл». У Троянова вала, если турки не сильны, также разбить их; ежели же они там будут очень сильны, то отступить к Гирсову и продолжать осаду Видина, падение которого государь предполагал в августе.

Если в Черном море не будет флотов английского и французского, то обязанность нашего флота должна была состоять в защите наших берегов и в нанесении возможного вреда туркам, препятствуя свободному сообщению с их портами.

Дальнейшее упорство турок должно было придать борьбе еще более широкий характер. «Полагаю, — писал государь, — что этому предшествовать должно воззвание к единоплеменным и единовверным народам к восстанию объявлением, что мы идем вперед для избавления их от турецкого ига... Разрешенное формирование волонтерных рот будет тогда служить основанием или корнем новых ополчений в Сербии и Болгарии, на что употребится зима 1854 года».

В Азии предполагалось в это время завладеть Кобулетом и Батумом, не подаваясь далее вперед, но делая частые набеги и предоставляя персам вести наступательную войну.

«Начало 1855 года, — кончал император Николай свою записку, — укажет нам, какую надежду возлагать можем на собственные способы христианского населения Турции, и останутся ли и тогда Англия и Франция нам враждебными. Мы не иначе должны двинуться вперед, как ежели народное восстание за независимость примет самый обширный и общий размер; без сего общего содействия нам не следует трогаться вперед; борьба должна быть между христианами и турками; мы же как бы оставаться в резерве»¹².

Глубокая вера государя в правоту своих требований и желание сохранить Турцию видны и в этом плане военных действий. Конечная цель операций сводилась в нем не к нанесению Османской Порте решительного удара, а лишь к усугублению мер воздействия, желая в то же время сохранить целостность Турецкой империи. И только продолжавшееся упорство турок заставило бы императора Николая выдвинуть на очередь и поддержать общее восстание христианских народностей с целью освобождения их от турецкого ига, что вполне справедливо государь почитал вопросом еще далеко не созревшим. Николай Павлович все еще продолжал верить в неестественность союза Англии и Франции с Турцией и рассчитывал, что ко времени общего восстания христиан обе эти державы перестанут быть нам враждебными.

Записка государя была препровождена для сведения и соображения Паскевичу, Воронцову и Меншикову. Князю же Горчакову она была отправлена со следующей припиской военного министра: «Ожидая вашего по сей записке заключения, государь император желает изволить, дабы при изложении оного вы не стеснялись мнением Его Величества, но руководствовались собственными вашими убеждениями»¹³.

Первым поспешил ответить на записку государя князь Варшавский. Он почитал себя счастливым, что его мысли совпадали с планом императора Николая¹⁴, и лишь дополнял его своей идеей подготовить исполнение этого плана в течение наступавшего зимнего периода. Идея фельдмаршала была довольно оригинальна и заключалась в том, чтобы устроить на Дунае посредством флотилии и судов плавучий магазин с боевыми и продовольственными запасами, переправиться против Исакчи в первой половине февраля на правый берег Дуная и, подвигая за собой вверх по реке этот плавучий магазин, а также устроенный плавучий мост, забирать одну за другой турецкие крепости, начиная с Исакчи.

Таким способом Паскевич полагал возможным избежать неудобства зимней кампании в отношении недостатка фуража и не-

проездных для тяжестей в это время года дорог, обеспечить занятием Исакии наш левый фланг даже на случай чьей-либо высадки, а также очищать от турок берег Дуная, этого главного пути наших транспортов к центру и правому флангу.

Соображения свои князь Иван Федорович излагал в представленной государю записке¹⁵, в которой восхищался намеченным пунктом переправы через Дунай у Видина, считая эту мысль новой и блестящей. «Она вводит нас, — писал Паскевич, — в непосредственные сношения с самыми воинственными племенами Турции: сербами, болгарами и далее черногорцами. Обращая против Турции ее собственное население, она сохраняет наши силы и сберегает русскую кровь».

Предначертанный императором Николаем совершенно «новый» план, по мнению Паскевича, мог повести к разрушению Турецкой империи. «До сих пор сербы, — писал он, — бывали в войнах поддерживаемы только незначительными частями наших войск; ныне же, когда флотилия, осадная артиллерия и целый корпус войск будут их поддерживать, то не только Видин, но может быть взят и Белград, и тогда сербы почувствуют возможность быть независимыми от ига турецкого».

Государь ответил на эту записку Паскевича собственноручным письмом от 21 ноября¹⁶. Император Николай, находя, что мысли его во многом сошлись с мыслями отца-командира, сдерживал, однако, пылкую фантазию князя Варшавского о движении плавающего магазина по Дунаю не только до взятия Силистрии, но и до взятия остальных прибрежных крепостей. Предположение же об овладении в течение одного лета более одной, много — двумя крепостями государь полагал совершенно несбыточным. Надежда на содействие задунайских христиан у Николая Павловича была невелика, и до выяснения этого вопроса он не был расположен идти далеко за Дунай.

«Сношения наши с Англией, — кончал государь свое письмо, — час от часу хуже, и я считаю, что разрыв неминуем; вероятно, то же последует и с Францией, а потом крайняя осторожность необходима, чтобы быть готовым на все».

Князь Горчаков представил свои заключения на план государя в двух записках на имя военного министра от 21 и 29 ноября¹⁷. Повторяя вкратце основные мысли начертания императора Николая, князь Михаил Дмитриевич признавал справедливость их «разительной» и лишь докладывал против широкого охвата турок с обоих флангов и в особенности против совершения главной переправы в верховьях Дуная у Видина. Такие действия он признавал обещающими большие результаты, но зато и успех их мог подвергнуться случайностям, которым, по мнению автора записки, лучше было бы не подвергаться.

Генерал-адъютант Жомини

у него в руках, и оперирующий у Видина русский корпус принужден был бы отступить, чтобы не лишиться продовольствия, которое он может получать только из Валахии. «Ни на Сербию, — писал Горчаков, — которая бедна, ни на Австрию, которая даже во время войны в Венгрии дала нам во всю кампанию не более как на восемь дней хлеба, рассчитывать нельзя».

Второе неблагоприятное обстоятельство князь Михаил Дмитриевич видел «в крайнем затруднении, которое мы встретим при переправе через Дунай, и учреждении мостов на сей реке». Наши понтоны были неудобны для перевозки войск, а выше Видина нет ни одной реки, впадающей в Дунай, где можно было бы безопасно строить суда.

Князь Горчаков полагал ввиду этих соображений совместно с тем условием, что важные военные операции можно было предпринять лишь в половине или в конце апреля, когда просохнут дороги и появится подножный корм, основную мысль государя исполнить следующим образом. До начала весны выбить турок из Малой Валахии, и если это окажется возможным, то овладеть Калафатом. Если же укрепления при Калафате так сильны, что успех штурма будет сомнителен или повлечет за собой большой урон, то автор полагал, не предпринимая штурма, вогнать неприятеля в его укрепления и обнести их редутами, чтобы не позволить туркам выходить из них. «Дельно», — отметил против этого места император Николай.

Зимой же приступить к устройству моста близ Галаца и ранней весной начать демонстрацию переправы, а если окажется

Князь Горчаков опасался, во-первых, чтобы во время форсирования нами переправы на обоих флангах турки не двинулись большой массой от Рушука, Туртукая и Силистрии к Бухаресту и не овладели Валахией. Предполагая, что неприятель может произвести это наступление более чем 80 тысячами, он считал, что тем двум пехотным и одной кавалерийской дивизиям, которые оставались бы у нас в Валахии, остановить турок было бы трудно. Даже при конечном задержании наступления неприятеля в этом направлении большая часть Валахии на долгое время оставалась бы

возможным, то и саму переправу у Сатунова и Мачина или Гирсова. После этого для отвлечения внимания неприятеля постараться овладеть Тульчей, Исакчей, Мачином и Гирсовом. «Это необходимо», — пометил государь.

Как скоро Малая Валахия будет за нами упрочена, то приступить к заготовлению судов в верховьях р. Жио или Ольты для переправы через Дунай. Если турки предпримут наступательные действия на нашу сторону реки, то разбить их; если же они останутся за Дунаем, то, выбрав наиболее выгодное по обстоятельствам время, перейти реку выше Рушука в числе примерно 40 тысяч для действия в Западной Болгарии и для возбуждения в ней и в Сербии восстания. Князь Горчаков полагал, что этот корпус, имея за собой хорошее мостовое укрепление, может разбить в поле любую турецкую армию, будет, базируясь на Валахию, совершенно обеспечен в отношении продовольствия и достаточно силен, чтобы предпринять осаду и даже взятие Рушука.

Приведенная записка, судя по одобрительным на ней пометкам, произвела отличное впечатление на государя, который был склонен даже отказаться от осады Видина¹⁸ и приказал отправить записку со своими замечаниями обратно автору «для зависящих соображений и мероприятий»¹⁹.

Во второй своей записке от 29 ноября князь Горчаков собственнo подтверждал первоначальные свои доводы против переправы у Видина, отказывался от мысли ограничиться на левом фланге только демонстрацией переправы, а признавал необходимым в начале апреля произвести здесь настоящую переправу и занять край по Троянов вал. По окончании же операций на левом фланге, примерно в конце июня, приступить к наступательным действиям на правом фланге и совершить переправу через Дунай около Никополя.

Автор в этой записке остерегал государя также от излишних надежд на помощь Австрии и сербов. «Я не полагаю, — писал он²⁰, — чтобы, в случае переправы нашего правого фланга выше Видина, можно было ожидать значительных пособий от австрийцев, и опасаясь, что Австрия, избегая, чтобы морские державы не приняли подобного пособия за нарушение нейтралитета, не окажет нам никакого содействия. Относительно сербов я также не уверен, чтобы, невзирая на искреннюю преданность народа государю императору, они могли оказать нам действительные в этом отношении пособия. Весьма быть может, что теперешнее сербское правительство парализует стремление народа в нашу пользу, доколе мы не будем уже за Дунаем».

Записка эта также была испещрена собственноручными пометками государя и признана им вполне основательной²¹.

Но кроме общих замечаний, препровожденных Горчакову военным министром, государь этим не ограничился и в двух

собственноручных письмах делился своими мыслями с ближайшим исполнителем военных операций на Дунае.

«Твою записку о будущей кампании читал со вниманием и почти во всем с тобой согласен, — отвечал император Николай князю Горчакову на первую его записку²². — Одно только, признаюсь, считаю крайне мудреным — это переправиться между Рушук и Никоподем. Сама переправа мудрена, а после оной придется еще овладеть укреплениями, потом, вероятно, встретить подходящего неприятеля, не имея ни готового мостового прикрытия, ни устроенного моста. Все это такие препятствия, преодоление которых в одно время почти несбыточно даже нашим героям... Взвесь все это и успокой меня доказательством, что я ошибаюсь. Потому думаю, что прежде всего должно совершить переправу на нижнем Дунае у Сатунова, Галаца или Гирсова, где, по твоим сведениям, это вернее и легче. Потом непременно овладеть Исакей, Тульчей, Мачином и Гирсовом. Тогда Дунай наш до Силистрии, и можно будет подвинуть мост из Гирсова к Каларашу.

Здесь, думаю, переправа будет легче, имея уже корпус на правом берегу Дуная. Тогда турки, вероятно, выйдут из-под Шумлы к Силистрии; их атаковать и разбить, а затем обойти Силистрию и идти под Рушук, устроить в удобном месте переправу, мостовое прикрытия и мост и тогда уже с верным сообщением с правым берегом начать осаду Рушука... Осаждать же Силистрию считаю менее выгодным, чем Рушук, и во всяком случае не думал бы приступать ко второй осаде, не взяв прежде Рушука».

Вторая записка князя Горчакова успокоила государя относительно вызванных первой запиской недоразумений. «В общих чертах, — писал император Николай князю Михаилу Дмитриевичу²³, — план будущей кампании я совершенно утверждаю, как изложено в твоей записке... Никогда не думал я начать дело правым флангом; напротив, думал и думаю и теперь, что должно начать с демонстрации или переправы на левом фланге... Повторяю, что сколько ни желаю, чтобы переправа у Никополя, сходно твоему предположению, могла быть исполнена, но кажется предприятием весьма трудным». Далее государь предоставлял Горчакову самостоятельно сделать группировку войск и вообще распоряжаться, «как удобнее признает, ибо я не *гофкрихсрат*²⁴, а даю тебе полную свободу, означая только мои мысли, а не Высочайшие повеления».

«Ожидаемое сбывается, — так закончил государь свое письмо. — Злость англичан за Синоп угрожает скорым разрывом; французы умереннее и, кажется, не решаются на это. Будем готовы принять их, где им угодно. Не думаю, чтобы рисковали атаковать Севастополь, но боюсь за Черноморский берег, где форты наши почти наверно пропадут, если англичане атакуют».

Одновременно с перепиской по поводу плана предстоящей кампании между главными действующими лицами особая записка о войне с Турцией была подана и генерал-адъютантом Бергом²⁵. Автор ее исходил из того заключения, что все наши успехи в Малой Азии никогда не нанесут серьезного удара османскому правительству и что, напротив, потеря нами там хоть одного из наших укрепленных пунктов будет иметь весьма опасные для нас последствия на всем Кавказе. Поэтому наше положение в Азии, хотя бы только с целью удерживать в своих руках приобретенное раньше, требует немедленного и значительного подкрепления находящихся там войск. Лучшим средством защиты нашей азиатской границы генерал Берг считал переход, в случае усиления на Кавказе войск, в наступление, полагая, что его можно начать в конце мая или в начале июня 1854 года.

Что касается отношения враждующих сторон в Европе, то, наоборот, там положение турок являлось, по мнению автора, наиболее опасным, и мы не должны были пренебрегать выгодами наступательных операций, если только этому не воспрепятствуют особой важности политические обстоятельства.

Переходя к подробностям, генерал Берг совершенно откидывал возможность пользоваться нам как на европейском, так и на азиатском театрах войны содействием флота, наподобие того, как это было в кампании 1828—1829 годов, но он полагал, что, несмотря на это, мы можем нанести туркам чувствительные удары в Европе и в Азии.

Считая, что местных кавказских войск едва хватит для поддержания порядка среди покоренных народов, автор записки полагал, что для того чтобы оттолкнуть турок до Эрзерума и обеспечить нашу границу с Персией, надо усилить Кавказский корпус тремя дивизиями пехоты, 20 эскадронами драгун и бригадой улан с артиллерией. Если прибавить к ним хотя бы только 10 батальонов кавказских войск, то действующий отряд будет силой в 58 батальонов с соответствующим числом кавалерии и артиллерии.

Этот отряд генерал Берг предполагал распределить следующим образом.

12 батальонов в Гурии, которых он считал достаточным для удержания с этой стороны турок вплоть до Батума.

Главные силы численностью до 30 батальонов могли бы действовать от Александрополя на Карс и Ардаган, по взятии которых соединить свои операции с Гурийским отрядом.

Для защиты наших границ с Персией оставалось 16 батальонов, которые должны были расположиться таким образом, чтобы брать во фланг персидскую армию в случае ее наступления на Шушу и Елизаветполь. Если же Персия станет на нашу сторону, то этот отряд должен был составить резерв главных сил.

Генерал-адъютант Лидерс

Обращаясь к действиям на европейском театре войны, генерал Берг первоначально делал расчет тем силам, которые могли быть употреблены на этот случай, и потом излагал следующие свои предположения.

Главные силы из шести пехотных и двух кавалерийских дивизий должны действовать в наиболее прямом и коротком направлении от Бухареста на Адрианополь. Они должны переправиться через Дунай в том пункте, который выберет командующий армией, и тотчас же приступить к осаде Силистрии и потом Рушука. Эти две крепости составят отличную базу для дальнейших действий

и парализуют неудобство отказа от пользования Черным морем. Кроме того, взятие этих крепостей заставит турок выйти из их укрепленного лагеря в Шумле и дать нам сражение, что, по мнению автора, было бы наиболее выгодным обстоятельством.

Левифланговый корпус силой в полторы дивизии пехоты и дивизию кавалерии должен будет, переправившись через Дунай, взять Исакчу и Мачин, прочно утвердиться в Бабадагской области до Троянова вала и содействовать главным силам, угрожая неприятелю, который направился бы от Варны к Силистрии.

Правофланговый отряд силой около бригады пехоты, драгунского корпуса и 3—4 казачьих полков должен был постараться проникнуть в местность между Малой Валахией, Сербией и Софией.

Блокируя Видин, он должен был разбить турецкие войска, которые будут находиться в этой части Болгарии, побудить сербов и болгар к участию во враждебных действиях и вооружить их.

Генерал Берг был уверен, что все эти действия заставят турок в конце концов встретить нас с открытым полем, и решительная победа передаст в наши руки Шумлинский укрепленный лагерь или даст нам возможность предпочесть направление на Тырново и Казанлык. В обоих случаях в наши руки перейдет большая часть Болгарии.

Левый корпус должен будет, базируясь на Бабадаг и Силистрию, наблюдать местность между Варной и Шумлой, а правый продвигнуться до Софии и, может быть, до Филиппополя.

Этот несколько оптимистический план кампании, в котором не принимались в расчет враждебные действия Австрии и наступательные сухопутные операции англо-французов, был доложен государю 29 ноября и безо всяких пометок подшит к делу.

Между тем переписка между императором Николаем, с одной стороны, и Паскевичем и Горчаковым — с другой относительно плана предстоящих действий продолжалась. Как известно, государь вскоре отказался от первоначальной своей мысли переправиться через Дунай выше Видина и осадить эту крепость, остановившись на переправе ниже Силистрии и осаде Рушука. Это известие произвело сильное впечатление на душу преданного России и государю князя Михаила Дмитриевича. «Светлая мысль ваша, — всеподданнейше доносил он²⁶, — сделать вторичную переправу через Дунай несколько ниже Силистрии отстраняет все действительно большие трудности форсирования перехода реки выше Рушука...» «Мой сон с этой минуты перестал быть тревожным», — патетически восклицал он в письме к военному министру²⁷.

Князь Иван Федорович вводил новую поправку в предстоящие операции, вызванную особой враждебностью к нам западных держав после Синопской победы. Он вполне основательно предполагал, что, может быть, англо-французы захотят поддержать турок и сделают в Варне десант в 30—40 тысяч, чтобы, имея в руках Силистрию, прорвать наш центр. Для отвращения этой опасности фельдмаршал сообщал государю родившуюся у него, а в действительности лишь несколько измененную первоначальную мысль предупредить противника и ранней весной обеспечить наш левый фланг и центр взятием малых крепостей и даже Силистрии, а затем уже действовать по предложенному плану²⁸.

Таким образом, первоначальная идея осады Силистрии была высказана Паскевичем, которому впоследствии судьба вручила и ее исполнение. Государь вполне присоединился к мнению своего отца-командира. «Мысль твою, — писал Николай Павлович²⁹, — завладеть маленькими турецкими крепостями и приступить к осаде Силистрии разделяю, и я сообщил Горчакову».

Более подробно князь Варшавский излагал свои мысли в проекте весьма длинного письма на имя князя Горчакова, которое он решил, вместо того чтобы отправить по назначению, представить государю императору³⁰. Смеем думать, что прямая цель этой работы, состоявшей в большей своей части из критики действий и предположений командовавшего войсками на Дунае, была именно Петербург. Если же и был принят автором такой оригинальный способ всеподданнейшего доклада, то кроме дружбы, которой дарил государь Паскевича, надо полагать, к этому были и другие причины. Записки князя Михаила Дмитриевича о предстоящих действиях удостоивались особого внимания государя, который

вообще был к нему весьма милостив; князь же Варшавский был не из тех характеров, которые легко делились своей славой с другими. К тому же в письме на имя своего друга можно более разносторонне, чем в сухом всеподданнейшем докладе, выставить и его, и себя. Этот во всяком случае интересный документ, писанный рукой генерала Ушакова, приехавшего впоследствии с Паскевичем на Дунай в должности дежурного генерала, мы помещаем в приложении³¹.

Фельдмаршал вслед за длинными возражениями на предположения государя, подробно разработанные князем Горчаковым, переходит в проекте своего письма к изложению плана действий. Это, в общем, было повторение первоначального его предположения о переправе еще зимой, в феврале, через Дунай на низовьях реки с целью продвигаться вверх по реке правым ее берегом, забирая все крепости и пользуясь Дунаем как коммуникационной линией. Нового здесь было только то, что автор, опасаясь усиления турецкой армии англо-французами, предполагал основательнее занять низовья Дуная, перебросив там на правый берег реки более многочисленный отряд, чтобы в дальнейших действиях быть вполне обеспеченным от поползновения морских держав со стороны устья реки, а также скорее приступить к осаде Силистрии, взятие которой вполне обеспечивало наш центр от прорыва.

На всю операцию переправы, взятия Исакчи, Мачина, Гирсова, подход к Силистрии и очищения реки от неприятельских судов Паскевич предполагал достаточным 24—25 дней и при начале переправы в конце февраля считал возможным подойти к Силистрии в половине марта и немедленно приступить к осаде ее, что, по его мнению, можно было бы окончить в три недели.

Дальнейшие мысли князя Ивана Федоровича настолько интересны в смысле характеристики его собственных действий, когда он лично стал во главе Дунайской армии, что мы приводим их ниже в подлиннике.

«Мудрено, чтобы турки, — писал Паскевич, — хладнокровно смотрели, что мы взяли у них три крепости и подошли к четвертой, столь для них важной. Хотя им трудно будет тащить и хлеб, и фураж, и артиллерию, но они, вероятно, постараются собрать сюда всю свою армию. Этого я бы и желал и об одном сожалел бы, что не мог заставить их собраться еще прежде, когда прокормиться им было бы еще труднее. У нас было бы всего до 85 тысяч человек, а с такими силами можно бы стать не только против турецкой, но и против европейской армии. Турок же можно надеяться разбить и рассеять, отнять половину орудий и преследовать по крайней мере на два перехода. Не следует забывать, что у турок армия одна; после неудачи они долго не соберут другой армии, и тогда откроется большое поле для действий куда угодно. Здесь

представляется соблазнительная мысль: рассеяв неприятельскую армию, идти на Шумлу, но, подумав хорошенько, я нахожу, что это удалило бы нас от главного предмета, т. е. действий с правого фланга посредством сербов и других христианских племен».

По взятии Силистрии Паскевич полагал половину укреплений уничтожить и затем, смотря по обстоятельствам, действовать оборонительно, если Европа будет угрожать нам войной на западной границе, или наступательно, по принятому плану. Что же касается привлечения к борьбе

Генерал-адъютант Хомутов

христианских народностей, то автор предполагал впредь до выяснения обстоятельств относительно десанта французов оказывать сербам лишь материальную поддержку. Дальнейшие же успехи и восстание других христианских племен могли, по мнению Паскевича, потрясти Турецкую империю.

«Может быть, — заканчивал свое письмо князь Варшавский, — я представляю все в слишком хорошем виде; знаю, что на войне иногда одно обстоятельство разрушает план действий, но не забудьте, что у турок армия одна; другую они соберут не скоро, а, в случае успеха при дальнейших удачных действиях на правом фланге, сообразно предначертанному плану, кампания может окончиться в Адрианополе. Даже не при столь блестящем успехе вся Болгария в наших руках. Тогда пусть англичане и французы владеют Черным морем, они ничего нам не сделают...

Не осудите, любезнейший князь, если я, увлекаясь интересом самого предмета, говорил со всею откровенностью, но сами вы согласитесь, что здесь дело идет об обстоятельствах, для всех нас столь драгоценных: о славе государя и России и о чести русского оружия».

Император Николай начертал на этом письме, между прочим, следующее: «Почти все согласно с моим мнением, кроме того, что князь считает важнее взять Силистрию, чем Рушук; быть может, что так; пусть князь Горчаков решит по обстоятельствам...»

Таким образом, откровенные мысли Паскевича дошли до адресата, но несколько кружным путем.

Князь Горчаков в своей записке от 13 декабря³² радовался светлой мысли государя о вторичной переправе через Дунай ниже

Силистрии и останавливался лишь на подробностях исполнения этого плана. Но в дополнение к этой записке он представил 3 января 1854 года вторую записку³³, в которой почти одновременно с представленным мнением Паскевича он высказывал тождественную с ним мысль о необходимости овладения Силистрией, если только будет иметься в виду высадка вспомогательного европейского корпуса в Варне. Взятие же Рушука произвести уже после этого или даже ограничиться только наблюдением за этой крепостью, распространив поиски в направлении к Шумле, Разграду и западнее для оживления восстания христианских племен.

Почти одновременно последовавшие от князя Паскевича и князя Горчакова предложения вместо Рушука осаждать Силистрию, видимо, не понравились государю, так как они шли вразрез с его мыслью поддержать восстание сербов и оказать существенную помощь христианскому населению Турции в завоевании собственными руками своей свободы. «Тут многое не так, — пометил государь, — и не отвечает тому, чего хочу и о чем писал». Относительно осады Силистрии император Николай пометил: «Так думает князь Варшавский, но это жаль будет, ибо отдалит нас от цели поднять христиан и подать им помощь, что оттуда далеко будет». Взятие после Силистрии Рушука государь считал необходимым, а «под Шумлу отнюдь и думать не должно ходить».

Однако император Николай высказывал некоторую двойственность в отношении намерения привлечь христиан к восстанию. С одной стороны, преемственная для русских государей мысль видеть наконец своих угнетаемых единоплеменников свободными и притом получившими свободу собственными усилиями лишь при помощи и под руководством великой России должна была увлекать Николая Павловича; с другой же стороны, он опасался, чтобы все это освободительное движение не вылилось в простое революционное брожение наиболее беспокойных элементов, что было так противно духу и характеру императора Николая.

«Разделяю тоже мнение твое и по сербскому делу, и по предложениям греческой этерии, — писал государь князю Горчакову почти одновременно с помещенной выше его собственноручной пометкой³⁴. — Признаюсь, не охотник я до них, ибо явно пахнет революционной *вонью*³⁵, тем более что начать хотят мимо воли короля греческого, который на днях просил моего совета и которому отвечал, что прошу его сидеть спокойно у моря, ждать погоды. Рано еще пока ему начинать, позднее увидим! Признаюсь, что и сербам еще большой веры не даю, ибо много и у них моральной порчи. Итак, нам полезно быть осторожными и все эти затеи держать в запасе...»

Однако государю хотелось верить в то, что, может быть, христианские народности Турции, и в особенности сербы, возросли

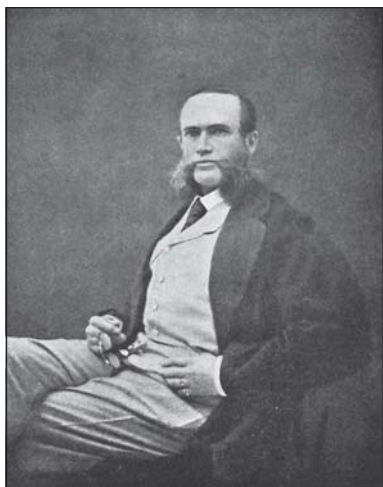
уже до общего движения с целью завоевать свою самостоятельность, и потому ему трудно было отказаться от осады Рушука вместо Силистрии, хотя, полный веры в своих помощников, он вновь подчинял свое мнение мнению Паскевича и Горчакова, делая лишь слабые попытки отстоять цельность собственного плана.

«С большим вниманием прочел я твое письмо к Горчакову, — писал император Николай князю Варшавскому 5 (17) января 1854 года³⁶, — и рад был удостовериться в том, что мы почти одинаково думаем насчет предстоящей кампании. В одном только я не решаюсь. Конечно, Силистрия важный пункт, в особенности был бы он необходим в руках наших, ежели б, по примеру 1828 и 1829 годов, направление наше было бы на Шумлу, Варну или на Балканы. Но мне кажется, что, решаясь, как ты сам предлагал, стараться более действовать через христиан, наших единоверцев, а нам быть в резерве, не правильнее ли овладеть Рушуком и там или близко к оному иметь прямую переправу в самый центр Валахии, тем более что мы этим будем среди болгар и близ сербов, ежели на них считать хотим... Далее же Рушука идти вперед мы можем тогда только, ежели восстание христиан будет *общее*, что должно оказаться скоро после взятия Рушука; овладение же Силистрией, полагаю, не произвело бы еще на них такого действия, ибо далеко от них».

Да и не мудрено, что государь подчинял свое мнение взглядам князя Варшавского. «Доверие мое к тебе, — писал он в том же письме, — неограниченно, и ежели опять настанет, как кажется ныне, тяжелое время, меня успокаивает, что на твою помощь и советы я могу вполне полагаться».

Прошло три недели, и мрачные тучи над Россией все более и более сгущались. Разрыв с западными державами был неминуем, надежды на Австрию и Пруссию падали, и посылка доверенных лиц государя к обоим дворам потерпела неудачу. К тому же пережитые волнения не могли не отразиться на здоровье императора Николая. Он, одинаково сильный до последней минуты своей жизни духом, тем не менее начинал угасать и ослабевать физически. Все это еще более заставляло его обращать внимание на князя Варшавского, и влияние фельдмаршала в смысле направления военных операций должно было возрастать. Грустью дышат следующие строки письма государя к Паскевичу³⁷.

«Пролежал 13 дней в подагре! Не мог ранее отвечать, любезный отец-командир, на письмо твое 11 (23) января. Обстоятельства делаются более и более грозными и напоминают положение наше в 1812 году. Писать и переписываться обо всем никак нельзя, потому мне весьма желательно, чтобы ты, ежели можешь, прибыл сюда хотя на короткое время, дабы лично обменяться мыслями и условиться обо многом к предстоящим обстоятельствам. Молю

Барон Будберг

Бога, чтобы Он меня наставлял на свою светлую волю, но мне нужна твоя дружба и твои советы, чтобы смелее действовать к лучшему. Итак, буде можешь, приезжай, и чем раньше, тем лучше. Я еще очень слаб и устаю скоро; другой день, что выезжаю. В Берлине полная неудача, как я и вперед ожидал; не большую надежду питаю на удачу Орлова в Вене и покуда еще ничего от него не получил, что считаю уже дурным знаком». Единственным утешением государя в это тяжелое время был патриотический подъем русского общества. «Здесь все тихо, — писал он Паске-

вичу несколько раньше³⁸, — холодно, как давно не было, но не в сердцах, которые прямо русские, как отрадно видеть»³⁹.

Но в то время, когда государь возлагал все свои надежды на князя Варшавского, этот последний под влиянием двуличной политики Австрии потерял спокойствие духа и впервые проявил зачатки подчинения той доминирующей идее, которая наложила отпечаток на направление всей его дальнейшей деятельности, связала нам руки и, может быть, парализовала успех всей кампании. Мысль эта — боязнь наступательной войны со стороны Австрии.

«Всемиловейший государь, — всеподданнейше писал Паскевич 23 января 1854 года⁴⁰, — из депеши графа Орлова узнал я ответ Австрии. Не ожидал я, чтобы Австрия отказала подписать акт, которым Ваше Императорское Величество предлагать ей изволили быть только нейтральной. Хотя она и обещает ныне оставаться в положении наблюдательном, но можно ли ручаться, чтобы боязнь Англии и Франции не поставила ее вскоре совершенно против нас. Как поступить в настоящем случае, о том могут быть разные предположения. Не придется ли обратиться к Австрии для охранения наших западных границ и тем удержать Австрию от неприязненных действий. Жаль, если не найдется средства теперь же заключить мир с Турцией без вмешательства других держав, хотя бы только на основании прежних трактатов, предоставив себе возмездие впоследствии».

Результатом таких опасений были настоятельные просьбы князя Варшавского об усилении войск на австрийской границе.

Государь исполнил просьбу фельдмаршала, повелев направить в Варшаву гренадерский корпус и подготовить к походу на Каменец-Подольский 17-ю пехотную дивизию, хотя на эту последнюю меру он решился не сразу. «Все это, — так кончал государь свою записку по этому поводу военному министру⁴¹, — родилось в мыслях князя по прочтении депеш из Вены; он ожидает войны с Австрией, что они нас возьмут *в тыл*⁴²; я не верю этой крайности».

Разрыв с западными державами, отказ Австрии и Пруссии от заключения договора о взаимном нейтралитете и выставление первой из них обсервационного корпуса на границе с Сербией заставили императора Николая несколько изменить свой план предстоящих операций и окончательно остановиться на осаде Силистрии.

«Все это, — писал государь князю Горчакову⁴³, — ничуть не изменяя ни моих намерений, ни решимости действовать сильно, требует, однако, кажется мне, некоторых перемен в плане действий».

Государь признавал необходимым, оставаясь в оборонительном положении в Малой Валахии, перейти возможно скорее Дунай в его низовьях, овладеть малыми крепостями и немедленно приступить к осаде Силистрии, чтобы в ней иметь твердый пункт на левом фланге, а затем поднять вверх по реке нашу флотилию и тем вернее приступить к осаде Рушука. Обойтись без взятия этой крепости государь не считал возможным как для твердого обладания Дунаем, так и для помощи сербам, если их восстание делается грозным для турок. «Сведения о готовности сербов таковы, — писал Николай Павлович⁴⁴, — что дают мне полную надежду на их содействие, *коль скоро мы будем за Дунаем*»⁴⁵. Имея со взятием Силистрии и Рушука сильную позицию на Дунае, государь не предполагал углубляться внутрь страны, «доколе не выяснится, какое влияние на дела иметь будет восстание христиан и в какой силе оно разовьется».

Между тем князь Горчаков на месте делал необходимые приготовления к переправе через Дунай, производство которой должно было всецело лечь на его плечи. Первоначальное желание государя и князя Варшавского переправиться через реку возможно скорее, примерно в феврале, воспользовавшись для этого замерзанием Дуная, было отменено ввиду рискованности такого предприятия, зависевшего от весьма случайных данных — времени, в общем весьма незначительного, пока река бывает скована льдом.

Саму операцию решено было после совещания с командиром расположенного на низовьях Дуная 5-го корпуса генералом Лидерсом, произвести в начале марта, причем главные силы должны

были переправиться у Браилова, против Мачина; вспомогательную же переправу или демонстрацию произвести одной бригадой от Измаила около Тульчи. Главные силы вверялись генерал-адъютанту Лидерсу, переправа же у Измаила — начальнику 7-й пехотной дивизии генералу Ушакову. На правом берегу все войска вступали под общее руководство Лидерса и должны были овладеть крепостями Тульча, Исакача, Мачин и Гирсово.

Однако продолжать немедленно дальнейшее движение к Силистрии князь Горчаков считал невозможным. «Ваше Императорское Величество, — всеподданнейше писал он по этому поводу⁴⁶, — изволили выразить, что, если буду к началу апреля под Силистрией, то успех будет несомненный. Осмеливаюсь доложить, что пребывание наших войск за Дунаем, до времени просушки дорог и появления хорошей травы, в высшей степени трудно, даже если они будут оставаться около наших мостов, ибо необходимо будет им подвозить не только провиант и зерновой фураж, но и само сено. Поэтому я полагал до появления хорошей травы ограничиться взятием крепостей Дуная и устройством хороших мостовых укреплений против Сатунова и у Гирсова; идти же к Черноводам и Силистрии или в конце апреля, или в начале мая».

Государь сделал, не без влияния тех опасений и страхов, которые царили в душе бывшего в то время в Петербурге князя Варшавского и о которых будет сказано ниже, следующую пометку на письме Горчакова: «Теперь будет кстати Горчакову писать, *что весьма довольно покуда*⁴⁷ будет, ежели и все, что он пишет, что будет предпринято, благополучно исполнится».

Но почти в тот же день, когда командующий войсками на Дунае окончательно остановился на пункте и времени переправы и доносил об этом государю, князь Варшавский писал ему из Петербурга первое предостережение и вливал в его и без того нерешительную душу первые колебания⁴⁸. «В настоящих обстоятельствах, — писал он, — когда дела идут с такой быстротой, что каждый день приносит что-либо новое, изменяя отношения наши к Европе и уничтожая наши прежние расчеты, мы находимся в необходимости, сообразно новому нашему положению, изменить, может быть, и прежние наши планы».

Князь Варшавский, рассчитывая, что турки имеют под ружьем на европейском театре 180 тысяч, полагал, что, за исключением гарнизонов по Дунаю и Балканам, они могут выставить в поле для действия против нас 60 тысяч лучших войск, к которым надо прибавить еще около 50 тысяч англичан и французов. Мы могли выставить для действия за Дунаем лишь 66 тысяч, с которыми Паскевич полагал невозможным разбить 110-тысячную армию и в то же время брать крепости по Дунаю.

Перевозка турецких раненых в Молдавии

На правом фланге обстановка также изменилась. Австрия, поставив войска на своей военной границе, могла угрожать нашей коммуникации в Валахии, и князь переставал верить в ее нейтралитет. «Видно, — писал он, — Австрия разочла, что ей выгодно быть против нас».

Все это, по мнению фельдмаршала, заставляло нас, прежде чем перейти Дунай, подумать, какие следует употребить средства в таких критических для нас обстоятельствах.

Но через несколько дней после этого письма произошло событие, которое несомненно сыграло большую роль в ходе дальнейших операций наших на Дунае.

Князь Варшавский 21 февраля был назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами на западной и южной границах и собрался лично отправиться на Дунай. За князем Горчаковым были сохранены все предоставленные ему раньше права и обязанности во время отсутствия Паскевича из Южной армии. В присутствии же фельдмаршала он вступал в должность его начальника штаба. «Итак, — сообщал об этом князь Иван Федорович своему бывшему начальнику штаба, — мы будем опять работать и трудиться вместе, любезнейший князь, с тем же усердием, как и всегда»⁴⁹.

С этого времени началось слишком настойчивое опасение со стороны фельдмаршала наступления австрийцев в тыл нашей Дунайской армии, нежелание переходить Дунай и стремление держаться впредь в оборонительном положении на левом его берегу и даже в будущем отойти за линию Серета. Если бы не определенная

воля императора Николая и не неожиданная решимость Горчакова, то Дунайской кампании не суждено было бы украситься единственной блестящей операцией — мартовским переходом через Дунай.

Паскевич, извещая Горчакова о своем назначении, сообщал ему в секретном письме⁵⁰, что при настоящем положении вещей идти вперед против Турции и думать нельзя, а рекомендовал ограничиться взятием Тульчи, Исаки, Мачина и, если не встретится особых препятствий, то и Гирсова, устроив сильные предмостные укрепления. Войска из Малой Валахии он предлагал оттянуть и с главными силами маячить на левом берегу Дуная, стараясь выманить неприятеля и разбить его. В то же время им обращалось особое внимание на обеспечение флангов и тыла как со стороны Одессы, в случае высадки вблизи нее англо-французских десантов, так и со стороны австрийцев.

Все эти предположения одновременно были подтверждены Паскевичем Горчакову и в форме официального предписания⁵¹.

Государь, со своей стороны, в тот же день писал Горчакову, что, считая успешную переправу через Дунай весьма важным шагом, он находил, что до выяснения двучности Австрии и направления удара морских держав начинать движения к Силистрии не следует⁵².

На следующий день опасения князя Варшавского еще более увеличились, и он секретно сообщал князю Горчакову⁵³, что угрозы Австрии и Пруссии не позволяют уже нам думать о действиях за Дунаем, а надобно помышлять о своих сообщениях в тылу. Поэтому Горчакову предлагалось очищать магазины в Малой Валахии, имея в виду, что, по всей вероятности, наша армия продержится еще месяца полтора около Бухареста, а потом сосредоточится между Бузео, Браиловом и Серетом. В конце своего письма фельдмаршал предлагал расплачиваться ассигнациями в крае, «который мы намерены оставить». Во всеподданнейшей же записке, представленной в тот же день, князь Варшавский высказывал свои опасения в менее решительной форме и лишь предлагал не брать Гирсова, а ограничиться только взятием Тульчи, Исаки и Мачина и устройством в этом последнем моста и сильного укрепления⁵⁴. А 27 февраля⁵⁵ фельдмаршал предписал Горчакову для исполнения не брать Гирсова и готовиться начать отходить от Бухареста за р. Серет с 1 мая⁵⁶.

Император Николай боролся по мере сил как с преувеличенными страхами Паскевича относительно опасности, грозившей со стороны Австрии, так и с привычкой фельдмаршала путать князя Горчакова и руководить из Петербурга всеми подробностями его действий на Дунае. Чтобы подтвердить то огромное влияние, которое имел Паскевич на государя, приведем следующую, весьма характерную, записку императора Николая военному министру

от 28 февраля 1854 года⁵⁷: «Мне удалось убедить князя Варшавского ничего не изменять в *прежнем*⁵⁸, кроме того только, что, буде можно или нужно будет, то 7-ю легкую дивизию подведет ближе к Варшаве. Просил его тоже не сбивать с толку Горчакова частыми приказами вроде гофрихсрата. Главные мысли должны ему быть начертаны здесь; исполнение же и применение к обстоятельствам *вполне* ему предоставлено на его ответственность, иначе выйдет вздор. Настой на этом и после моего отъезда».

*Лазутчик болгарин
Райко Николов*

Но в то время когда Паскевич противился наступлению за Дунай, князь Меншиков смотрел на эту операцию иначе. «С большим удовлетворением, — писал он князю Горчакову⁵⁹, — узнал я из ваших писем, что вы предполагаете перейти Дунай между 7-м и 10-м числами, раньше, чем успеют отнять у вас эту заслугу⁶⁰. Наступайте на Омера-пашу, вы его разобьете и этим оттянете время англо-французской экспедиции, что спасет Севастополь и Крым»⁶¹.

Не без сильных, видимо, сомнений и не без большого влияния Паскевича государь отказался от мысли энергичных действий на правом берегу Дуная для взятия Силистрии и Рушука и в начале марта начертал новый план кампании на 1854 год.

«Почти с каждым днем, — писал он Горчакову⁶², — положение дел становится для нас грознее через неслыханную неблагодарность императора австрийского. Оно дошло до того, что вынудило меня начертать новый обзор или план действий, соответственный теперешнему положению наших соотношений. Князь Иван Федорович его одобрил и тебе сообщает. Это, повторяю, не предписание *гофрихсрата*, но обзор необходимый положения нашего и того, что мы в таких обстоятельствах предпринимать можем и как *полагаем* к оному приступить, не стесняя тебя в нужных детальных отступлениях, лишь бы общее направление действий было согласно с оным и в связи потому со всеми другими мерами, которые на всех других угрожаемых пунктах предпринимаются.

Ежели, однако, вероломство Австрии дойдет до решительного наступления на нас, или в Малую Валахию, или в Молдавию — тогда, разумеется, что ты должен сам решить общее отступление на избранное поле сражения, где, собрав сколько наиболее можно, дать решительное сражение, и тогда с помощью Божией: *ctla aura été reculé pour mieux sauter...*»

В собственноручной записке⁶³, о которой государь упоминал в своем письме к Горчакову, император Николай с грустью признавал, что из прежних его предположений могла исполниться только переправа у Мачина и Тульчи; вопрос о том, когда и как приступить к Силистрии, а также как направить дальнейшие действия, оставался вполне неопределенным. Кроме слухов о готовившихся десантах на Кавказе, в Крыму и в Бессарабии особенная опасность угрожала нам и со стороны Австрии, «расположение которой из двусмысленного делалось более и более нам враждебным». Она не только парализовала участие в борьбе со стороны сербов, но угрожала «нам самим на нашем правом фланге и даже нашему тылу вторжением в собственные наши пределы».

Государь ставил далее вопрос, как нам действовать, «соблюдая военную осторожность, не роняя нашего политического достоинства и влияния на христиан», и решал его следующим образом. После взятия Мачина и Тульчи устроить там сильное мостовое прикрытие. Для охраны нижнего Дуная, а также для резерва на случай высадки в Бессарабии или у Одессы оставить полторы дивизии. Одной дивизией наблюдать Силистрию и Гирсово, Мало-Валахский отряд оттянуть за Крайово и на Ольту в виде арьергарда главных сил, которые в составе 3 1/2 дивизии расположить около Бухареста. Драгунский корпус иметь в резерве по обоим берегам Прута.

В таком положении следовало ожидать, удастся ли союзникам высадка и где, а также постараться разбить соединенными силами турок, откуда бы они ни наступали на нас, т. е. от Видина ли, Русука, Никополя или Силистрии.

Государь полагал, что это выжидательное положение продолжится до июля, когда «должно объясниться, враги ли нам австрийцы, или, удержанные примером Пруссии и нашим грозным видом, они останутся нейтральными». В таком случае август и сентябрь предполагалось употребить для решительного удара на Силистрию и, может быть, на Русук.

Императору Николаю не удалось, однако, до самой своей кончины увидеть Австрию действительно нейтральной, и до конца войны это государство усердно продолжало играть свою пагубную для России, но бесславную для него самого роль.

Фельдмаршал, отправляя только что приведенную записку государя князю Горчакову, снабдил ее длинной инструкцией, в ко-

торой положение нашей Дунайской армии рисовалось весьма мрачными красками.

Паскевич исходил из того заключения, что политические обязательства должны были иметь особое влияние на наши военные действия, и в этом отношении обстановка представлялась ему в следующем виде. Со стороны Пруссии угрозы не ожидалось; Австрия же объявила, что впредь поведение ее будет основано только на собственных выгодах, которые, впрочем, не враждебны ни для одной из держав. Однако австрийское правительство стягивало войска, которых, по сведениям фельдмаршала, через три недели могло собраться для действия против нас около 250 тысяч, и они могли направиться к Каменец-Подольску или к Яссам, к Бухаресту или Крайову. С другой стороны, англо-французы кроме действий в море и высадки в других местах могли сделать десанты около Одессы или Аккермана и угрожать нашему тылу на Леово и Бендеры.

С нашей стороны для защиты границ были приняты следующие меры. Курляндия, Литва и правый фланг Царства Польского защищались 1-м корпусом; в Варшаве и за Вилой сосредоточивались две гренадерские дивизии; против Кракова — одна бригада и против Лемберга — полторы дивизии 2-го корпуса.

Для связи поименованных войск с Дунайской армией и для обеспечения коммуникационной линии этой последней образовался отряд из 6-й пехотной, двух кирасирских, двух драгунских дивизий и казачьего полка, который должен был расположиться по австрийской границе до Каменца и ниже до Бендер и Леова.

Придавая особое значение этому отряду, фельдмаршал приказывал усилить его еще одной дивизией из армии Горчакова, которую держать примерно около Кагула.

Далее Паскевич давал подробные указания, как действовать в случае высадки союзников и направления их на Одессу или на Аккерман, и вновь переходил на свою излюбленную тему о переправе через Дунай и мерах против покушения австрийцев на наш тыл. Очевидно, переход на правый берег реки не улыбался фельдмаршалу, и он предписывал Горчакову в случае неудачи первой попытки не возобновлять переправы, а продолжать оставаться в оборонительном положении. Что же касается австрийцев, то он рекомендовал сократить нашу линию на Дунае и в начале апреля отвести Мало-Валахский отряд от Калафата к Крайову и даже за р. Ольту.

«Впрочем, — кончал фельдмаршал свои настоятельные указания, — отступление сие сделайте по вашим соображениям. Не будучи на месте, я не даю вам решительного о том предписания»⁶⁴.

Но в тот же день на берега Дуная вслед за только что изложенной инструкцией полетело уже форменное предписание от князя

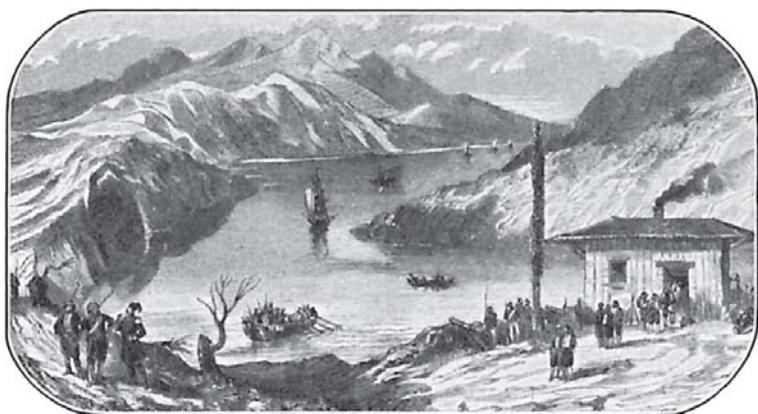
Варшавского⁶⁵ отвести к 1 апреля Мало-Валахский отряд за Ольту, выслать из-под Бухареста одну дивизию пехоты к Тырговищу, имея кавалерию впереди для наблюдения за Германштадтом, и в случае перехода австрийцами границы у этого последнего стягивать всю армию к Бузео или Рымнику, а если это не удастся, то и к Фокшанам, где и принять бой.

Трудно понять причину отправления фельдмаршалом в один и тот же день из Петербурга инструкции, дающей некоторый простор воле Горчакова, и категорического предписания по одному и тому же предмету.

Единственным объяснением может служить только то предположение, что вышеприведенное новое начертание хода военных действий, составленное государем, дошло до фельдмаршала после составления инструкции, и в этом начертании он увидел возможность безответственно приказать исполнить свою заветную мысль. Действительно, об этом документе князь Варшавский упоминал не в инструкции, а в последовавшем за ней предписании.

Мысль об отступлении так неотвязчиво преследовала в это время Паскевича, что он не ограничился данными Горчакову указаниями и чуть ли не ежедневно из Петербурга и по пути своем в Варшаву в длинных письмах подтверждал одно и то же⁶⁶. К счастью для князя Михаила Дмитриевича, он все эти послания получил после совершения своей блестящей переправы через Дунай.

Однако трусливый, строго оборонительный план князя Варшавского не у всех в Петербурге вызывал сочувствие. «Итак, решено, — занес граф Граббе в свою книжку около 14 марта 1854 г.⁶⁷. — С огромными средствами избран самый робкий план действий против Турции. Дунайская армия переправилась или переправляется в эти дни за Дунай, между Браиловом и Мачином. Дунай в том месте имеет более 400 сажень ширины и ни одного острова. Берег неприятельский занят батареями, и сзади них, на высотах, позиция турок. В случае успеха, вероятно, большим уроном купленного, армия вступит в самый пустынный и нездоровый край Турции и начнет осаждать лежащие по Дунаю крепости, в которых неуклюжие в поле турки хорошо обороняются. Восстанию славян и греков никакой от того помощи. Огромные средства на малые дела, над которыми растает армия и пройдет драгоценное время. Хотят не отдаляться от Одессы, куда боятся высадки. Эти две операции разные. Дунайская армия не может оказать никакого пособия, и отряды из нее туда, в случае нужды, не последуют... Фельдмаршал к труднейшему, к переправе, не мог поспеть, а поручил князю Горчакову. В случае продолжительной осады Силистрии англо-французы могут делать тревожные высадки в Кюстенджи, Мангалии, а особенно в Варне. Ничего сколько-нибудь решительного, грозного для Турции, побудительного к миру».

Дунай у Калафата

Такова была обстановка на политическом горизонте, в Петербурге и Варшаве, когда князь Михаил Дмитриевич совершал свою переправу через Дунай.

О действительном положении и намерениях турок в этот период кампании на европейском театре войны мы имеем весьма мало документальных данных, которые сводятся лишь к донесениям французского полковника Диё, состоявшего при армии Омера-паши, и французского посла в Константинополе генерала Барагэ д'Илье к маршалу С.-Арно в Париж.

Полковник Диё, одностороннее действие которого, к сожалению, было тайным образом доставлено из Парижа в Петербург, видимо, очень радужно смотрел на положение турок и верил тем грандиозным планам, которыми с ним делился талантливый Омер-паша исключительно, по всей вероятности, с политической целью, не придавая им практической цены. А между тем можно полагать, что именно донесения французского агента произвели на князя Варшавского то пагубное впечатление, которое придало столь печальный оборот всем его действиям на Дунае и предшествовавшим им распоряжениям.

Полковник Диё в декабре совершил путешествие от Константинополя к Дунаю и проехал вдоль этого последнего от Мачина до Видина. Впечатления очевидца, ездившего с удостоверением за подписью самого султана, повелевавшего ему все показывать, имеют поэтому для нас особую цену, но, повторяем, что при ознакомлении с этими впечатлениями следует иметь в виду излишний оптимизм французского офицера⁶⁸.

Не говоря ничего об оборонительной силе Константинополя, автор останавливается на Адрианополе, который с его укрепленным

лагерем он считает лучшим местом для сосредоточения первого французского экспедиционного корпуса. Направляясь далее к Шумле, Диё исследовал проходы через Балканы, которые могут быть, как патетически восклицал автор, «местом столкновения французской армии с русской, если судьба изменит доблести оттоманских войск». Проходы эти, сильные по своей природе, укреплялись и защищались многочисленным корпусом редифов под руководством польских и венгерских офицеров. Шумла, с большим и укрепленным лагерем, составляла центр операций Омера-паши, который с самого начала кампании усиленно укреплял этот пункт. Шумлинский лагерь, защищаемый стотысячной фанатизированной, по словам Диё, армией, был сделан неприступным благодаря гигантским фортификационным сооружениям, исполненным при деятельном участии иностранных офицеров.

Пунктом для высадки французских войск Диё намечал Варну. «Невозможно предположить, — добавлял он, — чтобы в то время, когда турки владеют правым берегом Дуная, опираясь на Балканы и Черное море, русский корпус осмелился переправиться через эту реку, зная о присутствии в Варне французской армии».

Бабадагскую область занимал отряд в 24 тысячи, следивший с особой бдительностью за русскими канонерками в руках устья Дуная. «Если, — писал Диё, — русская армия предполагает перейти реку в ее низовьях, то она встретит ужасный удар и верное поражение».

Численность турецких войск определялась автором примерно в 280 тысяч только действующей армии. Из них 100 тысяч находилось в лагере под Шумлой, 100 тысяч по линии Дуная, а остальные в Видине и Калафате, который им признавался неприступным и в котором находились лучшие войска турецкого генералиссимуса.

План своих предстоящих операций Омер-паша изложил полковнику Диё в следующем виде. Он предполагал окружить русскую армию в Валахии и отрезать ее от Молдавии, откуда Горчаков получал все необходимое. С этой целью 20-тысячный корпус должен будет двинуться от Калафата для атаки русского отряда в Крайове, и после нескольких ложных маневров перед этим городом, имеющих целью привлечь сюда наше внимание, Омер-паша, приняв свой правый фланг за ось захождения, быстро двинет влево всю армию и резерв для занятия важных дефиле, ведущих в Трансильванию. Чтобы еще более покрыть этот маневр тайной и окончательно усыпить русских, турки должны были предпринять в разных пунктах течения Дуная ложные попытки перехода реки. По выяснении успеха блестящего маневра турецкой армии против нашего правого фланга Омер-паша форсирует Дунай между Руцуком и Силистрией, и «русская армия, атакованная в голову и

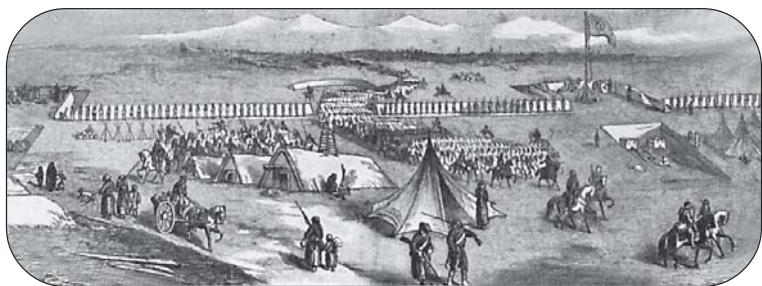
в тыл, стесненная со всех сторон, принуждена будет отступить в Молдавию, преследуемая Омером-пашой во главе всех его сил».

В таком виде рисовалась обстановка восторженному полковнику Диё.

Но меньше чем через месяц после этого донесения делился с маршалом С.-Арно своими впечатлениями и французский посол в Константинополе генерал Барагэ д'Илье⁶⁹. Чтение этого документа рисует в ином свете способность Турции к единоборству с Россией, чем это представлялось полковнику Диё. «После моего последнего письма — так начинает генерал Барагэ д'Илье — дела турок приняли оборот мало успокоительный». Хотя Константинополь и был защищен лишь от нечаянного нападения с моря, но султан только после серьезного настояния французского посла приказал отпустить деньги для начала работ по приведению столицы в крепость 1-го класса. Балканские проходы кончали укреплять, но заставить турок организовать турецкую армию не удалось. Посол рекомендовал торопиться с присылкой первого экспедиционного корпуса генерала Канробера, так как скоро русская армия перейдет в наступление, а Омер-паша при всех его способностях не в состоянии один сопротивляться русским. Он не сумел воспользоваться первоначальными выгодами своего положения и очень замедлил с исполнением принятого плана. «Если Омер-паша при первой встрече не разобьет наголову русских, то дело султана наполовину проиграно», — так кончал генерал Барагэ д'Илье свое письмо.

В письме от 24 февраля⁷⁰ французский посол рисовал еще более тяжелую картину. «Турция, — писал он, — сделала сверхчеловеческие усилия, чтобы быть в состоянии противостоять нападению России, и между тем она далека от возможности единоборства со своим знаменитым противником. Действительно, ее азиатская армия, численностью более 80 тысяч человек, дала новое подтверждение старого военного принципа, что дисциплина главенствует над числом войск, и, брошенная на 40 тысяч русских, она была наголову разбита; ее румелийская армия до сего времени задерживала русских на Дунае благодаря хорошим оборонительным распоряжениям Омера-паши и даже приобрела там некоторые преимущества, хотя, надо сознаться, столкновения до сих пор не были серьезны. В настоящее время оттоманское правительство сосредоточило на Дунае около 150 тысяч человек и не может располагать еще более чем 30 тысячами, разбросанными частью в Адрианополе, частью в Константинополе для охраны султана и укреплений Босфора».

Мнение о предстоящем ходе кампании высказывал также и австрийский генерал Гесс⁷¹. По его расчетам, на европейском театре против нас могли действовать 140 тысяч турок и 40 тысяч

Вид Калафатского укрепленного лагеря

союзников. Австрийский генерал считал, что при таких условиях переход нашей армии через Дунай рискован и что дальнейшие наши действия, даже после взятия Силистрии или Рушука и выигранного в поле сражения, не приведут нас за Балканы. Если бы мы перешли Дунай у Мачина, то турки, по его предположению, могли сосредоточить 90—100 тысяч между Варной и Силистрией, но навряд ли Омер-паша, зная о скором прибытии англо-французского корпуса, поторопится один дать нам сражение. Это обстоятельство облегчит нам переправу через Дунай, но после этого и, может быть, во время осады Силистрии нам надо быть готовыми к решительным действиям, когда турки, подкрепленные союзниками, будут гораздо многочисленнее нас.

Генерал Гесс высказывал также предположение, что если мы будем продолжать оставаться в оборонительном положении, то армиям западных держав нельзя будет долго оставаться в Константинополе, и, желая принять участие в активных против нас действиях, они высадятся в Варне и атакуют нас совместно с турками в Валахии.

Эти весьма, может быть, выгодные с австрийской точки зрения советы не остались, как мы видели, без влияния на Паскевича, который настоял-таки на своем желании перейти к обороне, что дало союзникам возможность сделать высадку в Крыму и перенести войну в наши пределы.

Из обзора дипломатических сношений держав и наших предположений о предстоящих военных операциях видно то большое значение, которое играл в охватившем Европу кризисе вопрос о балканских народностях, подвластных Ближательной Порте и очень заинтересованных в течении и исходе возникшего конфликта.

Все эти народности исповедовали в громадном большинстве православную веру и совершенно основательно видели в ней

могущественный оплот самого своего существования и залог будущей самостоятельной жизни. Вопрос о Святых местах, который постепенно разросся до значения общего вопроса о защищаемых Россией правах и преимуществах православных подданных Турции, затрагивал самые жизненные их интересы. Балканские народности, всегда готовые воспользоваться всяким удобным случаем для свержения турецкого владычества, с лихорадочным вниманием следили за ходом событий, ожидая лишь времени, когда пробьет час восстания. Только, к сожалению, в пятидесятых годах прошлого столетия они не были еще, как увидим ниже, подготовлены к тому, чтобы самим, с оружием в руках, содействовать отвоюванию своей свободы, которая только в таком случае и может быть прочным достоянием народа.

О настроении балканских христиан были одинаково осведомлены как Петербургский, так и остальные европейские кабинеты. В то время как в Петербурге стремились лишь к тому, чтобы восстания балканских народностей не вспыхивали слишком рано и не повлекли за собой кровавой расправы турок с беззащитным населением, правительства остальных европейских держав старались не только остановить там брожение умов, но и воспрепятствовать всякой попытке балканских народностей стать на сторону России.

Роль болгар, сербов и румын в событиях 1853—1855 годов выяснена в русской и славянской исторической литературе с достаточной полнотой, а поэтому настоящий труд, ограничиваясь общим очерком роли балканских народностей, дополняет уже известное в печати лишь сведениями, почерпнутыми из нескольких неизданных документов.

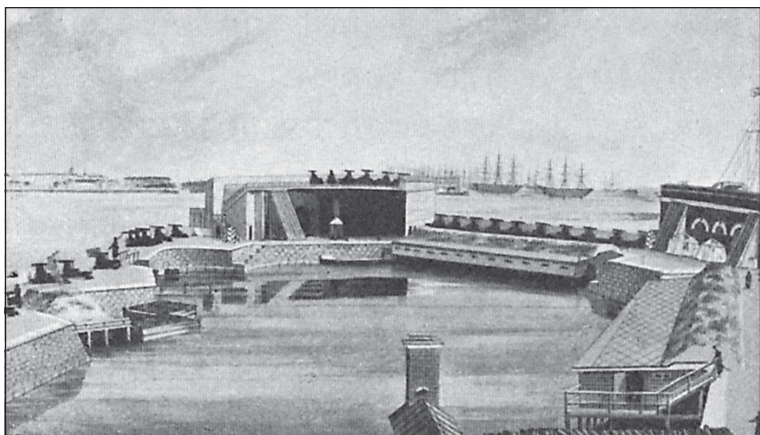
Болгарское царство или, вероятнее, царства, так как в конце своего самостоятельного политического существования Болгария разбилась на несколько владений, пало в конце XIV века. С тех пор болгары оставались в течение около пяти столетий под непосредственным турецким игом, причем даже Церковь подверглась почти полной денационализации. Она, будучи подчинена греческому вселенскому патриарху, подпала под влияние греческого духовенства, которое, поглощенное мыслью о восстановлении Византийской империи, особенно заботилось о том, чтобы Церкви в Болгарии придать греческий облик; в богослужении был введен греческий язык, и литургия на славянском языке совершалась только в забытых сельских приходах.

Национальное возрождение болгар совпало с турецкими войнами императрицы Екатерины II и было, может быть, вызвано эхом наших побед, пронесшимся раскатами своими по долинам и ущельям Балканских и Родопских гор и докатившимся до всех уголков

полуострова, где раздавалась народная славянская речь и где сиял православный крест. В 1762 году болгарин Паисий, монах Афонской горы, написал первую по истечении нескольких столетий книгу о царях и святых болгарских, которая распространилась переписчиками по Болгарии, а его ученик и последователь Софроний ввел в некоторые церковные школы обучение болгарскому языку.

До какой степени национальное болгарское движение было, однако, незначительно и не влияло на более зажиточные классы, свидетельствует тот факт, что даже проживавшие в России состоятельные болгары, каковыми были Априлев и Палаузов в Одессе, долгое время жертвовали в своем отечестве на греческие школы и поддерживали там греческие национальные стремления. Этим одесским деятелям впервые открыла глаза книга Венелина «Древние и нынешние болгары», появление которой в Москве совпало со временем первой турецкой войны императора Николая. После этого Палаузов и Априлев основали в 1835 году на своей родине, в городе Габрове, первую болгарскую школу, вслед за которой стали открываться другие школы и начали печататься учебные книги. Вскоре появилась первая болгарская газета, и ко времени возникновения конфликта из-за Святых мест болгарское национальное движение стало так быстро распространяться по обеим сторонам Балканского хребта, что особенно заинтересованным в кризисе державам приходилось уже с ними считаться.

В действительности же болгары, всецело преданные России и от нее одной ожидавшие освобождения от мусульманского ига, не были в то время еще готовы оказать существенную помощь своей будущей освободительнице. Они, по своему положению в центре Оттоманской империи, более чем кто-либо находились под давлением турецкого гнета, который успел за несколько столетий почти совсем убить в этой нации способность к самостоятельному почину в отвоевании себе человеческих прав. Поэтому можно было рассчитывать на серьезное с их стороны восстание только при широкой, продолжительной и правильной их организации извне, т. е. со стороны России, чего не было сделано в годы, предшествовавшие войне, и что не могло быть сделано во время войны до занятия нами болгарской территории. К тому же местное население, сосредоточенное в центре расположения турецких армий, могло принести нам существенную пользу только при наличности всех данных великого народа, способного пожертвовать всеми благами мира на защиту своей родины. В таком случае партизанская война, сопряженная с теми неудобствами, которые испытывает армия, действующая среди враждебного ей населения, была бы к нашим услугам, но болгары того времени не были, по указанным выше причинам, к этому подготовлены.

Форт Петра I в Кронштадте в 1854 году

Николай Христофорович Палаузов подал в 1853 году нашему представителю в Константинополе Озерову записку о необходимости основать в Болгарии центральное высшее училище; когда же вспыхнула война, то он обращался с интересными записками не только к князю Горчакову в Бухарест и к барону Остен-Сакену в Одессе, но и в Петербург⁷². В феврале 1854 года в Одессе было основано болгарское общество для объединения деятельности всех болгарских патриотов и для создания постоянного органа их сношений с Россией. Общество приняло название «Болгарское настоятельство» и деятельно распространяло в Болгарии идею братства с Россией. В протоколе первого общего собрания настоятельства значилось: «Избранный Богом великий Государь Император Всероссийский Николай Павлович, покровитель и защитник несчастного народа болгарского, ополчился для возобновления униженного православия в турецкой державе. Поэтому и болгарам, проживающим в России, необходимо позаботиться об угнетенных своих братьях и по возможности им пособить». Сам Палаузов вскоре отправился на театр военных действий. В одной из своих записок он писал: «Преданность болгар России несомненна. Но надобно уверить их, в каких видах Россия готова пособить им, уверить посредственно или непосредственно, что страдания их известны, что Россия заботится об улучшении их участи и находит возможным их освобождение».

Болгарское настоятельство и сам Палаузов посвящали этому «уверению» все свои силы, встречая на родине противодействие в лице французских и английских эмиссаров, которые старались воздействовать на болгарский народ в противоположном направлении.

О деятельности этих эмиссаров упоминают, между прочим, и сообщения бывшего переводчика при нашем посольстве в Константинополе Аргиропуло, который остался там после разрыва дипломатических сношений с Портой и продолжал давать нам сведения обо всем, происходившем в Турции⁷³. Французские и английские агенты ссылались на турецкие манифесты и изданные по настоянию лорда Редклифа султанские акты, которые признавали права и преимущества христиан и уверяли болгар, что они могут ожидать помощи только от западных держав, а не от России. В Европе еще в сороковых годах было понято значение болгарского национального возрождения и были приняты меры для его направления в русло общих идей и интересов с Западом. С этой целью в Галате была основана католическая миссионерная станция, а в Константинополе — католическая школа для обучения болгарских детей обоего пола. Эти учреждения, естественно, находились в стане наших врагов и, даже воспитывая юношество в болгарском патриотизме, направляли последний на путь противодействия нашей политике. Поэтому-то Палаузов и настаивал в своей записке на «уверениях» болгар с нашей стороны в освободительных стремлениях России.

Настроение громадного большинства болгарского народа было, несмотря на все происки западных агентов, проникнуто чувством неразрывной нравственной связи с Россией, и одного слова ее было достаточно, чтобы волнение охватило страну. Но слово это было произнесено лишь отчасти и поздно, без достаточной подготовки; оно не могло благодаря сложившимся обстоятельствам быть культивировано. Время болгарского освобождения еще не настало, и только четверть века спустя Болгария получила благодаря новым жертвам России самостоятельное политическое существование.

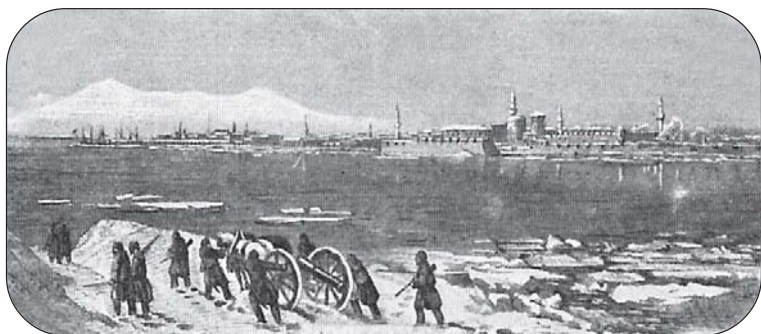
Что касается Сербии, которая и по своей величине, и по большей подготовленности к самостоятельной политической жизни, и, наконец, по своему положению на фланге турецкой армии, действовавшей против нас, могла бы оказать нам наиболее существенную помощь, то эта страна уже много лет находилась под двойственным влиянием России и Австрии. При этом благодаря отчасти неустойчивости нашей политики, а отчасти неудачному подбору наших агентов и близкому к Сербии соседству Австрии влияние наше в ней сильно пошатнулось. «Кто бы мог подумать, — всеподданнейше доносил князь Варшавский⁷⁴, — что в Сербии человек (Карагеоргиевич), который воспитывался у нас в корпусе, стал первым нашим врагом. Между тем он сделал враждебным нам народ, который около ста пятидесяти лет действовал с нами и на нас одних надеялся».

Сербия в половине прошлого столетия находилась в положении, значительно лучше, чем смежная Болгария. Восстания этой

страны во времена екатерининских походов, а затем долгая и кровавая борьба с турками с 1804-го по 1817 год привели к признанию Портой ее автономии во внутренних делах; вскоре же после этого, в 1820 году, Милош Обренович добился признания себя наследственным князем Сербии, которая стала с тех пор полусамостоятельным государством. В 1826 году права сербов были освящены Русско-турецкой конвенцией в Аккермане, а по заключении Адрианопольского мира ряд султанских гатти-шерифов освободил Сербию от турецких гарнизонов, признал автокефальность Сербской церкви, присоединил к стране спорные округа и заменил различные, взимаемые в пользу Порты, подати одной общей данью. Своеволие князя Милоша вызвало в стране смуту, под давлением которой в 1835 году был издан сербский органический устав, выработанный созванной князем общенародной скупщиной. Этот устав вверял законодательную власть князю и Сенату, который состоял из назначаемых князем 17 пожизненных членов. Гатти-шериф 1838 года утвердил порядок, выработанный скупщиной, и устроил в стране судебную власть.

Вскоре Милош бежал от новой смуты, и после него власть переходила поочередно к его сыновьям, Милану и Михаилу. При последнем вспыхнуло новое восстание, которое закончилось созывом тщательно подобранной из врагов князя скупщины и возведением на княжеский престол сына знаменитого в истории сербских восстаний воеводы Кара-Георгия, Александра. Выбор скупщины был утвержден Портой, но самым решительным образом опротестован Петербургским кабинетом, вследствие того, что он произошёл под давлением революции и под влиянием Вуича и Петровевича, вожakov восстания против законной власти князя Михаила. Кроме того, Александр Карагеоргиевич был известен своим расположением к Австрии и подчинялся руководству своих венских вдохновителей. Порта взяла, под влиянием наших требований, назад свое признание за Александром княжеского достоинства, принудила временное сербское правительство к изгнанию из страны вожakov бывшего восстания и к созыву новой скупщины, которая, впрочем, вновь избрала князем Александра Карагеоргиевича. На этот раз выбор был признан Россией, и новый князь мог в течение ряда лет посвятить себя внутреннему устройству страны и заботам об ее экономическом развитии. Расположение Карагеоргиевича к Австрии проявлялось неоднократно, а его первый министр Илья Гарашанин отличался западническим образом мыслей.

Князь Александр и Гарашанин стояли у кормила правления именно во время обострения Восточного вопроса и препятствовали всеми силами проявлению возбуждения, которое охватило население при известии о нашем разрыве с Портой и о начавшейся

Город Видин

войне. Такая политика Карагеоргиевича в связи с бременем пода-тей, увеличение которых требовалось реформами в государстве, вызывала в стране глухое, но всеобщее недовольство.

Нашим генеральным консулом в Белграде был в то время Туманский. Он, между прочим, сообщал, что сербское правительство озабочено настроением умов в народе и что в Крагуеваце, например, командующий милицией воевода Книшанин принимает меры для противодействия настроению и произносит речи, враждебные России. Однако меры эти не достигали цели. Наш генеральный консул приводил в своем донесении письма влиятельных лиц, которые определенно заявляли, что по соглашению между всеми выдающимися людьми округа решено не только ни в чем не противиться воле «нашей покровительницы» (т. е. России), но действовать против всякого, кто желал бы заменить ее покровительство чьим-либо другим⁷⁵.

Известие о разрыве наших дипломатических сношений с Турцией вызвало, как свидетельствует Туманский, в сербском правительстве желание сблизиться с Портой и с западными державами⁷⁶. Французский консул настаивал на этом, обещая, что Сербия, примкнув к стану наших врагов, окончательно освободится от тягостного покровительства России. Политика князя Александра, помнившего историю первого своего избрания и сохранившего чувство обиды за протест России, вызывала в стране крайнее беспокойство. Старшее духовенство и нотабли обращались к нашему консулу за советом, и он должен был их успокаивать, рекомендуя им терпение и веру в заботу России о судьбах сербского народа. К Белградскому митрополиту, который предпринял в то время путешествие по стране, являлись депутации и толпы народа, требуя разъяснений по поводу слухов об отказе правительства от покровительства России и угрожая всем, кто мог решиться на нечто подобное⁷⁷.

Между правительством князя Александра и народом разверзлась пропасть, но оно упорно держалось принятого курса, как бы не замечая этой пропасти. Несмотря на уверения посланного в августе 1853 года в Сербию Фонтана, будто страна спокойна и полна доверия и будто сербское правительство единодушно с народом в самом благоприятном для России расположении⁷⁸, известно, что князь Александр и его советники неизменно до конца войны придерживались самого строгого нейтралитета.

Эта политика не принесла Сербии никаких выгод. Она, согласно статье 28 мирного Парижского трактата, осталась, как была и до войны, вассальным княжеством с правами самостоятельного внутреннего управления, свободы Церкви, законодательства, торговли и судоходства, основанными на султанских гатти-шерифах и «поставленными вперед под общую гарантию держав, участвующих в трактате».

Греция, провозглашенная независимой национальным собранием 15 января 1822 года и объявленная Лондонской конференцией 3 февраля 1830 года монархией, с определением ее территориальных границ, могла бы по своей величине и по своему положению оказать нам существенную пользу, но правительство ее и король находились под влиянием западных держав. Впрочем, энергичное содействие этой страны было бы полезно только при развитии наших наступательных операций внутри Балканского полуострова; симпатии же простого народа не могли при отдаленности территории от театра военных действий принести нам существенной пользы.

Греки, оставшиеся за пределами нового королевства, считали его образование лишь первым шагом на пути восстановления Византийской империи, первым звеном той цепи, которую предстояло выковать в будущем. Особенно волновалось население пограничных с Грецией областей, единокровное с освободившимися греками, столетиями жившее одной с ними жизнью и принимавшее участие в борьбе за независимость.

Петербургский кабинет знал об этом недовольстве греков и принимал его во внимание ввиду возможных случайностей, которыми были чреваты надвигавшиеся события.

Наш посланник в Афинах Персиани сообщал⁷⁹, что известный циркуляр графа Нессельроде от 30 мая 1853 года был принят в Греции восторженно, что нет более партийности, так как все слилось в симпатии к России, что усилия Франции и Англии поколебать в Греции наше влияние лишь способствовали его укреплению и прочности. Манифест о вступлении наших войск в Придунайские княжества вызвал в Греции, по свидетельству Персиани, неописуемый энтузиазм и возрождение надежд на восстановление Византийской империи.

Через несколько месяцев⁸⁰ Персиани сообщал о полной готовности греческого населения не только в королевстве, но и в Румелии к вооруженной борьбе. Духовенство, купечество, тайные общества (известные *гетерии*), все сословия лишь ожидают сигнала, чтобы восстать против турок, а гетерии собирались даже отправить официального представителя в Петербург.

Такие известия из Афин в связи с возникшими в Эпире волнениями давали основание для учета роли будущего греческого восстания в предстоящих событиях. Князь Варшавский коснулся в письме к государю⁸¹ этого вопроса весьма недвусмысленно. «Если это правда (т. е. что греки готовят восстание), — писал фельдмаршал, — то в случае серьезной наступательной войны против Турции почему бы нам сим не воспользоваться? Почему не пригласить греков действовать с нами заодно и даже почему не обещать им каких-либо округляющих Грецию провинций? Греция от того сильнее не будет, а нам сие может быть полезно тем, что отвлечет горных пашей, которые в случае похода к Адрианополю были бы у нас во фланге, а потом и в тылу. Разумно сие предложение сделать не теперь, для того чтобы не компрометировать Грецию перед Англией, у которой море в руках...»

Последнее замечание князя Варшавского свидетельствует о том, что он отдавал себе отчет в крайней трудности для греков поврать их отношения с Великобританией, ставшей уже в то время достаточно определенно на сторону Турции. Англия принимала самое близкое участие в судьбах Греции в недавние годы борьбы за независимость, и ее покровительство молодому королевству имело для последнего реальную, осязаемую ценность. Ни греческое правительство, ни представители греческого общества не могли брать на себя ответственности за последствия разрыва с Англией.

Опасность греческого восстания, которому несомненно сочувствовала и которое в Эпире и Фессалии поддерживала официальная Греция наравне с народом, заставила западные державы принять по отношению к греческому правительству решительные меры. Они опубликовали известный разговор императора Николая с сэром Гамильтоном Сеймуром, подчеркивая исключение государем возможности восстановления Византийской империи, что, естественно, вызвало среди греков некоторое разочарование, а затем прямо потребовали от правительства короля Оттона, чтобы Греция осталась безусловно нейтральной. В мае 1854 г. в Пирее появилась англо-французская эскадра, и союзные войска высадились на греческую территорию.

Босния и Герцеговина, совершенно разоренные событиями 1852—1853 годов, не могли принять вновь участия в борьбе с турками, а хабрая, но далекая Черногория, хотя и могла пожертво-

вать для общего дела всем своим достоянием, была мала и далека, поэтому ее помощью можно было воспользоваться лишь при участии в восстании со стороны сербов.

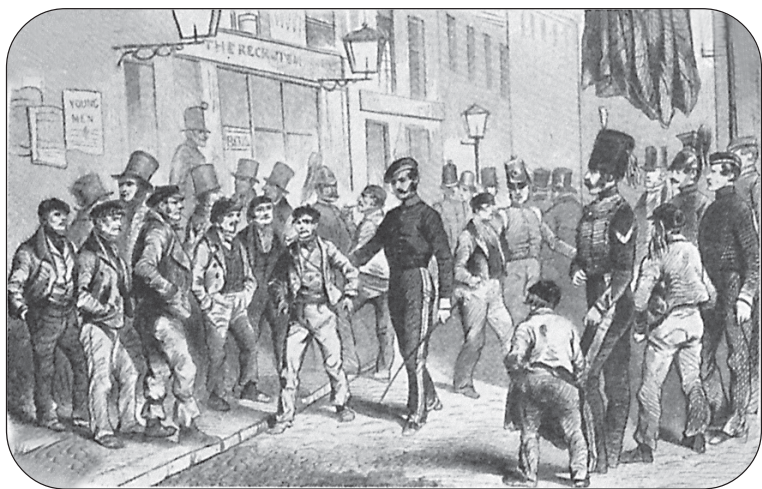
Кроме приведенных выше причин на успешную подготовку участия христианских народностей в нашей борьбе с Турцией должен был повлиять также известный уже взгляд императора Николая, который опасался встретить в этом святом для него деле революционные попытки наиболее горячих голов. Государь считал возможным приступить к нему только при соответственной подготовке подвластных мусульманам племен воспринять свободное политическое существование в форме, обеспечивающей как это существование, так и спокойствие соседних государств. Недружелюбное к вопросу об освобождении христиан отношение и, скажем более, противодействие со стороны Австрии также не должно было остаться без неблагоприятного влияния на успех дела.

Из всех предположений государя о мерах воздействия на Оттоманскую Порту было видно, что он полагал обратиться к восстанию христиан лишь только в том случае, когда упрямство Турции может повести к падению и разложению этой монархии. Император Николай, считая, что такое время еще не настало и что турки не доведут своего сопротивления до столь серьезных размеров, первоначально подходил очень осторожно к этому щекотливому вопросу и лишь допускал участие местных волонтеров в рядах нашей армии; но, по мере того как к спору России с Турцией примешивалась открытая враждебность западных держав, государь признал, что восстание христиан должно осуществиться, хотя под влиянием отчасти канцлера, отчасти других причин, благоприятное время было упущено, и это сильное в русских руках оружие заглохло безрезультатно.

На просьбе князя Горчакова, обращенной к военному министру тотчас по входе наших войск в княжество, о высылке в Бухарест 10 тысяч ружей для вооружения в случае надобности болгар или вообще христианского населения Турции⁸² государь начертал: «*Выдавать их некому*»⁸³, ибо возбуждать к восстанию не хочу», а военный министр добавил к этому, что доставление ружей «может возбудить толки, с намерением Его Величества несогласные»⁸⁴.

Несколько позднее, а именно 30 сентября, князь Михаил Дмитриевич вновь затронул вопрос о привлечении к борьбе с турками балканских христиан и на этот раз встретил со стороны государя более сочувствия к своей мысли⁸⁵.

Горчаков предлагал для отвлечения западных держав от участия в войне с нами «напугать их» возможностью решительной войны против турок на будущий год, с призывом к оружию и к свободе всех христианских народностей Турции. («*Certe*», —

Вербовка в Англии

пометил государь.) Однако князь сознавался, что эта мера будет очень сильная и повлечет за собой одно из двух: или почетный для России мир, или же принудит нас завладеть Болгарией, а может быть, и окончательно покончит с турками.

Единственной воинственной нацией, на которую можно было рассчитывать, Горчаков считал сербов, но для того, чтобы они восстали, необходимо было или наше присутствие в Болгарии, или же призыв со стороны России к их независимости. («Так и будет», — пометил государь.) В молдово-валахах автор письма находил мало крови в жилах и считал, что высшие классы, которые бредили о романской империи, были враждебны нам. На болгар же можно было рассчитывать только тогда, когда мы дойдем до подножия Балкан; до того же времени они за оружие не возьмутся. В провинциях, соседних с Грецией, гетерия много поработала над народом, и, по мнению Горчакова, не было ничего невозможного в том, что они восстанут раньше нашего к ним приближения.

С этого времени были сделаны распоряжения об увеличении молдово-валахских войск и начался прием волонтерами болгар и греков, которые являлись в обилии, но сербов князь Горчаков принимать не решался, что вызвало следующую пометку государя от 28 октября: «Отвечать, что предоставляется кн. Горчакову приступить к тому, что ему удобнее кажется; ежели формироваться будут волонтерные роты, то можно брать в них и греков, и сербов, но стараться *каналлий*⁸⁶ не брать»⁸⁷.

В последующей своей переписке с государем князь Горчаков неоднократно возвращался к вопросу о восстании христиан. Так, в письме от 13 декабря⁸⁸ он высказывал мысль о пользе отправки после нашей переправы через Дунай особого отряда войск в Сербию в том случае, если народ поднимется против турок. Он полагал, что, «увидев русский мундир у себя, сербы бросятся на турок, и тогда наше дело будет их к сему поощрять, не делая, впрочем, никаких преждевременных воззваний от имени русского правительства, чтобы не компрометировать его ни против нейтральных держав, ни против самих восставаемых племен, если бы обстоятельства указали пользу мира с турками без изгнания их из Европы».

Одновременно с этим князь Горчаков сообщал и о предложении греческой гетерии произвести восстание в ближайших к Греции провинциях, но считал это преждевременным как по неблагонадежности прибывших в Бухарест представителей, так и потому, что восстание гетерии на юге, против воли греческого правительства, могло иметь последствием занятие этой страны войсками враждебных нам держав.

Между тем все усиливающееся недоброжелательство западных держав, которое успело выясниться с достаточной очевидностью, заставило императора Николая откинуть свои опасения относительно привлечения к борьбе христианских народностей, и он в собственноручной записке, предназначенной для государственного канцлера, высказал замечательные по этому поводу мысли. Казалось, предания Священного союза, связавшие Россию по рукам и ногам, готовы были, наконец, порваться, и русскому государственному эгоизму предстояло вступить в свои законные права, но и в данном случае злой рок воспрепятствовал осуществлению благих и широких намерений государя.

«Непозволительные заявления лорда Абердина, — писал император Николай в своей записке⁸⁹, — заключающие в себе явные намерения затруднить наши действия на море и дозволить в то же время туркам действовать против нас этим же путем⁹⁰, вынуждают обратиться к комбинации, способной вести нас прямо к цели, увеличив наши наступательные средства и обеспечив их от нападения англичан.

Кажется, что английское правительство, взяв сторону турок, предвидит, что в скором будущем эта империя не в состоянии будет более существовать в Европе, и придумывает уже, каким бы образом обратить последствия этого изгнания против нас. Для этого, может быть, оно само станет *во главе освобождения еврейских христиан* с целью дать им в будущем такое устройство, которое шло бы совершенно вразрез с нашими существеннейшими интересами⁹¹.

Не представляется ли, следовательно, нашим настоятельным долгом предупредить этот гнусный расчет и объявить теперь же всем державам, что, сознавая всю бесполезность общих усилий обратить турецкое правительство на путь справедливости и вынужденные к войне, исход которой не может быть определен заранее, мы остаемся верны провозглашенному уже раньше принципу отказаться, по возможности, от всякого завоевания, но вместе с тем признаем, что наступило время восстановить независимость христианских народов Европы, подпавших несколько веков тому назад оттоманскому игу. Принимая на себя почин этого святого дела, мы взываем ко всем христианским нациям присоединиться к нам для достижения такой священной цели. Дело идет не только о православных, но и о судьбе всех без различия христиан, подвластных мусульманскому владычеству в Европе.

Таким образом, мы провозгласим желание действительной независимости молдово-валахов, сербов, болгар, босняков и греков с тем, чтобы каждый из этих народов вступил в обладание страной, в которой живет уже целые века, и управлялся бы лицом, *избранным ими самими из среды своих же соотечественников.*

Я думаю, что сделанное таким образом воззвание, или декларация, должно произвести быструю перемену во мнении всего христианского мира и привести его, быть может, к более правильным понятиям об этом важном событии, или, по крайней мере, освободить его от исключительного и злонамеренного руководства английского правительства.

Я не вижу другого средства положить предел недоброжелательству англичан, так как невероятно, чтобы после подобного заявления они решились примкнуть к туркам и сражаться вместе с ними против христиан.

Разумеется, после достижения первоначальной цели будущее устройство освобожденных областей должно быть предоставлено общему соглашению. Несомненно, что оно представит еще немало затруднений, но я вполне убежден, что разрешение их не встретит непреодолимых препятствий; к тому же, если успех увенчает *нашу попытку*, то представится более вероятия одержать верх и в остальных *наших намерениях.*

Было бы крайне необходимым ознакомиться с намерениями этих провинций, отправив немедленно на места способных людей, чтобы поскорее собрать положительные данные о настоящем настроении этих народов и о той помощи, которую мы можем ожидать с их стороны.

Люди, подобные Ковалевскому, были бы для этого неоценимы. Это следовало бы сделать относительно сербов и босняков, так как все, что касается болгар, нам известно. Надо также немедленно вызвать сюда депутацию молдово-валахов, составленную

Вербовка в Лондоне

из наиболее рассудительных бояр и духовенства, чтобы ознакомить их с нашими намерениями насчет их будущности и тем склонить на сторону этого проекта».

Такие смелые и неожиданные для графа Нессельроде из уст императора Николая мысли должны были произвести на престарелого канцлера впечатление нечаянно ударившего грома. И они таковое произвели. «Я нахожусь под ужасным впечатлением последнего разговора, которым Ваше Императорское Величество меня удостоили», — всеподданнейше писал граф Нессельроде 8 ноября⁹² и просил разрешения представить доклад, в котором он намечал «подводные камни» на пути приведения в исполнение нового плана государя. Канцлер находил, что время обращения к восстанию христиан выбрано неудобно и что будет гораздо лучше, если это восстание появится само собой, как следствие военных действий. Граф Нессельроде признавал возможным в виде уступки немедленно приступить к некоторым подготовительным мерам. Для убеждения императора Николая канцлер прибег к старому, испробованному им и никогда не дававшему отказа, средству. Он выставил противоречие проекта государя с политическим направлением, которого мы неуклонно придерживались почти полстолетия, и невозможность для консервативной Европы следовать за Россией по этому новому пути.

В обширном докладе, который был приложен к письму⁹³, канцлер подробно развивал свою мысль. Он сознавал, что освобождение

христиан от мусульманского ига должно когда-либо совершиться в силу самой необходимости, и весьма вероятно, что появление наших войск на правом берегу Дуная послужит толчком к общему их восстанию, но преждевременные попытки их к этому, до возможности немедленного оказания им помощи нашими войсками, поведут лишь к зверскому подавлению их турками. С другой стороны, такой шаг подрывал еще бывшую у графа Нессельроде надежду покончить обострившуюся распрю на Дунае при помощи дипломатических нот и трактатов, тогда как освобождение христиан немыслимо без падения оттоманского владычества в Европе, на что никоим образом не согласятся ни Англия, ни Франция.

Наши шаги в этом направлении усилят недоверие к нам всей Европы и дадут право упрекать императора Николая в том, что под видом выполнения святой идеи заступничества за своих единоверцев он содействовал образованию на Балканском полуострове новых государств, которые подпали бы под власть России.

Но что более всего пугало старого дипломата времен Священного союза и верного хранителя его заветов, так это боязнь упрека Петербургскому кабинету в непоследовательности и в измене тем принципам, которые руководили русской политикой в течение последних сорока лет; короче, канцлер боялся, что сильная воля императора Николая сорвет наконец путы австрийской опеки и в тяжелый час наступившей грозной борьбы станет руководствоваться лишь интересами собственной страны. Эта часть доклада графа Нессельроде отличалась особой страстностью. Он не понимал, как Россия, которая всегда протестовала против националистических стремлений поляков, венгров, итальянцев, горцев Кавказа и даже молдово-валахов, сама поднимет знамя восстания христианских подданных султана. Правда, балканские народности освобождались от ига мусульманского, но это не уменьшало нашей непоследовательности, так как мы противились в свое время свободе гетерии в Греции и освободительной пропаганде Парижа и Лондона на том же Балканском полуострове. Консервативная Европа, заключал канцлер, будет иметь право возражать нам словами всех наших заявлений, в которых мы постоянно уверяли, что, вступая в пределы княжеств, мы не предпримем ничего, что могло бы вызвать восстание христианского населения против султана.

По мнению автора доклада, вопрос представлялся совершенно в другом виде, если мы будем вынуждены необходимостью вести против Порты беспощадную войну, что, весьма вероятно, послужит сигналом к поголовному восстанию христиан без всякого с нашей стороны подстрекательства, и это событие мы можем принять тогда как свершившийся факт. При решительном движении значительных сил, которые мы должны будем выставить на театр

военных действий, и при согласовании этого движения с восстанием христиан Оттоманская империя не будет в состоянии выдержать такого удара и перестанет существовать. Конечно, Англия и Франция не возьмут на себя труда вновь завоевывать в пользу султана шаг за шагом освобожденную уже территорию, защищаемую Россией и христианскими народами, готовыми умереть с оружием в руках за свою национальную независимость. Тогда мы можем провозгласить их независимость перед лицом всего мира, и это будет носить на себе характер такого беспристрастия и великодушия, перед которыми смолкнут недоброжелательность и недобросовестность. В настоящее же время канцлер предлагал ограничиться лишь собиранием на месте данных как о размере возможного восстания, так и о необходимой для этого с нашей стороны материальной помощи.

Государь, оставив без возражения всю увещательную часть доклада, остановился лишь на нарисованной графом Нессельроде картине самостоятельного восстания христиан, признав ее вполне верной и соответствующей его взглядам, так как проектируемые им меры он предполагал применить только после перехода нами на правый берег Дуная.

В заключение своей записки канцлер успокаивал государя, что вся комбинация о восстании христиан, появившаяся лишь вследствие ожидания коварного поведения англичан, которые при неудачной для турок войне могут взять на себя инициативу освобождения подвластных им племен и нового устройства их на основаниях, враждебных России, есть лишь случай, на который трудно рассчитывать. Турция в начавшихся военных действиях проявила такую силу и энергию, которые не позволяют мечтать о скором ее падении, и, по мнению канцлера, нам в настоящее время следовало главным образом обратить внимание на то, чтобы увеличить свои силы и этим заставить смириться турок и наших западных недоброжелателей. Если же дела примут дурной для турок оборот, то тогда лишь настанет время изыскивать средства противодействовать устройству враждебного для нас быта балканских христиан.

Император Николай не соглашался, однако, со взглядом своего канцлера и на полях записки начертил:

«Я не разделяю вашей спокойной уверенности. Я убежден, что англичане, так мало разборчивые в средствах, не задумаются переменить свою роль, как только убедятся в том, что шансы войны склоняются на нашу сторону, и с этой минуты пожелают обратиться в освободителей христиан, чтобы лишить нас инициативы в этом предприятии. Преследуя без всякого стеснения исключительно свои личные интересы, они постараются придать делу освобождения такое направление, которое, по их мнению,

окажется для нас самым вредным. Должны ли мы допустить это? Полагаю, что нет.

Провозглашение освобождения должно быть сделано нами лишь *тогда*, когда мы будем *наверное* знать, что христиане не только желают освобождения, в чем не может быть сомнения, но что они готовы действовать при нашей поддержке, не щадя жизни и с напряжением всех своих усилий».

Мнение графа Нессельроде восторжествовало. Все было отложено в долгий ящик, и лишь для успокоения государя делались слабые, разрозненные попытки сношения с балканскими христианами. А между тем 26 декабря барон Мейендорф донес из Вены, что по сведениям, полученным из Константинополя, представители четырех великих держав требуют у Османской Порты освобождения ее христианских подданных. Император Николай написал на этой депеше следующие многозначительные слова: «Вот оно, не прав ли я?»

По некоторым данным можно судить, что на желание государя выдвинуть в нашей борьбе с Турцией вопрос освобождения христиан оказали известное влияние и политические записки главы московских славянофилов М. П. Погодина, к которым, по словам Мартенса, государь начал серьезно относиться; многочисленные же пометки императора Николая на этих записках подтверждают такое мнение. С другой стороны, графиня А. Д. Блудова в своем письме к Погодину, относящемся к концу 1853 года, сообщала, что изменение во взглядах императора Николая на вопрос об освобождении христиан, «к несчастью, никак еще не проникает до дипломатии нашей, и она все находит средство сделать вялыми и бесцветными самые хорошие предположения»⁹⁴.

И действительно, нельзя не согласиться с одним из наших современников, который говорит⁹⁵, что император Николай в то время был странно одинок в своей политике. Его дипломатическая канцелярия работала в идее европейского концерта; он тоже напряженно работал, но совершенно отдельно от нее, следуя своему чутью русского человека. В годину испытаний он не нашел в своем Министерстве иностранных дел ни одного живого, действительно творческого, совета; напротив, наша дипломатия, соединенная давними традициями «школы», направляла все свои усилия на то, чтобы разрушить в государе все пугавшие ее намерения, которые возникали в нем из ясного сознания практической пользы.

Не могли не воздействовать на высказанное направление мыслей императора Николая относительно возбуждения христианских народностей и донесения с мест наших дипломатических агентов. С одной стороны, государю доносили об усиленной деятельности английских консулов в Болгарии, которые со времени занятия нами княжеств начали проявлять особую заботливость о

Карикатура на вербовку англичан

болгарском населении, уверяя, что Англия всеми силами хлопочет улучшить его положение, и советуя не надеяться на Россию и не верить ее обещаниям⁹⁶. С другой стороны, сообщали, что одно появление в Сербии нашего агента Фонтана произвело ошеломляющее впечатление и привело руководителей народной партии в восторг, но нельзя того же сказать относительно турок и лорда Редклифа, «которые очень ясно увидали, что успокоение этой страны зависит исключительно от воли государя императора»⁹⁷.

Донесения из Афин характеризовали настроение всего населения Греции и Румелии совершенно подготовленным к сильному и общему восстанию. Духовенство, купечество и многочисленные тайные общества вели усиленную пропаганду против власти султана; партия гетерии хотела даже послать в Петербург особого делегата⁹⁸. Но вместе с тем страна эта была полна политических интриг и распространяемых против России враждебных вымыслов, хотя греческая пресса выражала, в общем, симпатии к нам и ненависть к морским державам⁹⁹. Во главе русофильской партии стояла королева, которая открыто и даже демонстративно выказывала симпатии к России, «но чем королева была отзывчивее, тем король был сдержаннее, что, как доносил Персиани¹⁰⁰, составляло оригинальную противоположность с благородной откровенностью его августейшей супруги». К сожалению, наш дипломат очень поздно выяснил истинную причину сдержанности короля эллинов.

Вообще сообщения этого дипломата о положении Греции были несколько разноречивые. Так, донося 20 ноября¹⁰¹ о недовольстве Лондонского кабинета на то, что афинское правительство не принимает достаточно энергичных мер, чтобы обеспечить спокойствие соседней и союзной Турции, если бы таковому что-либо угрожало, он утверждал, что народ остается спокоен к возбуждению против мусульман. По словам этого донесения Персиани, нельзя было рассчитывать на что-либо серьезное, пока наши войска не перейдут Дунай, так как греки боятся своим преждевременным движением ухудшить положение остальных христиан, подвластных Порте. В депеше же от 4 декабря¹⁰² наш посол, восхваляя спокойное и созерцательное положение, принятое королем по отношению к надвигающимся событиям, присовокуплял, что такое поведение не удовлетворяет страну, которая жалуется на неподвижность своего правительства. Не разобравшись ни в трудном положении Греции, удаленной от России и находившейся под физическим давлением вооруженных сил морских держав, ни в настоящих намерениях короля, он усыплял Петербургский кабинет тем, что «король и королева все свои надежды основывают исключительно на могущественной поддержке нашего Августейшего Повелителя»¹⁰³.

Тем временем на Дунае шли разрозненные попытки сбора волонтеров, возложенные на генерала Салоса и на гвардейской конной артиллерии полковника Костанду. Хотя князь Горчаков и доносил, что жители с энтузиазмом встретили весть о формировании волонтерных батальонов, и поступающим в них было назначено очень большое по тому времени содержание от русского правительства¹⁰⁴, но к марту в обоих княжествах набралось всего 2037 человек волонтеров¹⁰⁵. Что же касается принятия на нашу службу греческих уроженцев, то, несмотря на ту пользу, которую они могли принести нашему Черноморскому флоту, к их приему относились очень сдержанно¹⁰⁶, так как государь в подобном предложении гетерии, сделанном против воли греческого правительства, готов был, по словам графа Нессельроде, скорее видеть гражданскую войну, чем демонстрацию против Турции в пользу ее христианских подданных¹⁰⁷.

Что касается настроения жителей княжеств, то в течение зимы, которую наши войска провели на левом берегу Дуная, оно не изменилось в нашу пользу. Народ, как доносил князь Горчаков¹⁰⁸, не думал о переменах в управлении и изменение существующего порядка встретил бы с равнодушием. Избавление от подданства Порты его не интересовало, так как с 1829 года оно его более не тяготило. Революционная партия в княжествах находилась под влиянием самых крайних социальных начал. Цель ее состояла в образовании на радикальных основаниях из обоих княжеств (Бол-

гории, Бессарабии) и части Трансильвании особого Романского государства. Чувствуя в России главную преграду к таким намерениям, партия эта всегда останется нашим врагом. Бояре не имели никакого чувства истинного патриотизма. Все их помыслы сводились к достижению разными происками господарского достоинства или прибыльных мест, для чего выгоднее было оставаться под главенством турок. Если, по мнению князя Горчакова, среди жителей княжеств и было какое-либо затаенное желание, то оно состояло в том, чтобы их области находились под общим покровительством всех великих держав.

В таком положении находился ко времени нашей переправы через Дунай вопрос о столь важном для нашего успеха деле, как поднятие восстания христиан с целью освобождения их от мусульманского ига, и, как видно, в положении, далеко не соответствовавшем характеру, мыслям и предположениям императора Николая Павловича.

И действительно, в самом скором времени государь должен был совершенно отказаться от мысли о существенной помощи болгар и греков.

На записке Погодина от 27 мая 1854 года, в которой говорилось, что с переходом наших войск через Дунай Болгария свободна и первый член славянского союза готов, государь начертал: «Отнюдь нет. Он рад чужими руками жар загребать, бежит, не дерется, а теперь вслед за нами покидает свой край»¹⁰⁹.

Что касается Греции, то ей пришлось подчиниться требованию англо-французов, поддержанному вооруженной силой. Это подчинение совпало с моментом, когда император Николай Павлович решил отправить к королю Оттону флигель-адъютанта подполковника Исакова с миссией заключения особого соглашения.

«Известие (о подчинении короля Оттона франко-английским требованиям), которое мне сообщено Вашим Величеством, — писал граф Нессельроде¹¹⁰, — может оказаться, опасаясь, смертельным ударом для восстания греческого населения. Если оно подтвердится, миссия подполковника Исакова будет бесцельна и беспредметна. Не соответствовало бы достоинству Вашего Величества посылать своего адъютанта к государю, который перестал быть независимым и стал фактически пленником наших неприятелей».

Вскоре греческий поверенный в делах Зографос подтвердил графу Нессельроде грустное известие¹¹¹. «Король фактически отрекся от престола; он не более как французский или английский префект», — надписал государь на докладе, отменив миссию подполковника Исакова. Всякая надежда на восстание греков исчезла, а мятеж в Эпире и Фессалии был отчасти подавлен турками, отчасти угас сам, когда его вожаки убедились в его бесполезности.

Примечания

- ¹ Т. I. Приложение № 218.
- ² Князь Горчаков — князю Меншикову 17 июня 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 4253.
- ³ Перевод с французского.
- ⁴ Письмо это помещено в журнале «Русская старина», январь 1876 г.
- ⁵ Князь Горчаков — военному министру 28 июля 1853 г., № 390. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 65.
- ⁶ «Разумеется», — начертал против этих слов император Николай.
- ⁷ Военный министр — князю Горчакову 29 августа 1853 г., № 986. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 65.
- ⁸ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.
- ⁹ Князь Меншиков — князю Долгорукову 28 сентября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 4254.
- ¹⁰ Князь Долгоруков — князю Меншикову 9 октября 1853 г. Там же.
- ¹¹ Приложение № 127.
- ¹² Курсив подлинника.
- ¹³ Военный министр — князю Горчакову 3 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.
- ¹⁴ Всеподданнейшее письмо от 14 ноября 1853 г. Там же.
- ¹⁵ См. приложение № 128.
- ¹⁶ Император Николай — князю Варшавскому 21 ноября (3 декабря) 1853 г. Приложение № 129.
- ¹⁷ Приложения № 130, 131.
- ¹⁸ «Быть может, вместо Видина», — пометил он в том месте, где Горчаков говорил об осаде Рушука.
- ¹⁹ Военный министр — князю Горчакову 1 декабря 1853 г., № 724. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.
- ²⁰ Приложение № 131.
- ²¹ Военный министр — князю Горчакову 9 декабря 1853 г., № 734. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.
- ²² Император Николай — князю Горчакову 1 (13) декабря 1853 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.
- ²³ Император Николай — князю Горчакову 9 (21) декабря 1853 г. Там же.
- ²⁴ Курсив подлинника.
- ²⁵ Письмо от 17 ноября 1853 г. Приложение № 132.
- ²⁶ Всеподданнейшее письмо князя М. Д. Горчакова. 13 декабря 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 88.
- ²⁷ Князь Горчаков — военному министру 9 декабря 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.
- ²⁸ Всеподданнейшее письмо князя Варшавского 5 (17) декабря 1853 г. Там же.
- ²⁹ Император Николай — князю Варшавскому 16 (28) декабря 1853 г. Собств. Его Велич. библ.
- ³⁰ Всеподданнейшее письмо князя Варшавского от 29 декабря 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

³¹ Приложение № 133.

³² Приложение № 134.

³³ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

³⁴ Император Николай — князю Горчакову 24 декабря 1853 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

³⁵ Курсив подлинника.

³⁶ Император Николай — князю Варшавскому 5 (17) января 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

³⁷ Император Николай — князю Варшавскому 26 января (7 февраля) 1854 г. Там же.

³⁸ Император Николай — князю Варшавскому 5 (17) января 1854 г. Там же.

³⁹ Как образчик той полной мощи, которую император Николай предоставил в это время князю Варшавскому в отношении плана кампании, мы помещаем в приложении № 135 малозначащую, но характерную в этом отношении записку государя к военному министру.

⁴⁰ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

⁴¹ Император Николай — военному министру февраль 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁴² Курсив подлинника.

⁴³ Приложение № 136.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Курсив подлинника.

⁴⁶ Всеподданнейшее письмо князя Горчакова 16 февраля 1854 г. из Браилова. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁴⁷ Курсив подлинника.

⁴⁸ Князь Варшавский — князю Горчакову 17 февраля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3358.

⁴⁹ Князь Варшавский — князю Горчакову 24 февраля 1854 г. // Русская старина. 1876 г., февраль. С. 388.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Паскевич — князю Горчакову 24 февраля 1854 г., № 138. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3358.

⁵² Император Николай — князю Горчакову 24 февраля 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

⁵³ Князь Варшавский — князю Горчакову 25 февраля 1854 г. // Русская старина. 1876 г., февраль. С. 392.

⁵⁴ Записка князя Варшавского 25 февраля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3358.

⁵⁵ Князь Варшавский — князю Горчакову 27 февраля 1854 г., № 26. Там же.

⁵⁶ В этот же день, по словам князя Варшавского, относящимся к позднейшей эпохе, им была представлена государю новая всеподданнейшая записка, в которой, как говорит фельдмаршал, он шел против мнения всех «в ту минуту, когда, в порыве безумия, мы готовились закидать всю Европу шапками». Мы не пользуемся этой запиской для исследования планов предстоявших военных операций, так как не имеем никаких документальных данных о том, что это произведение фельдмаршала действительно было

представлено императору Николаю; не можем также фактически утверждать, что оно вышло из-под пера князя Варшавского позднее, когда над Россией пронеслась уже кровавая туча, сведшая в могилу царя-рыцаря. Но сам факт появления в свет записки Паскевича, весьма заботившегося, по словам современников, о том, что о нем будет писать история (Записки П. К. Менькова, т. II), настолько характерен, что мы считаем необходимым не только здесь упомянуть о нем, но даже и привести этот интересный документ.

Надо заметить, что в наших архивах с замечательной аккуратностью сохранились не только все письма и записки, восходившие до государя, но даже и второстепенные; той же записки князя Варшавского, о которой идет речь, мы ни в одном архиве найти не могли. История сохранения ее для потомства состоит в следующем.

Осенью 1855 г., когда Паскевич был одержим уже своим смертельным недугом, князь Горчаков прислал ему обзор действий своих со времени вступления в командование Крымской армией. Фельдмаршал, не смотря на физические страдания, продиктовал 16 сентября 1855 г., по прочтении записки, свои замечания, которые, как он говорил, рано или поздно займут место в военной истории России. Замечания эти были диктованы в форме письма к князю Горчакову, которое, однако, не было отправлено по назначению. В 1868 г. письмо это было доставлено начальником штаба Виленского военного округа военному министру и ныне хранится в Воен. уч. арх. Гл. шт., отд. 1, д. № 839. В сокращенном виде оно было напечатано в «Русской старине» 1872 г. и в полном виде в Записках П. К. Менькова. Мы здесь приводим ту часть письма, которая относится к январю и февралю 1854 г.

«Признаюсь, — писал фельдмаршал князю Горчакову, — я виноват перед отечеством, что был отчасти причиной возвышения вашего на ту ступень, на которой вы ныне находитесь. Покойный государь был прав, когда он в феврале 1854 г. хотел после всех неудачных дел на Дунае и неосновательных распоряжений в княжествах отозвать вас из армии. Тогда я еще полагал, что вы с пользой можете служить России. Ныне, откладывая всякое самолюбие в сторону, откровенно сознаюсь, что я жестоко ошибался».

Из приводимого здесь разговора с покойным государем ваше сиятельство можете судить, что участь ваша была в моих руках. Мне достаточно было молчать для того, чтобы решить вашу судьбу. Это было в первых днях моего прибытия в Петербург, в 1845 г., когда я уже согласился принять командование над всеми войсками, расположенными на западной границе и в княжествах.

Я пришел к государю около 12 часов с докладом. Мы были в рабочем его кабинете, где он впоследствии скончался. Государь был чрезвычайно грустен. Несколько минут продолжалось молчание. Наконец он обратился ко мне со следующими словами:

— Отец-командир! Я весьма недоволен распоряжениями Горчакова. Сражения под Ольteniцей и Четати служат явным доказательством вовсе необдуманного плана, словом сказать, во всех его действиях видны нерешительность и суета. Судя по ходу всех его дел, мне кажется, что он неспособен быть главнокомандующим. Сомневаюсь даже, будет ли он в

состоянии командовать во время войны отдельной частью? По всем этим соображениям, я полагаю отозвать его из армии и тебе предоставляю избрать себе, кого хочешь, в начальники штаба.

Сознаюсь, я был крайне удивлен, услышав столь резкое суждение и почти приговор над человеком, служившим всегда с большим отличием. Прошло несколько минут, пока я собрался с мыслями. Вот, кажется, слово в слово ответ мой государю:

— Позвольте, ваше величество, сказать несколько слов в оправдание князя Горчакова. Я его знаю с лишком 23 года, знаю его храбрость и способности. У нас в армии нет человека, который бы с большей пользой мог занять во время войны место начальника штаба. Его обширные сведения по всем частям управления армией, его военные способности, смею думать, не подлежат сомнению. Нельзя осуждать главнокомандующего, находящегося от своих отрядов во ста и более верстах, в ошибках, сделанных под Ольтеницей и Четати. За всем тем не могу не обвинить Горчакова в том, что, не следуя великой истине, сказанной Наполеоном, держать войска свои всегда в кулаке, он растянулся с малочисленными своими отрядами на 600 верст.

Государь, выслушав меня с большим вниманием, изволил сказать:

— Дай Бог, отец-командир, чтоб я ошибался. Желаю тебе верить.

После сего разговора государь уже ни разу не говорил и не намекал о вызове вашего сиятельства из армии.

Будучи обязан в действиях моих отдать отчет потомству, я откровенно соглашаюсь в моей ошибке и прошу соотечественников моих простить мне, что я в заблуждении моем еще в 1854 г. считал ваше сиятельство способным быть самостоятельным начальником.

Сознание это доставляет мне некоторое облегчение, а в минуты тяжких страданий и душевного негодования мне отраднo вспомнить, что до начала войны, когда еще можно было предупредить все бедствия, постигшие впоследствии Россию, я против мнения всех в эту минуту, когда, в порыве безумия, мы готовились закидать всю Европу шапками, осмелился 27 февраля 1854 г. представить покойному государю записку следующего содержания:

«Четыре европейские державы предлагают нам свой ультиматум. Мы находимся в том положении, что теперь вся Европа против нас, на море и на сухом пути. Англия, Франция, Турция уже объявили войну; Австрия, можно сказать, на их стороне; Пруссия может быть также увлечена скоро. Никогда еще Россия не бывала в таких тяжких обстоятельствах.

При императоре Александре Павловиче, в 1812 г., Англия была за нас; с Турцией успели заключить мир; неограниченное властолюбие Наполеона заставило задолго предвидеть 1812 год и дало нам полтора года на приготовления. В 1810 г. мы уже могли начать формирование новых полков; весь 1811 г. устраивали резервы и магазины в тылу и потому в 1812 г., начав отступление до самой Москвы, пополняли убыль в войсках резервами.

Ныне обстоятельства так быстро изменились, что не дали нам возможности приготовиться. Дай Бог, чтобы я ошибался, но мне кажется, что нельзя уже сомневаться, что Пруссия будет действовать вместе с Австрией против нас.

Имея двух неприятелей в центре, тогда как французы высадятся на Черноморских берегах, австрийцы из Трансильвании выйдут на коммуникации нашей Дунайской армии, а пруссаки обойдут фланг в Литве, мы уже не можем держаться ни в Польше, ни в Литве, а отступая, не найдем магазинов.

Европа может повторить кампанию 1812 года, но, вероятно, избегнет ошибок Наполеона. Она будет вести войну методически, отбросит нас за Днепр и, отняв Польшу, усилится нашими крепостями в Царстве и в Литве. Несчастья и потери тогда России — трудно теперь предвидеть.

Таковы, мне кажется, последствия войны теперь со всей Европой: пока она в соединении, мы с нею бороться не в силах. Нам дорого время; чтобы выиграть его, думаю, что на ультиматум ее можно бы отвечать, что предложения принимаются с тем, чтобы назначить сроки нашего выступления из княжеств в одно время с выступлением неприятельских флотов:

1-й срок. Мы очищаем Малую Валахию; флот выходит из Черного моря;

2-й срок. Мы выходим из Большой Валахии; флот — из Босфора;

3-й срок. Мы очищаем Молдавию; флот оставляет Дарданеллы.

О последнем условии лучше даже умолчать, ибо нет надежды, чтобы оно было принято. Для определения сроков и приготовлений к отступлению заключить перемирие на шесть недель. Шесть недель нам очень важны, для нас каждый день дорог! Отступая, мы не отдаем своей земли, но возвращаемся на свои границы. По крайней мере, мы удержим, может быть, Австрию и Пруссию, показав, что не желаем войны.

Австрия боялась бы сербов, но с нашим отступлением из Валахии ей нет предлога держать 50 тысяч на сербской границе. Если бы морские державы не согласились на наши предложения, то и тогда мы, по крайней мере, выиграем время; имея полтора-два месяца, успеем укрепить настоящую стратегическую позицию на Днестре; турки не войдут в княжества, а останутся в Болгарии.

В центре будут войска, соберем магазины; словом, займем стратегические пункты и приготовим продовольствие.

Европейским державам будет время одуматься. Их лихорадочное состояние, может быть, успокоится, и рассудок возьмет верх.

Конечно, мы и тогда не в состоянии держаться на центре, если и Пруссия против нас; но неужели нет возможности отделить ее от других держав и склонить в нашу пользу? Несчастья, которые могут постигнуть Россию в случае общего на нас восстания, будут неисчислимы и не скоро изгладятся. Если б их можно было предупредить, хотя бы с некоторыми уступками, которые всегда будут сравнительно менее важны и впоследствии при благоприятных обстоятельствах вознаграждаются.

Конечно, больно для самолюбия каждого русского решиться теперь уступить; но со временем Россия поймет, что от того зависела ее судьба, и благословит как спасителя того, кто великодушно решится теперь на жертвования!».

⁵⁷ Император Николай — военному министру 28 февраля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁵⁸ Курсив подлинника.

⁵⁹ Князь Меншиков — князю Горчакову 5 марта 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

⁶⁰ В это время в Севастополе было уже известно о назначении Паскевича главнокомандующим и о предстоящем прибытии его на Дунай.

⁶¹ Перевод с французского.

⁶² Император Николай — князю Горчакову 8 (20) марта 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

⁶³ Приложение № 137.

⁶⁴ Князь Варшавский — князю Горчакову 8 марта 1854 г., № 96/39. См. приложение № 138.

⁶⁵ Князь Варшавский — князю Горчакову 8 марта 1854 г., № 100. Там же.

⁶⁶ Русская старина, 1876 г., февраль. С. 394—396.

⁶⁷ Русский архив, 1889 г. Т. 1. С. 567.

⁶⁸ Рапорт полковника Диё от 26 декабря 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1854.

⁶⁹ Генерал Барагэ д'Илье — маршалу С. Арно 15 января (н. ст.) 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁷⁰ Генерал Барагэ д'Илье — маршалу С. Арно 24 февраля 1854 г., Париж. Архив Воен. мин.

⁷¹ Барон Мейендорф (наш посол в Вене) — канцлеру 15 (27) февраля 1854 г., № 39. Архив Мин. иностр. дел, 1854 г., карт. Vienne.

⁷² См. выше, глава VIII.

⁷³ Письма и донесения от 4 (16) апреля, 23 июля (5 августа) 1853 г. и др. Гос. архив, разр. III, д. № 124.

⁷⁴ Письмо от 12 (24) мая 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 44.

⁷⁵ Туманский — канцлеру 11 мая 1853 г., № 12. Гос. архив, разр. XI, д. № 1239.

⁷⁶ То же от 20 мая 1853 г., № 13. Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Барон Мейендорф — канцлеру 1 (13) сентября 1853 г., № 215. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1853.

⁷⁹ Персиани — канцлеру 26 июня 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. А, 1853.

⁸⁰ Персиани — канцлеру 18 сентября 1853 г. Там же.

⁸¹ Князь Варшавский — императору Николаю. 28 сентября (10 октября) 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 44.

⁸² Князь Горчаков — военному министру 27 и 28 июля 1853 г., № 389. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., по снар. войск, д. № 57 и № 62.

⁸³ Курсив подлинника.

⁸⁴ Военный министр — князю Горчакову 6 августа 1853 г., № 958. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 62.

⁸⁵ Князь Горчаков — военному министру 30 сентября 1853 г., с Высочайшими на нем пометками. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁸⁶ Курсив подлинника.

⁸⁷ Донесение князя Горчакова от 30 сентября 1853 г., № 1391, и пометка государя 10 октября 1853 г.; донесение князя Горчакова от 20 октября, № 1721, и пометка государя 28 октября. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 62. Письмо государя к князю Горчакову от 9 (21) октября 1853 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

⁸⁸ Всеподданнейшее письмо князя Горчакова 13 декабря 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 88.

⁸⁹ Собственноручная записка императора Николая в начале ноября 1853 г. Приложение № 139.

⁹⁰ Великобританское правительство объявило, что оно ничего не предпримет против положения, занятого Россией в княжествах на левом берегу Дуная, пока война не будет перенесена на правый берег; затем Англия предупредила, что она доставит материальную поддержку Турции только в случае атаки, направленной нами с моря против одного из турецких портов Черного моря. На депеше барона Бруннова, сообщившего это оригинальное решение Лондонского кабинета, император Николай 26 октября 1853 г. написал: «C'est infâme. Et les turcs pourraient inopinément passer la rive gauche; voilà un paradoxe digne des anglais. Ainsi c'est la guerre avec nous. Soit».

⁹¹ Курсив подлинника.

⁹² Всеподданнейшее письмо графа Нессельроде 8 ноября 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, 1853 г., карт. Доклады.

⁹³ Приложение № 140.

⁹⁴ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XIII. С. 18.

⁹⁵ «Дипломатические школы и практическая политика» С. А. — «Новое время», 13 января 1900 г., № 8577.

⁹⁶ Архив канц. Воен. мин., по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 35.

⁹⁷ Аргиропуло — Озерову 14 (26) августа 1853 г. Ад. № 201. Архив Мин. иностр. дел, 1853 г., карт. С.

⁹⁸ Персиани — канцлеру 18 сентября 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, 1853 г., карт. А.

⁹⁹ Персиани — канцлеру 28 августа 1853 г. Там же.

¹⁰⁰ Персиани — канцлеру 20 ноября 1853 г., № 961. Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Персиани — канцлеру 4 декабря 1853 г. Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ От 3 руб. серебра в сутки (батальонному командиру) до 15 коп. (рядовому), причем нижним чинам выдавалось еще по 11 коп. серебра кормовых в сутки.

¹⁰⁵ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 95.

¹⁰⁶ Взгляд нашего правительства на восстание греков в Эпире изложен в циркуляре графа Нессельроде от 2 марта 1854 г. См. приложение № 141.

¹⁰⁷ Князь Горчаков — князю Меншикову 26 января 1854 г., № 315. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

¹⁰⁸ Князь Горчаков — военному министру 27 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

¹⁰⁹ Записка Погодина от 27 мая 1854 г. Собств. Его Велич. библ..

¹¹⁰ Всеподданнейший доклад графа Нессельроде 22 мая 1854 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Доклады, 1854.

¹¹¹ Всеподданнейший доклад графа Нессельроде. 31 мая 1854 г. Там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава I.</i> Дипломатические переговоры до объявления войны (октябрь 1853 года)	5
<i>Глава II.</i> Сосредоточение русских войск на границе Княжеств (лето 1853 года) и распоряжения по занятию Княжеств	65
<i>Глава III.</i> Занятие Княжеств и действия в них до объявления войны включительно (июль — октябрь 1853 года)	114
<i>Глава IV.</i> Действия на Кавказе и на Черном море до разрыва с Турцией	171
<i>Глава V.</i> Действия Черноморского флота до Синопского сражения ..	221
<i>Глава VI.</i> Синопское сражение	270
<i>Глава VII.</i> Действия на Дунае в октябре и ноябре 1853 года	301
<i>Глава VIII.</i> Сражение при Четати 25 декабря 1853 года	346
<i>Глава IX.</i> Действия на Кавказе осенью и зимой 1853 года	387
<i>Глава X.</i> Отношение России к европейским державам до разрыва с Францией и Англией	447
<i>Глава XI.</i> План кампании на 1854 год. Мысли об освобождении балканских христиан	518

Научно-популярное издание

Андрей Медардович Зайончковский

**ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА
1853—1856**

**ТОМ II
Часть первая**

Главный редактор *Н. Л. Волковский*
Редактор *А. А. Санникова*
Технический редактор *И. В. Буздалева*
Корректоры *В. А. Преснова, В. Д. Чаленко*
Компьютерная верстка *А. А. Шуваловой*

ЛР № 03073 от 23.10.2000 г.

Подписано в печать 12.04.2002. Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Печать офсетная.

Гарнитура TimeRoman. Печ. физ. л. 18,0. Усл. печ. л. 30,24.

Тираж 5 000 экз. Зак. №

ООО «Издательство «Полигон»,
194044, С.-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 38/40.
Тел.: 320-74-24; тел./факс: 320-74-23

E-mail: polygon@spb.cityline.ru